

Сергей Шарапов

После победы славянофилов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ СЛАВЯНОФИЛОВ

КАК ОДОЛЕТЬ СМУТУ И УКРЕПИТЬ РОССИЮ

Диктатор (Политическая фантазия)

Иванов 16-й и Соколов 18-й (Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”)

У очага хищений (Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”)

Кабинет диктатора (Политическая фантазия. Завершение “Диктатора”)

СОЦИАЛИЗМ И ЕВРЕИ

Социализм как религия ненависти

Еврейский вопрос

СЛАВЯНОФИЛЫ В ЭКОНОМИКЕ

Экономика в самодержавном государстве

Теоретическая постановка вопроса об абсолютных (бумажных) деньгах

РОССИЯ НА ЧЕРНОМ МОРЕ. Письма из поездки в составе экспедиции
министра земледелия осенью 1894 года

ПРИМЕЧАНИЯ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ. Проект Олега ПЛАТОНОВА.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Русский человек заснул на 50 лет, а проснувшись, увидел обновленную процветающую Родину. За это время к власти пришли славянофилы, сумевшие воплотить в жизнь то, о чем они писали в своих трудах. Преодолев грядущую катастрофу, без революций и потрясений славянофилы создали новое великое государство, объединившее вокруг себя все славянские народы. Россия стала центром мощной славянской федерации с четырьмя столицами – в Киеве, Москве, Петербурге. Царьграде, объединившей кроме исконно русских земель Польшу, Чехию, Сербию, Хорватию, Грецию, Палестину. Внутренняя смута подавлена навсегда. Еврейский вопрос решен. Паразитизм в экономике и финансах, который несли международные еврейские банкиры и дельцы, ликвидирован твердой рукой. Церковь и государство слились в одно целое. Православным государством управляет царь, назначающий наместников в области. В его руках армия, внутренняя и внешняя политика, центральные финансы. Все же остальные вопросы на уровне прихода, уезда, области решают органы местного самоуправления. Бюрократия уничтожена. Все должностные лица избираются: на уровне прихода – церковным народом, а на уровне уезда и области – представителями приходов. Выборное начало установлено и в Церкви. Духовенство и епископы избираются церковным народом, патриарх – собором епископов. Старообрядческий раскол преодолен.

Русская церковь опрокинула рационалистическую идеологию католицизма с диктатурой “непогрешимого” папы и показала миру, что единственным живым христианским течением является Православие. Большая часть западно-христианского человечества покинула Рим и примкнула к вселенскому единству Православия.

Таким видел будущий мир великий русский мыслитель, ученый, писатель, прямой наследник учения славянофилов Сергей Федорович Шарапов.

2

С. Ф. Шарапов родился в 1855 году в дворянской семье, владевшей небольшим поместьем Сосновка Вяземского уезда Смоленской губернии. Образование получил во II Московской военной гимназии, а затем в Николаевском инженерном училище. Еще в гимназии Шарапов столкнулся с духом космополитизма и пренебрежением отечественными порядками, которые пронизывали большую часть дворянского общества. Недоросли первого сословия воспитывались преимущественно на западных понятиях и авторитетах. Первое, что они читали, вспоминал Шарапов, – это Майн Рид, Фенимор Купер, Вальтер Скотт, Диккенс, Жюль Верн, Масэ, Гумбольт, Шлейден, Льюис, Брэм. Русских авторов читали меньше, и были это чаще всего нигилисты: Помяловский, Решетников, Некрасов, меньше Писемский, Тургенев и Лермонтов, еще меньше Л. Толстой и Пушкин.

Позднее круг чтения расширялся опять же за счет иностранных авторов – Дж. Ст. Милля, Бокля, Дрэпера, Бюхнера, Вундта, также Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Считалось вполне нормальным и даже признаком хорошего тона читать запрещенные книги нигилистов, например Герцена, Чернышевского, Берви-Флеровского. Как рассказывал Шарапов, нередко было, когда воспитатели собирали учеников в кружок и прочитывали и с пространным толкованием “Что делать?” Чернышевского и “Азбуку социальных наук” Берви-Флеровского. Книги удивительно толстые и скучные, вызывающие у многих “благоговейную” зевоту. В высшей школе уже читали Маркса, Огюста Конта, Лассалья и других социалистических авторов, которых считали венцом прогресса.

“В результате такого чтения и воспитания, – писал Шарапов, – при переходе в высшие школы мы (дворяне – *О.П.*) были сплошь материалистами по верованиям (мы „верили“ в атомы и во все, что хотите) и величайшими идеалистами по характеру. „Наука“ была нашею религией, и если бы было можно петь ей молебны и ставить свечи, мы бы их ставили; если бы нужно было идти за нее на муки, мы бы шли... Религия „старая“, „попы“ были предметом самой горячей ненависти именно потому, что мы были религиозны до фанатизма, но по другой, по новой вере. „Батюшка“ читая свои уроки сквозь сон, словно сам понимал, что это одна формальность, и на экзамене ставил отличные оценки. Но нравственно мы все же были крепки и высоки. Чернышевский и Писарев тоже ведь учили „добродетели“ и проповедовали „доблесть“. Этой доблести, особой, юной, высокой и беспредметной доблести, был запас огромный. Мы были готовы умирать за понятия, точнее, за слова, смысл которых для нас был темен” [\[1\]](#).

Шарапов вспоминает, как организовывались тайные гимназические и студенческие библиотеки, кассы взаимной помощи, издавались рукописные и литографированные листки и журналы, которыми обменивались с другими учебными заведениями. Для довольно значительного слоя учащейся молодежи конспиративная, подпольная работа против “реакционного” правительства становилась смыслом жизни. В учебных заведениях тайно собирались социальные денежные фонды, делались пожертвования, нередко в крупных размерах, на революционную пропаганду. “... Мы готовы были на всякую антиправительственную демонстрацию, потому что от души ненавидели военную и всякую иную службу, жаждали, как манны небесной, конституции и за одно это священное слово, наверное, любой из нас выбросился бы из окна четвертого этажа”.

Несмотря на такое европейское воспитание, Шарапов, как в свое время Л. Тихомиров, пришел к выводу, что все, чему его учили воспитатели – нигилисты, революционеры, было вредным и неплодотворным. Он понял, что здоровое развитие России может совершаться не революционным, а

мирным, национальным путем. У него происходит разрыв со многими сверстниками, мечтавшими о революции и конституции. Шарапов выступает за реформирование России на национальных началах, за усиление ее могущества под властью царя.

После окончания Николаевского инженерного училища в 1875 году Шарапов добровольцем уходит на войну с Турцией, угнетавшей славянские народы. Добровольческое движение возглавляли Славянские комитеты и лучшие люди России А. А. Киреев, М. Г. Черняев, И. С. Аксаков и другие славянофилы. На Балканах произошла конфронтация не просто между Россией и Турцией, но прежде всего между Россией и западным миром, провоцировавшим Турцию на столкновение с Россией.

С руководителем Московского славянского комитета И. Аксаковым у Шарапова складывались хорошие отношения, переросшие в тесное сотрудничество. На войне с турками Шарапов убедился, какой серьезной, организующей силой могут быть славянофилы. Именно они создали высокий патриотический подъем, объединили в одно целое добровольцев и солдат русской армии, что позволило наголову разгромить турок и вынудить их на подписание мира. На этой войне Шарапов получил несколько серьезных уроков, повлиявших на его дальнейшую жизнь.

Во-первых, именно здесь, на Балканах, Шарапов воочию увидел двуличие и антирусский характер политики западных стран, использовавших Турцию для ослабления России и создания в ней революционной ситуации. Он понял, как Запад стремится столкнуть Россию с национального пути, создав в ней "пятую колонну" из космополитической части правящего слоя и интеллигенции. На его глазах совершилось страшное предательство или, как тогда говорили, Россия выиграла войну, но проиграла мир. По праву победителя Россия должна была присоединить к своей территории часть земель бывшей Византийской империи – Константинополь, Босфор и Дарданеллы. Чтобы сохранить свою империю, Турция была готова отдать эти земли России. Однако западные страны и пятая колонна в русских правящих

кругах выступили против передачи этих земель России. Вековая мечта русских патриотов вернуть в христианский мир Константинополь и Святую Софию, казавшаяся уже близкой к ее осуществлению, была поправа в результате предательства. Заключенный путем разных закулисных сделок и сговоров Берлинский трактат 1878 унижил Россию. Именно после такого национального унижения в России складывается плеяда деятелей, сыгравших позднее большую роль в либеральном и социалистическом движении. Как отмечал И. Аксаков, Берлинский трактат стал поворотным пунктом в новейшей русской истории, откуда неудержимо пошло нравственное и политическое растрепывание. “Не может живой народ вынести подобного эксперимента! Нельзя видеть свою Родину оплеванной! И еще хоть бы нас побили, – нет, нас обокрали интенданты и евреи, и нас обошли дипломаты. Даже жаловаться не на кого... В молодежи неведомо откуда появилась злая струя... появилась яростная ненависть ко всему русскому... из этой молодежи анархисты формировали динамитчиков...”[\[2\]](#)

Вторым уроком русско-турецкой войны стало для Шарапова понимание еврейского вопроса. Притчей во языцех этой войны было бессовестное поведение еврейских маклеров и поставщиков, составивших себе огромные состояния, обворовывая русских, солдат и добровольцев. Он осознал, что “суть еврейского вопроса заключается в исключительно расовых свойствах еврейского племени, как прирожденных, так и воспитанных”. Заработать на страданиях христиан для иудея религиозная заслуга, определенная законами Талмуда.

Вернувшись с войны, Шарапов решает заняться сельским хозяйством и на практике показать, как успешно может развиваться русское земледелие. На некоторое время он уезжает за границу, в частности, во Францию, где знакомится с западноевропейским сельскохозяйственным опытом. Вернувшись на Родину, он занимается экспериментами в области применения искусственных удобрений. В своей усадьбе Сосновка Шарапов организует мастерскую по производству конных плугов, которые стали популярны у крестьян из-за удобства, простоты и

дешевизны. Позднее Министерство финансов заключает с Шараповым контракт, по которому он должен был организовать производство своих плугов в ряде губерний России. Для этой цели в Москве создается акционерное общество “Пахарь”. Свою усадьбу Сосновка Шарапов превратил в процветающее сельскохозяйственное предприятие, ставшее образцом для многих сельских хозяев. Поучиться его опыту приезжают из разных концов страны. Для обмена опытом Шарапова приглашают на совещания в Петербург, Москву, Смоленск. По вопросам сельского хозяйства Шарапов пишет многочисленные статьи и брошюры: “По русским хозяйствам” (1881), “Министерство земледелия и его задачи в России” (1882); “Будущность крестьянского хозяйства” (1882), “Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах” (1895), “По садам и огородам” (1895) и многие другие.

3

Однако работа по улучшению отечественного сельского хозяйства составляла для Шарапова только часть его интересов. Подобно другим славянофилам, он задумывается о национальных путях развития России. Хорошей школой для него стало сотрудничество с И. Аксаковым в его газете “Русь”. В 80-е годы Шарапов занимается изучением теории славянофилов, знакомится со многими общественными деятелями, разделявшими взгляды славянофилов, в частности, с сыном А. С. Хомякова Д. А. Хомяковым, жившими недалеко от Сосновки в усадьбе Липицы, а также с князем В. П. Мещерским.

Славянофильское учение было для Шарапова не сухой отвлеченной теорией, а живым мировоззрением русского народа, содержащим ответы на все вопросы русской жизни. В трудах славянофилов русская мысль достигла самой высокой точки развития, оплодотворив философское учение всех религиозных русских философов от Соловьева до Ильина.

Вслед за своими предшественниками Шарапов глубоко усваивает, что основа всех основ русской жизни есть Православная церковь. Она одухотворяет жизнь, придает ей смысл, определяет историю, мораль, мышление, быт. И. В. Киреевский развил философскую систему, ставшую духовной основой славянофильства. Согласно Киреевскому, существуют 2 формы познания – рационалистическая (свойственная западному миру) и “живая”, включающая в себя религиозные, этические и эстетические элементы. Совокупность элементов “живого знания” определяется религиозной верой. Эта форма познания присуща православно-славянскому миру. Жизнь человека, народа основана на вере, которая определяет тип образованности и характер общества. Еще более последовательно система положительного влияния христианства на общественную жизнь развита в трудах соседа Шарапова по усадьбе А. С. Хомякова. Церковь есть первореальность, духовный организм – “„единство благодати“, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати”. “Даже на земле, – пишет Хомяков, – церковь живет не земной человеческой жизнью, но жизнью божественной и благодатной, живет не под законом рабства, но под законом свободы”. Свобода принадлежит Церкви как целому, а не каждому члену в отдельности. “Если свобода верующего не знает никакого внешнего авторитета, – отмечает Хомяков, – то оправдание этой свободы – в единомыслии с церковью”. Такое понимание свободы исключает индивидуализм, изолирующий отдельную личность. Лишь в Церкви, в братской любви с другими, личность обретает силу и полноту бытия.

Все славянофилы сходились на том, что только христианское мировоззрение и Православная церковь способны вывести человечество на путь спасения, а все беды в мире происходят от того, что люди отошли от истинной веры и не построили истинной церкви.

Из догматов Православной церкви вытекает др. важное понятие в учении славянофилов – соборность, понимаемая ими в христианской традиции единения в любви, вере и жизни. Соборность в учении славянофилов – целостное

сочетание свободы и единства на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Идея соборности наиболее глубоко разработана в трудах А. С. Хомякова и продолжена в трудах учителя Шарапова И. Аксакова.

Православие и соборное единение в любви, вере и жизни неизбежно ведут к целостности духа, служащей обязательным условием полнокровной деятельности людей, их воспитания и познания окружающего мира. Только через церковь и соборность дух в его живой цельности способен вместить истину во всей ее полноте.

Как отмечал прот. В. Зеньковский, у славянофилов с особой силой развиваются идеи о целостности в человеке. Руководящей мыслью здесь было построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания, как оно сложилось в Православии. Целостность в человеке есть иерархическая структура души: существуют “центральные силы нашего богообразного разума”, вокруг которых должны располагаться все силы нашего духа. Эта иерархическая структура – неустойчива: тут есть противоборство центральных и периферических сил души; особенное значение Хомяков придает уходу от свободы, который обуславливает тот парадокс, что, будучи призваны к свободе, будучи одарены этой силой, люди вольно ищут строя жизни, строя мысли, в котором царит необходимость. В этом весь трагизм человеческой жизни – нам дано лишь в Церкви находить себя, но мы постоянно уходим из Церкви, чтобы стать рабами природной или социальной необходимости. Дело здесь не в “страстях”, как обычно думают, а в извращении разума. “Разумом все управляется, но страстью все живет”, – говорил Хомяков. Беда поэтому не в страстях, а в утере “внутренней устроенности” в разуме и неизбежной потере здоровой цельности в духе (В. Зеньковский).

Цельность в человеке позволяет преодолеть отвлеченную рассудочность, присущую западной мысли. Собрав в неделимую цельность все силы тела, души и духа, разум возвышается до сочувственного согласия с верой. Рассудок и чувство согласуются с требованиями духа и подчиняются открываемому в душе “внутреннему корню разума, где

все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное знание ума” (И. Киреевский).

Славянофилы верили в высокое предназначение, особую миссию русского народа в борьбе с мировым злом. Большинство из них считали, что русским суждено заложить новые основы духовного просвещения, опирающегося на Православие. Именно в Православии, сохранившем в чистоте святоотеческое предание, возможно проявление высших потенций человека – любви, добротолубия, соборности, свободной стихии духа, устремленности к творчеству. Высокие потенции духовного развития русского народа славянофилы противопоставляли духовному упадку Запада. Они справедливо считали, что преобладание на Западе материальных интересов жизни над духовными неизбежно ведет к потере веры, социальной разобщенности, индивидуализму, противостоянию человека человеку. Чтобы спасти мир от духовной катастрофы, Россия должна встать в центре мировой цивилизации и на основе Православия принести свет истины западным народам. Однако это сможет произойти только тогда, когда сам русский народ проявит свои духовные силы, очистится от наносного псевдопросвещения и построит в своей стране жизнь по учению Нового Завета. Хомяков считал, что Православие через Россию может привести к перестройке всей мировой культуры. История, говорил он, призывает Россию встать впереди всемирного просвещения – история дает ей право на это за всесторонность и полноту ее начал. “Логика истории, – писал он, – произносит свой приговор над духовной жизнью Западной Европы”. К подобному же выводу приходит и И. В. Киреевский. Гибель западной цивилизации, пораженной язвой рационализма, неизбежна, ее может спасти только восприятие православно-славянской цивилизации, наиболее полно раскрывающейся в духе русского народа.

Славянофилы верили в возможность и необходимость создания Всеславянского союза или Всеславянской федерации – добровольного объединения всех славянских государств и народов. Объединение славян должно

осуществляться вокруг России, государства, обладавшего мощной государственностью. Однако цель федерации не поглощение славян Россией, а союз, учитывающий интересы всех народов. По мнению некоторых славянофилов, столицей федерации должен стать не Петербург, не Москва, не Прага, не Белград, не София, а бывшая столица Византийской империи – Константинополь, “пророчески именуемый славянами Царьградом”. Правда, у самого Шарапова на этот счет было свое мнение.

4

Серьезным вкладом в развитие славянофильской мысли для Шарапова стал изданный им сборник “Теория государства у славянофилов” (1898), в котором он систематизировал идеи своих предшественников и опубликовал в нем свое исследование “Самодержавие и самоуправление”, где убедительно обосновал, что государственное устройство России должно основываться на сочетании абсолютной самодержавной власти русского царя с широким развитием системы самоуправления, не оставляющих места для злоупотребления бюрократии и чиновничьего произвола. Подобно своему учителю И. Аксакову Шарапов много внимания уделял изучению понятий “самодержавие” и “народ”. Здесь он развил политические принципы учителя, рассматривая Россию как неразрывное единство, цельность “земли” (народа) и “государства” (царя) при духовной власти Православной церкви. Народ обязан повиноваться царю, но и имеет право высказывать свое мнение, с которым царь должен считаться.

Политическое будущее России, по мнению Шарапова, связано с возрождением “национального, исторического русского земско-самодержавного строя”. Шарапов справедливо отмечает, что в результате вестернизации русского правящего слоя и интеллигенции в обществе атрофировались навыки самоуправления, которые всегда

были присущи вековому строю русской общины и русской трудовой демократии. Вместо национальных форм самоуправления внедряется заимствованное с Запада авторитарно-бюрократическое управление.

Вместо развития самобытных форм самоуправления интеллигенция предпочитает либо западноевропейские схемы управления, либо социалистические утопии.

Что случилось с русским народом, спрашивал Шарапов, почему он разучился самоуправляться и как будто “ищет внешнего начальства, внешнего распорядка, не веря сам себе”?

Полнокровная общественная жизнь, которой некогда жила Россия, заменяется “жизнью демократической толпы”. Древняя Русь знала своих лучших людей, Россия конца XIX – начала XX века знает преимущественно только разрекламированных людей, людей, угодных определенным темным силам и выдвигаемых им вперед.

“Что нужно для развития самоуправления, сельского, земского или городского?” – спрашивал Шарапов и сам же давал ответ: “Нужны, во-первых, люди, способные действовать и распоряжаться в широкой сфере общественных дел. Этот элемент у нас бесспорно есть.

Во-вторых, нужны люди, которые бы интересовались общественными делами, понимали их и дорожили ими. И это у нас есть. Эти люди естественным образом болеют общею болью о родном селе, городе, уезде. И этих людей у нас слишком достаточно.

В-третьих, нужно, чтобы все остальное население близко знало и ценило этих людей обеих категорий, безусловно и доверяло и без колебания выдвигало вперед, когда на очередь ставится общественное дело.

Вот этого третьего условия мы совершенно не имеем. Оно составляет принадлежность правильно организованной общественной жизни и исчезает вместе с разложением последней” [3]. Шарапов поднимает важнейшую общественную проблему – оттеснение от власти живых патриотических сил и замену их псевдообщественными деятелями либерального или социалистического толка,

ставившими своей целью не развивать, а разрушать национальные основы России.

Самоуправление, особенно городское и земское, деградирует, приобретает западноевропейский характер полного отстранения от власти простого человека с заменой ее властью денежного мешка.

Шарапов становится во главе движения за возрождение приходского самоуправления, которое должно было заменить собой “власть толпы” – городское и земское управление.

Приход, бывший в допетровские времена одной из главных форм общественного самоуправления, позднее превратился в чисто административную единицу духовного ведомства, место соединения населения для молитвы и регистрации гражданского состояния. Шарапов предлагает вернуть приходам, прежде всего в городах, их прежнее всеобъемлющее значение. Одним из главных органов, в которых обсуждались идеи возрождения приходского самоуправления, стали газеты “Русское дело” и “Русский труд”, выпускаемые С. Ф. Шараповым, ставшим одним из ведущих идеологов этого движения. Основной городской территориальной единицей, считал Шарапов, должен быть поставлен приход, и это должна быть единица не только вероисповедная, но и административная, судебная, полицейская, финансовая, учебная, почтовая и т. п. Всякий постоянный житель прихода, не опороченный судом и достигший определенного возраста, должен быть полноправным членом прихода, избирателем и избираемым. Под сенью Церкви, справедливо полагал Сергей Федорович, не может быть вопроса о сословности, имущественном неравенстве или каком-либо цензе, кроме чисто нравственного в виде доверия и уважения соседей, основанного на долгом и тесном знакомстве с человеком. Только при этих условиях и возможен правильный выбор истинных представителей местных интересов.

Во главе прихода должен стоять выборный приходский голова, который будет управлять приходом вместе с другими приходскими властями: священником, приходским судьей, приходским полицейским приставом, приходским

сборщиком податей, заведующим приходскими школами, приходским врачом, все вместе составляющими приходской совет. Деятельность его должна направляться и проверяться приходским собранием уполномоченных, избираемых всем населением прихода. Это же собрание будет выбирать и гласных в городскую думу.

Приход должен иметь права юридического лица – иметь свое имущество, свои учреждения и предприятия, то есть быть полноправной юридической и хозяйственной единицей в составе государства. “Вне прихода ни государство, ни город, ни земство не должны иметь дела с отдельным человеком, ибо только при этом будет гарантировано внутреннее единство и целостность нашего национального единства, столь угрожаемого в последнее время наплывом и бесконтрольным хозяйничаньем всякой иностранщины, которая тихо и незаметно затопляет Россию”.

Шарапов справедливо отмечает, что приходское самоуправление позволит прекратить “такое страшное явление, как постепенное вытеснение и замещение русского элемента иностранцами и инородцами, идущее теперь полным ходом и, по-видимому, никем не замечаемое, обратило бы на себя внимание. В приходе все на виду, приход сразу заметил бы неестественный прилив чужеродного элемента и поднял бы тревогу”[\[4\]](#).

Шарапов без преувеличения являлся классиком русской экономической мысли, до сих пор не понятым и не оцененным. Многогранный ученый и общественный деятель, он создал труд, в котором концентрируются важнейшие основы русской экономической мысли. Хотя сам автор назвал его очень скромно – “Бумажный рубль (его теория и практика)”, на самом же деле это обобщающий труд, который правильнее назвать “Экономика в Русском Самодержавном Государстве”.

Шарапов постоянно подчеркивает совершенно самобытный характер русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике нравственный характер.

Русские крестьяне являются коллективными землевладельцами. Им не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них.

Отмечая нравственный характер русской общины, Шарапов связывает с ней развитие возможностей хозяйственного самоуправления, тесной связи между людьми на основе Православия и церковности. Главной единицей духовного и хозяйственного развития России, по мнению Шарапова, должен стать тот же церковный приход.

Идеалом Шарапова была независимая от западных стран развитая экономика, регулируемая сильной Самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарапова, должна основываться на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и Верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением. Самодержавное государство должно играть в экономике ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Государство ограничивает возможности спекулятивной наживы, создает условия, при которых паразитический капитал, стремящийся к мировому господству, уже не сможет существовать.

Вместо шаткой и колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шарапов предлагает введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. Введение абсолютных денег ликвидирует господство биржи, спекуляцию, ростовщичество. Шарапов не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство.

Шарапов активно выступал против финансовой политики С. Ю. Витте. В своих работах он раскрывал сущность паразитического капитала, создавшего такой мировой порядок, который позволяет кучке банкиров управлять абсолютным большинством человечества. Вместе с Г. В.

Бугми Шарапов доказывает, что финансовые манипуляции с золотой валютой обогащают небольшую группу банкиров за счет остального человечества. Природные ресурсы страны переходят под власть международных банкиров, отечественная промышленность несет большие убытки. Экономические ресурсы страны автоматически перекачиваются в пользу западных владык, остановить которых может только твердая власть самодержавного государства.

5

Через несколько недель после кончины в 1886 И. Аксакова Шарапов основал в Москве свою газету “Русское дело”, считая ее продолжением аксаковской “Руси”. Новая газета стала ведущим национальным органом России, который поддержало большинство русских патриотов. Одним из первых подписчиков “Русского дела” стал знаменитый егорьевский фабрикант Н. М. Бардыгин. Ближайшим сотрудником Шарапова стал известный богослов и писатель Н. П. Аксаков. Однако газета просуществовала недолго и была запрещена в 1889 г. Окопавшиеся в цензуре антирусские деятели с самого начала неодобрительно смотрели на русское направление газеты. Поводом к закрытию послужила статья, в которой критиковались привилегии западнического дворянства – “Петровское дворянское древо в России, основанное на табели о рангах, древо заграничное и у нас столь же бесплодное, как и евангельская смоковница”[\[5\]](#).

Через 7 лет уже в Петербурге Шарапов получает разрешение издавать газету “Русский труд” с той же программой. Газета стала одним из главных органов по критике еврейских элементов в русском хозяйстве, и прежде всего политики С. Ю. Витте. Газета раскрывала связи министра с еврейским капиталом, разоблачала махинации международных банкиров, выкачивающих из России золото. В ноябре 1899 “Русский труд” был запрещен по личному указанию Витте. Некоторое время Шарапов выпускает газету “Русская

беседа”, но ее тоже запретили. Чтобы уйти от антирусской цензуры, он вынужден выпускать свои сочинения под безобидными названиями: “Метелица”, “Пороша”, “Заморозки”, “Ледоход”, Шарапов много пишет. Из-под его пера выходит роман “Кружным путем” (1897), пьеса “Горчишник” (1910) и ряд других художественно-драматических произведений.

В 1905 Шарапов стал одним из учредителей Союза русских людей, вскоре создал и свою Русскую народную партию. Выступал с докладом в Русском собрании. В октябре 1906 г. Шарапов – делегат Всероссийского съезда русских людей в Киеве. С августа 1907 издает журнал “Свидетель”. “Со введения у нас псевдоконституции и опереточного парламента, – писал Сергей Федорович, – водворилась такая партийная ненависть и так все изолгались, что газеты становится отвратительно читать, а независимому писателю, не желающему насиловать свою совесть и идти в ту или другую партию, стало буквально негде поместить строку... „Свидетель“ есть личный орган мой и близких по духу людей, чувствующих, что надо пережить это подлое время, состоя только „в свидетелях“ политического разврата и той мерзкой вакханалии, которая теперь овладела Россией. Все, что остается для мыслителя и независимого публициста, – это помогать скорейшему выздоровлению отравленных русских умов и сердец, будить заснувшую русскую совесть, напоминать, что Родина выше партий, что о ней все забыли в недостойной политической игре”[\[6\]](#).

Ожесточенной травле и клевете Шарапов подвергался за свою позицию по еврейскому вопросу. Хотя его взгляды на этот вопрос мало чем отличались от воззрения других славянофилов. Однако то, что могли позволить себе русские мыслители середины XIX века, стало считаться недопустимым в начале XX века. Всякая справедливая критика еврейства сразу же объявлялась антисемитизмом. В середине XIX века учитель Шарапова И. Аксаков сформулировал взгляды славянофилов на еврейский вопрос. В одном из своих исследований он делает вывод: “Одно из самых привилегированных племен в России это,

несомненно, евреи в наших западнорусских губерниях” [7]. Евреи, по мнению Аксакова, обладали практически теми же правами, что и иные группы населения. Но в дополнение к ним евреи имели кагальное самоуправление, которое фактически было государством в государстве. Эти особые права превращали православных людей в западнорусских губерниях в объект эксплуатации кагалов. Поэтому, считали славянофилы, либеральным интеллигентам следовало бы бороться не за “равноправие евреев”, а за улучшение положения русских. “Можно предположить, что никогда никто из этих ревнивых заступников за еврейство и не заглядывал в наши южные и западные губернии, потому что даже поверхностное знакомство с краем не может не вызвать добросовестного человека на серьезное размышление о способах избавления от тирании еврейского могущественного кагала, о создании сносных не для евреев, а для русских социальных и экономических условий существования” [8].

“Неправое стяжание, – отмечал Аксаков, – вот что вызывает гнев русского народа на евреев, а не племенная и религиозная вражда”. Русский крестьянин в западнорусских землях видит в еврее жестокого эксплуататора. “Шинкарь, корчмарь, арендатор, подрядчик – везде и всюду крестьянин встретит еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денег, ничего не может сделать без посредства жидов, – жидов, знающих свою власть и силу, поддерживаемых кагалом (ибо все евреи тесно стоят друг за друга и подчиняются между собой строгой дисциплине) и потому дерзких и нахальных” [9].

В “Русском деле” и “Русском труде” Шарапов постоянно приводит факты еврейского жульничества и паразитизма, ущемлявшего права русского народа. Говоря о необходимости решения еврейского вопроса, он считал нужным обратиться к опыту допетровской Руси. “Вот это наша, русская земля, наша родина, наш дом. Евреи – недруги христианства, и им здесь места нет”. Евреев, считал Шарапов, надо вытеснять из русской жизни. Но вытеснять не физически, а создавая им условия, при которых и будет невозможно паразитировать и наживаться на русском

народе. Для решения этого вопроса Шарапов видел два главных выхода. Во-первых, Церковь и приход, не позволяющие евреям совершать антихристианские деяния, не оставляющие им места для махинаций и злоупотреблений. Во-вторых, создание национальной экономической системы, без участия еврейского капитала и еврейских посреднических структур.

Отстаивая такую позицию, Шарапов нажил себе множество влиятельных врагов в еврейских кругах. Доживи он до 1917 года, он несомненно стал бы одной из первых жертв “еврейской мести”, подобно другим лидерам русского движения. Его смерть 26 июня (ст. ст.) 1911 года во цвете лет вызвала много толков, подобных тем, с которыми недавно связывали подозрительные симптомы преждевременной смерти других великих русских вождей – Грингмута и Величко.

Шарапов умер в Петербурге, завещав похоронить себя в родных местах. От станции до усадьбы Сосновка гроб великого сына России местные крестьяне несли на руках. Похоронили знаменитого славянофила за алтарем церкви в Заборье. После стольких лет трудов Шарапов оставил наследникам процветающее хозяйство, а русскому народу – сокровищницу своих сочинений, огромный духовный потенциал которых не потерял своего значения и поныне.

О. Платонов

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ СЛАВЯНОФИЛОВ

Через пятьдесят лет я проснулся, чтобы увидеть обновленную страну.

Ко мне никого не допускали. Я был почти отрезан от внешнего мира и поэтому первое, что остановило мое

внимание, – были газеты. Фу, сколько бумаги! Это были огромные простыни, или тетради, выходившие в день двумя, а некоторые даже тремя изданиями. Больше и толще всех была газета “Европеец”. Она имела 16 полос большого газетного формата и чуть не половину ее страниц занимали огромные иллюстрации, относящиеся к событиям дня. Под большинством была подпись: “по телефону”. А значит, дошли до передачи картин на расстоянии! Большинство сообщений было очень сжато, составляя чуть не одну подпись к картинке. Моему случаю было посвящено несколько великолепных клише.

Последнее относилось ко вчерашнему дню. Репортер-фотограф снял меня во весь рост во время первого моего выхода на прогулку. Скоро!

Другая газета, менее крикливая по внешности и меньше, но с большим вкусом иллюстрированная, носила название “Святая Русь”. Ба! Старые знакомые: “Московские Ведомости”! “Год издания сто девяносто седьмой”. Старуха помолодела, тоже завела иллюстрации и выросла в огромную тетрадь... Вот “Русские Ведомости”. Так же ли скучны они, как тогда, в мое время? А объявлений-то, объявлений! Да какие! Это были настоящие публичные лекции с иллюстрациями, чертежами и подробнейшими описаниями преимуществ разных товаров, их выработки, происхождения, материалов и пр.

Я заглянул в текст и сразу на первой же странице “Европейца” натолкнулся на такое воззвание:

“Общество друзей цивилизации и свободы приглашает своих членов и сочувствующих лиц на большое публичное собрание сегодня, 12-го октября 1951 года, в крытом дворе общества на Воробьевых горах. Начало в 7 часов вечера”.

Затем было напечатано следующее:

“Национальное движение последних лет в России настолько овладело общественной жизнью, что друзьям гуманности, свободы и европейской цивилизации приходится напрячь все усилия в последней борьбе. Мы с каждым днем теряем почву. Наше общество пригласило знаменитого германского юриста и историка профессора Аарона

Гольденбаума прочесть несколько публичных лекций, чтобы осветить перед нашими друзьями и сторонниками мира и прогресса фатальный вопрос”.

Далее шло почти аршинными буквами: Где на земном шаре искать убежища для свободы и гуманности?

Отстав на целых пятьдесят лет от современности, я решительно ничего в этом воззвании не понимал. На Воробьевых горах публичное собрание, то есть митинг? Национализм, да еще воинствующий, в России, где в мое время чуть не руки целовали всякому иностранцу? Какие-то “друзья цивилизации и свободы ищут убежища для гуманности... Приглашен профессор Аарон... Ба! Да это еврейская штука! Это они, мои старые друзья, узнаю их.

Инстинктивно развернул я „Московские Ведомости“, хотя в мое время мы и не были приучены искать в органе господина Грингмута объяснений по еврейскому вопросу. Но ведь господина Грингмута давно уже нет, и кости его истлели...

Однако „Московские Ведомости“ и без господина Грингмута продолжали, по-видимому, нести верную службу национальным началам и консерватизму.

И действительно, в вечернем издании старейшей нашей газеты я нашел относившийся к моему вопросу *entrefilet*.

„Наши космополиты, либералы и гуманисты, – писала газета, – проиграв свое дело по всей линии, напрягают, по собственному их признанию, все усилия в последней борьбе. В качестве, вероятно, последнего бойца будет ораторствовать на одном из их скопищ на Воробьевых горах небезызвестный еврейский профессор и великий гешефтмахер Аарон Гольденбаум. Любопытно, как-то ему удастся одолеть „варварский“ принцип „Россия для русских“ и снова закабалить нашу Русь? Не менее любопытно также, где будет им указано „на земном шаре“ убежище для европейской гуманности и свободы, после того, как эту гуманность и свободу во второй раз вытурили из их собственных Сирии и Палестины“.

Я не мог удержаться от восклицания:

– Хорошо пишут „Московские Ведомости“! Так вот какой, с Божьей помощью, поворот за пятьдесят лет! В России объявились националисты, одолели космополитов“! Евреи, в мое время обратившие было Россию в свой Ханаан, чувствуют дело проигранным и собираются уходить. Когда, кто, как совершил это чудо?

Мои размышления были прерваны поданной карточкой: “Махмет Рахим Сакалаев, сотрудник-посетитель газеты „Желтая Идея“”.

– Вас одолевали сотрудники газет, но до сегодня их не пускали. Позволяли вас снимать только фотографам. А теперь врачи разрешили, дело зависит от вас. Если хотите, я его пущу.

Вам не вредно будет с ним разговаривать? – спросила меня сестра.

– Нет, я думаю, а что?

– Да уж эта “Желтая Идея” очень изуверский орган. Вообразите, проповедуют буддизм, славяно-монгольскую цивилизацию, азиатские идеалы!

– Что же, это хорошо. В мое время этим занимался князь Ухтомский в “Санкт-Петербургских Ведомостях”. Просите этого Махмет-Рахима...

Не успел я сказать это, как подали другую карточку, тоже репортерскую. Это был “сотрудник-посетитель” “Уличной Жизни”, некий господин Солнцев, финансист и правовед.

– Не принимайте его, – заявила сестра – “Уличная Жизнь” – это отвратительная газета.

– Шантажная, грязная?

– Что такое “шантажная”? – переспросила сестра.

– Как бы вам объяснить? В мое время эта мерзость была обычным явлением. Ну вот, например, редакция газеты пишет про кого-нибудь гадости с таким расчетом, чтобы тот пришел и откупился. Это называлось шантажом.

– О нет, не то! Шантажа, как вы его понимаете, у нас в печати, можно сказать, не существует вовсе и притом давно уже. Грязь тоже выведена. За грязь и общественный соблазн суд

налагает очень строгие наказания и даже закрывает газеты. “Уличная Жизнь” просто неустойчива, беспринципна, наконец нахальна. На днях еще ей в редакции сделали скандал из – за неуважительного отзыва о нашем гениальном Федоте Пантелееве.

Мне не удалось на этот раз узнать, что это за гениальный Федот Пантелеев, потому что нужно было решать вопрос, принять или не принять господина Солнцева, репортера или “сотрудника-посетителя” “Уличной Жизни”. Я все-таки решил принять. Эка важность, какой-то там неуважительный отзыв о Федоте Пантелееве! В мое время господа редакторы-издатели... Ну да что об этом говорить! И какое мне дело до какого-то Федота Пантелеева?

Новые порядки в печати

Вошел изящнейший молодой человек с небольшим портфелем и вместе с ним служитель с карточкой Махмета Рахима Сакалаева, на которой было написано карандашом:

“Очень сожалею, что присутствие господина Солнцева помешает нашей беседе, равно сожалею о вашем совершенно извинительном, впрочем, незнакомстве с нашими литературными условиями. Позвольте навестить вас в другое время”.

Я передал карточку Солнцеву, который прочел ее и несколько сконфузился.

– Фанатики!

Сестра отозвалась.

– Не фанатики, а с вами не хотят иметь дела. Стыдитесь, господин Солнцев!

Она повернулась и вышла из комнаты.

– Я ничего не понимаю. Объясните мне, пожалуйста, в чем тут дело и почему против вашей газеты так возбуждены?

– С удовольствием все вам объясню, но прежде позвольте исполнить мою обязанность. В нашем деле дороги минуты, даже секунды. Позвольте предложить вам несколько вопросов. Ваши ответы я запишу и сдам на воздушную почту, а затем я к вашим услугам.

Он вынул из портфеля крошечную пишущую машинку, вставил листок бумаги, что-то быстро нашлапал и обратился ко мне. Я заметил, что машинка работала без всякого шума, едва слышно.

Допрос оказался самый обыкновенный, как бывало и в мое время. Солнцев желал знать некоторые интимные подробности из моей жизни, еще в печать не попавшие, задавал и другие вопросы о моей эпохе и знаменитых современниках. Записывал он с быстротой лучшего стенографа, так что в десять минут составила довольно большая статья. Он вложил свое писанье в тоненький конверт со штемпелем и передал служителю для отправки отсюда же, с клинической воздушной станции. Затем обратился ко мне:

– Теперь я весь ваш... На десять минут.

– Видите ли, меня ваши газетные дразги мало интересуют. Но я в свое время сам был журналистом и мне хотелось бы знать, в каком положении печать? Скажите, цензура есть?

– К несчастью, нет. Упразднена.

– Как так – “к несчастью”?

– Я не застал цензурных времен, но я глубоко убежден, что тогда писать было гораздо легче и жизнь журналиста была менее отравлена. Вы видели?

– Вы мне говорите невероятные вещи. Вы, литератор, вздыхаете о цензуре! Да что же такое с вами делают сейчас?

– Сейчас? О Господи! Ну вычеркнул у вас цензор что –нибудь, хотя и не понимаю, как и что можно вычеркивать, раз говорится спокойно и серьезно... Ну, положим, вычеркнул! Вы печатаете остальное, что вам пропущено, и спите спокойно. А теперь дрожи за каждую строку. Наши суды положительно с ума сходят. Недавно одного почтенного человека и старого журналиста посадили на месяц в рабочий дом, как вы думаете, за что? За “предумышленный обман читателя в форме недобросовестной полемики”. Слыхали в ваши времена о таких преступлениях? Дальше: закрыли газету за “злостное и постоянное вторжение в частную жизнь и общественный

соблазн". А весь соблазн заключался в том, что был помещен роман с несколькими эффектными убийствами. И роман, который читался нарасхват!

– Но как же можно закрывать издание за роман?

– А вот подите же! Обвинитель представил мнение художественного общества, суд вызвал "сведущих людей", и издание запретили. У нас думают, что рассказы об убийствах и разных преступлениях действуют психически на публику, подготавливая преступления. Да, вы знаете ли, что у нас тащат к суду и налагают взыскания за простые сообщения о кражах и мошенничествах?

– Ну а в политическом отношении как? Печать очень стеснена?

Мой собеседник вздохнул:

– Нет, тут-то свободно. Теории можно проповедовать какие угодно, о политике говорить тоже можно без стеснения. Да что нам политика? Нам важна общественная жизнь; ну какой может иметь газета успех, если того нельзя, другого нельзя? Ведь все эти "вопросы", я думаю, и в ваше время достаточно публике надоели.

– Значит, по делам печати только суд? А разрешение на издание нужно получать по-прежнему?

– Ах, нужно, но только не по-прежнему. Как прежде лучше было! Есть у вас небольшая протекция, знает вас начальство за человека благонадежного, идите и подавайте прошение. Теперь совсем иначе.

– Насколько я понимаю, разрешение получить стало труднее?

– Еще бы! Да еще как! Нужно представить в управление словесности подробную программу, да не название отделов газеты, а целый свод взглядов и убеждений, которые будет проводить орган, затем представить доказательства беспорочного и вполне нравственного прошлого, список своих литературных работ... Да не угодно ли еще эту представленную программу защитить в публичном собрании при управлении словесности!..

– Что это за управление словесности?

- А это отделение при Славянской академии.
- Как вы сказали: Славянской?
- Да! Ведь вы не знаете, что Академия Наук, которая была при вас, была переименована сначала в Российскую, а потом в Славянскую академию. Это случилось лет двадцать назад, когда взяли Царьград.
- Разве Константинополь наш?
- Да, это четвертая наша столица.
- Простите, пожалуйста, а первые три?
- Правительство в Киеве. Вторая столица – Москва, третья – Петербург.

Все это было для меня, разумеется, новостью, и я стал расспрашивать моего собеседника об исторических подробностях совершившихся великих событий, но тому, к несчастью, было некогда. Его десять минут прошли. Он торопился и скоро от меня ушел. Я хотел было приняться за сестру, но та вошла с развернутой бумагой, только что полученной, и сообщила мне, что, согласно решению городской Думы, мне назначено пребывание и полное содержание в странноприимном управлении прихода Николы на Плотниках впредь до того времени, когда, “по ознакомлении с новым укладом жизни и обстоятельствами, я могу стать самостоятельным и полезным членом общества”.

Так гласила присланная из городской Управы бумага.

В тот же день, часов около шести вечера, в сопровождении доктора и сторожа я был перевезен в прекрасной клинической карете на Арбат и сдан на попечение управляющему странноприимного дома Степану Степановичу Памфилову. Мне отвели скромную, но чистую и уютную комнату, и я, еще слабый и уставший как от разговоров и впечатлений, так и от переезда, поскорее залег в постель, чтобы собраться с силами для новых предстоявших мне впечатлений.

Приходский дом и учреждения

- Да-с, многое за это время пережила Москва! Ее теперь совсем узнать нельзя – наше поколение начинает уже не

верить тому, что рассказывается в старых книгах. Seriously: я даже представить себе не мог. Неужели в ваше время люди могли спокойно жить, не разбегаясь или не вешаясь с отчаяния?

Так говорил Степан Степанович, мой гостеприимный хозяин, управляющий странноприимным отделением в приходе Николы на Плотниках. Здоровье мое достаточно восстановилось, чтобы можно было безопасно изучать новую Москву и ее распорядки, и я охотно принял предложение Степана Степановича осмотреть здешние приходские учреждения.

Как раз на сегодня было кстати назначено заседание собрания приходских уполномоченных, которому предстояло обсуждение чрезвычайно важного, поднятого в Думе, вопроса. Речь шла о непомерном размножении в Москве еврейского и иностранного элемента, сделавшего старую русскую Москву совершенно международным и еврейским городом.

Так стояло в повестке. Этот важный вопрос о борьбе с чужеродным населением, совершенно было покорившим и обезличившим Москву, Дума передала на предварительное обсуждение приходских собраний.

– Где же собирается ваше приходское собрание? – спросил я.

– В приходском доме.

– Что это за приходский дом?

– Да вот этот самый, где мы с вами находимся. Ведь я уже имел честь об этом докладывать.

– Верно, верно, но вы простите мою рассеянность. Все это ведь для меня совершенная новость.

Степан Степанович улыбнулся:

– А при вас этих домов не было?

– Были дома причта. Про приходские дома я и не слыхал.

– Но где же у вас собирались приходские собрания?

Я начал припоминать и не мог припомнить.

– Неужели в наемном помещении? Но тогда как же выражались ваши приходские капиталы? У нас они

помещены в домах. Неужели вы их держали в процентных ваших бумагах?

Теперь я сделал удивленное лицо.

– Какие приходские капиталы? У нас были капиталы духовного ведомства, были церковные деньги. О приходских капиталах я ничего не знаю. Да и относительно приходских собраний я тоже ничего не могу сказать. Кажется, у нас их тоже не было.

– Но как же у вас выбирали священника, например?

– У нас священников не выбирали...

– Ах, виноват, виноват! Ведь выборное начало восстановлено всего сорок лет назад, а вы проспали пятьдесят. Да, да, у вас действительно и приходских собраний не было, да, собственно говоря, не было и прихода... Ну так вот вы посмотрите, как это устроено теперь...

В эту минуту в комнату вошел полицейский. Он доложил, что из центральной больницы для умалишенных доставили выздоровевшего больного, который возвращается в приход на попечение родных, под наблюдением странноприимного управления. Степан Степанович удалился к больному, а я остался с полицейским, присевшим отдохнуть с дороги.

На нем был красивый синий кафтан, а на груди серебряный знак с обозначением прихода.

– Вы на службе у прихода?

– Так точно, – отвечал полицейский, оказавшийся рязанским уроженцем.

– А кто вами начальствует?

– Мы находимся в распоряжении приходского пристава.

– Это что же такое? Вроде прежних частных приставов или участковых?

– Не могу знать, о чем вы изволите спрашивать. Наш приходский пристав выбирается приходским собранием, а утверждается градоначальником. Сколько приходов, столько и приставов...

– Что же, ваш пристав под начальством у градоначальника, рапортует ему?

Полицейский улыбнулся.

– Мудреное вы слово сказали, господин, должно быть по-старинному... Что это значит – рапортует? Господа приставы с градоначальником разговаривают по проволоке, а каждую субботу собираются по “концам” на кончанские советы. Там обсуждают разные наши полицейские дела.

– Это что же за “концы” такие?

– А это большие городские части. У каждого конца свое управление и свой голова.

– Сколько же всех в Москве концов?

– Пока двадцать, но вероятно прибавят, потому что очень уж наш город разрастается.

– А сколько теперь в Москве жителей?

– С чем-то четыре миллиона.

– Вот как!

Степан Степанович воротился и стал торопить меня на собрание; до его открытия оставалось всего десять минут; впрочем, идти было недалеко. Зала собраний помешалась в том же приходском доме.

“Приходский дом” представлял собой грандиозное четырехэтажное здание со множеством прекрасных квартир и несколькими залами для собраний. Одна из зал, самая большая, предназначалась для общих собраний всего прихода, торжеств и публичных чтений, в меньших залах происходили заседания обыкновенных приходских собраний и разных комиссий, а также читались всевозможные дневные и вечерние курсы.

Казенные квартиры были отведены приходскому голове, духовенству, приходскому казначею, приставу, судье, заведующему школами, эконому, носившему название “распорядителя по хозяйственной части”, приходскому врачу, акушерке, учителям и многим другим служащим. Одна из больших зал была обращена в зимний храм, так как

старинная, тщательно реставрированная и охраняемая каменная церковка была слишком тесна и в ней служили только летом.

Внутри обширного двора помещался роскошный зимний сад под общей стеклянной крышей, в котором возилась детвора. Везде, разумеется, была проведена вода, все отлично освещено и соединено разнообразными сигнальными аппаратами. В одном из этажей находилась пневматическая почта. Внизу, в подвалах, были обширные склады разнообразных материалов и припасов, принадлежащих приходским учреждениям.

Приходская казна. Общественный кредит

Мы прошли несколько лестниц и коридоров. Я обратил внимание на массивные лубовые двери с табличкой: “Приходская казна”.

– Там у вас хранятся деньги?

– Ваш вопрос не совсем ясен для меня. Как мы их будем хранить и зачем?

– Разве вы живете без денег?

– Нет, у нас деньги есть, то есть мы считаем на деньги. Ваш старинный рубль так и остался рубль. Но я бы желал посмотреть на чудака, который стал бы теперь носить деньги в кармане или деньгами платить. Мы рассчитываемся чеками.

– А! Это и мы знали. Только в мое время чеки были в ходу в одной Англии. У нас было золото, серебро и бумажки.

– Знаю, знаю! Воображаю себе, как это было неудобно. Носить в кармане металлические кружки! Во первых, тяжесть, во-вторых, можно было выронить, а затем – какая потеря времени считать деньги, менять их, брать сдачу!

– Разве теперь этого ничего нет?

Степан Степанович улыбнулся.

– Металлические деньги лет двадцать, как вышли из употребления вовсе. Их теперь нет нигде, разве в музеях. Теперь даже и бумажные деньги становятся редкостью. У каждого из нас есть открытый счет в приходской казне, а в

кармане – чековая книжка. Подумайте сами: не гораздо ли проще взять книжку, написать на листочке две – три цифры и отдать этот листок, чем платить по-вашему?

– Позвольте! Как так? Ну а если моего чека не возьмут?

– Как же не возьмут, если на нем напечатано ваше имя и звание прихода?

– Ну хорошо. Значит, я могу написать на чеке какую угодно цифру?

– Какую угодно, конечно, смотря по тому, сколько у вас есть денег на счету в казне.

– Ну а если я имею, скажем, сто рублей, а напишу чек на двести?

– Не понимаю. Как же вы это сделаете?

– Да очень просто. Возьму и напишу: “200 рублей”.

Степан Степанович задумался.

– Нет, вы этого не сделаете.

– Да почему же?

– А потому, что это было бы очень... глупо.

Теперь я ничего не понимал. Что это было бы мошенничество – это ясно. Ну так и говори. Но почему же это глупо?

Степан Степанович пришел на помощь моему затруднению. Он спросил меня:

– Вы мне объясните: зачем и кому это может понадобиться?

– Странные у вас понятия, господа. Ну да вот, например, у меня в кармане... виноват, “на счету” сто рублей. А в магазине я высмотрел шубу, за которую просят 200. Если у меня хватит совести, я чек и выдам.

– Голубчик мой, ей-богу, вы бредите или говорите явные несообразности. Уверяю вас, что вы этого не сделаете. Начать с того, что вам незачем идти в незнакомый магазин. Вы придете в нашу “палату образцов” и выберете себе ту вещь, которая понравится; затем вам ее вытребуют по телефону из склада или закажут по вашей мерке. Вы заплатите чеком.

- Ну хорошо. Вот я там и дам чек выше, чем имею право.
- Да не дадите, уверяю вас! Во-первых, наш заведующий образцами одежды знает весь приход поголовно, следовательно, знает и вас, так как вы не в первый же раз приходите покупать платье. Во-вторых, если вы подобный чек дадите, вас завтра же, по окончании дневных счетов в казне, пригласят туда и попросят исправить вашу ошибку, то есть пополнить цифру вашего кредита. Поверьте, вас даже не заподозрят в злом умысле, а только попеняют вам за небрежность.
- Ну а если я не пополню?
- Взыщут с вашего имущества.
- А если у меня не окажется имущества?
- Этого случая быть не может. Тогда у вас есть поручитель,
– иначе не может быть и чековой книжки...
- Вот как!
- Разумеется; если у вас нет имущества, а только личный труд, вам может быть открыт кредит только за чьим-нибудь поручительством. Конечно, это лицо будет известно приходскому казначею.
- Значит, взыщут с него, с этого поручителя?
- Да, запишут на его счет и его уведомят, а уж вы ведаетесь с ним сами. При этом имейте в виду, что по его заявлению о прекращении поручительства ваша чековая книжка отбирается и вы нигде не достанете ни гроша.
- Ну а если я книжку не отдам?
- Этого случая я не знаю, но в законе на этот счет предусмотрено. Ваше имя публикуется в списке людей неблагонадежных, и вы тотчас же очутитесь вне общества. Знаете, это – ужасное положение! Так можно умереть с голоду или попасть в рабочий дом; вам останется просить милостыню, в это у нас – тяжкое преступление. За него сейчас же у нас под замок и на работу...
- Да этак, пожалуй, у вас мошенничать трудно.
- Уверяю вас, совершенно нельзя.

Кое-как я этот порядок понял. Но многое все-таки мне оставалось еще неясным. Я спросил:

– Ну а как же быть жителю другого города или другого прихода? Ведь чужие чеки, надеюсь, не ходят?

– Наши приходские чеки ходят по всей Москве. Злоупотреблений опять-таки быть не может, потому что все кассы связаны телефоном. А когда кто-нибудь уезжает из Москвы, он берет кредитивы на местные кассы.

– И злоупотреблений не бывает?

Степан Степанович рассмеялся.

– Наконец-то я вас понял и совершенно извиняю. Вам везде мерещатся подвохи и злоупотребления. Вот, должно быть, мошенническое было ваше время!..

– Неужели у вас все так уж честны?

– Как вам сказать? Люди – всегда люди. Но вы обратите внимание вот на что. За триста, за четыреста лет перед вами вся Европа кишела разбойниками. Убивали и грабили на всех дорогах. Тогдашний честный человек ехал в дорогу вооруженный с ног до головы, иногда даже с конвоем. Попробовали бы вы ему сказать, что наступит такое время, когда все дороги будут безопасны и можно будет ехать за тысячи верст без всякого оружия, – он бы не поверил и расхохотался. Так вот и вы не верите, что наш век справился с мошенничеством и почти совсем его вывел. Однако это так.

Духовенство. Приходское собрание

Мы подошли к небольшой зале, где уже собралось человек пятьдесят мужчин и дам, скромно одетых, с какими-то значками на груди. Моего спутника сердечно приветствовали. Я в моем костюме конца XIX века возбуждал общее любопытство. Мне самому было неловко в моем куцем сюртучке и узких панталонах среди толпы в красивых и просторных одеждах, несколько напоминавших наши древнерусские образцы, но значительно улучшенные. Меня рассматривали совершенно так же, как бы мы рассматривали неожиданно появившегося среди нас

современника Екатерины II в парике с пудрой и французском кафтане.

Часы пробили 8 вечера, и в залу вошли два благообразных старика. Один из них, судя по одежде, был священник. У другого на груди была массивная золотая цепь с бляхой, наподобие наших знаков мировых судей. Публика в зале почтительно расступилась, многие подходили к священнику под благословение и целовали его руку.

– Я думаю, батюшка, можно начинать? – спросил человек с цепью.

– Да вот, что-то отец дьякон замешкался, – отвечал старик-священник, поглядывая на дверь.

– У отца дьякона сейчас кончился школьный совет, – заметила одна дама. – Я видела, как он торопился. Забежал, должно быть, к себе выпить стакан чаю.

– Чай бы ему и здесь подали, – заметил человек с цепью – Что же задерживать собрание?

– Кто это? – спросил я у моего спутника.

– Наш приходский голова. Строгий человек. Был предводителем дворянства в своем уезде, теперь переехал в Москву и поселился в нашем приходе. Замечательный человек.

– А! Так у вас дворянство еще есть?

Степан Степанович даже обиделся.

– Не только есть, но и пользуется большим уважением. Правда, его значительно меньше, чем было в ваше время, но зато это действительно цвет земли Русской. Теперь дворянства не высидишь в канцелярии – это время прошло. Теперь дворянство дается лишь за действительные заслуги Царю и Родине, а не за продырявливание казенных стульев. Да, кстати, и чинов нет. Их упразднили уже лет тридцать тому назад.

– Ну а другие титулы остались?

– Остались, конечно. Есть и графы, и князья. Бароны больше иностранцы и евреи. Была такая полоса в начале XX века, когда Россия попала в очень тяжелые финансовые

обстоятельства. Тогда множество евреев нахватало баронских титулов. Но теперь баронства больше не дают. Да и графства тоже не дают, потому что все это – иностранщина. Но зато восстановлено древнерусское боярство.

Около нас проходил старик-священник, оживленно беседовавший с пожилой дамой.

– Вашего священника, кажется, здесь очень уважают, – заметил я.

– Да, это выдающийся по уму и высокой нравственной жизни человек, – отвечал Степан Степанович. – За это его и избрали.

– Он, вероятно, глубокого богословского образования?

– Ошибаетесь. Он – крестьянин, почти нигде не учившийся. Правда, он очень начитан в Священном Писании. Но его избрали не столько за это, сколько за его жизнь.

– Крестьянин? – переспросил я, – Но как же вы его узнали и определили его достоинства?

– Он очень долго жил в нашем приходе. У него была столярная мастерская... Однако странные вы задаете вопросы: да разве же при нашей широкой и открытой общественной жизни выдающийся человек может надолго остаться в тени? Мало того: мы три года упрашивали отца Никанора принять сан священника. Сам владыка его просил.

– Вот как. Что же, вероятно, теперь и большинство духовенства из простого народа? Ведь там всего непосредственнее вера и глубже благочестие.

– Нет, наше духовенство из всех сословий. Вот, например, наш отец дьякон родовитый князь, и даже Рюрикович. Явилось призвание – и он надел рясу... А вот и он, кстати.

В эту минуту раздался громкий и протяжный звонок. Члены приходского совета заняли места за большим столом, покрытым голубым сукном, все встали, повернувшись лицом к большому, окруженному лампадами, образу святителя Николая, и пропели хором старый великолепный тропарь святому: “Правило веры и образ кротости”.

Затем все уселись, и приходский голова объявил собрание открытым.

История еврейского вопроса

Все смолкло. Секретарь прочел протокол предыдущего заседания, который и был утвержден без возражений. Затем председатель поднялся и в коротких словах изложил сущность вопроса в том виде, как ставит его Дума на обсуждение приходских собраний. Речь шла о завершении нашего национального возрождения путем устранения еще очень сильного еврейского влияния на городские дела, а также о борьбе с многочисленным и сильным иностранным элементом Москвы, не принадлежавшим к новой приходской организации.

Голова предпослал краткий исторический очерк еврейского вопроса в России. Все, что происходило в XIX столетии, было мне хорошо известно, но с середины 1899 года нить моих сведений обрывалась, и я с жадностью вслушивался и ловил совершенно новые для меня факты.

Начало XX века было ознаменовано с одной стороны установлением почти полной еврейской равноправности, с другой – чрезвычайно сильными и частыми еврейскими погромами во всей Европейской России и даже в Сибири, усмирненными повсюду военной силой.

Началось с того, что в трудную финансовую минуту под давлением парижского Ротшильда, в руках которого фактически находился регулятор государственного кредита России, была упразднена черта еврейской оседлости, и евреям было разрешено не только селиться в городах раньше запретной для них части России, но и покупать земли в селениях сначала в ограниченном размере и по особому разрешению местных властей, затем без всякого ограничения. Поднялось массовое передвижение евреев вовнутрь страны. Не осталось почти ни одного вида торговли или промышленности, который не был бы ими захвачен. Вслед за тем было уничтожено процентное отношение для учащих евреев почти во всех средних и высших учебных заведениях. За эти льготы Ротшильд дал

нам возможность заключить два больших металлических займа.

Последней льготой было допущение евреев-офицеров на службу. В самое короткое время ими было переполнены все военные и юнкерские училища, и во многих выпусках кряду число евреев-офицеров доходило до 60 и 70 процентов всего числа производимых юнкеров.

По мере того как расширялись права евреев и они стремительно расселялись по России, скупая дома, земли, основывая фабрики, заводы, газеты, агентства и конторы, росло против них народное возбуждение, сдавленное недавними кровавыми репрессиями, но каждую минуту готовое выразиться в самых резких формах. Обнаружилось разложение в нашей прекрасной и доблестной армии. С одной стороны, при военном усмирении еврейских погромов солдаты начинали плохо слушаться евреев-офицеров и выражали охоту присоединиться к бушевавшим толпам, что совсем уже компрометировало и армию, и законный порядок, с другой стороны, между евреями-офицерами, занимавшими должности по Главному Штабу, нашлось несколько личностей, выдававших иностранным державам наши важнейшие военные секреты. Полковник Зильберштейн продал одной соседней державе новейший план мобилизации нашей западной границы, был судим и приговорен к расстрелу, но помилован и только заключен пожизненно в крепость. Профессор военной академии генерал Мордух Иохелес в 1922 году скопировал тоже для соседней державы планы двух наших важнейших крепостей, был пойман, уличен и повешен.

В первый раз не без тяжелых колебаний правительство решилось принять некоторые меры, и в 1924 году было издано распоряжение, в силу которого евреи впредь не должны были иметь доступа в Главный Штаб, артиллерию и инженерные войска. Это вызвало взрыв негодования во всей Европе, которая в это время была уже в совершенном подчинении евреям. В нашей армии произошел крупный раскол, и отношения офицеров-русских к офицерам-евреям до крайности обострились. Дуэли происходили чуть не ежедневно и дисциплина видимо падала.

Новый ряд страшных еврейских погромов довершил дело. Кроткий и незлобивый русский народ был раздражен до такой степени еврейской эксплуатацией, что доходил в отдельных случаях до неслыханных зверств. Но права евреям были даны, ими они успели уже широко воспользоваться, и отнять их назад или вновь восстановить границу оседлости было невозможно. Правительство было совершенно бессильно справиться с обострившимся до последних пределов еврейским вопросом.

Поворот начался с великой финансовой катастрофы, разразившейся во второй половине двадцатых годов. Говоривший не останавливался на ней подробно, но я понял, что эта катастрофа каким-то образом развязала нам руки, и с этого момента началось как постепенное наше освобождение от давления иностранного биржевого еврейства, так и наше национальное возрождение.

Но самым могущественным толчком на пути этого возрождения было восстановление нашего древнего церковно-общинного строя. Начало этому делу было положено еще в 1910 году устройством прихода как низшей земской и городской единицы и восстановлением избираемого приходом духовенства.

Эта законодательная мера приветствовалась взрывом всеобщей радости. У православных русских людей явилась точка опоры, восстановилась союзность, упраздненная в течение с лишком двухсот лет. Наряду со всемогущим еврейским кагалом явилась тесно сплоченная православная организация в лице бесчисленных церковных общин. С евреями началась не законодательная, а чисто культурная борьба, и в этой борьбе в первый раз за огромный срок победа начала склоняться на сторону коренных русских людей, которые наконец почувствовали себя хозяевами земли своей.

Вопрос, который Московская городская дума ставила на обсуждение приходских собраний, был следующий. Основанная в 1939 году специально для борьбы с еврейской и иностранной эксплуатацией России газета "Святая Русь" поддерживала вот уже двенадцать лет неустанную патриотическую агитацию в том смысле, что христиане

должны ничего не покупать у евреев, ничего им не продавать, не входить ни в какие сделки и отношения, изолировать их в общественном смысле и заставлять ликвидировать дела и уходить. Этим способом освободилась от евреев русская Польша, откуда они все мало – помалу перекочевали в Россию. А уж Польша ли не была в свое время истинным Ханааном?

Проповедь эта имела полный успех, и начавшееся по всей России движение, совершенно мирное и чуждое всякого оттенка насилия, оказалось для евреев страшнее самых кровавых погромов. Приходское устройство и правильная постановка общественного кредита при изобилии и дешевизне денег необыкновенно помогали в борьбе.

Евреи начинали терять почву. Приходы открывали собственные склады, мастерские, магазины. Чековая система, сама собой вошедшая в жизнь после финансового краха и полного исчезновения металлических денег, делала самостоятельными и независимыми даже самых слабых. Не помогали никакие хитрости и торговые выдумки. В первый раз за всю свою историю евреи были поставлены в необходимость кормить себя сами, кормить руками, а не изворотливостью, так как в их услугах переставало с каждым днем нуждаться организованное общество. Что оставалось делать?

Уходить? Но куда? Европа вся была переполнена. Из Палестины, вновь было захваченной евреями, их усердно гнали арабы, сирийцы, греки... И вот началось массовое принятие евреями православия, что давало одно из главных и драгоценных по времени прав: право сделаться членом прихода.

Движение это настолько беспокоило коренных русских людей, что церковное правительство задалось вопросом о желательности и полезности таких обращений, и последний Поместный собор епископов Московской области выработал специальный законопроект, который предлагая внести в ближайшую сессию Государственного Совета. Проект этот заключался в том, чтобы допускать до крещения только тех евреев, искренность обращения коих будет засвидетельствована приходским собранием

уполномоченных и притом не ранее, как через пять лет после заявленного о том ходатайства.

Но и этого ревностным защитникам чистоты русской народности казалось мало. Предлагаюсь на новых христиан не распространять полных прав членов прихода, а только на их детей. Другая редакция законопроекта требовала для принятия в церковную общину ходатайства за каждого данного еврея со стороны самого приходского общества в лице $\frac{2}{3}$ всех голосов. Было очевидно, что при этих условиях разве совершенно исключительный по своим нравственным качествам еврей мог быть принят как член прихода.

Это предложение архиерейского собора и было Городской думой передано на обсуждение приходских уполномоченных.

Трагедия народа Божия

Речь председателя кончилась. Слово было предоставлено юристу, профессору Матвееву, одному из влиятельнейших прихожан и бесплатному юрисконсульту прихода. Поднялся скромного вида не старый еще человек в больших синих очках и начал горячо доказывать уместность и необходимость нового закона.

– Основное право всякого организованного общества, – говорил он, – есть право самоопределения. Нельзя заставлять ту или иную группу людей принимать в свою среду то лицо, которое она не захотела бы принять добровольно. При страшном развитии еврейской силы и влияния в России только один приход показал свою жизнеспособность в смысле сопротивления евреям. Только приход ими не захвачен. Евреи, входящие к нам в качестве наших сочленов, ничего не внесут, кроме разложения, раздора и недобросовестности. Неужели после достигнутых успехов мы снова дадим им укрепиться и забрать нас в руки? А теперь опасность больше, так как евреи стремятся проникнуть в самую нашу цитадель.

Оратору возражали, что с принятием христианства, хотя бы и не совсем искренним, а лишь по нужде, еврей выходит из своей национальной организации, прерывает с нею связь и,

становясь членом православного общества, мало-помалу в нем растворяется.

– Слыхали мы это! – заговорил пожилой человек с гривой густых черных волос, сидевший вдали от стола. – Но ведь не забывают, господа, что борьба с евреями идет не религиозная, а племенная. В этом все дело. Еврей-мозаист и еврей – христианин на мой взгляд одно и то же. Религия ничего не переменит ни в его взглядах, ни во вкусах, ни в образе действий. Его кровь совсем иная, чем наша, равно как и его психология. Нашей ли группы член или своей, он будет всегда одним и тем же элементом гибели и разложения для всякой страны, для всякого общества. К чему отуманивать себя заведомо несостоятельными рассуждениями? Пусть евреи живут, как могут и как умеют. Правительство встало на совершенно справедливую и прекрасную точку зрения. Никто не нарушает прав евреев и не домогается их умаления. Но не нарушайте же и наших прав, прав христианского общества, прав хозяев этой земли. Мы не желаем иметь евреев членами нашей церковной общины, мы не верим в искренность их обращения и аминь! Пусть остаются вне нас и устраиваются, как хотят.

Защитником евреев выступил один молодой еще член совета. Он сказал примерно следующее:

– Станьте же на минуту, господа, и на еврейскую точку зрения. Обратите внимание на то, что делается в Москве, и оцените результаты. Почти во всех приходах идет настоящая война, хотя и совершенно мирная, но тем более беспощадная. Образуются группы, дающие друг другу слово ничего у евреев не покупать и ни в какие деловые отношения с ними не входить. За какие-нибудь пять лет приостановилась чуть не половина еврейских торговых дел. Многие из них были вынуждены продать свои дома и земли, ибо квартиры стоят не занятыми, а на сельские работы никто не идет. Что остается делать евреям? Ведь жить же нужно! Ведь такие стачки, какие теперь устраиваются против них повсюду, хуже, чем средневековые гонения. Если мы не на словах, а на деле христиане, мы должны быть милосердны и терпимы.

Профессор не выдержал и попросил слова:

– Все это жалкие слова, – заявил он. – И сейчас, как пятьдесят и сто лет назад, еврейский вопрос один и тот же. Евреи не желают заниматься производительным и вообще черным трудом, не хотят тянуть общую лямку с христианами. Им нужно господство, нужна торговля, нужен легкий умственный труд, нужен простор для “комбинаций” и гешефтов. Как не заставите вы волка есть траву, так не заставите еврея трудиться наравне с нами. Вспомните, как еще недавно мы задохнулись в их тисках и с какими страшными усилиями освободились. Оглянитесь, какое ужасное наследство остается еще от этой несчастной исторической полосы. Неужели же всего этого недостаточно для нашего вразумления?

Прения затягивались. Я видел, как ораторы кружились вокруг одного пункта, который и в мое время составлял камень преткновения при решении еврейского вопроса: с одной стороны, высокие понятия человечности, братства о Христе и пр., с другой – явные, доказанные и вековым опытом проверенные противообщественные, чисто расовые свойства евреев.

Дав высказаться всем, старик священник пожелал вставить и свое мудрое слово.

– Борьба борьбе рознь, друзья мои, – сказал он. – При самой высокой христианской любви ко всем нельзя осудить человека, который, располагая полной свободой действия, идет, например, к врачу-христианину и дает ему заработок и не желает лечиться у врача-еврея, осуждая последнего сидеть без дела. Я не могу осудить никого из нас, составляющих здешнее или иное церковное общество, за то, что он не захочет допустить в свою среду, а эта среда – наша семья, – чуждого по духу и крови человека только потому, что этот чужеродец заявил под давлением обстоятельств о принятии нашей веры. Мы не можем войти к нему в душу и проверить его искренность, но, к несчастью, мы уже имеем слишком частые примеры разложения дружной и доброй приходской жизни вследствие появления евреев в качестве равноправных членов православной семьи. Избави Бог от угнетения и насилия над кем бы то ни было. Евреи теперь полноправны. Им открыты все роды деятельности. Русский

народ не гонит их из земли своей. Он желает лишь, чтобы они изменили, насколько можно, свою природу, а не только свои верования. А изменится эта природа только тогда, когда не будет для них никаких иных способов жизни, кроме такого же труда, какой несет и весь русский народ. Пусть идут на землю, пусть переделываются духовно, и тогда христианство не будет для них одним лишь внешним оружием для удержания их нынешних способов жизни. А не захотят этого, да будет им ведомо отныне и навсегда, что уступок им никаких не будет и вся православная Русь, как один человек, ответит: вы нам не нужны!

Раздались крики: “Да”, “да”, “не нужны!” Председатель сказал несколько слов, заключая прения. Затем было предложено согласным с думским проектом сидеть, несогласным встать. Последних оказалось из 48 присутствовавших только двое: говоривший после профессора оратор и худой высокий старик с семитическим профилем и совершенно белой бородой. Это был аптекарь еврей, лет тридцать уже как принявший христианство по глубокому убеждению и принявший его тогда, когда такой шаг ровно никаких выгод не сулил...

Я заметил у этого почтенного человека платок в руке. Глаза его были влажны. Он плакал.

Вечная, неизменная в своем существе трагедия разыгрывалась и здесь, как и в мое время. Менялись формы, но содержание оставалось. Виноватых не было, зато тем тяжелее было видеть глубокое человеческое горе, незаслуженное лично, но тем более оскорбительное, тем более тяжкое.

Заседание кончилось пением хора, и мы тихо разошлись. В этот вечер решилась и моя судьба. Мне было ассигновано городом пособие в размере 2400 рублей в течение одного года при полной свободе приискать себе род занятий и место жительства. Я решил сделать небольшое путешествие, чтобы посмотреть обновленную Родину и посетить места дорогого детства.

Железные дороги

Утром на следующий день Степан Степанович вручил мне бумагу, которую привожу полностью. Она являлась одновременно и моим паспортом, и кредитивом.

“Управление города Москвы.

Городская казна.

22-го октября 1951 года.

Д. № 28 261

Предъявитель сего дворянин такой-то, согласно дневной записи Московского Городского Совета от 20-го текущего октября, утвержденной городским головою, имеет доверие в каждой открытой кассе Российской Империи с 1-го ноября 1951 года в течение одного года на 200 рублей в месяц, выдаваемых на основании прилагаемого расчетного листа в одолжение Московской городской казны.

Главный казначей Лишин.

Начальник счетоводства Петров”.

Вторая половина листа состояла из двенадцати “расчетных ярлыков” за одним и тем же номером, которые должны были отрезаться по предъявлении, в обмен на чековую книжку.

На эти 200 рублей в месяц, принимая во внимание вздорожание многих предметов против моего времени, то есть относительную дешевизну денег, широко путешествовать было, понятно, нельзя. Этой суммы хватило бы только в обрез. Но мне, как журналисту, попавшему в столь любопытное и исключительное положение, было уже предложено несколькими редакциями очень выгодное сотрудничество. Я остановился на двух изданиях: одном столичном – киевском и одном московском, куда должен был посылать корреспонденции. Через самое короткое время я получил денежные кредитивы от обоих изданий точно так же на все “открытые кассы Российской Империи”. Теперь я мог выехать из Москвы, не откладывая, хотя на дворе стояла глубокая осень и была скверная, сырая погода. Я думал и, как оказалось, совершенно основательно, что наши мудрые господа потомки будут иметь и осень в деревне достаточный комфорт, – не так, как в наше время, и

что в родных местах я по крайней мере не утону в грязи. Проводить меня на вокзал вызвалась хорошенькая дочь Степана Степановича, Дарья Степановна, ради которой я даже дня на два отложил свой отъезд. Собственно говоря, провожала не она меня, а я ее. Вместе с группой подруг-сверстниц она отправлялась в путешествие по Кавказу и Персии. Барышням, знавшим обо мне все подробности из газет, было очень любопытно хоть часть дороги проехать с живым человеком XIX столетия. Девуцы только что кончили свое образование и предпринимали поездку-прогулку как ради развлечения и отдыха, так и для ознакомления с Отечеством. Такие прогулки были, как оказывается, для всей учащейся молодежи как бы последней школой. Они продолжались несколько месяцев, причем и государство, и общественные управления широко приходили на помощь молодежи, выдавая путевые пособия и понижая до последних пределов цены на проезд и на все то, что можно было иметь от казны, земства, городов или приходов. Таким образом, Степану Степановичу это путешествие его дочери в течение месяцев шести могло обойтись никак не дороже двухсот – трехсот рублей, что было вполне в его средствах.

Отъезд наш произошел так: было сказано по телефону насчет багажа и билетов. Утром явился агент железной дороги, который вручил нам ярлычки наших мест в вагонах и забрал чемоданы – мой и Дарьи Степановны. В четыре часа дня, после раннего обеда и сердечного прощания с отцом моей спутницы, мы вышли на Арбат, прошли несколько шагов, подождали две – три минуты, пропустили несколько электрических вагонов, бежавших не туда, куда нам было нужно, и вошли в свой, отправлявшийся на Южную железную дорогу.

Как и в мое время, по улицам шли пешеходы и ехали в два ряда извозчики и частные экипажи. Тротуары были шире, дома выше, мостовые превосходные. Несмотря на шедший эти дни дождь, грязи не было и в помине. Меня поразило отсутствие автомобилей и велосипедов.

– И то и другое давно уже запрещено Думой, – объяснила моя спутница. – Автомобили лет тридцать назад совсем

было упразднили лошадей. Жизнь в городе стала невыносимой до того, что участились помешательства. А что касается до велосипедов, то было обнаружено не только увеличение всяких расстройств, но даже некоторое как бы одичание среди пользовавшихся ими. И вот сначала велосипеды были запрещены для женщин, затем изъяты из употребления и вовсе.

Через десять минут мы были на Садовой, где я узнал новый в мое время вокзал Курской и Нижегородской дорог, теперь значительно расширенный и обратившийся в центральный городской вокзал, от которого двигалось в разные стороны до 1400 поездов в день, а в праздники свыше 2000. Вместо унылой асфальтовой площади перед ним был разбит великолепный сквер из высоких деревьев, уже потерявших свой лист. Только могучие ели да сосны оставались в зимнем зеленом уборе.

– Ну а железные дороги, как видится, целы? – засмеялся я.

– Да, с железными дорогами обществу уже расстаться было нельзя, хотя, знаете ли, года три назад шла жестокая против них агитация. Указывали, что благодаря быстроте сообщений общество дичает. Ну, это течение победы не одержало. Однако добились того, что скорость выше 120 верст в час запрещена.

– Сто двадцать верст!

– Ах, это что за скорость! В 45 году между Москвой и Киевом ходили поезда по 150 верст в час.

– Теперь этого уже нет?

– Я вам говорю, что скорость в 120 верст признана предельной.

– Скорей, скорей, осталось всего пять минут, вы чуть не опоздали, – щебетала на подъезде группа девушек, встречая мою спутницу.

Мы прошли на огромную платформу, которую я тоже не мог бы узнать. Необъятных размеров стеклянная арка была перекинута через двадцать или тридцать пар рельсов с платформами между ними. Поезда приходили и уходили поминутно без дыма и почти без грохота. Огромные

паровозы наших времен были заменены легкими электрическими двигателями также иного устройства, чем в мое время. Вагоны тоже показались мне и длиннее, и выше.

Мы отыскиали нужную платформу и перед ней наш поезд. На вагонах не было обозначения классов, да их, как оказалось, не существовало вовсе. Вагон для дам, два вагона для мужчин, вагон-гостиная и столовая. Это был скорый Индийский поезд, шедший из Москвы прямо и почти без остановок до Индийского океана, через Тулу, Харьков, Ростов, Владикавказ, Тифлис и Тегеран к порту Чахбар, где еще в мое время было намечено к прорубке "окно". Теперь все это давно было исполнено и Персия представляла нашу провинцию, такую же, как Хива, Бухара и Афганистан. Прямых поездов ежедневно отправлялось три и, кроме того, десять обыкновенных, по дешевому тарифу.

Едва я успел найти и занять свое место, как поезд тронулся. В несколько минут Москва осталась позади.

Последние отблески короткого октябрьского дня исчезли, и вокруг нас разостлалась темная пустыня с быстро мелькавшими кое-где электрическими огоньками. Мы встречали и на полном ходу обгоняли поезда, шедшие, как оказалось, по параллельным рельсам. Движение между Москвой и Югом разрослось настолько, что на нынешней Курской дороге во всю ее длину было уложено четыре рельсовых пути.

Школа. Женский вопрос

– Куда вы там забились, дедушка? Идите к нам.

Звонкий голосок принадлежат Дарье Степановне, которая вместе с другой подругой отправилась меня разыскивать.

"Дедушка!" Это меня так окрестила моя хорошенькая спутница. Положим, что официально мне было уже более 80 лет, и на этот почтенный титул я имел все права, но ведь из этих 80 лет нужно было вычесть проведенный мной под землей 51 год. Я был тот же тридцатилетний мужчина, что и в памятный для меня вечер моего усыпления. Мало того, мне казалось, что после такого продолжительного отдыха и при доброй заботливости управления странноприимного

дома прихода Николы на Плотниках я даже несколько окреп и помолодел.

Во всяком случае, прошла моя нервность, так как теперь я был слишком чужд окружавшей меня действительности, чтобы волноваться. Я проспал мою старую Россию, которую любил и жизнью которой жил. Теперь я был только свидетелем чужой жизни, почти иностранцем. Тяжело было это ощущение, но избавиться от него не было возможности.

Мы прошли в вагон-гостиную. Там собралось разнообразное общество. Семь или восемь подруг Дарьи Степановны, старичок почтенной наружности, как оказалось, отставной профессор, приглашенный барышнями сопровождать их во время путешествия и давать нужные объяснения. Два молодых человека в вышитых шелками толстых шерстяных рубашках. Пожилая дама. Председатель земской управы одного из южных уездов. Черный, широкоплечий тифлисский армянин, несколько иностранцев.

Девушки окружали своего профессора и чему-то усердно смеялись. При моем входе раздалось то же восклицание “дедушка”, и молодежь обступила меня.

Последовали взаимные представления. Двое молодых людей в рубашках показали мне студентами, окончившими свои научные занятия и присоединившимися к дамской экскурсии. Судя по нежным взглядам, изредка обмениваемым, и некоторой интимности отношений, молодые люди уже имели своих избранниц в группе девушек. Моя догадка скоро подтвердилась, так как я услышал слово “твой жених”, сказанное одной из девушек по адресу другой.

Скоро появился чайный прибор с большим самоваром, достали дорожную провизию, пирожки и фрукты, мне отвели почетное место за столом рядом со стариком-профессором и начался разговор, направленный на мое поучение и просвещение. Девушки наперебой старались рассказать, как устроено “у них”. Я едва поспевал задавать вопросы.

Мой первый вопрос был, конечно, о том, из каких учебных заведений мои спутницы? Все рассмеялись.

– Успокойтесь, никаких учебных заведений у нас нет. Все эти ваши гимназии, институты и прочее давно упразднено.

– Как же у вас учатся?

– Первоначальное образование дается дома. Родители соединяются в кружки и приглашают к детям учителей по своему вкусу и выбору. Затем, кто желает учиться, ходит на приходские курсы. Видели наши аудитории? Там читают все предметы, которые нужны для среднего образования, и полный курс домоводства. Большинство девушек бедного класса тем и заканчивает.

– Ну а те, которые желают учиться дальше?

– Те выбирают себе интересующие их предметы и слушают или высшие курсы вместе со студентами, или ходят на специальные городские курсы.

– Значит, высшее образование вполне свободно? Дает ли оно женщине какие-нибудь права?

– Права? Какие права? Мы совершенно полноправны...

– Например, стать врачом, адвокатом...

– Ах, вы вот про что! Да ведь эти профессии все вольные. Зачем же тут какие-нибудь права?

– Ну, в мое время это было не так-то легко.

– Знаем, знаем. У вас шла борьба о том, давать ли женщине диплом и допускать ли ее к тем занятиям, которые вы считали пригодными только для мужчин. Мы этот вопрос решили проще. Мы отменили все дипломы. Любой из нас, мужчина или женщина, может вполне свободно учить, лечить, защищать на суде. Разве же может невежда взяться за незнакомое ему дело? Возьмите хоть врачевание. Да кто же решится лечить, не зная медицины? Ведь за всякое шарлатанство установлена строжайшая ответственность! А если кто-нибудь лечит и лечит успешно, народ к нему идет и жалоб никто не заявляет, так с какой же стати власть будет вмешиваться?

– Ого! Это что-то совсем по-американски. Но однако вы же ввели большие стеснения в области печати, такие даже, каких не было и в мое время?

Профессор возразил:

– Печать не стеснена. Книга, брошюра бесцензурна и совершенно свободна. Газета совсем другое дело. Газета есть общественная кафедра, есть формальная власть. На эту кафедру нельзя пускать первого встречного. Это общественная должность, а не частная профессия. Вот почему здесь требуется такой же публичный экзамен, как и для других общественных специальных служб.

– Разве у вас общественные должности даются по экзамену?

– Все, где требуются специальные познания. Чтобы получить место городского, земского или приходского врача, например, или адвоката, преподавателя, нужно выдержать экзамен, и притом очень строгий.

– Кто же экзаменует?

– Ученые, к которым обращается соответственное учреждение. Например, открывается место приходского врача. Вызываются желающие. Все более или менее заручились свидетельствами о слушании курсов у хороших профессоров. Но приходу этого мало. Приходский совет приглашает трех – четырех знаменитых врачей, образует совещание, и это совещание экзаменует желающих. Вот на основании этих экзаменов и пишут договор.

– Как это сложно! У нас раз получил человек диплом, его уж вновь не экзаменовали.

Все разом запротестовали:

– Сложно? А ваш порядок был лучше? У нас не может быть тех невежественных шарлатанов-врачей, какие бывали в ваши времена. Получил диплом – и бросил заниматься наукой.

– А много у вас женщин-врачей?

– Порядочно. Женские и детские болезни лечат преимущественно женщины, мужские – мужчины.

– Ну а адвокаты?

Девушки переглянулись и рассмеялись.

– Есть женщины-адвокаты, и даже знаменитые... Только наши суды их недолюбливают.

– А чему вы рассмеялись, Дарья Степановна?

– Да вот видите ли, – ответил за нее старик-профессор – В адвокаты идут преимущественно те дамы, которых уж очень Господь лицом обидел. Все наши дамы, юридические знаменитости, – на подбор рожи. Да и какая порядочная женщина пойдет на такую кляузную должность?

– Судя по всему, у вас, господа, женского вопроса как будто вовсе нет?

– Женского вопроса? – заметила, смеясь, хорошенькая блондинка, та самая, которой было сказано “твой жених”, – Женский вопрос у нас заключается в том, чтобы честно и умело отдать свою руку и сердце порядочному человеку, не ошибиться в выборе и его не обмануть. Вот как ставится у нас женский вопрос.

– Браво, Саша, браво! Выражено прекрасно, – заметил молодой человек, жених этой самой Саши.

– Неполно, сударыня, – отозвался профессор, – Если вы хотите дать настоящее определение, то добавьте уж кстати: быть хорошей матерью, дать своей Родине преданных, умных и здоровых граждан.

Я подумал: “Рассказать бы это нашим интеллигентным барышням!”

Мою мысль словно угадала миловидная брюнетка, смеявшаяся больше всех.

– Да, да! – сказала она – А вот мы никак понять не можем вашей постановки женского вопроса. Перед отъездом я прослушала два чтения о женском движении в России во второй половине XIX века и вынесла очень странное впечатление. Объясните нам, пожалуйста, почему у вас образованные девушки с таким пренебрежением смотрели на брак и на роль жены и матери?

Я попытался объяснить, как умел, зарождение и ход у нас так называемого женского вопроса. Были ли мои доводы слабы, или публика слишком психологически чужда, но мои девицы так и остались при убеждении, что это была своего рода психическая болезнь, если не что-нибудь худшее.

Поняли, впрочем, что в мое время семья была из рук вон плоха. Я спросил в свою очередь:

– А у вас живут счастливее?

– У нас семья поставлена недурно. При прочной общественности и не может быть иначе.

– Развод облегчен?

– Юридически – очень. Брак расторгает духовная власть по данным, добытым светским судом. Но разводы у нас – большая редкость. Разведенных супругов судит очень строго само общество. Их презируют. Конечно, не во всех случаях, например, когда один из членов семьи сойдет с ума или неизлечимо болен и т. д., делается снисхождение. Но вообще развод считается делом постыдным, и это так вошло в наши нравы, что составляет гарантию вполне достаточную.

Быстро заторможенный ход поезда и множество замелькавших по обеим сторонам окон огней указали на приближение большой станции. Это была Тула. 186 верст расстояния мы сделали в полтора часа с маленькими минутами. Здесь мне предстояла пересадка, так как мой путь лежал не к Каспию, а к Черному морю, на Севастополь. Я мог бы ехать прямо из Москвы с таким же, как наш, скорым Черноморским поездом, но я хотел проводить Дарью Степановну и потому должен был в Туле пересаживаться и ждать два с половиной часа.

Поезд простоял всего пять минут. Самым сердечным образом простилась со мной моя дорожная компания, я пожелал милым девушкам всяких успехов. Через минуту вдоль платформы пронесся ряд окриков “готово!” – и поезд без всяких звонков и свистков плавно покатился, исчезая в густом тумане, а я прошел на вокзал и, бросив беглый взгляд на огромную, ярко освещенную стену, остановился, словно вкопанный, как был, с мелким багажом на руках.

География новой России

На стене, которая так привлекла мое внимание, была изображена огромная карта Российской Империи, аршин 8 в высоту и аршин 12 в ширину. Вот она, матушка Русь,

какой стала за полвека! В первую минуту я даже немного растерялся. Во – первых, не было привычных делений на губернии, которые так запомнились еще со школьных времен. Во-вторых, западная граница шла совсем не там, где в мое время.

Теперь эта западная граница начиналась у Данцига, крупными буквами обозначенного “Гданск”, охватывала всю восточную Пруссию и Познань и упиралась в крошечную, тоже нашу русскую область с крупно отпечатанным городом “Будышин”.

Я узнал маленькую, поэтическую Лужицу. Далее государственная черта переходила в прежнюю Австрию, охватывала всю Чехию с Моравией и, мимо Зальцбурга и Баварии, спускалась к Адриатическому морю, окружая и включая Триест.

В этой новой части Российской Империи определялись яркими красными границами следующие области: Царство Польское со столицей Варшавой, напечатанной крупно, и двумя главными городами Краковом и Познанью, отмеченными помельче, Червонная Русь со Львовом, Лужица с Будышином, Чехия с Веной в качестве столицы, Прагой и Оломуцем, напечатанными помельче. Маленькая, обрезанная со всех сторон Венгрия с Будапештом, Сербо-Хорватия со столицами Белградом, Дубровником и Загребом, Румыния с Бухарестом, Болгария с Софией и Адрианополем, и, наконец, Греция, охватывающая прежнее королевство, острова и часть побережья, с Афинами в качестве главного города.

Очень крупно был обозначен Царьград, четвертая столица Империи, по-видимому, не принадлежавший ни к какой области.

Но крупнее всех сверкал Киев. Здесь была первая столица России, перенесенная с Севера. Мне припомнились вещицы Тютчева:

...в славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша примирится.

А примирятся эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и Цареграде.

Итак, значит, сон поэта исполнился! Россия объединила славянские племена, “славянские ручьи” “слились в русском море”, а это море разлилось на половину Европы и Азии, от Северного до Индийского океана и от Великого Тихого океана до Архипелага и Адрии.

С западной границы от этой новой славянской России взгляд мой перешел на наш старый центр и на Восток. Как изменилось административное деление России!

Губерний, как я уже заметил, не было. Широкой красной полосой были очерчены новые, более крупные области: на севере правее Финляндии, оставшейся в старых очертаниях, крупно выделялся Петербург. Он был главным городом Северной области, огромного пространства, охватывавшего бывшие в мое время губернии Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, отчасти Вологодскую и Архангельскую. Восточная половина этих двух губерний соединялась с прежними губерниями: Вятской, Пермской и Казанской и во главе области крупным шрифтом стояла Казань. Далее шла группа губерний – Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Калужской, Московской и Нижегородской с Москвой в качестве областного центра. Киев служил центром значительной области из прежних губерний – Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской с Холмщиной, выделенной из состава Польши.

Средние черноземные губернии: Орловская, Тульская, Курская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская и Симбирская с частью губернии Рязанской и области Войска Донского группировались вокруг Воронежа, ставшего центром. Далее шло Заволжье с Оренбургом, Новороссия с Одессой, Северный Кавказ с Ростовом-на-Дону, Закавказье с Тифлисом. Сибирь, обозначенная на отдельной карте сбоку, разделялась на четыре области с городами Омском, Томском, Иркутском и Владивостоком. К ним примыкала “оккупированная”, должно быть, область

“Маньчжурия”. Таким же цветом были покрашены области, вошедшие в состав Империи на особых правах, как Бухара, Афганистан, Персия. Сквозь всю последнюю, начиная от Астары, шла железная дорога, упираясь в порт Чахбар на Индийском океане.

Я так увлекся созерцанием преобразованной Родины, что совершенно не заметил, как вокруг меня собралась порядочная толпа. Выйдя из поезда на Тульском вокзале, я воображал, что мое инкогнито будет полное. Увы! Телефоны уже оповестили о моем отъезде из Москвы с поездом таким-то и даже о моей пересадке в Туле, а кроме того, со мной вместе вышел из вагона земский голова, тоже в Туле менявший поезд. Я был открыт господами любознательными потомками несмотря на то, что был одет в их современный костюм, и через четверть часа захвачен ими для разговоров и угощений. Особенно усердствовала молодежь.

Меня усадили за большим столом под огромным бронзовым бюстом, который я сразу узнал. Это был Лев Толстой, гордость Тулы и величайший русский писатель. Когда я сказал мельком, что в свое время знал Толстого лично, выражению восторга и зависти не было границ. Увы! Ничего нового моим собеседникам я сообщить об их кумире не мог, так как мельчайшие подробности жизни великого писателя были известны здесь каждому школьнику.

– Вы знаете, – говорили мне с жаром, – после его смерти Ясная Поляна была куплена земством. Там устроен толстовский музей и библиотека, открыта художественная школа, убежище для престарелых писателей и настроено множество дач. Да, мы чтим Толстого!

Разговор перешел на интересовавшие меня исторические события за истекшие полвека, свидетелем которых я не был. Присутствующие наперерыв старались меня просветить. Особенно усердствовал молодой профессор, основавший в Туле высшие политехнические курсы и с моим поездом ехавший до Харькова. Он говорил, другие подсказывали и дополняли.

Политическая летопись полувека

Вот как все происходило. В 1900 году начались китайские беспорядки. Вся Европа бросилась усмирять, а в сущности делить Китай. Впереди всех шли немцы, которым удалось добиться, чтобы над соединенными силами европейцев командовал их фельдмаршал. Россия с самого начала отказалась от дележа Китая и отвела свои войска из Пекина, чтобы охранять только свою Сибирскую дорогу, которая в Монголии и Маньчжурии была вся разрушена. Настроение русской публики было относительно Китая самое миролюбивое. Однако “экспедиция”, затеянная в составе европейского концерта, все-таки привела Китай к покорности. Был заключен мирный договор, Китай обязался платить огромную контрибуцию, и двор вернулся в Пекин.

Но не успели европейцы сдать Китаю Тянь-Дзин, как в Небесной Империи вновь началось восстание. Хотя ввоз оружия и был запрещен, но сами же европейцы провезли его контрабандой множество. Пекинское правительство стало серьезно обучать войска, для чего, как водится, пригласило немецких инструкторов. Дело пошло хорошо. В мелких стычках китайцы уже не бежали, как раньше, а дрались весьма исправно.

Через два года разразилось, наконец, новое и страшно кровавое восстание против европейцев. На этот раз Россия благоразумно воздержалась от участия в “усмирении Китая” и вступила с ним в соглашение, по которому Маньчжурскую свою дорогу и все, что к северу, оставила за собой, южную же ветвь вместе с новыми городами Дальним и Порт-Артуром передала обратно Китаю, исправив таким образом свои границы.

Имея обеспеченный тыл и уже порядочную армию, Китай победоносно отражал инвазионные отряды англичан и немцев. Последние мало-помалу переправили в Китай до 200 тысяч войска, но всего этого оказывалось мало. Тем временем в самой России началось движение в пользу Китая. Русское общество было глубоко возмущено немецкими зверствами над мирными китайцами, которых немцы вешали, расстреливали и т. п. Оскорбляли могилы предков, выжигали целые города. После возвращения

специальной миссии, посланной в Пекин, в Россию приехал уполномоченный богдыхана просить защиты. Россия осталась нейтральной, но по секрету было разрешено нашим офицерам, не выходя в отставку, поступать в китайские войска.

Негодование против немцев было так велико, что этим разрешением воспользовалось множество наших офицеров запаса. Можете себе представить, что произошло. Ведь китайцы превосходные солдаты, и им недоставало лишь путного командования и военных традиций. Как только появились русские офицеры, война начала принимать совсем другой оборот.

В Германии, понятно, злобствовали и шипели, но официально держали себя тише воды, ниже травы. Но вот на четвертый год войны случилось одно обстоятельство, которое переполнило чашу терпения России и вызвало разрыв между ней и Германией.

Очень важный стратегический пункт Дзян-дзи-фу защищали китайцы под командой русского полковника Птицына. Осада была беспримерная по мужеству и лишениям осажденных. Но вот, наконец, немцы взяли город. Птицын и шесть китайских офицеров, бывших под его командой, были расстреляны.

Когда весть об этом дошла до России, негодование выразилось настоящим взрывом. Россия прекратила с Германией дипломатические сношения и отозвала своего посла. Германский посол тоже выехал и вслед за тем, как-то само собой, даже без официального объявления начались военные действия.

Тройственный союз еще существовал, а потому нам приходилось иметь против себя сразу и Австрию, и Германию. Как ни была истощена и ослаблена Германия четырехлетней войной, но все же это была грозная сила. Немцы, опередившие нас в мобилизации, вторглись в Царство Польское. Но не успели они еще дойти до первой линии наших крепостей, как совершенно неожиданно наступила катастрофа для их союзницы – Австро-Венгрии.

Выдвинутая против нас императором Францем-Фердинандом восьмисоттысячная армия под Самбором и Станиславом сложила оружие. Дело в том, что драться с Россией желали только одни мадьяры. Даже поляки, благодаря мудрой и примирительной политике Николая II, отказались поднимать против нас оружие, тем более, что все земли старой Польши были необыкновенно возбуждены фактами страшных немецких насилий в Познани. Поляки присоединились к остальным славянам и положили оружие. Мадьяры отступили за Карпаты, забранные немецкие офицеры были отправлены в Россию в плен, а австрийская армия была наскоро реорганизована и присоединена к нашей южной армии, половина которой могла быть переброшена в Царство Польское против Германии.

Я воскликнул:

– А Франция? А наш союз?

Со всех сторон раздались голоса:

– Франция... опоздала. При начале военных действий правительство выдвинуло несколько корпусов против Италии, которая устроила мобилизацию и привела на военное положение свою западную границу. Но в Германию ей вступить пришлось позднее. Случилась катастрофа с русскими ценностями, и в самом Париже начались смуты и беспорядки. Министерство сменялось за министерством, а тем временем русские войска заняли Берлин. Уже когда мы были там, а по всей Австрии были объявлены выборы на местные сеймы, чтобы решить вопрос о дальнейшем будущем Габсбургской монархии, Франция перешла Рейн и остановилась, заняв Эльзас и Лотарингию.

Война для Германии оказалась непосильной, и немцы стали просить мира.

В это же время выручили нас парижский и лондонский Ротшильды, произведя конверсию нашего долга и снабдив нас необходимым золотом.

– В чем же заключались условия мира?

– Германия отдавала нам все земли старой Речи Посполитой, Эльзас и Лотарингию возвращала себе Франция.

– А Англия?

– О! Англия в самом начале войны покинула свою союзницу, Германию, объявила себя нейтральной и прежде всего постаралась захватить немецкие колонии и флот. Теперь greater Britain окончательно устроена.

– Неужели Индия не восстала?

– России было не до того, чтобы вызывать там восстание. Были у нас охотники устроить поход на Индию, но дело кончилось тем, что мы заняли Афганистан и Персию и дальше не пошли. Да тогда нам не позволяли и наши финансы.

– Неужели Англия и до сих пор владеет Индией?

– Владеет – этого нельзя сказать. Англия умна. Ввиду возможных осложнений она поспешила дать Индии полную автономию. Индия теперь так же свободна, как Австралия, Канада, Южная Африка. Да и самой Англии в прежнем виде не существует. Теперь это союз британских колоний – и только.

– Южная Африка... А кстати: что с бурами? Чем кончилась война?

Конечно, Англия подавила в конце концов несчастных буров. Но сейчас Африка организована довольно хорошо. Там возникли Южно-Африканские штаты, вполне самостоятельные и только номинально принадлежащие к союзу Великобританских колоний. Голландцы там равноправные хозяева.

Судьбы Австрии и славянства

– Но позвольте, мы отошли от самого любопытного. Расскажите, что случилось с Австрией.

– Ах, да! Ну вот, австрийская армия сдалась, император бежал сначала в Вену, оттуда направился в Будапешт. Городские и областные управления, где повсюду было славянское большинство, объявили восстановление исторических прав своих земель. Черногория вступила в

Хорватию и Герцеговину. Сербь заняли Боснию и сербские части южной Венгрии. Румыны вступили в Трансильванию. Между поляками и русскими галичанами последовало полное примирение. Восточная Галиция до реки Сан объявила себя частью России, западная Галиция выслала к Государю депутацию с просьбой объединить польский народ в его этнографических пределах. Чешский сейм принял в свою среду моравских и словацких депутатов и очертил границу чешских земель, включив туда же Вену, где насчитывалось до $\frac{1}{2}$ миллиона чехов. Хорватов и сербов удалось примирить. Затем Венгрия была оккупирована; а так как она находится в самой середине славянских земель и выделить ее нельзя, то она была более или менее насильственно включена в союз как автономная земская область. Императору было даже предложено остаться королем венгерским, но он предпочел сложить корону и удалиться вовсе.

Война была кончена, и вот наступил вопрос о будущем австрийских земель. Местные сешы выслали своих делегатов на общеавстрийский сейм и там было сделано два предложения: образовать независимую Западно-Славянскую, или Дунайскую федерацию, или присоединиться к России, стать под державу Русского Царя, который охотно гарантировал австрийским народам полное национальное самоуправление при крепком государственном единстве.

Последняя мысль восторжествовала. И что страннее всего: за присоединение к России ратовали преимущественно венгры, поляки и хорваты. Они боялись, что в независимой австрийской федерации против них будет всегда слишком преобладающее большинство православных народностей. Центральная же русская власть, даже самодержавная, им была далеко не так страшна.

Кроме того, тут действовали и соображения экономические. При государственном единстве с Россией упразднялись всякие таможенные преграды и местная промышленность получала огромные рынки. Наконец, знали слишком хорошо, что русские государи свято держат свои обещания и выполняют договоры.

Вот почему значительным большинством голосов общеавстрийский сейм постановил ходатайствовать перед нашим Государем о принятии всех австрийских земель на правах автономных земских областей в состав Российской Империи.

– А мы мечтали, что образуется Славянский Союз и в нем растворится “Российская Империя”.

– Послушайте, это смешно. Вы посмотрите, какая необъятная величина Россия и какой к ней маленький привесок западное славянство. Неужели было бы справедливо нам, победителям и первому в славянстве, а теперь и в мире народу садиться на корточки ради какого-то равенства со славянами? Да они и сами этого не просят. Они имеют свою национальную обстановку, свои земли, язык, управление и очень довольны, что состоят членами великой Русской державы.

– Ну а Турция? Константинополь?

– Турция осудила сама себя на гибель, присоединившись для войны с Россией к австро-германскому союзу. Мы не могли отделить против нее больших сил, а потому всей своей армией Турция обрушилась на Болгарию и страшно опустошила Македонию и Восточную Румелию. Но болгары при нашей и сербской поддержке далее Филиппополя турок не пустили. Им было нанесено несколько жестоких поражений. Затем соединенные русские, болгарские, сербские и греческие силы вступили в Константинополь, откуда султан предусмотрительно убежал в Азию, где и сидит до сих пор. С тех пор мы из Царьграда не выходили.

– Чей же Константинополь теперь?

– Наш. Но он не включен в состав ни одной области, а представляет вольный имперский город с небольшой вокруг него территорией. Укрепления Босфора и Дарданелл на обоих берегах находятся в русских руках, но теперь они потеряли всякое значение и почти упразднены.

Мне хотелось расспросить про внутренние перемены, совершившиеся за этот срок в самой России. Но на это уже не было времени. Подходил мой поезд. К счастью, меня, как уже сказано, провожал молодой харьковский профессор,

возвращавшийся домой. Он и земский голова, со мной приехавший, обещали изложить мне все подробности дорогой.

Подошел поезд, я отыскал свое место, и мы понеслись на Юг.
Федот Пантелеев и наше возрождение

Хотя было уже довольно поздно и я порядочно устал и от дороги, и от пережитых впечатлений, но мне не хотелось упускать такого знающего и милого собеседника, как ехавший со мной харьковский профессор, и я решил пожертвовать лишним часом сна, чтобы расспросить его о тех превращениях, которые испытала за полвека моя, теперь такая богатая, такая бодрая и прекрасная Родина.

– Из всего того, что я видел и слышал, я могу заключить, что Россия выбилась на свою историческую дорогу, процветает, благоденствует и преуспевает. Контраст с моим временем невероятный. Скажите, как это все произошло? С каких пор мы сделали такие огромные успехи?

– Да именно с тех пор, как вышли на историческую дорогу, как вы совершенно правильно выразились. А эта историческая дорога наша – не что иное, как гармоническое сочетание самодержавия и самоуправления. Нужно было сделать лишь первый шаг в этом направлении, чтобы все сразу выяснилось и пошло само собой.

– Что же это был за первый шаг?

– Восстановление прихода, воскрешение органической жизни на месте мертвого бюрократического механизма. Оживший приход дал новую жизнь земству; а раз земство ожило, обновилась и вся жизнь России.

– Прекрасно, верно, эти идеи и в мое время носились в воздухе, но вы мне передайте факты. Кто, как, в каком порядке все это выработал и осуществил?

– А вот видите ли. В первые годы этого столетия реакция против земства и самоуправления была особенно сильна. От земства понемногу были отняты все его функции и оно обратилось в пустой звук...

– Помню, помню, мы в мое время именно этого и ждали...

– Наконец, земство было окончательно упразднено, а вместо него были введены административные советы из лиц по назначению губернаторов. Разумеется, в провинции наступило удушье неслыханное. Но это было последнее слово петербургского периода русской истории. В воздухе почувствовались совсем новые веяния, и наконец, с назначением на должность министра внутренних дел нашего гениального Федота Пантелеева долгая полоса реакции была закончена, и мы сразу вступили на широкий путь давно жданных внутренних реформ.

Я припомнил имя “гениального Федота Пантелеева”, произнесенное еще в клинике ухаживавшей за мной сестрой милосердия. “Так вот кто этот Федот Пантелеев, – подумал я: – министр внутренних дел!..”

Профессор продолжал:

– В это же время России предстояли великие испытания, и всем было ясно, что для исторического подвига мало одного внешнего порядка, а необходим подъем духа, необходима свобода... не в западном, скверном смысле, а в нашем, русском, историческом. И вот довольно было с высоты Престола раздаться давно желанному призывному живому и бодрящему слову, чтобы все сразу ожило. Вот тут-то и выдвинулся Федот Пантелеев...

– Кто он, собственно?

– Простой, маленький дворянин, совершенно незнатный. Он сидел у себя в деревне, в Саратовской губернии, и появился в Петербурге довольно неожиданно. Им был сделан в Историческом обществе доклад, обративший на него общее внимание. Я не помню заглавия этого доклада, но знаю, что автора “призвали”, и с этого дня его звезда начала подниматься. Волна выдвинула его на пост министра, и за несколько лет до последней великой европейской войны реформы в России были закончены...

– Я вас слушаю, слушаю.

– Еще великий Аксаков сказал, что славянский вопрос есть, в сущности, русский внутренний вопрос, и эти слова блистательно оправдались. Ну как мы, такие, как в ваше время, могли сметь поднимать славянский вопрос?

Разумеется, славяне отвернулись бы от нас и засмеяли нас... Но теперь было совсем другое дело.

Мой собеседник готов был опять увлечься своим красноречием и позабыть о фактах, которых я от него ждал. Я постарался вернуть ему потерянную нить.

– Ах, да... Первая и самая трудная реформа, как я уже сказал, была – восстановление прихода. Затем последовало восстановление земства. Уездное земство было организовано из выборных от приходов и ему были переданы все органы управления. В то же время было восстановлено древнее каноническое избрание епископов и в каждом уезде учреждена епископская кафедра. Церковное управление само собой слилось с земским. Уезд стал епархией, земское собрание – епархиальным советом. Получилась живая органическая единица. Очень скоро оказалось, что деление на губернии не отвечает новым условиям и мешает истинному развитию и проявлению самодержавия. При огромности, прямо необъятной, русской территории, чтобы Государь мог во всей силе и полноте проявлять свою самодержавную власть, ему можно иметь дело лишь с очень крупными земскими единицами, и такой единицей была принята область.

Мне мысленно представилась только что виденная в тульском вокзале карта. Я спросил:

– Что же такое ваша нынешняя область и в чем ее отличие от прежней губернии?

– В широкой постановке самоуправления, в полном отсутствии бюрократического духа, который в ваше время господствовал и связывал по рукам и ногам всю местную жизнь.

– Это любопытно. Как же устроена ваша область?

Центральное и областное управление России

Во главе стоит начальник области или наместник, непосредственно назначаемый Верховной властью. Рядом с ним, в полной от него независимости, – областной предводитель дворянства, избранный уездными предводителями области. По всем делам области

предводитель и наместник докладывают Государю совместно. Областной предводитель есть по праву председатель областного земского собрания, которое состоит из гласных, выбранных уездными земствами по одному от уезда, и из всех уездных предводителей дворянства. Это собрание действует совершенно самостоятельно в пределах своего регламента. Ему даже предоставлено право местного законодательства в развитие и пополнение общего. Это нечто похожее, но гораздо шире, чем ваши прежние обязательные постановления. Правит областью Областная Дума, коей члены заведуют каждый своей частью. Это в маленьком виде прежнее западное министерство, ответственное перед собранием и наместником. Разумеется, дела области от дел государственных, с одной стороны, и от дел уездных с другой, строго разграничены. Ну, пожалуй, прибавлю еще, что неперменным членом Думы состоит областной митрополит. По делам Церкви в своей области он докладывает лично Государю в присутствии наместника и областного предводителя. Эти три лица большей частью имеют всегда общий доклад у Царя.

– Ну а начальнику области дана широкая власть?

– Его власть чисто исполнительная, хотя при несогласии с земским собранием он имеет право приостановить исполнение любого постановления. Но в этом случае немедленно созывается чрезвычайное собрание в усиленном составе для пересмотра дела.

– А если это собрание подтвердит решение первого, а наместник или начальник области по-прежнему не будет согласен?

– Тогда весь спор в двухнедельный срок должен быть передан Церковному Собору, если не согласен митрополит по какому-нибудь церковному делу, в Сенат, если дело идет о формальном правонарушении, или в Государственный Совет, если дело имеет характер политический.

– А, – заметил я. – Сенат и Государственный Совет существуют?

– Еще бы, – отвечал профессор – Только их деятельность значительно расширена и упорядочена. Заседания их публичны и гласны, кроме секретных государственных дел, и прения печатаются в стенографических отчетах в “Правительственном Вестнике”... Ну вот мы дошли теперь до центрального правительственного аппарата, и я вам передам в кратких чертах его постановку. Во-первых, я думаю, лишнее говорить, что самодержавие не только сохранилось, но необыкновенно укрепилось и приобрело окончательно облик самой лучшей, самой свободолюбивой и самой желанной формы правления, при условии, конечно, что страна живет нравственными началами, а не хищным эгоизмом. Вот почему хотя превосходство самодержавия теперь не отрицается никем, даже на Западе, по-прежнему только одна Россия самодержавна. В Германии, например, сделанная попытка устроить по нашему образцу самодержавную монархию кончилась катастрофой. Вас это интересует? Я, пожалуй, расскажу...

– Нет, это потом, а теперь кончите про наш государственный аппарат.

– С удовольствием. Наверху мы сейчас имеем четыре главных органа царской самодержавной власти. Во-первых, Государственный Совет, как орган законодательный. Он действует так же, как и в ваше время; вся разница лишь в том, что в его состав входят члены от областей, составляющие около половины всего состава; затем из его ведения выделены вопросы экономические и финансовые. Для законодательства в этой области существует особый Народохозяйственный Совет, совершенно параллельный Государственному. Оба эти учреждения, каждое в своей области, вырабатывают законопроекты, которые, как и в ваше время, называются “мнениями”, отнюдь для самодержавной власти необязательными, и подносятся на Высочайшее утверждение. Итак, вот два органа законодательных. Во-вторых, орган административный: это – Сенат. Он имеет задачей наблюдение над точным и неуклонным повсюду и всеми соблюдением закона. Деятельность его замечательно упорядочена в наше время. Не говоря уже про быстрое и очень самостоятельное

решение всех возникающих дел, сенаторы посылаются по областям самодержавной властью в качестве уполномоченных для разбора чрезвычайных дел. Им даются громадные права, например приостанавливать уездное и даже областное самоуправление, смещать выборных лиц, производить при себе новые выборы и т. д. Сенаторские поездки, собственно, и подняли наше самоуправление на ту высоту, на которой оно сейчас стоит. Четвертый орган – судебный. Лет тридцать назад от Сената были отняты совершенно неподходящие ему функции кассационной инстанции и был учрежден Верховный Кассационный Суд.

– Ну а министерства у вас есть?

Мой собеседник улыбнулся.

– Есть, конечно, но они так больше не называются. Надо вам заметить, что мы относительно всяких ломок и переименований необыкновенно консервативны. Но в эпоху реформ ваше бюрократическое прошлое до такой степени всем надоело, что даже самое название “министерство” было упразднено; это, конечно, мелочь, однако характерная. Да и самое слово было иностранное, не стоило жалеть.

– Как же ваши ведомства сейчас называются? Неужели приказы?

– Ну, это было, пожалуй, и еще хуже. Наши центральные ведомства называются просто “управлениями” или имеют собственные имена.

– Назовите мне, пожалуйста, ваши эти управления.

– Извольте. Во-первых, Большая Казна. Это ваш прежний Государственный Банк. Теперь это вполне самостоятельное учреждение и замечательно организованное. Система его отделений, уездных и областных казен упразднила давно уже все частные банки. Затем Державная Казна, соответствующая вашему прежнему Министерству финансов. Она ведает общегосударственными приходами и расходами. Счетная Палата – ваш прежний Контроль. Управление Государственной Безопасности – ваша прежняя полиция. Затем идут управления Земледелия,

Промышленности и Торговли, Наук и Искусств, Путей Сообщения, Почт, Телеграфов и Телефонов, Народного Здравия, Государственных Имуществ и Предприятий, Военное, Морское, Внешних Сношений...

– Вот видите, “почты, телеграфы, телефоны”, – значит, иностранные слова все-таки остаются?

– Ах, Боже мой, – воскликнул профессор – Я ведь говорю только про такие иностранные слова, для которых есть готовый и точный русский синоним. Зачем же выдумывать и ковать новые слова, когда иностранное слово уже органически вошло в состав языка и его обогатило? Это в ваше время сочиняли слова вроде “мокроступов”, “шарокатов” и пр. Помните “Петроград”?

– Ну нет, это было много раньше. В мое время над этим уже смеялись. Хотя “Петроград”, правда, это при мне. Но вот что: в вашем перечислении вы забыли упомянуть про министерство, или Управление внутренних дел...

– Нет, я не забыл, но этого министерства больше нет.

– Позвольте, вы же, кажется, назвали вашего реформатора Федота Пантелеева министром внутренних дел?

– Совершенно верно. Он и был им целых двадцать лет, пока не закончились реформы. Затем его пожаловали Государственным Канцлером и он в виде особой милости просил Государя никого не назначать на его место, а самое министерство упразднить, создав для полиции особое Управление государственной безопасности. Этим замечательным актом было устранено последнее недоразумение между Центром и областью.

– Я начинаю чтить вашего Федота Пантелеева. Скажите, он жив?

– О да! Сейчас ему около 70 лет, но он совершенно здоров и бодр и работает неутомимо. Это ближайший друг и советник Царя и, можно сказать, спаситель и опора русского Самодержавия. Ведь мы чуть-чуть не повернули на западный конституционный путь. Тогда был бы конец России. Спас нас именно Федот Пантелеев. Однако, смотрите, уже Орел, – заметил мой ментор, когда мимо

наших окон замелькали электрические огни освещенной платформы – Если мы еще будем говорить, то не успеем заснуть, и я приеду домой с головной болью, а мне предстоит экстренная и спешная работа...

– Простите, пожалуйста, но уж продолжите вашу любезность еще на десять минут, не больше. Мне хотелось предложить вам несколько вопросов...

– Десять минут, пожалуй, но ради Бога, только десять минут. Спрашивайте.

Профессор взглянул на часы и покачал головой.

– Все это для меня очень ново и я сразу не разберусь, пожалуй. Судя по тому, что вы рассказывали, ведь и у вас есть и ведомства, и бюрократия. Вы устранили, правда, централизацию, вы поставили области на место губерний, но ведь по существу-то в руках государства осталось все по-старому: финансовое управление государственное и очень централизованное, железные дороги все казенные, телеграфы и телефоны тоже, есть у вас государственная полиция, завели вы даже новое министерство, виноват, Управление народного здоровья. Значит же, есть у вас чиновничество, есть бюрократия? Правда, ваш Федот Пантелеев добился упразднения Министерства внутренних дел. Не спорю, это очень эффектный поступок для министра, но ведь теперь это Министерство внутренних дел есть в каждой области. Ведь ваша область устроена наподобие самостоятельного государства... В чем же разница?

– Я понимаю ваши недоумения. Как человек XIX века, вы с трудом схватываете нашу обстановку; еще труднее вам уловить ее принципы, ее дух. Ну, разумеется, бюрократия есть, если называть ею наш обширный персонал государственных и земских агентов. Но упразднен старый бюрократический принцип, установлена полнейшая гласность, ответственность.

– Знаете, профессор, чтобы нам понять друг друга, прежде всего мне придется вас попросить сделать более точное определение. Что такое, по-вашему, бюрократический принцип, бюрократический дух?

– Извольте. Бюрократический принцип – это было ваше деление и передача власти. Верховная власть избирала министров. Министры подбирали свой персонал центральный и провинциальный и передавали ему власть. Местная власть избирала низших служащих и облекала их властью. Эта власть шла из единого источника, постепенно разветвляясь от кабинета Царя до избы мужика или прилавка купца. Получался необъятного размера правящий механизм, в котором по теории все делалось именем Государя и на основании закона, на практике же... вы, вероятно, лучше меня знаете, что было. На практике господствовал в ваше время полный произвол низших агентов власти, ибо контроль отсутствовал и ответственности, можно сказать, не существовало. Низший агент был ставленником высшего и контролировался только им. Ясно, что при столкновении с обывателем самый лучший из высших агентов имел склонность становиться на сторону своего ставленника, и обывателю было очень трудно с ним бороться. До Государя же правда могла доходить только случайно. Вы помните, как ревниво оберегали себя местные власти от печати? Помните, как в ваше время отсутствовал всякий общественный контроль над бюрократией? Да это же и понятно. Престиж власти не допускал над собой контроля со стороны первого встречного.

– Ну а у вас?

– Мы поняли ту простую вещь, которую в ваше время не понимали. Самодержавие в его истинном свободном виде недробимо и неделимо. Следовательно, Государь не может и не должен быть только вершиной бюрократической пирамиды. Он Самодержец, а не глава бюрократии. Под ним не механизм бумажного управления с передачей власти из рук в руки, но ряд живых организмов – самоуправляющиеся по данному им закону области... Централизация и у нас есть, но какая? Техническая. Это совсем другое дело. Почтовый чиновник, начальник железнодорожной службы, агент Большой Казны – это не власть, это служебные элементы государства. Вся общественная власть возникает из выборов, вся государственная власть в руках Царя. Вот наша

схема. А так как государственная власть всецело обнимает собой и господствует над властью общественной, контролирует ее и правит ею, то не только никакого ущерба или ограничения царского самодержавия здесь не происходит, но только при этих условиях и возможно настоящее истинное и свободное самодержавие. В том-то и дело, что теперь не может быть речи о делении России на правящих и управляемых, как в ваше время, причем правящие, как носители власти, всегда оказывались детьми, а управляемые пасынками. Теперь и правящие, и управляемые стоят рядом и равноправные перед лицом своего верховного судьи – самодержавного Царя. Пока их спор между собой не выходит из рамок закона, личное вмешательство Верховной власти не требуется. Но вот закон бессилён, или страдает несовершенством, или прямо указывает, что дело должно взойти на личное решение Государя. Тогда во всей силе и полноте проявляется самодержавная власть Царя, и спор решен. Повторяю вам, мы признаем только личное самодержавие Царя, он один выше закона, все остальные подзаконны. В наше время возможен упорный и долгий спор между каким-нибудь маленьким приходом, или даже отдельной личностью и представителем Государя в области, наместником, или целым областным правительством; и мы твердо знаем, что раз этот спор поднимется до Самодержца, его суд будет нелицеприятен... и безошибочен, потому что дело будет освещено со всех сторон. Но ради Бога, давайте же, наконец, спать...

– Нет, нет, еще минутку!

Православная Польша

– Вот вы мне рассказали про наше внутреннее переустройство. В идее все эти вещи проповедовались и в наше время, и ваше дело заключалось лишь в том, что вы все это осуществили. Между тем, я вижу, что вы разрешили и такие вопросы, которые в мое время считались прямо неразрешимыми. Возьмем хоть Польшу. Знаете ли, что пятьдесят лет назад лучшие русские умы отказывались от решения польского вопроса, и, я помню, были даже голоса, которые рекомендовали произвести с Германией обмен: ей

отдать наше Царство Польское по Вислу, а от Австрии взять Восточную Галицию; этим хотели, с одной стороны, завершить объединение русского народа, с другой – избавиться от Польши, которую называли “пластырем, приставленным к русскому государственному организму”. Теперь я вижу Польшу, воскрешенную и объединенную, в составе Империи. Неужели с поляками нет никаких недоразумений? Неужели это добрые и спокойные граждане? Ну а католичество, ксендзы, шляхетские традиции, ненависть, вечные замыслы против России? Каким чудом все это исчезло?

– Очень просто. Католичества в Польше почти нет. Польша в духовном единении с нами.

Я даже с места привскочил.

– Польша православная?

Профессор опять улыбнулся.

– Вы все меряете на прежний ваш аршин, – заметил он. – Присоединиться к вселенскому церковному единству вовсе не значит “перейти в православие”. Православие – это восточная форма вселенского христианства. Но есть формы и другие: западная, африканская...

– Я догадываюсь: западная – это старокатоличество?

– Верно, хотя это слово почти вышло из употребления. Мы их называем “западными христианами”, они нас – восточными, и мы находимся в полном единении. Существует разница в обрядах, но Никейский символ веры принят западными Церквями, и все догматические и существенные в церковной практике разногласия сглажены и устранены.

– А прежнее католичество? А папа?

– Папство еще существует, но это уже одна тень прежнего. Католический мир начал распадаться еще в ваше время. Теперь огромное большинство западного христианского человечества покинуло Рим. Англиканство раньше всех примкнуло к вселенскому единству. Теперь на Западе существует несколько автокефальных церквей: Германская,

Французская, Английская, Швейцарская, Итальянская, образуется Испанская. И все в единении с Востоком.

– Но как же это происходило в Польше?

– Польское старокатолическое движение существовало давно, но не имело успеха, пока латинство было единственной защитой польской народности. Да и мы долго чуждались церковного единения со старокатоликами, подрывая и их, и общее церковное дело. Но вот, наконец, истинно церковные и христианские взгляды восторжествовали. С одной стороны, наш Синод еще до восстановления патриаршества, снесясь с автокефальными церквами Востока, объявил, что нет препятствий к общению в таинствах со старокатоликами, с другой стороны, русское правительство приняло замечательно мудрую и симпатичную меру: оно признало старокатоличество в Царстве Польском и первого из польских епископов, отложившегося от Рима и папы, графа Валерия Дембского, призвало в архиепископы варшавские. Он ввел у себя национальное богослужение на польском языке, причащение под обоими видами, отменил безбрачие духовенства и в местных католических кружках произвел полный раскол. Поляки увидали, что ни о каком здесь обрусении нет речи, а наоборот, это-то и есть их национальное возрождение. Началось массовое присоединение к новой Церкви, приобретшей весь облик национальной Польской Церкви. Почти одновременно последовало официальное единение старокатоличества с восточным православием, и вот неожиданно для самих себя поляки стали нашими единоверцами. К тому времени изгладились почти и последние следы русско-польской вражды, назрело решение славянского вопроса, и мы имеем теперь в наших пределах Польскую, Чешскую, Венгерскую и другие национальные церкви, возникшие одна за другой.

– Последний вопрос, а то я действительно злоупотребляю вашей добротой. Как же решился другой, тоже в мое время считавшийся неразрешимым, вопрос: а Северо-Западный край, Белоруссия, Литва, Юго-Западный край и прочие? Неужели мы их отдали полякам?

– Господь с вами! Да это теперь самые фанатические русские области. Мы, жители Центра, даже посмеиваемся немножко над их чрезмерным патриотизмом, которому теперь уже вовсе ничего не угрожает. Довольно было остановить культурную борьбу с поляками да дать простор местным силам, чтобы русское дело сделало там огромный успех. В Белоруссии и Литве – увы! – не поляки зло, и не с ними приходится бороться. Пока шла русско-польская вражда, наш Северо – Запад был чуть не сполна захвачен евреями и немцами. Вот с кем должны были повести упорную борьбу и русские, и поляки, и эта борьба не кончена даже сейчас... Ну, однако, давайте же, наконец, спать...

– Спокойной вам ночи, профессор, и великое спасибо...

Мы пожали друг другу руки. Мой собеседник улегся и почти тотчас же заснул, я же, хотя и страшно устал, но был до такой степени взволнован всем виденным и слышанным, что мой сон окончательно пропал. Я проворочался до самого рассвета, а утром только было начал смыкать глаза, как новое любопытное и неожиданное явление заставило меня не только проснуться, но и встать на ноги.

Уездный архиерей. Окончание раскола

На одной из станций с полуминутной остановкой в наш вагон вошел высокий, статный монах. Когда он снял шубу и передал ее послушнику, оставшись в рясе с пелеринкой и бархатном, обшитом черным валиком, низеньком круглом клобуке, я понял, что это – архиерей.

Он осмотрелся кругом и, заметив свободное кресло около меня, извинился и сел.

Я подошел под благословение и спросил:

– Куда, владыка, путь держите?

– В Севастополь, друг мой, а оттуда через Царьград в Иерусалим.

– Доброе дело... А епископствовать где изволите?

– Здесь неподалеку, за Днепром, в Концерополе.

– Это город?

– Новый уездный город Киевской области.

– Ах, да! Ведь теперь епископские кафедры учреждены в каждом уездном городе...

– Что значит “теперь”? Это сделано уже давно, лет, пожалуй, с тридцать...

– Да, да, владыка, я слышал.

– Ну вот, у вас опять какие странные слова: “слышал”. Точно вы сами никогда архиерея не видали?

– Уездного – никогда, владыка, – улыбнулся я.

– Да как же так? Вы православный?

– Православный, владыка, да только я на особом положении...

Он посмотрел на меня пристально, затем улыбнулся сам, достал из кармана газету, развернул ее, и найдя мой портрет и небольшую статейку, вскинул на меня глаза, как бы желая окончательно убедиться, и подал мне.

– Верно это вы самый и будете?

Я пробежал заметку. В ней действительно говорилось обо мне, напоминалась моя история и сообщалось о моем отъезде на Юг.

– Да, это – я, владыка.

– Ну, так теперь все понятно. Да, с любопытством прочел я вашу историю. Немало, я думаю, и вы подивились среди нас? Наверно, не скажете, что в ваше время против нашего было лучше?

– Разве можно сравнивать? Вы гораздо счастливее нас.

– Я себе легко представляю ваше время. Много было у вас недоразумений, неустройства и бед. Но едва ли мы уже настолько ушли против вас вперед, чтобы нельзя было и сравнивать. Каждой эпохе, каждому поколению свойственны свои радости и свое горе. Почем вы знаете, что и в наше время для выдающихся по уму и сердцу людей нет тех самых, а может быть, и больших душевных страданий, чем были у ваших лучших людей?

– Ну нет, владыка, с этим позвольте не согласиться. Страдание страданию рознь. Но если в ваше сердце закрадывается отчаяние за самую судьбу вашей Родины и

вашего народа, если вы перестаете верить и осуждены лишь молча смотреть... Этого страдания, я думаю, ни с каким другим нельзя и сравнивать. Неужели в ваши дни найдется хоть один человек в России, который бы такое страдание испытывал?

Владыка задумался на минуту, а потом сказал:

– Да, вы переживали тяжелый конец одного культурного периода, а нам досталось жить в светлом начале другого. Верно, верно; след этого настроения остался в литературе вашего времени. Но простите меня: не было ли это все-таки некоторым малодушием со стороны ваших современников? Неужели были такие уже незыблемые основания для вашего мрачного пессимизма? Неужели не было в жизни совсем никаких данных для воссоздания себе хоть сколько-нибудь сносной картины будущего? А Церковь?

– В мое время Церковь-то больше всего и заставляла трепетать за будущее: вера и личная, и народная падала на глазах...

– Знаю, знаю; ужасная вещь – падение веры.

Мой спутник умолк, погруженный в думу. Мне захотелось воспользоваться таким благоприятным случаем, как наша встреча, и расспросить его о нашем церковном возрождении. Отчасти факты я уже знал. Но, разумеется, никто не мог бы так просветить меня в этом деле, как этот бодрый и энергичный старец.

– О русском церковном возрождении я кое-что слышал, владыка, – обратился я к нему – Но многое для меня еще неясно. Я знаю, что у вас восстановлен приход, духовенство избирается; во главе Церкви, как в древности, стоит патриарх, собираются соборы епископов. Знаю, что православная Церковь вступила в общение со старокатоликами. Но внутреннее церковное русское единство восстановлено? Старообрядческий раскол устранен?

Владыка отвечал:

– О, давно. От раскола едва остаются слабые воспоминания. Есть еще рационалистические секты, например штунда,

духоборы. Но старообрядцы давным-давно стали чадами нашей Восточной Церкви, и, по правде говоря, им она больше всего обязана своим нынешним цветущим состоянием...

– Очень рад это услышать. Я всегда сам так думал. Но расскажите, как же все это совершилось?

– Вы помните, вероятно, – отвечал владыка, – что в царствование Александра III старообрядцам были даны очень существенные льготы? Затем началось понемногу движение в обратном направлении. Опасались чрезмерного роста старообрядчества, которое действительно стало усиливаться. У них и прежде была своя полная церковная организация, а тут пошли правильные периодические епископские соборы, вся Россия оказалась разделенной на епархии и архиепископии, и это создавало соблазн тем больший, что, несмотря на все усилия миссионеров, дело борьбы с расколом не подвигалось, а наоборот, раскол все усиливался. Вы легко поймете, конечно, что в деле веры крутыми мерами внешнего принуждения никогда добрых результатов не достигалось, да и самые эти меры, как насилие, совершенно несовместимы с духом Христова учения. Поэтому раскол усиливался. Случаи отпадения от православия и единоверия и возвращения в раскол становились все чаще и чаще. Положение единоверцев было фальшивое как по отношению к старообрядцам, так и относительно Церкви. Все дело заключалось в недоразумении с клятвами Собора 1667 года. Теперь даже трудно себе представить те мотивы, в силу которых тогдашняя церковная власть отказывалась сделать необходимые шаги для канонического разрешения соборных клятв. Но вот, наконец, наступил момент, когда медлить и колебаться стало невозможным. Церковная власть получила разрешение созвать Поместный Собор иерархов Русской Церкви, и на этот Собор были позваны для объяснений выдающиеся вожаки старообрядчества. К тому времени и единоверцы получили то, чего давно добивались, – особых архиереев в качестве викарных в некоторые епархии. Старообрядцы и единоверцы выработали для Собора обширную записку, содержащую полное изложение

тех условий, при которых первые соглашались прекратить свое отчуждение от господствующей Церкви, вернуться к послушанию ей и общению. Этих условий я не имею под руками в буквальном их тексте, но я не побоюсь привести их вам на память. Старообрядцы требовали обращения Собора к восточным патриархам тех самых престолов, предстоятели коих участвовали в наложении клятв. Это, разумеется, не представляло никаких особых затруднений. Россия была политически полновластной на Востоке. Затем, по снятии клятв, они требовали установить полное равенство старого и нового обряда и не стесняемый ничем выбор того или другого. В приходах со смешанным населением рекомендовали установить или двойной состав причта, или служение по обоим обрядам по очереди. Далее старообрядцы ставили неременным условием восстановление древнего устройства прихода, то есть выборного духовенства, и управления церковными имуществами посредством выборных приходских властей, при законодательном признании прихода церковной общиной и полноправным юридическим лицом. Наконец, относительно высшего иерархического устройства Русской Церкви старообрядцы предлагали восстановление патриаршества и постоянное ежегодное созывание епископского Собора в качестве верховной русской церковной власти. Все эти требования большого противодействия на Соборе не встречали, ибо служили лишь отголоском общего желания всех верующих русских людей и в огромном большинстве разделялись и самими иерархами собора. Но одно препятствие казалось непреодолимым. Старообрядцы требовали, чтоб их архиереи австрийского белокриницкого посвящения были признаны Собором в сущем сане, даже без предварительного отречения от заблуждений и без какого-либо покаяния или перепосвящения. Они настаивали на том, что их белокриницкая иерархия произошла от не запрещенного канонически боснийского митрополита Амвросия. Соглашаясь, что рукоположение им первых старообрядческих епископов было единоличным, то есть несогласным с канонами, они утверждали, что того требовала крайняя нужда, и приводили аналогичные

примеры из русской церковной истории. Этой уступки Собор сделать не решался, и кто знает, чем бы кончилось дело примирения, если бы не нашли очень счастливого и истинно христианского выхода сами старообрядцы. Несмотря на то, что у них в ту минуту состояло около двенадцати архиереев австрийского белокриницкого посвящения, они попросили их ради дела церковного мира удалиться на покой; это сразу устранило главное препятствие. Собор закончил свои заседания торжественным актом, где излагались подробности нового церковного распорядка и возвещалось возвращение в лоно Церкви двадцати миллионов ее ревностных чад. Акт этот вошел в Свод Законов как основной церковный закон. Вслед за тем на утверждение Верховной власти были представлены три избранные собором кандидата, из коих и был утвержден патриархом митрополит киевский Варсонофий.

Обновленная Русская Церковь

– Разве кафедра патриарха не в Москве? – спросил я.

– Нет, высшая церковная власть по канонам там же, где и средоточие правительственной власти, – в Киеве. По областям управляют митрополиты, простые епархии имеют границами уезды, но теперь и эта единица начинает казаться слишком большой. Епископ, согласно канонам, должен знать в лицо всю свою паству, а это при наших иногда огромных уездах прямо невозможно. Пока мы стараемся исправить недостаток назначением викарных архиереев в большие села.

– Но ведь содержание ваше, владыка, все же должно дорого стоить. Не трудно ли это для населения?

– Вы ошибаетесь, друг мой, – отвечал владыка. – Наше содержание стоит очень мало, потому что мы лично ничего не получаем. Да и какое жалованье монаху? Разве об этом можно говорить?

– Вот как! – заметил я в удивлении – В мое время было совершенно иначе. Но на какие же средства вы живете?

– Средства нам дает епархиальный совет, состоящий из представителей приходов, или то же земское собрание.

Каждый год составляется смета на содержание архиерейского дома, духовного правления, кафедрального храма, хора и на все наши необходимые расходы. Необходимая сумма раскладывается на городские и сельские приходы, которые и вносят. Раскладка эта – самая умеренная. Бедные приходы из нее вовсе изъеются; мало того, иногда епархиальный совет им же еще оказывает пособие. Но зато митрополиты и патриарх по мере нужды посылают нам милостыню. Средства для этого дают богатые монастыри.

– Разве у вас в управлении нет монастырей?

– Теперь нет. Архиереи монастырями больше не управляют... Многие, слава Богу, изменилось с тех пор, как установлено избрание епископов.

– А кстати, владыка, как это избрание совершается? В мое время об этом и мечтать не смели...

– Когда епископская кафедра освобождается, в тот город отправляется окружной архиепископ или митрополит области. Он имеет нескольких кандидатов, которых ему поручено предложить от имени областного синода. Но избрание этих лиц для местной паствы отнюдь не обязательно. Она избирает из них лишь в том случае, когда не имеется своего достойного кандидата.

– А как составляется избирательная коллегия?

– Избирает вся Церковь, то есть весь церковный народ. Каждая общественная группа должна быть законно представлена. Таким образом, избирательное собрание составляется из представителей духовенства и монастырей, земства и городов, а также отдельных корпораций, где они имеются, например академии, университеты и т. п.

– Ну а самый порядок выборов?

– Избиратели собираются обыкновенно в местном соборном храме, и после торжественного богослужения и молебствия собрание объявляется открытым под председательством прибывшего архиепископа или митрополита. Составляется список предлагаемых кандидатов, куда также включаются и кандидаты синода.

Затем против отдельных кандидатов предъявляются канонические возражения. Остающиеся в списке лица подвергаются голосованию, и получивший большинство голосов объявляется избранным. Его имя вывешивается на три воскресных службы во всех церквах епархии, и в течение двух месяцев каждый может объявить протест с надлежащими, конечно, доказательствами. К истечению этого срока в данный город съезжаются епископы соседних уездов, количеством не менее двух, и назначается день для докимасии, а затем рукоположения.

– Что такое “докимасия”? – спросил я.

– Древнее церковное испытание веры и жизни. Рукополагаемый удостоверяет чистоту своего исповедания. Тут же разбираются все взводимые на него обвинения и протесты против его избрания. Затем, когда испытание кончено, совершается торжественное рукоположение, и новый епископ произносит свое первое слово пастве.

– А если голоса разделятся?

– Тогда выбор предоставляется жребию.

– А от кого зависит перемещение епископов?

– Перемещение? Зачем может понадобиться перемещение?

– Например, если возникнут недоразумения между епископом и его паствой?

– Перемещений у нас не бывает. Помилуй Бог разлучать паству и пастыря из-за личных недоразумений. Разве это решение вопроса? При незначительных столкновениях достаточно христианского воздействия архиепископа области, в случаях же более тяжелых созывается церковный суд. Перемещений же, о которых вы говорите, на моей памяти было всего два случая. Слободскому Павлу врачи предписали покинуть Северо-Восточную область и поселиться на юге. Одновременно освободилась кафедра в Феодосии. Он послал просьбу митрополиту Новороссийскому предложить феодосийской пастве его принять. Та охотно согласилась, и дело было кончено. Другой подобный случай был в Сибири. Вот и все, что я знаю.

– Последний вопрос, владыка, если позволите: консистории сохранились?

Владыка улыбнулся.

– Нет, их больше нет. Существуют епархиальные советы, собирающиеся периодически для разрешения хозяйственных дел, и духовные правления при архиереях в качестве учреждений постоянных. Правления состоят из членов по выбору приходского духовенства и монастырей и являются при епископе в качестве совещательных органов. Он утверждает их постановления и на их рассмотрение передает все важные вопросы церковного управления. Но мнение правления для епископа необязательно. Его решение всегда самостоятельное и единоличное, как и требуется канонами. Чтобы закончить об органах епархиального управления, прибавлю, что у архиерея существуют особые священники – духовные следователи, особые священники-проповедники и, наконец, особые наблюдатели над преподаванием Закона Божия и пения в школах и храмах.

Совершенно незаметно в живой и интересной беседе прошло три часа. Поезд быстро несся к югу, прорезая Новороссийскую степь.

– Смотрите-ка, вот и море Господь послал, – заметил владыка, осеняя себя широким крестом. – Скоро и нашему пути конец.

Направо и налево весь горизонт занимал Сиваш, такой же мутный, мелкий и противный, как и в мое время. Чайки, как осужденные грешные души, кружились над тростниками.

– А вы, почтеннейший господин предок, куда путь держите?
– спросил владыка.

– Посижу недельки две на южном берегу, соберусь с силами, а потом хочется в родных местах побывать, – отвечал я.

– Ну, помогай вам Бог. Чай, из родных никого не осталось?

– Никого, владыка, из близких. Я наводил справки: все мое родство – внук и внучка покойной сестры. Они обо мне не имеют никакого понятия... Вот поеду – познакомлюсь.

– Желаю вам найти в них истинных родных и хороших людей, – сказал владыка.

Быстро пролетели мы Крым, сделав всего одномоментную остановку в Симферополе, и к двум часам остановились у севастопольского вокзала.

КАК ОДОЛЕТЬ СМУТУ И УКРЕПИТЬ РОССИЮ

Диктатор

(Политическая фантазия)

I

И Петербург, и провинция были как громом поражены объявленным Сенату Высочайшим Указом, в силу коего в видах объединения власти и прекращения смуты, грозившей полным разложением государству, назначался верховным Императорским уполномоченным по всем частям гражданского управления и главнокомандующим армией и флотом командир Красногорского полка полковник Иванов 16-й с производством в генерал-майоры и назначением генерал-адъютантом.

Об этом полковнике Иванове 16-м никто не имел ни малейшего понятия. Газетные репортеры не могли дать решительно никаких сведений. Бросились в военное министерство, но там могли только узнать, что полковник Иванов 16-й действительно существует, командует полком всего год, ровно ничем выдающимся не отмечен и имеет послужной список самый скромный и, можно сказать, бесцветный. Из дворян, воспитание получил в кадетском

корпусе, затем прошел Павловское военное училище и инженерную академию, откуда выпущен в строй. Командовал ротой в саперном батальоне. Ранен на рекогносцировке под Шахэ и награжден золотым оружием. Лет от роду 35. Женат, и жена имеет 420 десятин в Новгородской губернии. Вот и все.

Этот формуляр ровно ничего не говорил. Таких офицеров у нас тысячи, и почему именно на Иванове 16-м остановился выбор Государя – являлось ничем не объяснимым. Больше всех были заинтригованы придворные сферы, где о будущем диктаторе никто не имел ни малейшего понятия и самое имя Иванова нигде не произносилось.

Не знали даже, где новый правитель государства. Газетные сведения были противоречивы. Одни газеты сообщали, что Иванов уже в Петербурге и находится в Царском Селе, другие – что он едет откуда-то с Дальнего Востока.

Недоразумениям положила конец краткая заметка, появившаяся на следующий день в “Правительственном Вестнике”:

“Верховный Императорский уполномоченный сегодня, в 11 часов утра, будет принимать в Зимнем дворце гг. министров, членов св. Синода и Правительствующего Сената”.

II

С 10.30 утра на Дворцовой площади начали вытягиваться несколько линий карет и колясок, а в залах столпившиеся первые чины государства в полной парадной форме с волнением и тревогой ожидали выхода молодого диктатора.

Ровно в 11 часов в Георгиевский зал, где огромным покоем разместились присутствовавшие сановники, вышел генерал-адъютант Иванов.

Это был совсем еще молодой генерал, среднего роста, худощавый, с красивыми чертами лица и острыми, насквозь принизывавшими, серыми глазами. Он вышел просто и

уверенно, подошел под благословение митрополита Антония, сделал общий поклон и громким металлическим голосом сказал следующее:

“Ваши высокопреосвященства и милостивые государи!

Его Величество Государь Император, нравственно истерзанный и измученный вот уже третий год тянувшейся смутой, грозящей России разложением и гибелью, решил положить ей конец и для этого призвал меня и облек Своим высоким доверием и властью. Эту власть я решился принять только как полную, единую и безусловную. Умиротворив Россию, восстановив в ней всеобщее доверие, твердую власть, свободу и порядок, я сложу мои полномочия к стопам Монарха и вернусь к моему скромному делу. Знаю хорошо, что меня ожидает, и готов к этому. Меня могут убить сегодня, завтра или в любую минуту. Но мое место займет тотчас же другой столь же вам неизвестный Иванов, за ним третий и т. д.; преемственность наша уже намечена и установлена, и перерыва в работе не будет никакого. Программа определена твердо и будет выполнена неуклонно. Она очень проста.

Россия тяжело больна – ее нужно вылечить. Лекарство для великой страны – не теория, не доктрина, а здравый смысл. Он затуманился и исчез у нас за странными и нелепыми понятиями о либерализме, реакции и т. п. Его надо отыскать и восстановить, и тогда только станет возможно правительству править, а народу жить.

В этом – вся моя программа, и другой у меня нет никакой. И вот я приглашаю вас: вы, отцы и владыки, приложите все усилия оживить и восстановить деятельность церкви. Безотлагательно должен быть созван российский поместный Собор. Без колебаний и шатаний должна Православная Церковь подать свой руководящий голос и указать народу его высшие цели и обязанности. Вам, владыка святой, как первосвятителю церкви русской, предстоит сказать твердое и мужественное слово, и я прошу вас, не дальше как завтра, произнести достойное вас слово с соборной кафедры. Оно должно быть повторено в церквях всей России и пронестись как благовест. О подробностях условимся сегодня.

Вас, господа Сенат, как представителей единственного не расшатанного смутой высшего учреждения России, я прошу твердо встать на защиту закона и порядка. Моим первым шагом должно быть восстановление значения Сената как высшего правящего органа в Империи, и я прошу гг. первоприсутствующих без малейшего промедления представить мне свои об этом соображения. Вам вскоре предстоит широко поработать в вашей законной роли государственного административного суда, перед которым я поставлю очень крупных обвиняемых. И если правде суждено воссиять в России, это будет венцом ваших, господа, усилий.

Наконец, с вами, господа министры и начальники правящих ведомств, мне предстоит подробная беседа с каждым в отдельности. Здесь я должен сказать вам, как объединенному Кабинету, только одно – что именно единства недоставало нам до сих пор, столько же единства замысла и творчества, как и единства исполнения. Наши ведомства, во-первых, совсем не знают России, во-вторых, до сих пор представляли не части одного великого организма, а особые государства, вернее – страны света, связанные только тем, что нарисованы на одном глобусе. Я постараюсь дать вам это единство, а вас прошу дружно и добросовестно мне в этом помочь”.

III

Произнесенная ясно, просто и со спокойной уверенностью речь произвела на присутствующих сильное впечатление. Сделав общий поклон, генерал-адъютант Иванов удалился из залы. Митрополиты, архиереи и сенаторы двинулись к выходу, министры столпились в кружок, обмениваясь впечатлениями.

– Господин председатель Совета Министров, Императорский уполномоченный просит вас к себе – провозгласил дежурный адъютант.

Столыпин отделился от группы министров и направился в небольшой кабинет, где был Иванов. Двери затворились, и они остались одни.

– Садитесь, – начал диктатор, – и выслушайте меня внимательно. Моей первой мыслью, получив это назначение, было расстаться с вами. И не только расстаться, но торжественно предать вас суду как одного из главных виновников обострения смуты. Вы вместо того, чтобы предостеречь Государя и честно открыть Ему глаза на все безумие парламентского опыта в России, стали сами усердно играть в конституцию. Вы доверились темной личности – господину Крыжановскому и стали устраивать с ним выборную комедию; вы развели гнусную официозную печать вроде вашей “России”, которая только компрометирует правительство. Вы пошли в народ с подкупом и соблазном, бросая в грязную агитацию правительственные мероприятия, ломавшие и законодательство, и все устои народного быта, чтобы только задобрить деревню и выиграть мужицкие голоса. Это называлось у вас законодательство по 87-й статье! За одно это вы уже заслуживаете самого строгого суда.

– Таково было единогласное требование и общества, и народа, – пытался оправдаться министр.

– Это была ваша фантазия, Ваши меры вызвали общий и дружный протест со всех сторон. Но самое ужасное – это то, что новые законы жестоко скомпрометировали самую идею власти. Народ понял, что бюрократия готова на всякую ломку, на всякую подачку, лишь бы сохранить за собой власть. Поняли, что вы хлопчете не о благе России, а об успехе на выборах. И что же? Получили ли вы, чего хотели? Нет, вас закидали черняками, вам прислали социалистов, анархистов и смутьянов еще в большем числе. Не правда ли, как хорош ваш парламент! Как хороши вы, которые бегаєте туда фехтоваться со всякими Озолями, Алексинскими и Зурабовыми!

Столыпин молчал.

– Затем все ваше управление было рядом самых постыдных колебаний, простите мне это выражение, – сплошным

виянием хвостом. Одной рукой вы поддерживали монархические организации, рисуясь перед ними чуть не черносотенцем. Другой рукой вы удерживали местные власти от всяких серьезных мер против анархии. Вы шли на уступки там, где об уступках не могло быть и речи, где только твердость власти и могла произвести нужное впечатление...

Диктатор замолчал на минуту, и, не слыша возражений, продолжал, смягчая тон:

– Но я должен быть справедливым. Рядом с этими темными сторонами вашей деятельности есть и светлые, и ради них вам не только можно простить то, что вы наделали, но и возможна дальнейшая работа с вами. Вы не испугались военно – полевых судов – это раз. Вы обновили состав полиции, и особенно губернаторов, и подняли ее на большую высоту – это два. Вы все-таки осадили революционные элементы в Думе – это три. Вы лично мужественный и толковый работник, не боящийся ответственности. Заменить все было бы трудно. Рука об руку с вами мне удастся сделать многое. Могу я на вас рассчитывать, но уже, разумеется, не на первой роли, а на второй, как исполнителя?

Иванов протянул руку.

– Честно, искренно, душа в душу? Наград у меня для вас никаких нет. Наша награда – благо родины и суд истории. Жертвы и опасности – сплошные, да вы это сами хорошо знаете. Не сердитесь же на меня за горькое слово и будем работать.

Столыпин молча пожал протянутую руку. Собеседники взглянули друг на друга и сердечно обнялись.

IV

Министр повернулся было, чтобы уходить, но Императорский уполномоченный остановил его:

– Еще два слова. Время дорого, и я буду краток. Слушайте же и примите к сердцу то, что я вам скажу. Парламентаризм в

России, как вы сами теперь видите, ложь и обман. Возврат к старому режиму невозможен. Бюрократия отжила свой век, опозорила и разорила Россию и вызвала к себе такую ненависть, с которой нам с вами не справиться. Нужно вступать на новый путь. Иной, кроме Царской и Самодержавной, верховной власти в России быть не может. Но под нее нужно подвести совсем иной фундамент. Этот фундамент – широкое самоуправление, которое должно всецело заменить бюрократию. Все будущее России – в земстве, поставленном как первооснова государственного здания. Выделите из области государственной работы все, что имеет местный характер, – только тогда со своим делом будет в состоянии справляться центральное правительство. Местную работу отдайте самоуправляющимся земствам. Организуйте уезд в совершенно самостоятельную единицу. Группа уездов, однородных по этнографическим, хозяйственным и бытовым свойствам, должна составить самоуправляющуюся область, обнимающую район нескольких губерний. Это должно быть нечто вроде штатов Северной Америки. Вот наш тип государства. Союз этих штатов с Самодержавным Царем во главе и будет искомой нашей государственной организацией. Только при этих условиях станет возможной работа центрального правительства, только при такой постановке самодержавия на основах самоуправления будут обеспечены как свобода от нынешней чудовищной надо всем опеки бюрократии, так и порядок, ибо настоящего порядка из Петербурга устроить нельзя, не обращая всей страны в огромные арестантские роты.

Областное деление намечается само собой; его требует и указывает жизнь, его не нужно выдумывать, а только развить и завершить. Смотрите: Финляндия, Польша, Прибалтийский край, Кавказ, Туркестанский край – все это области уже совершенно очерченные. Организуйте по областям и остальную Россию. Что общего между Северным краем и Малороссией, между Заволжьем и черноземным или промышленным районами? А Сибирь? Каким ярким ключом забьет повсюду жизнь, как воспрянет русский человек, когда окончится наш проклятый петербургский шаблон и

всеобщее обезличение! И как будет легко править двумя десятками областей, вызвав в общий центр их лучшие рабочие силы и из них составив все государственные органы. Это будет государственное устройство, которому позавидует Америка. Какой чудный облик и какую несокрушимую силу приобретет Русский Самодержавный Царь, окруженный не оподлевшей бюрократической кастой, не гнилой придворной средой, а истинными выборными всей земли, ее лучшими работниками!

– Вы вводите автономность и федеративное начало. А если это будет ослаблением государственного единства России?
– заметил Столыпин.

– Оставьте эти пошлые книжные определения, – живо возразил диктатор. – Мысль об областях взята не из книжки; она красной нитью проходит через всю русскую историю. Полное самоуправление областям давал Иоанн Грозный. Областное деление являлось необходимым условием для каждого самостоятельного русского государственного ума от Пестеля, либерала и революционера, до крайнего консерватора Фадеева. Я глубоко верю, что государственная связь России не ослабнет, а только окрепнет при широком областном самоуправлении. Отчего так легко править Вильгельму, как германскому императору? Да оттого, что вся местная работа лежит на союзных правительствах, что все эти баварские, саксонские и виртембергские короли суть только председатели местных земских управ и несут на себе всю черновую работу управления. Вы говорите: ослабнет связь. А нынешнее полицейское единство прочно? Неужели вы не замечаете, что эта связь совершенно сгнила, и если мы не дадим другой, свободной и широкой, то Россия развалится от одной ненависти своих составных частей к Петербургу? Вон, Менделеев и карту областей дал.

Иванов остановился и взглянул на часы.

– Простите. Серьезный и подробный разговор об этом впереди. В этом – главная наша реформа, и я уверяю, что когда вы хорошенько вдумаетесь в вопрос, я найду в вас самого ревностного и убежденного сотрудника.

Диктатор подал Столыпину руку и проводил его до двери.

– Статс-секретарь Коковцов! – провозгласил адъютант.

Министр финансов вошел и приготовился слушать. Диктатор начал без всяких предисловий.

– Мне предстоит, Владимир Николаевич, здесь же, в беседе с вами, решить вопрос о возможности совместной работы. Должен вас предупредить. Я не финансист, а дилетант. Но, следя за всем движением общественной и государственной жизни, я не мог не видеть, что в основе хода и той, и другой лежит экономическая политика государства. Сытая и благоденствующая страна – плохой материал для революции. В разоренной и голодающей, наоборот, неудержим никакой порядок, никакой гражданский строй. Естественно, что я счел своим долгом хотя настолько ознакомиться с экономикой и финансами, чтобы не стоять, беспомощно разинув рот, перед специалистом. Это в виде предисловия, а теперь перехожу к делу. Как вы смотрите на финансовое положение России?

– Без займа нам не выйти. Но так как ваше назначение связано, как можно думать, с немедленным роспуском Думы, то я совершенно не вижу возможности сделать заем.

– На займы ставьте крест, Владимир Николаевич. Их больше не будет. Давайте думать, как выйти без займа.

– Если мы не заключим займа, будет дефицит примерно в 300 миллионов рублей. Мы можем, конечно, расходовать наш золотой запас, но в таком случае валюта неудержима и наступит крах.

– А вы, конечно, стоите за поддержание золотой валюты?

– Я не могу себе представить большего несчастья, как возврат к бумажным деньгам, колеблющемуся курсу и т. д. Неужели Россия приносила такие жертвы для установления у себя хорошей и прочной денежной системы, чтобы в один прекрасный день пустить все насмарку?

– Хорошо. Я не стану вас опровергать, но я предложу вам, как министру финансов, ответить на следующий вопрос. Сельское хозяйство, ни частное, ни крестьянское, не может

идти без оборотного капитала. Денег в народе нет вовсе. Деревня разорена совершенно. Отсюда – всякие аграрные вопросы, стремление захватить помещичьи земли, возможность новой пугачевщины. Первое средство успокоить сельскую Россию – это влить в деревню посредством мелкого кредита по меньшей мере миллиард рублей. Ваша денежная система может это сделать или нет? Коковцов вынул из кармана бумажку и подал диктатору.

– Вот справка о состоянии средств наших главных банков в эту минуту. Никакого безденежья не замечается, кассы полны.

Иванов вспыхнул.

– Неужели же вы не понимаете, что эта справка не опровергает, а только подтверждает то, что я говорю? Да, в банках скопились свободные средства, потому что остановились все промышленные дела, закрыты кредиты, никто не платит, банковые кассы должны иметь огромные резервы в наличности. Да, в банках деньги есть, но в деревню не попадает из них ни одной копейки. Вы сами останавливаете всю промышленность, так как держите учетную норму в 7,5 процента по трехмесячным векселям, заставляя частные банки брать 10 и 12. Какое промышленное дело может это выдержать? Я ставлю вам совершенно определенный вопрос: можете ли вы создать для народного кредита капитал в миллиард рублей и притом своими средствами, без всяких займов?

– Машин в экспедиции достаточно, можно напечатать хоть пять...

Диктатор сделал нетерпеливое движение, но сдержался.

– Я знаю, что вы хотите сказать. Вы грозите, что можно сорвать валюту и начать наводнять Россию бумажками, да? Хорошо. Пусть вы правы. Но тогда что же по-вашему? Стеречь валюту, отказаться от поднятия хозяйства и устройства народного кредита? Оставить деревню в том ужасном виде, как сейчас? Продолжать строить государственный бюджет на спаивании и обирании народа? Ответьте же мне, как вам представляется выход? Покажите

положительную сторону вашей программы, или вы предпочитаете жить со дня на день?

– Ваше превосходительство! У меня есть мои твердо сложившиеся воззрения. Я не сторонник финансовых экспериментов и могу вам поручиться, что не я буду тот министр финансов, который вывесит объявление в Государственном банке о прекращении размена.

– Высоко ценю твердость вашего характера и просил бы вас ответить мне на последний вопрос. Вы знаете, чего я хочу. Кто мог бы ответить этим задачам в роли министра финансов? К кому мне обратиться?

– Да чего же лучше? Вот вам Сергей Юльевич. Он уже категорически отрекается от золотой валюты и будет готов на всякие реформы, какие вам угодно.

– Нет, с Витте у нас будет разговор совсем о другом.

– Ну, тогда возьмите Шипова. Иван Павлович уже писал кстати и доклад об уничтожении золотой валюты.

VI

Вслед за Коковцевым в кабинет диктатора был вызван Государственный контролер. Шванебах вошел истым царедворцем, с приятнейшей улыбкой и низким поклоном.

– Бью челом представителю молодости, свежести и энергии. Ваше превосходительство омолодите нас, стариков...

– Садитесь, Петр Христианович, и будем кратки. Я нарочно пригласил вас после Коковцева, с которым мы, кажется, больше не увидимся. Вы о нем сожалеть не будете?

– Ваше превосходительство, у Мопассана есть прелестный рассказ...

– Нет, Бога ради, оставим Мопассана. Вы единственный человек, хорошо знакомый с нашими финансами, у вас огромный опыт, вы дали прекрасные работы по финансам. Нынешняя финансовая система никуда не годна и привела нас к разорению и революции. Нам остается два выхода: или перейти к нашей старой серебряной валюте, которая даст

нам нужные средства для подъема народного хозяйства, или сделать шаг еще более смелый и перейти прямо на бумажные деньги. Я хочу услышать ваше мнение.

– Я должен покаяться – вы меня ставите в затруднение. Я не сторонник политики графа Витте и писал против золотой валюты, но я еще менее склонен рекомендовать переход к серебру и уже считаю совершенной ересью бумажные деньги.

– Но тогда я вас совсем не понимаю. Если не золото, не серебро и не бумажки, то тогда что же? Четвертого, сколько мне известно, ничего не открыто. Между тем мне нужен выход.

Диктатор повторил сказанное Коковцеву по поводу народного кредита и поставил Шванебаху тот же вопрос. Контролер выслушал внимательно и, казалось, был в величайшем затруднении.

– Признаюсь, ваше превосходительство застае́те меня совершенно врасплох. Это надо обдумать. Усиление денежного обращения целым миллиардом рублей независимо от вопроса, как эти деньги получить, вносит также усложнение в государственное хозяйство, которое учесть очень трудно.

– Да, но это требование безусловное. Если ему не может удовлетворить современная денежная система, значит, она никуда не годится, и нужна иная. И вот об этом я и хотел услышать ваше мнение.

– Я могу сказать только одно: золотая валюта неудержима. Поддерживать размен ценой народного разорения немыслимо. Покинуть ее необходимо. Я думаю, что было бы возможно, не связывая себя ничем, допустить некоторое падение курса и затем удерживать его в благоразумных пределах.

– Что же это будет такое? Золотая система без размена на золото? Впрочем, пусть себе называется как угодно, только достаньте средства для народного кредита.

– Но выпущенный миллиард рублей сделает курс неудержимым, уронит его стремительно!

– Почему? Разве это не будет вполне производительная затрата? И каким образом знаки, которые войдут в народное обращение и будут им удержаны, могут уронить курс? Какое действие этот миллиард окажет на наш расчетный баланс?

– Повторяю вашему превосходительству, что я не могу так сразу ответить на ваши вопросы. Я полагал, что наша беседа пойдет по ближайшему предмету моего ведомства.

– А что же говорить о вашем ведомстве? У нас давным-давно установился девиз, которому и вы неукоснительно следуете: ни с кем не ссориться. При бюрократическом строе контроль, как ведомство, иным быть и не может.

– Как же надеетесь изменить это положение?

– По-моему, в таком необъятном государстве, как Россия, контроль не может быть “ведомством”. Эта деятельность, составляющая главную силу государственной власти и важную задачу управления, должна принадлежать такому же специальному высшему установлению, как Сенат, стоящему непосредственно около Монарха и составленному из земских выборных людей. Затем контроль государства, стоящий выше всяких партий, пристрастий и местных интриг, должен идти в самую глубину местной жизни и проникать в самоуправление до последней общественной ячейки. Здесь государство должно быть абсолютным, полновластным и неумолимым.

– Какая огромная задача!

Да, и именно в вашем ведомстве множество молодых сил для ее прекрасного выполнения. Но благодаря вашим верхам эти силы совершенно пропадают...

VII

Государственный контролер откланялся, и вслед за ним появился Кауфман, министр народного просвещения.

– Ну-с, господин командир без армии, – начал диктатор, указывая министру на кресло против себя, – где же мы с

вами будем разыскивать русское просвещение? Осталось ли у вас хоть одно высшее учебное заведение работающее?

– Да, дело плохо. Революция захватила всю молодежь поголовно.

– При добром содействии начальства. Не правда ли, как вовремя дана автономия? Но все-таки что же вы предполагаете делать? Как вы смотрите на будущее?

– Я думаю, что успокоение молодежи стоит в тесной зависимости от общего успокоения страны. Когда все войдет в норму, тогда и в учебных заведениях кончатся волнения... Мы теперь стараемся спасти что можно. Пусть хоть некоторая часть студенчества выдержит экзамены и не будет выброшена на улицу.

– Это не экзамены, а позор! – гневно перебил диктатор. – Министерство закрывает глаза на самые вопиющие безобразия и хлопочет только о том, чтобы как-нибудь соблюсти внешнюю видимость. Я знаю, как держатся экзамены. Студент берет билет и тут же в сторонке прочитывает соответствующую часть курса по тетрадке. И что бы он ни говорил, какую бы дичь ни нес, профессор не смеет поставить плохую отметку, потому что центральные органы объявляют бойкот, делают насилия. И с этим все мирятся, это называется государственными экзаменами! Безграмотные люди с дипломами высшего образования?!

– Я не вижу, каким образом мы могли бы в это дело вмешаться.

– Это несчастное поколение насквозь отравлено, – не отвечая министру, продолжал диктатор, – Нужно спасти по крайней мере будущие поколения, спасти русскую науку. Я не верю в возможность казенной науки, казенной школы, кроме, конечно, школ социально-военных и морских. Казенная наука есть величайшая ложь, которую мы когда-нибудь видали. Необходимы решительные и крутые меры. Автономия казенных университетов – чудовищный самообман. Необходимо дать науке полную свободу, полный простор. Пусть каждый учится где угодно, чему угодно, у кого угодно. Задача правительства – только надзор, чтобы публичная школа не развращала учащихся.

Отсюда вывод: всякие дипломы должны быть уничтожены, все казенные высшие школы упразднены. Университетские здания, лаборатории, разные пособия, библиотеки и пр. могут сдаваться в аренду группам профессоров, которые пожелают открыть тот или иной факультет. Расходы должны покрывать сами учащиеся. Есть ли что безнравственнее, чем брать деньги с нищего народа, чтобы воспитывать современную невежественную и гнусную интеллигенцию? Затем средняя и низшая школа. И здесь принцип тот же: казне, правительству, кроме надзора, делать нечего. Пусть родители сами основывают школы, какие им угодно, и на свой счет. Низшие школы пусть основывают и содержат приходы и селения, средние – города и земства.

– Но у нас уже принят принцип всеобщего обучения...

Диктатор вспыхнул.

– Не говорите мне об этой гнусной и безнравственной затее. Мир не видал большего насилия, чем это обязательное вколачивание казенной науки там, где ее совсем не желают. Знаете ли вы, что всеобщее обязательное обучение есть только средство в руках республиканских и масонских правительств перевоспитать по-своему народ, потушить в нем исторические, национальные и монархические чувства, убить веру и поставить в полное подчинение бюрократии? Желать этого для России может только ее предатель и злейший враг. Русский народ жаждет неудержимо просвещения, но в своем историческом, бытовом и христианском духе. Помеха ему только бедность. Улучшите экономическое положение народа, освободите церковь, устройте широкое самоуправление, и вся Россия, без казенной палки, покроется школами, и эти школы понесут свет. Найдутся и подвижники для этого дела. Только лишь бы к нему не смел даже издали прикасаться чиновник.

Диктатор помолчал немного и круто переменял тему разговора.

– Теперь о вас лично. Вам наша высшая школа обязана в огромной степени ее нынешним ужасным положением. Вы все время с вашим гениальным Герасимовым оказывали

попустительство всяким безобразиям, а главное, вы разрешили прием евреев без нормы. Полюбуйтесь на университеты киевский, московский, одесский.

– Я этого ожидал, – грустно казал Кауфман, – и моя отставка в кармане.

– Благодарю вас. Передайте ее председателю Совета.

VIII

Генерал-адъютант Иванов взглянул на часы и сказал адъютанту, провожавшему министра юстиции Щегловитова:

– Уже половина второго, в три я в Думе. Будьте добры передать господам министрам, что сейчас я приму только князя Васильчикова. Прошу садиться, – обратился диктатор к Щегловитову, – и прибавил: – Что нам делать с судом?

Министр грустно поник головой.

– Половина магистратуры – в рядах революции. Но это не открытые бунтовщики, о, нет! Это добродетельные служители 20-го числа и пакостят своей Родине исподтишка. Скажите, задумывались ли вы над тем, как вернуть этих господ к сознанию долга?

– Это страшно трудно. Судебное ведомство развращалось давно и совершенно упало при Муравьеве. Чтобы подвигаться вверх, нужно было быть отъявленным карьеристом. Это и сказывается теперь, когда делает карьеру не исполнение долга, не честь и доблесть, а революция. Вопрос почти неразрешимый.

– И, однако, его во что бы то ни стало надо решать и решать быстро, ибо при потворстве суда справиться с анархией невозможно. Что сказали бы вы на такой прием: произвести основательную чистку верхов, чтобы навести страх на низы?

– Боюсь, что слишком многих придется увольнять...

– А я, наоборот, думаю, что в вашем ведомстве тон всей судебной корпорации дает десяток, много – полтора лиц.

Важно только разбить уверенность, что именно эти лица неприкосновенные, хотя бы даже председательствовали на революционных митингах. Но этим вопросом мы успеем еще заняться, а главное на очереди дело – это наши тюрьмы и политические заключенные. Вот где истинное государственное бедствие и самая большая опасность для России. Скажите, у вас по этому вопросу никаких предположений не возникало?

– Обсуждалась амнистия...

– Мне кажется, что русских господ правящих Бог минутами вовсе лишает разума. Амнистия, то есть освобождение тысяч заведомых революционеров, озлобленных и абсолютно непримиримых! Неужели в этом есть хоть капля здравого смысла?

– Но и такое положение, как сейчас, невозможно.

– Разумеется. Выход необходим и выход немедленный. Вот из какого принципа я исхожу: нет никакой возможности считать всю эту революционную молодежь преступниками. Даже самые закоснелые, самые кровавые между ними должны рассматриваться только как больные, в крайнем случае – как помешанные. Правительство, которое всю эту молодежь сначала подготовило, затем своими преступлениями, глупостью и трусостью бросило в революцию и сделало преступниками, не имеет никакого нравственного права ни казнить их, ни даже карать. Неужели человека, бросающего бомбу среди толпы женщин и детей, можно считать нормальным и ответственным? Его нужно лечить, как лечат безумцев. Но ваш тюремный режим не лекарство, а окончательная гибель для юноши. Он поднимается вами в герои, он закаляется лишениями и страданиями и теряет всякую возможность возродиться. С другой стороны, оставаться среди общества он не может. Что же делать поэтому? Мне представляется единственный план, который очень прошу вас принять к сердцу и надлежащим образом обсудить. Всю эту революционную молодежь необходимо изолировать, но не по тюрьмам, а на чистом воздухе, в совершенно глухой местности, в деревне. Представьте себе, что где – нибудь в хорошем климате вы отделяете тысяч двадцать или тридцать десятин, строите

временные бараки или датские домики, что ли, устраиваете сельское хозяйство в целом ряде хуторов и разные технические производства, и пускаете туда всю содержащуюся у вас безумную молодежь, предоставляя ей устраивать социальный распорядок какой ей угодно, на полной свободе, но с безусловным запретом всякого общения с внешним миром, то есть агитации и пропаганды. Все средства для правильной работы и дальнейшего образования государство должно дать, а главное – прекрасную, серьезную библиотеку. Кругом – военный кордон, предупреждающий всякую возможность побега. Прежде всего вы очищаете от политических все тюрьмы и все места ссылки, отправляя всех туда. Затем туда же пойдут все, кому не по нутру современный общественный строй и кто желает силой насаждать строй социальный. Пожалуйста, господа, изучите сначала на опыте, в самых благоприятных условиях. Таким образом, у вас скопятся в одном месте все герои революции и апостолы социализма. Выигрыш будет огромный, ибо теперь эти господа только разносят политическую заразу. Затем – всякому мученичеству конец. ореол героя сменяется простой смиренной рубашкой. Это тоже плюс немалый. Наконец – экономия. Содержание этих господ в таком лагере будет стоить неизмеримо дешевле для казны, чем теперь, – там все будут обязаны работать. Вы себе представляете, что получится?

– Я думаю, прежде всего эти господа страшно все перегрызутся.

– Это ничего, лучше сказать – это-то и хорошо. Теория всеобщего равенства и социального рая на земле окажется сразу несостоятельной. Явится чрезвычайно деспотическое начальство, против которого пойдут восстания и революции и, наконец, все хором станут звать городского. Но городской через ограду переступить не смеет. Спасения от деспотизма и анархии не будет, и этот ужас отрезвит очень многих. На наш старый презренный буржуазный строй станут смотреть как на нечто драгоценное и справедливое, в государстве будут видеть не деспотическую власть насильника, а беспристрастного защитника всех. И

вот тогда приносите, господа, повинную, отрекайтесь от утопий и пожалуйте в наш старый мир. И поверьте, все придут, никого не останется, ибо утопия, логически развиваясь, не может не дать абсурда. Вы понимаете теперь, чем дорога эта идея и почему я ставлю ее на первый план? Только этим путем мы возродим самых закоснелых преступников, излечим самых безнадежных. Вот почему я буду очень вас просить: составьте специальную комиссию, пригласите туда хороших техников, агрономов. Разработайте мне подробно этот проект “Сумасшедшей” республики. Я даже место вам приблизительно намечу – где-нибудь около Оша, в Фергане или по Иртышу, между Семипалатинском и Усть-Каменогорском. В Европейской России такого уголка не найти. Сделайте также смету, чего все это будет стоить, и помните, что эту меру я считаю самой главной и самой неотложной в борьбе с революцией. А пока честь имею кланяться.

IX

Щегловитова сменил князь Васильчиков.

– Наш с вами разговор, дорогой князь, впереди, и он будет долгий и серьезный. Теперь я едва буду в состоянии наметить только главные темы. Надеюсь, что мне, как ученику и глубокому почитателю вашего отца, воспитавшемуся на его произведениях, вы поверите: я счастлив, имея вас в числе сотрудников, да еще по такому важному отделу, как земледелие и землеустройство. Время коротко, и потому приступим прямо к делу. Скажите мне, во-первых, неужели это правда, что вы, сын князя Александра Илларионовича, стоите за уничтожение дворянского землевладения? Я этому не могу верить и потому вашей политики к этом несчастном аграрном вопросе совершенно не понимаю.

– Я боюсь, что дворянство осуждено историей и что наша задача – помочь ему благополучно и по возможности безболезненно ликвидироваться.

– Князь! Как грустно мне это слышать от вас! Какая жестокая ошибка думать, что русское дворянство свою роль уже закончило и должно уступить место демократии! Что такое демократия? Национальное обезличение, пошлая нивелировка умного и глупого, культурного и дикого, упразднение всех традиций, гибель всякого гения и таланта и торжество грядущего Хама? Этого ли надо желать для России? Затем, с упразднением дворянства вы социального, умственного и экономического равенства все же не введете, значит, в общественном организме кто-нибудь будет занимать место верхнего класса. Кто же, позвольте спросить? Вы хороните русское земельное дворянство и желаете иметь американских ситцевых, нефтяных и стеариновых лордов? Вы снимаете герб и водружаете аршин. Я не отрицаю значения и заслуг русского купечества, но, простите меня, ни Карнеджи и Рокфеллеры, ни Саввы Морозовы и Гучковы роли дворянства не сыграют. А русское дворянство было лучшим из лучших. В нем никогда не было и тени сословного эгоизма.

– Я вовсе не отрицаю великого культурного значения нашего дворянства, но ведь перед нами же факт налицо: оно сходит со сцены, оно почти не борется ни за свою землю, ни за свое положение.

– О, как вы ошибаетесь! Оно не сходит со сцены само, его грубо выгоняют и упраздняют. В момент освобождения крестьян три четверти земельного дворянства погибло от невозможности организовать свое хозяйство при безумной и предательской тогдашней финансовой политике. Остальная часть кое-как приспособилась, но ее начала разорять и добивать финансовая политика Витте, сознательно подрывавшего дворянство. Теперь окончательно ликвидируете вы.

– Мы только облегчаем неизбежный естественный процесс.

– Бога ради, столкнемся. Неужели вы считаете нынешнее аграрное движение естественным процессом? Неужели вам не ясно, что весь аграрный вопрос заключается у нас в том, что голыми руками нельзя вести современного хозяйства, а вы заставляете это делать и барина, и мужика? Чтобы иметь высокую земледельческую культуру, необходимо, чтобы на

каждую единицу площади обращался значительный оборотный капитал. У нас его нет, так как Россия разорена и совершенно обезденежена. Отсюда мужик ковыряет кое-как свой надел и сидит голодный. Барин или вынужден закабалить мужика на свое хозяйство зимними наймами и безобразно низкой платой, или бросать хозяйство и обращаться в земельного ростовщика, раздавая земли в аренду за безбожную цену, – безбожную при нашей безобразной культуре, конечно. Разве не величайший абсурд, например, наши жалобы на постоянный рост земельных цен? Во всем мире этому радуются, этим гордятся. В Германии за десятину песка платят до 3000 марок, у нас кричат, что 300 рублей за десятину великолепного черноземца грабительская цена! Да, весь народ помешался на прирезке земли, на разделе помещичьей земли, на упразднении частных экономий, которые он возненавидел. Откуда это взялось, как не от истощения земель и недостатка оборотных средств, допускающего только хищничество? Денежных знаков у нас не обращается, и 10 рублей на жителя, а много ли отсюда приходится на деревню? Когда мужик видит деньги? Что он думает о правительстве, спаивающем его водкой? Каким образом вы его, голодного, нищего, пьяного, научите уважать культуру, которой он не видит, и собственность, когда он весь окружен самым бесстыдным грабежом?

– Прибавьте сюда общину.

– Оставьте общину, князь. Она ни при чем. Она только равняла мужика, не давая России обезземелиться и разбежаться куда глаза глядят. Община не отучает, а приучает к собственности. Но у нее собственность иного вида, чем у нас. Там она семейная и основана не на мертвой букве закона, а на верной расценке труда каждого из членов семьи. Эта расценка изумительно точна. Крестьянская девушка сегодня поденную плату несет большаку, а завтра спрячет в свой сундучок, потому что это ее личный заработок. И попробуйте из этого заработка взять хоть копейку! Смешно и жалко смотреть на ваши усилия разложить общину и расселить мужиков на хутора. Попробуйте изменить национальный характер

великоросса, который немыслим без улицы, без мира, без тесного соседства. Я смотрю на общину не как на тормоз, а как на лучшее орудие к поднятию сельского хозяйства, умеете только ее на это направить. И вот об этом именно я собирался с вами говорить. Спасение России не в перераспределении землевладения, не в уничтожении помещного класса и культурного хозяйства. Спасение – в народном кредите. С этим вопросом нельзя медлить ни дня, ни часа! Но это дело финансового ведомства, а не ваше. Ваше дело направить все усилия для технического подъема земледелия, для широкой организации агрономической помощи всех видов, для устройства переселений. Переселения не только устранят земельную тесноту, где она действительно есть, но и укрепят за нами окраины. И я не знаю, какая часть вопроса важнее. Остановка переселенческого движения есть величайшее преступление, оно может нам стоить Сибири. Затем необходима самая широкая постановка продовольственного вопроса. Он должен быть вновь передан земству, но центральное им заведывание должно быть ваше. Государственный хлебный запас должен быть регулятором цен на хлеб и вместе с тем могущественнейшим рычагом к поднятию земледелия. И здесь земства будут естественными вашими органами. Усердно прошу вас немедленно же поставить этот вопрос на разработку в связи с реформой Крестьянского и Дворянского банков и мелиоративного кредита. Все это должно быть органически между собой связано.

Х

К двум часам министерские аудиенции были покончены. Наскоро позавтракав, генерал-адъютант Иванов направился к зданию городской Думы, где были собраны человек триста рабочих от всевозможных фабрик и заводов Петербурга, частных и казенных. Выбраны были люди, по указанию заводских управлений, самые толковые и авторитетные в своей среде. В зале, кроме рабочих, ожидали

городские власти, гласные Думы, группа заводчиков и фабрикантов. Городской голова держал на блюде хлеб-соль. После краткого приветствия головы, на которое диктатор ответил несколькими словами, он подошел к рабочим и, беглым взглядом окинув их пеструю толпу, громко и внушительно произнес:

“Я вызвал вас, чтобы поговорить с вами, и прошу вас в мои слова хорошенько вдуматься, запомнить их и передать там у себя остальным. Его Величество Государь Император назначил меня Своим уполномоченным и даровал мне огромную власть, возложив на меня задачу прекратить смуту и привести Россию в порядок. И я надеюсь с Божией помощью эта сделать. Те, кто затеял в России революцию, начали с вас. Чтобы закончить революцию, я тоже начинаю с вас и говорю вам прямо: довольно безобразий! Стыдно русским людям разыгрывать стадо баранов и терять разум и совесть. Пора понять, что весь этот социализм, борьба труда с капиталом, профессиональные организации и прочее, – все это ложь, вздор и только предлог для разных проходимцев забирать власть над рабочими в свои руки и делать в государстве смуту, разоряя прежде всего самих рабочих. Скажите, что выгадали рабочие за эти несчастные три года? Разорили промышленность, разорили сами себя, выбросили на улицу тысячи безработных, попали под расстрел, озлились, озверели, потеряли образ Божий. Довольно, друзья мои! Знайте: лгут те, что проповедуют борьбу труда и капитала. Между ними борьбы быть не может, ибо капитал и труд – союзники, члены одного организма, а не враги. Без труда капитал несостоятелен и мертв, без капитала труд немыслим вовсе. В любовном союзе капитал и труд делают чудеса, во вражде гибнут оба, но раньше гибнет труд. Капиталист остановил дело, свернулся и ушел, а рабочий выброшен на улицу, на нищету и голод. Рабочему хорошо только тогда, когда свободно и выгодно капиталу. Не завидуйте, а радуйтесь, если предприниматель наживает огромные барыши и богатеет. Это ваша прямая польза. Барыши возбуждают зависть в других, открываются новые дела, являются новые капиталы. Этим капиталам нужны рабочие руки, их не

хватает, и вот капиталисты наперебой поднимают заработную плату. Весь результат развития промышленности идет в пользу рабочих. Стачкой и забастовкой можно капиталиста заставить пойти на разные жертвы.

Но это победа непрочная и нездоровая. Капитал начинает бояться идти в дело, и в конце концов остаются без работы и разоряются рабочие. Небольшая часть останется на повышенной плате, а большинство очутится на улице. Это ли выигрыш?

Друзья мои! Экономические законы не нами выдуманы, и нарушать их безнаказанно нельзя. Раз начинается борьба между капиталом и трудом – конец один, и другого быть не может: разорение рабочего, разорение всей промышленности, дороговизна товаров, выгода только для иностранных фабрикантов. Этого ли должны мы добиваться? Вот почему я должен прекратить эту борьбу в самом корне. Прочь все эти ваши союзы, профессиональные организации и прочее! Интересы рабочего должны и будут защищать закон и правительство, а не разные проходимцы, которые вкрадываются в ваше доверие и бунтуют вас. Есть заводчики своекорыстные, желающие эксплуатировать рабочего. Единственное от них ограждение рабочего – закон. Закон должен обеспечить и рабочие часы, и безопасность рабочего, и охрану его здоровья, и хорошую квартиру, и пищу, и страхование от несчастий, и школу детям, и пенсию на старость. Закон, и никто другой, должен обеспечить полную свободу как предпринимателю, так и рабочему. Я считаю стачки рабочих столь же недопустимыми и преступными, как и всякие синдикаты хозяев, союзы и локауты. И я твердой рукой водворю у вас законность, и первые же рабочие скажут за это спасибо.

А затем, господа, мое последнее слово. Революция и всякие безобразия кончены, и ни о чем подобном не может быть более речи. Всякую попытку бунта я раздавлю твердой рукой и не остановлюсь перед самыми решительными, самыми жестокими мерами. Вы, рабочие, – только ничтожная часть русского народа и не вам распоряжаться судьбами России. Ваша сила – кучность, толпа. Но Россия

еще вооружена, и армия цела. Патронов хватит, и вверх стрелять не будут. Поэтому скажите вашим, что не должно быть и мысли о каких-нибудь демонстрациях или выступлениях. Шутить я не буду. Гоните в шею всяких ваших ораторов и агитаторов и мирно, дружно, любовно за работу! Надо во что бы то ни стало успокоить столицу и вернуть всеобщее доверие”.

Диктатор обратился к группе фабрикантов и прибавил:

– Вы слышали, господа, что я говорил рабочим? Теперь мое слово к вам: будьте добры, сами, без понуждения, установите добрые распорядки, пересмотрите и проверьте надежность вашего служебного персонала, чтобы не давать ни малейшего повода к каким-нибудь жалобам. А главное – примите меры, чтобы поставить на работу несчастных, выбитых из колеи, безработных. За спокойствие, порядок и свободу труда я отвечаю вполне, прошу мне в этом верить.

Генерал-адъютант Иванов сделал общий поклон и тронулся к выходу.

XI

Императорскому уполномоченному были отведены апартаменты в Зимнем дворце. К его возвращению из Думы в приемной дожидались вызванные граф Витте, начальник главного управления печати Бельгард, военный министр и командиры полков вместе с другими начальниками отдельных воинских частей петербургского гарнизона.

Диктатор сердечно пожал руки министру и военным товарищам.

– Располагайтесь, господа, курите, беседуйте. Мне надо несколько минут переговорить вот с этими господами, и затем мы устроим небольшое совещание. Граф Витте, пожалуйста.

Уполномоченный и отставной председатель Совета Министров прошли в кабинет.

– Я вам очень признателен, генерал, – начал граф Витте, – что вы изволили меня вызвать. Рад буду вам помочь, чем мшу. Мой опыт, мои знания – все к вашим услугам.

– Очень сожалею, что не придется ими пользоваться, – сухо остановил Витте диктатор. – Я вызвал вас не за этим...

Витте побледнел.

– Я считаю вас родоначальником и главной пружиной революционного движения в России. Как министр финансов, вы вашей политикой разорили Россию и подготовили то положение вещей, в котором застала нас японская война. Вы развратили все правительство, печать, общество, вы убили народную честь и совесть. В Портсмуте вы заключили преступный мир и предали Россию и, наконец, как глава правительства, вы устроили ряд революционных выступлений, чтобы вырвать у Государя несчастный манифест 17-го октября. Все это, взятое вместе, дает такую ужасную картину измены и предательства, что я не затруднился бы расстрелять вас в 24 часа. Я умолял Государя разрешить мне предать вас верховному суду, как государственного изменника, и с вас начать очищение России. К несчастью; Государь не дал на это своего согласия. Все, на что Он меня уполномочил, это предложить вам немедленно и навсегда покинуть Россию. Преклоняюсь перед бесконечной добротой Государя и даю вам сроку... Сколько вы желаете?

– Простите, генерал, – произнес Витте, уже успевший несколько оправиться от первого впечатления – Я этому решению подчиниться не могу. Я не чувствую за собой ни одной из тех вин, в которых вы меня обвиняете. Я действовал по чувству долга, по совести и крайнему разумению. Кроме того, каждый мой шаг бывал всегда известен Его Величеству и Им одобрен. Я требую над собой суда и на этом суде, кого бы вы моими судьями ни поставили, сумею оправдать каждый свой шаг.

– Вплоть до последних бомб в печах, не правда ли? Да, я понимаю вашу мысль. Вы, я знаю, запаслись документами, вроде пресловутого журнала заседания в Царском Селе, когда речь шла о занятии Порт-Артура. Вы хотите сделать

Государя участником ваших преступлений, другими словами – свалить все на Него. О, разумеется, вы, как истинный бюрократ, на каждом шагу устраивали себе надежное прикрытие. Но поверьте мне, я бы этого не побоялся. Я сумел бы показать, как вы обманывали Государя и подготавливали Его волю к тем актам, которые были вам нужны, а затем предавали Его. Вы рассчитываете на евреев и на нашу революционную печать. Да, вы отчасти правы; вы устроили бы себе грандиозное торжество, новую и огромную рекламу. Какой ценой – вам это все равно. Нет, Государь это хорошо взвесил: вам этого торжества давать нельзя. Так вот-с, какой срок угодно вам назначить?

– А если я не поеду?

– Вы будете арестованы немедленно, прямо отсюда. Я, господин Витте, не за тем пригласил вас, чтобы шутить или бросать слова на ветер. Я вас не боюсь и справиться с вами сумею. И если я вас арестую, то, поверьте, вас уже никакая сила не освободит.

– Хорошо, – подумав немного, отвечая Витте. – Я подчиняюсь воле Государя. Через две недели я уеду.

– О, нет! Это слишком долгий срок. Самое большее – через три дня. Это мое последнее слово. Затем с вами отправится мой адъютант, которому вы будете добры передать документы вот по этому списку.

Витте бегло просмотрел бумажку и с ненавистью произнес:

– О, какая тонкая мстительность! От меня требуют выдачи моего единственного оправдания перед историей. Но если там так дорожат историческими свидетельствами, то позвольте же и мне дорожить своей репутацией!

– Вы говорите о вашей “репутации”! Право, вы надо мной смеетесь...

– Некоторых из указанных здесь документов у меня нет...

– Они у вас.

– Да, но не здесь. Было время, когда я ждал обыска, и некоторые документы должен был сдать в верное место.

– Вы их возьмете и доставите к 12-ти часам завтра.

Иванов позвонил и сказал вошедшему адъютанту:

– Вы отправитесь с графом Витте и получите от него документы по этому списку, часть разрешаю получить завтра. Затем – помните мою инструкцию. Надеюсь, что все будет в порядке. Граф, честь имею кланяться. Попросите господина Бельгарда.

XII

Вошел добродушный толстяк, начальник главного управления по делам печати. Диктатор радушно подал руку и посадил его против себя.

– Как быть с печатью? – начал он, – Это главная сила и главное орудие смуты.

– Совершенно верно.

– Пока будет существовать анархистская и вообще революционная печать, ни о каком успокоении умов нечего и думать.

– Совершенно верно.

– Неужели нет возможности бороться?

– Мы и боремся, но при существовании нынешних “Временных правил” наша борьба – это ловля ветра в поле.

– Понимаю, понимаю. Нужен серьезный закон о печати, а этот господин (диктатор указал на дверь) умышленно связал правительству руки.

– Да. И мастерски связал. Пока действует чрезвычайная охрана или военное положение – борьба еще кое-как возможна. Но в обыкновенных условиях поделаться ничем нельзя.

– Как вам представляется это дело? Есть возможность выработать скоро закон о печати?

– Теперь во всем такая путаница. Комиссия Кобеко кое-что выработала, да все это очень бестолково.

– Я прошу вас высказаться совершенно откровенно относительно моей идеи, которую я хотел бы положить в

основу закона о печати. Дело вот в чем. Коренная ошибка всякого законодательства о печати заключается в том, что для законодателя нет литератора, нет писателя, а есть отвлеченный гражданин. Другими словами, под один закон подводят Каткова, Аксакова, Суворина, Стасюлевского и всякого безграмотного писаря или жиденка, которому надумается издавать газету. Ясно, что на таком принципе никакого закона создать нельзя. Вы даете простор Каткову, и этим пользуется всякий гад. Вы пишете закон для гада и душиите Каткова. Думаю, что это ясно. Теперь взгляните, какая страшная сила – политическая ежедневная газета. Никакая кафедра на сравнится по значению. Неужели же любой прохвост, могущий подписать заявление и внести гербовый сбор, имеет право занимать эту кафедру? Да ведь это же вопиющий абсурд?!

– Старый закон этого не допускал.

– Да, но старый закон отдавал писателя на суд чиновника и кончил тем, что убил независимую печать и расплодил литературного негодяя и хама. Дело не в концессии, а в том, кто и почему ее дает. Закон, должен определить писателя-публициста, выделить его из толпы и дать ему полную свободу слова, а толпу отстранить. Здесь не должно быть места произволу чиновника, а ясный и определенный ценз. Для публициста он должен быть тройкий: общегражданский, то есть добропорядочность, несудимость и т. д., писательский, то есть прежние литературные работы, и наконец, нравственный, то есть незапятнанная личность. Самый трудный вопрос в том, кто должен все это проверять и давать на газету разрешение. Наилучшая гарантия правильной проверки – ее публичность. Это должно быть нечто вроде защиты диссертации, после которой факультет признает соискателя достойным. Но какой “факультет” является для этого компетентным? Очевидно, роль факультета должна играть здесь коллегия выдающихся литераторов. Если образовать такой постоянный трибунал из людей, имеющих в литературе почтенные имена, ему можно будет доверить не только проверку прав желающих стать редакторами ежедневных политических газет, но и

судебные функции, например дела об окончательном прекращении изданий. Что вы на это скажете?

– Этот вопрос надо разработать.

– И как можно скорее, – добавил диктатор – А пока необходимо принять меры к очистке печати на почве существующего закона, или, если это невозможно, придется отменить или дополнить “Временные правила”. Думаю, что опыт у вас уже имеется достаточный и проектировать немедленно нужные изменения вы не затруднитесь.

– Разумеется.

– Затем подумаете: нет ли какого-нибудь способа устранить из печати еврея? Ведь главная доля печатной заразы принадлежит еврейским сотрудникам и корреспондентам. Нельзя ли брать с редакций какие-нибудь подписки, что ли? Ведь пока евреи руководят печатью, она никогда не сделается ни чистой, ни честной, ни патриотичной.

– Это очень трудный вопрос, ибо его никак не сформулируешь. Вы можете устранить еврея номинально, но не устраните фактически. Он будет писать анонимки. А затем и между русскими всегда найдутся люди, которые за деньги дадут свою подпись и фирму.

– Да! Единственное спасение печати – это выдача разрешений на газеты только истинным, уважающим себя писателям. Другого средства нет.

ХІІІ

Бельгард откланялся, и в кабинет диктатора направились военный министр Редигер и вызванные командиры воинских частей, ожидавшие в зале. Начало совещания, имевшее предметом отчет о состоянии духа петербургского гарнизона, о готовности войск исполнить в критическую минуту долг присяги, об офицерском и командном составе и главным образом о противодействии анархистской пропаганде и о нравственном возрождении армии, расшатанной и поникшей духом после бесславной войны.

Тем временем интеллигентные кружки Петербурга волновались. Был сделан слишком крутой и резкий шаг, полагавший границу всяким уступкам и колебаниям власти. Нашелся человек, которому Государь вверил всю полноту Своей державной власти и поручил успокоить Россию и единой своей волей прекратить смуту и двинуть государство на новый путь. Вчера еще этого человека никто не знал, сегодня он уже повелевает всеми, дает тон всей государственной жизни. Без всяких внешних эффектов, без красивых фраз, в речах диктатора почувствовалась творческая мысль и железная воля. Рассказы передавали с явными преувеличениями о первых разговорах министров. Его фигура вырастала с часу на час в нечто таинственное. Корреспонденты свои и иностранные метались по сановникам и осаждали телеграф. Депутаты Думы, предчувствуя развязку, шумели в своих клубах и фракциях. “Русское собрание” стало самым бойким и оживленным центром Петербурга. В Союзе русского народа шли таинственные совещания, комментировались слова неодобрения, будто бы сказанные диктатором по адресу этого учреждения. Стоустая молва подхватывала слухи и говорила о роспуске Союза как о деле решенном. Учащаяся молодежь, переполняющая Петербург, волновалась, как никогда раньше, но в действиях революционной части петербургского населения чувствовалась растерянность и не хватало единства. Войска и полиция были начеку, готовые предупредить малейшее “выступление”. Ожидали самых необыкновенных событий, но толком никто ничего не знал, и эта таинственность возбуждала умы и поднимала общественную атмосферу.

Вечернее прибавление к “Правительственному Вестнику” принесло несколько “Приказов Императорского уполномоченного”, разразившихся как удар грома.

В одном из приказов сообщалось, что академическая автономия не принесла ожидаемых результатов, а потому, впредь до предположенной коренной реформы высших учебных заведений, отменяется.

Второй приказ гласил об исключении всех евреев – студентов и вольнослушателей, как организаторов и

руководителей смуты, и о высылке таковых из Петербурга в места оседлости в течение ближайших трех дней.

Это был удар в самое больное место “освободительного движения”, и удар неслыханно смелый. Чтобы отважиться тронуть евреев, нужна была большая решимость и полная уверенность в своей силе. Но диктатор пошел еще дальше и в третьем приказе бросил самый страшный вызов всей передовой дружине революции. Приказ гласил, что с Высочайшего соизволения приостанавливается действие закона об отмене телесного наказания, и что к таковому могут присуждать военно-полевые суды как революционеров, так и обыкновенных хулиганов за проступки, где смертная казнь была бы слишком несоответствующим возмездием. Одновременно расширялась компетенция военно-полевых судов по целому ряду революционного характера преступлений, застигнутых на месте. Сюда относились, между прочим, стачки, всякого рода революционные демонстрации, сопротивление властям, уличные насилия и т. п. За все это категорически предписывались... розги.

Передавали слышанное кем-то будто бы подлинное выражение диктатора: “Ваша революция так глупа и так грязна, что казнь для ее героев слишком большая честь, – довольно и простой порки”. Были ли эти слова произнесены или нет, проверить было невозможно, но эта мера вызывала особенное бешенство среди молодежи и революционной интеллигенции как явное надругательство над “великой” революцией и полное к ней презрение. Но эта злоба была тем более бессильна, чем больнее был удар; чувствовалось в атмосфере, что приказ попал в цель и что революция им действительно уничтожена и осмеяна. Трезвые и благоразумные голоса высказывались очень смело и определенно: “Вот это дело, давно бы так”.

Вечер первого дня прошел в совещаниях диктатора с выдающимися государственными и общественными деятелями. Генерал-адъютант Иванов искал себе по мысли министра финансов, но – увы! – ни между “сановниками”, ни среди казенных профессоров не мог найти.

XIV

Участь Государственной Думы была в сущности решена с назначением генерал-адъютанта Иванова. Он был слишком военный и слишком здравомыслящий человек, чтобы не понимать всей кричащей нелепости затеи графа Витте: в стране, насквозь возбужденной и перебунтованной, сорок лет лишенной всякого проблеска общественной и политической жизни, ненавидящей правительство как символ бессмысленного гнета и духоугашения – устроить политические выборы, привлечь к урнам не только сравнительно культурное русское и польское общество, но и никакого понятия о государственном деле не имеющее крестьянское население, но и всякую безграмотную и бестолковую инородчину до тунгусов и якутов включительно, широко снабдить весь этот конгломерат надлежащими орудиями агитации и соблазна, поставить во главе бесчисленной красной печати евреев и всяких социалистов и анархистов и ждать, чтобы из этого дикого шабаша вышло 500 законодателей, “богатырей” и “лучших людей” земли! Это было очевидное безумие, которое и выразилось в первой Думе. Но правительство не остановилось после этого первого опыта и пожелало его повторить. Получилась та же орда варваров, захватившая большинство парламента, и вся разница с первой Думой была лишь та, что с невероятными усилиями удаюсь кое-где провести небольшую сравнительно группу правых и умеренных.

Первым сердечным движением диктатора было поэтому желание демонстративно распустить Думу, отменить все наше новое парламентское устройство и объявить созыв Земского Собора, которому и предложить переработанные заново основные законы с разделением России на крупные области и последовательно проведенным самоуправлением. Но здесь являлось препятствие нравственного свойства. То, что было так легко сделать после первой Думы, после созыва второй не могло не компрометировать Верховную Власть. Чем можно было бы в этом случае объяснить эту слепую веру правительства в

совершенно непригодную для России форму народного представительства? Зачем понадобился этот злополучный второй опыт, когда уже и первого было чересчур достаточно, чтобы убедиться в сделанной ошибке?

Эти соображения, при желании во что бы то ни стало поднять и укрепить престиж Верховной Власти, связывали диктатору руки по отношению второй Государственной Думы и не позволяли ее немедленно разогнать, как это ни было необходимо в интересах общественного порядка и спокойствия. В самом деле, левая сторона Думы представляла собой готовый главный штаб революции. Мятёжные организации социалистов и трудовиков поддерживали самые тесные сношения с провинциальными революционными кружками, своими корнями все более и более опутывавшими деревню и волновавшими крестьянство. Разрастался голод, росла цена на хлеб, печать изо дня в день помещала зажигательные статьи, и к лету можно было ждать возобновления беспорядков и мятежей. Все это можно было предупредить только разгоном Думы и восстановлением твердой власти, не знающей никаких колебаний. И от всего этого пока приходилось отказываться, чтобы не давать на посрамление Царского имени и, скрепя сердце, исполнять существующий, хотя и ошибочный закон.

И вот Иванов решил сделать попытку составить в Думе, хотя бы и искусственно, некоторое благоразумное большинство, которому было бы можно предложить соответственно измененный закон о выборах. Расположение думских партий допускало такую комбинацию: если бы к правым и октябристам примкнули “кадеты” и поляки, это дало бы правительству перевес и позволило бы рискнуть на внесение нового избирательного закона, устранявшего из парламента улицу, уничтожавшего совершенно несправедливое преобладание крестьянства и передававшего избирательные голоса в руки более культурных классов.

Вопрос сводился, очевидно, только к согласию “кадетов”. За поляков диктатор был спокоен. Областное деление, давая Польше широкое местное самоуправление, отвечало в

значительной мере их мечтам об автономии и, кроме того, поляки уже и без того показали себя совершенно чуждыми революционной левой. Оставались “кадеты”.

Диктатор хорошо понимал всю трудность задачи – оторвать эту группу от левых “товарищей”. Но, с другой стороны, он совершенно не верил в искренность “кадетского” демократизма и отлично знал, из чего он сделан. Без этого демократизма, без самого бесшабашного заигрывания с левыми, “кадеты” потерпели бы на выборах поражение, совершенно такое же, как мирнообновленцы. Их прошло бы едва несколько человек. Пока выборы в Думу обставлены так, как сейчас, “кадеты” изменить своей тактики не могут. Но теперь от их собственного согласия зависело переделать выборный закон и обеспечить себя от необходимости ухаживания за революционной улицей. Что же касалось главного стремления “кадетских” главарей – пробиться к министерским портфелям, удовлетворить это желание было совсем нетрудно. Пусть только “кадеты” окончательно и бесповоротно разойдутся с социалистами, их либерализм не будет стоять в противоречии с русской государственностью и из их правой половины могут выйти отличные практические деятели.

Ввиду этого диктатор решил вступить в переговоры с лидерами “кадетской” партии и прежде всего с Милюковым.

XV

Вызов в Зимний дворец Милюкова на другой день по появлении грозных приказов диктатора произвел в Петербурге сенсацию необыкновенную.

Диктатор встретил главу “кадетов” чрезвычайно любезно.

– Вы удивлены моим приглашением?

– Ваше превосходительство вполне правы. Что может быть общего между мной и моими единомышленниками и товарищами и вами после вчерашних ваших приказов? Мы отлично сознаем, что сила в ваших руках, и спокойно готовимся ко всяким случайностям. Я не могу себе даже

представить, какая может быть у вас почва для разговора с нами? Не за тем же вы меня вызвали, чтобы говорить о погоде...

– Ну разумеется. Но я думаю, что между нами разговор не только возможен, но и разговор весьма содержательный и плодотворный. Я буду совершенно откровенен и прошу от вас того же.

– Я весь внимание.

– Насколько я понимаю вас и вашу группу, вы боретесь против бюрократического самовластия и полагаете, что можете достичь вашей цели установлением в России конституционного режима по западному образцу и, конечно, в самой совершенной, то есть самой либеральной форме?

– Вы определили верно.

– Скажите: из двух опытов с Думой вы не вынесли заключения, что парламентаризм в России невозможен и что работоспособной Думы получить нельзя?

– Нет, не вынес. Нам не хватает истинно демократического избирательного закона...

– То есть всеобщей, равной, тайной? Да, но тогда выборы были бы еще менее сознательны, и парламент еще бессмысленнее.

– Всякий парламент предполагает борьбу партий и господство одной из них. При всеобщем голосовании партии организуются и будут работать наиболее совершенно.

– Боже мой, все это доктрина, книга! Ну а совсем без партий вы не предполагаете возможным устройство государства?

– Современного – нет.

– Послушайте, я смотрю шире вашего. Вы хотите отдать бюрократию под контроль народного представительства, то есть партий. Я хочу вовсе упразднить бюрократию и все основать на самоуправлении. Неужели это не шире? А главное, ведь именно в этом наш национальный исторический путь. Наше государство выросло не на борьбе и не из борьбы. Но для вас все это “славянофильство”,

которого вы не любите. Поэтому я выскажу мою мысль в практической форме и тогда вам легче будет сказать: да или нет. Вообразите себе, что Россия разделена на большие области, в своем местном управлении вполне самостоятельные. Области эти составляют государственное единство с Царем во главе. Царь окружен только выборными от областей. Никакого бюрократического аппарата вне участия и контроля этих выборных нет, и за Центром оставлены только строго определенные государственные задачи. Может ли такой Царь оставаться самодержавным или необходимы конституционные ограничения?

– Я не могу допустить неограниченной монархии – это абсурд.

– Ну хорошо. Мы об этом спорить не будем. Предположим на минуту, что основные законы устанавливают ограничения, хотя бы, например, в виде обязательства для Царя соблюдать эти основные законы. Его роль верховной совести, верховного суперарбитра от этого не меняется. Что вы можете иметь против этой схемы?

– Я не могу ее себе представить в действии. Я думаю, что это нечто фантастичное.

– Да, господа, трудно вам отделаться от шаблонов. Но я опять возвращусь к практике, и тогда вы меня лучше поймете. Я хочу вот чего: пусть ваша партия соединится в этом вопросе с октябристами и правыми. Тогда левые будут изолированы, и правительство внесет законопроект о пересмотре основных законов.

– Что же вы предложите?

– Во-первых, полную схему самоуправления, начиная снизу, с прихода.

– С прихода? Вы хотите вероисповедную единицу?

– С территориального прихода для вероисповедного большинства, – твердо ответил диктатор. – При свободе и покровительстве всем вероисповеданиям ни о каких стеснениях здесь речи быть не может. Затем пойдет организация самоуправляющегося уезда. Уезды соединятся

в области, где также будет проведено самое широкое самоуправление. Наконец, выборные от областей на основании известного служебного ценза составят из себя высшие государственные учреждения и специальные советы. Все высшее государственное управление будет исключительно в руках выборных земских людей, даже хозяйственная часть армии. Чиновник, как власть, будет совершенно упразднен. Неужели это не шире и не жизненнее западного парламентаризма со всей его ложью и со всеми его мерзостями? Неужели ваше русское чувство не подсказывает вам, что вот это и будет наш искомый и желанный тип государства? Да разве такое необъятное государство, как Россия, может управляться иначе? Ведь вы же сами видите, что Россия гибнет и другого средства для ее спасения нет? Скажите же ваш ответ!

– Что я могу ответить вашему превосходительству? У нашей группы политические идеалы и воззрения являются достаточно установившимися, чтобы от них отказываться ради каких-то фантастических построений. Я не могу дать вам ответа даже за себя, да мое личное мнение вам едва ли и интересно.

– Прибавлю вам, что эту схему я считаю единственно верной и спасительной, и я верю, что в этом меня оправдает общий голос народа, который я сумею вызвать. Если я теперь пригласил вас, то только потому, что мне не хочется прибегать к таким крайностям, как роспуск Думы. От вас зависит помочь мне всего этого достичь мирно и планомерно.

XVI

Разговор с Милюковым не привел ни к чему. Попытки столкнуться с другими главарями “кадетской” группы – тоже. Эта партия не имела мужества порвать с левыми и дать нужное большинство для мирного разрешения вопроса. Оставалось действовать, тем более, что со всех сторон поступали донесения губернаторов о том безобразно вредном влиянии, которое производили

стенографические записи левых речей в красных газетах, широко распространявшиеся в темной среде крестьянства.

Диктатор не считал достойным правительства и себя подыскивать предлог к роспуску Думы или искусственно вызывать конфликт. Он решил закрыть Думу лично, в простой, но торжественной форме, среди обыкновенного заседания и без малейших полицейских или военных предосторожностей. Генерал-адъютант Иванов слишком верил в силу своей воли и твердо знал русскую психологию. Революция существовала только вследствие трусости перед ней.

Шел третий день назначения Иванова уполномоченным. В кулуарах Государственной Думы господствовало страшное возбуждение по поводу опубликованных приказов диктатора, но в первый раз обнаруживался в рядах левых коренной раскол, и крестьяне, самые по-видимому крайние, оставались в еврейском вопросе очень равнодушными. Многие из них говорили даже довольно откровенно, что приказы хороши и что как евреев, так и безобразничающую молодежь давно пора сократить. Главари выбивались из сил сплотить крестьян на активный протест, но те упорно твердили, что их интересует только земля и воля, и не выражали желания рисковать Думой из-за того, что из Петербурга вышлют сотню-другую жидов или “пропишут” кому-нибудь телесное нравоучение. С другой стороны, самый факт назначения Императорского уполномоченного с огромными правами, почти равными Царским, производил сильнейшее впечатление и парализовал всякую охоту к борьбе. За эти два дня репутация человека, абсолютно бесстрашного и с железной волей, успела настолько укрепиться за Ивановым, что у революционных элементов явно опускались руки. Эта же личность возродившейся столь неожиданно новой твердой власти производила могущественное впечатление на простого мирного обывателя, и он решительно поднимал голову и готов был даже выражать удовольствие.

Заседание Думы шло сумрачно и вяло, когда к Таврическому дворцу подъехала коляска уполномоченного, сопровождаемого небольшим казацким конвоем.

В зале воцарилась мертвая тишина, когда вошел диктатор. Правая сторона и часть центра встали. Начали вставать отдельные депутаты и левых. Не спеша, подошел Иванов к епископам Платону и Евлогию и принял благословение. Затем приблизился к трибуне председателя и тихо сказал несколько слов.

Головин, бледный как полотно, поднялся с места.

– Слово принадлежит Верховному уполномоченному Его Императорского Величества. Слагаю с себя председательство и прошу всех встать.

Головин сошел с трибуны, а за ним поднялся диктатор, остановился и обвел взглядом залу. На крайней левой десятка полтора депутатов продолжали сидеть. Он направил туда пристальный взгляд, и под этим повелевающим взглядом медленно и неохотно встали еще несколько человек.

– Всех прошу встать, – тихо произнес Иванов, и эти слова раздались по всем углам огромной залы, до того торжественна была тишина. В голосе диктатора чувствовалась отдаленная приближающаяся гроза.

– С Высочайшего соизволения объявляю вторую Государственную Думу закрытой.

Зала словно окаменела. На правой стороне Пуришкевич провозгласил театрально:

– Государю Императору “ура!”.

Этот крик был слабо поддержан правыми, но Иванов поднял руку и зала вновь стихла.

– Господа, – произнес спокойно диктатор – Мы переживаем великий исторический момент. Мне было суждено своей слабой рукой перевернуть страницу русской истории. Дай Бог, чтобы это была последняя страница страшного и позорного для России петербургского периода. В эту ужасную двухсотлетнюю полосу мы забыли Бога, исказили нашу историю, развратили и обезличили наш великий и умный народ. Разросшаяся язва чиновничества и канцелярщины убила в нас истинную свободу, самостоятельность, человеческое достоинство. В

христианской, доброй и мирной стране расплодилась ненависть, ослабело и исчезло национальное чувство. Ложь и обман проникли насквозь в нашу общественную жизнь, и когда Россия была вызвана на великое испытание последней войны, все наши народные и общественные язвы раскрылись, и у нас не хватило ни старого русского мужества, ни старой силы, ни патриотизма, чтобы отстоять честь и интересы Родины. Совершенно естественно и законно тотчас же после первого позора началось наше освободительное движение. Велика и болезненна была народная обида и негодование на тех, кто привел Россию в такое ужасное положение. Понятно, что и у правительства опустились руки, и оно, вчера еще грозное и самоуверенное, вдруг ослабело и бессильно заметалось, ища выхода. И вот тут-то сказалось наше забвение истинных народных основ, наше презрение к велениям родной истории. Правительство сделало последний шаг по ложному западному пути, по которому шло двести лет, и увенчало свои великие исторические ошибки последней и самой тяжкой: было дано подобие западной конституции, дважды был собран западного типа парламент. Тем временем поднялись все придавленные и озлобленные общественные силы, легко возбудили оскорбленный, униженный и материально разоренный народ, закон и порядок исчезли, водворилась анархия, и на глазах у всех Россия очутилась на краю пропасти.

Все это естественно и понятно, все это нужно было пережить, но пора же наконец дать место и любви к Родине, к здравому русскому смыслу. Заглянем в глубину наших душ, спросим нашу совесть: разве вот это наше собрание обладает необходимой мудростью, верой и нравственной силой, чтобы спасти и переустроить Россию? Огромное большинство вас, господа, в первый раз слышите о тех важных и бесконечно сложных государственных работах, которые предстоит исполнить. Можете ли вы даже браться за них? Но при этом еще добрая половина из вас затуманена злым и ложным учением социализма, способным только к разрушению и ненависти. А сколько между вами и чуждых России по духу людей, которым наша великая страна ничуть

не дорога, ибо была доселе мачехой, а не матерью? Чего же можно было ждать от вас в смысле обновления России?

Мне удалось получить согласие Государя Императора закончить этот печальный опыт русской конституции и парламента. Расставаясь с вами и распуская Государственную Думу, считаю своей обязанностью, как лицо, облеченное высоким доверием Монарха и всей полнотой государственной власти, сказать вам с полной откровенностью, какой путь намечен мной к обновлению России, чего наша Родина может и должна от меня ждать, пока Богу угодно меня сохранить, а Царю мне верить и мою работу одобрять.

Ни о каком возврате к старым порядкам нет и не может быть речи. Эти порядки ненавистны всем вам, еще более ненавистны Государю. В основе этих порядков лежало бюрократическое самовластие чиновника, презрение и недоверие к живым общественным и народным силам. Нашей задачей является постановка чиновника на свое служебное и ответственное место и такая организация сил общественных и народных, при которой Царь правил бы Россией в полном духовном единстве с народом. Эта организация и есть наш главный, жизненный и неотложный вопрос.

Дело это Верховной Властью поручено мне. Оно распадается на две резко разграниченные и совершенно определенные задачи. Во-первых – успокоение России, во-вторых – ее обновление.

Для первой задачи, заявляю это громко, я чувствую себя и подготовленным, и достаточно решительным, и сильным. Моя рука не дрогнет, и ум не смутится употребить всю огромную государственную мощь на восстановление и удержание порядка, и притом полного, безусловного, без всяких послаблений и колебаний. Я слишком горячо люблю мою великую Родину, чтобы остановиться малодушно перед самыми крутыми мерами, когда речь идет не только о ее благе и спокойствии, но и о всей будущности, о самом ее существовании. Здесь я не спасую.

Что касается второй половины задачи – обновления и возрождения России, вы имели бы право считать меня последним из безумцев, если бы я здесь отважился сделать хоть один шаг на основании личной мысли, личных взглядов и соображений. Такое реформаторство, такое сочинительство я считаю тягчайшим преступлением. И если наша бюрократия заслужила нынешнюю всеобщую к себе ненависть, то именно за эту свою преступную повадку реформировать и сочинять, ни у кого не спросясь.

Дело нашего обновления – дело разума всей земли, дело ее совести и правды, и я считаю здесь своей задачей одно – вызвать этот подлинный голос земли, дать простор великому мирскому разуму. Не в несколько недель или месяцев, а спокойно, кропотливо, целыми годами придется перестраивать наше ветхое государственное здание, перестраивать во всех частях. Безобразно управление, плохи финансы, расстроено просвещение, ослабла военная сила, все плохо, все ждет исправления. И пусть же знают все, что эта работа начнется теперь же, по всем частям; начнется лучшими силами, лучшими специалистами, каких только может выдвинуть Россия. Но как бы ни были эти люди сведущи и талантливы, как бы ни была хороша их работа, ни одна самая малая часть ее не будет поднесена к подписи Царя и проведена в жизнь без всенародного гласного одобрения. Никакого самовластия, никакого насилия, никакой неожиданности – вот что будет девизом нашего нового законодательства. Готовые законопроекты будут рассылаться на обсуждение земских собраний, городских дум, сословных собраний, биржевых комитетов. Будут собраны, взвешены и распределены все мнения, приняты в соображение все указания. Исправленный и переделанный согласно этому каждый законопроект будет вновь разослан на окончательное обсуждение, и только тогда, когда в нем воплотится и отразится вся народная мысль, со всех концов России, тогда можно будет считать закон созревшим для утверждения и осуществления.

Разумеется, на первую очередь будут поставлены: здравая экономическая политика и организация самоуправления и управления. Затем, когда Россия будет организована, не

будет уже надобности в таком сложном ходе законопроектов. Первым делом новой организации будет устройство достойных великой России законодательных органов. Эти органы утвердит и поставит Великой Русский Земский Собор, которому будет предложена на последний просмотр вся огромная всенародная работа.

Вот тот путь, господа, который мне представляется единственно правым, единственно спасительным. И то правительство, которое честно и смиренно будет ему следовать, не заслужит обвинения в насилии и самовластии. Моя личная задача будет: охранять этот путь, не допускать от него отступать, хранить свято заветы величайшего смирения перед народной мыслью и разумом.

Мне нет надобности говорить вам, что я считаю этот путь устройства России возможным только при широчайшей общественной свободе, при полной гласности и при самой твердой охране законности. Я страстно чту свободу, но свободу не для одной какой-либо партии или группы, а для всех, а такая свобода требует строжайшего общественного порядка. Я не менее страстный поклонник свободной мысли, но и эта свобода дается только при ясном сознании правды и важности высказываемого, при строгой ответственности за всякое праздное или вредное публичное слово. Не забывайте, что печатное и живое слово является зачастую еще более сильным орудием разрушения, чем созидания.

В заключение, господа, позвольте сказать вам, что, вступая на новый путь, надо запастись любовью и добром. Повелевая мне распустить Государственную Думу, Государь Император приказал мне передать вам, что Он дарует полное прощение и забвение всем политическим преступлениям. Это не значит, чтобы были немедленно освобождены все те, кто насильственно выбросился из рамок общественного порядка или запятнал свои руки кровью и насилием. Это значит, что отныне государственная власть будет смотреть на них не как на преступников, а как на более или менее тяжело больных, которых надо лечить.

Я кончил, господа, и смиренно прошу у вас прощения за те горькие минуты, которые нам всем здесь пришлось пережить. Грех лежит на всех нас. Простим же чистосердечно друг другу, не затаим зла в сердцах наших и, вступая в новую полосу русской истории, проникнемся миром и любовью и будем работать каждый на своем посту для блага Родины и во славу нашего Самодержавного Царя! Диктатор отдал глубокий поклон собранию и тихо сошел с трибуны.

* * *

Страница русской истории была перевернута без шума и крови.

Иванов 16-й и Соколов 18-й

(Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”.)

XVII

Роспуск Государственной Думы не вызвал никаких волнений, ни революционных выступлений. Все отлично понимали, что власть в надежных руках и что генерал-адъютант Иванов не такой человек, чтобы испугаться какого угодно бунта. Затем выцвела, испошлилась и безмерно надоела всем и самая Дума. Бесконечные озлобленные словоизвержения левых, бестолковые выходки правых, вечные колебания и некая особая “высшая тактика” кадетов и октябристов и совершенная безграмотность и бестолковость крестьянского “представительства” надоели до тошноты. Никаких надежд на “работоспособность” Думы не оставалось, а между тем это странное сборище в Таврическом Дворце остановило все законодательство, обратило дело важнейших реформ в глупую комедию.

Вот почему господа депутаты, получив прогоны в обратный путь, разъехались довольно мирно. На этот раз не только никаким Выборгом и не пахло, но даже представительство крайних левых в сильной степени поджало хвосты, бравирова и угрожая только для виду.

Да и меры предусмотрительности были приняты серьезные. Губернаторам были посланы энергичные приказы наблюдать за деятельностью бывших депутатов, распущены все профессиональные организации, где главарями или тайными руководителями состояли революционеры, и в течение нескольких дней закрыты все газеты социал-демократического или социал-революционного толка.

Все это не могло не произвести надлежащего воздействия, и хотя либеральная и кадетская печать проливала горькие слезы над торжеством “реакции” и сулила всякие ужасы, огромное большинство и в обществе, и в народе, утомленное трехлетней анархией, приветствовало крутые меры диктатора и, судя по его первым речам и распоряжениям, с доверием смотрело на будущее и ждало.

А диктатор?

О, как отчетливо сознавал он всю страшную тяжесть лежавшей на нем задачи, всю бесконечную трудность приведения в порядок необъятной страны, где после сорока лет преступного духоугашения три года подряд анархия расшатывала все устои, отравляла умы и сердца! Он отлично понимал, что наступившее успокоение измеряется днями и часами, что им не сделано еще ровно ничего, что те, на кого он мог и должен был опереться, только кредитуют его, кредитуют, можно сказать, под звук его имени да под необычность факта его призыва к власти. А что, если ему не удастся сделать того великого дела, на которое он шел? Что, если его личный ум и личные силы окажутся слабыми, а общество на его страстный призыв не ответит и нужных ему работников не даст? А зло, старое зло стоит кругом. Освободительный взрыв ничего не принес, ничего не направил, он только вскрыл одновременно тысячи гнойных язв русской жизни, которые раньше затягивались, замазывались и вгонялись вовнутрь. Россия раскололась во

всю величину и пошла по двум противоположным дорогам. И те, кто пошли налево, в сторону освободительного движения, возненавидели тех, кто пошел направо, в сторону защиты старых устоев государства. Ненависть, раздуваемая партийной печатью, сделала гигантские успехи и отравила всех. Люди, приставшие к освободительному движению, возненавидев смрадные язвы старого режима, возненавидели вместе с ним и самые основы русского народного и исторического быта, возненавидели патриотизм и даже самое имя своей Родины. Люди противного лагеря свою справедливую ненависть ко лжи, насилию и деспотизму освободительного движения перенесли и на ту великую правду, которую оно в себе заключало, и бросились слепо на защиту старого...

Словно микробы страшной болезни заражали все больше и больше обе стороны. Иванов с ужасом видел, что его, цельного, спокойного, уравновешенного и здорового, могут не понять ни там, ни здесь. Он почти не видел вокруг себя тех спокойных, трезвых и здоровых людей, на которых он мог бы опереться, не находил того незараженного политически слоя, откуда мог бы черпать нужный персонал своих помощников. А в правительственном мире, куда он попал, карьеристы всех видов и рангов образовали вокруг молодого диктатора многоголовое море, и это море грозило его залить.

Нужно было действовать, и действовать решительно и быстро. Программа у Иванова была, но только в виде самых общих директив. Нужны были, с одной стороны, талантливые исполнители, с другой – сознательное и доверчивое отношение общества. Это отношение на минуту установилось, оно было как бы выхвачено блестящим первым выходом Иванова, но диктатор отлично сознавал, до какой степени общественное настроение капризно и непрочное. А исполнителей не было.

Особенно тягостно было диктатору полное отсутствие талантливых финансистов. Он ясно сознавал, что ключ к материальному возрождению России лежит в финансах, и усиленно искал министра, не принимая пока что отставки Коковцева. Но ни в огромной нашей бюрократической

машине, ни среди многочисленной профессуры, ни в банковых, ни в торгово-промышленных сферах нельзя было остановиться ни на одном имени.

XVIII

Возрождение России представлялось Иванову в трех основных формах. Возрождение духовное требовало очищения и восстановления Церкви во всей ее внутренней силе и правде. Возрождение политическое требовало уничтожения всеразъедающего начала бюрократизма и возрождения земщины, которая должна была стать добрым историческим фундаментом государства. Наконец, возрождение экономическое требовало правильной и стройной денежной системы, которая могла бы достойно обслуживать великую страну, дать широкое развитие народному кредиту, освободить Россию от ее печального рабства у иностранной биржи, создать национальную независимость, оплодотворить русскую предприимчивость, поднять народный труд.

И ни в одной из этих областей Иванов не находил людей, которые были бы на уровне понимания объема и значения своей задачи. Среди огромного персонала высшей церковной иерархии и академической богословской профессуры, при всем изобилии ученых специалистов и приличных администраторов, меньше всего можно было встретить людей истинно церковного духа. Двухсотлетняя жизнь Русской Церкви, обращенной в бюрократическое ведомство, принесла свой горький плод. Все мнения и течения от крайнего католического, почти ультрамонтантского или византийского и до яркорационалистического протестантского и даже революционного были налицо, не видно было лишь русского исторического понимания Церкви в простом, несколько суровом и строго православном ее облике. Не чувствовалось веяния теплой народной веры; ни под одной раззолоченной митрой не были видно народного святителя, смиренного и вместе с тем авторитетного и любимого.

Собор был накануне своего созыва, но не ждал от него больших плодов диктатор и даже скорее опасался тех споров и разногласий, которые могли возникнуть к соблазну и потрясению Церкви.

Оставались миряне – ревнители Церкви. Здесь блистали имена Д. А. Хомякова, А. А. Папкова, Г. А. Шечкова, А. Л. Киреева, Н. П. Аксакова, Ф. Д. Самарина, Н. Д. Кузнецова. Диктатор решил созвать у себя частное совещание, чтобы обменяться мыслями и установить твердый взгляд на приход как на основную не только церковную, но и общественную, земскую и государственную ячейку.

На совещание собрались намеченные Ивановым лица из бывших налицо. Он открыл заседание таким обращением:

“Пусть вас не удивляет, господа, что в вопросе, близко касающемся Церкви, я пригласил вас, мирян, а не лиц духовных. Мне нужно осветить один вопрос, где наше духовенство является стороной, и дать ответ может только односторонний. Признаю заранее свою полную некомпетентность в вопросах церковных и, прямо скажу, невежество в вопросах канонических и богословских. Но этих сторон касаться я и не думаю. Я ставлю вопрос исключительно государственного характера и хочу услышать ваше мнение. Древняя Русь была основана на тесном единстве государства и Церкви, народа и общества и Церкви. Точнее: и государство, и народ составляли Церковь, жили в ней. Основной ячейкой всего быта народного и земского строя был приход. Этот строй был настолько прочен, настолько отвечал нашему национальному характеру, что в смутное время только он один спас Россию от порабощения и анархии и восстановил государство, вдохнув в него тот же церковный и земский дух, которым был проникнут сам.

Теперь мы видим совсем не то. Прекрасно оборудованная Церковь стала одной из отраслей государства и потеряла всякую связь с душой народа, стала для него внешней силой. Народ привязан к ней только обрядностью, в огромной части обязательной. Звонят колокола, идут чинные службы, но дух церковности отлетел, но живого Христа Церковь постепенно забывает. Верующие ходят слушать певчих,

говеть, даже молиться, но жизнь стала языческой, в жизни Церковь потеряла всякое значение. Отсюда глубокая народная тоска, сознание пустоты, лжи и обмана и поразительная легкость всяких соблазнов и совращений. А с государственной точки зрения, на которой я единственно имею право стоять в этом вопросе, является вот что: наша национальная основа всей государственности и общественности есть христианство, иной нет. Эта основа отнята, выкрадена, изуродована, и вот мы не можем найти никакой общественной связи, никакого цемента для разлагающегося государства. И я глубоко убежден, что пока в той или иной форме мы этой связи не найдем и не восстановим, пока народная тоска по высшей Божией правде не будет утолена, до тех пор анархия не кончится, ибо самая эта анархия есть, по – моему, только протест против опрофанного идеала, против казенной лжи, вставшей на место народной правды.

Мне думается поэтому, что первым шагом к восстановлению правды в русской жизни есть возрождение прихода. Оживите нашу древнюю церковную общину, верните народу Христа – и Россия воспрянет духом и обновится”.

XIX

Разумеется, собеседники признали полную правильность такой постановки вопроса, только Хомяков заметил:

– Против того, что вы высказали, возразить нечего, но я боюсь продолжения. Вопрос о приходе – лукавый вопрос. Насколько правильна его идеальная, церковная сторона, настолько же опасны те формы, в которых нам предлагается возрождение прихода. Избави Бог соединять это дело с организацией так называемой мелкой земской единицы, а я в ваших словах уже предчувствую этот вывод.

– Грустно мне это слышать, – отвечал диктатор, – но чтобы сразу поставить вопрос начистоту и во всем объеме, я выскажу свою мысль до конца. Приход я понимаю не только как церковную общину, в деле веры руководимую

епископом и составляющую, следовательно, ячейку местной Церкви, – кажется, это не противоречит канонам? – но и как самостоятельную низшую организацию земскую, административную, финансовую, судебную, школьную, словом, как очаг местной самодеятельности и самоуправления. Только в приходе возможен сознательно производимый выбор деятелей, только в приходе достижимо истинное равенство, ибо это равенство перед Богом и братство о Христе, только на приходе можно основать истинную земщину.

Самарин горячо возражал:

– Едва ли это правильно. Вы смешиваете дело Церкви с делами, ей посторонними, и этим создаете опасность обмирщения Церкви, растворения дела Божия в заботах о благоустройстве внешнем. Это очень опасный принцип.

Хомяков прибавил:

– Вы вводите в Церковь элементы, ей чуждые, и, быть может, даже враждебные. Кто будет управлять приходом? Совет в форме большинства? Значит, будет баллотировка, подсчет голосов? Неужели этого одного не достаточно, чтобы совершенно убить церковный дух?

Остальные собеседники тоже высказали свои сомнения относительно мысли диктатора, казавшейся им слишком резкой и радикальной.

Иванов грустно покачал головой.

– Простите, господа, вы все здесь специалисты и знатоки вопроса, а я профан, едва прочитавший пять-шесть книг. Но я моим непосредственным чувством иду в самую глубину вопроса, куда проникнуть вам мешает ваш научный балласт. Простите эту самоуверенность, но я думаю, что опасности омирщения Церкви не существует. Что-нибудь одно. Или еще в русском народе сохранилась его вера и духовные идеалы, или он уже их потерял. Если случилось последнее, то все наши заботы о Церкви, все наши сложные рассуждения, организации, каноны, соборы и прочее – все это ложь, пережиток невозвратно минувшего прежнего, и тогда государству нечего с этим со всем делать и надо искать простых гражданских форм общежития, а Церковь

предоставить своей судьбе. Но если вера жива, если, несмотря на все свое одичание, разврат, пьянство и т. д. русский народ свои идеалы хранит, если его вера и дух жизнеспособны, если, наконец, верно, что “врата адовы не одолеют”, тогда не бойтесь за Церковь, не опекайте и не изолируйте ее. Не Церковь омирщится от прикосновения к мирскому, а это мирское одухотворится! Если возможна церковная община, если наша русская общественная связь есть связь братства о Христе, то эта община будет и судиться о Христе, и самоуправляться о Христе, и землю пахать о Христе, и даже кредит давать и торговлю вести о Христе. Я чувствую глубокую фальшь в том, что вы словно боитесь за Христа, что Он не справится, у Него не хватит силы одушевить ту группу людей, которая, однако, приняла и носит Его имя... Признаюсь вам, на меня тяжелое впечатление произвели работы Предсоборного Присутствия...

Кузнецов возразил:

– Мы, как члены Присутствия, занимались преобразованием прихода лишь в церковном отношении и убеждены, что обращение его в земскую единицу еще не обеспечивает его развития в религиозном отношении. Во всяком же случае, это вопрос законодательства чисто государственного, и мы не могли им заниматься.

– Я понимаю, – отозвался Иванов – Значит, мне вы, собственно, не возражаете?

На стороне Иванова были Шечков и Папков, но и они высказывались несколько робко и уклончиво.

– Но вы себе едва ли представляете, – заметил Хомяков, – что это такое будет в действительности. Вы предоставляете пьяным, слабым и темным людям выбирать себе священника. Вы предоставляете кулакам распоряжение церковными суммами. Вы вводите, наконец, наш неверующий и политически развращенный третий элемент в приход, где он сразу же сплотится и возьмет верх. Хорош будет ваш приходский совет из неверующего семинариста-попа, красного фельдшера, трех-четырех распропагандированных “сознательных” запасных и

кулака, церковного старосты! А выборы, а водка, а всякая мерзость при этом! И этой милой компании вы отдаете и интересы Церкви, и все самоуправление!

Диктатор с горечью возразил Хомякову:

Вы этого боитесь, да? Хорошо: я иду навстречу и преувеличиваю картину в худую сторону. Что может получиться? Вообразите самое ужасное, самый безобразный приходский совет. Начнутся невероятные притеснения, взятки. Кассу раскрадут. В церкви богослужение будет совершаться кое-как, а, может быть, будут допущены и прямые кощунства. В школу поставят анархиста-учителя и начнется соблазн детей. Ну придумайте самое худшее! И чем хуже вы придумаете, чем больше представите себе безобразий, тем более я буду рад, ибо тем скорее пройдет кризис. Скажите, господа, неужели вы думаете, что население с этим может смириться, что все так и останется? Да за кого же вы в самом деле принимаете наше крестьянство? Если в нем исчезла уже здоровая сердцевина, если все это только разбойники, неверующие и хулиганы, тогда о чем толковать? Ставьте на Россию крест, и пусть идут брать ее кто угодно: немцы, японцы, татары. Тогда ведь никакой и земской единицы не устроишь. Но я в это не верю. Я думаю, что если безобразия будут, то тут же начнется здоровая реакция. Пусть только мужик убедится, что у него руки в самом деле развязаны, что начальство ему не мешает, только не мешает, и вы посмотрите, что будет. Года не пройдет, как вся эта накипь будет убрана, и здоровые элементы прихода сплотятся. В деревне это легко, и это движение уже идет повсюду. Агитаторам больше не верят, а крик “земли и воли” – совершенно другое дело, и я полагаю, что в данных условиях он весьма естественен. Но это уже посторонний вопрос. А теперь, господа, я предлагаю вам обсудить следующее. Моя мысль, что территориальный приход должен лечь в основу земского самоуправления, вами не поколеблена, а усилена. Оставим пока инородческие окраины и возьмем сплошные православные части России. Организуем в первую очередь их и тем самым, конечно, страшно усилим. Вот готовый законопроект приходской организации, составленный одним

добровольцем из глубокой провинции. Мне он очень нравится. Потрудитесь его рассмотреть и сделать ваши замечания. Я приму их с благодарностью и, что нужно, будет исправлено. Затем проект будет отпечатан и разослан на обсуждение всех, сначала приходских, затем волостных сходов. В этом деле крестьяне вполне компетентны, простите, господа, думаю, что даже более компетентны, чем все мы, здесь находящиеся, ибо это дело практики. Нужно только ясно и определенно поставить вопросы и к участию в этих сходах привлечь духовенство и землевладельцев. Обработка волостных ответов, их сводка и проверка будет сделана на уездных земских собраниях. Ну а затем весь этот огромный материал будет систематизирован, и мы получим полную картину народной мысли по этому вопросу. Вы не откажетесь, господа, разумеется, если этот путь признаете правильным, помочь именно в разработке вопросов, которые на местах должны быть поставлены? Дело это спешное и неотложное. Независимо от своего существа, оно дорого еще и как величайшее орудие успокоения. Народ поймет, что правительство его уважает и отнюдь не насилует, а наоборот, желает работать совместно с ним. Поэтому прошу вас организовать комиссию, заслушать проект и отредактировать вопросные пункты для обсуждения на сходах.

XX

Проект приходского самоуправления, присланный диктатору и ему понравившийся, был очень прост. Приходская община обнимала собой территориальный округ сельский и городской, причем малые приходы соединялись и подчинялись центральному управлению. В общину входили все постоянные жители без различия исповедания. Приходское собрание составлялось из землевладельцев и уполномоченных от селений и выбирало свой постоянный орган, "приходский совет". В этот совет на правах неперменного члена входил старший православный священник прихода и духовные лица тех исповеданий,

которые составляли не менее трети населения. Члены совета избирали председателя, приходского голову и распределяли между собой обязанности. Церковный староста ведал хозяйством храма, остальные члены – приходской полицией, приходской кассой, школами, дорогами, благотворительными учреждениями, приходскими предприятиями. Устанавливался приходский суд. В каждом приходе открывалось кредитное учреждение для приема вкладов и выдачи ссуд, и склад орудий и семян, а также материалов и инструментов для местных кустарных промыслов. Восстанавливалось выборное начало для духовенства. Кандидатами в священники могли являться или благочестивые прихожане в возрасте не моложе 40 лет, или учителя, зарекомендовавшие себя школьной деятельностью в ближайших приходах, в возрасте не моложе 30 лет. Кандидаты предлагались приходским советом общему собранию и по избрании отправлялись к епископу на испытание и для посвящения. В этих избраниях иноверцы участия не принимали, выбирая свое духовенство сами. В случае отсутствия кандидатов в священники таковые рекомендовались епископом, но должны были во всяком случае не менее двух лет учительствовать в местной школе до принятия священного сана или в сан дьякона.

Приход получал право самообложения. Жалобы на неравномерность или притеснения приносились уездному земскому собранию, которое проверяло и утверждало приходские раскладки. Земскому же собранию приносились жалобы на действия местных приходских властей в случае, если общее собрание прихода не давало жалобщику удовлетворения. Апелляционной инстанцией для приходского суда являлся съезд мировых судей. Церкви прихода освобождались от всяких взносов на епархиальные нужды; необходимые для этого сулимы ставились в смету уездного земства. Раскладка всякого рода земских сборов производилась на целые приходы, которые и распределяли их внутри своей территории. В приходе велись книги населения, кадастровые книги и планы всех земель.

Контроль над приходским самоуправлением принадлежал: в области вероучения, церковной практики и суда –

епископу; в области управления – уездному земству; в области финансов – уездному государственному контролеру, лично ревизовавшему периодически всякого рода денежную отчетность прихода; в области судебной – местным мировым судьям; в области школьной – местной земской инспекции; наконец, в ведении списков по воинской повинности и по учету запасных и ополченцев – местному воинскому начальнику. Во всех случаях нарушения закона или обязательных постановлений соответственная контролирующая власть имела право привлечения виновных к судебной ответственности.

Общее собрание сельского прихода производило выборы в гласные уездных земских собраний, а городского – городских дум. Каждый сельский приход выбирал двух гласных: одного от личных землевладельцев известного имущественного ценза, другого от крестьян, а в городах равное количество от домовладельцев и от остальных членов прихода, причем, начиная с пятого года по введению приходского самоуправления, выбираемы в земские и городские гласные могли быть лишь лица, прослужившие в должности членов приходского совета не менее трех лет.

Высшей властью прихода и ответственным лицом за все приходское управление являлся, по проекту, председатель приходского совета, приходский голова. Он приводил в исполнение все постановления приходского совета и суда, скреплял своей подписью светскую переписку, наблюдал за делопроизводством, ревизовал все отрасли приходского дела, принимал в экстренных случаях распорядительные меры, единолично сообщая о своих действиях приходскому совету. Все правительственные и земские распоряжения производились через него. Отрешить от должности приходского голову и членов совета могло только земское собрание или суд.

Все земские сборы поступали в приходскую кассу и все расходы производились через приходский совет. Непосредственно уездное земство производило только такие расходы, коими обслуживались несколько приходов или целый уезд. Значительная неравномерность в имущественном положении различных приходов

исправлялась соответственной уездной раскладкой, чем достигалась возможность выполнять в самых бедных приходах необходимые функции управления.

Таков был проект, предложенный Ивановым на обсуждение сведущих людей. Когда он был доложен собранию, диктатор сказал:

– Этот устав, господа, написан скромным сельским священником в глухой деревне. Отнеситесь к нему, как хотите, изменяйте любую часть. Но два принципа я считаю здесь основными. Во-первых, именно то, против чего вы протестуете: тесную связь с Церковью, общую работу “Бога для”. Самоуправление идет около того храма, который собирает на молитву. Во-вторых, законченность организации. Приход является здесь совершенно цельной общиной, почти семьей, с совершенно определенной физиономией. И при этом полная самостоятельность всех отправлений. Все требует сплоченной дружной местной работы. Это будет фундамент и школа русского самоуправления. И я глубоко убежден, что там на местах поймут и оценят эту схему. Нужно только ее как следует объяснить и умело поставить вопросы. Затем помните, господа, что совершенства на земле вообще нет и что лучшее есть враг хорошего.

Диктатор удалился, а между сведущими людьми начались прения, наши долгие русские прения, где обыкновенно ярко блещут высокие принципы, кипит глубокая научная эрудиция, стойко отстаиваются самые тонкие оттенки мнений, но где незаметно ускользает вся практическая, серая, жизненная сторона вопроса.

Своеобразный плебисцит о приходе Иванову пришлось редактировать помимо комиссии...

XXI

Председатель Совета Министров Столыпин докладывал диктатору важнейшие из текущих дел, когда курьер подал карточку. Это было строго запрещено ввиду невероятной

облавы со стороны “всякого чина и звания людей”, желавших проникнуть к диктатору. На гневный взгляд Иванова курьер почтительно прошептал:

– Виноват, ваше высокопревосходительство, они сказали, что вы их ожидаете.

Но морщина на лице диктатора быстро разгладилась и глаза улыбнулись, когда он взглянул на карточку. На ней стояло всего: “Соколов 18-й”.

Он подал карточку Столыпину и сказал:

– Знаете, кто это?

– Не имею никакого понятия.

– Ваш будущий министр финансов.

– О! Как это вовремя! Кто это такой?

– Я тоже его не знаю и никогда в глаза не видел.

Столыпин выразил на лице полное изумление.

– Прочтите: “Соколов 18-й”. Что это значит? Кто может послать такую карточку Иванову 16-му? Очевидно, только тот, кто знает, что мне больше всего нужно, и знает, что именно он сумеет это дать. Я уверен, что это военный – Это офицер? – обратился Иванов к курьеру.

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– Вот видите. Ну-с, кажется, со всем особенно важным мы покончили. Я могу его принять. Хотите остаться на минутку, Петр Аркадьевич, посмотреть, что такое “Соколов 18-й”? Проси!

В кабинет вошел молодой офицер в артиллерийской форме. В его фигуре не было ничего выдающегося. Среднего роста, коренастый блондин с маленькими усиками и гладко выбритым подбородком. Привлекали разве что внимание глаза, глубокие и вместе с тем добрые и насмешливые. Эти глаза смеялись иногда при совершенно серьезной физиономии.

– Ваше превосходительство, имею честь явиться.

– Очень рад. – Столыпин – капитан Соколов. Вы занимаетесь финансовыми вопросами?

– Вы угадали, ваше превосходительство.

– Давно?

– Более пятнадцати лет.

Иванов многозначительно взглянул на Столыпина. Министр только пожал плечами.

– Когда же вы начали? Ведь вам самое большее тридцать – тридцать два года.

– Я работаю с семнадцати лет, еще с училища.

– Ну конечно, своим предметом овладели.

– Судить не берусь. Я занимался русскими финансами.

– Скажите, каким образом вы на этом предмете остановились?

– У нас в училище была группа юнкеров, которая сейчас же по поступлении решила заниматься каждый какой-нибудь наукой. Один брал химию, другой биологию или социологию, третий языкознание. Случайно попалась мне одна книжка по финансам, из которой я увидел, что русской финансовой науки нет и что ее предстоит создать. В это время как раз был назначен Витте и поднимались финансовые вопросы. Это решило мой выбор. Я увидел, что в этой области я могу принести Родине наиболее пользы, и стал работать.

– Вы признаете европейскую финансовую науку или считаете ее вздором?

– Ваше превосходительство, что за вопрос! Разумеется, признаю, то есть, вернее сказать, чту. Помилуйте, там гиганты мысли...

– А русскую?

– Ну, это другой вопрос.

– Хорошо. Предупреждаю вас, что я в финансах профан. Скажите мне, почему все то, что у нас сделано и делается в России по указанию финансовой науки, является сплошной глупостью и разорением?

– Постараюсь ответить по возможности точно. Финансовая наука есть ряд выводов из фактов, из статистики, из истории. Западная наука имела факты и данные из западной

жизни и их отлично осветила. Наших русских данных она почти не касалась. Между тем, разница настолько велика, что при изучении наших данных может явиться даже совсем другая теория финансов. Это раз. Ну, а затем недобросовестность и соблазн. Здесь разобраться труднее всего. Значительное число ученых прямо продалось бирже и проповедует то, что ей на руку. Этим, между прочим, мастерски пользовался Витте. В его время чуть не все европейские знаменитости были на содержании у кредитной канцелярии. Из наших он тоже на вербовал немало. Возьмите, например, покойного Миклашевского. До Витте дал чудные работы по бумажным деньгам, затем поговорил с Сергеем Юльевичем – и начал воспевать золото. Также были завербованы Чупров, Постников, Янжул, Озеров и др., я таких знаю человек десять из наших профессоров. Европейцы тоже. Знаете ли вы, что последняя статья Леруа Болье в “Neue Freie Presse”, наделавшая столько шуму, была писана в кабинете у Витте? Зачем в Париже сидит Рафалович? Почему ни одна русская газета строки не напечатает против золотой валюты? Я не говорю, конечно, про так называемые черносотенные...

Столыпин встал с кресла.

– Для меня все это китайская грамота. Я рассуждаю о финансах, как петербургская дама... Вы мне разрешите откланяться?

– Вы напрасно обижаете петербургских дам, – серьезно заметил Соколов, – Они рассуждают лучше многих профессоров.

Иванов тоже встал.

– Да, Петр Аркадьевич, время дорого, поезжайте. Но и с вами, капитан, сейчас я разговаривать не могу. А разговор у нас будет основательный. Времени у меня, вы сами понимаете, совсем нет. Можете не поспать ночь, тогда милости просим завтра после двенадцати – сюда же. Пропуск вам даст адъютант.

– Слушаю-с.

На столе резко задребезжал телефон. Иванов взял трубку.

– Это Государь. До свидания, господа.

XXII

Председатель Совета Министров и молодой капитан удалились, а Иванов приставил трубку к уху и расположился поуютнее у стола, чтобы говорить с Государем. Слышна была только половина разговора, которую и отметим.

– Доложите Его Величеству, что я у телефона.

– Ваше Величество, а я только что собирался к Вам явиться, но Вы так милостивы, все меня бережете. Уверяю Вас, меры приняты, опасности никакой.

– С нетерпением ожидал. И у Вашего Величества это на сердце лежит. Слушаю, слушаю! Только ради Бога, позвольте быть совершенно откровенным.

– Сносился телеграммой. Увы! Антонович болен, только что начал поправляться, но еще к делу не годен.

– Да, ужасно жаль. Что за болезнь, не знаю.

– Ваше Величество, вы разрешили мне... и требовали от меня правды. А что же я могу сказать? Типичный бюрократ, интриган, хитрый, ловкий. Куда ветер подует, туда и он. Финансы знает, но только в смысле административной рутины и критики. Я с ним говорил и вынес убеждение, что творчества тут и не заводилось.

– Простите, Ваше Величество, а уж этого кавалера я и совсем боюсь. Кто его знает, что у него в середке? Теперь ругает Витте на всех перекрестках, а вчера еще плакал ему в жилетку и клялся, что был его правой рукой. Про нравственную сторону я уж не говорю, но и талант под большим сомнением. Великолепный оратор, а на деле – что он после себя оставил?

– Не знаю, Ваше Величество, лично не знаком. Человек независимый, энергичный. По финансам как будто понимает. Прикажете с ним от Вашего Имени переговорить?

– Ах, виноват, понимаю. Боюсь, Ваше Величество слишком полагаетесь на мои силы. Слушаю-с, жду, кого Вам будет угодно назвать еще.

– Разве Вашему Величеству не известна коркинская история? А семнадцать миллионов Прокудинских? Нет, это имя и произносить невозможно. Человек совершенно скомпрометированный.

– Господи, как Вас эти мошенники обманывали! Если Ваше Величество интересуетесь, я Вам эти истории подробно доложу.

– Ну конечно, Сергей Юльевич.

– Слушаю, слушаю. Вот уж тут, Ваше Величество, я ничего не могу сказать. Константин Петрович, царство ему небесное, циник был великий, да и в людях тоже зачастую ошибался. Да, это человек его школы. Я читал эту вещицу, да кто у нас по финансам не писал? А по-моему, это типичный петербургский тайный советник.

– Ваше Величество Сами знаете, что это действительно порода, зоологический вид. Благоволите посмотреть его послужной список. Точь-в-точь, как у Коковцева, хоть в “Стрекозе” печатай. Бродил из ведомства в ведомство, участвовал в самых невозможных комиссиях, получают прибавки, аренды и Высочайшие благоволения, имеет все ордена до “Белого Орла” включительно. А толку от него ни на три копейки. Уверяю Вас, что все эти господа похожи на старую затрепанную колоду карт. Как ее ни перетасовывать, все будут одни и те же фигуры. Обновить Россию могут молодые и свежие элементы, а этим старцам надо предоставить присвоенную пенсию и черные рамки в “Новом Времени”.

– Ну конечно, помимо чинов! Ах, Ваше Величество, как давно это было нужно сделать! Это составило бы славу Вашего царствования. Ведь из-за чина правительство формально изолировано от всяких свежих сил.

– Слушаю, Ваше Величество! Вот это действительно имя. Он и на меня произвел совершенно такое же впечатление. Только ведь это барин и страшный лентяй. Он может в

любую минуту остыть, бросить все и уехать к себе в Сычевку или во Флоренцию.

– Да, разумеется, страшно симпатичен. И притом отличный оратор, владеет толпой. Справится с чем угодно, талант несомненный. И, однако, в Думе рта не разинул. А между тем, чтобы попасть в Думу, ушел из Государственного Совета.

– У меня? Продолжаю настойчиво искать. Боюсь обнадеживать Ваше Величество, но, кажется, мне придется скоро Вам докладывать и просить Вас начать упразднение чинов на деле и сделать производство довольно необыкновенное...

– Нет, нет, Ваше Величество, позвольте умолчать. Я вот его хорошенько рассмотрю да проэкзаменую. Тут надо быть страшно осторожным.

– Теперь? Сейчас принимаю депутацию объединенного дворянства. Кажется, будут граф Бобринский, князь Касаткин – Ростовский и саратовский Ознобишин.

– Слушаю-с, слушаю-с. Ваше Величество можете быть покойны. Я сам дворянин и свое звание глубоко чту.

Разговор кончился. Иванов положил телефонную трубку на место, глубоко вздохнул и задумчиво произнес:

– Наслаждение работать с таким Царем... Какой Он славный, добрый! И что с этой добротой делали! Опутывали, всячески обманывали, наконец оклеветали перед Россией. А Он спокоен, как праведник: “История Меня оправдает”. И никто, никто не знает Его в настоящем виде! Погодите, милостивые государи, я покажу вам нашего Царя во весь рост!

Иванов вздохнул, нажал пуговку звонка и сказал:

– Просите дворянскую депутацию.

XXIII

Вошли граф А. А. Бобринский, председатель Совета Объединенных Дворянских Обществ, член Совета кн. Н. Ф.

Касаткин – Ростовский и саратовский губернский предводитель В. Н. Ознобишин.

– Очень рад, господа, с вами познакомиться, – начал Иванов, – и готов вам служить. Я сам дворянин и глубоко чту идею русского дворянства (диктатор сделал ударение на слове “русского”). Но чем больше я его люблю и чту, тем более критически отношусь к его современным представителям и их работе. Ну вот, хоть бы ваша организация, ваши съезды...

– Что же вы имеете против нашей работы? – мягко спросил граф Бобринский.

– Если не ошибаюсь, у вас в руках постановления последнего съезда? Я их уже знаю, читал. В них много дельного, здравого, но простите, господа, все это не государственные мысли, не государственная точка зрения. Сословного эгоизма тут нет, это правда, но вы говорите, как представители только одного класса – частного землевладения.

Князь Ростовский сказал строго и нервно:

– Я думаю, что теперь это главный и самый угрожаемый интерес.

– Вот именно поэтому, – отвечал диктатор – Государственная точка зрения – это широкий взгляд на все земледелие – и частное, и крестьянское, в связи со всей жизнью государства. Укажите правительству на те ужасные условия, в какие земледелие поставлено, и найдите средства помочь беде. А вы все сводите на агитацию революционеров да на механическую защиту земельной собственности. Ну хорошо. Правительство примет драконовские меры, остановит аграрные волнения, усмирит бунтующего мужика. А дальше что? Полагаете ли вы, что водворится тишь да гладь и вы будете спокойно сидеть на местах и вести хозяйство?

– Простите, генерал, разумеется, правительство должно не только это сделать, но и создать общие условия, чтобы разрешить наш аграрный вопрос и дать возможность всем работать спокойно на земле, – возразил граф Бобринский.

– Правительство? – живо подхватил Иванов, – Да, конечно, правительство. Но я желал бы знать, какими силами оно это сделает? Правительство разве может уловить созревшую в обществе мысль и кое-как ее осуществить, но избави Бог требовать от него творчества! Какие у него орудия для этого? Чиновники, казенные профессора, всякие добровольцы да газетчики? Нет, господа, простите меня, довольно с нас этого творчества. Вы осветите дело, вы выносите и дайте нам решение вопроса. Кому это сделать кроме нас? Вы – ум страны, ее культурнейший слой.

– Вот оригинальная точка зрения, – заметил князь Касаткин-Ростовский. – Да разве нас когда-нибудь слушали, разве нас спрашивали?

Иванов встал с кресла и начал ходить по кабинету.

– Вы должны были заставить себя слушать. Дворянство было единственным классом, голос которого нельзя было ни спрятать, ни заглушить. Но оно спало сорок лет, оно на своих собраниях не поднимало никаких общегосударственных вопросов, хотя и имело на это право. Что же, вы скажете, что оно не сознавало опасности, не видало, куда Россия идет? В начале царствования был поставлен дворянский вопрос. Витте, конечно, постарался его сейчас же перекрутить. Что же, вы протестовали, господа? Ваши губернские предводители бросились к Государю, чтобы раскрыть Ему глаза на подлог? Нет, вы допустили, что вопрос сошел на нет, на понижение процентов Дворянского Банка на какие-то пустые пансионы-приюты, на дворянскую канцелярию и тому подобную мелочь. Вы сами похоронили дворянство... Но это еще не все. А ваши губернские предводители? Когда правительство струсило после проигранной войны и растерялось, с чем пришли к Государю двадцать шесть предводителей? Вместо того, чтобы принести мужественный голос первого сословия, вдохновить ослабевшую власть, сказать твердое слово от имени всей земли Русской, господа предводители явились рекомендовать конституцию, то есть позорную сдачу! А теперь что они делают?

– Вам известно, что объединенное дворянство не одобряет действий предводителей... – заметил Бобринский.

– Да, у вас чуть не вышло раскола. Ваша организация стала в независимое положение. Но что же сделала она сама? Три съезда дворянство топчется на месте, никак не умея выйти из круга интересов одного класса землевладельцев. Да и здесь только просьбы к правительству о содействии и защите. Один – единственный человек, Павлов, поднял у вас финансовый вопрос, но вы его похоронили.

– Финансовые вопросы очень скользкая почва – мы в них не компетентны.

– Тогда кто же, господа, компетентен? Чиновники? Казенные профессора? Ищите специалистов, ставьте эти вопросы, обсуждайте, иначе ваша государственная роль кончена. Или вы культурное сословие, мозг страны, или дворянство погибло.

Разговор перешел на резолюции последнего съезда. Диктатор с горечью остановился на мнении дворянства об изменении избирательного закона.

– Неужели вы не замечаете, господа, как мелко и узко поставлен вами вопрос? Неужели вы верите, что путем избирательного закона можно собрать в России приличную Думу и с ней законодательствовать? Ведь это же абсурд!

Выступил со своей философией дворянства В. Н. Ознобишин. Им написано целое историческое исследование, доказывающее то положение, что роль дворянства в России – управлять, что целые века воспитали в нем особое свойство, ставшее прирожденной принадлежностью сословия, – “уметь повиноваться без унижения и приказывать без наглости”. Отсюда естественная необходимость сохранить в своей роли это сословие, служилое по самому своему существу и представляющее элемент государственного единства и воли.

– Вы, может быть, правы в своем определении прежней роли дворянства, – возразил диктатор. – Таковым оно было и должно было являться, пока Россия слагалась, пока сила шла вперед. Но теперь надо рамки раздвинуть шире и

обосновать этическую сторону лучше. Я бы определил дворянство в будущей его роли так: сословие абсолютно бескорыстное, совершенно лишенное классового эгоизма. Все живут более или менее для себя и имеют свои интересы. Интерес дворянства – интерес общий: государства, земства, народности. Все говорят за себя – дворянство говорит за всех. Вы скажете, что это крайний идеализм, – тем лучше. Но в России только эти вещи и ценятся, только с такого рода первым сословием и может помириться народная совесть. Отсюда и все требования, предъявляемые к дворянству. И первое из них: во что бы то ни стало удерживать свою землю, ибо без этого культурная роль дворянства не осуществима. Но удерживать землю не для того, чтобы извлекать из нее доход всяким путем, а для того, чтобы нести на своих плечах руководство земледельческой культурой, идти впереди масс, быть их старшими братьями, учителями. Ступень выше и перед вами земская работа, которая также целиком ваша. И не по писанному праву, не по закону только, а потому, что само население выдвинет вас в земство, увидав в вас просвещенных руководителей. А затем и земство только школа для подготовки к государственному делу. Лучшие силы дворянства, воспитавшись на земстве, дадут отбор самых лучших работников в центр. Вот русская дворянская схема. И если бы вы ее понимали, господа, вы не ломали бы головы над изменением избирательного закона, а сразу бы остановились над системой земских областей.

Во время этой речи старик Касаткин-Ростовский сверкал глазами и боролся со своей одышкой. Когда Иванов указал на бегство с земли русского дворянства и на стойкое сопротивление остзейского, князь не выдержал и заговорил горячо и гневно:

– Хорошую нотацию вы нам, старикам, прочли, ваше превосходительство. Удерживать землю, быть учителями, – ну еще бы! А вы изволили подумать, каково это нам за этот период было удерживать землю и быть учителями, когда все государство российское целых сорок лет обрушиваясь на деревню и только и знало, что подкапывать и разорять хозяйство и унижать дворянство? Что же, мы бежим с земли

добровольно? Вон, посмотрите. Помещики из сожженных усадеб сбежались в города, ютятся по маленьким квартирам – это, вероятно, только от малодушия? Молоды вы, ваше превосходительство, и горячи. Тут глубокая трагедия, и грешно бросать нам такие обвинения. А вы вот лучше поверните-ка государственную машину, коли сможете, в другую сторону. Попробуйте-ка сделать, чтобы она не душила деревню, а помогала ей. Тогда вы увидите, много ли будет этих малодушных и уступим ли мы немцам в любви к земле!

– Да, да, да! Это будет моей главной задачей, но повторяю вам, господа: один я бессилен. Правительство, весь чиновничий слой, все это тянет не туда. Мы порвали все традиции: славянскую, церковную, земскую, дворянскую, зато бесконечно развили канцелярскую, бюрократическую. Все чиновники, никого нет, кроме чиновников! Так пусть же дворянство первое освободится от этой заразы и вернется на свои рельсы. Я именно желаю опереться на вас, но для этого нужно не обижаться на меня, не сердиться, а вдуматься, широко поставить государственный вопрос и помочь мне вашей мыслью, вашей правдой. А если мои слова кому-нибудь показались оскорбительными, прошу меня великодушно простить.

XXIV

Ровно в полночь капитан Соколов 18-й был в Зимнем Дворце. Ему пришлось ждать около часу, пока освободится диктатор, заваленный делами. Наконец курьер пригласил его в кабинет.

Генерал-адъютант Иванов в рабочей тужурке сидел у стола, просматривая груды писем, бумаг, депеш и газетных вырезок, которые подавались непрерывно, уже отсортированные секретарем. Диктатор делал на бумагах размашистые пометки синим карандашом и направлял к исполнению, некоторые откладывал.

– Снимите шашку и садитесь. Мне осталось работы на две минуты.

Скоро Иванов встал, потянулся, хрустнул косточками пальцев и промолвил, вновь опускаясь в кресло:

– Вы себе не можете представить, как в этом проклятом Петербурге бумага засасывает человека.

– Неужели, Ваше превосходительство, не можете передать эту работу министрам? Что же они делают?

– Наивный вопрос, голубчик. Во-первых, они так же купаются в бумаге, как и я, а во-вторых... считают своим долгом интриговать и подставлять и сами себе, и мне ногу на каждом шагу. Здесь, в этом море интриг и подлостей, десять процентов сил расходуешь на работу, а девяносто – на трение и всякие мерзости...

– Да зачем же вы их держите? Неужели у вас нет людей “без трения”, на которых вы могли бы положиться?

– Легко сказать! Ищу, присматриваюсь. Довериться никому нельзя. Держу пока этих господ – за них по крайней мере знание административной рутины. В том-то и дело, что новичок, не бюрократ, запутается безнадежно с первого шага. Двести лет нарастала эта плесень. Минутами чувствую, как у меня мешаются мозги. Ну да бросим это, давайте разговаривать о деле.

– Прикажете докладывать?

– Нет, мой дорогой. Время чертовски дорого. Поэтому вести и направлять разговор буду я. Сначала сверимся. Я вам скажу, что я знаю по финансам, вы меня остановите, где я сойду. Затем, если наши показания сойдутся, я вам задам вопросы о том, чего я не понимаю. Идет?

– Слушаю-с.

– Ну так вот. То, что я прочел, выяснило мне, что в основе всей организации современного государства лежат деньги – это раз. Все может быть плохо, но денежная система хороша, и государство будет процветать. Все хорошо, но денежная система плоха, и государство разорится и попадет в революцию. Так?

– Совершенно верно.

– Дальше. Золото, ставши теперь мировыми деньгами, вздорожало. Отсюда огромные выгоды для тех стран,

которым должны, и огромные убытки для стран, которые платят проценты. Россия задолжена по уши, следовательно, золото ее разоряет. На восстановление биметаллизма надежды нет, значит, она должна ради самосохранения взять деньги более дешевые, то есть перейти на серебро или на чистые бумажки.

Это я понимаю. Но здесь являются сомнения. Во-первых, уплата процентов по займам. Чем она будет обеспечена, раз мы покинем золото? Ведь сумма платежей страшно увеличится?

– Разумеется. И все-таки страна будет в огромной выгоде. Судите сами. Представьте себе, что нам надо платить сто миллионов процентов. У меня точных цифр под руками нет, и я беру цифры схематически. Курс рубля понижен до $\frac{2}{3}$. Значит, нам придется платить не сто, а полтораста миллионов. Но в то же время мы вывозим на миллиард рублей товара. По новой расценке мы получим за него полтора миллиарда. Другими словами, государственное хозяйство потеряет пятьдесят миллионов, а народное выиграет полмиллиарда.

– Понимаю, понимаю. Но ведь соответственно нам и за ввоз придется платить в 1,5 раза дороже?

– Несомненно. Но так как иностранные товары вздорожают в полтора раза, то ввоз их сам собой сократится. Одновременно низкий курс будет давать огромную премию для вывоза. В результате расчетный баланс сразу сильно перекачнется в нашу пользу и народное хозяйство получит огромные барыши.

– Понимаю. Но, голубчик мой, ведь одновременно последует перестановка всех внутренних цен. Так что в конце концов выгода получится фиктивная?

– Вот здесь я с вашим превосходительством не согласен. Это случилось бы только в том случае, если бы мы потребляли много иностранных товаров и не могли бы заменить их своими. Но что же мы потребляем, если взять народную массу? Чай? Да ведь он стоит всего около двугривенного фунт, остальное пошлина. Пряности и лекарства? Пробки? Но ведь этого ввозится на пустяки. Хлопок? Поднимется

цена, и среднеазиатский не только вытеснит американский и египетский, но и сам пойдет за границу. Машины – сами будем делать. Металлами мы завалим все рынки. Уголь, нефть – свои. Моды, гастрономия – да Господь с ними, пусть дорожают. Я совсем не вижу причин, чтобы предметы народного потребления вздорожали. Россия сейчас совершенно обезденежена и лишена кредита. Подешевеют деньги, явятся оборотные средства, двинется промышленность, и внутренняя конкуренция не только не даст ценам повыситься, но и еще их понизит.

– Но хлеб все-таки вздорожает, а следовательно, поднимется и заработная плата?

– Очень немного. Я сравнивал колебания хлебных цен и заработных плат. Связь есть, но очень слабая. Мука колеблется от 50 копеек до 1 рубля 70 копеек за пуд, а заработная плата чуть прогрессирует. Наконец, если цены на хлеб или мясо поднимутся очень высоко, в ваших руках есть всегда средство их благоразумно понизить – это вывозные пошлины.

– Насколько я вас понимаю, весь ваш расчет основан на том, что рубль может упасть в цене на международном рынке и сохранить полную стоимость дома?

– Именно это, и больше ничего, и в этом я вижу единственный способ экономического возрождения России.

XXV

– Это для меня теперь совершенно ясно. Но вот вопрос, который вы мне, пожалуйста, выясните. Чем больше, значит, понижается рубль, тем выгоднее для народного хозяйства. Увеличивается премия на вывозные продукты, сокращается иностранный ввоз. Но где же граница этой выгоды? Ведь она должна же где-нибудь быть? Иначе надо было бы понижать курс рубля до копейки.

– Простите, Ваше превосходительство, я этот вопрос предвидел. Граница есть, и ее укажет практика. Позвольте мне выразить это положение в такой форме. Во-первых,

внутренняя стоимость рубля, то есть его покупная и расплатная сила должны быть по возможности постоянными. Это достижимо без всякого металла путем только правильного устройства внутреннего денежного обращения, то есть народного кредита и эмиссионной операции. Во-вторых, его международная стоимость должна сполна регулироваться государственной властью и строго отвечать потребностям страны в сношениях с внешним миром. В известный период вам нужно как можно полнее изолировать Россию – держите самый низкий курс. В другое время эта уединенность будет вредна – поднимайте курс до паритета с международными деньгами. Это дело народохозяйственной политики.

– Я не совсем вас понимаю.

– Ну вот, например, сейчас: Россия совершенно истощена. Всякий рубль, уходящий за границу, равняется выпускаемой из государства крови. Денег в обращении ничтожно мало. Народный труд паразитован. Понижайте курс, изолируйте Россию от заграницы, развивайте народный труд, работайте на вывоз, ограничивайте ввоз, скопляйте национальные капиталы. Но затем проходит десять, двадцать лет. Россия поправилась, разбогатела. Долги заплачены. Русские капиталы в избытке и сами начинают искать внешних рынков. Уединение становится вредным. Снимайте все перегородки – и с Богом на мировую арену. Разница между внутренними и международными деньгами сама собой упраздняется. Эту мысль, по другому, правда, поводу высказывал Мак-Кинлей в день своей смерти...

– Понял, понял. Другими словами, это экономика больного государства, желающего поправиться. Это ваши личные выводы?

– Да, если хотите. Это органическая часть русского учения о бумажных деньгах. Оно принадлежит не мне. Но и я здесь тоже несколько поработал.

– Ну-с, будемте продолжать. Итак, вы стоите за чистую бумажную валюту? А серебро? Что вы имеете против возврата на серебро? Не было бы это проще и легче?

– Я вам отвечу коротко. В настоящем положении России и при существующих ценах серебра наш обратный переход на серебряную валюту мог бы тоже довольно прилично решить вопрос о нашей денежной системе. При серебре мы могли бы иметь хорошие национальные деньги и на первое время даже в нужном количестве. Можно было бы свободно выпустить около двух миллиардов разменных на серебро билетов и на эти деньги организовать народный кредит, перевооружить армию, создать нужные крепости и железные дороги, выстроить флот. Но позвольте мне быть вполне откровенным. Витте напустил на нас панику перед бумажными деньгами. Если бы я разговаривал не с вами, я бы, разумеется из соображений тактики, не сказал ни слова о бумажных деньгах и рекомендовал бы простой переход на серебро. Практически этого совершенно достаточно. Но вы не человек толпы. Вы меня понимаете и мне более или менее доверяете. Вам я не побоюсь высказать всю мою мысль до конца. Так вот, ваше превосходительство, бросьте вопрос о серебре. Зачем вы хотите связывать свободный и свободно управляемый бумажный знак с металлом? Почему рубль должен изображать непременно 4 золотника 21 долю серебра?

– Но если вы откинете металлическое основание, что же тогда будет изображать рубль?

– Идею меру ценностей. Выраженный в цифрах акт посредничества Верховной Власти в сделках и расчетах подданных.

– Но где же тогда гарантия постоянства этого знака? А ведь постоянство – это самое важное условие денег.

– Да, разумеется. Но кто же вам сказал, что металл дает это постоянство? С 1873 года покупная способность золота возросла в 2¼ раза. Завтра Россия переходит на серебро и нынешняя покупная способность этого металла начинает неудержимо расти. Остановить ее не в вашей власти. Наоборот, именно раскрепленный от металла денежный знак может быть идеально постоянным.

– Это страшно любопытное, но и черт знает какое рискованное положение! Да, всякий металл имеет свою

внутреннюю ценность, и эта ценность меняется. Но каким образом может быть постоянным бумажный знак, ни на что не разменный?

Иванов встал. За ним встал и собеседник, и оба начали ходить по комнате. Соколов волновался.

– Прошу ваше превосходительство выслушать меня с полным вниманием. Здесь центр тяжести всей моей системы. Усвоите вы эту точку зрения, ваше дело сделано. Не усвоите и не одобрите, у нас обоих будут связаны руки. Мое дело будет парализовано на три четверти.

– Я вас слушаю, слушаю.

– Человек живет, окруженный атмосферой воздуха. Воздух состоит из нейтрального азота и активного кислорода. Состав атмосферы постоянный, и человек ее не замечает вовсе и о ней не думает. Попробуйте увеличить количество кислорода. Человек чувствует, что сгорание его тканей пошло быстрее, постоянство его жизненных условий нарушено. Попробуйте убавить – он начинает чувствовать стеснение, задыхаться. Деньги для общественного организма то же, что кислород для дыхания. При правильном денежном обращении, которое нераздельно с постоянством ценности денежного знака, деньги являются только орудием обмена и никакой самостоятельной роли не играют. Но вот заметно стеснение в деньгах. Деньги дорожают, промышленность это чувствует и начинает задыхаться. Обратно: количество денег растет, они дешевеют, и в промышленности является нездоровое возбуждение – дорожают товары. Деньги давят как своим недостатком, так и избытком, и вместе с тем в обоих случаях непременно изменяется их ценность, или покупательная сила. Теперь ясно вам, когда денежный знак является постоянным? Это тогда, когда денег в народном обращении как раз столько, сколько в данную минуту нужно.

– А каким образом это определяется?

– Для этого определения точных способов нет, да оно и не нужно. Все это делается автоматически.

– Здесь мы пришли к самому важному возражению против бумажных денег. Это не мое возражение, а ходячее.

Правительство может напечатать массу бумажных денег и перепутать всю экономику.

Соколов вспыхнул.

– Это одно из самых недобросовестных возражений, какое только можно себе представить. Ого все равно, что возражение против постоянной армии. А вдруг правительство выставит на улицах военные отряды и начнет расстреливать прохожих!

– Значит, вы не допускаете возможности чрезмерных выпусков?

– Ваше превосходительство! Имейте терпение меня дослушать. Бумажные деньги – самое совершенное орудие государства. Возьмите армию. Во время войны войска бросают в сражение и сразу выводят из строя иногда десятки тысяч. В мирное время берегут солдата от лишней царапины. Так и бумажки. В военное время их приходится выпускать массами, как в Отечественную войну. Здесь, конечно, страдают все экономические отношения, но бумажки все-таки самый дешевый способ ведения войны для такого государства, как Россия. Это огромный налог на все капиталы и перенапряжение народного труда. В мирное время ни о каких неправильных выпусках бумажек не может быть речи, разумеется, если государство сколько-нибудь правомерное. Ведь печатать бумажки и раздавать их направо и налево – это, в сущности, то же самое, что делать фальшивые ассигнации. Эмиссионный банк должен и может быть так устроен, чтобы знаки выпускались автоматически, то есть чтобы деньги появлялись сами собой, когда они должны явиться и, отработавши, исчезали опять же сами собой, с точностью до рубля. Никакому сомнению, никакому произволу здесь не может быть ни малейшего места.

– Вы не увлекаетесь вашей теорией? Такое автоматическое снабжение возможно? Как его осуществить?

– А вот потрудитесь оценить сами этот аппарат. Вообразите себе наш средний уезд. Денег обращается там крайне мало, кредита, можно сказать, никакого. Хозяйство самое хищническое и ростовщики дерут по пять копеек в месяц и больше. Вот что вы делаете. Во-первых, в каждой волости

открываете учреждение мелкого кредита, скажем, кредитное товарищество, кстати, это прекрасный тип. Это товарищество первое время работает на деньги, ссуженные Государственным Банком, ибо своих вкладов взять негде. Во-вторых, преобразовываете уездное казначейство в отделение Государственного Банка со всеми банковскими операциями. При нем учетные комитеты: от землевладельцев, от торговцев, от промышленников, от учреждений мелкого кредита. Кредиты открываются, разумеется, обдуманно и осторожно, но широко, так, чтобы ни один кредитоспособный не остался без удовлетворения. Казенные и земские суммы не выделяются, и приходят только по счетам, единство кассы полное. Отделение выдает деньги и принимает вклады. Начинается работа. Сразу же оказывается, что денег в уездах обращается ничтожно мало, и кассу отделения приходится “подкреплять”. Центральный эмиссионный банк печатает свои знаки и посылает. Уезд всасывает их и работает. Но вот понемногу рядом с расходной кассой работает все сильнее и приходная. Возвращаются ссуды. Являются отработавшие свободные деньги, которые никто дома не держит, а вносит на вклад, или на текущий счег, чтобы воспользоваться процентом, разумеется, если кредитное учреждение под боком, а не за сотни верст, как теперь. Наконец наступает момент, когда расход и приход денег в отделении уравниваются и новые знаки из банка не нужны. В уезде устанавливается свое правильное денежное обращение, и банку остается только определить, какой свободный резерв знаков должно держать отделение. Но это уже мелочь, подробность. Не все ли равно, сколько у меня в кладовой лежит неходячих денег в пачках? Вы понимаете, ваше превосходительство, что дело совсем не в количестве выпущенных денег, а в условиях их обращения, то есть вот в этих кредитных учреждениях и их надлежащей организации. Скажите: если бумажки будут идти только этим путем в обращение, может быть вопрос о чрезмерном их выпуске? Может ли явиться малейшая надобность в каком-нибудь металлическом покрытии?

– Но могут быть злоупотребления кредитом...

- Так поставьте его правильно! Вот и все.
- У вас и это все разработано?
- Конечно.

Часы пробили четыре.

XXVI

– Нам придется прервать наш разговор до завтра – сказал Иванов, – Поберегите меня, я совершенно изнемогаю. Никакое здоровье не выдержит такой работы, как моя в эти дни. Хуже всего, что от переутомления не могу спать. Завтра наша с вами беседа будет, надеюсь, окончена. Пожалуйста, набросайте на бумажке в самых кратких чертах те реформы, которые нужны в финансах. Мне нечего от вас скрывать: из нашего сегодняшнего разговора я убедился, что вы именно тот человек, которого я искал на пост министра финансов.

– На пост министра финансов? – удивленно спросил Соколов.

– Ну конечно. Почему вы так удивились?

– Потому что я шел к вам совсем не за этим. Этот пост не для меня.

– Вы боитесь не справиться?

– Моя работа – провести вам необходимые реформы. Для этого прежде всего нужна полная свобода и спокойствие. Министры же ваши засосаны по уши административной тиной.

– Ну тогда вас надо сделать товарищем министра.

– Зачем? Разве мне нельзя работать на свободе, имея дело только с вами?

– Да, если бы дело шло только о реформах. Но и здесь вы же один не справитесь. Вам будут нужны подготовительные работы, чиновники, канцелярия.

– Вы мне откроете кредит и я возьму людей со стороны, или выберу и укажу кое-кого из чиновников и вы их мне откомандируете для работы.

– Ах, вы не знаете здешней техники. Так работать нельзя. И потом, кроме реформы мне нужно ваше постоянное участие в текущих делах министерства. Я не могу больше переносить Коковцева ни минуты. Он корректен и мил необыкновенно, но его мыслительная машина совсем особенная и затем – это ученик Витте и центр интриги против меня.

– Я в вашем распоряжении, приказывайте. Но я буду очень ослаблен, если вы меня запряжете в административное дело. Наконец, я могу сам запутаться.

Иванов тронул Соколова за погон.

– С этой штукой не запутаетесь. Мы с вами люди военные.

– А мой чин?

– Государь этим стесняться не будет. Назначил же Он меня.

– Слушаю-с.

– Ну, идете с Богом и завтра приходите, обсудим вашу программу. Помните одно: окажись вы хоть гений, будь ваша программа чудо творчества, я не сделаю ни шага втемную. Надеетесь ли вы хорошо растолковать ваши положения в широких слоях? Согласятся ли с вашей программой земские собрания?

– А при чем тут земские собрания?

– А вот при чем. Впредь до созыва Земского Собора и устройства новых законодательных органов на основе областного деления России законодательные меры, не терпящие отлагательства, должны быть проводимы по-старому, через Государственный Совет. Но ни один законопроект не должен быть туша внесен иначе, как после обсуждения его на дворянских, земских и городских собраниях, а если нужно, то и в других собраниях, до волостных сходов включительно. Свод всех высказанных мнений даст фундамент закону достаточно надежный, и Государственному Совету останется только хорошо редактировать общий голос народа. Так вот, мой дорогой: нужно, чтобы ваша идея была совершенно раскрыта и выяснена. Ее должны понять на любом уездном земском собрании. Вы сумеете это сделать?

- Надеюсь.
- Вы одобряете этот путь?
- Ваше превосходительство! Как же бы я мог его не одобрить? Ведь это единственный путь уважения к своему народу.
- Я рад, что вы меня сразу понимаете. Я заклятый враг всякого сочинительства, бюрократического или парламентарного. Итак, до завтра.

Соколов откланялся, а диктатор, совершенно измученный, бросился в постель и долго не мог заснуть. В тяжелом утреннем кошмаре над ним плавали корректные физиономии тайных и действительных тайных советников с улыбкой на устах и ядом на сердце. Иванов чувствовал, как глубоко растревожено им двухсотлетнее бюрократическое гнездо, как не простят ему эти корректные сановники посягательства на их владычество в стране. “Умякоша словеса их паче елея и та есть стрелы”. Этот текст вертелся в сознании Иванова и отгонял его сон. Проклятый Петербург!

XXVII

Прошла неделя со дня объявления диктатуры и назначения Иванова 16-го чрезвычайным Императорским уполномоченным. Какие мины ни подводила под ненавистного ей диктатора высшая петербургская бюрократия, доверие Государя Иванову было непоколебимо и опиралось на твердо поставленный диктатором девиз: “Никакого сочинительства – всякая реформа должна быть плодом всестороннего и всенародного обсуждения”. Об этот принцип разбивались все интриги.

Но проводить идею в жизнь было нелегко. Это было формальное упразднение не только бюрократического самовластия, но и всей бюрократической касты. Правящий слой хорошо понимал, что в своей схеме обновления России Иванов не отводит бюрократии совсем никакого места,

строая все из земского и выборного начала. Отсюда интриги и самые непредвиденные препятствия на каждом шагу.

И тем не менее дело подвигаюсь. Злобствовала и бастовала чиновная рать, но из глубин народных и земских, так верил Иванов, должны были явиться и люди, и идеи. Очень важное и ценное – проект устройства основной государственной и земской ячейки – прихода, вполне разработанный, был уже у диктатора в руках. По финансам, составлявшим главную заботу Иванова, неожиданно явился именно тот человек, который как раз отвечал потребности, – Соколов. В министры земледелия был намечен знаменитый “дворянин Павлов”, и его возвращения из-за границы ожидал диктатор. Но оставалось еще огромное дело – проведение областного деления России и устройство центральных государственных и областных земских органов, и здесь Иванову приходилось уже работать самому, почти без помощников, до такой степени идея областей и земской децентрализации была чужда и ненавистна бюрократии.

Зато им самим эта идея была усвоена вполне. Она, собственно, и выдвинула его к власти в тот момент, когда Государь, отрешившись от старого режима, испытал первое и горькое разочарование в своей конституционной попытке. Иванов перечитал все, что было в русской литературе по этому вопросу и нашел идею областей даже у такого великого государственного централиста, как Император Николай I. Его самостоятельные генерал-губернаторства были в зачаточном виде теми же большими областями. Только бюрократия и здесь поспешила стать поперек дороги – свела на нет великую и плодотворную мысль.

Областная идея решала все жгучие и острые вопросы управления, вызвавшие политическую и социальную смуту и едва не погубившие Россию. Верховная власть в лице Самодержца Царя получала необыкновенно прочное и широкое обоснование. Воплощенный представитель чистого государственного начала и национальной мощи, Государь освобождался от засасывающих мелочей управления, являлся свободным от всякого духовного насилия и обмана со стороны элементов, упорно

расхищавших его власть. К сотрудничеству с ним призывались лучшие силы страны в лице свободных и независимых земских работников, уже показавших себя на долгой работе в уездах и областях. Из этих людей без всякой бюрократической примеси составлялись высшие государственные учреждения в виде целого ряда советов, каждый из выдающихся специалистов, каждый из стойких и убежденных людей с незапятнанным и отавным трудовым прошлым, способных не рабски исполнять выхваченные министрами Высочайшие повеления, но говорить Царю всю правду, беречь Его Самого от возможной ошибки и слабости человеческой. Окруженный системой постоянно обновляющихся и прочно поставленных государственных органов, совершенно не зараженных ни придворными, ни бюрократическими традициями, Государь мог сознательно и свободно исполнять свою священную задачу – выступать верховным Судьей, последним Суперарбитром, живым Носителем национальной совести. Его личной инициативе не мешало ничто, но эта инициатива была всецело обеспечена от всяких нашептываний и влияний и осуществлялась в формах, совершенно исключавших всякую мысль о незакономерности и произволе. Самодержавную волю не связывало ничто, но путь ее осуществления был твердо предуказан, и царственная мысль переживала такую проверку, что заблудиться не могла. В рамках, рисовавшихся Иванову, одинаково умещались и гениально-безудержный Петр, и душевно искалеченный Павел; живая совесть Помазанника и доверие Земли его советникам были теми основными конституционными устоями, на которых строилось новое здание русской государственности.

Но от идейной формулировки до фактического осуществления или даже точного определения, хотя бы в форме самых черновых законопроектов, расстояние было огромное. И над этой своей заветной и главной мыслью Иванов был осужден работать совершенно один, так как сотрудников по душе не находил никого.

А работа была поистине гигантская. Нужно было дать совершенно новое устройство уезду, принимая во внимание

как условия центра, так и крайнее разнообразие окраин. Нужно было дать организацию каждой из 18 областей, из которых должна была, по мысли Иванова, сложиться Россия. Каждая область, чтобы дать нечто живое и цельное, определенно “явить лицо свое”, должна была получить своеобразное устройство по совершенно особому для каждой уставу. Никакой шаблон не мог иметь места, так как устраивать Литву, Малороссию, Центр, Поволжье, Кавказ или Сибирь приходилось не иначе, как считаясь со всеми особенностями каждого края и имея в виду особые условия его государственной связи с целым и подчинения Русской идее, русской национальной политике. И все это приходилось делать одновременно. До устройства областей нельзя было получить центральных органов, на основании областной схемы составленных. С другой стороны, утверждать и вводить областные уставы могли лишь центральные государственные установления нового типа. Старые для этого совершенно не годились. Получался замкнутый круг, из которого не виделось выхода даже путем Земского Собора.

Последнему могла быть предложена разве совершенно законченная и всей страной одобренная работа лишь на окончательное одобрение. Но как эту работу исполнить? Кем, какими силами, когда бюрократия о ней не хочет и слышать, а, наоборот, потому только и схватилась за парламентаризм, и создала Государственную Думу, чтобы устроить новое торжество бюрократическому централизму?

И вот Иванов пришел к такого рода мысли: для предварительных соображений по выработке областных уставов созвать сначала в чисто русских областях земские совещания в намеченных областных центрах, преподав этим совещаниям только самые общие указания, но зато твердо очертив государственные пределы областных самоуправлений. Пусть сами земские люди коренной России разработают для себя и у себя свое домашнее устройство, а затем уже наступит очередь устраивать инородцев. В состав этих совещаний, кроме немногих лиц по вызову, должны были войти особо избранные местным дворянством,

уездными земскими собраниями и городскими думами делегаты. Все работы этих областных совещаний поступали на сверку и разработку в совещание центральное и затем, после сделанных исправлений проекты областных уставов рассылались на заключение соответственных уездных собраний с тем, чтобы вернуться для окончательной редакции в совещания областные. Исходящие отсюда готовые законопроекты областных уставов должны были быть представлены на одобрение Земского Собора.

Выбирая время между официальными приемами и множеством текущих дел, усердно работал Иванов над этим вопросом, который он считал самым важным, самым основным всей своей реформаторской деятельности. “Главные основания” для работы выборных людей земской Руси были уже готовы. Белая петербургская ночь застала диктатора над проектом Высочайшего манифеста, возвещающего созыв первых десяти областных совещаний. Над сонной Невой торжественно плыли звуки часовых колоколов Петропавловской крепости, игравших полночь, когда курьер доложил о приходе Соколова.

XXVIII

– Послушайте, мой дорогой, – встретил Соколова диктатор, – по поводу вас вышел скандал. Я имел крупную неприятность с Коковцевым. Когда я ему сказал, что вас необходимо назначить его товарищем, он наговорил мне дерзостей и поставил меня в невозможность не принять его отставки. Я об этом доложил Государю и сказал, что кроме вас у меня никого нет, но что за вас я ручаюсь. Государь очень интересуется вами, и завтра вы должны представиться. Хотите или не хотите, а портфель за вами.

Соколов потер лоб рукой.

– Страшный хомут вы на меня надели. Боюсь, чтобы главная работа не пострадала.

– Успокойтесь. Я об этом думал. Проводить реформы в роли товарища при Коковцеве – дело безнадежное. Авторитет

министра – великая вещь. Министра боятся и не посмеют так вставлять ему палки в колеса, как товарищу. А чтобы не отрываться от главного дела, вы лучше сами раздайте текущие дела товарищам. Не отказывайтесь только от моих работ. Мне ваше участие в Совете Министров будет очень важно: ведь мои работы теснейшим образом связаны с вашими.

Соколов качал головой:

– Страшно трудно будет. Возьмите хоть одну Кредитную Канцелярию. Ведь это вертеп разбойничий. Или Государственный Банк! Они на всякого министра сомкнутым строем идут. А монополия? А Дворянский и Крестьянский банки? А Таможенный департамент? У меня холод по спине идет, когда я об этом только подумаю. Вы представьте себе только, какая разгорится ненависть ко мне с первого же дня!

– Полноте! Это вы только кажетесь таким смиренным...

– Да не в смирении дело, ваше превосходительство, а во времени. Времени на сутки отпущено только 24 часа.

– Ну, так или иначе, дело сделано.

– Но вы меня, наконец, совсем не знаете!

Но Соколов отбивался напрасно.

– Я вас уже знаю.

Иванов достал из кучи бумаг конверт и показал Соколову:

– Здесь вся ваша биография, а мое личное впечатление только усилило прекрасную аттестацию.

Капитан покраснел.

– А формальная сторона?

– Пока – “с производством в полковники”... Итак, завтра к Царю, а теперь за дело. Ваша программа?

– Со мной.

– Докладывайте последовательно. Приблизительно то же вам завтра придется докладывать и в Петергофе.

– Извольте слушать.

Соколов вынул из кармана листок бумаги, положил перед собой и начал:

– Наше финансовое преобразование должно распадаться на три части:

1. Переустройство денежной системы.
2. Переустройство государственного хозяйства.
3. Переустройство органов хозяйственного управления.

– Постановка широкая и правильная, – заметил Иванов – Продолжайте.

– Денежная система может быть переустроена в двух направлениях в зависимости от того, насколько широко будет поставлена задача. Можно, во-первых, восстановить серебро и нашу старую денежную систему и, во-вторых, перейти к чистым бумажным деньгам.

– За какой способ стоите вы? Помнится, за второй?

– Ваше превосходительство, финансы – это математика. Вы задаете определенную задачу, финансист ее решает. Ваша задача какая? Расширить денежное обращение? Создать широкий народный кредит? Найти в распоряжении правительства два миллиарда рублей? Это достижимо одинаково и при бумажках, и при серебряной валюте. Я лично стою за бумажку, как за аппарат, неизмеримо более совершенный. Но здесь возражение – новизна дела. Серебро, наоборот, является системой испытанной. Выбор зависит от руководителя политики, ему виднее.

– Хорошо. Для перехода на серебро что вы делаете?

– Выделяю из общего золотого запаса примерно 600 или 700 миллионов в неприкосновенный военный фонд. Остальное золото обращаю на осторожную покупку серебряного запаса в 400 миллионов рублей, что даст возможность выпуска по норме Императора Николая I 2 400 000 кредитных билетов. Свободную чеканку серебра не восстанавливаю сразу, ибо это был бы крах, а прекращаю золотой размен и начинаю понижать курс с тем, чтобы

довести его до паритета с серебром год в два. Устанавливаю двойственный бюджет – золотой для расчетов международных и серебряный – для внутренних. Сливаю воедино Государственный Банк, сберегательные кассы и банки: Дворянский и Крестьянский. Организую уездные казначейства в отделения Государственного Банка и устраиваю полную сеть мелких кредитных учреждений. Казенные суммы провожу только по счетам.

– А по государственному долгу?

– Требую к заштемпелеванию всю находящуюся за пределами России ренту, сохраняя только за ней право на платеж процентов золотом. Внутреннюю ренту конвертирую во вкладные билеты без курса и перевожу ее на серебро. Разумеется, некоторая часть ускользнет за границу, но это можно сократить до минимума. По этой внутренней части ренты государство сразу освобождается от платежа процентов. А ведь этой ренты около миллиарда. Вот вам ежегодное сбережение в 40 миллионов.

– Я эту операцию не совсем улавливаю. Как это казна освободится от процентов?

– Очень просто. Сейчас рента около 71. Я выпускаю миллиард кредитных рублей и выкупаю всю внутреннюю ренту. Ваш капитал, положим, помещен в ренте. Но вы не хотите получить наличные деньги. Я передаю их на вклад в Государственный Банк и вручаю вам вкладные билеты, приносящие те же 4 процента, но разменные по предъявлении. Вы только выиграли, ибо ваша бумага стала 100. Банк же получит миллиард рублей оборотных средств, которые через свои отделения и мелкие кредитные учреждения пустит в обращение из 4,5 процента. Очевидно, платить по вкладам будет уже не государство, а те клиенты, которые будут пользоваться деньгами. Вашему превосходительству это ясно?

– Как нельзя более. Это возврат к Канкриновской системе?

– Вернее, личной системе Николая I. Да, я возвращаюсь только к ней, разумеется, в идее, а не в подробностях.

– Ну-с, а при системе чисто бумажной?

– Будет то же самое, только я не буду связан посторонней силой – собственной стоимостью серебра и могу действовать гораздо свободнее и планомернее. Я не буду ждать никаких сроков, свободная чеканка серебра будет не нужна, фонд тоже. Я просто буду держать курс рубля на том уровне, какой нужен для народного хозяйства.

– Ясно. Но для этого нужна монополия по продаже и покупке драгоценных металлов?

– Да, Государственный Банк иначе курсами управлять не может. Тратты покупать и продавать должен только он. Впрочем, при этой системе никто больше этим заниматься и не будет. Фондовая биржа исчезнет.

– Так что игру на курсе вы совершенно исключаете?

– Ее нельзя будет вести. Государственный Банк раздавит всякого спекулянта, и здешнего, и заграничного.

XXIX

– Ладно. Переходим к следующему вопросу.

– Второй вопрос – государственное хозяйство. Я считаю с вашей областной системой и начинаю с того, что всякое прямое обложение государство передает земству. Источники государственных доходов – косвенные налоги и государственное имущество: леса, земли, ископаемые; затем железные дороги, казенные заводы, кредитные учреждения, монополии: табачная, нефтяная, платиновая, быть может, марганцевая и элеваторная. Я надеюсь сделать это имущество высоко доходным, установить лишь тот принцип, что казна дает средства и контролирует. Управление же делом поручается областным самоуправлениям, или устанавливается аренда. Разумеется, элеваторы и железные дороги должны быть централизованы, но здесь есть приемы управления, безусловно гарантирующие доходность.

– Ну-с, а водка?

– Водку прочь.

- А доход от монополии и акциза?
- Я возмещу его всеобщим государственным страхованием.
- Я об этой идее слышал. Она ваша?
- Нет, это мысль покойного А. Д. Пазухина. Я только ее разработал.
- Напомните мне в двух словах.
- Извольте. Государство привлекает к обязательному страхованию все: строения от пожара, поля от града, скот от эпизоотий, суда и товары в пути и т. д. Страхует пенсию на старость, помощь в несчастных случаях, пособие при совершеннолети, приданое при замужестве. Минимум – обязательно, дальше добровольно. При полутораэта миллионах населения, огромном пространстве и крупнейших цифрах рисков, а главное, при очень простой организации – величина премии будет ничтожна. Разложите на эту необъятную массу клиентов и имуществ налоги в 500–600 миллионов – вы получите такую картину: те же деньги и с того же населения будут взяты не за отраву, а за бесценные и бескорыстные услуги государства.
- А с водкой как?
- Предоставьте областям. Хотят – пусть запрещают совсем, как те штаты, где temperance, или пусть пьют пиво и виноградное вино. Хотят – пусть вводят Готеборгскую систему и вытрезвляют публику иначе. На месте виднее.
- Помните, что все ваши предложения, вся ваша программа государственного хозяйства должна быть обсуждена и одобрена на местах.
- Я за нее боялся бы в Петербурге, но не в провинции. Там здравый смысл еще есть, и меня хорошо поймут.
- Ну, помогай вам Бог. Теперь последнее: организация дела.
- Во-первых, из состава Министерства финансов должен быть выделен Государственный Банк. К нему, как я уже говорил, должны быть присоединены Дворянский и Крестьянский банки, которые составят его ипотечный и культурный отделы, и сберегательные кассы. Здесь же должен быть Монетный двор и, может быть, Экспедиция заготовления Государственных бумаг. Затем тарифные

учреждения и Горный департамент вместе с управлением казенных лесов, управлениями новых монополий, почтами и телеграфами должны быть слиты в одно ведомство Государственных Предприятий. Несмотря на разнообразие этих отраслей, их общая черта – хозяйственный, а не чиновничий способ ведения дела.

– Что же должно остаться собственно за Министерством финансов?

– Распоряжение государственными средствами, государственная приходная и расходная касса, то есть Департамент неокладных сборов, Таможенный департамент, Департамент Государственного Казначейства и Комиссия погашения долгов. И этого слишком достаточно, чтобы человек едва мог справиться и охватить всю машину.

– Совершенно правильно. Теперь последний вопрос: земское участие в финансовом управлении?

– Очень просто. Области посылают своих специальных выборных в соответственные советы. Таким образом составляется совет Государственного Банка, Совет государственных предприятий, Финансовый Совет у меня. Это для управления. А для экономического законодательства составьте из представителей областей выборный Народохозяйственный Совет, параллельный Государственному Совету по вашей схеме. Нужно только строго соблюдать правило, чтобы в эти советы попадали люди с соответственным служебным цензом, а не “ораторы” и не присяжные поверенные.

Иванов встал с места.

– Ну-с, мой дорогой, ваш экзамен вы выдержали блестяще. Завтра... то есть виноват, сегодня, к Государю, он вас выслушает, благословит – и за дело! Первая ваша работа будет обстоятельное, деловое, скромное и вместе с тем блестящее изложение вашей программы, которое мы разошлем по земствам и городам. Можете сказать трогательную речь на приеме ваших подчиненных. Эта речь должна выделить и одушевить лучших и дать вам преданных сотрудников. А теперь с Богом, мой дорогой. Дайте я вас обниму.

Через день в “Правительственном Вестнике” появился Высочайший приказ о назначении капитана Соколова 18-го министром финансов с производством в полковники. У экономического руля стала, наконец, молодая сила, и русское государственное хозяйство должно было тронуться по новой дороге.

У очага хищений

(Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”.)

XXX

Диктатор работал не покладая рук. В лице новоназначенного полковника Соколова он видел свою правую руку по обновлению России и притом в самом главном, в финансах. Заботы о поднятии земледелия, о широкой организации переселенческого дела и о правильном движении крестьянского вопроса вообще он предполагал возложить на Н. А. Павлова, человека широких государственных взглядов, тонкого знатока крестьянского быта и хозяина-практика. “Дворянина” Павлова диктатор знал с ранней юности; они были связаны тесной дружбой, и хотя их жизненные дороги разошлись, но глубокое доверие друг к другу и искренняя приязнь остались. Они были на “ты”.

Но Павлов уже несколько месяцев был за границей, не оставив даже своего адреса, так что Иванов был лишен возможности ему писать или телеграфировать. Он наводил справки и узнал, что вскоре после покушения на его жизнь, убедившись в невозможности оставаться в деревне и вести хозяйство, Павлов ликвидировал свои Аткарские имения, захандрил и уехал за границу лечиться. Темные слухи прибавляли сюда роман, подстерегающий незримо каждого русского талантливого человека.

Появление Павлова в Петербурге было такой же неожиданностью, как и его отъезд. Он появился в

“диктаторской половине” Зимнего Дворца и застал генерал-адъютанта Иванова только что возвратившимся из Петергофа. Старые друзья сердечно обнялись.

– Я тебя заждался, Николай.

– Ну вот, на, бери меня, запрягай, куда хочешь, но только я боюсь, что мы с тобой, Миша, никуда не доедем. Ну какой ты диктатор, позволь тебя спросить? Ты шут гороховый, прости меня за откровенность, кстати же, нас никто не слышит. Ты, пожалуйста, не морщись! Работа работой: что прикажешь, то свято исполню, а теперь ты мне ответь: какой ты диктатор? Кого ты расстрелял? Кого разогнал?

– Что за кровожадность! Позволь тебя спросить, кого это и почему я должен расстреливать?

– Нежная душа! Россия представляет оподлевшее и озверевшее царство. Бомбы делают чуть не в каждом доме. Грабят, насилуют, убивают за три копейки. Понятие о собственности, о законе, о безопасности совершенно исчезло. Народ развратился, пропил Бога, растоптал стыд и совесть и обратился в коллективного великого хулигана. Неужели же ты не понимаешь, что повесить, расстрелять в один день шесть тысяч наиболее закоренелых убийц, злодеев или вожаков этой вашей поганой революции значит произвести нравственное воздействие, нагнать спасительного страха, вызвать психологический поворот? Ведь ты-то понимаешь, надеюсь, что вся честная, порядочная, работающая Россия тебя за это не осудила бы, а поблагодарила от души? А ты разыгрываешь Манилова! Ты говоришь красивые речи, а с людей снимают шкуры и бьют и калечат их, как скотину... Ты что, вероятно, крови не выносишь, падаешь в обморок?

Иванов улыбался, а Павлов впадал все в больший пафос.

– Ты кончил? – перебил диктатор.

– Нет еще, и ты меня дослушаешь до конца, а потом будешь говорить. Дальше. Государь передал тебе почти всю Свою власть. Ты Его “верховный” уполномоченный. Что же ты сделал? Закрыв Думу? Ну еще бы! Это догадались бы и Столыпин, и Горемыкин. А ты дал удовлетворение народной правде, народной тоске, народному

справедливому презрению к Петербургу? Ты выслал из Петербурга в первый же день 122 тайных советника и 435 действительных статских по тому списку, который у тебя был в руках? Ты предал военно-полевому суду 57 главных воров, ты отдал под обыкновенный суд 787 воров второго разряда? Ты пригласил тотчас же весь новый правительственный персонал? Может быть, это были бы люди менее знающие, менее опытные, важно то, что это были бы люди новые, чтобы старым этим гнильем и не пахло? Вместо этого ты что делал? Ты оставил Столыпина премьером, ты излагал тоном только что выпущенной институтки свою программу... кому? Шванебахам, Щегловитовым, Коковцевым, ты от них ждал содействия и работы! Ты вызывал Милюкова и чуть ли не устраивал кадетское министерство. Только Бог да ихняя глупость спасли от такого идиотства!

– Ты кончил? – еще раз, но уже более нетерпеливо перебил диктатор. Но Павлов не слушал.

– Удивляюсь, как ты не вызвал к себе Максимова, графа Ивана Ивановича Толстого или Саблера. Как ты не поинтересовался поговорить о политике с Зурабовым или Алексинским? Затем, для какого черта ты лезешь под бомбы, для чего выезжаешь? Разве ты не знаешь, что за тобой прямо охотятся? Кому нужна твоя смелость? Ты понимаешь, что вот это твое бесстрашие и бравирование есть прямое преступление перед Родиной, потому что убей они тебя, заменить будет некем!

– Ты кончил наконец?

– Ну, положим, кончил. Надо тебя послушать.

– Так вот, слушай. Крови я не боюсь и в обморок не падаю. Когда нужно, пусть расстреливают или вешают, я в это время буду спокойно курить папиросу. Но дело-то в том, что вешать и расстреливать нет ни смысла, ни нравственного права. Кто их такими сделал, каковы они сейчас? Кто развратил Россию, кто отупил и затем озверил молодежь? Режим. Так какое же право имеет этот же самый режим расстреливать? Ведь правительство вчера еще ползало перед революцией?

– Да ты-то, мой милый, этот, старый режим представляешь? Твое правительство и вчерашнее – это одно и то же? Да, впрочем, конечно, одно и то же, потому что ты всех их оставил. Ну, тогда, разумеется, и продолжай миндальничать и распускать нюни...

Диктатор вспыхнул.

– Слушай, Николай, ты от меня требуешь крови? Ты хочешь, чтобы я Петербург устали виселицами или начал всех расстреливать? Идет! Начинаю с завтрашнего дня. И знаешь, кого первого я расстреляю?

– Ну?

– Тебя.

Павлов изумленно взглянул на диктатора.

– Да, тебя! И ты знаешь, за что! Где ты был эти пять месяцев? Родина истекает кровью, люди твоего закала и твоей цены на счету, а ты дезертировал? Что ты делал за границей? Ты можешь ответить на этот вопрос, когда я предаю тебя военно – полевому суду? А ведь к тебе-то, мой милый, требования я предъявляю немножко не те, что к здешним тайным советникам? Говори же.

– Пожалуйста, личную жизнь оставь в покое.

– Личную жизнь? Ну конечно, теперь личная жизнь! Да мы-то с тобой разве имеем на нее право? Для нас это дезертирство, а за дезертирство *face au mur*!

XXXI

– Так-то, мой милый Николай Алексеевич. Надеюсь, на этом вопрос о расстрелах и виселицах будет между нами покончен. Ты забыл мой взгляд на смертную казнь. Вооруженное восстание или бунтующая толпа: стреляй пачками или ставь пулемет и жарь. Захватил на месте преступления бомбовщика, поджигателя или экспроприатора, и тут же его на фонарь или на березу. Это и справедливо, и энергично, и психологически благотворно. Но уже через час, не только через сутки, казнь есть

преступление и мерзость. Это отвратительное холодное убийство по суду, только развращающее и зрителей, и исполнителей. Недаром в России почти нельзя достать палача. Вот тебе мой ответ на первую половину. Вторая половина твоей филиппики показывает только то, что твои государственные взгляды и приемы чересчур мелки, мой милый. Я, Николай, не хуже тебя знаю, что такое Петербург. Знаю, что гнать в три шеи здесь надо всех, и худых и хороших, потому что по здешней бюрократической этике самый лучший не постесняется в любой момент провалить важнейшее государственное дело, выкрасть себе любое добавочное содержание, аренду, командировку, синекуру брату любовницы; самый благородный промолчит, вернее, прикроет любую пакость, обманет Царя, войдет в подлейший компромисс, оправдает всякую наглую плутню. Самый лучший! Про худших, следовательно, нет и речи. Но, душа моя! Я принял паровоз на ходу. Я не могу остановиться среди поля менять трубы, которые все текут. Надо как –нибудь дотащить до станции.

– Не трубы текут, а в твоём паровозе паров нет, голубчик, – отозвался Павлов – Твоя машина едва ползет и того и гляди станет среди поля, до станции тебе не доехать. Чтобы доехать, нужно вот этот поганый, гнилой и ржавый паровоз отцепить и бросить под откос, а вызвать новый, вспомогательный.

– Откуда, где он? Неужели ты думаешь, что можно серьезно разогнать здешнюю бюрократию и насаждать новых людей, ну хоть из земства или дворянства? Да ты, во-первых, не сыщешь сразу и половины нужного персонала, потому что все лучшее уже отобрано и помещено. В провинции остается только завал, все мало-мальски грамотное давно убежало к казенному пирогу. Попробуй, набери новых: получится чепуха невероятная, и затем эти новые тотчас же примут все мерзкие приемы нынешних. Душа моя! Не забудь, что и дворянство, и земство почти так же развращены, как и бюрократия. Но эта хоть дело знает, работать может, а те только болтуны и политики.

– Выбирай отдельных людей. Двигай военных.

– Я и выбираю. Вот я познакомлю тебя с новым министром финансов Соколовым – пальчики оближешь. Затем ты иди, бери земледелие. Самое лучшее ведомство, чтобы применить твою теорию разгона. Сделай милость, мешать не буду.

– Будь покоен, вычищу. Я не Ермолов.

– Чисти, чисти. Только имей в виду, что рамки еще важнее. В этих рамках оподлеют и наилучшие, и наоборот: огромная часть самых негодных, по-видимому, людей, которых ты собираешься разогнать или даже расстрелять, могли бы при ином государственном строе оказаться дельными работниками.

– Знаю, знаю! Это твоя областная система? Ты все еще носишься с этой утопией?

– А ты все держишься за губернию?

– Да, да, за губернию и дальше ни шагу! Послушай, Миша: твои области не только ошибка, это преступление. Что ты хочешь – разделить Россию? Создать чухонскую, польскую, киргизскую, грузинскую, армянскую автономию? Растворить русский народ в массе всякого инородческого сброда? Неужели ты можешь взять на свою совесть это ужасное дело? Ведь это же прямое разложение и гибель России.

– Николай, выслушай меня и будь свободен и беспристрастен. Я отлично понимаю, что ты мне не сотрудник, раз ты не разделяешь моей главной и основной мысли. Значит, я тебя должен убедить или мы пожмем друг другу руки и разойдемся. Выслушай же меня.

Диктатор был взволнован. Павлов сел к столу и приготовился слушать.

– Хороню. Я буду не только беспристрастен, но постараюсь взглянуть на мое губернское деление как на предрассудок. Но мою критику и здравый смысл ты не обманешь и не подкупишь. Кроме правды я тебе не скажу ничего. Говори, я слушаю.

– Спасибо тебе. Итак! Ты, конечно, стоишь за восстановление во всей полноте царского Самодержавия? Да?

– Ну разумеется.

– Ну так знай, что Самодержавие и бюрократия, то есть министерства и губернское деление, несовместимы.

– Почему?

– Да потому, что у Царя нет и не будет ни никакой возможности, ни времени иметь дело с каждой из 70 губерний. Между ними и Царем должен стать непременно посредник – министр внутренних дел. Министр и вокруг него система департаментов и канцелярий, то есть та самая бюрократия, которую мы имеем сейчас и которую ты рекомендуешь расстрелять. Нет такой реформы, которая губернию могла бы непосредственно приблизить к Царю, создать в ней управление без передатчиков. Как ни ставь губернское земство, бюрократия его всегда оседлает. С другой стороны, губернатору ты тоже не можешь дать самостоятельного положения – эта должность слишком мелка. Губернатор будет фактически всегда только приказчик министра внутренних дел, то есть всей той канцелярской с... – это выражение Юрия Самарина! – которая его окружает и вертит и им, и Россией. Дальше. Что такое губерния сама по себе? Французский департамент в огромных размерах. Орудие централизации, обезличения, орудие подчинения местной жизни бюрократическому режиму. Если тебе этот режим дорог, держись за губернию и мирись со всеми последствиями, но если ты хочешь здорового развития самоуправления, то к черту с губерниями!

– Ну-с, а область? В чем ее преимущества?

– Неужели тебе не ясно? У меня Россия складывается из 18 областей. В каждую Царь назначает наместника и, конечно, 18 человек легко может лично назначить, без всякого посредничества и представления. И не только назначить, но и через них поддерживать с областью живую связь. Область стоит непосредственно перед Царем, как крупный живой организм: с одной стороны наместник или генерал-

губернатор во главе местного правительства, с другой – очень самостоятельное областное земство. Царь здесь правит лично, являясь между ними живым Суперарбитром, Верховным Судьей. Бюрократии места нет. Бюрократия будет, но далеко внизу, под наместником, взнузданная местным земством. Обмана и насилия над Царской волей и судом никакого не будет и быть не может. Далее. Я утверждаю, что только при областях возможно строго нормальное разграничение местного земского и общегосударственного дела. А это разграничение нужно, как солнечный свет, как воздух. Россия задыхается от того, что все сосредоточено в Петербурге. От этого же правительство не может править и в канцеляриях плодится всякий гад. Оставь за Царем и центральным правительством только их подлинные дела да контроль. Этого и без того окажется так много, что едва можно будет справиться. Ведь Россия занимает шестую часть суши! Нужно не о том думать, чтобы оставлять за правительством больше дела, а о том, чтобы как можно больше сдать областям, где все интересы понятны, где они однородны и близки. Царю и центральному правительству надо освободиться от очень многого, совершенно забыть о так называемом внутреннем управлении, о просвещении, о благочинии, о земледелии, о промышленности и всякого роде местном хозяйстве и делах. Все это нужно сдать и думать только о России как о целом. Скажи же мне, Николай, неужели все это можно поручать губерниям? Это явная бессмыслица. Губерния слишком слаба, и затем, посмотри, какая выйдет чепуха и пестрота. Возьми, например, группу губерний Московского промышленного района или черноземное Поволжье. Интересы первой чисто промышленные, второй – земледельческие. Выхода никакого иного нет. Вся группа может твердо поставить и вести промышленную политику своего района или охватить земледельческие интересы Поволжья. Но что могут сделать губернии порознь? Их земства должны или действовать каждое по-своему, вразброд, или работать солидарно, то есть съезжаться на съезды. Губернаторы однородных районов тоже. Ну, для них ты, положим, откроешь порайонные отделы при разных министерствах.

Чувствуешь ты, как областное объединение само напрашивается? Областной съезд губернских земств – да обрати его просто в областное земское собрание: тогда тебе губернские собрания будут вовсе не нужны. Порайонные отделы отправь на места, в областные центры. Тогда у тебя в каждой области окажется свое министерство земледелия, свое министерство промышленности, просвещения. Губернаторы станут излишними, а вместо них явится областной министр своего ведомства и вокруг него съезды не губернских земств, а специальных делегатов от уездов.

– Ну вот тебе и автономия готова. Раздели еще армию, и тогда Москва со своими промышленными интересами может объявить войну Саратову или Тамбову.

XXXII

– Послушай, Коля, это же недобросовестно! В тебе, свободном человеке и земском деятеле, сидит старый бюрократ и, кроме того, злец. При чем тут автономия? Неужели ты не можешь сообразить, что государственная связь мной не только не нарушается, но страшно скрепляется? Взгляни только, что отдается областям и что остается за государством. Во-первых, Верховная Власть и законодательство. Положение Царя и Его власть усилены чрезвычайно, потому что Царь освобожден от опеки бюрократии, от всяких подлогов и обманов, и Его воля проявляется прямо, а не через мертвый аппарат. Вся полнота Его Самодержавия при нем, и это будет настоящее Самодержавие, сознательное и свободное. Законодательство даст связь очень прочную, а так как все мелочи перейдут к областям и законы будут издаваться только общие и крупные и вырабатываться не чиновниками и не парламентскими болтунами, а лучшими силами областей, то уже одно законодательство выкует стальную связь государства. Дальше. Вся военная сила в единых руках Царя. Суд весь царский. Финансы, денежная система и публичный кредит в руках государства. Железные дороги, монополии, почта и телеграфы и

множество разнообразных государственных предприятий тоже остаются за государством. Полиция, правда, областная, но она в руках наместников, людей непосредственно Царем уполномоченных. А контроль? Я иду очень далеко и ввожу государственный контроль вплоть до уезда. Всякая областная, уездная и приходская копейка будет подлежать не местной, а государственной проверке, и эта ревизия будет беспощадна. Это ли ослабление государства? Этой ли связи недостаточно? Ответь мне, что у меня, собственно, ослаблено? Откуда может явиться сепаратизм? Говори же.

– Видишь ли, я терпеливо тебя слушал. Говоришь ты удивительно хорошо. Но я все-таки думаю, что ты мне стараешься втереть очки. Ты совершенно не касаешься вопроса о том, кому ты передаешь самоуправление и в чьих руках может очутиться администрация твоих областей. Да, пока ты говоришь о Севере, о центральном промышленном районе, о среднем Поволжье, о черноземном Центре и, пожалуй, русских степях, я готов согласиться, что областное устройство имеет некоторые преимущества. Но окраины? Польша? Финляндия, Малороссия? Западный край? А татарский восток? А кавказский винегрет? А прибалтийские немцы со всякими эстами и латышами?

– Да кто же тебе сказал, что я хочу устраивать области по одному шаблону? Инородческий вопрос очень серьезный, и будь покоен, что ни в одной области власть не попадет в дурные руки. Но об инородческих областях нельзя говорить вообще, а можно только о каждой в отдельности, ибо сходства между ними никакого нет.

– Хорошо, хорошо. Ну вот тебе на первый раз Финляндия. Там что должно быть, по-твоему?

– Точное исполнение Императорского слова. В Финляндии русский Царь обещал заменить собой конституционного шведского короля. Это слово несокрушимо и составляет основание финского автономного права. Выгодно это или невыгодно для России, вопрос особый, но слово Царское свято. Поэтому Финляндия не в счет остальных областей и пользуется действительной государственной автономией, которая должна быть точнейшим образом формулирована

и закреплена как конституция, пока ее финны не нарушат или не пожелают изменить. Но это длинный разговор.

– Значит, ты за финляндскую конституцию?

– Да, именно потому, что я сторонник Самодержавия. Если допустим принцип, что русский Царь, связав себя и наследников своих торжественным обещанием, может без всякого повода, в одно прекрасное утро свое слово нарушить, и счесть себя от обещания свободным, Самодержавия нет, а будет восточная деспотия.

– Но если он не имел права этого делать?

– В России – да! Но русский Самодержец включал в Империю новую чужую область и считал государственным интересом дать тому, чужому народу, известные обещания. На это его самодержавства было так же достаточно, как на объявление войны, заключение мира, на подписание любого договора. На таких же основаниях могли бы присоединиться к государственному организму России Сербия, Болгария, славянские части Австрии. Но оставь, пожалуйста, Финляндию и говори о друлгх областях.

– Ну-с, вот Польша. Я твое полонофильство знаю.

– Не полонофильство, а славянофильство. Поляки в славянстве занимают по численности второе место, по патриотизму, сплоченности и культурности первое. Если тебе угодно держаться немецких завоевательных теорий, то, конечно, поляки – покоренный народ и баста! Вся задача – их обрусить, то есть переварить в государственном организме. На это я скажу, мой милый, что эта задача не только гнусная и безнравственная, но и заведомо неосуществимая: это бессмысленная порча русского желудка. Другая точка зрения – славянская. Здесь надо признать, что ни о каком покоренном народе не может быть речи, а что и поляки, и мы совершенно одинаковые и равноправные члены будущего Славянского союза. Готовы ли на это поляки, желают ли они честно идти с нами рука об руку, быть друзьями, а не врагами? Я думаю, что готовы, но что вернее всего их об этом спросить самих. И если они ответят “да”, то в этом ответе вся программа и для них, и для нас. Тогда коренная Польша должна быть рассматриваема

как польская часть союза, совершенно такая же, как мы, русская часть, то есть с теми же правами и обязанностями. Это значит, что у себя, внутри своей этнографической черты, поляки должны быть полными хозяевами, а в государственном организме сохозяевами.

– Сохозяевами? Это что же, какая-то Австро-Венгрия, Полоно-Россия?

– Успокойся. Это сохозяйство при областной системе будет не только не страшно нам, но очень полезно. Сообрази: ведь поляки составят одну область против чисто русских двенадцати и пяти инородческих. Следовательно, их голос никогда русского большинства в союзе не перевесит.

– Ну-с, а в Западном крае?

– В Западном крае у меня две области: на юге Малороссия с Киевом, на севере Литва и Белоруссия с Вильной. И там, и здесь поляки являются незначительным меньшинством. Пойдет свободная культурная борьба, где полякам ни о какой наступательной роли не придется и думать, а только отстаивать свои позиции. Да, наконец, со славянской точки зрения, какое дело государству до этой борьбы?

– Дай им свободу, поляки эти обе твои области живо обработают.

– Не думаю. В Киеве их оттеснили без всякой помощи правительства. Хохлы не дадут себя ополячить. В Белоруссии будет то же самое, раз казенная опека исчезнет. Будь ты земцем, Христа ради, и предоставь людям бороться и устраиваться, как сами знают. Что это за проклятая ваша опека!

– Позволь, пожалуйста! Вообрази, что свое Северо-Западное областное собрание подберется такое, что объявить у себя польский язык официальным...

– Я скажу: на здоровье! И буду рассуждать так: если все литовское, великорусское и белорусское население этого края в лице большинства уездных земских собраний и городских дум с этим примирится и протеста не заявит, значит, русское национальное дело там пропало, никаких русских элементов больше нет и никакой полиции их не

создать. Но ведь это же вздор! Ведь если подобный анекдот случится, то начнутся такие протесты со всех сторон, что всю затею вышибут сразу. Пусть только власть не мешает и даст полную свободу. Тогда русское чувство само поднимется и себя отстоит. А начни только покровительствовать, возьми русские элементы под опеку – полная полонизация края неизбежна. Холмщина живой пример. Без казенной опеки боролись сотни лет, взяли в опеку – все убежали в поляки и католики. Я, например, с полнейшим равнодушием отношусь к так называемому украинофильству. Это продукт ненависти хохлов к нашей бюрократии – и только. Закончи эту гнусную систему централизации и опеки. Да неужели же кому-нибудь в голову придет отречься от русской культуры и начинать культуру малороссийскую? В этом нет никакого смысла, потому что малороссийский язык есть только жаргон и опоздал на тысячу лет. Есть русская культура и польская, есть русский и польский языки, и есть “грае грае воропае” и малороссийский театр с ужасно однотонным репертуаром. Дай свободу – и все отлично станет на свое место. Ни один образованный хохол не станет ни говорить, ни писать по – малороссийски. А захочет ради курьеза, – сделай одолжение! Надоест и бросит.

– Ну, а как насчет киргиз и прочего? Это тоже сохозяева?

– Брось, пожалуйста, этот тон. Я очень люблю милейших татар, но ты же понимаешь, что их роль в славянском и христианском государстве не может быть ни главной, ни одинаковой со славянами. Их будущее – воспринять русскую культуру, и государство должно этому всеми мерами помочь. Или прячься в деревню, сажай хлопок, ешь конину, торгуй мылом.

– Значит, мусульманским инородцам политической роли ты не даешь никакой?

– Ну разумеется. В областях с татарами хозяевами должны быть русские и те из мусульман, которые стали чисто русскими по культуре. У нас даже генералы есть магометане. Но разве же это татары? Я думаю, что они свою татарщину совершенно позабыли.

– Конечно, так же смотришь ты и на всяких эстов, латышей, жмуудинов и т. д.

– Совершенно. Все это этнографический материал и только. Возьми, например, Кавказ. Разве там самой силой вещей не устанавливается русская культура и русское господство? И заметь, господство, никого не угнетающее и никому не мешающее!

– Погоди, еще остались балтийские немцы.

– Этот вопрос решается историческими отношениями немцев к славянам. Это культура нам враждебная и вместе с тем с огромными претензиями. Придется бороться, тем более, что сзади балтов национальная Германия. По правде говоря, немецкий вопрос у нас, как и еврейский, является очень трудным. Тут не так просто разобраться.

XXXIII

Разговор был прерван адъютантом, доложившим о приезде министра финансов, который спешно вошел вслед за докладом.

С первого взгляда на молодого полковника Иванов мог заметить, что случилось нечто необычайное. Соколов был очень взволнован; он почти бессознательно пожал руку Павлова, с которым его познакомил диктатор, и бросился в кресло, тяжело дыша.

Иванов участливо спросил:

– Что с вами, мой хороший? На вас лица нет.

Соколов помолчал несколько секунд и, как бы выдавливая из себя слова, произнес:

– Зачем вы меня... назначили? Здесь управлять нельзя... Здесь не управлять надо, а взять взвод пехоты... или лучше... поставить хороший пулемет и... расстреливать всех веером.

– О, о! – воскликнул Павлов, вскочив с места и подходя к Соколову – Вот это я понимаю, вот это язык русского министра.

– Вы нездоровы? Что случилось?

Иванов подошел и без церемонии приложил руку ко лбу министра финансов.

– У вас жар, надо врача?

– Оставьте, – резко ответил Соколов, – Будет жар, когда человек вырвался из самого пекла... Нет, ради Христа, доложите Государю, что я больше не могу... я отказываюсь... Ведь я же просил вас меня не назначать...

– Послушайте, полковник, – строго сказал диктатор, – говорите толком, что случилось? Сегодня в “Новом Времени” я прочел вашу речь, сказанную вчера на приеме чинов министерства. За нее я готов был вас расцеловать. Государь был очень доволен и мне сегодня это выразил. Полная скромность и вместе с тем вера в будущее, мужественная энергия... Я за вас искренне порадовался. И вот, в одни сутки...

– Да вот, в одни сутки... свалился, как подбитое орудие. Я, ваше превосходительство, сегодня в первый раз принимал публику, просителей...

Павлов воскликнул:

– Ну, теперь все понятно! Это значит, что вы собственными глазами увидели, что такое министерство финансов и вообще вся наша бюрократия и какие здесь делаются дела? Да, да, совершенно к вам присоединяюсь. Кроме пулемета никакого лекарства нет...

Иванов налил полстакана воды и поставил около Соколова.

– Успокойтесь. Выпейте воды и рассказывайте по порядку, с кем вы беседовали и что услышали.

Павлов придвинул стул и с иронической улыбкой приготовился слушать.

– Вы, господа, простите... связно я не могу... У меня все в голове перепуталось и только остались впечатления разбоев на большой дороге, сдираемых шкур, вопли, стоны... Ну, вот вам, во-первых. Солидная энергичная дама, вчера богачка, уважаемая в обществе... Сегодня ограблена дотла, умоляет отсрочить продажу последних имений, хлопочет о восстановлении чести мужа, которого засудили и уморили. Я не помню всего хода дела, оно страшно сложно,

но суть в том, что Витте, который выручал всех жидов на десятки и сотни миллионов, не захотел поддержать во время кризиса группу чисто русских и очень крупных дел на Юге. Отказал только потому, что это были русские люди и русские дела. Инициатор кончил самоубийством, а дела, на которых опиралось благосостояние целого края, попали в разгром. Разгром производили соединенными силами: московские древле-православные ростовщики, муравьевское министерство юстиции и виттевско-коковцевское министерство финансов. Ростовщики привезли из Москвы целый вагон подставных акционеров, сразу забрали в руки или пустили по ветру все дела, сделав нищими тысячи семей. Юстиция стала на сторону хищников и устроила самый безобразный процесс, засудив невинных людей, а финансы... эти держали себя как известные специалисты на пожаре. Я знал об этом процессе по газетам, но мне и в голову не приходило, какая здесь страшная грязь и как позорна роль правительства. Я буквально задыхался, и задыхался не только от сознания полнейшей беспомощности пересмотреть дело, исправить зло, дать торжество правде, но от сознания еще худшего, что я, как министр, обязан быть солидарным со всей этой помойной ямой, которая называется финансовым ведомством, обязан идти в том же направлении и во главе той же шайки, или в самом деле поставить пулемет и, как согласен и Павлов, начать расстреливать...

Павлов не без торжества обратился к Иванову:

– Ну-с, господин диктатор, что я тебе говорил?

– погоди, пожалуйста, пусть расскажет дальше.

– Извольте. Дальше другой человек со снятой с живого кожей. Крупный акционер одного из огромных заводов – теперь тоже нищий. В свое время горячился, боролся с разбойничьим правлением, ходил к прокурору, хотел возбудить следствие. Нельзя! Необходимо заключение министерства финансов, а оно, конечно, не дает, так как солидарно со всеми ворами и не желает “подрывать промышленность”. Акционер остался без поддержки, общество выхватило миллионную промышленную ссуду и задолжало по уши Государственному Банку. Ссуду,

разумеется, наполовину раскрали посредники и покровители, остальное пошло по карманам правления. Сажают им Витте казенного директора. Ну, раз казенный директор, значит, воровство благословлено. Общество раскрали вдребезги, дочиста. Ликвидация – и акции могут идти в обойную бумагу. Ни суда, ни расправы, потому что каждый шаг прикрыт специально выкраденными Высочайшими повелениями. Я обещаю пересмотреть дело и знаю отлично, что просителя обману и что ничего из этого не будет... Хороша картинка?

– Обычная, ежедневная, – прибавил диктатор.

– Дальше. Является солидный купец. Просит пересмотреть дело об отказе ему в утверждении устава великолепно задуманного общества взаимного страхования. Отказали в полной дружбе и солидарности: Страховой комитет Министерства внутренних дел и наша Кредитная канцелярия. Начинаю раскапывать и узнаю, что эти оба заведения стоят ревностнейшим образом на страже интересов частных страховых обществ. Вы понимаете, конечно, что это делается не из-за одних прекрасных глаз? Узнаю дальше: правительство оформляет и прикрывает всякую пакость, всякий грабеж страховых обществ до гигантских поджогов включительно. Существует шайка, которая на всем этом кормится, и никакому министру с этим не справиться. Все дело в докладе, а доклад будет составлен той же шайкой. Ну скажите, чем это можно уничтожить, кроме пулемета?

Павлов опять вставил торжествующим тоном:

– Ну-с, мой добрейший генерал, что вы имеете на это возразить?

Иванов молча ходил по кабинету. Соколов продолжал более СПОКОЙНО:

– Потом пошла коллекция других обобранных и обиженных. Обокрали казну при постройке дороги и обокрали подрядчиков. Министерство финансов испрашивает Высочайшее повеление и все прикрыто. Раскрали минеральные воды, вмешался Государственный контроль, поддержали финансы, все прикрыто. Ведена хлебная

операция – явный грабеж. Покупает Крестьянский Банк миллионное имение, – ограблена казна, ограблен владелец, ограблены крестьяне – нужно же ухитриться ограбить все три стороны! Ограблено пароходство, и во главе разбойной шайки, разумеется, финансовое ведомство. Клянусь вам, в эти три часа я думал, что я не в Петербурге в казенном здании, а где-нибудь в ущелье по дороге из Елизаветполя в Тифлис. Я сгорал от стыда и не знал, когда кончу прием. Но последний номер был самый жестокий.

– Простите, что я вас перебиваю, – вступил в разговор Павлов. – То, что вы рассказываете, вас, очевидно, поразило. Неужели это для вас было ново и вы этого не знали? Но поверьте, что все это анекдоты для детей по сравнению с крупными и серьезными вещами, которые проделывались в Министерстве финансов. И когда? Не при Витте или Коковцеве, а при добродетельнейшем и благороднейшем Бунге. Слыхали ли вы историю о том, как господин Ламанский, знаменитый Евгений Иванович, управлявший Государственным Банком, взял в 1883 году на 54 миллиона рублей погашенных выкупных свидетельств и продал их во второй раз публике? Я сам лично видел печатную об этом записку, Если хотите удостовериться, потребуйте дело о последней реформе Главного выкупного учреждения. Она там есть. Заметьте, все это было разоблачено, подробно доложено Витте, но так и осталось под сукном, причем никто даже не поинтересовался, куда, собственно, пошли эти деньги за проданные бумаги? По карманам ли разошлись, или на них свели роспись без дефицита. Что же такое в сравнении с этим те разбойные подвиги, о которых вы рассказываете? Вот почему мое первое требование от генерала было: расстрелять или повесить в пример прочим главным воров. Вот тогда это была бы диктатура! И народ бы поверил, что правительство есть.

Соколов отвечал с глубоким убеждением:

– Я совершенно к вам присоединяюсь.

– Ну, рассказывайте ваш последний “самый жестокий” анекдот, а затем буду я говорить, – сказал Иванов.

– В конце приема входит американец с письмом от своего посланника, где тот его горячо рекомендует и просит выслушать и помочь. Чудесная типичная фигура, черный сюртук как с картинки. Весь обритый, глаза добрые и честные и вместе с тем умные и проницательные. Говорит по-русски с затруднением. Я по-английски знаю, и дело у нас пошло. Прежде всего мой американец вынимает бумагу, засвидетельствованную консулом, справку, выданную временным генерал-губернатором Владивостока Андреевым, при теплом письме. Оказывается, что вот этот мистер Кларксон явился в 1898 году к нам на Дальний Восток с хорошим капиталом и оказал русскому делу и правительству ряд ценных услуг: открыл и разработал около Владивостока отличные угольные месторождения, которые и снабжали порт во время войны. Быстро поставил в лазареты Красного Креста 50 тысяч деревянных складных кроватей собственной системы, чем вывел Красный Крест из большого затруднения. Выстроил огромный кирпичный завод и сильно понизил цены на кирпич для казенных построек. Организовал доставку из Австралии замороженного мяса... Словом, что нужно краю – Кларксон готов. Он и новые товары вводит, и промышленность двигает, и гранит ломает, и пароходы заводит, и из тайги грунтовые дороги строит, и автомобили по ним грузовые пускает, словом, американец во весь рост. Ну, разумеется, как ни велик был капитал Кларксона, без кредита работать нельзя, а для кредита на Дальнем Востоке графом Витте устроен, как известно, Китайский Банк. Так как Кларксон приехал с отличными рекомендациями больших английских и американских банков, то ему сразу же открыли кредит. Теперь слушайте, что будет. Видят господа из Китайского Банка, что у Кларксона дела растут, как грибы, и доходы плывут, предлагают работать в компании, то есть банк входит к Кларксону пайщиком. Кларксон доверяется, едет в Порт-Артур расширять дело и поручает вести свои книги бухгалтеру Китайского Банка Эрслину. Через несколько месяцев банк заявляет, что правление в

Петербурге этой комбинации не утвердило, но что ему будет по-прежнему открыт кредит. Между тем, смотрит Кларксон: за это время чиновники банка обокрали его по книгам на сумму свыше 800 тысяч рублей. Вообразите его положение: ссориться – значит остановить и погубить без кредита все дела. Между тем банк, признавая некоторые “неправильности”, тянет дело, отчета не дает и эти 800 тысяч явно замошенничивает. Американец решает не ссориться и надеется на возможность покрыть этот грабеж из будущих доходов. В это время на эту – украденную-то! – сумму с него дерут жидовские проценты и затягивают над ним петлю. За девять лет Кларксон переплатил более 1 миллиона 200 тысяч рублей одних процентов. Начинается война. В Порт-Артуре разграбляют склады и магазины Кларксона на сумму, по расчету местных властей, свыше ½ миллиона. Дела ухудшаются, торговля и все предприятия в опасности. Банк требует обеспечения кредитов Кларксона и берет у него, кроме векселей, еще закладные на копи и пароход. Задача банка и его местных заправил была: захватить все основанные Кларксоном дела, а самого его выкурить.

Но американец не из таких. Он начинает новое дело – доставку замороженного мяса и этим может быстро покрыть все долги и убытки. Тогда управляющий местным отделением Китайского Банка Кон, конечно, жид, наносит Кларксону последний удар. Его векселя протестуются раньше срока, мясо мошенническим образом захватывается и продается, имущество забирается, и Кларксон разорен. Он едет в Петербург и добивается, что правление признает действия своего агента во Владивостоке “неправильными”. Едет назад и находит господина Кона, не желающего подчиняться решению правления. Вместо этого Кларксону предлагают администрацию с тем же Коном во главе! Ну, одним словом, сняли с человека шкуру по всем правилам товарищеской техники.

Просмотрел я его документы, выслушал объяснения – вижу очевидный грабеж на большой дороге. Соображаю, что Китайский Банк находится под контролем Министерства финансов и что там в правлении сидит представитель

правительства и директорами состоят разные высокопоставленные россияне. Подать сюда правление Китайского Банка с русскими кондитерскими генералами!

Ведут ко мне генералов. На первом плане председатель правления князь Эспер Эсперович Ухтомский. Посажен Ротштейном и Витте. Сам по себе ничтожество полное, но был одно время вблизи Государя и теперь режет с этого купоны. Роль в банке и в Китайской дороге: расписываться в получении жалованья. Далее сынок и племянничек. Сынок министра Вышнеградского и племянничек министра Сольского. Вышнеградский, кроме того, директор Международного Банка и председатель правления Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, а Сольский – директор Брянского правления и что-то такое был или есть в Государственном Банке. Затем генерал Путилов, правая рука Витте, бывший директор его канцелярии; был в Крестьянском и Дворянском банках, участвует в нескольких жирных правлениях, нефтепромышленник. Затем представитель правительства Давыдов, вице-директор Кредитной Канцелярии, говорят, замечательный музыкант. Жалованья 60 тысяч рублей. Остальные соответственно: Вышнеградскому, например, пришлось в разделе до 140 тысяч. Делает эта теплая компания то же, что и везде и всегда: получает жалованье, делит наградные и затем не только ничему не мешает, но покрывает все пакости и отстаивает, где следует, в “сферах”.

Наконец идут “работники” и иностранцы. Работники – это два русских немца – Бок и Берг. Пропускаю. Иностранцы – финансисты и дельцы по своим делам: барон Готтингер, в России не живет, Нетцлин тоже, Верстрат – французский коммерческий агент, Бизо и Рандр – статисты. Ну вот вам и все Дагестанское ущелье. Местные агенты главным образом жида: французские, бельгийские, бердичевские. Хорошенькое заведение? Начинаю расследовать: генералы мои ни бе, ни ме. А дела все сплошь таковы, что расстрелять мало! Нет, кажется, той пакости, как по отношению к казне, так и к краю, и к публике, которая бы не проделывалась в Китайском Банке вовсю. Дело Кларксона

пустяки, детская шалость. Ну вот-с. Теперь благоволите сообразить, что мне следует делать?

– Вы что сделали? – спросил Иванов.

– Пока ничего. Вызвал Болеслава Малешевского, чтобы спросить у него: как попал в Банк Давыдов и что он там делает? Услыхал такое объяснение, что тут же должен был заявить пану Болеславу, чтобы завтра же подавал в отставку. И знаете, что он мне ответил? Пари держу, что не догадаетесь?

Павлов вмешался:

– Я знаю. От ответил вам, что в отставку не подаст, а просит уволить его по 3-му пункту.

– Да, вы действительно их знаете, Николай Алексеевич! Именно так и сказал, да еще прибавил, что он пересидел уже Витте, Плеске, первого Коковцева, Шипова, второе издание Коковцева и надеется пересидеть и меня. Недурно?

– По всем правилам. И смотрите, пересидит. Вы не выдержите, уйдете, а он останется.

– Да я и пришел с отставкой. Если наш генерал меня не поддержит и не даст сразу взять их всех в руки, слуга покорный, мне в министерстве делать совершенно нечего.

XXXV

Курьер вошел с депешей на подносе и подал Соколову.

– Вашему высокопревосходительству срочная.

– Ого! Целых три листка. Из Смоленска. Разрешите прочесть. При первых же строках министр остановился, опустил руку с депешей и тяжело вздохнул. Диктатор спросил:

– Опять какая-нибудь пакость?

– Как раз к нашему разговору. Продолжение всех мерзостей, которые на меня сегодня обрушиваются. Позвольте читать вслух?

– От кого депеша? – спросил Павлов.

– Подпись? Александр Мещерский. Телеграфирует из тюрьмы.

Павлов заволновался.

– Мещерский, Александр Павлович? В тюрьме? Это какая – то мистификация.

– Вы его знаете?

– Еще бы! Первый хозяин в Смоленской губернии, а может быть, и в России. Замечательный писатель. Я знаю его по съездам, где его речи производили сильнейшее впечатление. И вдруг в тюрьме! Читайте, пожалуйста!

Соколов прочел следующее:

“Срочная. Петербург. Министру финансов. Постановлением следователя заключен в тюрьму до внесения 5000 залога. Обвиняюсь в растрате заложенного Государственному Банку хлеба. Окружной суд состава преступления не нашел, следствие прекратил; возобновила Судебная палата. Адвокату Ждановичу, другу прокурора, доверенному еврея Гирмана, ведущего со мной процесс, овладевшего моим именем, необходимо меня уголовно очернить. Сада была выдана с нарушением устава и всяких правил. Количество хлеба определялось немолоченного, на глаз, печатей, знаков охраны никаких не было. Так выдавалось всем. Никаких заявлений о праве продажи не делалось. Чисто Шейлоковская операция, спекулирующая на уголовщину. Чиновники банка все брали взятки. Осматривавший хлеб взял сто рублей, есть расписка. Временный управляющий отделением взял 300 – есть вексель. Банк потворствует, прикрывает безобразия отделений. Ссуды не возвращаются, например, Муравьева, двоюродного брата министра юстиции.

Того преследуют гражданским иском, велики связи. Иск безнадежный, ибо имение обеспечивают дружеские закладные. Жалуюсь на действия следователя. По закону жалоба арестованного рассматривается 24 часа, моя валяется две недели. Адвокаты отказываются от моего дела, боятся нарушить отношения с судом. Жене следователь сказал, что и сейчас не видит состава преступления. Между тем прокурор приказывает взять залог 5000, достать негде,

разорен совершенно, с убийцы графа Игнатьева потребовали только 100 рублей. Суда не боюсь, на суде буду подсудимым не я, а Министерство финансов и Государственный Банк. Скандал выйдет всероссийский. Прошу ваше высокопревосходительство приказать прекратить дело, заведомо вздорное и дутое”.

– Черт знает что! – воскликнул диктатор.

Павлов горячо заговорил:

– Вот она, ваша юстиция! Ни дать ни взять, как в Харьковских банках. Там прокуроры и следователи свирепствовали в угоду братьям Рябушинским, здесь это требуется жиду Гирману. Я знаю это несчастное дело. Мещерского разорили ростовщики при благосклонном содействии Дворянского и Крестьянского банков. Полумиллионное имение, по культуре первое во всей средней полосе, пошло в лом за 100 тысяч рублей только потому, что Министерство финансов ни с того, ни с сего в самое критическое время приостановило операции своих ипотечных банков. Если бы Мещерскому помогли, он бы отлично выпутался из своих долгов и у него осталось бы земли тысяч на двести. Теперь он разорен бесповоротно, и все, что им в культурном смысле сделано, пропало бесследно. Генерал, надо Мещерского спасти!

Соколов сказал:

– Необходимо доложить Государю.

– Боже мой! Припоминаю, – добавил Павлов – Мне Мещерский говорил пол года назад, что Государь очень тепло отнесся к его ходатайству, которое ему передал Трепов. Но из этого ничего не вышло, так как Коковцев постарался по данным Государственного Банка сделать доклад против Мещерского и по поводу этой вот хлебной ссуды выставил перед Государем Мещерского мошенником.

Иванов обратится к Соколову.

– Мой дорогой, рассмотрите это дело и сделайте, что можно. О Мещерском я доложу Его Величеству сам и надеюсь, что мне Государь поверит. Боже мой, Боже мой! Ведь это же в самом деле какое-то разбойное гнездо.

Иванов большими шагами ходил по кабинету. Он был взволнован и тяжело дышал. Соколов положил депешу в карман и ждал. Воцарилось на несколько минут томительное молчание, которое прервал Павлов:

– Вот что, старый дружище. Иронию всякую в сторону и будем говорить совершенно серьезно. Вся эта мерзость так разрослась, так усилилась, что без террора никак не обойтись. Только страхом еще и можно что-нибудь сделать. Но страху нужно нагнать на этих господ такого, чтобы каждый из них, ложась спать, благодарил Бога, что он не повешен и не сослан в Восточную Сибирь. Скажи мне вот что: Государь тебе террор разрешит?

– Я дал слово Государю, что террора у него просить не приду, разве в случае вооруженного мятежа, но ведь этого же быть не может, да тогда и просить не нужно, а стрелять.

Соколов сделал нетерпеливое движение, Павлов даже привскочил с места и крикнул:

– Да ведь это измена делу! Это предательство – таким образом добровольно связать себе руки!

– Не кипятись, успокойся! Не волнуйтесь и вы, полковник. Вот я вас выслушал, выслушал и тебя. Теперь за мной очередь. Перебрали мы много всяких мерзостей, надо сделать заключение. Все, что вы здесь, мой дорогой полковник, говорили, для меня совсем не ново. Я вам скажу гораздо больше. В других ведомствах везде то же самое, с той только разницей, что у вас в министерстве хоть и грабят, но все же кое-что делают, в других ведомствах даже на бумаги с марками не отвечают. Вот, он вопиет: террор, террор! Да ведь, господа, если пускать террор, так надо расстрелять или выслать всех без исключения! Ведь ни одной канцелярии, ни одного департамента нет, где бы этого не было. И я не знаю, в сущности, кто гаже: тот ли, кто грабит, или тот, кто корчит из себя добродетель, сам не берет, но воров прикрывает и обеляет? Подумали ли вы, что террор равносителен остановке всей машины? Ведь здесь, в Петербурге, незараженного нет ни одного квадратного

аршина. Неужели я о терроре не думал? И у меня это была первая мысль. Но позвольте мне, как практику, заявить вам, что не только террор, а даже простая массовая смена персонала вещь абсолютно невозможная. Может получиться положение, при котором вы пожалеете даже о нынешних хищниках.

– Так что же делать? – воскликнул Соколов.

– Погодите. Я вас слушал, выслушайте и меня. Что делать? Попытаться это воровство и разврат вывести. Александр III это пробовал, но ему не удалось. Помните манифест 29 апреля о “неправдах и хищениях”? Прекрасный манифест, и пожалуй, что-нибудь бы вышло, если бы правительство, одной рукой приглашавшее “бороться с неправдой и хищениями”, другой рукой этих самых неправд и хищений не прикрывало. Попробуйте разоблачить какого-нибудь сановного вора. Он бежит к своему министру, тот пишет записочку графу Толстому, этот зовет Вяземского или Феоктистова и хищение спасено: по газетам рассылается циркуляр “не смей касаться такого-то дела”. Вы видите, где стоят неприятельские батареи? Берите их и ставьте там свои. Хищение разрослось на молчании печати – выводите его посредством печати. Представьте себе, что завтра появляется в “Новом Времени” беседа с вами, где вы заявляете, что решились во что бы то ни стало выбраться из разбойного вертепа, каким стало ваше ведомство, и не только не будете преследовать печать за разоблачения, а своих чиновников за доставление печати сведений, но наоборот, будете ей признательны, как наилучшей помощнице, а чиновников приглашаете и благословляете давать печати материал для разоблачений. Скажите, неужели это средство не лучше каких хотите виселиц и пулеметов?

Павлов раздумчиво покачал головой.

– А ты себе представляешь тот кавардак, который получится? Хорошо окажется твое правительство перед Россией и перед Европой, когда вся эта помойная яма будет вскрыта? Да от этого зловония мы все разбежимся. И потом: где это у нас печать с такими гражданскими чувствами? Печатному жиду нужен скандал и ничего больше.

– Успокойся, мой милый. Молчанием престижа правительства не поднимешь. Все знают, что Петербург – гнездо разврата и воровства, и спасения никакого нет. А тут все узнают, что нашелся, наконец, честный министр, который не только не прикрывает никакой мерзости, но сам просит ее выводить на свет Божий и казнить. Ну вот, например, пусть все то, что нам здесь рассказывал полковник Соколов, будет завтра напечатано в “Новом Времени”. Неужели это не вызовет величайшего подъема доверия и благодарности правительству?

– Да, это верная мысль, – сказал Соколов – Так что, вы мне разрешаете устроить такое интервью?

– Не только разрешаю, прошу вас об этом. Телефонуйте Суворину: он или сам об этом напишет, или Меншикову поручит. Это будет хорошее начало. А я прикажу в “России” перепечатать.

Присоединился и Павлов.

– А что, Николай, скандал скандалом, а пожалуй что и толк будет?

– Ну вот, спасибо тебе, что наконец понял. А теперь другая половина дела. Разумеется, ни Соколов в финансах, ни ты в земледелии не будете в состоянии разобрать все старые пакости и удовлетворить всех обобранных и обиженных. Что вы скажете на такую мысль: вызвать в Петербург по одному человеку от губернских земств и образовать исключительно из них Верховную комиссию для разбора правительственных злоупотреблений и вознаграждения потерпевших? 36 земских губерний, да девять западных, вот тебе сорок пять человек. Раздели по пяти – получишь девять подкомиссий, почти по числу министерств. Работа пойдет скоро и тут же получится и побочный результат. При исследовании каждого дела тотчас же из самих чиновников выделятся порядочные элементы, которые теперь забиты и затиснуты. Они помогут комиссиям разобраться, дадут весь нужный материал, осветят дело. В результате, когда придется разгонять воров, эти господа дадут готовый кадр честных агентов, из которых и можно будет назначать на все должности. Ну, Николай, что ты на это скажешь?

- Скажу, мой милый, что ты charmeur и молодец. Ты меня этим прямо подкупаешь.
- Ну вот так-то. А то виселицы да пулеметы. На что это похоже!
- Да уж очень сердце изболело. Ведь в самом деле, черт знает, до чего дожили!
- Но все-таки помните, господа. Все эти меры экстренные, так сказать, сверхъестественные. Произведется впечатление, получится некоторое доверие, масса хищников уйдет, многих отдадим под суд, но это еще не решение вопроса. Россия устроится только тогда, когда вместо бюрократического в ней будет земское управление. Вне этого никакого выхода нет, и ты, мой милый Николай Алексеевич, со мной согласишься.
- Это твои области?
- Да, области и ничто другое.

XXXVII

Казалось бы, вопрос об оздоровлении правящего персонала и о получении наконец честного правительства решался этим путем удовлетворительно. Но в глубине души у диктатора было полно сомнений. Петербург представлялся ему огромным тифозным или холерным баракom, где и стены, и сама почва были пропитаны бактериями разврата, самовластия и хищений. Оздоровить до материка эту почву не было никакой возможности, так как в Петербурге собственно и нет никакого материка, а зыбучее болото. В этой ужасной атмосфере заражались и гибли лучшие русские люди. И наоборот, те же петербургские бюрократы, порывая связи со столицей, иногда совершенно преображались.

Русская история давала по этому вопросу ясные указания. Во всех таких случаях наилучшим средством являлось: бросить зараженное место, как бросают тифозный барак, и переносить столицу на новое, открывая новый период истории. Период московский, расцвет землесобирания и

русской национальной исключительности закончился и изжил сам себя. Москва не давала простора Петру и не могла, как столица, ввести Россию в круг европейских держав и европейской цивилизации. Петр бросил ее, построил новую столицу на краю государства, ушел к инородцам, открыв период иноземных культурных влияний. Россия была выбита из национальной исключительности и приняла крещение европейской цивилизации. Петербург страшно расширил, устроил технически и дисциплинировал Россию, но теперь и он изживал сам себя, являя картины величайшего безобразия и разложения. Полоса иноземных влияний должна была закончиться вместе с иноземной системой управления – централизованной бюрократией. Но эту реформу в Петербурге провести было, очевидно, нельзя. Здесь, казалось, вопияли самые камни, отстаивая свое хищное и злое господство над Россией. Русский народный дух, вера, совесть, патриотизм не могли здесь ни возродиться, ни расцвести.

И вот диктатор мечтал о перенесении столицы из Петербурга. Но куда? Ему слышались вещие голоса великих русских публицистов, давно еще звавших “домой”. Это было отчасти заветом Императора Александра III, лелеявшего эту мысль после 1 марта 1881 года и подробно обсуждавшего с Катковым вопрос о перенесении столицы. Александр III чувствовал себя пленником в Петербурге, который он имел случай изучить еще Наследником престола.

Но не лежало сердце диктатора к Москве. Развенчанная Петром столица давно уже потеряла всякое значение духовного и национального центра России. Умерли великие мыслители, угасли огни на их алтарях, исчезли или выродились великие органы общественной мысли. Москва потеряла историческую нить и стала не душой, не сердцем, а брюхом России. Соответственно этому почти сошел со сцены ее старокультурный слой – дворянство, зато пышно расцвела самая уродливая из всех буржуазий. Тон московской жизни стало давать новое поколение московского купечества и фабриканты, не сохранившие никаких исторических традиций, ни национальных устоев.

Влиятельным покровительством и поддержкой стало пользоваться самое бесшабашное декадентство, босячество и всякий революционный отброс. К моменту позорного мира и начала революционных выступлений Москва очутилась сплошь в руках кадетов и революционеров всякого калибра. Вооруженное восстание не отрезвило москвичей и не помешало им два раза выставить в Думу ярко-красные элементы и притом людей заведомо несерьезных. Старая патриотическая и национальная Москва бесповоротно сошла со сцены. То, что собралось здесь под флагом патриотических организаций, было так же плохо и несерьезно, как и левые элементы, а выдающимися галантами, людьми высокой доблести и патриотизма ни одна сторона похвалиться не могла. И в довершение всего Москва ожидала, почти как Одесса или любой еврейский город.

Для Иванова, кровного великоросса, было горько сознавать окончательное падение Москвы как сердца России, но он ясно видел, что в его славянскую схему Москва не укладывалась. Не ей, очевидно, приходилось стать центром для нового периода русской государственности. Столицей новой славянской России сам собой рисовался Киев, колыбель Русского царства, стольный город древних былин и очаг первой русской церковности, гражданственности и свободы. Широко раскинувшийся на своих священных горах, весь залитый солнцем, опоясанный Днепром, Киев стоял особняком среди смрадной вакханалии Петербургского периода и с падением Москвы постепенно сосредоточил в себе и независимую русскую мысль, и русскую науку, и государственное понимание событий. В Киеве естественно созрела идея о славянском призвании России. Здесь, по слову поэта, должно было состояться великое примирение двух враждующих славянских племен и утвердиться основа союза всех славян вокруг России. Эта идея вырывалась неудержно при каждом подходящем случае. Ясно, что в этой почве были ее ростки, не затоптанные бесшабашной централизацией...

Но Петербург? Но те огромные капиталы, которые за два века туда вложены? Иванов был прежде всего практик со

здравыми экономическими взглядами и ясно понимал, что такой вопрос, как перенесение столицы, не может быть решаем на основании одних политических соображений. Нужно было представить себе во всем объеме также и экономическую картину такого крупного исторического события.

Здесь дело складывалось так: местного, самостоятельного значения Петербург, как город, не имел никакого. Он жил почти целиком за счет России, извлекая из нее средства как правящий центр, как резиденция Двора, как рассадник высшего образования, как фабричный город и, наконец, как отпускной порт. С перенесением столицы отпадали, очевидно, два главных источника дохода: все то, что расходовала в Петербурге бесчисленная высшая бюрократия и большая часть из того, что расходовал Двор. Остальные три источника оставались.

Откуда могла явиться компенсация?

Во-первых, Петербург, как резиденция, мог сохранить отчасти свое значение. Если зиму и осень Двор мог проводить в новой столице, то для лета Петербург с его побережьем и прохладой и чудными дворцами по заливу представлял значительные преимущества. Затем перенесение столицы не упраздняло Петербурга как крупного областного центра для Северной области. Ее управление должно было быть достаточно сложным и разветвленным, чтобы потребовать значительного персонала. Если постараться поднять значение Петербурга как военного и торгового порта, развить коммерческое мореплавание и расширить местную промышленность и торговлю, то все убытки могли быть забалансированы и капиталы, вложенные в городские недвижимости, почти не пострадать.

Вопрос решался удовлетворительно и безобидно для всех, и это сообщало предположениям диктатора необходимую реальность и осуществимость. Он надеялся, что первый же созыв представителей от областей поддержит его мысль о необходимости нового государственного центра, и в тишине, не сообщая пока никому, разрабатывал свой проект.

Результатом разговора министра финансов с А. С. Сувориным было “Маленькое письмо”, вызвавшее в бюрократических сферах Петербурга волнение неслыханное, напоминавшее тот момент в 1882 году, когда маститый публицист одним ударом уложил в могилу “Священную Дружину”. А. С. Суворин, разумеется, не уступил такой пикантной темы Меншикову, а пустил в ход весь блеск своего таланта первого русского фельетониста. Письмо содержало передачу без всякого смягчения известного уже рассказа Соколова и заключительной сентенции Иванова. Затем Суворин говорил от себя:

“Итак, вот первый осязательный результат появления у власти молодого и свежего военного элемента. Я всегда любил военных и верил, что выражение „по-военному“ есть наилучшая форма похвалы. „По-военному“ – значит прямо, правдиво, смело. И вот по-военному нас взяли и перерядили всех из мундиров, фраков и сюртуков в арестантский халат. Положение для правительства великой державы как будто несколько необычное, но... „стерпится – слюбится“. Только не вышло бы недоразумения? Арестантский халат страшен, когда его носишь один, а все остальные при лентах и звездах. Но когда его наденут как „общегенеральскую“ форму во всех ведомствах, то многие почувствуют себя в нем даже удобнее. Постыдно, когда вора введут в компанию честных людей. Но вор в воровской компании чувствует себя на высоте положения и, чего доброго, стыдно будет не тому, кто крал, а тому, кто крал мало. Того замучает зависть, которая у нас давно заступила место совести.

Во всяком случае, призыв молодого министра финансов обещает России прелюбопытный спектакль. То, что раньше ходило под маской сплетен и в печать попадало только в виде намеков, за которые нам, журналистам, жестоко нагорало, теперь будет рассказано совершенно откровенно и обосновано документально. Открывается нечто вроде гигантской всероссийской прачечной, где всякому желающему предоставляется отныне мыть грязное белье своего высшего начальства и выводить пятна хищений. А

пока эта стирка будет идти, господа тайные и действительные статские, шталмейстеры и егермейстеры, генералы от инфантерии и генералы от кавалерии, адмиралы флагманы и адмиралы „по адмиралтейству“ приглашаются стоять голенькими и воспринимать всякие комплименты.

И услышим же мы истории! Сколько материала даст одно Морское ведомство. Какие крысы побегут оттуда! А наше интендантство, наши артиллерийские, инженерные и всякие иные управления! Как раз вчера был у меня один почтенный фабрикант, имевший неосторожность впутаться в казенную поставку. Знаете, что он мне передавал? А вот что: по сдаче заказа у них принято делить добычу. Мзда вкладывается в конверт, на нем пишется адрес его превосходительства, сиятельства или высокородия, и с пачкой таких конвертов клиент идет благодарить начальство за хорошую приемку. Отправляется и мой приятель и начинает жать руки и раздавать конверты. Вдруг видит: молодой капитан краснеет и не берет. Тот тоже конфузится и, конечно, извиняется, что предложил – „Ничего, говорит, ничего, я не обижаюсь. У нас здесь все берут, только я еще не могу“, Теперь мой приятель громко рассказывает в обществе, как факт, достойный изумления: в таком-то хозяйственном управлении есть член, который еще не берет!

Назидательные вещи будут рассказаны про покупку судов во время войны, когда аргентинские крейсера попали к японцам только потому, что две своры русских покупателей не давали одна другой кончить дело, вымогая неслыханные взятки. Недурно выйдет повествование о неумытной (надо, чтобы корректор хорошо посмотрел за целостью второго „н“) российской юстиции, в деле харьковских банков проявившей несвойственную ей энергию, так как эта энергия нужна была не в интересах правосудия, до которых никому дела нет, а в интересах торгового дома братьев Рябушинских, которые разграбили харьковские банки и вынудили бедного министра юстиции, как только запахло революцией, спешно уложить чемоданы и спастись послом в Рим.

А сколько материалу доставит графиня Сахалинская с ее штатом всякого калибра банковских жидов и гешефтмахеров! Как хороши выйдут многие тайные, действительные тайные, сенаторы и статс-секретари, которые по характеру своей должности много украсть не могли и к участию в грабежах не допускались, а потому во имя справедливости и „для равновесия“ получали особые наградные по сто, по двести и более тысяч в один прием! Любопытно, окажется ли в Петербурге хоть один праведник, который бы от такого „пожалования“ в свое время отказался?

Но всего не перечесть. Наш симпатичный диктатор и его новые министры полагают этим путем довести Россию до честности. Давай им Бог успеха, но вот вопрос: куда денут они весь огромный синдикат сиятельных и превосходительных хищников, который так хорошо устроился за счет России? Не придумают ли святые отцы Синода какого-нибудь особого обряда очищения, вроде, например, освящения колодца после попавшей мыши, таких каких-нибудь молитв с коленопреклонением о ниспослании русскому правительству честности, как засохшим полям дождя? Кажется, такую молитву составил в свое время В. К. Саблер и даже показывал ее Победоносцеву, причем будто бы последний сказал: многих эта молитва очистит, но вас с Шемякиным никакой святой водой не отмоешь. Легко освятить колодезь после одной мыши, но если их навалятся тысячи?

Вообще, поживем, увидим. Чего доброго, найдется и такое превосходительство, которое гордо скажет: „Я не крало“. Будем сажать его сейчас же под святые. Но я думаю, гораздо больше будет таких, которые с горестью выкликнут: „Мне не пришлось украсть“. А уж такого, которое могло бы сказать: „Я не крало и не давало красть“, – наверно, во всем Петербурге не окажется”.

“Маленькое письмо” вызвало в Петербурге истинную панику. Диктатор не гнал никого. Он требовал только, чтобы обвиненный оправдался документально. И, однако, началось массовое бегство за границу высшего правительственного персонала. Подавали в отставку и ликвидировали свои дела директора департаментов, члены

разных советов, управляющие отдельными частями, многие сенаторы. В либеральной печати наперерыв старались разоблачить сановников консервативного образа мыслей, печать патриотическая спешила вывести к позорному столбу высокопоставленных кадетов и конституционалистов, которые, как оказывалось, были все сторонниками графа Витте, обучались в его школе и видели в конституции и парламентаризме лишь новое расширенное поле для хищений. Большинству и думать было нечего ни оправдываться, ни требовать над собой формального суда. Никогда еще “Правительственный Вестник” не пестрил таким множеством отставок и новых назначений, никогда движение по административной лестнице не шло так быстро...

Но зло сидело так глубоко и чистка правящего персонала столицы требовала такой массы “жертв” и такой колоссальной перетасовки, что генерал-адъютант Иванов не без тревоги смотрел на будущее. Атмосфера недовольства сгущалась, враждебные ему силы спланировались. Диктатор ждал бури и к ней готовился.

XXXIX

Иванов избегал корреспондентов. Не потому, чтобы он не любил гласности или стеснялся высказываться, а потому, что русская печать и ее “сотрудники”, за ним бегавшие и добивавшиеся интервью, были чересчур омерзительны. Немногим лучше были и господа иностранные корреспонденты, которых по объявлении диктатуры набежало видимо-невидимо, едва ли не больше, чем даже на “конституцию”. Немецкие газеты понаслали евреев, которых Иванов не переносил, французы были феноменально невежественны и ловили самые нелепые сплетни; оставались сравнительно приличные англичане.

Одного из них, очень серьезного корреспондента “Daily Telegraph”, принял Иванов. По русским внутренним делам этот джентльмен был, как оказалось, осведомлен не хуже самого диктатора и даже знал кое-что, Иванову

неизвестное. Поэтому разговор сразу перешел на международные отношения.

Диктатор сказал:

– Должен вас предупредить, что внешняя политика до меня ни малейшим образом не касается. Это, по нашей государственной традиции, область личной работы Государя Императора, который направляет непосредственно министра иностранных дел. Мое мнение может иметь цену только личного моего мнения и притом в качестве совершенно частного человека.

– Но дела международные связаны так тесно с внутренним состоянием России, что ваше влияние всегда будет огромно, даже если бы вы этого и не хотели. Наконец, вы занимаете настолько исключительный и важный пост, что ваше мнение по тому или иному вопросу имеет и само по себе огромный интерес.

– Я к вашим услугам – спрашивайте.

Англичанин вынул записную книжку и поставил Иванову следующий категорический вопрос: “Какого он мнения о возможности и необходимости англо-русского политического союза?”.

– На категорический вопрос я дам и категорический ответ. Я считаю такой союз совершенно возможным и безусловно необходимым.

– Как вам представляется его цель?

– Защита интересов белой расы и христианства против желтого востока и мусульманского мира. У России и Англии не противоположные, а совершенно тождественные задачи. И той и другой величайшие опасности грозят со стороны желтых. Япония может совершенно выбить Англию с рынков Дальнего Востока и составляет серьезную угрозу Индии и остальным колониям Тихого и Индийского океанов, совершенно так же, как она угрожает России со стороны Сибири и Амура. Затем, и у России, и у Англии миллионы мусульман подданных, вернее, мусульманский мир поделен фактически между этими державами. Всякое между ними соперничество в Азии ли, или на Ближнем

Востоке является огромной опасностью и может вдохновлять мусульманский мир на несбыточные замыслы. Наоборот, союз Англии и России заключает мусульманский Восток в железные рамки. Совершенно то же и относительно желтых. Наш союз охранит вам восточные рынки, нам политическое спокойствие.

– Чрезвычайно рад это слышать. Теперь позволю себе предложить вам следующий вопрос, непосредственно вытекающий из первого. В чем вы видите препятствия к осуществлению англо-русского союза?

– Во взаимном непонимании своих истинных интересов и в недоверии, основывающемся на столетних предрассудках.

Почему Англия не доверяет России? Почему вся ее политика состояла прежде всего в борьбе с Россией повсюду, где только России приходилось выступать со своими мировыми задачами? Потому, что Англия подозревала нас в захватнической политике, воображала, что мы стремимся к бесконечному расширению в Азии и даже захвату Индии. Между тем это совершенный вздор. Ни одно из наших завоеваний в Средней Азии, ни одно расширение границы не носило добровольного характера, а происходило вопреки нашей воле, исключительно по необходимости обеспечить свои владения. Об Индии никто у нас никогда не помышлял, и только душевно больной Павел, да и то в припадке гнева, мог затеять туда экспедицию. Что стали бы мы делать с сотнями миллионов инородцев, буддистов и мусульман? Неужели у нас мало своих? Неужели мы настолько глупы, что не понимаем опасности разжижения господствующего государственного племени? Для самого объемистого национального желудка есть предел переполнения, за которым всякий дальнейший глоток смертельно опасен. Но Англия не хотела этого понимать и вела свою политику к ослаблению и подрыву России, вредя ей где могла, без малейшей пользы для себя. Наше недоверие и нелюбовь к Англии были только результатом этой политики. И я должен сознаться, что это недоверие, воспитываясь десятилетиями, укрепилось чрезвычайно. Союз с Англией у нас совершенно непопулярен.

Корреспондент заметил:

– Здесь также играла роль Германия. Она всегда старалась сеять между нами раздор. А немецкие влияния у вас очень сильны, особенно в придворных сферах.

– С этим я спорить не буду, хотя с Александра III влияние Германии заметно уменьшилось, а о дружбе с ней нет и речи. Довольно того, что оказался возможным союз с Францией.

– И тем не менее в этом вопросе вы, несомненно, испытываете сильнейшее нравственное давление Германии.

– Поверьте, – отвечал диктатор, – что оно не помешало бы очень тесному сближению России и Англии, если бы Англия серьезно захотела рассеять наше против нее предубеждение, показать нам, что она нам не враг; хотя бы только это! Ведь не воспользовались же мы вашими затруднениями в Бурскую войну? А ведь тогда можно было налезать вам серьезных бед! Зачем же вы идете всегда против нас?

– Скажите, в чем заключаются ваши от нас требования?

– Вы поймете их сами, когда захотите стать на ту точку зрения, что и мы, и вы, то есть и славяне, и англосаксы, как два главных христианских народа, должны стоять во главе белой расы и европейской цивилизации и идти в тесном союзе. Тогда для Англии выгодна не ослабленная и расстроенная Россия, а Россия могучая и сильная. Выгодно окончательное решение славянского вопроса, то есть политическое объединение всех славян в мировое государство, самое сильное на суше. Выгодно окончание восточного вопроса и получение нами проливов. Выгодно, наконец, ослабление и изолирование Германии, врага славянства и рассадника новейшего милитаризма и политического хищничества. Всему этому вы в ваших интересах обязаны помогать, и взамен этого мы будем считать в своих интересах всякое благо и выгоду Англии. Нам будет выгодно, чтобы Англия была владычицей морей, чтобы ее колонии сплотились в тесную мировую группу, такую же великую и сильную, как наша. Мы гарантируем вам и обладание Индией, и твердое положение на рынках. Наша необъятная сухопутная сила станет в ваше

распоряжение взамен вашего флота, который встанет на защиту наших интересов. Раздел мирового владычества между англосаксами и славянами будет полный, и на нашей планете водворится, наконец, желанный мир и порядок, ибо против этих двух сил не найдется никакой третьей.

– О, сэр! – воскликнул корреспондент. – Ни от одного русского я не слышал никогда ничего подобного.

– Очень жаль! Но я думаю, что и ни одному англичанину не приходило в голову поставить вопрос на эту почву, иначе он горько осудил бы всю вашу политику. Чего добились вы, допустив позор России на Берлинском конгрессе и отдалив решение славянского вопроса! Что выиграли британские интересы от того, что Турцию оседлала Германия и теперь за вашей спиной пробирается к Персидскому заливу? Что принесет вам союз с Японией? Разве то, что дружескими руками вас вытолкнут из Китая, а может быть, и из Австралии?

– Позвольте уверить вас, что эти ваши мысли будут с восторгом приняты в нашей стране.

– Только прошу вас оттенить категорически, что это мои мысли как частного лица и никакого отношения к направлению нашей официальной политики не имеют.

XL

Буря, которую предвидел и ожидал диктатор, наконец разразилась. После первых же серьезных разоблачений и вызванных ими увольнений вокруг генерал-адъютанта Иванова стала складываться многочисленная коалиция сановников, прикосновенных если не непосредственно к хищениям, то к попустительству или явному укрывательству. Были подняты на ноги все сферы, пущены в дело все связи. Высокопоставленные хищники знали хорошо, что за известную черту разоблачения перейти не могут и известные имена в печать не попадут. На невозможности твердо удержать эту черту и была рассчитана вся компания. Иванова и его недавно

призванных министров обвиняли в создании новой революции взамен только что законченной, революции сверху, гораздо более крутой и опасной в России, чем какая угодно революция снизу.

После одного бурного заседания Совета министров под председательством Иванова Столыпин, проводив остальных коллег, обратился к диктатору:

– Уделите мне полчаса. Есть важные сообщения.

Диктатор молча наклонил голову, и они прошли в кабинет.

– Я знаю, что у вас за сообщения. Я жду их уже три дня. Вы, мой многоуважаемый Петр Аркадьевич, по-видимому, выражаете желание стать на ту сторону. Предупреждаю вас: я не уступлю и не отступлю. Мы с вами условились, что хищникам пощады не будет. Теперь вы колеблетесь?

– Да, я колеблюсь. Вы в стороне и до вас доходят только отголоски того горя, тех страданий, в центре которых мне приходится стоять. То, что у нас в эти дни творится, и то, что вы считаете чисткой России, это какая-то ужасная вакханалия, какое-то Иродово избиение младенцев, а вовсе не чистка! Меня осаждают со всех сторон, умоляя унять разоблачения этой подлой, тысячу раз подлой и грязной печати, которую вы спустили с цепи. Довольно вам, что вчера передо мной стала на колена старуха фрейлина? Она просила спасти ее родственника, невинного человека, которого ваш Павлов гнал с семьей буквально на улицу.

– Это барон Аугсбург, что ли?

– Да, да. Ведь в самом же деле тут страшная драма!

– Тут две драмы, Петр Аркадьевич. Одна драма личная – это вот этот ваш барон, который, бедняга, даже и сейчас понять не в состоянии, откуда на него свалилась беда и за что его гонят. Ведь он всю жизнь смотрел на государство как на свою баронскую усадьбу, и все кругом так смотрели. Но другая драма – государственная и эта будет поглубже. Из-за того, что у этого барона красивые дочери (и все замужем за сановниками!) и тетка фрейлина, должна гибнуть Россия! А Россия гибнет именно от этих Аугсбургов. Ведь вы посмотрите, где этот барон сидел и какая государственная

сила через него проходила. И что же он собой изображал в механизме управления? Вся его работа была сплошным преступлением, остановкой, закупоркой важнейшей артерии. И это делалось в личных видах, в интересах всяких родственников и свойственников. Соколов не дает ему пенсии, Павлов гонит. Что же делать? Или по – старому назначать в Сенат или Государственный совет. После того, что говорилось в печати? Слуга покорный! Ведь благодаря этому и так эти высшие учреждения стали местом ссылки.

Столыпин живо возразил:

– Я не оправдываю барона. Но ведь эти Аугсбурги и Полетаевы – все наше правительство. Ведь этих людей тысячи! Вчера все это было властное, неприкосновенное, сегодня вы совершенно неожиданно объявили им войну. Вы гоните их без всякой пощады. С ними лишается хлеба целая армия их родственников, их близких и друзей, это все связано в одну сеть, в одну ткань, которую вы так грубо рвете. Ведь это же живые люди, наконец! И все они, разумеется, цепляются за верха, у всех связи при Дворе... Вы этим возбуждаете против себя всех...

– Я это знаю, но что же делать, Петр Аркадьевич? Дезинфекция должна быть сделана. Ведь вы же понимаете, что с этим персоналом ни о каком обновлении России, ни о каких реформах и думать нечего?

– Да, но не мучьте же, не губите людей. Их надо снять с их постов, но осторожно, жалостливо. Ведь то, что у нас делается в эти дни, ей-Богу, напоминает очень скверные страницы Французской революции.

– Жалостливо? То есть, с пенсиями, арендами, милостивыми рескриптами? Да у России на это средств не хватит! И потом – драть с разоренного мужика, чтобы кормить отставного хищника? Где же справедливость?

– А где справедливость с одного человека взыскивать все грехи нескольких поколений? Затем спуститесь, генерал, на практическую почву и подсчитайте ваши силы. Вы подняли такие стоны, такой плач, такие жалобы и мольбы, что Государь может поколебаться. Ведь на Него идет теперь осада – все поднято, все брошено на борьбу с вами. Ведь вы

же знаете, какие там связи? И связи не вчерашние. Устоите ли вы перед целой коалицией?

Диктатор прямо и пристально взглянул в лицо Столыпину.

– Я лично устою, даже если вы будете у нее во главе, Петр Аркадьевич. Я верю в непоколебимое ко мне доверие Государя и Его прямое, честное сердце. Доказательство налицо. Это ваша записка?

Диктатор подал Столыпину объемистую тетрадь, на первой странице коей рукой Государя было написано: “Прошу М. А. внимательно разобрать и дать объяснение”.

Столыпин вспыхнул. Диктатор продолжал:

– Написано мастерски. Кто это вам составлял? Сигма? Гурьев? Но знаете, было бы гораздо корректнее с вашей стороны подать это Государю через меня. Неужели вы думаете, что я бы эту вещь решился скрыть от Его Величества? Но разница в том, что если бы ее принес я, то принес бы как свободное мнение моего сотрудника, с которым я очень и очень должен считаться. А когда вы подали эту записку непосредственно за моей спиной, то она получает значение совсем другое. Вы выступаете на борьбу со мной и желаете поставить Государя перед альтернативой: или вы или я? У нас, у военных, это называется интригой, ваше высокопревосходительство.

– Михаил Андреевич, я не интриган, но всему есть границы. Я давно уже ждал случая побеседовать с вами откровенно. Я был призван к власти раньше вас и явился с определенной программой. Мой способ обновления России был проще и медленнее вашего, но, я думаю, вернее. Его Величеству было угодно одобрить вашу программу и вас поставить у руля. Я преклонился и честно стал на вторую роль в качестве вашего сотрудника. Но теперь для меня ясно, что вы ведете Россию к катастрофе. Вы разрушаете самый центр управления и создаете полный хаос. Все, чего я достиг с огромными усилиями, за что так жестоко пострадала моя семья, и чуть я сам не пожертвовал жизнью, пущено вами насмарку. Я стал исполнителем программы, которую одобрить не могу, а теперь, вдобавок, являюсь козлом отпущения в этой жестокой игре, которую вы называете

“чисткой России”. Нет, я не интриган, ваше превосходительство, я только высказал Монарху мои мысли... А затем пусть судит Он сам.

– Петр Аркадьевич! Я это чувствовал давно. Я знал, что здесь, на этой чистке, мы разойдемся. Вы принадлежите к старой аристократии и всеми корнями росли в здешнюю почву. Я маленький дворянин, почти плебей. Дворянство купил своей кровью мой дед под Бородином. Мои корни все там, в России, с Петербургом я ничем не связан, и мне жаль живую Россию, а не здешнюю публику. Вы являетесь, может быть невольно, отголоском старого, умирающего Петербургского режима. Ну что же, спорить, так спорить! Пусть Государь решает, работать нам вместе невозможно. Но прежде, чем я этот вопрос поставлю перед Государем, я попрошу вас дать мне еще одно маленькое объяснение более интимного свойства. Вы читали эту заметку?

Диктатор протянул Столыпину отчеркнутое место в “Новом Времени”. Министр несколько смутился, но твердо ответил:

– Я ничего не знаю.

– Странно. Ваш брат открыто сотрудничает у Суворина. И вот полюбуйтесь на эту случайность. На другой день после того, как Государь высказал мне, какое хорошее впечатление произвел на него Крутогорский губернатор, в “Новом Времени” брат министра внутренних дел делает против Тумарова очень скверный выпад.

– Повторяю вам, я ничего не знаю.

– Ну хорошо, на этом и закончим. Теперь я попрошу вас подождать минутку, пока Государю будет угодно сказать свое слово.

Иванов взял телефон, дал звонок и попросил доложить о себе Государю. Через минуту томительного молчания задребезжал ответный сигнал. Иванов твердым и ясным голосом сказал:

– Ваше Величество! Разрешите доложить, что мы только что объяснились с Петром Аркадьевичем по поводу его записки. Наши воззрения совершенно расходятся и совместная работа невозможна. Считаю долгом совести просить Ваше

Величество решить, чья работа представляется более соответствующей Вашим видам и пользам России? Петр Аркадьевич убежден, что я приведу Россию к новой катастрофе. Кроме того, я так измучен, так устал и надломил здоровье, что с радостью сдам власть и могу рекомендовать именно Петра Аркадьевича на мое место.

Еще минуту длилось молчание. Иванов с трубкой, плотно приложенной к уху, смотрел прямо на Столыпина, министр нервно перебирал пальцами.

– Ваше Величество, – раздался почтительно, но настойчиво голос Иванова. – Уверяю Вас, это невозможно. Мы лично и не думали ни ссориться, ни расходиться. Расходятся наши воззрения, наши программы. Петр Аркадьевич, по совести и убеждению, обязан мне противодействовать. С другой стороны, и я не могу рассчитывать на ту работу, которой он в душе не сочувствует. Ваше Величество слишком милостивы и, конечно, Вашему сердцу больно, но решить необходимо теперь же! Ваше Величество, мы ждем!..

Опять наступило молчание.

Иванов сидел неподвижный, как изваяние. Момент был решительный, но диктатор был спокоен и готов ко всему. Перед ним в тумане мелькали его любимый полк, его Новгородская деревня, где он ценил каждый час отдыха в общении с природой. Наконец в телефоне послышалось своеобразное журчанье перебегающих слов. Столыпин взрогнул.

– Слушаю-с, Ваше Величество, – ответил Иванов.

Диктатор встал и подал Столыпину трубку телефона.

– Угодно вам выслушать решение Его Величества?

Через две минуты Столыпин грустно выходил из кабинета.

Проводив его, диктатор сказал дежурному адъютанту:

– Телеграфируйте в Крутогорск Тумарову, чтобы явился немедленно.

Кабинет диктатора

XLI. Губернатор “со статьей”

Получив от генерал-адъютанта Иванова 16-го служебную депешу, вызывавшую его в Петербург, Крутогорский губернатор Павел Николаевич Тумаров показал ее жене и дал знать по телефону на вокзал, чтобы ему оставили купе в скором поезде, проходившем через Крутогорск на Москву всего через два часа.

Сборы Тумарова были недолги, была готова во всякую минуту к любой поездке и его жена, преданная своему мужу и своему долгу как образцовая русская женщина. Так как энергичный губернатор ждал ежеминутно бомбы или пули, то Мария Николаевна не отпускала его одного никуда и была как бы его ангелом-хранителем.

– Ну, разумеется, тебя, Павлик, вызывают для назначения, – сказала Мария Николаевна, когда они уселись в вагон, распрощались с группой провожавших и поезд тронулся, – но что он тебе предложит?

– Ничего не знаю. Мы с ним виделись всего один раз у Лауннца, правда, поговорили по душам, но ведь он меня совсем не знает. А в Петербурге кроме врагов никого... Да не все ли, Маруся, равно? Чем выше положение, тем более опасностей, а для тебя тревог. Давай лучше укладываться, я страшно измучен за эти дни.

Пока поезд спешил к Москве, можно в нескольких словах сделать характеристику Тумарова, которому судьба предназначила крупную историческую роль.

Революция выдвинула его из скромных рядов русского судебного сословия и сделала известным под кличкой “губернатор со статьей”.

Тумаров говорил:

– Среди наших губернаторов есть отличные работники. Одно жаль: законов не знают. В нашем своде законов есть такие статьи, о существовании которых люди даже и не

подозревают. Сделает человек что-нибудь, даже умное и хорошее, но без статьи, – глядь и нарвался! А со статьей милое дело: без ошибки – ни возражений, ни жалоб!

Так и пошло: “губернатор со статьей”. В Крутогорске эта “статья” создала ему огромную популярность и перепортила немало крови местной красной братии.

Назначенный Столыпиным совершенно случайно из прокуроров в губернаторы, Тумаров явился в Крутогорск в самый разгар “освободительного движения”. Первое, что он застал, – это огромное количество всяких революционных организаций, легализованных по новому закону как профессиональные союзы.

Собирает Тумаров свое губернское особое по обществам и союзам присутствие и заявляет:

– Тут у вас, господа, открыто множество профессиональных союзов и все незаконно. Нарушена статья такая-то, запрещающая участие посторонних лиц. Союз портных – члены адвокаты и акушерки. Союз фельдшериц – члены учителя гимназии и т. д. Я все их закрываю, но мне любопытно знать, кто о них был докладчиком?

Поднимается фабричный инспектор и заявляет, что докладывал он и что зарегистрированы союзы правильно.

Видит Тумаров, что докладчик “левее кадет”, делает перерыв и отзывает фабричного инспектора в сторону:

– Скажите, мой дорогой, вам известна статья такая-то, объясняющая, что бывает чиновнику за фальшивую справку? Известна? Так вот: за это чиновник увольняется со службы. Но я не хочу портить вашей карьеры и рекомендую вам самому подать в отставку. Срок – два часа.

С первого же дня Тумарову пришлось повести в Крутогорске отчаянную борьбу с местной революционной печатью. Временные правила 24 ноября 1905 года были составлены словно нарочно для того, чтобы администрация не могла захватить выпущенный номер газеты. Тумаров распорядился отпечатать бланки приказов о конфискации, где оставалось только проставить номер “Крутогорского Голоса” и статью закона. Затем полиция дежурила у

типографии и как только издание начинали накладывать на подводу, номер мчали к губернатору. Тот вставал, бегло проглядывал и говорил по телефону, какой пункт нужно проставить в приказ об аресте, затем ложился снова спать.

Когда, таким образом, за месяц было конфисковано что-то около 20 номеров, газета сама собой прекратилась.

Но издатель, местный кадет из купцов, Пузатов, не сдавался. Он объявил губернатору войну и представил на регистрацию несколько новых газет с разными редакторами. Проходят установленные семь дней – свидетельство не выдается.

Пузатов к губернатору.

– Ничего не знаю, никаких прошений не поступало.

– Как так?

Наводят справки, и оказывается, что подпись Пузатова на прошении нотариального засвидетельствования не имеет, что прямо требуется статьей такой-то.

– Вздумали воевать со мной, а законов не читаете! Дети вы!

Наконец, все формальности соблюдены, и для отказа предлога нет. Но и вечные конфискации надоели. Зовет Тумаров двух частных типографщиков, так как, конечно, ни губернская, ни земская типографии революционной газет не будут печатать.

– Я должен вас, господа, предупредить. Разрешены газеты такая-то и такая-то. Печатать собираются у вас. По статьям таким-то мне предоставлено право закрывать типографии. Поэтому прошу вас быть особенно осторожными. Газеты будут революционные, и я церемониться не буду...

– Ваше превосходительство, да мы лучше их печатать не будем.

– Что вы, что вы! Наоборот, пожалуйста печатайте. Я только вас предупреждаю.

После этого разговора новые газеты не нашли ни одного охотника рисковать своим заведением, и главное орудие революции было вырвано.

Последним подвигом, прославившим Тумарова на всю Россию, было штрафование на 500 рублей местного присяжного поверенного Брехунцова за речь, произнесенную им в Крутогорском окружном суде.

Полетели телеграммы, была двинута в поход вся революционная сила. Столыпин смалодушествовал и не только не поддержал Тумарова, но отдал распоряжение уже зачисленный в средства казны штраф возвратить Брехунцову.

Но Тумаров себя побежденным не признал.

– Высшая политика – дело начальства. Приказано возвратить – ничего против этого не имею. Я поступал, строго держась статьи такой-то. Я оштрафовал за революционную агитацию, и мне решительно все равно, где эта агитация идет. Говорят, что окружной суд – территория председателя суда, а он не нашел нужным остановить оратора. Это его дело. Но я этой экстерриториальности не признаю, в законе этого исключения не показано, поэтому я революционные речи буду останавливать везде – и в суде, и в театре, и, если нужно, даже в церкви.

В самое короткое время Крутогорск из ярого революционного гнезда обратился в совершенно спокойный и по-старому консервативный город. Наиболее опасные элементы были высланы, земство очищено, полиция подтянута, благоразумные и спокойные люди, до сих пор запуганные и прятавшиеся, оправились и подняли головы.

Неожиданное для всех назначение Иванова 16-го диктатором открывало для Тумарова, как для крупного человека, обладающего железной волей и мужественной решимостью, – широкую дорогу. Он инстинктивно сознавал, что перелом совершился и наступило время действовать, приглядывался и ждал. Он знал, что Иванов ищет людей себе по мысли и отчетливо помнил и его умные, быстрые, пронизательные глаза, и свой короткий и единственный, но очень содержательный и важный разговор с Ивановым после обеда у петербургского градоначальника, когда Тумарову и в голову не приходило, какую

головокружительную карьеру готовит судьба его собеседнику, скромному армейскому полковнику.

“Он меня понял” – думал Тумаров.

Поезд остановился у Казанского вокзала. На платформе к Тумарову подошел агент Охранного отделения с телефонным сообщением от градоначальника Рейнбота:

– Генерал-адъютант Иванов просят крутогорского губернатора остаться в Москве и пожаловать к ним завтра в Кремль. Час приема будет назначен.

Тумаров подумал:

“Вот молодец, начинает с Москвы”.

Он посадил жену в экипаж и отправился провести неожиданный день отдыха у родственницы.

XLII Привет Москве

Новое правительство формировалось туго. Иванов не спешил с назначениями, выбирая людей безусловно подходящих, а таковых меньше всего можно было найти между множеством петербургских тайных советников, жаждущих министерских портфелей и готовых в любую минуту принять любой.

Два самых нужных человека были найдены. Соколов работал днями и ночами, подготавливая необходимые финансовые реформы и сдав почти полностью все текущие дела товарищам. Павлов со всей энергией взялся за аграрный вопрос, бесконечно запутанный законом 9 ноября и противоположными крайностями правительственной политики. Оставалось заместить ушедшего Столыпина и приискать подходящих работников на посты государственного контролера и министра народного просвещения. Из остальных ведомств озабочивали Иванова только Синод, куда Иванов уже решил пригласить в обер-прокуроры известного деятеля по возрождению прихода А. А. Папкова, да Морское министерство, изображавшее истинные авгиевы конюшни... без лошадей. Здесь диктатор не хотел торопиться, поджидая, пока Соколов окончательно

установит свой финансовый план. До этого нельзя было определить, с какими средствами начнется возрождение русского флота, а следовательно, и выработать надлежащую программу.

Отчасти по той же причине, но главным образом высоко ценя работоспособность и добросовестность генерала Редигера, Иванов не беспокоился и за военное ведомство. Что же касается последнего остававшегося Министерства путей сообщения, здесь диктатор не считал себя достаточно компетентным ввиду узкой специальности дела и решил приняться за необходимые реформы только после того, как переустроенный Государственный контроль с новым деятелем во главе осветит надлежащим образом дефекты казенного строительства, казенного надзора за частными дорогами и казенного хозяйства на линиях государственных.

Вскоре после роспуска Думы Иванов доложил Государю о необходимости лично побывать в Москве и получил Высочайшее согласие. Отпуская Своего уполномоченного, Государь поручил ему передать “низкий поклон и Царский привет матушке Москве”.

Был заказан экстренный поезд, и Иванов выехал, захватив с собой только двух адъютантов. О поездке никто не имел понятия, и первопрестольная столица узнала только из газет, что диктатор уже прибыл и остановился в Большом Кремлевском дворце.

К полудню следующего дня вереница экипажей направилась через все кремлевские ворота на прием. Чиновная, сановная и коммерческая Москва торопилась облечься в мундиры и ленты, чтобы взглянуть на легендарного диктатора, имя коего вот уже месяц было у всех на устах, а железная рука чувствовалась в воздухе.

Ровно в половине первого генерал-адъютант Иванов вышел к ожидавшей его огромной толпе, наполнявшей Андреевскую залу широким полукругом, остановился, окинул беглым взглядом собравшихся и произнес следующее:

– Господа!

Облеченный Высочайшим доверием Его Величества и призванный Государем привести в порядок нашу дорогую Родину, только что пережившую все ужасы бессмысленнейшей смуты, я счел своей обязанностью при первой же возможности явиться сюда, в первопрестольную Москву, чтобы поклониться святыням Московским и почерпнуть сил и вдохновения в ее славных исторических стенах, полных великих подвигов и народных преданий. Я привез матушке Москве поклон и Царственный привет Государя Императора (Иванов сделал глубокий поклон). Я был свидетелем той бесконечной доброты, того душевного умиления, с которыми Государь вспоминал о Москве и Своем в ней пребывании. И как бы хотелось верить, что Москва достойна этой доброты и этой высокой любви, как бы хотелось забыть, что этот священный для России и великий город так опозорил себя в годину смуты. Я не о восстании московском говорю, не о революции здешней, которую можно было бы назвать только глупой и детской, не будь она так подла и грязна... Я говорю о всеобщем ей попустительстве, о всеобщей рассеянности и трусости, благодаря которым немногого не хватало, чтобы древняя наша столица стала достоянием анархии, а ее святыни и памятники обратились в развалины, как драгоценнейшие здания Парижа в безумные дни Коммуны.

Вот где позор Москвы, а не в безумствах недоучившейся и невежественной молодежи, попавшей в сети еврейских революционных вожаков, доморощенных и заграничных. Не с этой молодежи, развращенной убийственной школой, почти не выдавшей доброй семьи и воспитания, нужно спрашивать, а с тех, кто вырастил эту молодежь, как молодых животных, кто сам лишь лицемерно говорит о Боге, о Родине, а не носит их живыми в сердце своем и потому не может и передать своим детям. Спрашивать с тех нужно, кто в тяжелую для России минуту вместо грозного слова обличения, вместо мужественного отпора разбушевавшимся недорослям, мирволил смуте и льстил гнусностям освободительного движения. А были и такие, что прямо науськивали молодежь и на этом строили целые планы. Этому предательству, этой измене нет названия.

С величайшей тоской приходилось наблюдать постепенное падение Москвы как национального русского центра, как средоточия ума и народной совести.

Нет ничего удивительного, что в Петербурге свили себе прочное гнездо все нерусские элементы и антигосударственные идеи, что и отразилось так ярко на выборах в обе государственные думы. Но если Петербургу совершенно естественно быть революционным и кадетским городом, то можно ли было себе представить, чтобы Москва, видевшая в своих стенах все революционное безобразие и едва не попавшая в руки смутьянов, побежала снова за “освободителями”?

Плоха же историческая память москвичей! Позабыли нынешние поколения, что здесь собирались Земские Соборы, здесь установилось единение Самодержавного Царя с русской землей в лице ее земщины. Москва стала центром западного конституционализма, Москва отрешилась от своих славных преданий и поклонилась чужим богам.

В Москве зародилась чуждая русскому духу и русскому народу западная буржуазия, жаждущая политической власти, мечтающая о господствующей роли в России. Но где право этой буржуазии на господство? В чем ее национальные политические или культурные заслуги? Что дала она, какую новую идею выдвинула? До сих пор ее государственные подвиги не выходили за пределы промышленного кулачества, спорта, сорения деньгами да грандиозного разврата...

В голосе диктатора звучало раздражение, и он едва сдерживал охватившее его волнение. В зале царила мертвая тишина. Ничего подобного не говорилось никогда на официальных приемах.

Иванов остановился, перевел дух и закончил свою речь в тоне более мягком.

– Не конституционные домогательства, не парламентские гнусности, не отвратительная рознь и партийная ненависть должны исходить из Москвы, господа, а светлая, яркая и здоровая русская историческая мысль, великий труд и

великий пример всей стране. И к этому труду в полном единении с вашим Царем и Его правительством я призываю вас. Из Москвы должно пойти обновление нашей Родины, но прежде должна возродиться сама Москва. Позвольте же пожелать, чтобы это возрождение началось скорее, и снова, как встарь, поставило Москву духовным центром и водительницей русского народа..

Диктатор умолк. Мертвое молчание царило еще несколько секунд в зале, где словно застыла пестрая и яркая толпа в полторы тысячи человек. Затем все стали расходиться, сконфуженные и угнетенные смелой речью, и только при выходе начались разговоры и обмен впечатлениями. Мнения разделились, и лишь немногие решались громко одобрить речь диктатора. Большинство глухо ворчало, а кое-кто находил даже упреки Иванова неуместными.

Но ничего этого диктатор уже не слышал. Удалившись к себе, он дрожащей от волнения рукой налил стакан воды, залпом его выпил и дал распоряжение адъютанту:

– Сегодня я приму только Тумарова.

– Ваше превосходительство! Получена депеша от Порубина. Он сегодня должен быть в Москве.

– А, очень рад! Вот это отлично. Телефонуйте, что я его жду и приму во всякое время.

– Может быть, вам угодно принять Тумарова сейчас? Он был на приеме и ждет.

Через минуту Павел Николаевич Тумаров входил в кабинет диктатора.

XLIII. Новый министр внутренних дел

Иванов сердечно пожал руку Тумарова, заглянул в его глаза, имевшие удивительное свойство смеяться при самом строгом выражении лица, и сам рассмеялся.

– Ну-с, мой дорогой губернатор “со статьей”, рад вас видеть. Садитесь. Известно вам, зачем я вас вызвал?

– Воля начальства. Впрочем, у меня в Крутогорске все в исправности.

– Ну разумеется! Нет, я вас не из-за Крутогорска вызвал. Я думаю, мы с вами поработаем в более широких сферах. Что вы думаете о моей идее областного устройства России?

– Ваше превосходительство, конечно, разрешите полную откровенность?

– Если вы станете меня обманывать, я же это разберу.

– Тогда позвольте заметить, что я считаю эту идею преждевременной.

– Вот как! А принципиально вы с ней согласны?

– Я этот вопрос недостаточно изучил. Вам виднее.

– Почему вы считаете области преждевременными?

– Мало того, опасными. Это слишком большая ломка, которую при теперешнем хаосе предпринимать очень рискованно. И кроме того, насколько мне известны ваши цели, они достижимы вполне и без этой ломки.

– А мои цели вам ясны?

– Думаю, что не ошибаюсь, по крайней мере в общих чертах. Вы распустили вторую Думу и третьей собирать не хотите, так как, разумеется, это ерунда. Но и бюрократии вы объявили войну. Насколько я понимаю, вы хотите обосновать все центральное управление на ряде земских советов, коллегий или как вам угодно будет их назвать. Все это было изложено в газетах довольно подробно.

– Эту-то мысль по крайней мере вы считаете правильной?

– Несомненно. В настоящую минуту все толковое и работоспособное в России, если искать, конечно, независимых людей, сосредоточено в земских собраниях, губернских и уездных... Берите прямо оттуда.

– Слишком много народу придется вызвать. Мне нужны земские выборные: в Государственный Совет – раз, в Народнохозяйственный – два, в оба Сената – административный и контрольный – три, четыре, в Государственный Банк – пять, в Земледельческий совет – шесть, в Железнодорожный – семь, в Школьный – восемь, в

Интендантский – девять, понадобятся, вероятно, и еще. Неужели губернские земское собрание может такое количество народу выставить? Ну и соберется кое-кто, когда нужны истинные работники и тонкие специалисты. И затем каков будет состав этих советов? Земских губерний 36, но нельзя же исключать окраин, например, Западный Край, Польшу. Нет основания также не приглашать сибиряков, кавказцев. Затем приглашать по одному от губернии нельзя. Чтобы известная общественная единица, например уезд, губерния, область, город могла действительно высказаться, необходима по крайней мере группа из трех человек, ее выборных, которые могли бы между собой посоветоваться. Областей у меня предположено 18. Каждая область более или менее однородна. В каждой области можно найти трех старых опытных земских деятелей в Государственный Совет. Вот вам 54 человека испытанных работников. С остальными членами состав Совета можно довести до 70–80 человек, – и это будет коллегия вполне работоспособная. От 60 же губерний я должен взять 180 человек, то есть довести состав Совета до 210–220 человек. Это уже говорильня, пойдут партии и т. д. Чем меньше число членов, тем лучше работает всякая коллегия, это старая истина.

– Я с этим, ваше превосходительство, спорить не буду. Но разве же вы не имеете средств то же самое сделать иначе? Губернские земства выберут каждое по три человека, а те уже от себя выделяют тот состав, который вам необходим. Ведь земцы отлично знают друг друга.

– И пусть они это сделают на месте, а не в Петербурге. Согласитесь, что в области, составленной из однородных губерний, выборы будут гораздо лучше и сознательнее, чем в общей куче. Мне это совершенно ясно. Да что вы, наконец, имеете против областей? Ну назовем их генерал-губернаторствами, если область для вас “жупел”.

– Нет, не жупел, а...

– Ну что же, в чем же дело? Говорите откровенно, не стесняясь.

Тумаров покачал головой, поморщился, как бы избегая неприятного ответа и, наконец, сказал:

– Я лгать не умею. Не в областях тут дело, ваше превосходительство, а в том, что с 904 года Россию задержали. Дайте отдохнуть, дайте перевести дух. Дергал Святополк, все вверх ногами перевернул Сергей Юльевич, задержал и раздержал Столыпин. С вашим назначением прошел хороший электрический ток, все ожило, повеселело. Дайте же передохнуть, не задерживайте вы.

– Милый вы человек! Но ведь обновлять-то строй нужно? Ведь мы сидим между двух стульев. Ко мне со всех сторон пристают в Петербурге: собирайте Думу. Столыпин перед уходом хвалился, что он с Крыжановским такой новый избирательный закон выработает, что Дума будет мягче шелку. Я его спрашиваю, а как вы его проведете, когда ваша премудрая конституция на это никакого права не дает? Он говорит: ничего, один раз можно и самодержавно поступить. Так неужели же вы за Думу?

– За кого вы, ваше превосходительство, меня принимаете?

– Хорошо. Дума – чепуха. Что же, оставаться при старом бюрократическом режиме?

– Да ведь вы же изволите предлагать ряд советов из земских людей? Чего же лучше? И устраивайте.

– Так о чем же мы с вами спорим?

– А вот о чем. Вам представляется широкая реформа: областное деление, блестящий манифест, упразднение губерний. А я говорю: дайте отдохнуть от реформ. Не пишите манифестов, удержите существующие губернии, не делайте перетасовок, а проводите вашу мысль будничным, деловым способом. Если хотите, я даже и против областей ничего не имею, но пусть они вырастут сами, а не свалятся в готовом виде. Ну вот, например, вы Россию разделили мысленно на 18 областей. Отлично. Оставьте всякие эффекты, а просто назначьте в избранные районы генерал-губернаторов. Пусть они соберут у себя земские съезды из своих губерний. На эти съезды передайте разработку ваших предложений об областном устройстве, да еще замаскируйте слегка, чтобы никакой ломки не было видно:

укажите на общие районные интересы и необходимость совместного их решения. Затем устройте около генерал – губернаторов порайонные советы из выборных от губернских, а еще лучше – от уездных земств. Если эта идея имеет здоровый росток, он проклюнется сам собой. Все само вырастет.

Пока Тумаров говорил, диктатор улыбался. Эти были его собственные мысли, но несколько в ином практическом освещении.

– Павел Николаевич! Да ведь мы с вами, в сущности, и не спорим.

– Я то же думаю.

– А вы могли бы все это провести в жизнь?

– Да, но я, ваше превосходительство, должен предупредить: я только исполнитель, и исполнитель до крайности осторожный. Творчества во мне не ищите.

– Но зато критика будет?

– Без критики можно Бог знает куда зайти.

– Ну так вот что. Идейная сторона для меня выяснилась, а вашу практическую деятельность, вашу смелость, мужество и прямоту я уже знаю. Знаю также, что вы шагу не ступите без “статьи”. Поезжайте сегодня же в Петербург и явитесь к Государю.

– Слушаю-с. Что я должен буду доложить?

– Вас Государь назначит и даст вам Свои указания.

– Назначит... чем?

– Господи ты Боже мой! Министром внутренних дел, не митрополитом же здешним.

– Спасибо за доверие. Отказ сочтете, пожалуй, за трусость.

“Бедная Маруся, – подумал Тумаров, – теперь-то предстоит ей мука и тревоги. Но Бог милостив”.

XLIV. Спасительная мера

В одиннадцать часов вечера Тумаров и его верная спутница жизни сходили с лестницы скромного дома на Собачьей площадке, чтобы сесть в извозчичью коляску и ехать на Николаевский вокзал, когда к подъезду подкатил частный пристав и на ходу перехватил Тумарова, вручив ему собственноручное письмо диктатора. Крутогорский губернатор подошел к фонарю у крыльца, разорвал конверт и прочел следующие строки, написанные широким размашистым почерком Иванова.

“Дорогой Павел Николаевич!

Обстоятельства изменились, поездку отложите, жду завтра к часу завтракать.

Ваш Иванов”.

– Что такое? – спросила жена.

– Отбой, играй назад, остаемся.

– Значит, назад в Крутогорск? Господи, как я счастлива.

– Ничего не понимаю.

Частный пристав подошел с масляной улыбкой, светившейся даже в полутьме пустынной улицы.

– Ваше превосходительство... осмелюсь побеспокоить.

– Что прикажете?

– Насчет вашего высокого назначения... Правда ли, ваше превосходительство?

– Какого назначения?

Пристав расплылся в широчайшую улыбку:

– На то мы и полиция, чтобы быть осведомленными... Вернейшие слухи...

– Совершенно ничего не знаю.

Блюститель порядка ловко козырнул, извинился за беспокойство и укатил, а Тумарову только на лестнице пришла в голову странность поведения частного пристава. Говорили они с Ивановым в четыре глаза, а в Москве уже “вернейшие слухи”.

Вечер был потерян, но еще не все разъехались, и мог составиться винт, за которым Тумаров и просидел трудолюбиво до двух часов ночи.

Однако ему не спалось, он нервничал и ворочался, и в восемь уже встал. Облачившись в тужурку, принялся Тумаров за кофе, рука машинально протянулась за свежей газетой. На подносе лежало “Русское Слово”, еще полное запаха типографской краски.

– Что за охота сестре эту мерзость выписывать, – проворчал Тумаров, раскрывая газету и... вдруг остановился и словно застыл на месте с непроглоченным куском сухаря во рту...

Во всю вторую страницу Сытинской газеты стояла крупнейшая подпись:

НОВЫЕ МИНИСТРЫ,

а под ней в подлинном тексте именной Высочайший Указ:

“Нашему статскому советнику Павлу Тумарову повелеваем быть министром внутренних дел с производством в действительные статские советники.

Нашему действительному статскому советнику Александру Папкову повелеваем быть обер-прокурором при святом Правительствующем Синоде.

Нашему члену Совета Государственного Контроля тайному советнику Афанасию Васильеву повелеваем быть Государственным Контролером.

Правительствующий Сенат не оставит учинить по сему надлежащее исполнение”.

Первым инстинктивным движением нового министра было крикнуть “Маруся”, но на дамской половине все еще было тихо, а Тумаров привык беречь вечно чуткий сон жены. “Пусть спит”, подумал он и снова взялся за газету. Целая полоса была посвящена вчерашнему приему во дворце. Речь диктатора была отпечатана крупным шрифтом. Привычным глазом стал Тумаров пробегать передовые статьи и тотчас же натолкнулся на такое рассуждение:

“Трудно более подчеркнуть торжество реакции, чем это делает каждый день злая насмешница-судьба. Интеллигентная и освободительная Москва дожила до

счастья ad personam услышать высокие поучения в стиле бессмертного ялтинского отца-командира Думбадзе, а теперь ей предстоит, вероятно, и увидеть все то, что мы за эти дни наблюдали в Петербурге, с момента восстановления „диктатуры сердца“ в новом, улучшенном и исправленном, издании. Но мы не будем повторять слов покойного А. И. Кошелева, вырвавшихся при чтении телеграммы о назначении графа Д. А. Толстого: „Что же теперь?!“ Наш ответ начертан огненными буквами во всех прогрессивных сердцах...”

– Ах, собачьи дети!

Тумаров не мог больше читать и с сердцем швырнул газету. Перед ним, как живой, встал “Крутогорский Голос”, только что раздавленная им вредная и грязная газета. Но что такое какой-то жалкий провинциальный листок перед огромной московской простыней, считавшей свыше ста тысяч подписчиков и разносившей заразу по всей России? Тумаров видел у себя в Крутогорске результаты Сытинской “коммерции” и оттуда еще категорически настаивал перед правительством о необходимости усмирить революционную печать. Теперь эта печать велением судьбы была в его руках.

Но над “Русским Словом” мысль Тумарова останавливалась недолго. Было необходимо сообщить новость жене и тотчас же перебираться из квартиры родственницы, так как через час явится с визитом вся официальная Москва.

Тумаров заглянул в окно и увидел перед своим подъездом околоточного и двух городских. Приотворил дверь в залу и увидал жандармского офицера, какого-то чиновника в мундире и красавца городского с грудью, увешанной медалями. Было тихо, как в храме.

– Ротмистр, будьте добры съездить в “Славянский Базар” и взять мне номер комнаты в три с приемной. Затем надо экипаж...

– Экипаж уже приготовлен, ваше превосходительство.

– Спасибо. И затем надо уехать, никого не беспокоя. Здесь прошу не принимать никого.

Было около 10 часов, когда Тумаровы въехали на Никольскую. В “Славянском Базаре” несмотря на неурочное время, кипело, как в улье. Темный вестибюль гостиницы был переполнен полицией и жандармами, зорко оглядывавшими каждого посетителя. Проходя через толпу, Тумаров уловил взглядом грузную фигуру Сытина с мышиными глазками на лисьей физиономии.

“И вызывать никого не надо”, – подумал Тумаров.

Он прошел во вторую комнату своего номера, предназначенную быть кабинетом, и, увидав на столе телефон, попросил соединить себя с Большим Кремлевским дворцом.

Загадка тотчас же объяснилась. Иванов телефонирует Государю, что посылает в Петербург Тумарова. Государь отвечал, что Он охотно назначает Тумарова заочно, отлагая представление до приезда в Петербург Иванова вместе с Тумаровым. Это составит разницу всего в несколько дней, а так как назначение не может ждать, то Государь подпишет указ сегодня же, присоединив, кстати, и двух других членов кабинета, о которых с Ивановым уже было условлено.

Явился с поздравлением градоначальник Рейнборг. Оглядев номер, он заметил, что случайно это те же самые комнаты, где останавливался покойный Плеве в первый свой приезд в Москву и откуда он ездил говеть в Троицкую лавру.

В голосе градоначальника Тумаров заподозрил оттенок лукавства и сказал очень просто:

– К Троице я не поеду. Я в этом году говел. Если бы можно съездить совершенно без огласки, я бы не отказался. Но демонстративно не хочу.

– Как прикажете с приемом? Желающих огромное количество.

– В час я у Императорского уполномоченного. До двенадцати могу принимать. Кто там из наиболее видных?

– Официальные лица, а затем... Монархическая партия с Грингмутом и Восторговым, Союз русских людей со Щербатовым и Бартеневым, Союз русского народа с

Ознобишиным. У них ликование. Говорят: наш черносотенный министр.

– Ого! Эти союзы – несчастье для всякого министра. Знаете что, Анатолий Анатольевич, направьте-ка вы их лучше в Кремль, к высшему начальству. Тот, кажется, им собирался сказать несколько теплых слов. Он даст верный тон, а мы уж так и пойдем. Я к официальным лицам сейчас выйду, а из частных... надо поговорить с Сытиным.

– Слушаю-с. Он там дожидается.

– Не знаете, он зачем?

– Вероятно, с жалобой на меня.

– Вот что: вы хорошо помните указ о приостановке закона об отмене телесных наказаний? Пункт “г” второй статьи вы применяли?

– Раза два всыпал: одному наборщику и одному вольнослушателю. Жиду, конечно.

– Что, если бы я попросил вас по пункту “г” угостить Ивана Дмитриевича двадцатью пятью горячими?

– Если вам угодно будет приказать.

– Для начала министерской работы. Идет. Давайте-ка его сюда.

Знаменитый издатель, вызванный первым, польщенный вниманием к “прессе” нового министра, вошел в кабинет – развязный и сияющий. Рейнбот отошел к окну, а Тумаров смерил глазами Сытина.

– Вы ко мне?

– К вашему высокопревосходительству. Пора закончить здешний произвол, от которого нам житья нет...

– Та-та-та, на каком вы языке беседуете, господин Сытин... Ну так вот: вы ко мне, а я хотел сам вас вызвать. Сегодняшняя передовая есть верх наглости и является прямой революционной провокацией. Вам известен пункт “г” второй статьи Высочайшего указа 27 февраля? Я могу пожалеть мальчишку – революционера, начитавшегося глупых книжонок. Могу отнестись снисходительно к болвану-профессору, проповедующему вздор, потому что

тут можно хоть заподозрить убеждения. Но вы, господин Сытин, вы революцией торгуете, для вас у меня пощады нет. Вчера огребали деньги у Победоносцева и Саблера, сегодня подуло другим ветром, и вы торгуете революционной газетой... Вы наживаетесь на разврате, на гибели России, на глупости несчастной молодежи, на подуськиваниях и натравливаниях...

Сытин бледнел, краснел, и наконец, как был, во фраке, опустился на колени.

– Ваше высокопревосходительство, помилосердствуйте! Завтра же разгоню всю редакцию. Самая патриотическая газета будет. Самому надоело. Типографию какую сожгли!

– Это завтра. А сегодня, Анатолий Анатольевич, благоволите дать господину Сытину в его участке 25 розог. И возьмите с него подписку, что он их получил, а то будет отпираться.

XLV. Профессор Порубин

К назначенному диктатором часу новый министр внутренних дел явился во дворец и застал у Иванова двух лиц, приглашенных вместе с Тумаровым к завтраку. Это были новоназначенный обер-прокурор Синода Папков и профессор Порубин, тот самый, которого ждал диктатор и телеграмме которого так обрадовался.

Папков, в ожидании назначения, которое уже было условлено, жил в Москве несколько дней, заканчивая давно начатую работу, – исчисление имущества московских церквей и монастырей. Он приобрел широкую и почетную известность как инициатор возрождения прихода, о чем горячо ратовал в Предсоборном Присутствии. Из лиц, приглашенных Ивановым на совещание о приходе вскоре после назначения диктатора, Папков ближе всех принял к сердцу идеи Иванова о создании всесторонней административной, земской и городской единицы на территории прихода и обстоятельно разработал переданный ему Ивановым проект сельского священника. До окончания этой работы Папков просил отложить свое

назначение, чтобы не отвлекаться текущими делами Синода.

Нечего говорить, до какой степени было возбуждено против Папкова московское духовенство, хорошо знакомое с его идеями. Обладая огромными капиталами и доходами, московские батюшки умели до сих пор с необыкновенным искусством отстаивать свое неприкосновенное положение от всяких посягательств своего или чужих ведомств и, конечно, не кроткому и миролюбивому митрополиту Владимиру удалось бы сломить столетиями сложившийся и окрепший строй. Тонкие психологи в рясах отлично учитывали всю трудность реформы и не верили ни в настойчивость, ни в силу Папкова.

Профессор технической химии и известный публицист Иван Васильевич Порубин был вызван диктатором в надежде столкнуться о портфеле ведомства просвещения, но воззрения старого ученого были настолько радикальны, что диктатор был положительно смущен. Он не решился поэтому делать единоличного доклада Государю, а сначала хотел обсудить вместе с несколькими наличными министрами программу Порубина.

Инцидент с Сытиным был уже известен во дворце. Вся компания залилась дружным смехом при входе Тумарова.

– Поздравляю с крестником, – заявил Иванов – Вот это я понимаю, это по-военному.

– Не забыта и юридическая сторона, – добавил Папков, – Взята собственноручная подписка на случай запирательства.

Порубин молча подошел к Тумарову, важно поклонился ему, коснувшись пальцами пола, и произнес:

– Если бы это спасительное средство применяли вовремя, Россия не переживала бы того, что мы все видели.

Иванов пригласил своих гостей к завтраку и, не откладывая, приступил к делу.

– Господа, нас немного, но я все же надеюсь, что сообща мы разберемся, и мне не придется брать на себя одного слишком тяжелую нравственную ответственность.

Благоволите прослушать программу нашего уважаемого профессора и установить на нее вашу точку зрения. А вам, добрейший Иван Васильевич, не угодно ли будет сообщить вашим будущим товарищам то, что вы мне передавали.

Порубин, высокий худой старик лет 60 с огромной совершенно белой бородой и розовыми щеками, был когда-то профессором и пользовался в ученом мире большим уважением. Конфликт с графом Д. А. Толстым, еще министром народного просвещения, выбросил его из профессуры. Порубин вышел в отставку и засел в своем небольшом имении, устроив у себя ценную лабораторию.

Скоро он увлекся хозяйством и науку почти забросил, но зато стал посылать в журналы статьи, посвященные вопросам народного быта, хозяйства и особенно просвещения. Статьи эти создали ему крупное имя совершенно независимого и весьма радикального публициста, а изданная им книга "Свет или Тьма?", прочитанная всеми и ставшая в свое время событием, заставила Иванова обратиться к нему, когда явился вопрос о министре народного просвещения.

– Я, господа, буду краток, – начал Порубин, – и не стану вам рисовать современное положение нашего просвещения. Все это вам хорошо известно, а потому прямо перехожу к положительной стороне. Вот его высокопревосходительство сделал мне честь – предложил пост министра просвещения. Я хоть и стар, но, как видите, силы еще сохранились, и поработать для России рад. Но я понимаю работу только тогда, когда нет никаких недоразумений, никаких трений. У меня сложилось совершенно цельное и последовательное воззрение на постановку школы в России, настолько цельное, что не допускает никакого компромисса. Или моя программа будет одобрена вся целиком и проведена без колебаний в полном объеме, или я не сделаю ни одного шага из моей Малиновки...

Тумаров перебил профессора:

– Я вашу книгу читал. Сколько помню, вы стоите за полное упразднение казенного просвещения?

– С издания моей книги прошло пятнадцать лет, да тогда по цензурным условиям и нельзя было всего высказать. Теперь мои взгляды сложились окончательно. Вот основной принцип: правительство должно совершенно отказаться от насаждения просвещения. Пусть каждый учится где хочет, чему хочет, у кого хочет и за чей счет хочет, только не за казенный. И этот принцип надо проводить без всяких исключений или смягчений.

Иванов отозвался с улыбкой:

– Ну вот, не угодно ли передать портфель просвещения автору подобных афоризмов?

– Да разве я вашего портфеля ищу, разве я вам набиваюсь? Кто меня вызывал срочными телеграммами? Я с посевов уехал...

Диктатор отвечал нетерпеливо:

– Боже мой, не в этом дело. Вы сказали ваш принцип, а я скажу мой. Я не допускаю никакой капитальной ломки, ни одной основной реформы без твердо установленного общественного одобрения. Другими словами, необходимо обстоятельное обсуждение этого вопроса, ну хоть бы земскими собраниями. Но скажите ради Бога, можно ли даже предложить земским собраниям обсуждать такого рода вопрос? Ведь по всей России поднимется вопль.

– Ваше превосходительство; я человек старого закала. Меня вы на ваши либеральные теории об общественном мнении не поймаете. Где это ваше общественное мнение? Кто его выразители? Либеральные крикуны? Жидовские публицисты? Союз русского народа? Или господа “православные”, готовые сжечь всю Россию и сами подохнуть с голода? Дело идет о спасении России. Все может ждать, но не школа, ибо мы, вот, все перемрем, а школа выпустит таких прохвостов, что не только в министры, в околоточные некого будет взять. Тут нельзя терять ни минуты.

Тумаров и Папков молчали, с любопытством прислушиваясь к спору. Диктатор начинал волноваться.

– Оставьте “общественное мнение”, профессор. Это пошлый избитый термин. Говорите об общественной или лучше о народной совести. Это понятие не формальное. Это совсем невесомая, но величайшая сила, и вы должны быть уверены, что она за вас, а не против вас...

– Согласен! Так позвольте же мне эту совесть искать прежде всего вот здесь (Порубин показал на сердце). Я живу одной жизнью с русским народом, верую его верой, мыслю его умом. Если вот отсюда (тот же жест) протеста не будет, то позвольте мне думать, что и народ моей мысли не опротестует, и история меня не осудит.

Диктатор живо ответил:

– Счастлив тот, кто смеет говорить с такой уверенностью. Но не забудьте, профессор, что все фанатики и все утописты рассуждают так же.

– Ваше превосходительство, скажите это не вы, а кто другой, я бы ответил по-своему. Но вас я люблю и чту и знаю, что оскорблять меня вы не хотели. Нет, я не фанатик и не утопист. Я сам жду критики и рад ей, иду ей навстречу. Но позвольте мне критику выдающихся людей, а не пересуды только. Это большая разница. Будемте кратки. Вот здесь сидят два человека, одинаково крупные, одинаково государственные работники. Пусть возражают. Мало? Зовите еще людей выдающихся, но единиц, а не стадо! А ваши земские собрания, простите меня, – стадо, как и всякая Дума, всякий парламент. Туда я разговаривать не пойду.

– Профессор прав, – сказал Тумаров.

– Не правда ли? – отозвался Порубин – И потом, эти люди не могут быть судьями, потому что заинтересованы сами, являются стороной в деле. Наше просвещение есть подарок обществу за счет народа. И вот, я прихожу к этому обществу и предлагаю от этой подачки, от этой субсидии отказаться и взять все расходы на самих себя. Да меня вытолкают в три шеи! Вы посмотрите: отовсюду только и просят: дай денег на университет, на политехникум, открой такие-то курсы, такие-то школы...

– Как же быть, господа? – спросил Иванов.

Папков отозвался:

– И вы, ваше превосходительство, правы, и профессор по-своему прав. Надо действовать осторожно. Почему бы нам не посвятить этому делу совещание, прихватив еще человека три-четыре? Пригласите Дмитрия Алексеевича Хомякова, Федора Дмитриевича Самарина, ну, Иловайского, Самоквасова, что ли? Они, кажется, все сейчас в Москве.

– Что вы скажете, Павел Николаевич?

– Хорошая мысль. Я бы пригласил еще Николая Алексеевича Хомякова. Он в этом вопросе единомышленник Ивана Васильевича. Я читал его статью в “Русском Деле” о закрытии университетов.

– Да, но, говорят, Хомяковых нельзя приглашать вместе?

– Ничего, при вас спорить не будут.

– Слушаю – с. Только вы имейте в виду, что Хомякова Николая я совсем не знаю, а Хомяков Дмитрий расширит вопрос до дня мироздания, от Самарина же, кроме его вечного “едва ли”, вы ничего не получите. Ладно, я вас соберу.

XLVI. Вопль одинокого

В Кремле звонили уже к заутрени, когда генерал-адъютант Иванов заканчивал свой трудовой день.

После бесчисленных приемов, совещаний и выездов, оставшись, наконец, один, диктатор захотел отвести немного душу в беседе с женой. Он начал ей писать письмо бегло, телеграфным стилем, но душа наболела и перо само ходило по бумаге, несмотря на страшную усталости почти разбитость, которую ощущал Иванов.

Он писал, между прочим:

“Ты спрашиваешь, каким образом я так неожиданно попал в Москву и что тут делаю? Я тебе признаюсь. Я просто сбежал из Петербурга, чтобы хоть на короткое время подышать другим воздухом. Ты знаешь, что там сейчас делается и каково мое положение. Я задыхался от всех тамошних

интриг, мерзостей и подвохов, а главное, от ужасающей пустоты. Принимая власть, я, признаюсь, ждал немногого от тамошних людишек, но нашел еще меньше.

Теперь передо мной прошла коллекция выдающихся москвичей. Здесь-то уж люди могли бы сохраниться. В Петербурге один бог – „двадцатое число“, и все то, что укрепляет бюрократию, есть добро, что ее подкапывает – зло. Здесь есть люди независимые, правда, но Боже мой, что это за убожество! Ни там, ни здесь истинно государственной творческой мысли и не заводилось. Большинство думает по шаблону, по книжке или по газете, а если попадется человек оригинальный, то так и говори вперед, что это маньяк или помешанный; одним словом, я могу ждать всякого успеха, если что удастся сделать хорошее, могу встретить и уже встречаю ненависть, но все это совершенно пассивное. Я не вижу и признаков того, что в культурных странах называется общественным мнением. Восторгается и приветствует глупая толпа. Неистовствует и злобствует она же. Дайте мне умных и толковых сотрудников – их нет. Дайте умных идейных врагов – тоже нет. В результате я оказываюсь совершенно изолированным, среди огромной толпы и как будто на необитаемом острове. Свобода действий полная, никакая мера препятствий не встретит, все или равнодушны, или бессильны и безвольны, но именно от этого-то и опускаются руки. Меня зовут диктатором, передо мной все расступается, – делай что хочешь, но делай один, когда я именно хочу общественной, соборной работы, где бы я лично был только регулятором, или точнее, исполнителем общего решения, того решения, которое дали бы общественный ум, общественная совесть, а я только бы оформил и осуществил. Только такое творчество я могу понять, только такой работе могу себя отдать. А мне приходится думать за Россию, то есть сочинять, фантазировать, самого себя убеждать, самого себя опровергать.

Не думай, дорогая, что это говорит моя гордость. Я не этим болен, а скорее смирением. Ты скажешь: как так нет людей? Да разве может великий народ, великая страна обходиться без людей? Я скажу: люди, конечно, есть. Но или я их не могу

найти, или их Господь так всех оглушил, что вывел из строя и сделал негодными.

Посмотри, Бога ради: что такое наши современные партии, на которые разбилась Россия. Начинай слева. Пропускай всю честную компанию эсеров, эсдеков и всяких иных „товарищей“. Стадо буйных помешанных и притом круглых невежд. Их единственная заслуга перед Россией та, что они заставили сорвать две Думы и показали, что такое российский социализм разных оттенков. Затем бери кадет. Между ними много очень умных, сведущих и, пожалуй, даже почтенных людей, но разговаривать ни с одним нельзя. Это рабы своей ненависти, своей жажды власти и своих дурацких программ. Дай им четверохвостку, дай им еврейское равноправие и позволь разорить частное, особенно дворянское землевладение. Зачем? Да чтобы вычеркнуть всю Русскую историю, уничтожить все традиции, весь дух старого строя и быть... совершенно голенькими европейцами. Черт знает что!

Подвинься вправо. Мирнообновленцы? Славные, симпатичные евнухи! Дайте им чистенькую конституцию, чистенькие министерские портфели, и они в перчаточках будут чистенько править Россией. Тьфу! А по образованию, по внутренней порядочности и чистоте рук это настоящие джентльмены. Вот образец русского либерального пустоцвета.

Октябристы? Их две категории. Одни попали сюда, чтобы только не быть с правыми, и готовы принять конституцию, ни капельки в нее не веря. Это умственные лентяи. Другие – из купцов – вот они где, настоящие сознательные умные конституционалисты! О, они давно уже мечтают о конституции, давно разведали, где раки зимуют. Аршин вырос из-за прилавка и тянется к царской мантии и скипетру. Сохрани Бог, утвердится в России парламентаризм, тогда эти господа станут хозяевами и переделают „Святую Русь“ по-своему. Погана западная буржуазия, но наше кулачье еще гаже. Этим, пока я у власти, война не на жизнь, а на смерть!

Забыл третью группу – карьеристов. К стыду нашего дворянства, это все крупные землевладельцы, лезущие как

бараны в рот к чумазому. Погодите, милостивые государи! Чумазый предал Францию жиду, чумазый съел философскую Германию, чумазый съест и вас со всем вашим благородством и идеализмом. Да и съел уже почти. Вот они, палаццо московские в мавританском стиле, вот откуда шли деньги на революцию, вот, где сила нынешней Москвы!

Иванов прочел последние строки, вылившиеся из-под пера, и подумал с улыбкой: „Однако вместо письма жене я, кажется, целую политическую лекцию написал?“

Но мысль, работавшая в одном направлении, не хотела сходить с рельс, и перо машинально продолжало:

“И ни там, ни здесь нет людей! Может быть, и есть, но все так завязли в эту проклятую политику, что помощи от них не жди. О Господи, как я одинок!

Но ты, может быть, укажешь на правых, – вот где люди. Увы, моя дорогая, здесь убожество еще ярче, партийность еще возмутительнее. Сами ни одной живой творческой идеи не выдвинули и только повторяют зады, а своих противников ненавидят на смерть и считают русскими только одних себя. А между собой перегрызлись и готовы друг другу перервать горло. Злы, точно их сырым мясом кормят.

Я пробовал искать людей во всех партиях и не нашел. Где же люди? Быть может, там, в глуши, в деревнях, среди молчащих? Но Бога ради, не обман ли это воображения? Не искание ли это грибов на том месте, где когда-то был лес, а теперь и пни сгнили?

А между тем, весь ужас в том, что кроме земства у нас в России ничего серьезного не осталось. Либеральная интеллигенция для дела совершенно непригодна, городские слои плохи и ненадежны, народу еще нужно научиться азбуке государственного разума, которое из него за двести лет совершенно вышибли, на духовенство надежды нет. На кого же я должен опереться, где искать общественного мнения, общественной совести, государственной мысли?

Я о моих сотрудниках не говорю. Кое-как днем с огнем я их подобрал. Со всей России дюжина министров наберется. Но так и кажется, что мы составляем каких-то заговорщиков,

какую-то шайку, у которой я атаман. Ответственность страшная и разделить ее не с кем, потому что мои товарищи, в сущности, прячутся за моей спиной. Каждый добросовестно работает над своей частью, но на целое смотрю один я и, верь мне, дух замирает от страха за каждый свой шаг. А я не робкого десятка.

Прости, дорогая, что занимаю тебя этими вещами. Но верь, изболела душа. Я не говорю уже про чисто физическую муку. Дела без конца, и дело засасывает настолько, что каждую минуту рискуешь оступиться и наделать бед.

Ах, зачем ты не около меня? Я знаю, ты права, удалившись от суеты и выставки. Но мне тебя нужно до боли. Бывают минуты, когда мозги путаются, и вот тут единственная отрада и облегчение – моя Вера, к которой рад бы прибежать на минутку, перекинуться словом, отдохнуть душой, но моя Вера за тысячу верст...”

Диктатор кончил несколькими сердечными строками и запечатал письмо. Пробило шесть часов, но нервы бедного Иванова так расходились, что вместо сна он вышел на террасу дворца, откуда, как на ладони, была видна вся Москва, освещенная первыми лучами восходящего солнца.

Иванов облокотился на балюстраду и задумался.

“Какая страшная тайна – наша Россия. Господи! Ты поставил меня, ничтожного и слабого, у Твоего избранного сосуда, а я не в силах даже его разглядеть. Поддержи меня, вдохнови и помоги”

По Кремлю раздавался медленный перезвон к ранней обедне.

XLVII. Основы учебной реформы

Совещание по школьному вопросу, собранное Ивановым, вышло необыкновенно бурным. Диктатор председательствовал и не только не стеснял выражения самых крайних мнений, но сам их вызывал, не стесняясь все более и более обострявшейся атмосферой. Именно среди раздражения собеседников и высказывалось до конца то,

что в тихой и мирной беседе умалчивается или недоговаривается.

Профессор Порубин одержал блестящую победу, убедив диктатора и наличных министров в строгой целесообразности и спасительности своего плана, который поначалу даже Иванову показался чересчур радикальным.

А этот план состоял не больше и не меньше, как в совершенном отказе правительства не только от государственной школы, но и от самой инициативы народного образования. Государство оставляло за собой только те специальные школы, которые были нужны ему непосредственно, как, например, школы военные и морские, и предоставляло полную свободу школе общей, частной и общественной.

Упразднялись Императорские университеты. Казенные здания вместе с коллекциями, клиниками, музеями и всякого рода имуществом предполагалось сдавать на льготных условиях в аренду группам профессоров на основании строго выработанных договоров. Средства должны были давать сами желающие получить образование, а также общество и богатые фундаторы. Правительство оставляло за собой только надзор за внешним порядком и за ходом преподавания без всякого вмешательства во внутреннюю жизнь и самоуправление высшей школы. Проводился один основной принцип: все в высшей школе должно быть безусловно гласным и открытым. Правительственный инспектор имел право присутствовать на каждой лекции, на каждом заседании, на каждом экзамене, требовать копию каждой бумаги академического делопроизводства.

Если он находил что-нибудь противозаконное или замечал нарушение договора с правительством, он имел право делать письменные предложения ректору или возбуждать судебное преследование. В случае указанных на суде серьезных злоупотреблений, предвиденных в договоре, контракт мог быть уничтожен судебным приговором, и тогда высшая школа закрывалась и передавалась другому составу профессорской коллегии.

Были строго обдуманы переходные меры от нынешнего порядка к новому, чтобы не нарушать ничьих интересов и не делать грубой ломки.

При обсуждении этой части плана Порубина негодованию и возбуждению приглашенных на совещание профессоров не было предела. Ученые всех оттенков дружно держались за излюбленное 20-е число и с ужасом представляли себе перспективу вольного университета.

– Вы убьете науку, вы разгоните всю молодежь, – почти кричал профессор Мануйлов. – Разве вы не знаете, что Россия нищая? И сейчас две трети студентов не могут обойтись без пособий на взнос платы и без стипендий. Что же будет тогда, когда университет должен будет назначить плату до 300 рублей?

Порубин отвечал спокойно:

– Про науку нет речи. Кому нужна чистая наука, тот ее найдет. Речь о лицах интеллигентных профессий, врачах, юристах, агрономах, учителях. Пройдя высшую школу и получив диплом, юноша получает готовый капитал, позволяющий ему вырабатывать в среднем от 2 до 3 и 4 тысяч рублей в год. По самой скромной капитализации это составит 50–60 тысяч. Четыре года университета по вашей же расценке потребуют 1200 рублей платы за учение и тысячи две расходов на содержание. Итого 3200 рублей. Сравнительно с получаемым капиталом эта сумма ничтожная. А если этим путем будет остановлен несколько прилив учеников из низших слоев, то худого в этом ничего нет. Пополнятся ряды других профессий. Теперь все лезут в студенты, и в России нет порядочного слесаря, кузнеца, плотника. Тогда волей-неволей пойдут на производительную работу, да и диплом потеряет значение. Неужели же справедливо облагать нищий народ, чтобы создавать новое сословие господ, садящихся ему на шею? Наши университеты ведь, в сущности, только школы чиновников.

Средняя школа по плану Порубина подлежала передаче местным земским и городским самоуправлениям с предоставлением им полной свободы в установлении

учебных планов, в выборе системы преподавания и приглашении директоров и преподавателей, при условии такого же правительственного надзора, как и за школой высшей. Для переходного времени государство оказывало средней школе, уже существующей, некоторое пособие. Пенсии учительскому персоналу и служащим переводились по добровольному соглашению в общее государственное страхование.

Наряду со школами общественными стояли на полной свободе всякого рода частные школы, подчиненные той же инспекции. Порубин полагал достаточным иметь в каждой губернии по одному инспектору школ с помощниками в каждом уезде для надзора за школами низшими. Обязанность инспекторов состояла в постоянных разъездах по уездам и городам и представительстве, с одной стороны, государственного обвинения на суде, с другой – в оказании всякого рода помощи и поддержки, которую могло дать местной школе министерство. Эта поддержка выражалась отчасти в прямых ассигнованиях из Государственного Казначейства, а затем в виде рекомендации директоров, учителей, учебных пособий, в пополнении кабинетов и т. д. Школьный инспектор и его помощники являлись обязательными членами соответственных земских собраний и городских дум с правом участия во всех школьных комиссиях и непосредственного доклада земским и городским собраниям своих замечаний о постановке и ходе школьного дела. Решающего голоса они, разумеется, не имели.

Дипломы всякого рода отменялись, но зато широко ставились государственные экзамены. По каждой отрасли государственной службы устанавливались особые программы, где рядом с определенным кругом научных познаний требовалось широкое практическое знакомство со специальностью службы. Это обуславливало необходимость основательных практических занятий соискателя, которые всячески и облегчались. А затем, как общее правило, устанавливалось, что никто не мог занять никакого штатного места на государственной или общественной службе, не прослужив по крайней мере

одного трехлетия на соответственной низшей должности в приходе. Не делалось исключения даже для врачей. К государственному экзамену, дававшему право на медицинскую практику, допускались только лица, прослужившие приходскими фельдшерами не менее трех лет.

Низшая школа передавалась в полное распоряжение и ведение прихода и была согласована с проектом приходского самоуправления, уже совершенно разработанным А. А. Майковым. Она содержалась исключительно на местные приходские и земские средства, причем ни в распределение школьной сети, ни в преподавание, ни в хозяйство школы государство не входило, оставляя за собой, как уже сказано, только надзор и благожелательную помощь, колько скоро за ней обращались. Ни о каком обязательном всеобщем обучении, разумеется, в проекте Порубина не могло быть и речи, так как старый профессор самый этот принцип считал величайшим над народом насилием и орудием, годным разве для масонских и еврейских правительств.

Заседание кончилось полной нравственной победой Порубина. Никаких голосов не считали, но было видно, что запаса аргументов у противников реформы не хватило. Иванов был совершенно убежден и стройной последовательностью Порубинского плана во всех его частях, и верностью исходной точки зрения, а главное, несокрушимой верой и стойкостью самого автора.

Приглашенные стали разъезжаться. Диктатор задержал на минуту Порубина.

– Ну-с, мой милый профессор, мне остается только просить у вас прощение за первоначальные сомнения. Надеюсь, что в личном докладе Государю вам удастся выиграть одобрение и Его Величества. Но я вас все-таки предупреждаю: в моем донесении я буду просить разрешения передать все ваши соображения на предварительное обсуждение уездных земств.

– А если земства выскажутся против?

– Успокойтесь. Во-первых, я этого не думаю, а во-вторых, когда будут собраны все земские ответы, почему же вы полагаете, что мы будем голоса только подсчитывать, а не взвешивать?

– Ну, это другое дело.

Через два дня в “Правительственном Вестнике” появился Высочайший Указ о назначении Ивана Васильевича Порубина министром народного просвещения.

XLVIII. Государственный контролер

Новый Государственный контролер Афанасий Васильевич Васильев был хорошо известен чиновному Петербургу своими крайними славянофильскими взглядами, своей борьбой с Витте по железнодорожным вопросам и своими странностями.

Еще совсем маленьким чиновником Министерства народного просвещения Васильев в Славянское движение 1876 года играл выдающуюся роль. Аксаков двинул Москву, Васильев разбудил Славянское общество в Петербурге и заставил его действовать. Умело обходя цензуру, он от имени общества печатал зажигательные воззвания, организовал сборы в пользу восставших сербов, наконец, как уполномоченный Славянского общества, двинулся на Волгу и в Нижегородскую ярмарку и разогрел на всем Востоке России славянское и патриотическое чувство до очень высокой температуры. Довольно сказать, что тогдашний нижегородский архиепископ, впоследствии известный Московский митрополит Иоанникий выходил с крестным ходом на площадь и возглашал публичные моления “о победе и одолении архистратига Славянских сил Михаила Григорьевича Черняева”, ведшего на личный страх войну против “дружественной державы”.

Деньги лились рекой, в каждом городке основывалось отделение Славянского общества и, наконец, общенародное чувство вылилось в великой освободительной войне, в которую славянофилы увлекли Александра II.

До какой степени бюрократия придавала значение Васильеву как агитатору свидетельствует забавный случай с панихидой по Яну Гусу, назначенной Васильевым в Казанском соборе. Панихида была запрещена, но за собором была “на всякий случай” поставлена батарея артиллерии с боевыми снарядами.

Человек своеобразных радикальных воззрений и несомненный агитатор, Васильев, однако, как-то ухитрялся не только оставаться чиновником, но и подвигаться в сановники. С ним вошел в тесную дружбу Третий Филиппов, ценивший его необыкновенную работоспособность и нравственную высоту. В Контроле могли бы развернуться и принести огромную пользу России такие работники, как Васильев. Назначенный директором Департамента железнодорожной отчетности, он повел упорную борьбу с только что воссиявшим в качестве экономического и финансового гения Витте. Васильев сразу определил, из чего эта гениальность сделана и какие ужасные пути России прокладывает. Начинался грандиозный выкуп железных дорог и усиленное строительство. Казна трещала на все швы. Но золотой фейерверк, пущенный Витте, прикрывал все раны Казначейства и отводил всем глаза. Васильев видел все и боролся сколько мог. “Русский Кольбер” оказался, однако, сильнее. Он нашел уязвимый пункт в Государственном контролере и овладел Третьим Филипповым. После одного из блестящих выступлений Васильева в Обществе содействия, где последний смертельно перепугал Витте указанием, что его золотая валюта есть дело антихристово и носит даже звериное число [\[10\]](#), Витте настоял на переводе Васильева в военную и морскую отчетность, где для министра финансов он уже был почти безопасен.

После смерти Филиппова Васильева скоро со всеми почестями и в чине тайного советника похоронили в совете Государственного Контроля.

О странностях Афанасия Васильевича говорил весь Петербург. Так, например, в качестве славянофила-практика он усвоил себе старинный русский костюм, в котором не только ходил дома, но и выступал на публичных

собраниях. “Тайный советник в желтых сапогах”, кроме того, был бесконечно добр. Его дом был пристанищем всех неудачников, начинающих литераторов, изобретателей. Всей этой голодной братии он находил работу у себя в департаменте, переходя зачастую смету и вызывая нарекания. Его департамент называли в шутку Ноевым ковчегом. “Если случится всемирный потоп, то Афанасию Васильевичу не придется строить ковчега, а будет довольно только хорошо законопатить окна и плыть по Фонтанке”, – говорили остряки.

Разумеется, в своих поисках людей генерал-адъютант Иванов не мог не остановиться сразу же на Васильеве как на самом подходящем человеке на пост Государственного контролера, который вдобавок, по его плану, получал совершенно самостоятельное, вневедомственное положение.

Диктатор вызвал Васильева к себе и имел с ним продолжительную и совершенно интимную беседу; в результате этого разговора было некоторое колебание Иванова. С одной стороны, Васильев был бесспорно удивительным работником и как бы прирожденным контролером. С другой, его воззрения на финансы, экономию и особенно аграрный вопрос были донельзя странны. По финансам, например, Васильев хотя и стоял за бумажные деньги, но совершенно отрицал проценты на капитал. Иванов только развел руками, когда услышал, что каждый человек должен оставлять себе на старость только то, что может прожить, и не должен ничего приносящего доход завещать детям. Это курьезное положение исключало всякую возможность спора или обмена мнений. Еще курьезнее были мнения Васильева о земле. Здесь царила наивная смесь толстовства, христианского коммунизма и собственных умозаключений при фанатической вере в свою бесспорную правоту.

Иванов припомнил добродушную улыбку Государя, когда, перечисляя лиц, пригодных на пост контролера, он назвал Васильева. Государь не сказал ни слова, Он только улыбнулся, но в этой улыбке было предостережение.

Пришлось подождать до приискания министра финансов, чтобы этот вопрос решить вместе с ним и Павловым. Иванов был уверен, что странные личные идеи Афанасия Васильева останутся при нем для собственного употребления и не помешают дружной совместной работе.

Однако после первого же свидания Соколова с Васильевым министр финансов заявил категорически:

– Ваш праведник в желтых сапогах сумасшедший.

– Не торопитесь с заключениями, – ответил диктатор – На таких праведниках стоит Россия. Я имел терпение прочитать записки Васильева по выкупу дорог и те части всеподданнейших отчетов контролера, которые он редактировал. Советую с ними познакомиться и вам. Вы увидите, как самые вздорные идеи, которые человек высказывает в кружке знакомых, не мешают удивительной государственной работе. Я поражен был этой дисциплиной мысли, что у нас особенно редко.

– Хорошо, генерал, прочту. Мне самому важно ознакомиться с историей выкупа дорог.

Павлов был знаком с Васильевым уже раньше и хотя тоже пожимал плечами по поводу его идей, но сразу и без колебаний нашел, что лучшего Государственного контролера нельзя и желать:

– Афанасий Васильевич – глубокий сторонник соборности, и это для нас лучшая гарантия, что палок в колеса он нам не насует.

Но Иванов все еще колебался и медлил. Он чувствовал что вся ответственность в случае неудачи назначения падет на него. А между тем Государственному контролеру предстояла огромная реформа, готовилась новая и чрезвычайно важная роль.

По мысли диктатора, которую всецело разделял и Афанасий Васильев, Государственный Контроль предстояло совершенно выделить из системы управления и на нем создать могущественную связь центра с будущими областями. Наверху должен был быть организован Контролирующий Сенат из представителей земских

областей, параллельный Сенату административному; внизу сеть учреждений Контроля расширялась до уезда, охватывая собой всю денежную отчетность всякого рода касс до приходских включительно. Вверить проведение такой реформы можно было только лицу, совмещавшему огромный служебный опыт с высокой нравственной доблестью и выдающейся работоспособностью. Желтые сапоги и некоторые странности воззрений ничуть не мешали и не отнимали цены у Афанасия Васильева.

Диктатор чистосердечно доложил обо всем Государю перед своим отъездом в Москву и всецело положился на Царскую волю.

Государь обещал подумать и ответил назначением Васильева вместе с двумя другими министрами, о которых ходатайствовал Иванов.

Теперь образование кабинета можно было считать почти законченным. Главные портфели были в хороших руках.

XLIX. Проекты министра финансов

Наследство, оставленное старым режимом в экономическом смысле, было невыносимо. Золотая реформа и финансовая политика Витте, выражавшаяся в бесшабашном грюндерстве и неслыханном государственном мотовстве, давала себя знать полным расстройством деревни. Оплата огромного государственного долга была обусловлена только колоссальным вывозом хлеба и сырья в явный ущерб народному питанию. А между тем вывоз зависел от урожая, урожаи же падали все ниже и ниже. За последние годы голод стал обычным ежегодным явлением и только переходил с полосы на полосу, вызывая жертвы казны в десятки и сотни миллионов, жертвы бесполезные и развращающие.

Новому министру финансов Соколову приходилось в первую очередь ставить два вопроса: народный кредит, смело и широко организованный, должен был поднять сельское хозяйство, государственный хлебный запас, в

связи с системой государственных элеваторов, имел обеспечить народное продовольствие, правильное обсеменение полей и упорядочить заграничный вывоз.

С первых же дней своего правления Соколов образовал под своим председательством комиссию из специалистов и расположил занятия таким образом, что работу вел сам, а члены комиссии вносили только обстоятельную критику и устанавливали подробности. Перед внесением в комиссию той или другой части проекта Соколов и Павлов собирались для ее обсуждения и согласования с работами Павлова по земельному вопросу. Прения в комиссии освещали Соколову недостатки редакции и вызывали различные изменения и дополнения, которые затем разрабатывались и редактировались секретарем под личным руководством Соколова. Никаких голосований не делалось, журналы заседаний составлялись самые краткие, “на память”.

Работа шла быстро и к отъезду Иванова в Москву была вчерне почти готова.

Вот как определялся “план” Соколова.

Была задумана обширная сеть элеваторов, составлявших государственную монополию и разделенных на областные районы соответственно будущим областям. Каждый уезд имел один или несколько элеваторов, рассчитанных по своему объему так, чтобы хранить постоянно полугодичную норму продовольствия для всех жителей уезда и надлежащий запас посевных семян яровых хлебов.

Кроме того, при водных путях и на узлах железных дорог основывалась сеть пропускных элеваторов, могших в короткое время забрать, очистить, просушить, рассортировать и отправить по назначению весь вывоз данного района. Ни о каких железнодорожных залежах при этом не могло быть и речи, наоборот, освобождался в значительной степени под другие перевозки подвижной состав. Цепь замыкалась портовыми и пограничными элеваторами, обслуживавшими специально и монопольно отпускную торговлю. Движение хлеба внутри России было совершенно свободно, но весь хлеб, идущий за границу, должен был обязательно пройти через государственный

выпускной элеватор, подвергаясь там обезличению, браковке и очистке. Этим устранялась навсегда возможность такого безобразного явления, как умышленная подмесь евреями к хлебу всякого сора, парализовавшая наш отпуск.

Внутренняя хлебная торговля была свободна, и пропуск через элеватор необязателен, но условия пользования элеваторами устанавливались такие, что для помещика, крестьянина, мельника или хлеботорговца было бы чистым безумием продавать свой хлеб большими партиями, отправлять его или хранить помимо элеватора.

По выработанному уставу, элеватор принимал всякий хлеб во всякое время и в любом количестве, делая разницу в условиях только для хлебов посевных и продовольственных. Посевные хлеба принимались в условленных сортах, хранились и отправлялись особо. Продовольственные хлеба определялись тут же при приемке на сырость и засоренность и немедленно поступали в обработку, то есть сортировались, просушивались и обезличивались. Владельцу выдавался варрант по расчету на чистое количество сухого хлеба такой-то марки. Этот варрант являлся документом, по которому его предъявитель мог получить в любое время и из любого элеватора Империи равное количество того же сорта хлеб за отчислением расходов на обработку и провоз по определенному тарифу.

Ежегодно перед жатвой Совет продовольственного управления объявлял порайонные цены, по которым казна принимала хлеб нового урожая для пополнения государственного запаса. По этим ценам кредитные учреждения принимали и оплачивали варранты в течение трех осенних месяцев. В остальное время года курс на хлеб стоял свободный, варранты обращались по вольной цене, правительство же посредством своих запасов выступало в роли регулятора, выпуская свой хлеб на рынок при сильном подъеме цен или являясь покупателем варрантов при понижении. Было очевидно, что, составив продовольственный совет из серьезных знатоков дела и владея запасами около миллиарда пудов наличного хлеба,

такая фирма, как Российское государство, могла бы не бояться никакой конкуренции, держать хлебные цены на уровне, наиболее благоприятном русскому земледелию, и одновременно заставляла бы платить возможно высокую цену иностранного потребителя.

Этим же путем население снабжалось хорошими, совершенно чистыми семенами тех сортов, которые подходили для каждой местности. Уже одно это могло поднять урожаи на крестьянских полях на одно – два зерна.

Затем сельский хозяин являлся совершенно свободным в своих операциях, ликвидируя ли урожай немедленно по объявленной цене, или с варрантом на руках, ожидая повышения.

Разумеется, для осуществления этого проекта в полном объеме требовались колоссальные затраты, вводить же элеваторы по частям не имело смысла. Полная сеть по приблизительному подсчету стоила не менее 1200 миллионов рублей, да оборотный капитал хлебной операции определялся примерно в полумиллиард. Но этих затрат Соколов не боялся и деньги имел готовые. Было достаточно снять с рынка на равную сумму ренты, заменив ее облигациями продовольственного или хлебного займа и выпустив на соответственное количество кредитных рублей. Государственная роспись сразу освобождалась от 68 миллионов процентов по обмененной ренте, элеваторы же при умелом хозяйстве должны были не только покрыть эту сумму, но и дать значительный чистый доход.

Самое любопытное в проекте Соколова было то, что грандиозный выпуск денежных знаков на элеваторы и хлебную операцию решал одновременно и второй неотложный государственный вопрос – устройство народного кредита. Основная мысль была та, что открытый в Государственном Банке на вновь выпущенные бумажки строительный кредит в 1200 миллионов рублей исчерпывался не сразу, а постепенно, в точно определенные сроки. Следовательно, деньги могли быть в непрерывном движении, обслуживая одновременно сеть провинциальных учреждений Банка и через них кассы мелкого кредита. Достаточно было обязать заводы,

строящие по казенным заказам металлические части элеваторов, а также остальных подрядчиков-строителей работать по условным текущим счетам местных отделений Банка, чтобы почти весь огромный строительный кредит совершенно освобождался и мог быть направлен с первого же момента в оборотные средства земледелия.

Техника мелкого кредита была уже разработана другой комиссией, и Соколов торопился к сводке всей работы.

В 10 часов вечера на третий день по приезде Иванова в Москву Императорский уполномоченный и министр внутренних дел сидели за чтением только что присланного Бельгардом законопроекта о печати, когда зазвонил петербургский телефон, и Иванов узнал голос министра финансов:

– Маленькая заминка в деле. Нужны ваши инструкции. По телефону передать трудно. Не разрешите ли прокатиться повидать вас? Поговорим, а завтра...

Вдруг все смолкло. Прошло минуты две. Диктатор пробовал телефон так и этак, ничего не выходило.

– Опять перерезали, – заметил Тумаров.

– Надо это безобразие кончить, – нервно сказал диктатор – Черт знает что!.. Вчера прервали мой разговор с Государем...

– Слушаю-с, – невозмутимо отвечал Тумаров, – Разрешите сказать два слова в телефон.

Диктатор встал, Тумаров сел на его место и дал энергический звонок...

– Сто двадцать один, ноль два.

– Готово.

– Иван Демьянович, вы?

– Очень хорошо. Потрудитесь дать срочные депеши губернаторам петербургскому, новгородскому и тверскому и сообщите немедленно здешнему, что я возлагаю с завтрашнего дня на их личную ответственность междугородный телефон. В случае дальнейшей кражи проволоки губернатор соответствующей губернии будет смещен и предан суду за нерадение.

– Больше краж не будет, – уверенно сказал Тумаров.

Л. Н. А. Хомяков

У Иванова сидел приглашенный им на интимную беседу Николай Алексеевич Хомяков. Лучшее в России имя и значительная популярность бывшего смоленского предводителя и директора Департамента земледелия были достаточными мотивами, чтобы именно с Хомяковым поговорить по душам о самом важном из вопросов, вызвавших поездку диктатора в Москву.

Об этом вопросе он не распространялся даже со своими ближайшими сотрудниками, новыми министрами, распределяя между ними текущие и неотложные реформы. Сначала Иванов и сам хотел было отложить этот вопрос и не поднимать его до окончания всего плана внутренних преобразований. Но он недостаточно учел психологической стороны дела и с грустью видел, что одни деловые реформы, одна его личная деятельность по успокоению России, хотя и очень успешная, не в состоянии создать того всенародного духовного подъема, без которого немыслима дружная общественная и государственная работа.

Общественная технология требовала яркого, могучего, широкого размаха, требовала чего-нибудь великого в уровень великой страны и великого народа. Будничная работа заменить этого не могла. Сколь ни нелепы были первая и вторая Думы, но Иванов чувствовал, что с упразднением этого странного института над Россией словно опустился мрачный и тяжелый занавес. Буря утихла, но и солнце не показывалось, а стоял какой-то серый петербургский день, когда все ждали солнца.

Таким солнцем, по мнению диктатора, мог быть единственно великий Земский Собор в Москве или Киеве, где бы в торжественной обстановке состоялось желанное единение Царя и Народа в лице земщины, разрушенное было гнусной революцией и надорванное конституционной попыткой графа Витте. На этом Соборе была бы восстановлена во всей полноте и красоте своей наша

историческая Конституция 1613 года, поставившая над Россией династию Романовых, земских и народных Царей. Здесь были бы торжественно возведены с высоты Престола разработанные в стройную систему необходимые России реформы. Отсюда началось бы прочное и спокойное, без малодушных колебаний и сомнений, управление Россией, основанное не на бюрократии, а на свободной сплоченной земщине.

Разумеется, Собор имел бы смысл отнюдь не в форме европейского парламента, а в своем оригинальном древнерусском значении “Совета всея Земли”.

Диктатор знал, что Хомяков агитирует за Думу и что его агитация не так бесплодна, как это можно было предполагать, так как парламент был задуман бюрократией и нужен прежде всего ей.

– Не могу вас понять, Николай Алексеевич, – говорил Иванов – После двух печальных опытов, когда уже совершенно ясно определилась вся ложь, положенная в основу нашего парламентаризма, вы хлопчете о третьей Думе. Неужели вы в нее верите?

Хомяков отвечал:

– Я не придаю Думе того значения, какое ей приписывают доктринеры, но с соответственным изменением выборного закона Государственную Думу можно собрать приличную и работоспособную.

– Вы это говорите? Вы верите в сознательность русских государственных выборов?

– Партии помогут.

– А вы считаете партии благом? Ведь это же мерзость!

– Я не большой их поклонник, но что же вы поделаете? Раз мы на почву 17 октября встали, без партий не обойтись.

– А вы полагаете, что 17 октября мы действительно получили конституцию?

– Ничего не знаю. Знаю только, что от 17 октября назад хода нет. Самодержавие может остаться как термин, как звук, чтобы не вносить в народ смуту, но в действительности оно кончилось.

– Вы не допускаете возможности восстановления самодержавия?

– Михаил Андреевич, в самую критическую минуту я твердо стоял за самодержавие. На Петербургском Земском Соборе моя подпись стоит в числе меньшинства. Но когда я прочел Манифест 17 октября, я сказал себе, что с этим вопросом кончено, и мы теперь должны быть конституционалистами, а то иначе попадешь в Союз русского народа.

Диктатор грустно покачал головой:

– Да, да. Ваша крылатая фраза “мы конституционалисты по Высочайшему повелению” облетела всю Россию.

Собеседники помолчали.

– Николай Алексеевич, откровенно и спокойно скажите мне, зачем вам Дума? Ведь не могу же я искать здесь каких-нибудь личных целей, – для этого вы сын Алексея Степановича Хомякова и крестник Гоголя. Ради чего вы на ней настаиваете?

– Извольте, буду откровенным. Дума – единственное средство хоть несколько сбавить спеси у бюрократии и дать политическое воспитание русскому народу. Даже две первых шалых Думы, как вы их называете, уже свое дело сделали. Посмотрите, как подтянулись все ведомства! Министры перестали быть далай-ламами, и теперь глупого человека или проходимца в министры посадить нельзя. А ведь мы таких имели. Вот уже вам огромный результат. Затем государственные дела, хоть и вкось и вкривь, но обсуждаются открыто. Прения печатаются, и их не спрячешь. Я уверен, что третья Дума будет спокойная и деловая и тогда каждое произнесенное в ней слово, каждый спор будет высоко поучителен.

– Да, если соберутся “лучшие люди”, но ведь их не пропустят.

– Дайте хороший выборный закон.

– Нет, не то все это, не то. Поразительно ослепление русских выдающихся умов! В 80-х годах я был юнкером. У нас в курилке училища собирались постоянно своего рода митинги. Рассуждали, конечно, о русской конституции. Я участия не принимал, но внимательно прислушивался. И

вот что я вынес. Наши юнкера, совсем мальчишки, были и образованнее, и здравомысленнее нынешних больших публицистов. Камень преткновения была именно выборная система, и я сейчас с гордостью могу сказать, что даже самые крайние у нас фанатики конституционализма были вынуждены признать абсолютную невозможность центрального парламента. Все комбинации перебрали, и наконец пришли к полному отрицанию и совершенно естественно повернули на федерализм. А теперь взгляните, ну не комичное ли это явление, что Хомяков стоит за Думу? Ведь просто глаза приходится протирать!.. Неужели все то, что я от вас слышу, серьезно? Я думаю, что вы просто надо мной смеетесь, Николай Алексеевич?

Хомяков начинал сердиться на этот настойчивый допрос. Он отвечал с нервной ноткой в голосе:

– И затем, что самое важное. Я этого не хотел говорить, но вы, ваше превосходительство, меня заставляете... Поэтому простите...

– Пожалуйста, чем резче, тем лучше.

– Я держусь за Думу не потому, что жду от нее серьезного законодательства, если уж на то пошло, мой почтеннейший Михаил Андреевич, а потому что она немножко приостановит наш реформационный пыл. Я боюсь ваших грандиозных планов. За эти дни все поставлено ребром. Витте так не торопился, как вы, и на то не решался. Вон, смотрите, у вашего Соколова заседание за заседанием. Я этих самородков боюсь, особенно когда они начинают ломать фундаменты. Затем Павлов.

– Вы ведь знали, что такое “дворянин Павлов”, и вытащили его в министры земледелия. Я с ужасом вижу, какая ломка предстоит. Почти Герценштейновских иллюминаций. Затем, что ваш Папков наделает со своим приходом! А в довершение всего вы отдали внутренние дела Тумарову и тот уже начинает пороть литераторов. Столыпин совершенно прав, что вы приведете Россию к революции, на этот раз настоящей. Так вот, я считаю Думу отличным тормозом для такой политики. Пусть она будет

неработоспособна, черт с ней. За это время Россия успокоится, одумается, а там будет видно.

Последние слова были произнесены Хомяковым тем самым тоном, каким в выдающиеся минуты он говорит на собраниях, всех волнуя и покоряя. Каждое слово вонзалось в Иванова, как отравленная стрела. Глаза диктатора загорелись и он встал с места. Поднялся и Хомяков.

– Простите, что вас побеспокоил. Если вы решились приравнять меня к Витте, всякий дальнейший спор бесполезен. Замечу только, что вы напрасно приписываете мне реформаторское самовластие. Именно этим не болею я и не дам заболеть никому из моих сотрудников. Я проведу в жизнь только то, что будет одобрено и оправдано народной совестью, а вызвать и допросить эту совесть, поверьте, сумею.

Хомяков нервно засмеялся.

– Да, да, вы ваши законопроекты будете рассылать на уездные земские собрания! Читал, читал! Так дайте сначала гласным жалованье, а то там в уездах есть нечего, ни одного экстренного собрания не соберете.

Диктатор и Хомяков смили друг друга взглядами. И оба взволнованные, оба опознавшие друг в друге непримиримых противников, сдержались. Разговаривать о Земском Соборе было при этих условиях даже странно. Иванов овладел собой и подал руку Хомякову.

– Николай Алексеевич, я вас не понимаю.

– И не трудитесь, генерал. На что я вам? Поговорите лучше с братом Митей, с тем сойдется скорее. У него, пожалуй, станете даже *beatus vir*, как Сергей Юльевич. А я – пас.

“Я тебя, милый человек, раскусил”, – подумал Хомяков, выходя.

“Я боюсь его понимать, – подумал диктатор, провожая, – Неужели это только оскорбленное самолюбие? Но чем же я его оскорбил?”

Неудача с Хомяковым не смутила Иванова, и он решил поговорить о Земском Соборе с другим выдающимся москвичом – Федором Дмитриевичем Самариным, которому он напрасно предлагал перед тем портфели просвещения и Синода.

Ф. Д. Самарин категорически отказался от всякого служебного назначения, но обещал диктатору самую широкую помощь мнением и советом, когда ему будет угодно за этим обратиться.

По вопросу о Земском Соборе Иванов и в Ф. Д. Самарине никакого сочувствия не встретил. Основатель и глава “Кружка москвичей”, разумеется, принципиально Собора не отрицал, но считал его и бесполезным, и несвоевременным. Со своим тонким и острым анализом и несокрушимой диалектикой Самарин высказал Иванову целый ряд соображений против Собора.

– Главная задача Собора – вывести Верховную Власть из неловкого положения, созданного Манифестом 17 октября, неосуществима. Манифест был издан Государем единолично и может быть отменен точно так же. Мнение Собора для Царя необязательно. Если поставить дело так, что Собор будет просить об отмене Манифеста и восстановлении самодержавия, то все же инициатива будет исходить только от Царя, и все поймут, что и самый Собор лишь затем и созывался, чтобы заявить заранее известное ходатайство.

– Но я признаюсь, – говорил Самарин, – не вижу надобности в формальной отмене Манифеста 17 октября. Как ни прискорбно, что этот документ был издан, как ни печальны для власти обстоятельства и условия, при каких он появился на свете, все же сам по себе он не имеет того значения, какое склонна приписывать ему публика. Царская власть зиждется у нас не на каком-либо законодательном акте или статье законов. Она создана нашей историей, она выросла вместе с Русской Землей и корни ее глубоко проникли в русскую народную почву. Поэтому отменить или умалить и поставить в известные пределы власть Русского Царя не может никто, хотя бы и сам Самодержец. Она остается неизменной, доколе будут существовать те

реальные условия, из коих она возникла и в коих черпает свою силу. Я глубоко убежден, что судьба русского самодержавия зависит не от того, останется ли в силе Манифест 17 октября или нет, а от того, будет ли оно само сознавать свое историческое значение, останется ли оно верно своему призванию и оправдает ли оно, наконец, ту народную веру, в которой заключается вся его жизненность и сила.

Второе возражение Самарина заключалось в том, что если Собору будет предложено выработать новое положение о государственном устройстве взамен учреждения Государственной Думы, то этим самым Собор станет в положение Учредительного Собрания, то есть будет выше Царя; в самом деле, Собором будут отменены два важнейших акта, изданных Царем единолично. Разве это не будет окончательным ударом самодержавию?

Третье возражение касалось самой техники созыва. Самарин указывал, что Собор в его древней форме, то есть в составе высших государственных учреждений, "Освященного Собора" епископов и выборных от всех сословий, никакой гарантии устойчивости и единства не дает. Большинство высших сановников тянут к кадетам, среди епископов рознь, дворянство ничего сплоченного не представляет, крестьянство распропагандировано и может не устоять перед агитацией смутьянов, остальные сословия созданы искусственно и ничего определенного не представляют. Земства же и города, организованные всесословно, очевидно, сословных выборных дать не могут. Таким образом, огромный состав Собора получится донельзя пестрым и даже его облика нельзя себе заранее представить.

Очевидно, поэтому, что ожидать Собора единого и цельного, по мысли Самарина, невозможно. Но, если даже предположить, что такой Собор соберется, то в чем будет его задача? Приведет ли он к умиротворению? Уляжется ли смута, укрепится ли власть?

Ничего подобного Самарин не ждал. Наоборот, так как Собору предстояло бы выработать новую схему государственного строя, взамен "Положения о

Государственной Думе”, которое уже стало фактом вне спора и этим самым внесло известное успокоение, то на нем снова поднялись бы все вопросы и разногласия, мутившие русское общество в революционный период. Собор не смог бы устоять перед давлением улицы. Почему вы думаете, говорил Ф. Д. Самарин, что Собор должен воссоздать историческую Царскую власть, а не пойти по совершенно иному пути?

В силу этих соображений Собор не мог, по мнению Самарина, оказать ни в каком случае и того благотворного психического воздействия в смысле подъема патриотического чувства, которого ожидал Иванов.

Диктатор энергично возражал:

– Но эти серые будни невозможны. Никакое творчество правительства не будет плодотворно, пока мы осуждены действовать за личный счет и риск. России, как больному, необходима прежде всего бодрость и жажда выздоровления, необходим подъем духа и веры. А я чувствую, как этого не хватает.

– Что делать! Пусть это придет само. Дайте, с одной стороны, действительно сильную и строгую власть, возобновите порядок, с другой, работайте над экономическим подъемом народной жизни, а затем – ждите терпеливо.

– Мы все работаем по мере сил. Намечен и разрабатывается стройный план реформ во всех областях. Но неужели же мы осуждены проводить эти реформы старым бюрократическим путем? Ведь это полное неуважение к великой стране, которая изображает из себя не голую же доску, на которой пиши, что хочешь?

– Но вы же вводите ваш принцип опроса земств. Для успокоения вашей совести этого должно быть достаточно.

– Увы! Это тоже отдает канцелярией. Я чувствую, что затерян какой-то ключ к живому общению правительства с лучшими силами русского народа. Дайте этот ключ, и России вы не узнаете в какой-нибудь месяц.

– Да, и вы ищете этот ключ в Земском Соборе? Напрасные надежды. По-моему, Земский Собор станет нравственно

возможен только тогда, когда Россия уже возродится и окрепнет.

– Тут действительно заколдованный круг. А что вы скажете, Федор Дмитриевич, о перенесении столицы обратно в Москву или в Киев?

– Я не поклонник Петербурга, вы это знаете, но я не вижу пользы и от этого крутого шага. Старой Москвы больше нет, а новая ничуть Петербургу не уступит. Разве не Москва шла впереди освободительного движения? Разве не здесь происходили съезды земских и городских деятелей, всякие крестьянские съезды? А здешнее губернское земство, здешняя Городская Дума? Что осталось в Москве истинно русского и государственного? А Киев? Да разве нынешний Киев похож на Киев Владимира Святого? Разве Киев создал и провел русскую государственную идею?

Диктатор проводит Ф. Д. Самарина и грустно задумался.

– Не то все это, не то! Деловая сторона в порядке, но где та божественная искра, которая зажгла бы Россию и сразу раскрыла сердца и освободила души от этого убийственного мрака и холода? Никто ни во что не верит, никто не смеет верить. Какой-то лазарет, какое-то кладбище, а не живая и бодрая страна! Но – прочь уныние! Вы заставляете меня действовать в одиночку, вы на одного меня валите всю работу, – хорошо, будем работать в одиночку!

– Министр внутренних дел – доложил адъютант.

– Просите, просите...

ЛII. Закон о печати

Тумаров вошел с большим портфелем, раскрыл его и положил перед диктатором объемистую печатную записку, оклеенную традиционной ленточкой.

– Посмотрели?

– Никуда не годная работа.

– Это жаль. А вы не очень строги к ней?

– Помилуйте! Разве это закон? Целую стопу бумаги исписали. 268 статей! Чиновник не может иначе, как сочинять, причем старается предусмотреть всякие мелочи, предписать каждый шаг. Но жизнь в казенные рамки не укладывается, и получается чепуха. И потом, я совершенно не вижу, чтобы в этой комиссии участвовал хоть один журналист. А ведь только они и знают дело.

– Ну что же делать? Бросим это в печку, а законом о печати займитесь вы.

– А не подождать ли, ваше превосходительство, с этим делом? В хороших руках и временные правила будут достаточны. Измените две-три статьи, да кое-что добавьте, вот и все. Есть вопросы гораздо более острые.

– Дорогой Павел Николаевич, в том-то и дело, что нужны “хорошие руки”. А где они? Здесь же по крайней мере будет гарантия, что во главе политической газеты не очутятся прохвосты. Дайте хоть только это да избавьте печать от жида. Закон о печати ясный, точный, краткий нужен бесконечно. Наша несчастная смута поддерживается печатью. Пока печать не упорядочена, вся наша работа наполовину парализована.

– Я совершенно согласен, что закон о печати нужен. Я не хотел только ставить его на первую очередь.

– И главное, займитесь им сами.

– Воля ваша, Михаил Андреевич, я в этой области не ходок.

– Поручите кому-нибудь.

– Но кому же? Выйдет опять комиссия Кобеко. Но если вы настаиваете, я предложу вам один план.

– Пожалуйста.

– Да пусть сами газетчики напишут закон о печати.

– Это очень любопытно.

– Судите сами: чего мы будем ломать голову и сочинять, чтобы они потом обходили каждую статью и дурачили правительство? Пусть пишут сами, а мы дадим только главные основания.

– Я вас понимаю, это блестящая идея.

– Очень рад, что вы одобряете. Итак, я бы составил комиссию из опытных и уважаемых, разумеется, русских редакторов, издателей, типографщиков, пригласил бы кое-кого из серьезных писателей и поручил бы всю работу им без всякого участия кого-либо из чиновников. Затем, когда законопроект будет составлен, можно передать его на рассмотрение Главного управления по делам печати. Пусть там его разберут по косточкам и дадут заключение. Тогда для нас будет все совершенно ясно.

– Боюсь, что для этой комиссии будет трудна редакция закона.

– Сделайте одолжение, пусть приглашают кого угодно на помощь. Какое нам дело? Ведь в их интересах иметь точный и хороший закон. Нам важно дать только основания.

– У вас они сложились?

– Да, я их набросал.

Тумаров достал из портфеля листок и передал Иванову.

– Я думаю, что этого будет достаточно.

Иванов прочел нижеследующее:

“ГЛАВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАКОНА О ПЕЧАТИ

1. Предоставить самую широкую свободу всякой честной, искренней и серьезной мысли. Положить твердый предел всякого рода злоупотреблению печатным словом и устранить спекуляцию печатным товаром.
2. Установить точку зрения на политическую газету как на право для заслуженных и совершенно определившихся в литературном и нравственном отношении писателей иметь публичную кафедру для проповеди своих воззрений.
3. Установить точную ответственность автора, редактора и издателя перед судом.
4. Установить особые формы суда по делам печати применительно к особому характеру печатных проступков и преступлений.
5. Установить точную характеристику преступлений печати, характер и размер наказаний.

6. Выработать меры для пресечения вредного действия печатного произведения до судебного решения.
7. Выработать ряд мероприятий для борьбы с порнографией, развратными объявлениями и вредными спекулятивными изданиями.
8. Совершенно отстранить евреев от политической печати и выработать меры, обеспечивающие печать от еврейского засилия и влияний”.

Иванов прочитал этот пункт и воскликнул:

– Ого! Если бы было возможно осуществить?

Тумаров отвечал:

– Ничего нет проще. Берите с каждого утверждаемого редактора подписку в форме честного слова, что в числе его сотрудников и служащих евреев не будет, а затем смотрите на нарушение этого слова как на акт безнравственности, уничтожающий данную концессию, – и дело в шляпе.

– Ну а как же быть с крещеными евреями?

– Россия ничего не потеряет, если мы исключим и их. Может быть, будут отстранены некоторые хорошие жидки, но что же делать? А оставьте крещеных, – пресса будет по-прежнему еврейская, – они все перекрестятся. Нет, уж лучше совсем исключить евреев.

– Ничего против этого не имею. Мне только кажется, что ваша программа чересчур обща.

– Поэтому я и назвал ее “главными основаниями”. Некоторые указания можно дать дополнительно. Да их просить, наверно, будет сама комиссия. Ведь я же ее не брошу на произвол судьбы, а буду косвенно руководить.

– Ну, помогай вам Бог. Эту комиссию я попрошу вас организовать тотчас же, как вернемся в Петербург. А теперь давайте ваших губернаторов.

– Да, задали вы мне, ваше превосходительство, задачу!

– Ничего, ничего... Вы в отличных условиях. Еще Плеве говорил: “Ах, хоть бы одного вице-губернатора мог я назначить самостоятельно”. А у вас руки развязаны

совершенно. Ни одной записочки, ни одного рекомендательного письма не будет.

ЛIII. Протоиерей И. Восторгов

Как ни разобрано было время у генерал-адъютанта Иванова 16-го, но он нашел полчаса, чтобы принять знаменитого протоиерея Иоанна Восторгова, составлявшего душу и центр московских монархических организаций.

В кабинет вошел толстенький священник с небольшой окладистой бородой, черными пронизательными и повелевающими глазами и совершенно голым черепом, обрамленным черными густыми короткими волосами, с грехом пополам слагавшимися сзади в духовное украшение. Диктатор встал и сделал шаг навстречу протоиерею, пристально его разглядывая.

Прошло с полминуты молчания. Первым заговорил Восторгов.

– А я, ваше превосходительство, знаю, что вы сейчас думаете.

– Это любопытно. Ну скажите, что я думаю?

– А вот что вы думаете: “Поп Восторгов, зачем ты в эту компанию попал?”

– Вы отчасти угадали. Духовное лицо в роли политического агитатора... как будто несколько странно, но ведь у нас в России все перепуталось.

– Я в этой роли неволен. Жалко было отдавать патриотические организации в поганые руки. Я всячески от политической деятельности открещивался и если еще не ушел, то, как говорят актеры, только “по желанию публики”. Мое призвание – школа. Но теперь для мирной деятельности время плохое, – я стараюсь работать над другого рода просвещением. Вот, позвольте вам поднести наши издания.

– Спасибо. Время мне дорого, и потому я буду краток и приступлю прямо к делу. Вы мне должны дать короткую,

сжатую, яркую характеристику монархических организаций и их главарей. До сих пор я мог только убедиться, что в этом лагере ужасная бедность содержания и невероятные претензии. Итак, начнем. Что такое доктор Дубровин?

– Несчастный человек. Хороший врач и никуда не годный политик. В момент начала революции он был очень популярен в Петербурге как врач, имевший огромный район практики. Его вынесла волна и поставила во главе патриотического движения в Петербурге. При его самолюбии эта роль ему понравилась. А так как никаких данных для настоящего вождя у Дубровина не было, а о политике он попросту не имел никакого понятия, то вокруг него собрался всякий сброд.

– Дальше. Пуришкевич?

– Очень талантливый и разносторонний человек, отличный организатор. Его беда – неукротимое самолюбие и жажда власти при полном отсутствии всякого нравственного регулятора. Он способен проработать 16 часов кряду, но не способен никому подчиняться. Отсюда постоянные конфликты с Дубровиным, доходившие чуть не до драки. Ну а затем, что у них самое противное, это политиканство и девиз “цель оправдывает средства”. Для Пуришкевича “все можно”.

– Хорошо. Теперь здешние. Мне до крайности несимпатичен ваш Грингмут. Вы, кажется, его поклонник?

– Ваше превосходительство, я цену ему знаю, но это незаменимый человек для Москвы. Он один умеет держать некоторый порядок и предотвращать столкновения. Я не могу себе представить, во что обратились бы наши монархические организации в Москве, уйди Грингмут.

– Теперь скажите мне, что такое князь Щербатов?

– Александр Григорьевич? Очень затрудняюсь дать надлежащую характеристику.

– Пожалуйста, отец протоиерей, откровенно. То, что вы мне скажете, из этой комнаты не выйдет.

– Что же вам сказать? По-моему, князь Александр Григорьевич – человек очень благонамеренный, но

совершенно несерьезный. За ним ухаживают, его ставят везде во главе, а между тем, чем он ни руководил, все всегда проваливалось. Да иначе и быть не может: сегодня он заявляет, что все спасение, положим, в Земском Соборе. Спрашиваете его завтра, и он вам отвечает, что Земский Собор – “это пустяки-с”, а вот он основывает крестьянскую газету и этим повернет всю Россию. Послезавтра крестьянская газета забыта и основывается уже “Братство Пресвятой Богородицы”, разумеется, с таким же успехом и результатом.

– Ну, а Ознобишин Николай?

– Ну, это индейский петух. Кого только он не насобирал в свой союз! Довольно назвать Николая Николаевича Дурново и Грекоса Сарандинаки.

– Надеюсь, эта организация не серьезная?

Протоиерей хитро улыбнулся одними глазами.

– Ваше превосходительство, как и все.

– А что, отец протоиерей, вы, кажется, и сами обо всех этих так называемых патриотических организациях не особенно лестного мнения?

– Не наше это, не русское дело! Все эти союзы имели смысл только в один коротенький промежуток времени, как противодействие революции. Но революция усмирена, и сами союзники решительно не знают, куда идти и что с собой делать.

– А вы сами как смотрите на желательную деятельность правых элементов?

– Нам необходима церковная организация, нравственное воздействие на общество, возрождение православия. В этом духе задумано Всероссийское Православное Братство.

– Опять централизация? А что вы скажете о восстановлении прихода? Не там ли наше настоящее русское дело?

– Боюсь, ваше превосходительство, что ни в нашем духовенстве, ни в обществе не хватит для этого нужных сил. В приходское дело замешается политика и ворвутся самые нежелательные элементы. Ведь вот и на Востоке, где приход уцелел, мы видим большие безобразия, что же будет у нас?

Просмотрите-ка мою брошюрку о приходе. Там все это обстоятельно освещено...

– Ну, отец протоиерей, об этом мы с вами спорить не будем, да мне и некогда. А вот будьте добры передать вашим друзьям – и здешним, и петербургским: организаций их я пока закрывать не буду, они мне только жалки и сами по себе безвредны. Разве вот придется обуздать “Вече” и вашего протеже Оловеникова. Это настоящая помойная яма. Затем я категорически требую, чтобы вся эта недостойная игра депешами на имя Государя была окончена. Этого я терпеть не собираюсь и говорил уже об этом с Тумаровым. Затем все эти хоругви, процессии – тоже насмарку. Ваши союзы сделают гораздо лучше, если будут спокойно разрабатывать местные вопросы и ходатайствовать не о политике, а о местных нуждах...

Протоиерей откланялся, диктатор проводил его глазами и подумал про себя: “Ничего не поймешь. Совершенно новый для меня тип. Разбирай, кто может: не то протопоп Аввакум, не то Лентовский в рясе...”

Московская поездка диктатора, кроме тех явных целей, которые читатель мог видеть, имела и еще одну задачу, но уже совершенно секретную. Иванову было необходимо убедиться, насколько справедливы слухи о безобразиях в управлении градоначальника. Слухи ходили самые невероятные. Из сведений, которые под рукой успели собрать сам уполномоченный и новый министр внутренних дел, явствовало, что без строжайшей сенаторской ревизии не обойтись. Эту ревизию давно желал назначить Государь, но общая смута задерживала дело. Теперь революция догорала, оставив густой смрад, и можно было приступить к генеральной чистке первопрестольной столицы. Затем и у самого диктатора более или менее развязывались руки. Кабинет был образован и могла начаться широкая творческая работа по обновлению и возрождению Родины.

СОЦИАЛИЗМ И ЕВРЕИ

Социализм как религия ненависти

I

Нашу пресловутую революцию сравнивают с “великой” французской, и кто-то рекомендовал даже следить за ней по краткой истории, как по отрывному календарю, ручаясь за возможность прямо предугадывать дальнейшие события.

Увы, этот пророк “отгадчиком” не оказался, и наша “революция” хоть и потребовала много крови и жертв, но во французскую не выросла, а обратилась в некую политическую гнусность, закончившуюся убийствами из-за угла и экспроприациями, сначала идейными, а затем и просто разбойными.

Сходство, с сильной натяжкой, пожалуй, найдется, как всегда найдется сходство между двумя ломаемыми домами. И там, и здесь разбирают старую постройку, летит пыль, накапливается много мусора. В обоих случаях, когда процесс ломки закончится, старого здания не будет. Но на этом кончается и все сходство.

Как видите, оно чисто внешнее. Но зато, если мы обратим внимание на разницу между нашей революцией и французской, то она окажется так велика и существенна, что ни о каком сходстве не придется и говорить.

Довольно указать на два пункта. Французская революция была не только национальна, но, можно сказать, крайне преувеличено национальна. Никакие инородцы в ней не участвовали, а вся остальная Европа шла на ее усмирение. Патриотизм самих французов был так горяч, что за одно подозрение в его недостатке господ революционеры без церемонии рубили головы.

В этом смысле наша революция является прямой противоположностью. Ее вожаки – в большинстве инородцы, вошедшие между собой в союз и предоставившие

господам россиянам роль весьма второстепенную. Затем насчет патриотизма замечается тоже как раз обратное. Если бы дело дошло, помилуй Бог, до снятия голов, то таковые стали бы сниматься за проявление русского патриотизма, а уж никак не за его недостаток. Подсчитайте чисто политических жертв и их окраску, – и вы увидите, что это все были именно патриоты. Кто же не знает, что для нашей революции “патриотизм” – понятие весьма презренное, а “патриот” даже прямо ругательное слово? Да это и понятно. На свою национальную революцию французские патриоты несли патриотически свое, иногда последнее, достояние. Наша революция идет сплошь за чужой счет, сначала за японский, как это недавно документально доказано, затем за счет международных, точнее – еврейских денег, ибо главная задача русской революции есть все-таки еврейское равноправие, недостижимое при старом самодержавном строе. Теперь этот строй заменяется парламентарным, то есть именно тем, который нужен опять же евреям и всяким инородцам, а русским пристал, как корове седло.

Будь наша революция национальной, она прежде всего вылилась бы в форму борьбы за земщину против бюрократии. Но земщина-то именно у нас и прокатилась в революционный период, как понятие чисто русское, для еврейства еще гораздо более противное, чем самодержавие. И наивен был бы тот, кто стал бы ждать от нашего парламента серьезной постановки и свободы самоуправления. Наоборот, он, если бы удался, создал бы неминуемо нейтралистский шаблон, так бы все нивелировал и обезличил и законодательством, и всякими общеимперскими союзами, что от всей земской свободы осталось бы едва ли не одно только великое право – собираться на митинги, да и то левые, а отнюдь не патриотические.

Второе коренное отличие нашей революции, – это ее социальный характер в противоположность чисто политическому характеру революций западных. Насколько во французской революции бьет в глаза ее решительно буржуазный облик, ее домогательства устранения феодальных привилегий во имя чисто политических прав и

свобод (припомним драконовские постановления о собственности, о стачках и т. п.), – настолько же наша русская революция насквозь прокрашена социалистическими вождениями и нежеланием ни одной минуты остановиться и укрепиться на ненавистном капиталистическом или буржуазном строе.

Это последнее обстоятельство придает всему нашему “освободительному” движению совершенно своеобразный колорит и предназначает ему путь совсем особый, где французская книжка по истории ровно ничему не поможет и ничего не уяснит.

II

Многие русские люди ломают себе голову, решая вопрос: откуда взялся у нас социализм и почему это учение в такое короткое время и так могущественно овладело умами нашей молодежи, да и не только молодежи, а даже взрослых и серьезных, по-видимому, людей, которым, казалось бы, обязательно более вдумчивое отношение к тому, что проповедуется на газетных столбцах?

Чтобы выяснить этот вопрос, от которого в значительной степени зависит то или иное отношение к русскому освободительному движению, необходимо установить сначала твердую принципиальную точку зрения на самый социализм, как на положительное учение. Смело говорим, что в широких кругах русского, так называемого образованного, общества никакой такой точки зрения не существует. Огромное большинство судит о социальных доктринах совершенно превратно, и мы не ошибемся, если этот общий расхожий взгляд выразим так:

“Социализм есть учение весьма дельное и серьезное. Но в самую глубину этой премудрости заглянуть обыкновенному смертному очень трудно, так как она окружена чрезвычайно туманной и сложной диалектикой, в которой и упражняются специалисты. Наш доморощенный социализм в его практических применениях и в популярной проповеди есть нечто весьма искаженное и изуродованное,

годное, конечно, для гимназистов да совершенно отпетых и невежественных людей вроде Аладьиных, Жилкиных и К° в первой Думе и Алексинских во второй или новоявленных кавказских выходцев, каковы, например, были пресловутые Рамишвили, Зурабовы, Церетели и т. п. Эти господа только компрометируют социализм, требуя слишком преждевременно разных несуразных вещей и притом с ненавистью и дерзостями. Но это не мешает социализму подлинному быть „учением будущего“ и привести человечество к благу”.

Думаем, что этим довольно верно определяется взгляд среднего грамотного русского обывателя. Если мы прибавим сюда ходячее мнение, будто существует еще какой-то христианский социализм, мирный и благостный, и что вот этот-то социализм и есть самый настоящий, мы можем на этом и закончить. Большого от русской публики не требуйте. Маркса ни в подлиннике, ни в переводах она не читала, хотя усердно раскупила несколько изданий Капитала. Комментаторов и продолжателей Маркса вроде Энгельса, Каутского и прочих она знает еще меньше, а серьезных критиков и близко не видала. Все, что она читала, – это ряд популярных брошюр, которые прежде проносились под полой, а ныне свободно продаются и раздаются бесплатно и которые для несамостоятельных умственно людей представляют критику современного капиталистического строя – весьма сокрушительную и обещания будущего – самые заманчивые.

Добрая и душевная русская публика даже и не подозревает, что социализм никакой науки, никакого учения собой вовсе не представляет, что это есть не более, как известная система диалектики, чрезвычайно утонченной и сложной, вся цена коей ломаный грош, ибо отправной пункт содержит в себе первородную ложь, что сила социальной доктрины заключается не в ее выводах, которых и сами социалисты не сделали, не в положительных формулах людского общежития, которых никто не установил и установить не мог, а только в отрицании, опирающемся на специальное настроение отдельных ли лиц или целых общественных групп; что в социализме нет поэтому

абсолютно никакой творческой стороны, а исключительно разрушительная, и что, наконец, как учение, построенное на лжи, вражде и ненависти, оно не имеет никаких иных логических выводов, кроме чистейшего анархизма, если остаться только при разрушении, или неслыханного нигде и никогда рабства, если упорствовать в праздной мечте и созидании общежития на социалистических началах.

III

Научная истина всегда объективна, ясна, сама себе равна и воспринимается разумом достаточно независимо от настроения учащего или поучаемого. Социальная доктрина для своего усвоения требует чувства, особенным образом подготовленного, которое только тогда ее не отвергнет, когда поучаемый будет заранее подготовлен звучать в унисон с учащим. Отсюда всеобщее и давнее наблюдение: социальное неравенство есть повсюду и всегда, но, чтобы социальное учение нашло восприимчивых слушателей и воспламенило массы, необходимо, чтобы общественные страдания, насилия и несправедливости перешли известную черту, за которой уже неугасимым огнем загорается ненависть слабого к сильному, бедного к богатому, глупого к разумному.

Только в такую среду социальная доктрина может с успехом бросать свои ядовитые семена.

Потрудитесь американцу Соединенных Штатов, получающему заработную плату до 2 и больше долларов в сутки и быстро накапливающему сбережения, начать развивать ту доктрину социалистов, что предприниматель-капиталист его грабит, отнимая от него “прибавочную ценность”, которая ему, рабочему, принадлежит. Американец засмеется вам в глаза и решительно не будет в состоянии понять, каким образом у свободного гражданина, свободно предлагающего свой труд и назначающего ему свободную расценку, кто-нибудь может что-нибудь украсть. Но обратитесь с той же проповедью к голому и голодному итальянцу или к русскому фабричному пропойце – и ваш

слушатель развесит уши. На заманчивые перспективы всеобщего равнения имуществ американец ответит бранью, потому что у него впереди благосостояние и победа, основанная на личной предприимчивости, удаче и сбережениях. У него самого растет его небольшой капитал, который в будущем будет только удваивать его трудовые силы, и потому всякое покушение на этот капитал будет ему казаться покушением также и на него лично. Наоборот, какой-нибудь итальянец, совершенно изверившийся в возможности выбиться из бедности упорным трудом и бережливостью и вынужденный покинуть родину, чтобы идти куда глаза глядят, уверует в будущий коллективизм, как в Евангелие.

Вот почему Северная Америка, страна исключительного расцвета промышленного капитализма, является, по выражению социалистов, “страной оставления всех надежд” (для них), а Италия – истинным рассадником и гнездом социализма. Поэтому же Германия с ее твердой властью и прочным экономическим строем хотя и прислушивается к туманной диалектике своих главарей социального движения, хотя и охотно рассуждает о нем за кружкой пива, но практически переработала самое учение так, что истинные, кровные социалисты называют германский социализм “наукой о безропотном перенесении рабочими ига капиталистов”.

И это выражение необыкновенно счастливо и точно. Немецкий рабочий отлично знает, с каким колоссальным трудом и борьбой отвоевывает рынок и дает своим рабочим работу немецкий капитал и каким небольшим, сравнительно, довольствуется он вознаграждением. Он хорошо знает, что малейшее неловкое прикосновение к этому капиталу отразится страшной катастрофой прежде всего на самих же рабочих. И вот господа немецкие социалисты, покуривая свои трубки, рассуждают весьма здраво, что, хотя, по Марксу, капитал им и враг, но пока что они от него кормятся; хотя милитаризм и недостойная и презренная вещь, поддерживающая буржуазный строй, но, однако, без внушительной военной силы Германия не могла бы так шагать на иностранных рынках – и потому хоть и

неохотно, но все же вотируют в рейхстаге нужные кредиты на армию и флот.

А попробовали те же социалисты стать поперек дороги германскому буржуазному творчеству, – получился неслыханный разгром партии, которую на последних выборах в рейхстаг жестоко закидали черняками и сократили более чем вдвое.

IV

Так стоит дело на культурном Западе, потоками крови оплатившем всякие перевороты и революции. У дальнейших из тамошних народов – немцев и американцев – социальная доктрина, являясь всем понятным предупреждением, принесла и свою долю пользы. В Америке гигантские стачки всемогущего капитала вызвали не менее гигантские рабочие союзы, прекрасно оградившие трудящиеся массы от возможности хищнической их эксплуатации. Но увы! Об этих рабочих союзах социалисты предпочитают умалчивать, ибо они построены на чистейших буржуазных принципах и в корне противны социальному учению. Это не более как взаимное страхование мелких капиталистов в ответ на стачку крупных. Пролетарий, в этот союз не попавший, услугами его не только не пользуется, но и встречает явно враждебное к себе отношение. Подите-ка, вступите в американский рабочий союз! Это потруднее, чем в любую из наших биржевых артелей, где нужен взнос в несколько тысяч рублей.

В Германии развитие социальных учений подсказало правительству вовремя позаботиться о правовом и экономическом положении рабочих. Государство мастерски вырвало инициативу всяких разумных улучшений из рук вожаков социализма, и еще руками Бисмарка само создало прекрасное рабочее законодательство, обеспечив рабочих в их внешних условиях труда, насколько только это доступно государственной власти. Социализму в Германии остались

только невинные ораторские упражнения да забастовки, производимые очень редко, тонко и осторожно.

В России, где, при ничтожном процентном отношении фабричных рабочих к общей массе населения и при землевладении всей крестьянской массы, социализму, казалось бы, совсем нечего делать, это учение волею судеб оказалось в противность всякому здравому смыслу руководителем революционного движения. Главари социализма, скрывавшиеся в подполье в то время, когда земские передовые силы выступили на борьбу со старым режимом, тотчас же после первых побед земцев вышли на поверхность и буквально сели буржуазно – либеральному течению на шею.

Не успели наши конституционалисты отпраздновать первый медовый месяц отвоеванного с таким напряжением и хитростями парламентаризма, как уже в Государственной Думе за их спиной выросли разные “трудовые группы”, явились люди столько же некультурные, как и наглые, и сразу предъявили свои претензии на власть.

Никогда еще великий господин Пролетариат не выступал в мировой истории с таким умственным и нравственным убожеством и... с таким апломбом. Он не хочет считаться ни с чем. Для правительства у него нет других терминов речи, как “воры”, “провокаторы”, “хулиганы”. Почтенных и истинно свободолюбивых людей, как покойный гражданин Гейден, он величественно именует “старыми шлепаками” (можем привести подлинную цитату из одной пугачевской газеты) и кричит им “довольно” и “долой”. Милостиво-презрительно, как истинно зазнавшийся хам, относится он к перетрусившим либералам, усердно вертящим перед ним хвостом, и при малейшем серьезном противоречии дает им пинка. Пользуясь растерянностью и скудоумием власти, устраивает в России пугачевщину и готов взять за горло все ему сопротивляющееся, все культурное, спокойное, просвещенное. И при этом полное отсутствие какого бы то ни было намека на патриотизм, стремление к неслыханному самовластию, переходящему в прямое самодурство, нетерпимость, забывающую всякие границы, и насилие, насилие и кровь без конца...

Вот в каком виде довольно неожиданно появился на нашей политической сцене Российский Пролетариат, одушевленный великими доктринами социализма. Пока что перед удалю этого младенца все в ужасе расступаются, и все чувствуют основательность этого ужаса. В голосах господ Алексинских, Жилкиных, Аладыных и иных чувствуется не их личное нахальство, а огромный, косматый, проснувшийся дикий зверь, нечто вроде древнего апокалипсического Змия, неуголимый и неукротимый, словно олицетворивший в себе все, что жило в грязном и мрачном подполье русской народной души, жило, сдавленное тисками полицейского государства, и со времен Стеньки Разина и “дедушки Емельяна Ивановича” не подавало голоса.

Теперь этот зверь рычит и выпрямляется, и мы с ужасом чувствуем, как его когти вонзились в нашу Родину. Волей – неволей приходится этому зверю заглянуть в лицо и ознакомиться с его родословной.

V

Мы сказали выше, что вся социальная доктрина основана на первородной лжи и потому ровно никакой, ни научной, ни практической, ценности не представляет. Ложь эту необходимо разобрать и выяснить истинную сущность столь властно утвердившегося у нас учения.

Один из главарей немецкого социализма, Бебель, так определил свое исповедание: “Наша цель, – сказал он, – в области политики – республика, в области экономики – коммунизм и в области религиозной – атеизм”.

Если мы отстраним первый член этой формулы – республику, как взятый из чужого лексикона за неимением собственных ясных понятий о желательном типе государства, то двух остальных будет вполне достаточно, чтобы определить всю духовную сущность социальной доктрины.

Это то же христианство, но с отрицательным знаком.

Современное человечество переживает самый расцвет буржуазно-капиталистического строя. Его основы – широкая политическая свобода и широкий экономический индивидуализм, прямо из этой свободы вытекающий. Правовое государство твердо держится принципа экономического невмешательства и предоставляет личностям и их союзам устраивать свои материальные отношения как хотят, проявляя активную власть единственно ради поддержания общественного порядка, охранения свобод и дарования минимальной обязательной справедливости во внешних отношениях своих граждан.

Вправо от этого строя начинается область религии, которая в лице христианства усиливается побороть старое юридическое и языческое государство и построить жизнь людей на иных, высших началах. Церковь, не отрицая государства и не борясь с ним (Кесарево Кесареви), старается воспитать и вознести души людей так, чтобы, оставаясь в прежних материальных и юридических условиях, люди перестали их ценить и смотреть на них как на высшее благо, ища такового не здесь, на земле, а за гробом. Христианин должен поэтому относиться совершенно безразлично и к своему имуществу, и к своим правам, и ко всей земной обстановке. Последняя должна быть ему ценна лишь постольку, поскольку дает возможность совершать дело любви, то есть помогать благополучию своих ближних. А так как дело любви возможно при каких угодно политических и экономических условиях, то с христианской точки зрения нет ни оправдания, ни осуждения никаким общественным и государственным формам. Всякий строй для него приемлем, поскольку в нем возможно “тихое и мирное житие”, ибо только это с христианской точки зрения и требуется от государства. Остальное дадут личный подвиг, личный духовный подъем и самосовершенствование христианина. И в этом смысле все общественные деления, например сословность, все неравенства состояний, даже рабство, для христианства одинаково приемлемы, как и наисвободнейшее общественное и политическое устройство. Любовь все сгладит и восполнит, Христос всех

уравняет и даже сделает первых последними, а последних первыми.

И эта вера в могущество высшей небесной правды составляет такое сильное орудие христианства, что совершенно исключает всякую зависть бедного к богатому (богатый несчастнее, ибо ему труднее войти в Царство Небесное), всякую ревность подвластного к властвующему (сознание величайшего бремени ответственности) и делает из истинно христианского общества и народа единый целостный организм, сознающий и свое братство во Христе, и свое полное духовное равенство, даже с некоторыми привилегиями для кротких, милостивых и нищих духом, то есть для наиболее обездоленных общественных слоев.

VI

Влево от правового капиталистического буржуазного строя лежит социализм. Для этой доктрины небо является областью “святых и воробьев”, человеку же остается искать своего счастья только на земле и в пределах земного. Для любви места нет, и она является в этом мировоззрении как странный пережиток чего-то прошлого, как альтруизм, неизвестно зачем впутывающийся по старой привычке в отношения людей между собой и эти отношения только искривляющий. Счастье добывается только борьбой (в борьбе обрешь право свое), воодушевить же на борьбу может прежде всего ненависть, которая в социализме играет ту же самую роль главного двигателя человеческой души, какую в христианстве играет любовь.

Отсюда полный параллелизм социализма и христианства. Перемените у любого из атрибутов христианства плюс на минус – получится соответственное понятие у социалистов. Возьмите, например, равенство. У христиан равенство перед Отцом Небесным заставляет людей совершенно различных, но одинаково одушевленных любовью, смотреть друг на друга как на братьев. У социалистов равенство есть требование земного общежития; отсюда жгучая ненависть ко всякому политическому и экономическому неравенству,

заставляющая низшего по положению видеть в высшем заклятого врага. Чувство совершенно однородное, но с обратным знаком.

То же самое с братством. С положительным знаком это чувство единит самых различных людей любовью во Христе. С отрицательным оно сплачивает однородные элементы ненавистью ко всему тому, что не они, создавая новый термин “товарищ”. Наконец, и самая свобода, понятие для христианства совершенно положительное, как абсолютно необходимое условие для проявления и веры, и деятельной любви, получает в социализме отрицательный знак, превращаясь в совершенно определенное принуждение. Так, политическая свобода, первейшее требование социализма, есть в сущности только условие свободного проявления ненависти, в форме ли слова, печати, союзов и т. д. во имя борьбы. Борьба эта должна уничтожить все существующие неравенства, все привести к одному уровню, а затем свобода превращается в грубое и абсолютное насилие общества над индивидуумом.

Насилие – да ведь это и есть свобода с отрицательным знаком! И поскольку свобода есть необходимая принадлежность христианства, допускающего только свободный личный подвиг, постольку же насилие есть неизбежный основной фундамент социального строя, ибо без насилия не могло бы ни одного дня продержаться обезличенное и уравненное под один ранжир человечество. Насилием должен осаживаться до среднего уровня каждый умный, сильный и независимый, насилием подниматься до того же среднего уровня глупый, слабый и несамостоятельный или ленивый. Попробуйте вычеркнуть элемент насилия и допустить хотя небольшую свободу, и от социального построения тотчас же не останется камня на камне. Общество дифференцируется самым буржуазным образом, и установленное насильственно равенство будет радикально ниспровергнуто.

И совершенно так же, как христианская свобода по существу своему безгранична, имея регулятором только совесть личную и общественную, безгранично и насилие социализма. Оно не останавливается не только перед

принудительным распределением работ и профессий, перед принудительным распределением благ, но даже и перед принудительным общественным воспитанием[\[11\]](#). Это совершенно логично и последовательно. Раз отрицается высший регулятор – совесть, человечество, чтобы не стать диким стадом, должно подчиниться внешнему регулятору – отвлеченной общественной воле, организованному до последних мелочей принуждению и насилию.

VII

Чтобы закончить параллель между христианством и социализмом, необходимо остановиться над идеями коммунизма, одинаково свойственными и тому, и другому.

Возвышая дух, обостряя и усиливая деятельную любовь к ближнему и самопожертвование, христианство совершенно естественно освобождает душу человека от связи с обстановкой буржуазно-капиталистического строя. Собственность и богатство становятся в тягость, как и индивидуальное одиночество. Во главе церковной общины в качестве учителей и добровольно признанных распорядителей стоят люди высокой нравственной доблести и духовных совершенств. В церкви – общине есть неимущие, нуждающиеся, больные, хилые. Величайшая радость, величайшее удовлетворение христианина – отрешиться добровольно от ига собственности, снести свое богатство в общую кассу и предоставить своим духовным вождям позаботиться о неимущих. Но вот у христианина не осталось и собственности, а есть только его личность, его труд. Не веря в свои силы и ища дальнейшего подвига, он и эти силы, и волю, и труд отдает в распоряжение общины. Является полная свобода даже от собственных дум и воли, снимается самое невыносимое для любящей и смиренной души – страх ответственности. И вот чистый коммунизм, коммунизм апостольской общины первого века, готов.

“У многочисленного же общества верующих было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имени своего не называл своим, но все было у них общее... не было между

ними никого бедного: ибо все владельцы поместий или домов, продавая оные, приносили цену проданного. И полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду”.

Так повествуется в IV главе “Деяний Апостольских”. Совершенно то же, но с отрицательным знаком мы встречаем в мечтах социалистов. Личной собственности быть не должно. Все принадлежит “обществу” или “нации”. Всякий вносит все, что имеет, всякий получает, что ему нужно. Но так как одного сердца и одной души нет, и никакая любовь этого общества не согревает, то вместо добровольной складки и добровольного отречения от собственности в пользу всех приходится прибегать к регламентации и насилию. Организованные неимущие овладевают благами имущих, и эти блага поступают в общее распоряжение. Эгоистический протест имущих заглушается огромным большинством “пролетариата”, который, как большинство и как подавляющая физическая сила, захватывает диктаторскую власть и не делится ею ни с кем. А чтобы “пролетариат” был готов к этому торжеству, его необходимо сплотить и, прежде всего, сплотить ненавистью к богатым, к имущественным классам, в коих видится общий враг и угнетатель.

VIII

Параллельность, как видите, самая полная. Элементы христианства и соответственные элементы социализма могут быть расположены в следующем характерном ряду:

Вера	Атеизм.
------	---------

Свобода	Насилие.
Любовь	Ненависть.
Совесть	Принуждение.
Отречение от собственности добровольное	Обязательный коммунизм.
Добровольное подчинение	Насильственная регламентация.

Все члены одного ряда совершенно однородны с членами другого ряда и находятся между собой во взаимном отрицании. Ход и последовательность логики одна и та же. Человек, не удовлетворяющийся условиями современного

общежития, опирающегося на чисто языческие начала индивидуализма, политической свободы, положительного права и собственности, может порвать с этим строем и выйти в любую сторону. Одушевленный верой и любовью, сознавая свою безграничную духовную свободу и повинаясь голосу совести, он может стать христианином активным, то есть добровольно отречься от своей индивидуальной собственности и направить свое состояние на облегчение чужого горя и нищеты. Если при этом он захочет сложить с себя и последнюю тяготу буржуазного строя – личную свободу и ответственность, он может найти общину таких же, как и он, активных христиан и, вступив в нее, закончить подвиг самоотречения, добровольно подчинив себя признанным вождям и духовным руководителям.

В этой общине его земная личность, имущество, воля, права исчезнут, освободив всецело его духовную личность на подвиг самоусовершенствования и на бескорыстную службу ближним.

Таков в идеале своем монастырский режим. Таково учреждение “старчества”, столь чтимое народом.

Совершенно таким же образом человек может взять направление противоположное и из буржуазного мира уйти в мир социальной доктрины.

Твердо уверенный, что на земле конец всему, отбросивший всякие упования на Небо, одушевленный ненавистью к общественному неравенству, разврату, несправедливости и злу, он, пользуясь своей политической свободой, может вступать в союзы людей, добивающихся проведения своих идеалов путем регламентации и насилия. Образовав сознательное большинство своих сторонников в государственном механизме, он может принудительно завладеть чужими имуществами для обращения их в коллективную собственность. Добившись власти путем современной парламентской организации, изображающей собой безразличный и мертвый регулятор общественной воли (поскольку последняя выражима системой выборов), социалист может переломать все человеческие отношения и ввести путем принуждения какой угодно регламент, хотя

бы индивидуальную свободу и самоопределение и вовсе уничтожающий.

Из сказанного, надеемся, станут понятными и ход, и приемы, и условия успеха социальной доктрины в том или другом обществе.

Необходимо прежде всего, чтобы образовалась среда, удобная для процветания ненависти и к ее семенам восприимчивая. Такая среда образуется само собой в государствах, идущих по пути к разорению. Нищета, падение земледелия, разорение промышленности, безработица, отсутствие возможности правильно приложить труда непосильные налоги. В народе воспитывается глухое раздражение, количество бедствующих увеличивается, духовные силы народа надламываются и уродуются, злые инстинкты растут.

Все это постепенно создает почву для ненависти, но еще ее самостоятельного возникновения и развития не обуславливает. В утешение бедствующему народу приходит религия, сохраняется надежда на высшие правящие классы, которые должны приложить старания, чтобы народную нужду облегчить. Наконец, огромной сдерживающей силой является патриотизм, особенно в тех случаях, когда страдания и злключения народа приходят извне, от несчастной войны, то есть насилия соседей.

Нужно, следовательно, чтоб эти умеряющие ненависть факторы ослабли и перестали действовать.

Религия может обратиться в холодное выполнение обрядов и перестать быть руководительницей и утешительницей.

Высшие классы и правительство могут оказаться для своей задачи совершенно непригодными и быть скомпрометированы.

Наконец, может иссякнуть в народе и патриотизм путем долгого проведения антинациональной политики и утраты патриотизма верхними классами.

Тогда к чувству горя, обиды и страдания сама собой начинает примешиваться ненависть – и почва для социалистического посева готова.

IX

Ход заражения социальной болезнью таков.

Государственный строй не в силах ответить нуждам и желаниям народа – долой его!

Высшие классы, “общество” – неспособно постоять за народ, неспособно исполнить свои правящие обязанности. Отсюда его богатство есть грабеж, его землевладение – узурпация, его промышленность – эксплуатация рабочих масс – долой их!

Религия, не дающая утешения в бедах, не возрождающая и не просвещающая душу, а только кормящая своих жрецов, – ложь и обман – долой попов!

Затем и патриотизм, который оказывается простой слепой приверженностью к существующему порядку, постепенно вытравляется, и крик: “Пролетарии всех стран, объединяйтесь!” – становится естественным лозунгом.

Таков естественный ход страшной болезни, именуемой социальной доктриной. Это пока только отрицание существующего, без всяких идеалов, без всяких даже серьезных обещаний и программ на будущее. Это просто религия ненависти, которая, как эпидемия, овладевает низшими слоями народа и сильнее всего отражается на молодежи как на наиболее чутком органе общественного тела. Здесь болезнь развивается ярче всего, поражает все умы и приобретает пропагандистов – апостолов, которые с жаром новообращенных разносят заразу шире и шире, пока она не охватит всего народа.

Поэтому же и проповедь социализма необыкновенно проста и доступна самому малограмотному, но с распаленным ненавистью фанатизмом юнцу. Фразы, для серьезного человека до тошноты пошлые и банальные, звучат как откровение, падая прямо на раскрытые раны. Ненависть фанатика встречается с ненавистью обездоленного, и контагий прививается сразу. Для сознательности учения, то есть для его формального закрепления в душе простеца достаточно нескольких диалектических приемов, быстро заучиваемых. А так как без положительной стороны, без

идеала и некоторой программы учение было бы совсем лишено реального содержания, то и эта сторона является сама собой.

И здесь снова бросающийся в глаза параллелизм с христианством. Оно обещает рай на небе, социализм обещает рай на земле, как только установится царство пролетариата, то есть как только общественная власть перейдет к заведомому готовому большинству нищих и обездоленных. О существовании этого рая, о будущих в нем порядках незачем ни спрашивать, ни распространяться. Ведь эти же люди сами непосредственно будут хозяевами. Так неужели же они не устроят своей судьбы получше, чем им до сих пор устраивали “господа”? Важно только то, чтобы пролетарии скорее объединились, жарче разжигали в себе ненависть, дружнее шли на разрушение. Все остальное придет само собой.

Из сказанного читатель легко уяснит себе, какую силу может возыметь социальное движение у нас, в России, где, словно нарочно, все условия соединились в самой счастливой комбинации, чтобы дать торжество учению ненависти и разрушения.

Сопоставьте только.

Население разорено. Класс обездоленных, спивающихся, голодающих, мерзнущих, обираемых и всякими способами угнетаемых – да ведь это же чуть ли не все наше многомиллионное крестьянство!

Правительство представляет образец отсутствия инициативы и бесплодия, и не по личному составу даже, а по тому бюрократическому болоту, в котором господа правящие безнадежно барахтаются и вязнут, в котором гибнет всякое достоинство, ум, честь и талант.

Высшие классы – образованное общество – на редкость неспособны у нас к живому делу, тунеядцы, невежественны и духовно ничтожны.

Церковь в лице духовенства давно уже омертвела, сложила с себя всякое духовное водительство, утратила всякую нравственную власть.

Прибавьте сюда долгую антинациональную политику, увенчавшуюся небывало постыдными поражениями на суше и на море, и подлым, трусливым миром, продиктованным заграничными евреями.

Х

Это ли не исключительно благоприятные условия для торжества ненависти, для успеха проповеди разрушения? И поистине, не успехам социальной доктрины надо удивляться, а тому, как еще слаба она, как крепко держится русский народ за свои верования, как стойко переносит свои истинно каторжные условия.

Прибавьте сюда еще, что наша молодежь развращена тупоумнейшей школой, озлоблена мертвечиной, формализмом и нуждой и совершенно не способна ни к научной критике, ни к самостоятельности мышления, но зато воспламенима, как порох; что в России, кроме всего указанного, существуют еще два специально благоприятствующих разрушительным силам условия: близкая наличность земель, могущих быть пущенными в грабеж и раздел, и многочисленный контингент евреев, только путем революции могущих получить давно и страстно желаемое равноправие.

И еще прибавьте для полноты картины, что сил, способных не то чтобы остановить, а даже только оказать серьезное противодействие политической заразе, почти вовсе нет.

Печать в огромном большинстве органов захвачена евреями и служит “освободительному движению”, явно потворствуя социальным пропагандистам. Устное слово не раздаётся, заглушаемое революционными криками, школа в руках революции, власть лишена всякого авторитета, армия развращается с каждым днем все больше и больше.

Единственно, что может нас спасти, – это здравый смысл нашего народа и его еще не окончательно вытравленное христианское чувство. Но для проявления и народного разума, и народной веры не хватает пустяков – не хватает

организации, и потому, если эти силы и есть, то они парализованы. “Союз русского народа” и всякие патриотические сообщества еще ничего творческого не дали, никаких программ не выработали и уже начинают становиться политическими партиями и втягиваться в парламентарную игру, заведомо недостойную и безнадёжную.

В будущем не видно ничего, кроме взрыва стихийной ненависти, которая накапливается все больше и больше. Этот взрыв, если до него доведут, может привести к анархии и даже иностранной оккупации, а быть может, и временному разделу России, о чем мы уже имели случай говорить.

Но не невозможен ли какой-нибудь иной исход? А что, если России придется пережить еще нечто совершенно неизведанное – опыт государственного и общественного творчества в духе социальной доктрины? Быть может, имеющие овладеть государственным рулем господа социалисты разрешат практически проблему всеобщего благополучия под красным флагом? А что, если социализму свойственно не одно голое отрицание? Пример Запада ведь нам не сказ. Если социальная республика не могла до сих пор нигде в Европе установиться, то помехой ей было буржуазное большинство парламентов, не подпуская к рулю и жестоко с ними борющееся. У нас с первого же шага нашего нелепого парламентаризма Государственная Дума получила громадный контингент социалистов, который чуть не смел весь старый режим. Временное торжество этих доктрин возможно, и еще не устроит ли нам тогда наш российский пролетариат некоторого нового порядка?

Для нас лично здесь все ясно. Мы верим твердо, что на ненависти выстроить ничего нельзя – это только элемент разрушения. Но для читателя коснуться этого вопроса, пожалуй, и не лишнее.

Главное орудие социального переворота – это политические забастовки. Мы пережили их в конце 1905 года и притом в таких размерах, какие Западу не знакомы. Останавливалась вся железнодорожная сеть, бастовали неделями почты и телеграфы, прекращалось электричество, газ, водоснабжение. При наличии наверху графа Витте эти забастовки вызвали знаменитый акт 17 октября, если только не были инсценированы умелой рукой самого его сиятельства, чтобы добить ненавистное ему самодержавие.

И что же получилось? Только два года политической судороги, всеобщее одичание и разорение и, наконец, медленный поворот к старому. Социальная революция не удалась, торжества для социальной идеи не вышло. А, казалось бы, все старое пошло прахом, и пролетариат крепко держал власть за горло.

В чем же дело? Да именно в том, что социализм, как учение, есть ложь, а как режим – только ненависть, разрушение и всеобщее разорение. Может ли он, даже при самых лучших для своего торжества условиях, иметь какую-либо будущность?

Рассмотрим, что такое стачка как главное орудие социальной борьбы.

Существует воззрение, по которому признается право для рабочего в промышленном деле “улучшать свое положение” путем стачек. Исходя из совершенно неправильного и вздорного противоположения капитала труду, представителям последнего предоставляется организовываться в союзы и, добровольно подчиняясь решению своих выборных властей, устраивать мирные стачки, то есть производить экономическое насилие над капиталом, дабы заставить его поступиться частью своих барышей, отвоевать у него долю той Mehrwerth – прибавочной стоимости, которую он будто бы отнимает у рабочих. Но, вводя это право в законодательство и отказываясь от преследования забастовщиков, все решительно правительства считают своей неременной обязанностью охранять “свободу труда”, то есть не

позволяют забастовавшим распространять свою власть насилием над желающими работать.

На деле эта защита “свободы труда” сводится, разумеется, к фикции. Рабочие союзы разрастаются, приобретают власть, вооружаются накопленными сбережениями и устраивают грандиозные стачки, в результате коих победа иногда остается на стороне рабочих.

Но эта победа обыкновенно оказывается мнимой. Конкуренция в мировой промышленности не допускает чрезмерных барышей для капитала. Обыкновенно его вознаграждение весьма и весьма умеренно, так как достаточно какому-нибудь производству стать особенно выгодным, чтобы к нему тотчас же бросились новые капиталы и понизили его доходность до известной законной нормы.

Одна или несколько победоносных стачек, нанеся поражение капиталу, вложенному в дело, вызывают неминуемо перекладку принесенной жертвы на товар и вздорожание товара на рынке. Но этому вздорожанию кладет предел та же мировая конкуренция или, в странах, таможенно защищенных, покупательная способность рынка. В результате получается неминуемый уход части капитала из данной отрасли промышленности и тотчас же, как логическое последствие – сокращение производства и соответственное сокращение рабочей силы, остающейся вовсе без работы.

В конце концов: вздорожание товара, лежащее тяжким гнетом на бедную часть населения, или огромный ущерб в вывозной торговле и небольшое улучшение благосостояния и заработка части рабочих при совершенной безработности и нищете остальных.

Яснее всего выразилось это в английской промышленности. Ряд рабочих стачек дал, с одной стороны, некоторое улучшение быта рабочего класса, с другой – удорожил английскую промышленность и заставил ее отдать огромную часть мирового рынка немцам, с третьей – образовал в самой Англии многочисленный контингент

безработного, прямо умирающего с голода люда, представляющий великую государственную опасность.

XII

При всем безобразии нашего бюрократического строя рабочей вопрос в министерство Бунге был у нас поставлен довольно правильно. Стачки считались незаконными и не допускались, но правительство ввело фабричную инспекцию и ряд законов, регулирующих труд. Был поставлен известный *minimum* условий, которым фабрика должна была удовлетворять в отношении рабочих. Вопрос о заработной плате был предоставлен свободному соглашению сторон.

В результате получилось попечение о рабочем как о человеке и гражданине, внешний порядок и полное невмешательство в отношения экономические. Избытку населения, обращавшемуся на фабрику, представлялось предлагать свой труд, где и как ему выгоднее, а так как шел предлагать свой труд почти всегда член семьи земельного крестьянина, то его положение и заработок, как рабочего, являлись всегда лучшими по отношению к земельному крестьянству. Иначе не было бы смысла идти из деревни на фабрику.

И если наша заработная плата была невысока, и жилось рабочим неважно, то все-таки их положение, во-первых, было всегда лучше крестьянского, во-вторых, в России почти не было безработных. Все теснились, но все же так или иначе пристраивались и кормились.

Довольно было нашему правительству смалодушествовать и под впечатлением паники январских дней 1905 года в Петербурге допустить и узаконить стачки, чтобы наш рабочий вопрос сразу же обострился, как никогда, сделался губительным для русской промышленности и явился могущественнейшим орудием в руках деятелей революции. Довольно было допустить рабочие организации, чтобы таковые тотчас же попали в руки "освободительного

движения”, то есть социал-демократов и “бунда”, и стали величайшей опасностью для государства.

Получилась такая картина. Экономические отношения по самой природе своей не такого свойства, чтобы их было легко регулировать вмешательством ли власти или какими бы то ни было рабочими организациями, стачками и забастовками. Их можно насильственно нарушить, надолго исковеркать; можно перепутать и ослабить всю промышленность, но нельзя рабочему классу за счет капитала улучшить свое положение. Это самая вредная и дикая из утопий. Улучшить насильственно свое положение могут разве некоторые рабочие за счет остальных, выбрасываемых на улицу, но и это улучшение является только мнимым, так как нарушенная экономическая жизнь и ее законы мстят за себя с жестокостью беспощадной.

Сегодня рабочий путем стачки увеличил свое вознаграждение на 10 процентов – завтра же чувствует он, что условия жизни вздорожали на 15 процентов, и он остался в чистом убытке.

Неужели же не очевидно, что для освободительного движения, для всех вчера еще ворочавших судьбами России конституционалистов-демократов, социал-демократов и социал-революционеров не это главное? Не сытость и благосостояние рабочего класса их интересует. Это только предлог. Они обманывают рабочих, быть может, бессознательно, вследствие своего полного невежества в политической экономии, и делают их орудием своей политической агитации – и только. В лице рабочего класса им нужна человеческая толпа, масса, дисциплинированная и объединенная в их руках и послушная их команде для борьбы с государством. Чтобы понять все это и определить, довольно взглянуть на такие стачки, как железнодорожные и городских рабочих.

Слов нет, и частные, и казенные наши дороги были очень виноваты в том, что недостаточно следили за отношением размера вознаграждения своих служащих к условиям жизни. Множество низших агентов получают за свой труд непропорционально мало и зачастую живут впроголодь. Это обстоятельство, это преступное невнимание “начальства” в

сильной степени оправдывает несчастных служащих в их податливости на соблазн главарей революции. Но оно ничуть не оправдывает вожakov революционного движения. Стачка железнодорожного персонала, направленная к прекращению движения по линиям, не может быть даже и близко приравнена к стачке рабочих на какой-нибудь фабрике. Железная дорога монополизировала все перевозки, убила всякую иную возможность сообщения. Перерыв железнодорожного движения ставит в критическое положение город как потребителя, и деревню как производительницу. Скот, молоко, дрова, многое множество продуктов первой необходимости, делая пробку, одинаково разоряют и город, и деревню. 3–5–10 рублей прибавки к жалованью какого-нибудь товарного кондуктора или стрелочника, вымогаемые этим путем, вызывают такое колоссальное количество убытков для всей страны, сопровождаются такими страданиями и несчастиями, что не только не могут быть ничем оправданы, но составляют прямое и тяжкое преступление перед родиной и преступление тем более ужасное, что его авторы, господствуя над бессознательной массой, творят его совершенно холодно и сознательно, обращая забастовку экономическую в забастовку политическую.

Народу, не спрашиваясь у него, навязывают свои собственные книжные и теоретические построения, ломают у него на глазах привычную его государственность и этот же самый народ заставляют оплачивать эти опыты ценой великого и всеобщего разорения, кровавых смут и анархии.

XIII

Бывало ли когда-нибудь в мире худшее и преступнейшее проявление деспотизма? И если это называется “освободительным движением”, то что же тогда называется гнетом, тиранией и произволом?

Нужно ли говорить про забастовки водопроводные, фармацевтические или недавнюю забастовку почтово-телеграфную?

А мы пережили и их. Когда заглядываешь в условия почтово-телеграфной службы, когда видишь преступное нежелание начальства изменять хоть немного действительно каторжное положение несчастных людей, обслуживающих доходнейшее ведомство, разумеется, не чувствуешь в себе мужества обвинить голодную толпу, заведомо направляемую на гнусное и скверное дело насилия над всем народом. Но тем сильнее, тем категоричнее наше осуждение революционным главарям.

Вы, господа, стоите за обездоленных? Просите, требуйте, наконец, справедливого и безобидного для народа вознаграждения почтовых и телеграфных служащих. Помогите выработать законные нормы их вознаграждения и предъявите эти нормы кому следует. Будьте уверены, что теперь ваши требования будут быстро и справедливо уважены. Но, прежде всего, оставьте этих самых несчастных тружеников в покое, не налагайте на родину их руками лишних страданий и разорения, не ввергайте ее в анархию.

Но в том-то и дело, что этим элементам было нужно не быстрое и справедливое удовлетворение тружеников, а сами эти труженики как армия революции, как орудие политических домогательств и переворота.

Ну и чего же они добились, наконец? Народ в его массе уже начал выходить из напущенного тумана и после первых же моментов торжества революции ответил на нее то грозными репрессиями в Нижнем, Балашове, Кишиневе, Твери, Томске и других городах, то мирными демонстрациями необыкновенного ума, достоинства и юмора, как в Нежине.

“Еще немного, – писали мы в № 40 Русского Дела за 1905 год, то есть в самый разгар забастовки правительство почувствует точку опоры в пробужденном народе, выйдет из-под вашего гипноза и освободится от охватившей его трусости и нерешительности. Реакция уже начинается. Вы полагаете на нее ответить новыми взрывами мятежа,

новыми забастовками? А если дисциплинированные вами рабочие массы ускользнут из ваших рук? Если та резня и гражданская война, которую вы уже вызываете еще и еще, окончится вашим поражением?

Подумали ли вы, что это будет торжеством только старого бюрократического строя, возвратом к реакции, которая закует Россию надолго, ибо все освободительное движение с начала и до конца будет вами бесповоротно и надолго скомпрометировано? И опять заглохнет творческая мысль, опять водворится полицейский режим, опять наступит царство чиновника, который при всем своем нравственном и политическом ничтожестве, при всем беззаконии и воровстве все-таки умел оберегать общественный порядок.

К чему и для кого вы все это говорите? – спросит читатель. Есть старая английская поговорка, гласящая, что „из всех глухих самый глухой тот, кто не желает слушать“. А таковы – увы! – наши вожаки и герои социального переворота. Они идут все вперед и вперед, не разбирая средств, не видя цели, не зная конца. Глубоко трагична их судьба – быть живыми жертвами конца смрадного и позорного петербургского периода русской истории”.

События нас оправдали. Социальная революция сошла на нет, социализм остался только в разгоряченных мозгах молодежи да в диких мечтах рабочих, еще не освободившихся от тумана, напущенного грошовой социальной литературой. Будущности у социализма не оказывается, болезнь идет на излечение, опыт дал результаты, противоположные ожиданиям фанатиков социализма.

Пожелаем же нашей молодежи скорейшего вытрезвления, а бедной родине успокоения. Но оно наступит не раньше, чем у господ социальных утопистов не будет вырвана почва и русская экономическая жизнь не подвергнется коренной дезинфекции и оздоровлению.

Еврейский вопрос

Мы всегда искреннейшим образом отвращались от еврейского вопроса. И не потому, чтобы мы евреям сочувствовали или боялись их, а потому, что трудно и больно прямо говорить о вопросе, который в глубине совести считаешь неразрешимым. То есть неразрешимым для петербургского периода русской истории, ибо допетровская да отчасти и петровская Русь его решала совершенно твердо и правильно. “Вот это наша, русская земля, наша родина, наш дом. Евреи – недруги христианства и им здесь места нет”. “От врагов Христовых интересной прибыли не желаю”. Это говорила всего полтора-два десятилетия назад дочь Петра Великого. И евреев в России не было.

Худо ли, хорошо ли, но это было решение еврейского вопроса, великорусское, несомненное и категорическое. Другое решение, столь же категорическое, давали малороссы. Вспомните замечательную картину в “Тарасе Бульбе” у Гоголя. Барин и рыцарь, безумно храбрый и бесконечно ленивый казак Запорожской Сечи без услуг еврея обойтись не мог. Но он “держал” евреев, как держат тот или иной живой инвентарь, в определенном количестве. Постепенно евреи размножались, забирали запорожцев в кабалу и становились тяжелыми, как общественный класс. Казаки проедались, пропивались, впадали в долги, наконец им это надоедало, и тогда происходил своеобразный еврейский погром: лишних без церемоний кидали в Днепр. Наши современные еврейские погромы представляют только отголосок классического “доведения до нормы” еврейского элемента.

Но заметьте, тут же рядом, и вплоть до сего дня: подают крестьяне (малороссы, конечно) просьбу о переселении и при ней список. Чиновник читает и видит: вместе с крестьянами стоит Мошка Зильберман. Это что? “Та-ж нам без його не можно, ваше благородие”!

И действительно, великоросс найдет сам и ему еврей не нужен, малоросс без еврейской услуги обойтись не может, и одного Мошку Зильбермана, вместе с его Хайкой, готов даже к своему обществу приписать, но когда эти Мошки размножатся и заберут его в кабалу, он таит в душе неугасающую надежду лишних перетопить в Днепре.

Вот два русских решения, повторяем, совершенно категорических. До качества их мы не касаемся, но приводим их лишь как факт, достаточно обоснованный и в истории, и в народной психологии.

Третье решение было польское. Психологически оно было почти тождественно с малорусским, но в момент появления евреев Польша была государством очень сильным, очень идеалистическим (вернейшая дочь Римской Церкви!) и совершенно беспутным. Польша не дала евреям больших прав, но уступила им промышленность и торговлю и позволила безгранично размножаться. Не успели поляки оглянуться, как уже в их отечестве образовалось два стоя: городской и капиталистический, почти сплошь еврейский, и сельский – христианский. Это польское село евреи, рука об руку с иезуитами, высосали экономически и развратили так глубоко (панов – классицизмом, римским и крепостным правом, крестьянство – безысходным рабством), что Польша не устояла и свалилась, главной и огромной своей частью упав в Россию. Евреев русский народ не призывал и не принимал, он получил их в наследство вместе с территорией Речи Посполитой.

Что могла сделать Россия? Попытаться установить некоторую китайскую стену в виде пресловутой “черты еврейской оседлости”. Вне этой черты евреи были по-прежнему лишены права жительства. Забравшийся в Россию еврей, не имея здесь больших прав и резко выделявшийся и расовыми признаками, и костюмом, очевидно, никаких корней пустить не мог, и его контрабандный характер был слишком заметен. Но и при этих условиях еврейство начало просачиваться в большие центры России неудержимо, как просачивается вода сквозь худо устроенную плотину. Так продолжалось до середины 50-х годов, когда севастопольская волна, всколыхнувшая всю Россию, поставила на очередь и еврейский вопрос.

Ни русское правительство, ни русское общество того времени, охваченные либерализмом, гуманностью и другими хорошими чувствами, вовсе и не подозревали, что их новая программа приобщения евреев к русскому просвещению и русской гражданственности будет в самом

скором времени иметь последствием истинное затопление России еврейством и полную невозможность в дальнейшем ходе истории как бы то ни было разрешить еврейский вопрос.

Мы водворили в русском обществе три новых типа граждан, снабдив их правом свободного перехода через плотину “еврейской оседлости”: во-первых, еврея, получившего высшее образование, во-вторых, еврея – крупного капиталиста и экономического деятеля (купцы 1-й гильдии), наконец, еврея – ремесленника. В ту же минуту плотина оказалась наполовину разрушенной, и поток хлынул: прибежал еврей просвещенный и сразу захватил важнейшие умственные отправления страны: адвокатуру, медицину, профессию, и, что самое страшное, печать. Прибежал еврей-капиталист и захватил все экономические центры общественной жизни: банки, биржи, акционерные компании, комиссионерства, железные дороги, страховые и транспортные предприятия, оптовую торговлю. Прибежал еврей-ремесленник, на 9/10 мнимый, обслуживать русский народ мелким кредитом, мелкой торговлей, наиболее легкими ремеслами: портняжничеством, часовщицеством, производством уксуса, сургуча, ваксы, пробок, большей частью для вида, ради получения права на жительство, а в действительности помогать ликвидировать старую культуру, пускать ее в лом. Именно в это время шло гигантское разорение России. Сколько лесов сведено при посредстве евреев, сколько уничтожено усадеб, мелких промышленных дел, сколько разорено и высосано имений! Полвека не прошло с первого легкого послабления евреям в России, а уже оккупация ими нашей бедной Родины, можно сказать, закончена! Что пользы издавать теперь ограничительные законы, когда и в столицах, и во всех мелких и крупных центрах евреи засели территориально и капитально, когда ликвидировать их землевладение и домовладение уже фактически немыслимо? Уберите из Москвы Поляковых и Гиршманов, из Петербурга Гинцбургов и Ротштейнов, из Киева Бродских, из Варшавы Блюхов и Кронебергов! Освободите сполна захваченную евреями печать, сцену, эстраду, аптеку, лабораторию (про

торговлю и не говорим), лишите права жительства и удалите вновь за черту сотни тысяч так называемых ремесленников. Возможно ли это сделать, возможно ли отвести Волгу из ее русла? Если мы этого не могли бы сделать под Осташковым, то тем паче это немыслимо у Самары или Саратова.

Мы не решаем и не пытаемся решить еврейский вопрос в этом, современном его фазисе. Его древнее русское решение отменено, нового решения не видно, видны лишь все более и более растущие волны миродержавного разлива...

Помещаем отрывок и полученного нами письма из Женевы по этому вопросу от одного русского г. Е. Ш., постоянно там живущего:

“Еврейство слишком дает себя чувствовать, опасность от него для нас, русских, громадна; но мы не хотим сознавать этого. Еврейство „ученое“ и литературное подкупает просвещенных русских людей и тех, которые желают казаться просвещенными, своими высокими принципами – свободы, общечеловечности, справедливости и т. д. Но они, русские люди, не видят или не хотят видеть, что эти принципы в еврейских устах имеют другую окраску, и даже более – другую сущность, чем те, которые дало и дает нам христианство; что под той же формой преподносится нам нечто иное по существу, суррогат. И я глубоко убежден, или, по крайней мере, чувствую это всем своим существом, что эти еврейские принципы, сходные с христианскими (и взятые из христианства), незаметно, но верно расшатывают и нашу христианскую этику, и нашу веру, и наши русские идеалы, и устои жизненные, и характер, и проч. и проч. (Я не касаюсь материальной, экономической стороны дела, которая у всех на виду.) Враг в лице „просвещенных“ евреев тем более опасен, что его воздействие, его губительное влияние совершается незаметно, и притом путем печати, являющейся страшной силой. Борьба с этим врагом необходима, и борьба упорная, ибо это борьба не Ивановых с Зильберштейнами, но борьба христианства с еврейством, христианских светлых и чистых принципов с мутными и безнравственными (Талмуд) принципами еврейскими. Нас не должна ни удивлять, ни останавливать такая борьба, ибо

это та великая борьба, которую начал еще апостол Павел, которую продолжали многие народы и которая будет продолжаться до скончания мира, „дондеже весь Израиль спасется“.

Она необходима как для нас, так и для самого Израиля: для нас – она средство к самозащите и побуждение к бодрствованию, для Израиля – она условие его спасения, обращения, перерождения. Здесь пред нами одна из величайших коллизий, которых немало в христианстве: считать врагами и бороться с теми, которых нужно любить как „человеков“. Итак, по примеру великого апостола и мудрейшего христианина, будем бороться до конца, но христианскими средствами – удалением, прекращением общения, обнаружением козней врага, изолированием, где нужно – любовью и милостью, где нужно – гневом и силой (разумею нравственную силу – например, закон, литература и проч.). Поэтому, С. Ф., выражение „уже поздно“ благоволите заменить девизом „будем бороться всегда и везде!“.

Увы! Этим себя утешить даже на минуту нельзя. Еврейский вопрос – религиозный лишь косвенно, и не на этой почве предстоит борьба; суть еврейского вопроса заключается исключительно в расовых свойствах еврейского племени, как прирожденных, так и воспитанных несколькими тысячами лет гнета и борьбы с другими расами и племенами. Именно в силу этих свойств борьба возможна лишь до тех пор, пока евреи не перешли по своей численности и общественному положению известной границы. На Западе эта граница перейдена давно, у нас определенно сказать еще нельзя, но, судя по безуспешности борьбы, которую от времени до времени начинает государственная власть, граница эта перейдена тоже, и можно повторить лишь: „поздно“.

Да, поздно, поэтому у нас нет и не может быть теперь никакой сколько-нибудь реальной и осуществимой программы по еврейскому вопросу. Нечего предложить, не о чем хлопотать. Бесполезность каждой проектируемой меры, несостоятельность каждого возможного направления

в еврейской политике бьет в глаза. Возьмем главные пункты:

1. Возврат к древнерусскому взгляду: удаление всех евреев без всякого исключения. Очевидный абсурд. Некуда удалять, да и средств не найдется.
2. Малороссийский взгляд: уничтожение излишних, то есть погромы. Нужно ли говорить, что в современном государстве этот возмутительный сам по себе и нехристианский взгляд даже немыслим?
3. Полное уравнивание прав, уничтожение черты оседлости и пр.? А Галиция? А современная Франция. Венгрия, Австрия, Германия? Г. Непризванный совершенно справедливо указывает ниже, что славяне по своей природе особенно идеалистичны, то есть особенно беззащитны в борьбе с евреями.
4. Наконец, политика слияния. Смешанные браки, переход евреев в христианство? Увы! Это тоже не решение вопроса. Еврейская кровь, влитая в арийскую, претворяет ее до такой степени, что новая раса становится своего рода бичом Божиим среди того народа, который этот опыт в больших размерах проделал. Живой пример – Венгрия, где евреи слились совершенно с верхним венгерским классом и фактически растворили его в себе. Это же движение идет в Польше, обуславливая полное разложение исторических культурных родов.

Что же касается перехода евреев в христианство, то, при ослаблении в нас церковного духа и веры, каков будет в новой вере гораздо более крепкий духовно еврей и по каким мотивам он здесь очутится? Не говорим об исключительных случаях искреннего перехода единиц, но огромное большинство разве не делает из этого акта очевидного гешефта?

Можно ли об этом серьезно говорить? Не наоборот ли? Не следовало ли бы установить более осмотнительный и строгий прием евреев в христианскую сферу?

Мы глубоко убеждены, что еврейский вопрос неразрешим. Оттого так тяжело и грустно о нем говорить.

СЛАВЯНОФИЛЫ В ЭКОНОМИКЕ

Экономика в самодержавном государстве

Настоящее исследование представляет первую попытку связать славянофильское учение с данными экономической науки, осветить, с одной стороны, экономические явления с точки зрения свободы человеческого духа, с другой – найти реальную опору славянофильским нравственным и политическим воззрениям.

Я избрал предметом исследования вопрос о бумажных деньгах потому, что он является, так сказать, средоточием всей экономической науки. Мне хотелось показать, что оставаясь на почве механических законов необходимости, экономика ни к чему не придет и не может прийти, разве к удостоверению, что у человечества нет иной будущности, кроме рабства слабого у сильного или гибели всего современного строя путем бунта слабых.

Деньги – вот орудие экономических отношений лиц, групп и стран. Господствующая на Западе денежная система выражает непосредственно бессилие нынешней экономической науки. При всем относительном совершенстве денежного обращения на Западе, при бесчисленном множестве всяких организаций, форм, гарантий, союзов и соглашений, довольно немного углубиться в сущность западных денежных условий, чтобы увидеть в них неизбежный зародыш того же страшного разложения, которое снедает западную науку, искусство, религию, философию, право, государственность, словом, всю западную цивилизацию во всем ее объеме и проявлениях.

Зародыш этот – начало бездушного формализма, заменившего мало-помалу всюду идеальное начало веры: начало условного и относительного, заменившее мало-

помалу начало абсолютного, высшего и вечного, высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человеческое я и обратившее все стороны жизни цивилизованного человечества в огромную арену бесконечной борьбы эгоизмов. Эгоизмы эти то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, селятся путем холодной рассудочной спекуляции придумать такие нормы и рамки, при которых было бы возможно кое-как жить.

Но не удастся это Западу ни в какой области. Куда ни взглянешь, повсюду человеческая мысль упирается в отчаяние и небытие. Религия выродилась в материалистический атеизм, философия – в пессимизм, государственность – в анархизм, этика – в проповедь чистейшего эгоизма, экономика – в формальное торжество хитрости и силы, с одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти – с другой.

Бессилие Запада в области мысли до того поразительно за последнее время, что кроме опошленных, износившихся и полных внутренних противоречий нескольких модных мировоззрений не является ничего на смену, не блещет нигде ни луча надежды. Да и неоткуда ему там взяться!..

Славянофильство, скромно стоявшее особняком, в стороне от старых великих очагов человеческой мысли, теперь оказывается единственным мировоззрением, единственной философией, полной жизни и веры в жизнь. Оклеветанное, осмеянное, оно вдруг начинает привлекать к себе взоры и умы. К нему начинают прислушиваться, его начинают изучать.

Настоящее исследование представляет слабую попытку пополнить и развить основные воззрения славянофильства в той области, до которой оно почти не касалось ранее. Это область экономическая. Думаю, что мне посчастливилось, исходя из основ этого учения, данных Киреевским, Хомяковым, Аксаковым, Самариным, Данилевским и пользуясь строго научными приемами школы, усиленно пополнить это учение. Я хотел показать, что и в экономической области достаточно отвергнуть некоторые условности и победить застарелые предрассудки, чтобы жизнь тотчас предъявила свои права и показала

возможность органического творчества тем, где до сих пор видели лишь стихийную игру слепых сил. Государство как условность, как мертвенная форма, олицетворяющая внешний порядок, не смеет и мечтать ни о каком экономическом творчестве. Наоборот, государство как живое выражение мирского, соборного начала, олицетворенное в живом полновластном Государе, оказывается чрезвычайно творческим и могущественным. Деньги – золото, деньги – власть, деньги – темная сила и орудие рабства слабого у сильного, обращаются в расчетную бумажку, беспритязательного объективного счетчика, в орудие христианской помощи народному труду, предприимчивости и сбережению. Выясняется возможность полного примирения, и не условного только, а прочного, истинного, враждующих человеческих эгоизмов путем отнятия незаконной власти у одного и возвращения законной свободы другому. Там, где на Западе раздается как последнее слово – слово отчаяния, славянофильство смело поднимает свой голос надежды и оправданной, уясненной, раскрытой веры в лучшее будущее человеческого изобретения, труда и скромного стяжания. Сущность экономических процессов остается та же, от века предоставленная Провидением, как законы движения и равновесия, света и электричества, но человек освобождается от власти слепых сил, становится не бездушной пешкой в экономической борьбе, каким силилась утвердить его западная наука, а живым, свободным деятелем, применяющим эти законы сознательно, а не только им пассивно подчиняющимся. Если будет справедливо на весь мир экономических явлений смотреть как на “систему человеческих деятельностей, обусловливаемых и направляемых пользою”, то разница между западными и славянофильскими взглядами немедленно обнаруживается. Идея “пользы” там есть самостоятельная, самодовлеющая сила, ничего выше себя не знающая. Здесь ее истинное место лишь как служебного начала другому высшему нравственному и бессмертному началу. Понятия совершенно переставливаются, и человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь из рабов Ротшильда в “рабы

Господни”, единственное сладкое рабство, с коим сознательно мирится и в коем воистину освобождается бессмертный дух человека.

И в этом признании, в этой перестановке понятий тотчас же раскрывается и истинно великая сила нравственного начала, поставленного как высшая власть. Экономическое начало пользы злое и бессмысленное, как признанное божество нового Запада, становится творческим орудием и послушной силой в руках государства, построенного не на эгоистическом начале договора, а на нравственном – доверия.

С этой точки зрения я и прошу читателя взглянуть на изложенные в этой книге законы творчества мнимых капиталов, регуляторов денежного обращения в государстве, зависимость постоянства денежной единицы от обстановки главного народного труда, образование государственных запасных капиталов и пр., и пр. Все эти законы раскрыты только посредством исследования той денежной формы, которая по существу своему нравственна и, как таковая, не поддается западной игре эгоизмов и западной наукой отвергается.

Важность этих законов, независимо от их верности и научного значения, лежит, по-моему мнению, еще в том, что, уясняя вопрос о правильном устройении экономической жизни в государстве, они раскрывают неизмеримо далекие перспективы, указывая на второстепенное значение экономического мира явлений и вознося перед государством высшие и величайшие цели бытия. Указывая, что вопрос о “пользе” и ее проявлениях в общежитии разрешается к полному удовлетворению и благополучию трудящихся, сберегающих и умствующих, не говорят ли повелительно эти же самые законы, что и трудиться, и сберегать, и умствовать возможно лишь во имя иных, вечных и высоких целей, возносящихся тем ярче и виднее, чем лучше, понятнее и достижимее справедливость и спокойствие обстановки временной, материальной человека?

Вот с этой точки зрения я и позволю себе надеяться, что мой труд имеет значение в целом составе славянофильского

мировоззрения. При всей неполноте, неясности, сбивчивости и плохом расположении частей моего исследования, я думаю, что мне удалось выяснить и отметить по крайней мере важнейшее, и что те, кому по душе придется мой труд, не затруднятся его пополнить и исправить, не теряя общей руководящей нити.

Но кроме этого принципиального значения, я хотел бы надеяться, что мой труд не останется без некоторой прямой доли пользы. В русском обществе не имеется никаких установившихся взглядов на финансовые вопросы. Западные теории, так дорого стоившие нашему государственному и народному хозяйству, потеряли кредит и в общественном обиходе держатся лишь по недоразумению. Между тем, русской теории, русских взглядов не разработаю, и потому господствует необычайная путаница, прямо отражающаяся и на нашей финансовой практике. Наряду с мероприятиями, указывающими на некоторое приближение к пониманию смысла и значения абсолютных знаков в самодержавном государстве, возникают и осуществляются проекты и предложения прямо противоположного характера, наносящие нашему бумаго-денежному обращению серьезный ущерб. Ни с того ни с сего весь газетный хор начинает, например, вдруг славословить золотую валюту, абсолютные деньги называть “сладким ядом” и плакать о прекратившемся полвека назад металлическом у нас обращении.

Вслед за славословием является неожиданно мера, которая никогда бы не могла получить своего существования, будь в нашем обществе и у специалистов установившиеся финансовые воззрения. Между тем разрешение сделок на золотую валюту, исходя из того взгляда, что золото деньги лучшие, деньги более верные, чем “сладкий яд” – кредитные билеты, – поражает в самый корень наш абсолютный знак, выдвигает вновь вопросы, по-видимому, историей уже порешенные...

Теоретическая постановка вопроса об абсолютных (бумажных) деньгах

I

В ряду так называемых гуманитарных наук наука о финансах занимает положение совершенно исключительное. У нее существует обширная литература, представляющая очень подробное и остроумное исследование фактов, накопившихся целыми столетиями. Из анализа этих фактов выведены обобщения, законы и правила, складывающиеся в стройные системы. Самая наука имеет предмет явления, в значительной степени подлежащие опыту и учету и выражающиеся в цифрах. И именно эта-то наука, как оказывается, разошлась с живой жизнью до такой степени, что становится возможным не в шутку, а совершенно серьезно поставить такой вопрос: кто кому должен подчиняться – жизнь финансовой науке или эта наука жизни?

Как ни странен этот вопрос, но раз он поставлен, он обличает крупное внутреннее недоразумение, в котором необходимо разобраться. До сих пор мы понимали науку вообще, как исследование и уяснение тех законов, по которым движется жизнь в ее разнообразнейших областях и проявлениях. Каким бы методом ни было сделано известное обобщение, оно, чтобы стать научным законом, должно непременно не только выяснить и систематизировать явления, но и управлять ими, предвидеть и предсказывать их.

Если мы с этой точки зрения подойдем к так называемой финансовой науке, то наша вера в нее (если предположить, что таковая была) непременно посрамится. Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь им совершенно противоречит. Финансовая наука на основании своих умозрений рекомендует те или другие меры, жизнь их отвергает. Наконец, финансовая наука предсказывает явления, вычисляет их и соображает, а в действительности получается совсем другое, иногда прямо противоположное.

Про какое-нибудь сравнение с точными науками и речи быть не может. Астрономия, например, предсказывает затмение на тысячу лет вперед, и оно совершается минута в минуту. Механика вычисляет смелую арку моста, и мост выдерживает как раз ту тяжесть, какая от него требуется. Химия на основании известных умозаключений предсказывает, что должно быть открыто какое-то простое тело с такой-то плотностью пара и атомным сродством, и тело открывается именно такое. Даже медицина, в общем представляющая совершенно невозделанное поле, и та в своем экспериментальном запасе имеет несколько бесспорных правил и указаний: дайте пациенту в таком-то случае то-то, и произойдет то-то.

Ничего подобного так называемая финансовая наука не имеет и не знает, и все ее построения по меньшей мере спорны, а практические советы в большей части никуда не годны.

Если мы попытаемся анализировать происхождение и развитие западной финансовой науки, мы легко убедимся, что, собственно говоря, наука эта там еще и не зарождалась. Для нее не было вовсе почвы. Финансовая наука – законное дитя политической экономии. А что представляет эта наука? Она, начиная с Адама Смита, своего основателя, продолжая Жаном Баптистом Сэем и Рикардо и кончая социалистами, дала целый ряд школ и остроумных писателей. Текущие явления экономической жизни были изучены в подробностях и подведены под известные законы, довольно верно выражающие внешние признаки явлений. Адольф Вагнер посвятил специально России огромный труд, долгое время считавшийся чем-то вроде финансового у нас Евангелия. Внутренняя, психологическая сущность экономических процессов была, однако, исследователями оставлена в стороне, и на основании простой, чисто механической повторяемости, а в духовном отношении на основании одной идеи пользы было признано, что экономическим миром явлений управляют такие же слепые законы необходимости, какие управляют неодушевленной природой. Всякая борьба с этими законами или всякое стеснение их свободного проявления

является, по воззрениям экономистов, нарушением основного принципа пользы, который в своем свободном виде включает все элементы технического и культурного совершенствования, достаточного для человечества.

Совершенно в стороне от мирового научного движения стоит гениальный изобретатель бумаго-денежной системы и великий финансист-практик Джон Ло со своими плохо прочтенными и теперь позабытыми сочинениями. В стороне же стоит группа так называемых утопистов, пытавшихся посредством крайне остроумных, но рассудочных комбинаций обойти законы органического творчества в мире экономии и сочинить новые финансовые системы, оказавшиеся сплошь неудачными. Наконец, виднеется Фридрих Лист, впервые признавший великую роль нравственного начала в экономическом мире и совершенно развенчавший материалистическое учение Адама Смита и Сэя. Но этот замечательный экономист высказывает лишь самые общие идеи и почти совсем не говорит и финансах. Из всей серьезной литературы по этому вопросу, не исключая и творений Адольфа Вагнера, одно только имя и приходится на Западе произнести с глубоким уважением, это имя Робертуса, к сожалению, только наметившего истинные законы денежного обращения в своей знаменитой книге "Исследования в области национальной экономии классической древности", но отнюдь их не разрешившего.

И сейчас, как и тридцать лет назад, финансовая наука в лице ее наиболее выдающихся представителей на Западе стоит все на том же золотом основании. И сейчас еще она насквозь материалистична, и это лишает ее всякой глубины и всякой основательности. Как ни чудовищны практические выводы из теоретических псевдонаучных построений, у Запада словно не хватает мужества взглянуть им прямо в глаза.

Управляемый пользой, экономический мир, по воззрениям западных экономистов, имеет могучим орудием борьбу индивидуальных эгоизмов между собой. В этой борьбе, носящей техническое название конкуренции, люди сами собой изощряются и придумывают все более и более совершенные орудия борьбы. Для большего успеха в деле

люди сплачиваются в группы и союзы, удешевляют этим свои разрозненные силы и начинают бороться уже не человек с человеком, а группа с группой, общественный класс с классом, наконец, народ с народом. Положенный таким образом в основании политической экономии элемент борьбы явился в сущности совсем не случайно. Если признавать действие данной духовной и исторической среды на формулирование и формирование господствующих мировоззрений, то нельзя не усмотреть, что борьба лежит на Западе в основе всего, окрашивает и одухотворяет собой все. В области веры – борьбы авторитета и свободы. В области права – борьба индивидуума и общества. В области государства – борьба власти и автономии. Наконец, даже в области природы – борьба за существование, знаменитая *struggle for life*, увенчивающая и как бы оправдывающая весь цикл борьбы. Ясно, что ум мыслителей, окруженный в жизни, в вере и в науке одной борьбой, не мог не перенести ее и в область экономики, где борьба совершается вполне открыто на глазах зрителя, где сильный рвет у слабого, что может, торжествуя и радуясь, что непосредственные, ближайшие по крайней мере, формы борьбы облечены в совершенно приличную оболочку, что нет ни грубого насилия, ни стонов, как в те времена, когда сильные брали слабого за горло. Теперь та же или, может быть, еще более ужаснейшая борьба совершается без воплей и стонов. Утром заглянули в газету, в полдень написали на бумажке несколько цифр – к вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самым несправедливым по существу образом перешло к другому. Жаловаться некому и не на кого. Вас ограбил не Петр, не Иван, не разбойник рыцарь, вас ограбила биржа, ограбил неизвестно кто, вас раздавила невидимая рука, одетая в мягкую перчатку “правового порядка”.

В экономике, основанной на борьбе, часть ее, финансовая наука, явилась совершенно последовательно орудием борьбы. Подобно тому, как военные техники с величайшей быстротой изобретали за последнее время все ужаснейшие орудия разрушения, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо последовательно в одну сторону,

выковывала наиболее совершенное орудие для экономического борьбы, переводила эту борьбу с маленького единоборства какого-нибудь сапожника с потребителем или ростовщика с должником на борьбу Ротшильда с целым человечеством, на борьбу мира англосаксонского с германским из-за рынков для мануфактур или на борьбу Америки с Россией из-за золота и пшеницы.

Финансовая наука Запада шла рука об руку и росла с успехами так называемой цивилизации, то есть пара и электричества. Не больше, чем в какие-нибудь полвека тихое когда-то и почти невидимое в массе прочного и спокойного труда биржевое царство разрослось до необъятных размеров и совершенно подчинило себе, задавило собой общества, государства и народы. Иметь столько-то десятков миллионов золота в фонде – вопрос жизни и смерти для современных государств. Оружие так остро, борьба так быстра и удары так глубоки, что одна неудачная финансовая операция может бросить, по-видимому, хорошо вооруженного и здорового противника к ногам его врага. И чем утонченнее финансовая система, чем сложнее и огромнее финансовые обороты в стране, тем опаснее всякий кризис. Кто-то сказал совершенно справедливо, что современная морская артиллерия гораздо опаснее для стреляющих из нее, чем для ее противников. Совершенно то же и в финансовой области.

Фридрих Лист, излагавший свои замечательные воззрения на связь мануфактур с земледелием, на промышленный рост и культуру народов и столь симпатично рисовавший картину будущего братства наций, развивавших параллельно друг другу свои силы, по-видимому, и не подозревал, до какой степени ненормальная финансовая система, основанная в конституционно-парламентарных странах на золоте и власти биржи, изуродует и перевернет это естественное движение и во что обратит так называемый “прогресс цивилизации” человечества.

Живи этот замечательный писатель не в первой, а во второй половине кончающегося столетия, он, наверно, не собственно трудовое, промышленное соперничество народов выставлял бы в качестве главной подлежащей

разрешению задачи, а тот печальный биржевой ритм, который в наши дни парализовал собой все не только в экономической, но и в политической, правовой и нравственной областях. Если европейское человечество без особого труда справилось с промышленной гегемонией Англии, если Германия, Австрия, Италия и даже Россия (про Францию и Соединенные Штаты нечего и говорить) освободились от мануфактурного и денежного верховенства Англии, создали свою промышленность и завоевали самостоятельные внешние рынки, то та же Европа попала в полном составе в кабалу еще горшую, допустив развиться международной биржевой спекуляции и возрадив неведомых истории ранее биржевых царей и первосвященников, изображающих в данную эпоху силу неизмеримо более грозную и могущественную, чем любое из европейских правительств, ни одно из которых, за исключением русского, не смеет и думать о какой – либо самостоятельной роли среди своего государства и народа.

Основным и наиболее характерным признаком окончания какого-либо исторического периода служит обыкновенно то обстоятельство, что главная, центральная, так сказать, историческая идея, отмечавшая собой весь период, приходит к очевидному уродству, изживает сама себя. Такой основной идеей европейской цивилизации последних столетий в области экономической является, несомненно, золотая идея, то есть идея, что золото – единственные и истинные деньги. Идея эта легла в основание всей банковской и финансовой системы современных государств, породила фонды, фондовую биржу и ее спекуляции, опутала государства сетью неоплатных долгов, создала капиталу политическую власть и преобладание в государствах, выдвинула к международному господству финансовых израильских царей и кончает великим политическим развратом, совершенно одинаковые симптомы коего так резко проявились в последние годы одновременно во Франции, Италии и Германии, что отдельные случаи “хищений” складываются мимовольно в великую и печальную картину политического разложения современной Европы. Продолжать жить таким образом

невозможно, выхода тоже не оказывается никакого. Перепуганная биржа спешит потушить одинаково и Панаму и Панамину, зажать рот Альвардту, но она не в силах ни вдохнуть веру в себя, ни поднять дух изнемогающих под биржевой кабалой народов.

Среди этого хаоса мелкая и жалкая финансовая наука Запада едва лепечет свои старые формулы; мы вторим ей по старой привычке идти за европейской ученостью, по-видимому, и не подозревая, что наступает новый исторический период, который в противность материалистическим воззрениям, борьбе как главной движущей силе природы и человечества и философскому пессимизму как конечному выводу вознесет перед ними совсем иные знамена и идеи.

Мы не имеем в виду раздвигать настолько широко программу нашего исследования. Мы хотели указать лишь, что основной чертой этого нового периода должно явиться преобладание духовного и нравственного начала во всех областях человеческого мышления и делания, ибо только нравственное начало и способно вывести заблудившийся цивилизованный мир из дебрей материализма и бессмысленной животной борьбы. И кто знает, в этом новом движении не очутится ли наша тихая и наименее “цивилизованная” по-западному Русь впереди других племен и народов как сохранившая в своей непосредственности чистые нравственные начала и донесшая их до момента оказавшегося в них всеобщего оскудения?

В области финансов, по крайней мере, нам это кажется несомненным, ибо только одна Россия не допустила биржу создать своих Ротшильдов и Блейхредов, ибо только у нас биржа начинает отцветать, не успев как следует зацвести, и ярко определяется некоторое новое течение.

II

Мы уже говорили, что в западной умственной атмосфере чувствовался особый специфический недостаток, словно не

позволявший умам мыслителей ориентироваться и найти верный путь для построения истинной финансовой науки. Этот своеобразный дальтонизм сбивал с дороги даже таких выдающихся мыслителей, как Прудон и Фулье. Про умы меньшего полета ничего и говорить.

Сделав десять шагов в области чистой науки, ученый на одиннадцатом шаге спотыкался и уходил в условности, не будучи в состоянии, именно вследствие этого дальтонизма, ярко, последовательно поднимать финансовые вопросы в их истинно научном виде: он уклонялся в мелкие практические рассуждения, разрабатывал такие частности, как моно- и биметаллизм, а общую теорию усиливался окургузить и обосновать не на бесспорных логических выводах, а на золотом предрассудке да на существующем запасе фактов, освященном данным экономическим строем эпохи. Получалось нечто поистине жалкое.

Чтобы уяснить эту мысль, возьмем частный случай с бумажными деньгами. У некоторых западных финансистов, пока они рассуждали отвлеченно, логика оказалась достаточно сильной, чтоб охарактеризовать эти деньги как идеальные по своему совершенству (не в смысле суррогата золота, не в смысле кредитных денег, а именно в смысле денег абсолютных). Но их умы не справились и не могли справиться с первым же поставленным экономической практикой вопросом: ну а что, если государственная власть напечатает этих денег излишнее количество? С точки зрения западного человека даже нельзя себе представить государственной власти, которая не могла бы напечатать лишних бумажек. Всякая напечатает, одна по нужде, другая по легкомыслию; гарантий никаких быть не может, а потому – прочь самая идея об абсолютных знаках! Все рассуждения о них праздны. Будем держаться за золото и допустим бумажки только в качестве его заместителей. Тут будто бы еще возможны некоторые гарантии и контроль.

Читатель чувствует полную ненаучность подобного приема, чувствует, что здесь, с этого именно шага, наука кончилась и пошли совсем произвольные построения. Вот почему и финансовой науки, годной для всех времен и народов, устанавливающей точные законы денежного обращения

(ибо это и есть в строгом смысле предмет финансовой науки как части политической экономии), нет и не было.

Вот, по нашему мнению, каков должен бы быть истинно научный прием и как могла идти дальше финансовая наука.

Идеальная, наилучшая форма денег – абсолютный знак, единица меры отвлеченная, как метр, аршин, ведро. Это уже высказано, теоретически обосновано и можно считать бесспорным. Но мы не знаем (на Западе) такой формы государственной власти, которая могла бы оперировать с такими деньгами, или по Родбертусу, не имеем соответственных политических и общественных учреждений. Предположим, однако же, что такая форма возможна. Предположим, что государство будет выпускать и снимать с рынка как раз необходимое для жизни количество знаков. Рассмотрим и изучим функции этого абсолютного знака.

В математике не остановились перед такой логической бессмыслицей, как мнимая величина. Ввели ее, предположили, допустили и построили великую науку. В финансах того не сделали, и потому никакой финансовой науки не получилось.

Создание финансовой науки на Западе было затруднено, между прочим, и известной историей Джона Ло с грандиозным государственным банком и не менее грандиозными государственными спекуляциями. Это была очень грустная история, оставившая неизгладимое впечатление, во вред истинной науке. Джон Ло был бесспорно гениальный человек, и за два с половиной века до нашей поры создал и осуществил такую денежную систему, которая для нас сейчас еще является почти недостижимым идеалом. Не формулируя научно законов денежного обращения, он угадал их вдохновением гения и безошибочно понял их основание в нравственном начале[\[12\]](#). Но, во-первых, тогдашняя французская абсолютная государственная власть уже находилась на пути полного разложения; она растеряла все свои идеалы и притом была настолько безнравственна, что пустилась на открытый грабеж, а, во-вторых, и сам Ло вместо того, чтобы удержаться на чистой идее абсолютных знаков, впутал свой

банк в неистовую биржевую игру акциями своей злосчастной компании и, перейдя все границы благоразумия, чуть не разорил окончательно Францию. Нравственное начало и государственное творчество в финансовых вопросах были скомпрометированы больше, чем на двести лет, а похоронившая французскую легитимную монархию революция положила поистине надгробный камень над нравственным началом. Даже серьезные и глубокие умы не могли отделаться от силы нового потока, увлекшего Запад в рационализм, давшего торжество грубому материализму, извратившего и задержавшего и истинную культуру, и развитие финансовой науки.

Когда возникнет, да и возникнет ли на Западе настоящая финансовая наука, неизвестно; наше горе в том, что нам приходится или изучать совершенно неподходящие для нас системы, чувствуя, как их положения не сходятся с русской жизнью, или самим создавать настоящую финансовую науку, или, наконец, вести государственное хозяйство без всякой науки, на основании простого здравого смысла, цифр и опыта.

Попробуем рассмотреть все три случая.

Финансовые теории Запада (мы говорим о господствующей школе финансистов) пора, наконец, бросить; это-то уже, по крайней мере, бесспорно. Если мы бедны, если русский народ осужден полгода сидеть без дела, если мы по уши в долгах, если наше земледелие гибнет, а мануфактурная и иная промышленность развивается безобразно, то винить за это надо исключительно нашу финансовую учительницу – Европу, благодаря которой наша финансовая политика второй половины XIX века представляла то чистые западные образцы, то робкие компромиссы между указаниями западных финансистов и требованиями русской жизни. Об этих теориях теперь и говорить уже как-то стыдно.

Хозяйничать без всякой теории, как хозяйничали Кольбер, Канкрин, бесспорно лучше. Если мы представим себе очень крупное имение с огромным и разветвленным земледельческим и фабричным производством, с

многочисленным персоналом служащих, с широко развитым кредитом, то это будет государство в миниатюре. Хозяйничать следует так, чтобы дела шли прочно, хорошо, чтобы все отрасли преуспевали, чтобы имение развивало свои силы. Нужен заем, делать заем. Можно платить проценты меньше, делать конверсию долга. Постройка затеяна – производить ее подрядным или хозяйственным способом, что окажется выгоднее...

Да, но так может хозяйничать частное имение, крупный завод или, наконец, маленькое, несамостоятельное экономически государство, как Сербия. У всех трех меновое средство, деньги, не свое, а чужое. Все в тесной зависимости от соседей, а частное предприятие, кроме того, от государства. Разумеется, хороший хозяин, здравомыслящий министр финансов, поведет этим путем русское хозяйство недурно, исполнив высказанное противниками финансовых теорий желание “знать свою страну и уметь вовремя проявлять смелость и толковость этого знания”.

Но этого все же будет недостаточно. Помещик может быть великолепным хозяином, но без земледельческой химии ему никак не обойтись. Смелый здесь наделает огромных ошибок, робкий будет вечно сомневаться. А со знанием земледельческой химии и смелый, и робкий в смысле результатов до известной степени сравниваются. Как ни будь я смел, но если я знаю, что на этом участке не хватает фосфорной кислоты, я пшеницы сеять не буду. Как ни будь я робок, но если я знаю, что урожай клевера утраивается каинитом, я не побоюсь затратить деньги на его покупку, если это обещает выгоду.

Следует ли говорить, что в области финансовых мероприятий мало смелости, мало также и знания народной жизни, а прежде и важнее всего ясное предвидение результатов данной комбинации? Нам приходится строить железную дорогу. Средства для ее постройки могут быть добыты: новым налогом, внутренним займом или выпуском бумажек. Чтобы выбрать тот или другой способ, мало знания народной жизни и смелости. Рассуждение министра финансов будет примерно таково: “Налогов новых вводить

нельзя, бумажек, кажется, довольно: капиталы на рынке, кажется, есть свободные. Сделаем заем”.

Шаткость этого рассуждения бросается в глаза. Западная доктрина здесь только запутывает человека. Но и без здоровой, ясной теории дело плохо. “Кажется” – критериум весьма плохой, а при смелости и совсем нехороший. Но что же тогда делать?

Теория, безусловно, нужна. Нужна истинная финансовая наука, широкая, верная, позволяющая точно определить, заем ли делать или бумажки печатать и почему именно?

Но этой теории нет. Финансовая наука еще не родилась, если не считать робких намеков, да таких теорий, не дошедших до выяснения истины, как рентовые билеты Цешковского или долговая теория Маклеода. На Западе, повторяем, финансовой науки нет, есть местные правила, есть финансовые системы для Франции, Англии, Германии до известной степени пригодные. У нас тоже финансовой науки не создали наши экономисты, ибо до сих пор шли в хвосте западной мысли. Но в русской экономической литературе были, по крайней мере, ясные попытки осветить если не научные законы, то практику совершенно иного денежного обращения, чем на Западе.

III

Если бы кто-нибудь вздумал попробовать действительно научным образом изложить и осветить западные финансовые теории, он убедился бы с первого шага, что на Западе денежной теории вовсе нет, а есть теоретические рассуждения о золоте как деньгах и о заменяющих его суррогатах.

В самом деле, любопытно посмотреть, как золото стало деньгами и как воздействовало на построение этих своеобразных теорий.

Как определяет понятие “деньги” финансовая наука? Она говорит: деньги – единица измерения ценностей, как метр

измеритель длины, грамм – веса, литр – объема. Определение очень точное и научное.

Между парой сапог и четвертью ржи для определения их взаимной ценности необходимо вставить некоторую условную и непременно постоянную единицу. Мы говорим: пара сапог стоит десять рублей, четверть ржи – восемь. Единица для сравнения – рубль. Совершенно так же говорим мы: от Москвы до Петербурга шестьсот верст, от Петербурга до Коллина восемнадцать. Единица сравнения – верста.

Казалось бы, роль и значение этих единиц приблизительно одинаковы. Единица меры ценностей должна бы, научно говоря, иметь столь же отвлеченный характер, как и всякая другая единица меры. Если угодно придать этим единицам взаимную связь и постоянный характер, достаточно приурочить одну из них к какой-нибудь неизменной величине, а остальные приурочить к первой.

Метрическая система так и сделала. За основание взяла земной меридиан и одну сорокамиллионную часть его назвала метром. Объем кубического дециметра назвала литром и получила точную объемную единицу; вес кубического сантиметра чистой воды при известной температуре назвала граммом и получила точную весовую единицу.

А вот на единице ценностей наука споткнулась. Отвлеченную единицу ценностей установить оказалось невозможным по тем психическим элементам, о которых мы говорили выше. Потребовались гарантии против злоупотреблений; нормальный метр можно всегда проверить. Но удостоверению правительства в том, что все метры, выпускаемые с казенным клеймом, точны и сверены с нормальным, поверить было можно, какой-нибудь нормальный франк или рубль, если это кусочки металла, – тоже, но самое измерительное их качество, идею ценности, в них заключающуюся, проверять оказалось невозможным, и наука так на этом и остановилась.

С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось

золото. Оно действительно с большим удобством исполняло роль денег. Но в сущности это были не деньги, а был “всем нужный товар”, разделенный на точные весовые количества. Понятие о деньгах, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено в металлическом кружке такого-то веса. Таким оно осталось и в наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука.

При всех неудобствах золота, при явной кабале, в которую только ради золота впадают иногда целые государства, оно давало единственную, но очень важную гарантию: прибавить по произволу золота было почти нельзя, в природе его немного, наличное все размещено в чью-либо собственность, следовательно, никакое злоумышление правительства не может нарушить естественного уровня цен; накопивший золото всегда богач, ибо невероятно, чтобы вдруг были открыты слишком обширные залежи золота, и оно, сразу прибавившись в количестве, упало бы в цене.

Все это соображения очень веские, но с наукой ничего общего не имеющие.

Когда наступили новые века, жизнь и промышленность на Западе усложнились и золота как менового средства оказалось слишком мало, чтоб удовлетворить всем потребностям; и вот появилась финансовая наука, точнее говоря, были изобретены приемы, посредством коих из частного кредита, известного еще в древности, выросли последовательно кредит банковый и государственный.

Писать историю финансов не наша задача, а потому, опуская все длинные рассуждения о том, как все это постепенно складывалось, довольно сказать, что для замещения крайне недостаточного золота были изобретены его суррогаты в виде банковых билетов, которые – указывалось на это с особым ударением – с бумажными деньгами, с деньгами абсолютными, ни к какому металлу, ни к какой реальной стоимости не прикрепленными, ничего общего не имеют.

Получилась следующая общепринятая в Европе комбинация: счет ведется по-прежнему на золото (не

упоминаем о серебряной валюте в некоторых государствах и вовсе не касаемся моно- и биметаллизма, ибо это только бы усложнило и затемнило вопрос), у правительств по-прежнему связаны руки, но в большинстве государств, рядом с правительством, под его контролем, хотя в полной от него независимости, учрежден национальный банк, ведающий денежным обращением. Этому банку предоставлено в помощь и в замену курсирующего золота выпускать под его обеспечение в строго определенном количестве банковые билеты, разменные на золото во всякую минуту.

Эту комбинацию придумала западная практика и вполне одобряет западная наука. Но как ни старается она связать руки государству и оградить карманы публики от финансовых колебаний, в жизни получается следующее явление: для государственного хозяйства или войны нужны деньги; правительство решается сделать внутренний заем и, стягивая в свои кассы известное количество золота, выпускает беспроцентные обязательства, свои или банковые, а чтобы не выпустить из своей казны золота, объявляет их неразменными и устанавливает принудительный курс. Получается как бы долг государства народу; в неблагоприятных случаях курс этих бумажек на золото падает, устанавливается лаж, и финансовая публика начинает кричать, что она обкрадена, что у нее взяли франк, а дают лишь 60 сантимов и т. д.

Основной характерной чертой этого строя является неизбежное экономическое господство одного народа или государства над другим во внешних сношениях и неизбежное господство денежной биржи внутри государства.

Взглянем на отношения Турции, Египта, какой-нибудь Аргентины или Сербии с их европейскими кредиторами. Разве это не формальная кабала?

А если заглянуть в царство биржи, то достаточно припомнить историю различных крупных спекуляций и крахов. Деятельность господ Ротшильдов, Блейхредов и всего европейского еврейства выясняется во всем ее величии. Царство золота последовательно и логически

убило истинную финансовую науку, связало все народы и государства мира одной огромной цепью и, словно рабов, повергло их к стопам всемогущего Израиля.

Достаточно развернуть и прочесть в русской книге Кауфмана о банках удивительный, невероятный, хотя по-своему и поэтичный, гимн золоту. С первых же строк станет ясно, что никто, кроме еврея, ничего подобного написать не мог. Гимн этот настолько характерен и откровенен, что мы решаемся сделать небольшую выписку. Вот как определяет господин Кауфман драгоценные металлы:

“Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных размеров. Они как бы представляют цель, которая может сокращаться и расширяться, смотря по силам тех, кто к ней стремится. И большая, и малая сила одинаково могут ее достигнуть. Вследствие того, что драгоценные металлы в малом объеме могут содержать большую ценность сравнительно с другими ценностями, они преимущественно перед другими годятся, когда имущество должно принять такую форму, в которой его удобнее скрывать от чужих взоров, от чужого нападения и похищения. Золотое и серебряное тело представляет таким образом наилучшую крепость, за стенами которой имущество чувствует себя всего безопаснее. Но золото и серебро не только лучше всего оберегают имущество в данном месте. С ним легче всего совершенно избавить имущество от опасностей, которыми ему угрожает данное место. Переодеваясь в золото и серебро, имуществу всего легче убежать из опасной страны: драгоценные металлы служат как бы шапкой-невидимкой имуществу. И куда бы с ними не явился их обладатель, повсюду он встречает спрос на них, повсюду он их может

обменивать на необходимое. Драгоценные металлы освобождают его от прикрепленности к данному месту и повсюду ему дают свободу, пропорциональную их собственному количеству.

Какой бы мы ни взяли вид капитала, кроме драгоценно – металлического, всякий представляется нам с совокупностью особенностей, свойств и качеств, отличающих его от других видов капитала, делающих его годным на удовлетворение известной, определенной потребности, приносящих его к достижению одной какой-либо частной цели. Он представляет собой материал или орудие, нужные для заготовления того или иного вида вещи, простой ли необходимости или характеризующей роскошь; он представляет собой материал или орудие, нужные при заготовлении платья, жилища и т. д. Вообще всякий другой вид капитала, кроме драгоценно-металлического, представляет всегда какую-либо специальную и специфическую полезность. Золото и серебро вследствие универсальной общепризнанности их полезности составляют исключение. И они только одни составляют это исключение. Сами по себе взятые, они непосредственно весьма на многое годятся, но их можно обменять на что угодно, где угодно и когда угодно. Кто ими обладает, обладает поэтому каким ему угодно капиталом, в какое ему угодно время и в каком ему угодно месте. То есть когда капитал принимает форму золота и серебра, он освобождается от всех тех ограничений, которыми его полезность стесняют качество, пространство и время. От всего, что стесняет имущество, что суживает силу богатства, что прикрепляет его к определенному назначению, времени или месту, от всего этого драгоценно-металлическое тело его освобождает. В драгоценно-металлическом теле капитал получает полную и безграничную свободу. Неудивительно, что многие утверждали, что в этом теле капитал получает душу, он ведь свободно может подвигаться куда ему угодно, а прочность золота и серебра дает ему бессмертие, каким не может похвалиться человеческое тело. Англичане это выражают иначе. Они говорят, что всякий другой вид капитала представляет

только один вид богатства; золото и серебро, напротив, представляют отвлеченное богатство (abstract wealth). Драгоценные металлы представляют собой то, что сосредоточивает на себе весь экономический мир, но не в бестелесной, а в осязательной форме. Это – оживленная отвлеченность. Несомненно, что самая высокая (во всяком смысле) абстракция, какую знает история прогресса человечества, представляется той, которая обобщает все проявления полезной (культурной) человеческой деятельности, что она ни создавала бы – хлеб, платье, обувь, жилище, песню, военную победу, политический порядок и т. д., какому бы времени, какой бы национальности она ни принадлежала, все, словом, проявления деятельности обобщает, как проявление общечеловеческого единства. Эта – то наивысшая абстракция имеет практическое реальное значение в той мере, в какой она воплощается в золоте и серебре, представляющих все ценности, выработанные культурой. За золото и серебро отдаются все эти ценности.

„Абстрактное богатство“ обладает покупательной силой, подобно всякому другому богатству. Но его покупательная сила отличается своей чистотой или, вернее, своей очищенностью от всяких иных примесей (например, от нравственного закона – *Авт.*) Это значит, что насколько драгоценные металлы служат не для удовлетворения одной какой-либо надобности из той совокупности их, которая входит в круг экономической жизни и в ней обособляется в особую группу, насколько, напротив, драгоценные металлы представляют общую возможность добывать какую угодно из отдельных вещей и услуг, нужных для удовлетворения вообще означенных надобностей, – настолько они выделяются из общей массы имуществ и всей массе противопоставляются, как сила противопоставляется разнообразным результатам, которые она в состоянии произвести, как центр противопоставляется периферическим пунктам окружности, к которым ведут радиусы от него. Пока кто-либо имеет драгоценные металлы, он обладает силой, которая его может повести к какому угодно из этих пунктов и по самому кратчайшему

направлению. Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех тех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшей скоростью. Вот почему покупательная сила драгоценных металлов дает возможность производить обмены с наибольшей скоростью. Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы, становится через то в центр самого обширного круга, в котором он всего скорее может достигнуть каждого из его периферических пунктов”.

Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основной чертой грубой утилитарности и стремления к грубому же материальному владычеству над всем остальным человечеством, мы поймем своеобразную поэзию этих великолепных прок.

Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота. Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала – капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, – таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром.

Какие усилия были употреблены, чтоб и Россию захлестнуть той же цепью! Но Бог, видимо, хранит нас. Мы только ослаблены и разорены, но не закабалены никому, да и не случится этого никогда. Нас спасет то, во-первых, что Россия не государство только, а мир, вполне самодовлеющий и экономически независимый, во-вторых, спасет сохранившееся именно в русском племени отвращение к грубой материальной силе в качестве идеала, спасет, наконец, истинная финансовая наука, которая должна же когда-нибудь явиться.

IV

Первым шагом на пути создания истинной финансовой науки должна быть победа именно над этим золотым

предрассудком, полное отрешение от того взгляда, по которому драгоценные металлы отождествляются с деньгами.

Как только этот шаг сделан, и хотя бы только в нашем представлении, явились деньги, лишенные всякого вещного, товарного значения, деньги – знаки, деньги – измеритель и орудие расчета и учета, деньги, наконец, – представитель не реальной ценности, а некоторой идеи; уже мы будем в состоянии тотчас же приступить к изучению работы этих знаков и их роли в народной и государственной экономии.

Это, повторяем, единственно научный путь, и для его освещения у нас есть наша собственная долголетняя финансовая практика. Многие и не подозревают у нас, что в действительности Россия с перерывами, но уже второе столетие живет на совершенно абсолютных деньгах, что золото и серебро давно перестали быть русскими деньгами и то, что считается какой – то экономической болезнью, каким-то несчастьем, есть в сущности исторический хозяйственный процесс, далеко выдвигающий нашу Родину впереди других цивилизованных народов.

Став на эту точку зрения, мы попытаемся уяснить законы денежного обращения, пока только по русским данным и применительно к России, обладающей, если не вполне реально, то, несомненно, потенциально, теми государственными и общественными условиями, необходимость коих чувствовал Родбуртус. Расширить рамки нашего исследования и применить к этим законам данные и явления чужой жизни будет всегда возможно.

В наших предыдущих сочинениях мы уже обрисовали приблизительно эти законы, вытекающие из данных русской практики. Поэтому теперь мы выставим их в качестве ряда положений, которые и попытаемся посильно выяснить и доказать.

Положения эти следующие.

- 1) Меновой, денежной единицей в России есть и должен быть рубль, представляющий собой постоянную, совершенно отвлеченную ценность.

- 2) Эта единица на практике изображается бумажным знаком, выпуск и истребление коего принадлежат государственной власти.
- 3) Золото есть товар такой же, как и все остальные металлы, но ввиду того, что этот товар системой соседних государств принят за монетную, денежную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счета приходится вести на него.
- 4) Бумажный рубль, не зависящий от золота и выпускаемый по мере необходимости, позволяет при правильной организации кредитных учреждений оживлять и оплодотворять народный труд и его производительность как раз до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания. Он является мнимым капиталом и действует совершенно так же, как и капитал реальный.
- 5) Существует весьма простой регулятор, указывающий во всякую минуту центральному кредитному учреждению, много или мало денег в стране, и позволяющий с величайшей точностью сжимать и расширять наличное количество знаков.
- 6) При системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального государственного учреждения, господство биржи в стране становится совершенно невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.
- 7) Место хищных биржевых инстинктов занимает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.
- 8) При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных, мирских или государственных запасных капиталов.

- 9) При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в биржево-золотых государствах власти.
- 10) При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Наконец.

- 11) Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных знаках, изменит самый характер современного русского государственного строя, совершенно освободив от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

Если бы нам удалось доказать эти положения и обратить их в законы, их, надеемся, было бы достаточно, чтобы предлагаемой теории придать истинно научный характер.

Думаем, что это совершенно возможно. Доказательства наши могут быть, конечно, только исторические и логические, и они облегчаются тем, что в зародыше все это у нас уже есть или было и что все наши экономические и финансовые затруднения только тем и обусловливаются, что мы даже практически уже почти придя к прекрасной денежной системе, все еще не решаемся открыто ее признать, все еще оглядываемся на старые учебники.

История наших финансов, начиная с графа Канкрин, полна оправдания самого ясного всему изложенному выше. К ней мы обратимся позднее, а пока рассмотрим выставленные тезисы.

V

Наше первое положение, то есть, что денежная единица должна представлять некоторую постоянную, совершенно отвлеченную меру ценностей (у нас в России бумажный рубль), доказывать теоретически едва ли нужно. Западная

наука и некоторые из выдающихся ее представителей у нас, как, например, Н. Х. Бунге, не отвергают, что эта форма денег теоретически наилучшая, но она, по мнению правоверных финансистов, неосуществима.

А между тем, наша русская практика показывает, что она не только осуществима, но и практически существует. Неужели же серьезно можно сказать, что наш бумажный рубль соответствует такому-то количеству золота и серебра, если тридцать или сорок лет подряд за этот рубль дают не то количество металла, которое на нем прописано, а то, которое устанавливает на каждый курсовой день биржа? Мало того, за эти сорок лет два раза правительство пыталось восстановить размен, то есть привести бумажки в точное соответствие с металлом, и что же? Дело кончалось каждый раз огромными убытками, рубль шел своей дорогой, а золото своей.

Нам говорят: рубль бумажный есть долг казны предъявителю. Казна взяла в долг золото и дала бумажку – вексель, по которому в любую минуту можно получить золото обратно. Рубль ходит как деньги только потому будто бы, что на осуществление рано или поздно этого обещания все надеются. Но как же надеяться на это обещание, если тридцать или сорок лет подряд казна совсем не платит по этим мнимым своим векселям и, уверенны, никогда платить не будет? Если бы бумажные рубли ходили только в силу подобных надежд и простого торгового доверия, ясное дело, что после первой же приостановке размена доверие к ним совершенно исчезло бы и за них никто не дал бы ни копейки. Не правильнее ли заключение, вытекающее отсюда, что рубли внутри страны ходят только потому, что это настоящие абсолютные деньги, а не гарантии их каким-то золотом, которого никому не выдают? Не ясно ли также, что и для иностранцев, торгующих с нами, это обеспечение не имеет никакого значения, а важна покупная ценность рубля внутри России? Иностранцу нужен, положим, лен. В России пуд его стоит пять рублей, заплатить за него иностранец может на золото, допустим, десять марок. Ясно, что эти десять марок обмениваются на пять рублей. Это наиболее простой

случай, который мы приводим, собственно, затем, чтобы показать, что золотое обеспечение, или эта магическая надпись на рубле, никакого практического значения ни для нас, ни для иностранцев не имеет. Чтобы совершенно уяснить абсолютный характер русских бумажек, достаточно себе представить, что завтра, например, правительство выпустит нового образца билеты, на которых вместо обычной надписи будет стоять: “Государственный денежный знак. Разменивается по предъявлению в каждом казначействе на знаки меньшего достоинства или на мелкую монету”. Полагают ли господа финансисты, что русская публика и иностранцы, прочтя подобную надпись, придут в ужас и перестанут брать новые бумажки? Не думаем! Иностранцу это будет решительно все равно, лишь бы рубль сохранил в России свою покупательную силу, а русская публика, наверно, будет довольна, ибо не может русский человек мириться даже с таким наивным самообманом, жутко, неловко ему...

Когда граф Канкрин выпустил вместо прежних ассигнаций новые “кредитные билеты”, он, в сущности, совершенно произвольно приурочил наш рубль к французским четырем франкам. Тогда Россия обменивалась с иностранцами правильно, в долги не залезала, путешественники не везли русского достояния проматывать за границу, тогда в заключение международного обмена почти каждый год приходилось не нам добавлять золота в пользу иностранцев, а обратно: золото это накапливалось в России и ходило в публике не только рядом с бумажками, но было часто даже несколько дешевле их, курс внешний был очень устойчив и благоприятен. После Крымской войны наш международный расчет совершенно изменился. Золото из России ушло, приплачивать иностранцам стали мы, а потому залезли в долги и обесценили на внешних рынках наши бумажки; но внутри России рубль остался все теми же царскими деньгами, хотя за него иностранные купцы и перестали выдавать четыре золотых франка.

Не ясно ли, что как ни хлопотать, а рубль стремится в России занять положение, независимое от золота? Не ясно ли, что к золоту его не привяжешь? Да и незачем привязывать.

Это деньги совершенно абсолютные, ставшие таковыми уже в силу простой давности, и сокрушаться об этом нет никаких резонов.

Некоторый, небольшой правда, лаж на бумажки – лучшее доказательство того, что бумажный и металлический рубль величины всегда несоизмеримые. Когда у нас скоплялось иностранное золото и серебро и выпускалось правительством в публику, как русская монета она не дешевила значительно только потому, что имела в сущности такой же принудительный курс, как и бумажки, то есть служила законным платежным средством. Небольшой лаж выражал лишь сравнительное удобство бумажных денег. Но если бы правительство раз навсегда признало единственным законным платежным средством внутри страны бумажки и отказалось бы от чеканки монеты, цена на золото и при большом его изобилии в стране установилась бы только как на товар. Право чеканки монеты потому и есть правительственная регалия, что дает казне всю разницу от удешевления металла. Наглядное тому доказательство – медь, из пуда коей, стоящего 14–17 рублей, бьются монеты на 50 рублей. Как только товарная стоимость меди превысит эту цифру, обязательный курс падет сам собой, медь переплавят в изделия, и медная монета исчезнет из обращения.

Сокрушаясь о низком курсе, упрекая правительство в том, что за наш рубль дают всего 65 копеек золотом, мы высказываем положительную неблагодарность нашим прекрасным абсолютным деньгам. В книге “Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве” мы старались доказать, что этот низкий курс был для России поистине благодетелен, отстояв в самую критическую минуту ее экономическую независимость, а теперь позволяем себе думать, что первое положение совершенно доказано: мы уже имеем в бумажном рубле ценовую единицу, совершенно отделившуюся от металлической своей валюты и ставшую абсолютными деньгами. Мы сжились с ними, и нам остается лишь их открыто признать и провозгласить.

Второй закон сам собой заключается в первом и доказательств не требует, а потому переходим к третьему, который был нами сформулирован так:

“Золото есть товар, такой же, как и все остальные металлы, но, ввиду того, что этот товар системой соседних государств принят за монетную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счета приходится вести на него”.

И это положение требует для своего доказательства только справки с текущей действительностью, так как прямо вытекает из принятого определения бумажного рубля. Если этот рубль – деньги абсолютные, то золото ничем иным, кроме товара, быть не может.

Справка в области нашей финансовой практики укажет с полной очевидностью, что золото у нас именно есть товар.

Мы выпускаем монету, на которой написано “пять рублей”, но эта монета вовсе не обращается внутри страны. 99/100 русского населения ни разу в жизни не произвели на нее ни одной сделки, а 9/10, наверно, ни разу в жизни и не видали. Видят ее только заграничные путешественники, да и то редко, а главным образом, столичные жители на выставках меняльных лавок. И вот до какой степени это не деньги для России, что правительство особую русскую золотую монету даже вовсе уничтожило. Наш прежний полуимпериал был несколько больше 20 франков. Недавно введен новый, совершенно равноценный 20-единичной монете, принятой латинским монетным союзом, равный 20 франкам, левам, динарам, драхмам и ир. Это настоящая латинская монета, снабженная лишь профилем Русского Государя и надписью “пять рублей”. Впрочем, эта надпись так же мало соответствует пяти рублям, как и надпись на кредитных билетах: “предъявитель сего...” и т. д. И вот наши новые полуимпериалы прекрасно обращаются как монета, как деньги, за границей, а у нас в России, если б у кого и оказались, то прежде чем их употреблять, было бы необходимо продать их, разменять их по курсу на русские деньги совершенно так же, как золото в слитке или любую иностранную монету.

И здесь факт налицо, и его требуется лишь узаконить, провозгласить. Для этого достаточно было бы не писать на полуимпериале “5 рублей”, а поставить вразумительно: “Российская для внешних платежей монета. Двадцать...” существительное подберите, какое угодно, ни никак не “рублей”, чтобы не было путаницы.

Но какая же надобность выпускать эту особую монету? Не гораздо ли проще расплачиваться готовой монетой латинского союза? Ответ на это самый простой: добываемое у нас золото при обращении в монету дает казне известный доход. Доход этот небольшой, но зачем же им пренебрегать?

Нам могут возразить, что по закону у нас валюта не золотая, а серебряная и что наша монетная единица не золотой, а серебряный рубль. Да, мы пытались это сделать, и одно время серебряные рубли у нас ходили. Но когда последовало перемещение относительных ценностей золота и серебра, последнее вовсе вышло из употребления и осталось лишь в качестве мелкой разменной монеты, да и то низкопробной, чтобы не было выгодно переплавлять. Рубли бьются на нашем монетном дворе и сейчас, но идут, как кажется, исключительно на Восток, в Турцию, Персию и проч. В России они совсем не ходят, и сделки на серебряную валюту вовсе не совершаются ни во внутренних, ни в международных сношениях. А если мы пишем “сто рублей серебром”, то пишем это по старой памяти, подразумевая в действительности “сто рублей бумажных”. Никому в голову не придет требовать уплаты серебряными рублями, ибо и на них есть особый курс, и “сто рублей серебром” вовсе не равноценны ста серебряным рублям.

Наша низкопробная разменная монета – лучшее доказательство. Раньше была у нас монета полноценная, строго соответствовавшая принятой единице – серебряному рублю. Когда бумажный рубль отделился от металлического и золото потекло за границу, потекло за ним и серебро. Мы рисковали совсем остаться без билонного (разменного) средства, и волей-неволей пришлось выпустить серебряные деньги с большим количеством лигатуры, переплавлять которые на серебро не было бы выгодно.

Полагаем, что после всего сказанного не может быть сомнения в том, что золото и серебро в нашем внутреннем хозяйстве не деньги, а товар, в торговле же нашей с иностранцами – чужие деньги, хотя частью и заготовленные на нашем монетном дворе, но приравненные не к русским, а к латинским деньгами.

Переходим к четвертому и пятому положениям. Здесь приходится ради их научного обоснования предпослать несколько глав о внутренней ценности или, точнее, покупной силе бумажного рубля сравнительно с таковой же силой золота.

Чем обуславливается покупная сила золота, мы уже видели. Золото никогда заметно не подешевеет, ибо его не может появиться вдруг слишком много. Покупная сила золота, его внутренняя ценность пропадает лишь при совершенно исключительных условиях, например на корабле, на котором среди открытого океана кончилась провизия, или в осажденном городе, отрезанном от сообщения со страной. В остальных случаях в зависимости от внешних обстоятельств могут быть колебания в ту или другую сторону. Но большого обесценивания золота при сколько-нибудь нормальном порядке быть не может.

Суррогат золота – банковые билеты гарантируются от обесценивания положительными установками банков, обуславливающими постоянную их разменность и невозможность их выпуска в количествах произвольных. Злоупотребления здесь крайне опасны и приводят прямо к государственному банкротству; страны же, правительства коих не в силах восстановить правильных международных расчетов, запутываются в долгах и фактически теряют свою самостоятельность (Египет, Турция).

Чем же обуславливается внутренняя ценность, или покупная сила, абсолютных денег, не имеющих никакого отношения ни к какому металлу и выпускаемых государственной властью в России вполне свободно?

Мы видим в жизни явление с точки зрения западных финансистов почти необъяснимое: русский рубль, величина совершенно отвлеченная, на деле изображаемая бумажкой, не имеющей сама по себе никакой ценности, ибо потребовать законной валюты за прекращением размена нельзя и не у кого, отлично ходит и обладает замечательной внутренней устойчивостью. Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг тут же в распоряжении министра финансов. Печь – клетка во дворе Государственного Банка. Никаких точных приемов для исчисления количества потребных в каждую минуту для страны кредитных билетов действующая система не знает, а потому выпуск и уничтожение знаков вполне произвольны. Завтра может быть подписан указ министру финансов о выпуске хотя бы двух или трех миллиардов знаков. Послезавтра может быть подписан противоположный указ, по которому Верховная Власть, согласившись на представление следующего министра финансов, что знаков слишком много, прикажет консолидировать их в процентные бумаги, то есть выпустить государственные облигации, а “лишние” бумажки снимет с рынка и истребит. Никаких формальных гарантий нет и быть не может. Между тем даже незначительные колебания менового средства производят огромные перемещения в экономической области, отражаются на всех ценах, на всякой работе, на всех предприятиях. Выпуск или уничтожение бумажек, производимые искусственно, а не по законам денежного обращения, могут совершенно изменить расположение производительных сил страны. По западному взгляду, в такой стране жить нельзя, как нельзя жить в стране, где не обеспечены жизнь, честь, собственность.

А мы живем, и если нам приходится иногда плохо, то по причинам совершенно противоположным, чем на Западе. Запад все ищет гарантий против возможных злоупотреблений верховной власти, находит эти гарантии в золоте и акционерных национальных банках и попадает в безысходную кабалу к бирже и ее царям. Россия добивается только одного: полной и настоящей свободы для своей единоличной верховной власти, твердо веруя, что эта

власть абсолютно нравственна и доброжелательна и что все экономические бедствия и неурядицы проистекают от недоразумений или злоупотреблений исполнителей царской воли, умевших так или иначе уйти от контроля и вызвать верховную власть на несвободное решение.

Поясним это на примере выпуска денежных знаков.

Огромность и разносторонность государственной работы в такой колоссальной стране, как Россия, таковы, что Русскому Государю нет ни малейшей возможности быть специалистом ни в какой области государственного управления. Его специальность – видеть перед собой беспрерывно общую картину России в самых магистральных ее линиях, смотреть на русскую жизнь с самой возвышенной точки зрения. Детали если ему и доступны, то не иначе, как в виде частных примеров, объясняющих направление магистралей.

От самодержавного Государя поэтому мы можем ожидать личной инициативы лишь постольку, поскольку это касается образа целой России, например в делах политических. Во всех же остальных случаях ему достаточно дать свое свободное и окончательное решение по выслушивании по меньшей мере двух противоположных мнений, подготовляющих и освещающих для него тот или другой вопрос.

Министр финансов находит, что для потребностей промышленности и торговли наличного количества денежных знаков мало и необходим их новый выпуск. На Западе ничего не стоит подготовить в желательном смысле парламентское голосование, а потому там спешат оградить страну от самой возможности выпуска, вырывая у правительства Национальный банк – экономическое сердце страны, создавая последнему независимое положение и обуславливая золотое обеспечение для банковых билетов.

В России, наоборот, все убеждены, что Государь никогда не подпишет указа о новом выпуске денег, пока не будет совершенно убежден в целесообразности этой меры, и все жаждут только того, чтобы Государю была полная возможность не довериться лишь той или другой личности,

но действительно убедиться, сверив доводы за и против мероприятия.

Таков русский народный идеал, столь глубоко укоренившийся в русских умах и сердцах, что Россия безропотно переживает тяжелую и долгую полосу финансовой политики, явно нарушающей этот идеал в надежде, что рано или поздно установится у нас настоящая, ясная и всем понятная финансовая система, при которой Государь, подписывая тот или иной указ, не будет болеть сердцем от неуверенности и сомнений, прав или не прав его министр, автор данного мероприятия.

И вот пока в области денежного обращения господствуют западные воззрения, пока искусство министра финансов является чем-то таинственным, наподобие колдовства или чернокнижия, мы видели пока одно явление: целый ряд русских Самодержцев, считая выпуски денежных знаков вообще делом весьма рискованным, прибегал к ним лишь в самых крайних случаях, охотно конвертируя, или уничтожая, денежные знаки и с крайней осторожностью разрешая выпускать новые.

Если бы существовала истинная финансовая наука, если бы государям, начиная с Александра II, не приходилось доверяться искусству выдвинутых общественным мнением или случаем лиц, призванных к заведованию государственным хозяйством, можно бы смело быть уверенным, что такая же мудрая осторожность была бы проявлена и в остальных отраслях финансового дела. Не было бы произведено ни бесполезной ломки старых кредитных учреждений, были бы найдены иные финансовые основания для великой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русские железные дороги, не было бы сделано столько угнетающих Россию внешних и внутренних займов. Но финансовой науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившиеся в западную ученость. Верховная власть волей-неволей санкционировала на веру ряд мероприятий, объема и сущности коих не понимали даже сами их авторы, один за другим сходявшие со сцены, натворя бед России.

Вот почему здоровая и ясная финансовая теория, не чужая, не заимствованная, а своя, оригинальная, построенная на тех же началах, на коих зиждется и наша государственность, – так необходима для нас. До сих пор разработке этой теории, возникновению истинной финансовой науки мешал наш бессознательный европеизм, отвергавший самые ее начала. Но его пора проходит.

Эти начала, утраченные Западом, но без коих вся западная культура лишается своего фундамента и вырождается в нечто постепенно теряющее даже образ человеческий, – любовь и доверие, составляющие в своем целом единое нравственное начало, западной финансовой наукой совершенно игнорируемое. Наша верховная власть есть порождение и представитель именно нравственного начала, начала полного доверия и любви и, полной свободы действий. Да, верховная власть без всякого протеста и противодействия, без всякого парламентского вето вправе завтра же выпустить или сжечь сколько угодно знаков, мало того, вправе объявить самую печальную войну, заключить самый невыгодный для России трактат... Но то, что она вправе, еще не значит, что она сделает, а если случайно и сделает, то не иначе, как по недоразумению, с самым искренним желанием добра стране или поддавшись ловко проведенному обману, предупреждать и охранять Государя от которого есть первый и священнейший долг верноподданного. Наша сила, наши гарантии лежат в том, что история создала и поставила нашу самодержавную государственную власть в положение ежеминутной ответственности перед Богом и собой, создала ей условия полнейшего бескорыстия и беспристрастия, окружила ее народной совестью и живым же народным мнением. При правильном действии указанных условий, при самодержавии истинном и свободном, без всяких формальных ограничений, не может не получить самого осторожного, самого консервативного правительства в мире. Нравственная сила – такая великая сила, что наша верховная власть, даже среди обстановки, сильно уклонившейся от идеалов старой допетровской Руси, в вопросах экономических чаще ошибается в смысле

чрезмерной осторожности, чем риска. Вечный недостаток у нас свободных бумажных знаков лучшее тому доказательство.

Эту аргументацию мы считаем совершенно научной, ибо нравственное начало есть вполне положительная величина, долженствующая иметь в финансовой науке строго определенное значение. Введя ее в рассуждение, мы можем точно, научно определить внутреннюю стоимость бумажного рубля.

Внутренняя стоимость, покупательная сила бумажного рубля основывается на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках коей находится управление денежным обращением.

Это нравственное начало действует в том направлении, что все несовершенства существующей денежной системы сводит к простым ошибкам и недоразумениям, совершенно устраняя всякие иные дурные элементы, коль скоро определилось убеждение верховной власти в их вредности.

Это совсем не то, что на Западе, где добивающаяся власти партия или даже династия жертвует сознательно великими интересами родины ради своего господства и где сама власть бессильна бороться с колоссальными хищными эгоизмами биржевых владык, в руках коих находится экономическое сердце страны. Ниже эта разница будет указана в более полном виде.

В противоположность истории Запада вся наша история с глубокой древности, с призвания варягов, основана на доверии, и вот почему, между прочим, именно нам суждено было изобрести первые в мире государственные абсолютные деньги (Рошер). Как жаль, что наши историки совсем почти не касались экономических отправлений Древней Руси и едва-едва исследовали княжеские кожаные деньги. Нет никакого сомнения, что эти деньги (кусочки кожи с княжеской печатью) имели характер настоящих абсолютных знаков (а не банковых билетов). Они оказали могущественное содействие русской культуре и вышли из употребления (при Дмитрии Донском), когда благодаря выгодной торговле с иностранцами в России стало в

больших количествах накапливаться золото и серебро. Правительственная власть начала чеканить монету, и в России явилось металлическое денежное обращение. Тогда оно было совершенно естественно, ибо если в стране накапливается золото, то оно само собой стремится обратиться в деньги и заместить другие знаки. Но когда наличное количество золота в мире перестало соответствовать потребности в нем, когда выковалось острое оружие международной борьбы в виде западных банковых систем и когда, вследствие этого, удержание металлического обращения в стране с плохим международным балансом или отставшей в своем промышленном развитии равносильно ее разорению и кабале у евреев – королей биржи, счастлива та страна, которая, опираясь на свое государственное устройство, на силу и свободу своей верховной власти, порожденной нравственным началом, имеет возможность перейти к деньгам абсолютным и отречься от золота!

VII

Ниже мы надеемся с полной убедительностью доказать, что полноценность во внутреннем обращении денежного абсолютного знака находится в прямом соотношении с весьма несложными законами денежного обращения, стоящими в свою очередь в непосредственной и тесной зависимости от нравственного начала, положенного в основание государственного строя. Пока укажем лишь, что поскольку это нравственное начало чисто и действительно, оно почти бессознательно приводит государственную власть к соблюдению законов денежного обращения. Как ни парадоксальным может показаться подобное утверждение, но в нем заключается глубокий смысл.

Если взглянуть на бумажный рубль как на простое расчетное средство, как на учетную квитанцию, выдаваемую третьим лицом, посредником между двумя лицами или группами, вступающими в сделку, тотчас же станет ясно, что свобода, обеспеченность и верность учета

сделки станет в прямую зависимость от степени доверия контрагентов к их посреднику, от веры в его бескорыстие и беспристрастие. С другой стороны, именно на этих принципах полного бескорыстия и беспристрастия и стоит русская верховная власть.

Поясним это на частном примере. Для выяснения сложных и запутанных расчетов между двумя взаимно кредитующими друг друга предприятиями, владельцы коих сами расчесться не могут, приглашается бухгалтер; проверить его расчеты контрагенты не могут, но ввиду его заведомого беспристрастия и добросовестности заранее принимают его учет как верный и справедливый.

Бумажный рубль есть этот бухгалтер, непрерывно учитывающий сделки. Точность расчетов его зависит от его беспристрастия или от постоянства его внутренней ценности. Это постоянство, эта верность его как единица меры является вполне элементом нравственным, ибо зависит прежде всего от нравственных побуждений выпускающей рубли в обращение власти. А так как нравственные побуждения самодержавной власти заранее принимаются нами как безусловные, то совершенство или несовершенство бумажного рубля как счетчика зависит только от тех ошибок, которые могут быть допущены при выпуске и изъятии знаков, которые во всяком человеческом деле неизбежны и которые будут необходимо устраняться по мере обоснования и развития истинной финансовой науки, то есть по мере раскрытия законов работы абсолютных знаков.

Если мы спросим себя: что же такое бумажный рубль? Наша практика ответит нам: это отвлеченная денежная единица, которую когда-то хотели прикрепить к известному количеству металла, но которую жизнь с этим металлом бесповоротно раскрепила. Это идейная единица меры ценностей, выражающая собой только акт посредничества верховной государственной власти в наших хозяйственных сделках. Посредничество это абсолютно беспристрастно, нравственно и благожелательно, но ввиду невыясненности законов денежного обращения и несовершенства денежной нашей системы грешит чрезмерной осторожностью в

выпуске знаков и потому пока придает рублю большую внутреннюю стоимость, чем была бы его истинная. Другими словами, во имя этой осторожности у нас денег в обращении мало, и потому деньги дороги.

Еще пятьдесят лет назад Цешковский давая следующую характеристику, что такое золото? Самое верное обеспечение ценности, но весьма плохой ее измеритель. Что такое бумажные деньги? Самый лучший измеритель и самое плохое обеспечение. Необходимо, следовательно, отыскать такую денежную систему, которая бы имела монетную единицу, совмещающую в полной степени как обеспеченность золота, так и измерительную способность бумажки.

Разумеется, эта задача Цешковского разрешима вполне только при принятом нами условии обеспечения в виде нравственного начала, лежащего в основе самодержавного государства. Это есть наилучшее обеспечение как постоянства денежной единицы, так и ее обращаемости, так, следовательно, и ее внутренней полноценности для граждан данной страны.

Определив, таким образом, внутреннюю стоимость, внутреннюю покупательную силу бумажного рубля, рассмотрим теперь, чем же обуславливается его внешняя покупательная сила, его постоянно колебательное отношение к международным деньгам, золоту? Что такое бумажный рубль для иностранцев?

Абсолютные деньги чужой страны, нечего и говорить, не представляют для иностранца никакой ценности. Для немца, не имеющего дела с Россией, русский рубль есть пестрая бумажка и только. Она что-то стоит, потому что за нее дадут в меняльной лавке некоторое количество золота те, кому она нужна. Кому же она нужна? Людям, которым приходится платить за русский товар. Но как эта бумажка попала в Германию? Эти бумажки привезены из России, где их променяли на золото. Зачем их меняли? Потому что русским нужно золото: платить за иностранный товар, платить свои металлические долги, проживать за границей.

Проследим этот круг, и мы увидим, что бумажка зарождается в России, попадает к русскому А. Тот меняет ее на золото у банкира Б. для закупки заграничного товара. Банкир Б. еще раз меняет ее на золото и передает иностранцу В., которому нужно платить за русский товар. Бумажка вернулась в Россию, золото вернулось за границу. Товар поменялся на товар. Деньги вернулись в каждую область свои. Ценность русской бумажки для иностранца, таким образом, определяется тем, что за эту бумажку можно купить в России. Если эта бумажка полноценна и, так сказать, полноверна внутри России, то и для него она полноценна и полноверна, поскольку ему нужен русский товар.

Представим себе, что между нами и иностранцами навсегда прервались всякие торговые сношения. Никакого обмена, никаких расчетов нет. Золота за оставшуюся за границей случайно русскую бумажку никто не даст, ибо за нее нигде нечего купить. Ясно, что ее курс, ее внешняя ценность равна нулю, хотя внутри страны, в России, эта же бумажка будет вполне полноценна.

Невольно улыбаешься, когда говорят: кредитные билеты обеспечиваются таким-то фондом и серьезно несут этот фонд из одной кладовой в другую. Говорят, это нужно для иностранцев, а то курс упадет, доверия не будет. Но неужели же иностранец так наивен, что пойдет менять бумажку в этот фонд? Он ведь знает не хуже нас, что там ему ни рубля не разменяют. Он купил эту бумажку за $2\frac{1}{4}$ или за 2,5 франка и будет ждать, что ему дадут из фонда 4? Совсем не потому он дал только 2,5 франка, что на остальные 1,5 пошатнулось его доверие к русским финансам. Он им верит не хуже нашего. Он знает, что русский рубль не потеряет ничуть своей стоимости в России, пока он, иностранец, закончит хотя бы и долгую торговую операцию. Он дал $2\frac{1}{2}$ франка потому, что для него, для иностранца, на золото бумажка больше не стоит, потому что такая цена строго определилась на международном рынке в зависимости от нашего торгового обмена с иностранцами (не упоминаем про биржевые махинации и жульничество понижателей и повышателей, которое только усложняет, несколько

изменяет здоровую, нормальную торговую цену рубля на золото и золота на рубли).

Когда золото и серебро перестали быть русскими деньгами (а они перестали ими быть, когда ушли из России и на них установился курс как на товар), наш международный курс стал простым обменом товара на товар. Будем вести счет на бумажную нашу валюту или на золото, результат будет один и тот же.

Вот образчик.

Платежи наши иностранцам, скажем, в таком-то году (за все, что мы от них берем, считая здесь и проценты но нашим им долгам)	100 руб. (золот.)
Платежи иностранцев нам (за все ими у нас взятое)	90 руб. (золот.)
Разница	10 руб. (золот.)

Эти десять рублей (так называемых рублей) золотом мы должны в таком-то году приплатить, без чего баланс не сойдется. Мы не доплачиваем. Представим себе, что при начале года золото и бумажки стояли *at par*, то есть 100 рублей золотом равнялись 100 рублям бумажным. Что

получилось? Или мы задолжали 10 рублей золотом и выдали на себя металлическое обязательство, или за границей очутились лишние 10 рублей бумажных, не имеющих ровно никакой цены, потому что за них не то что нельзя, а не нужно ничего покупать. Что сделалось с этими бумажками? Их вернули в Россию вместе с прочими 90 рублями, сочтя 100 рублей за 90, то есть понизив наш курс, или стоимость нашего рубля на золото на 10 процентов. Бумажный рубль уже не равен рублю золотому, как было в начале года, а стоит всего 90 копеек, или не 4 франка, а 3 франка 60 сантимов.

Но здесь вмешивается государство. Ему кажется это “падение рубля” опасным. Оно хочет удержать пари. Оно выдает металлическое обязательство на 10 рублей и платит за него проценты. На потомство ложится долг, но зато курс держится твердо.

Но вот наши платежи за границу растут против платежей нам непомерно. Проценты все увеличиваются. Наконец, правительство видит, что поддерживать искусственно курс – значит разоряться. Оно предоставляет дело рынку. Рубль бумажный, конечно, сразу падает. Курс начинает колебаться и, наконец, устанавливается на каждый срок как раз в соответствии с международными нашими расчетами и следует за ними шаг за шагом. Уменьшается иностранный ввоз, увеличивается наш вывоз – курс повышается. Обратно – понижается.

Вот другой образчик расчета на бумажную валюту в другом году. Для простоты возьмем в начале года курс рубля в 2 марки.

Платеж наш иностранцам:	За все взятое	100 руб. = 200 мар.
----------------------------	---------------	------------------------

	Проценты по долгам	$50 = 100$
	Итого	$150 = 300$
	Платеж иностранцев нам	$150 = 300$

Баланс сведен, товары и долги покрыты нашими товарами; ясно, что рубль как был, так и остался на курсе 2 марок.

Представим себе теперь, что мы уплатили иностранцам по расчету на 150 бумажных рублей, а не 200, а у них взяли столько же, сколько сказано, то есть на 150 рублей (300 марок), курс упадет, и вычислить это падение нетрудно. Те же 300 марок будут равны 200 рублям, или рубль вместо 2 всего 1,5 маркам.

Обратно, предположим, что иностранцы уплатили нам на 100 марок больше. Ясно, что те же 150 рублей будут теперь не 300, а 400 марок, то есть рубль будет стоить не 2 марки, а $400:150 = 2\frac{2}{5}$.

Эта простейшая схема так ясна, что позволяет употребить чисто математический прием доказательства для установки настоящего закона, определяющего взаимный курс золота и абсолютных знаков.

Внутренняя стоимость рубля, его покупная сила обуславливается только его постоянством как единицы меры, то есть благонадежностью его выпусков верховной властью, только в меру действительной потребности народа в расчетном и платежном средстве.

Внешняя его стоимость обуславливается его покупной силой внутри России и состоянием международного рынка, то есть нашими денежными расчетами с иностранцами.

Исключая постоянный элемент, то есть благонадежность внутри России и, следовательно, неизменную внутреннюю покупную силу рубля, его внешняя стоимость, или курс, выразится в виде следующего финансово-научного закона (частного, для России, конечно).

Курс рубля или отношение его к золоту находится в зависимости исключительно от международного баланса. Количество знаков, обращающихся в России, никакой здесь роли не играет.

VIII

Этот ясный и простой закон был превосходно освещен покойным Н. Я. Данилевским в его статьях, озаглавленных: “Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности”, помещенных в Торговом сборнике за 1867 год.

Приводимый им пример представляет чисто научное упрощение нашего международного обмена и значения бумажных и металлических денег. Мы приводим в извлечении эту художественную и правдивую фантазию о деньгах Атлантиды:

“Предположим, – говорит Данилевский, – что среди океана существует остров, – назовем его хоть Атлантидой, – который не имеет никаких сношений с остальным миром, и жители которого думают о себе, что они единственные разумные существо во Вселенной. Благоприятствуемые климатом, почвой и природными способностями,

атлантидцы собственным трудом ВЫШЛИ из состояния грубости и достигли известной степени цивилизации. Условия жизни их до того усложнились, что они не могут более довольствоваться простой меной своих произведений. Скот, соль, раковины не удовлетворяют уже потребности их в том средстве, которое мы называем деньгами. Драгоценные металлы на острове есть, но островитяне еще не открыли их. Мудрец, живший в то время между атлантидцами, стал рассуждать, как помочь их горю, и вот, приблизительно, ход его рассуждений. Искомое средство должно иметь такие свойства, чтобы его можно было променивать на каждый товар и на каждое количество товара. Так как все товары делимы, то и наше искомое должно иметь соответственную делимость. Бараны и быки для этого не годятся. Соль и раковины, пожалуй, удовлетворяют этому требованию, потому что, назначив, что раковина соответствует самому малому количеству самого дешевого вещества, можно достигнуть того же, как если б они были делимы. Далее, необходимо, чтобы средство всеобщей мены долго сохранялось, не уничтожаясь и не портясь. Соль для этого решительно не годится, раковины же, хотя с грехом пополам, удовлетворяют этому требованию. Но и этого еще мало: надо, чтобы нельзя было или, по крайней мере, очень трудно было подделывать наше общеменовое средство: а то все, вместо того, чтобы настоящее дело делать, станут заниматься его подделкой, и никогда нельзя будет быть уверенным, что его не слишком много наделали. Раковины и в этом отношении, пожалуй, годятся. Надо, наконец, чтобы вещество, которое употребим на общеменовое средство, было достаточно редко, для того чтобы каждый не мог увеличивать по произволу количества его. Мудрец пришел к тому заключению, что ни одно из известных ему произведений острова не годилось для желаемой цели. Но почему бы, подумал он, не придать требуемых качеств какому – либо веществу искусственно? Возьмем, например, хоть кусок бумаги. Разной величиной или формой кусков можем удовлетворить требованию делимости; трудным рисунком, секрет которого будет известным лишь правительству, предупредим подделку; променом старых,

износившихся бумажек на новые придадим ему неуничтожимость; наконец, ограничив количество их выпуска единственно потребностью торговли и промышленности, предупредим излишнее их накопление. Конечно, думал он, странно, каким образом вещь, сама собой ни на что не пригодная, будет вымениваться на всякий действительно полезный предмет; но ведь ценность вещи основывается на ее пригодности для какого-либо употребления; быть же орудием мены есть употребление весьма важное, и как только мои бумажки станут на это употребляться, то тем самым приобретут они и ценность. Не то ли же самое со всяким предметом, пока не придумают ему употребления? Белая глина, которой у нас так много, не имела никакой цены, пока не придумали делать из нее фарфоровых сосудов, и с тех пор глина стала ценна; почему же и бумажки, когда они применяются к своему назначению посредством известного приготовления, а главное, посредством строго соблюдаемых условий их выпуска, так же точно не получают ценности, весьма хорошо удовлетворяя своему назначению? Проект был приведен в исполнение. Сначала определили условно, что бумажная единица соответствует такому-то количеству необходимейшего вещества, например хлеба, и в таком лишь случае прибавляли число денежных знаков, когда постоянный лаж удостоверял, что оно не достаточно для нужд промышленности и торговли. Таким образом утвердилась в Атлантиде полная доверенность к искусственному средству облегчения мены. Это был первый период денежного обращения в Атлантиде.

Через несколько столетий остров был открыт и вступил в торговые и иные сношения с иностранцами. Конечно, иностранцы не захотели принимать атлантидских бумажных денег, но из этого затруднения вывернулись случайным открытием на острове золота и серебра. Атлантидцы так привыкли к своим деньгам, что не хотели переменить их на золотые и серебряные, а согласились на следующую сделку. Золото и серебро было собрано в особое хранилище и установлены ответственность бумажной денежной единицы известному весу этих металлов.

Торговля стала производиться следующим образом. Атлантидцы приезжали в иностранные земли и покупали на свои бумажные деньги тамошние продукты. Иностранцы с этим деньгами приезжали в Атлантиду, выменивали их на золото в разменной палате и потом за это покупали атлантические товары. Получившие золото атлантидцы спешили в разменную палату и возвращали себе за золото свои любимые бумажки. Это был второй период атлантической торговли, совершавшейся посредством размена билетов на золото и золота на билеты.

Вскоре обе торгующие стороны заметили, что совершенно напрасно затрудняют себя излишней процедурой двукратного размена и стали поступать так: иностранцы, поучив атлантические билеты, прямо покушали на них атлантические товары. Разменная палата опустела и чуть не была совершенно забыта. Своих товаров атлантидцы отпускали как раз на столько, на сколько покупали иностранных, и потому иностранные купцы брали бумажки, как если бы они были чистым золотом, зная, что ведь нужно же будет им покупать атлантические товары, а на них и уйдут бумажки; разве ценили их немного дешевле за то, что в промежуток времени между получением бумажек и покупкой на них товаров они не имели для них употребления; но так как торговля шла непрерывно, то эта причина не могла оказывать сильного действия. Это был третий период в развитии атлантической торговли, в который размен на драгоценные металлы подразумевался и, вместо прямого, существовал, так сказать, косвенный размен. Цена бумажек и тут не падала, и невозможно вообразить никакой причины, почему бы ей было пасть.

Но вот атлантидцы развратились, забыли староотеческие обычаи и предания, пристрастились к различным удобствам жизни, приняли разные чужеземные привычки, которым могли удовлетворять лишь иностранными продуктами, и стали их закупать в гораздо большем количестве, чем отпускали своих собственных товаров. Очевидно, что при таком порядке вещей некоторое количество атлантических бумажек должно было оставаться в руках иностранцев, и когда их порядочно накопилось,

иностранцы, конечно, не знали, что с ними делать. К счастью, вспомнили про разменную палату. Она снова была открыта, и золото потекло из нее рекой за границу. Атлантидцы вовсе об этом не беспокоились, так как не были заражены меркантилизмом. Таков был четвертый период в ходе торговли и в судьбе бумажных атлантидских денег.

Период этот, конечно, не мог быть продолжителен, и однажды иностранные купцы, явившись променивать оставшийся у них излишек бумажек, услышали горестную весть, что променивать их не на что. То, что они считали деньгами и что было таковым в течение долгих лет, обратилось в простые бумажки. Они было хотели прекратить всякие сношения с атлантидцами, но те стали их успокаивать: „Чего вы опасаетесь? Ведь не нынче мы начали, не нынче и перестанем торговать с вами. Мы признаем за бумажками полезную их цену; отдайте их нам, а мы доставим вам на следующий год товаров на всю их стоимость, да еще проценты за то, что вы нам раньше срока деньги в руки дадите“. „Хорошо, – отвечали иностранцы, – но вы не берете в расчет, что на будущий год опять приедете к нам закупать наши товары в таком же количестве, как и за прошлый, а, пожалуй, и еще того больше, и захотите платить теми же бумажками, тогда как значительную долю наших товаров должны вы будете отпустить нам за те же уже бумажки, которые мы вам теперь отдадим, да проценты за них: таким образом, вы, наконец, должны будете отпускать все потребное для нас количество ваших товаров за старые долги, а на что вы будете вновь покупать? Так нельзя, а послушайте вот что. Вы покупали у нас в последние годы товаров на 150 миллионов, мы же ваших – только на 100 миллионов; следовательно, 100 миллионов ваших билетов имеют и для нас полную ценность, остальные же 50 с тех пор, как нельзя променять их на золото, все равно, что клочки тряпья. Так как, однако, на ваших билетах не написано, которые из них принадлежат к первой сотне и которые ко второй полусотне миллионов, то мы можем и будем принимать их вообще лишь за две трети их цены, а там что будет, то будет“. Так и решили, что внутри Атлантиды билеты будут по-прежнему в полной их цене, а

во внешней торговле будут приниматься лишь в две трети их номинальной стоимости. Но на деле вышло не так. Всякий торговец туземными произведениями внутри острова стал рассуждать, что может ведь случиться, что на вырученные деньги придется ему покупать иностранные товары, по отношению к которым бумажки стоят всего $\frac{2}{3}$ своей цены, да если не придется этого ему самому, то, пожалуй, вздумает рассуждать таким образом тот продавец, у которого он будет покупать внутренние продукты; следовательно, против такого риска надо себя обеспечить, и нельзя принимать билетов в полной их цене. Наоборот, иностранные купцы стали думать каждый со своей стороны: положим, атлантические билеты стоят у нас лишь $\frac{2}{3}$ их номинальной цены; но ведь атлантические товары остались в прежней своей цене, и я смело могу рассчитывать, что сколь бы ни закупил их, все сбуду. Если, поэтому, буду принимать билеты не в $\frac{2}{3}$, а в $\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$ их цены, то мне охотнее будут продавать, я закуплю больше, чем другие, и увеличу свои обороты. Таким образом убедились, что билеты или вообще деньги имеют характер жидкости, то есть что цена их стремится прийти к одному уровню. Однако же, как и жидкости, вполне этого не достигают, если из двух действующих причин одна стремится возвысить или удержать жидкость на известной высоте, а другая стремится ее понизить, – убедились, что и тут по мере удаления действующей причины действие ее ослабляется в некоторой степени, почему резкие и крутые разности в цене, как полноценность на внутреннем и $\frac{2}{3}$ цены на внешнем рынке, рядом существовать не могут; и что, хотя на внутреннем рынке ценность билетов будет стоять выше, чем на внешнем, переход между этими двумя уровнями будет однако же постепенен и разница между ними не так велика. Тем не менее понижение цены билетов всех изумило; говорили: „Кажется, условия, предписанные древним мудрецом, исполняли мы в точности, лишних билетов не выпускали, были мы в этом отношении скорее скупы, чем щедры, и однако же билеты упали“. Имя виновника стольких бедствий готовы были предать проклятию, пока следующие соображения не привели атлантидцев к более справедливому образу мыслей: „Ведь

мудрец, рекомендовавший употребление бумажных денег под единственным условием благоразумного и умеренного выпуска их, жил в то время, когда мы думали, что, кроме нас, на свете никого нет; когда, следовательно, атлантическая ценность и всемирная ценность были выражениями тождественными. Он говорил, что бумажные деньги могут служить, при известных условиях, представителями атлантических ценностей, и они служили ими вполне; мало того, дальнейшая судьба их показала, что посредством косвенного размена они могут служить отчасти и представителями иностранных ценностей, именно такой доли их, которая равняется ценности нашего отпуска. Его ли вина, если мы захотели, чтобы наши билеты сделались представителями не только наших, но и вообще всемирных ценностей, без всякого ограничения?”

Какова была дальнейшая судьба атлантических денег, мне неизвестно. Но из участи их доселе оказывается несомненным, что ценность бумажных денег не зависит исключительно от того, соответствует ли их количество внутренней потребности в этих деньгах, а зависит также и от хода внешней торговли. Конечно, в действительности торговые сношения происходят не так, как в нашем примере; но все различия в этом отношении усложняют только процесс, нисколько не изменяя его сущности; и так как, думаю я, нельзя указать на какую-либо ошибку в изложенном ходе торговых сношений и их влияния на ценность билетов, то и должно признать, что торговый баланс может оказать влияние на ценность бумажных денег”.

IX

Когда, таким образом, установлен закон независимости нашего внешнего курса ни от фонда, ни от количества рублей внутри России, при условии их в ней полноценности и полнoverности (а это в свою очередь обусловлено всенародным доверием к верховной власти), необходимо для обоснования и доказательства следующих двух законов

поставить и исследовать вопрос: сколько же должно быть в обращении у нас знаков? В чем выражается их недостаток? Где предел потребности в них? Начиная с какого момента знаки становятся излишними и их покупательная сила, их внутренняя стоимость ослабевает?

Если мы из огромного окружающего нас моря экономических явлений возьмем наиболее типичные для характеристики недостатка в знаках, то увидим следующее.

Я землевладелец. Чувствую, что мое хозяйство идет очень плохо. Исполная система никуда не годится. Рядом хозяйство многопольное, с винокуренным заводом, с клевером, с хорошим скотом. Пора бы перейти и мне на такое же. Но я не могу. Денег нет. Чтобы завести такое хозяйство при моей поверхности землевладения, у меня должен оборачиваться капитал в 10–15 тысяч рублей. Имение мое стоит 30 тысяч по банковской оценке; 60 процентов, то есть 18 тысяч рублей, я получил и уплатил старые долги. Под вторую закладную мне дадут 8 тысяч, но возьмут с меня в год минимум 960 рублей процентов. Этого мне не хватит, и подобного процента я платить не могу. Соло-векселя? В отделении Государственного Банка рассмотрели мое нынешнее хозяйство и посулили мне только 1800 рублей, ибо мой нынешний оборот 3000. Есть возможность получить кредит от 3 до 5 тысяч рублей в местном взаимном кредите за 9–10 процентов годовых. Наконец, есть возможность учесть векселек-другой в частных руках за копейку в месяц. Нет уж, придется оставаться при старом положении. Получаю в год 1200 рублей дохода, мог бы получать тысяч 5, ничего не поделаешь!

Мы должны согласиться, что для России это не средний, а много “выше среднего” случай. Сидит этот землевладелец прочно, не должает и жалуется только на то, что вместо 5000 вырабатывает 1200 рублей. Нечего и говорить, что огромное большинство не имеют и этого и бьются, нуждаются и смотрят на подобного счастливца с завистью.

Поищем определенного признака недостатка знаков, так как ясно, что самый недостаток налицо.

Соло-векселя оставим в стороне. Это кредит, во-первых, почти филантропический, а во-вторых, совершенно недостаточный (ибо дается не на будущий большой оборот, а на настоящий малый). И при этом, кажется, сделано недавно распоряжение (секретное) не давать никому полной нормы; по крайней мере, кому следует 1000 рублей, тому открывать кредит только на 500.

Рассмотрим обыкновенный, нормальный кредит.

Заметим, что личного земледельческого кредита почти нет, а есть лишь под обеспечение свободной стоимостью имущества. Землевладелец может получить деньги:

- под вторую закладную за 10–12 процентов;
- из местного общества взаимного кредита за 9–10 процентов;
- под вексель от частного лица за 12–18 процентов.

При этом во всех случаях кредит крайне ограниченный. Большой суммы денег достать невозможно. Ограничивают потому, что свободных денег нет.

В лучшем случае хозяйство может дать 6–7 процентов при огромном личном труде и при большом риске или жизни впроголодь. Спрашивается: можно ли брать деньги при этих условиях? Ясно, что хозяйство будет вестись по-прежнему, и вместо полной продуктивности таковая будет в $1/10$, $1/8$ – $1/4$ нормальной или будет расхищаться капитал, то есть опустошаться земля.

Нужно ли говорить про крестьянина? Хороший, зажиточный мужик для покупки, например, лошади вместо павшей или для уплаты податей (не вовремя) закладывает семенной хлеб, холсты, инструменты, одежду за 5 копеек процентов в месяц. В уездных городах целые улицы застроены амбарами, исключительно ростовщическими, где хранятся полушубки, шерсть, кудель, нитки, сарафаны и пр., и пр. Пять копеек в месяц, или 60 процентов в год это еще сносно. Бедняки без залога и за этот процент не получают ссуды. Для тех существует такой кредит.

В апреле берется в долг четверть ржи ценой в 7 рублей. За процент убирает в июне $\frac{1}{2}$ десятины луга – 4 рубля. В августе отдает четверть ржи – 6 рублей. Или же за взятые на 4 месяца 7 рублей платит 3 рубля процентов, то есть в год 12 рублей, или 158 процентов.

И эти оба вида кредита не самые плохие, а только средние или, пожалуй, выше среднего. А например, такой случай, лично виденный нами. Приходит баба просить почтовую марку. Денег нет. Письмо нужно отправить экстренно. За одолжение 7 копеек на неделю баба полола $\frac{1}{2}$ дня, и была очень довольна. Знаете, из каких это процентов получился кредит? Считайте день бабы только в 35 копеек (летний), и окажется, что за неделю она заплатит 250 процентов, или в год тринадцать тысяч на сто.

Это, разумеется, курьез, хотя и математически точный.

Фабрикант платит: крупный, имеющий учет в Государственном и больших банках, 6–7–8 процентов, маленький, кредитующийся кое-где, 9 и 10 процентов. За ограниченностью банковского кредита все, даже очень крупные фирмы, при хороших делах тихонько бегают к дисконтерам и платят 10 и 12 процентов.

Полагаем, распространяться дальше не стоит. Признаки недостатка знаков налицо: 1) высота процента за наем денег, 2) обесценивание труда.

Оба эти признака теснейшим образом связаны между собой: вследствие недостатка денег процент или плата за их наем становится непомерным, и параллельно с этим труд, постепенно дешеветь, совершенно обесценивается.

Баба, очевидно, ровно ни во что считавшая свой полудневный труд, – пример очень яркий. Но не менее яркий пример и такой: очень добросовестный арендатор дает за имение 1000 рублей аренды. Владелец не соглашается и, начав работать сам, вырабатывает 1200 рублей. Другими словами, за свой годовой поистине каторжный труд он выработал 200 рублей или, откинув проценты на (мысленное) страхование от рисков, например 100 рублей, получил всего 100 рублей, то есть меньше, чем жалованье самого убогого волостного писаря. Положим, что

в этом труде было наслаждение, то есть некоторый нравственный элемент. Но ведь денежно-то этот труд вполне обесценен.

Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прежний труд, являющийся орудием новому труду. Недостаток, денежных знаков, возвышая плату за наем капитала, отделяет, отрезывает его от труда будущего, обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит элементы праздные – в положение, господствующее в стране, элементы трудовые – в рабство им.

Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому финансовому ведомству за последнюю четверть века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создано новое, в тысячу раз тягчайшее, – крепостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьееры, чиновники.

Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие.

Вот прямые последствия недостатка денежных знаков и вместе с тем его точные признаки.

Но возвращаемся к основному рассуждению и ставим второй вопрос: где предел потребности жизни в денежных знаках? Есть ли такой предел?

Несомненно, есть, и его можно выразить в форме следующего закона, который мы и постараемся доказать.

Увеличение числа знаков необходимо и полезно до тех пор, пока новые, добавочно выпускаемые их количества вызывают новый, не производившийся дотоле труд или возвышают производительность и результаты труда прежнего.

Что такое отпечатанная в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг бумажка до момента ее выпуска в публику? Это не что иное, как ассигновка на труд,

расчетный знак, ожидающий сделки, которую он учтет. Пока этот труд не произведен, пока сделка не совершена, знак этот никакой цены не имеет. Это не та засаленная и пропотелая бумажка, которая вернулась в казначейство и только удобства ради меняется на чистенькую, свеженькую бумажку. То деньги настоящие, полноценные деньги, уже работающие, уже государству как бы не принадлежащие. Мы говорим про новенькую, новорожденную бумажку, идущую не в обмен на другую, а вполне независимую, самостоятельную.

Представим себе простейшую схему: сидит в деревне уволенный в запас солдат Иван Сидоров. Выучился он в крепости, скажем, кирпич обжигать. Завел бы маленький кирпичный заводик и работал бы сам, да с ним односельцы в свободное время – нельзя; нужно 300 рублей на дрова, на постройку, на расплату за сырец, за инструмент. Заложить нечего, кредита даже и за 60 процентов в год нет. Ну, значит, и сиди, празднуй, или ходи на поденщину за 30 копеек, да и то, когда экономия позовет, потому что и там, по безденежью, все работы сокращены. Ни труда, ни производства нет, люди просидели праздну, Иван Сидоров от скуки только пьянствовал. Заработает что-нибудь урывком – не стоит беречь, не накопишь 300 рублей, взял и пропил.

Представьте, что каким-нибудь чудом Иван Сидоров получил вот эти 300 новорожденных бумажек на десять лет, в рассрочку из 3 процентов. Он построил заводик и начал работать. Платит свои взносы очень аккуратно, так как дело идет хорошо и платеж льготный. 45 рублей вернулись в казначейство в первый же год. Они состоят из двух величин; 30 рублей возврата ссуды и 15 рублей чистого дохода казны, потому что операция не стоила ей ничего. Что такое эти 30 рублей? Теперь это уже не бумажка, а измеритель действительных ценностей, необходимый для обращения, ибо где-то в Церево-кокшайске или под Сызранью идет новое дело, кипит новый, ранее спавший труд, и вокруг кирпича совершается бесчисленное количество новых оборотов. Сидоров сшил себе полушубок (а то бы еще год ходил в старом). Матрена-работница купила два платка и

скормила своей семье семь пудов лишней ржи (без работы ели меньше). Кроме того, пили чай. Все заработали, все увеличили потребление, все поправились, и эта поправка, в микроскопической, правда, доле, но отразилась и на доставке чая добровольным флотом, и на киевском сахарном рынке, и на ивановской набивной фабрике. Увеличились все обороты, 300 рублей влились, словно керосин, в гаснувшую лампу. Спрашивается, что должно сделать правительство с возвращенными ему 30 рублями? Сжечь их как свободные или ненужные? Нельзя, это явно стеснит промышленность, ибо обороты расширились, а меновое средство не увеличилось. Нельзя их сжечь – их пускать, немедленно дальше пускать надо! Бесчисленное множество этих Сидоровых протягивают руки за ним. И они сидят без работы, и они могли бы работать, да нечем, инструмента нет...

Х

Мысль о прямой творческой способности бумажных знаков, правда, не в виде знаков абсолютных, а только заместителей золота, высказывалась, хотя и туманно, западными финансистами и составляет часть известной теории кредита. Но из всех западных построений нет никакой возможности прийти к теории мнимых капиталов, которую я изложу ниже и которая ближайшим образом истекает из существа абсолютных денег. На это их свойство намекал покойный Н. Я. Данилевский в своих, к сожалению, немногочисленных экономических работах. Яснее говорили об этом русские практики и представители здравой русской мысли, покойные Шипов и Кокорев. Она ярко просвечивает в посмертном труде Н. П. Гилярова-Платонова “Основы экономии”. Затем по этому поводу впервые были высказаны нами в “Русском деле” следующие соображения по вопросу о постройке Сибирской железной дороги, соображения, сполна принятые и осуществленные правительством позднее.

Вот что говорится в передовой статье 3 “Русского Дела” за 1888 год:

“Неужели нужно для постройки железной дороги средствами государства непременно занимать деньги, отыскивать чужой капитал и только обращать его в недвижимость, рискуя доплачивать огромные суммы, если эта недвижимость не даст условленных четырех или пяти процентов владельцу капитала? Не проще ли создать эту недвижимость из произвольно лежащих: труда и естественных богатств?

Предположим, что государство решает строить Сибирскую дорогу по частям, расходуя в год, например, 50 миллионов рублей и производит специально для этого соответственный выпуск кредитных билетов. Эта сумма при денежном обращении в 1100 миллионов не повлияет заметным образом на наш денежный рынок и тем более не уронит нашего курса. Она вся целиком распределяется среди рабочего люда и промышленников, которые получают заработок на дороге. Каждый из участников этой работы исполнит труд, которого он иначе бы не сделал, и вследствие этого увеличит свое потребление: крестьянин купит больше хлеба и мануфактурного товара. Инженер, администратор, писец, бухгалтер, сторож – все увеличат свое потребление; заводы и их рабочие, увеличив свою работу, увеличат потребление в равной мере. Вся сумма в 50 миллионов пока чисто фиктивных знаков, каковыми несомненно будут выпущенные бумажки, пойдет в народное обращение и при каждой сделке, при каждой передаче вызовет некоторый новый труд, который иначе не был бы совершен.

Увеличение труда, сбыта, потребления почувствует немедленно вся без исключения промышленность. За границу из всей этой массы труда не будет уступлено ничего, ибо все нужное может и должно быть сделано дома. Таков первый момент. Результата труда мы еще не касались. Отметим пока это оживление и припомним, что совершенно таковое же и тем же путем было достигнуто во время последней войны. Вся Россия усиленно работала на выпущенные бумажки. Прилив средств чувствовала вся

промышленность, и в это время она сделала громадные успехи.

Но отсюда начинается разница. В результате войны получился: в материальном отношении – даром затраченный труд (вся сумма его пропала), в нравственном... позор! Усиленная работа кончилась, спрос и труд сократились, дух поник. Доктринеры признали, хотя к тому не было никаких оснований, избыток кредитных билетов и конвертировали его в бумагу-товар. Начался ряд кризисов, продолжающихся до сегодняшнего дня.

Результатом выпуска 50 миллионов бумажных рублей для постройки железной дороги будет то, что увеличившаяся во время постройки покупная и потребительная сила народа увеличится еще по ее окончании. Такая железная дорога, как Сибирская, по достройке хотя бы только первого участка уже вызовет целый ряд новых, до сих пор не производящихся оборотов и промышленных предприятий. Выпущенные совершенно фиктивно поначалу знаки не только не окажутся лишними, но вызовут потребность в еще новых количествах знаков, ибо если от 50 миллионов лишних рублей наше денежное обращение увеличится на $1/22$, то от постройки первого участка Сибирской дороги и при самой этой постройке количество сделок и оборотов в России возрастет на величину еще большую.

Если посмотреть на вопрос с другой стороны, то окажется, что государство сделало следующее: оно выдало вперед ассигновку на труд. Этот труд совершился, дорога создавалась, так сказать, из ничего (так как без этой ассигновки труд этот не был бы совершенен и пропал бы даром), ассигновка обратилась в нечто реальное, в недвижимость, изображаемую новой железной дорогой, а главное, в новый ряд непрерывно идущих сделок. И вместе с тем государство получило ее даром, так как выпущенные знаки брать назад не приходится. Это уже не те фиктивные знаки, которые были выпущены, это уже оплодотворенные народным трудом совершенно реальные деньги, орудие известных торговых и промышленных оборотов, которых бы без этой новой дороги не было”.

Это и есть в своем первоначальном виде теория мнимого капитала, совершенно заменяющего капитал реальный, заключающийся в выраженных золотом или иными ценностями сбережениях. Разумеется, эти мнимые капиталы работают с полной силой только в руках центральной государственной власти (Мальцовские деньги показывают, что то же возможно и в частных руках, но это государство в государстве) оживляют и вызывают народный труд только тогда, когда вызвать этот труд возможно, но есть когда его элементы уже есть налицо в виде материалов, рабочих рук и умственных сил.

XI

Чтобы уяснить себе практические условия приложения к жизни теории мнимых капиталов, необходимо рассмотреть ее пределы, то есть условия, определяющие излишек, и недостаток денежных знаков в государстве.

Признаки недостатка в знаках совершенно, думается нам, могут быть уяснены на приведенных двух примерах.

Эти же примеры в обратном виде могут отлично послужить для уяснения признаков как нормального количества менового средства, так и избытка в знаках.

Представим себе, что правительство, следуя этой системе, начнет пускать в оборот все большие и большие количества денежных знаков. Предположим далее, что ни одного из них не употребляется на текущие государственные расходы, а все идут только на оживление труда. Строятся железные дороги, элеваторы, порты, производятся обширные работы по орошению, лесоразведению. Расширяется помощь фабрикам, заводам, сельским хозяевам. Щедрой рукой кредитуются Иваны Сидоровы через посредство ли земств или артельным порядком, за круговой ответственностью. Труд растет гигантскими шагами. Оживляется потребление, а следовательно, множество побочных промышленности. Трудящийся человек поднимается в цене, ибо ему не только создается работа вообще, какая-нибудь, но у него является уже выбор работы. На фабрике платят дорого, в экономиях

тоже, сам затеет что-нибудь – заработает еще больше. Навстречу этому росту вознаграждения труда понижаются постепенно цены на предметы жизни, вследствие большего и выгоднейшего их производства, ростовщик и тунеядец хиреют. Что делать дисконтеру, когда благодаря обилию денежного средства в стране торговля деньгами становится совсем безвыгодной? Процент за наем капитала понижается, ростовщики и рантьееры сами начинают бегать, искать помещения для своих денег. Основывают акционерные общества, придумывают новые предприятия и сами работают в них.

Наконец, наступает момент насыщения. Новых знаков не нужно, употреблять их производительно некуда. Можно бы и еще построить железных дорог, необходимо подождать: инженеры, землекопы все заняты, а так как рвут в разные места, то они слишком подняли цены на свои услуги. Можно бы заняться с выгодой каменными постройками – опять надо обождать: все каменщики заняты, потому что постройка идет повсюду. Можно бы расширить запашки, заменив человека машинами? Трудно, хлеб подешевел. Основать еще фабрики? Трудно, подешевели сукна, ситцы, машины, мебель, подешевело все, где человек играет роль второстепенную, вздорожало все, где нужен личный труд, личное искусство человека.

А главное, за деньгами никто не бежит, никто их не ищет, никто из-за них не кланяется. Процент, получаемый лежа на боку, так низок, что деньги бегают за человеком, деньги служат человеку. У нас изобретатель – синоним человека голодающего. При тех условиях изобретатель – владыка. Да так и быть должно, ибо изобретатель изображает цвет лучшей формы человеческого труда – труда умственного.

Итак, вот признаки надлежащего количества знаков.

Удешевление денег как предыдущего капитала производства.

Удешевление денег как знаков, как оборотного средства, то есть понижение процентов.

Удешевление всех машинных производств.

Удешевление жизненных припасов и обстановки жизни.

Вздорожание личного труда.

Торжество и огромная оплата труда творческого и вообще умственного.

Читатель чувствует, что это уже не про матушку Россию идет речь? Это уже Америка живьем, представляющая налицо большую часть указанных элементов. Тут и рабочий, два раза в неделю меняющий белье и спящий на пружинном матраце. Тут и деньги, которых девать некуда. Тут и Эдиссон, полубог промышленности, и двадцатипятиэтажные дома, и все чудеса Нового Света.

Нам могут возразить, однако, что в Америке металлическое обращение. В Америке золотые деньги. Америка задыхается от изобилия золота.

Совершенно верно. Все это возможно и при золоте как деньгах. Разница будет лишь та, что, во-первых, при золоте все подобное может быть достигнуто лишь хищным путем, на чей-либо счет. Америка втянула в себя половину мирового золота путем прямой обиды для остального человечества. Во-вторых, как ни высока в Америке промышленность и как ни развита банковая система, но каждую минуту промышленность не обеспечена от потрясающих кризисов вроде разыгравшегося летом 1893 года и вызванного только тем обстоятельством, что золото и серебро, будучи деньгами, являются одновременно и товаром и, как таковые, подлежат действию тех стихийных сил, от которых абсолютные деньги, товарного качества не имеющие, могут быть совершенно изъяты. Самостоятельная экономическая страна, как, например, Россия, достигнет при системе абсолютных знаков того же необъятного экономического развития, не отняв ни у кого ни куска хлеба и не рискуя ровно никакими кризисами.

Да, наконец, ведь и Америка развилась только при помощи своих гринбеков, бывших в свое время почти абсолютными знаками. Разница была лишь в том, что эти деньги и выпускались не центральной властью, а каждым штатом, источником их было не единое государство, форма русская, а федерация. При помощи гринбеков Америка оплодотворила свой народный труд, затем запретительными тарифами

изолировала себя от потребления продуктов чужого труда, но сама свой труд умела навязывать иностранцам. Ей приплачивали золотом все, с кем она ни торговала, золото накопилось и заменило гринбеки. Мало того: его накопилось так много, что оно начало обесцениваться так же точно, как будут обесцениваться бумажки, когда их количество превзойдет здоровую в них потребность, когда делать с ними будет более нечего. Затем неожиданно обесценилось серебро, резко нарушилось его давно установившееся отношение к золоту и, так как серебряный доллар есть не только *de jure*, но и *de facto* монетная единица, то понятно, что наступило жестокое потрясение всей американской промышленности, конец которого пока трудно даже предугадать.

Наступившее, начиная с Америки, всеобщее падение серебра отразилось и у нас и дало новое великолепное доказательство превосходства нашей абсолютной денежной системы. У нас, как известно, “неприменяемая и законная единица” всех денег, обращающихся в государстве, – серебряный рубль такого-то веса. Пока золото и серебро были твердо связаны между собой, из России оба металла ушли одновременно. Чтобы не остаться совсем без мелкой разменной монеты, было необходимо выпустить низкопробную, так называемую билонную, монету, имеющую значение не монеты, но тех же почти ассигнаций. В пяти двугривенных серебра было значительно меньше, чем не только в полноценном рубле, но даже в полтиннике.

Наступает обесценивание серебра. Сначала серебряный рубль, ставший таким же товаром, как и полуимпериал, ценился ниже рубля золотого, но выше рубля кредитного. Затем на минуту он сравнялся с кредитным, и рубли появились у нас в обращении, но отнюдь не в качестве “законной и неприменяемой” монеты, а просто как новинка, как курьез.

Прошло всего месяца три. Затем серебро подешевело еще, и полноценный серебряный рубль, законная монета, стал дешевле рубля кредитного. И вот эту нашу законную основную единицу перестали принимать частные люди,

затем и казенные учреждения. Правительство сначала перестало чеканить рубли, затем начало отказывать в переделке на монету частного серебра (ибо это могло вызвать великие злоупотребления: вы принесли серебро, купленное вами за 80 рублей на вес и должны получить монеты на 100 рублей!) и, наконец, распорядилось исключить серебро вовсе из разменного фонда. Серебряный рубль, еще стоящий в своде законов как основная наша единица, фактически исчез, не произведя ни малейшего потрясения, и самый факт был совершенно не замечен народом. Дивились только одному курьезу: за полноценный серебряный рубль дают только четыре, а затем и три двугривенных, заключающих серебра не более чем на 30 копеек. Серебряный рубль сам собой превратился в товар, разменная монета – в маленькие металлические ассигнации.

В это же время все цивилизованные страны с двойным металлическим обращением переживали жестокий кризис, а страны с серебряной валютой подошли чуть не к банкротству.

Историю и обстоятельный анализ финансового положения Северной Америки читатель найдет в любопытнейшей книге А. А. Красильникова “Объяснение причин успеха Америки и неуспеха России в восстановлении металлического обращения”. Эта превосходная книга была у нас замолчана, как замалчивается обыкновенно все умное, дельное, самобытное.

Последний экономический момент – излишек свободных денежных знаков, мы полагаем, после всего сказанного не стоит и разбирать: признаки его ясны. За невозможность основывать новые серьезные дела развивается промышленная спекуляция, появляются дутые или заведомо неблагонадежные предприятия, руководимые, за неимением специалистов, невежественными людьми. Риск растет, ибо владелец капитала для сохранения его ценности вынужден рисковать. Цены, сначала переместившись правильно, начинают перемещаться уродливо. Денежная единица начинает вещно обесцениваться, то есть дешеветь, ее покупательная сила ослабевает, иными словами, все дорожает.

Прежние капиталы в опасности. Их владельцы несправедливо страдают.

Такой момент был у нас вскоре после двенадцатого года. Верховная власть, только что осознавшая весь вред чрезмерных выпусков бумажных денег и твердо решившаяся привести в порядок русскую денежную систему, ввиду крайней государственной опасности вынуждена была выпустить в тогдашней патриархальной и очень мало промышленной России непомерно огромное количество ассигнаций. Рядом с ними обращалось неведомое количество фальшивых, пущенных Наполеоном, которые тем не менее приходилось принимать и оплачивать. Внутренняя покупная стоимость рубля в тогдашней крепостной и совершенно не промышленной России пала. Рубль дошел до четвертака.

Любопытно, что по поводу выпусков ассигнаций в 1809–1815 годах даже завзятые доктринеры не решаются говорить о вреде бумажных денег. Между тем, даже и здесь абсолютные знаки в виде ассигнаций, которые с болью сердца выпустил Александр I, принесли отнюдь не вред, а явную и несомненную пользу.

Чтобы это понять, достаточно мысленно отделить причину от следствия и взглянуть на ассигнации как на показатель народных жертв и напряжения народных сил для спасения России и Европы в 1812–15 годах.

В 1807 году ассигнационный рубль стоил на серебро около 50 копеек, в 1813-м – 25. Другими словами, его внешняя стоимость понизилась за шесть лет наполовину. Предположим (хотя это и не так), что и внутренняя его стоимость упала также на 50 процентов. Кто в 1807 году имел 1000 рублей, тот фактически в 1813 имел 500, а к 1815 еще меньше, другими словами, потерял половину своего имущества. Относится это только к лицам, державшим деньги на вкладах в казенных банках, но отнюдь не к землевладельцам и промышленникам, ибо земли соответственно увеличивались в ценности, а промышленники подняли цены на свои произведения. Пострадали, конечно, и они, как и вообще все население, но их убытки вознаградились широко увеличившимся трудом,

а убытки непосредственно разоренных Наполеоном – правительственной помощью.

В результате: нашествие неприятеля отражено, хозяйство в огромной полосе, опустошенной войной, восстановлено. Москва отстроена, русские войска прошли в Париж и спасли всю Европу. Расходы на все это покрылись ассигнациями, которые вызвали прямые убытки для групп рантьееров, косвенные убытки для всех и напряжение сил для классов трудящихся. Всего через год после Венского конгресса рубль уже поднялся со своей наинизшей цены в 1815 году, доходившей до 20 копеек за рубль, на 5 процентов; это указывало прямо, что народный труд стал самостоятельно залечивать раны, нанесенные войной.

Утверждает с полным правом, что эти излишние в мирное время ассигнации явились в великую войну 1812 года не только показателем принесенных Россией жертв, но и драгоценнейшим орудием, посредством которого в огромной степени были облегчены самые жертвы и народная тягота разложилась и распределилась наиболее равномерным и вместе с тем наиболее легким способом.

XII

Итак, нижеследующий тезис можем считать доказанным.

Абсолютные деньги, независимые от золота, позволяют оживлять и оплодотворять народный труд до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания.

Но из этого же положения как вывод следует и обратное: под влиянием промышленного оживления и улучшенных условий народного труда развиваются и трудолюбие народа, и его предприимчивость, и его технические познания. В самом деле, в приведенном выше примере при определении момента полного насыщения страны знаками мы видели, что, например, новую железную дорогу приходится отложить за недостатком свободных инженеров, которые свои услуги стали ценить крайне

высоко. Не ясно ли, что в обществе должно явиться усиленное стремление к инженерному и вообще техническому образованию и, под воздействием этого толчка, число инженеров и техников станет быстро возрастать? Лучшее вознаграждение и постоянное торжество труда должно могущественно подействовать на трудолюбие народа и усилить его, равно как и технические познания. Для предприимчивости являются также прекрасные примеры, а потому должна развиваться и она.

С другой стороны, нетрудно видеть, что при условии обесценивания всякого рода труда, кроме чиновничьего, независимо от положения промышленности и равно оплачиваемого при ее процветании или гибели, лица, получившие техническое образование, несмотря на их крайне ограниченное даже количество, могут оказаться лишними? Мы видим, что бедствуют или идут на самые низшие канцелярские должности агрономы, техники, врачи. Не ясно ли, что парализованная промышленность в них не нуждается и не может оплатить их труда? Врач, желающий практиковать в деревне, должен или получать жалованье от земства или питаться чуть ли не Христовым именем, собирая с нищего населения яйца, полотенца и т. д.

Из всего сказанного до сих пор о бумажных деньгах в стране, экономически независимой, то есть могущей самой удовлетворить все свои потребности, казалось бы, прямой вывод следующий: печатать бумажки, пускать их в обращение, оплодотворять народный труд и приостановить дальнейшие выпуски лишь тогда, когда жизнь посредством указанных выше признаков даст понять, что знаков довольно, что новые бесполезны или вредны.

Да, можно утверждать совершенно положительно: если бы мы только знали эти признаки, если бы никаких более точных приемов к урегулированию денежного обращения науки дать не могла, даже и в этом случае можно было бы смело просить верховную власть печатать и выпускать в народное обращение бумажки. Зло, могущее произойти от их несколько неумеренного выпуска, пустяки в сравнении со страшным злом, обусловливаемым их заведомым

недостатком, или великими кризисами, или разорениями, вызываемыми особыми свойствами металлического обращения.

Начало обесценивания внутренней стоимости бумажной единицы, как уже было указано выше, подметить легко. Это всеобщее вздорожание продуктов труда и, главным образом, первой необходимости. Однако основываться только на этих признаках нельзя.

Промышленное развитие страны – вещь слишком сложная, и разнообразные кризисы наступают совершенно непредвиденно. Эти кризисы особенно вредны при промышленности молодой, еще не установившейся, еще не владеющей запасными средствами.

Представим себе, что вдруг один из таких кризисов, разразившись над одной крупной отраслью народного труда, парализует и остальные. Народный труд сокращается, и тотчас же оказывается, что значительная часть абсолютных знаков является излишней. Излишние знаки роняют тотчас же ценность остальных, и важнейшее условие нормальной промышленной жизни – устойчивость денежной единицы – становится в опасности. Ясно, что эти избыточные знаки должны быть немедленно сняты с рынка, извлечены из обращения. Легко может быть, что через несколько месяцев эти знаки или еще большее их количество понадобится снова, но в минуту кризиса они должны быть удалены, иначе народный труд потерпит огромный ущерб. Другими словами, денежное обращение должно быть эластичным.

Мы подошли как раз к тому регулятору, о котором было упомянуто в начале. Этот регулятор может действовать почти автоматически и совершенно облегчить как практические приемы упреждения, ведающего денежным обращением, так и тяжкую нравственную ответственность главы государства. Он устраняет из финансовых мероприятий правительства все неточное, гадательное, произвольное и создает совершенно ясные условия выпуска и погашения денежных знаков.

Представим себе следующую схему.

Я веду промышленное дело. Обороты и производство временно сократились, на руках у меня остались свободные знаки, девать которые некуда. Рядом умер мой товарищ. Вдова ликвидировала дело. И у нее на руках свободные деньги. Если этим деньгам не дать естественного убежища, они неминуемо будут угнетать промышленность, ибо их владельцы будут искать им помещения, будут друг перед другом ронять услуги капитала.

Представим себе, что государство входит в роль посредника по помещению этих денег. Оно открывает специальную кассу, куда всякий желающий приносит излишние у него денежные знаки. Касса выдает ему вкладной билет, приносящий небольшой процент. Деньги накаплиются.

Что может и что должно государство делать с этими деньгами и откуда будет оно платить проценты по вкладам?

Если мы припомним выдачу Ивану Сидорову 300 рублей из пяти процентов, мы сразу поймем, что эти 300 рублей могут быть прямо взяты из вкладов, а проценты будут уплачены из взятых с Ивана Сидорова процентов. Иван Сидоров платит за ссуду 5 процентов, государство дает вкладчику 4 процента, 1 процент идет на расходы по организации дела и в доход государства.

Если мы заглянем назад в историю русских финансов, мы найдем приблизительно эту схему, проведенную довольно строго системой старых банковых учреждений, сохранными казнами, приказами общественного призрения, ассигнационным, коммерческим, заемными и ссудными банками. Система эта оказала огромное благодеяние старой, дореформенной Руси, хотя самый кредит и был довольно односторонним, направляясь почти исключительно в землю в виде долгосрочных ссуд дворянству. И тем не менее теперь трудно даже себе представить, как при тогдашней несвободе труда, при отсутствии почти всякой предприимчивости в среде поместного класса, при гораздо меньшем населении, при отсутствии железных дорог и страшной медленности оборотов, при двадцати миллионах бесплатных рабочих, денег почти не выдавших, могла Россия вмещать такое огромное количество золотых и бумажных денежных знаков. Россия, при всем ее

патриархальном характере, при отсутствии фабрик и заводов, при натуральном обмене, была очень богата. Едва ли в сорок лет успели мы расточить накопленное делами, да и то после бешеной оргии. Теперь мы действительно обеднели, мы убили и закабалили труд, а главное, мы беспощадно опустошили землю хищническим хозяйством. Но довольно вернуться нам к здоровой, самой историей оправданной финансовой системе, довольно ввести настоящее абсолютное денежное обращение и правильно организовать народный кредит, чтобы в несколько лет все грехи были поправлены и Россия снова разбогатела.

Как это ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень верную научно, очень удобную практически денежную систему. Накануне самого освобождения крестьян, когда предстояла вопиющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредит, удвоить или утроить количество денежных знаков соответственно ожидаемому увеличению сделок и потребности в деньгах при вольнонаемном труде, пришла группа “молодых финансистов” с Евгением Ивановичем Ламанским и Владимиром Павловичем Безобразовым в качестве дельфийских оракулов и главных инициаторов реформ во главе, захватила руководство российскими финансами, в несколько лет изломала и исковеркала все и, после тридцатилетнего владычества, сдала Россию в том ужасном виде, в котором она теперь находится.

Читатель, интересующийся подробностями этого поистине нашествия на Россию “молодых финансистов”, найдет все данные в нашей книге “Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве” в главе “Как разоряются государства?” Здесь мы отметим лишь главные основания так называемых финансовых реформ 1856–1864 годов.

После Крымской войны вследствие либерального тарифа курс рубля на золото немного упал. Было признано, что виной этому изобилие бумажных денег.

Чтоб их уничтожить, признано было необходимым их консолидировать, то есть вывести из обращения, превратить в процентные бумаги. Были выпущены

процентные займы. Явился на рынке избыток бумаги-товара.

Россия брать этого товара не желала даже по 70 копеек за рубль. Она хотела трудиться. Лишние деньги по-прежнему не хотели прятаться в бумагу-товар, а шли во вклады в старые банки, где вкладные билеты менялись во всякое время.

Понизили платимый за вклады процент до 2, чтобы выгнать эти вклады и силой вогнать их в товар-бумагу или в акции множества основанных в это время иногда совершенно нелепых дел.

Процентные бумаги все-таки не шли.

Тогда разгромили старые банки, создали Государственный Банк и конвертировали вклады насильно.

Бумагу-товар в виде выкупных свидетельств выдали помещному классу, до того нуждающемуся в знаках, что эти выкупные свидетельства, обеспечивавшие пять процентов дохода, отдавали по 65 копеек за рубль.

Уничтожили старые ипотечно-кредитные упреждения. Поместный класс лишили всякого оборотного средства и затем сдали в жидовскую эксплуатацию частным банкам.

Четверть века подряд делали огромные долги, чтобы восстановить металлическое обращение, и кончили полным крушением международной ценности рубля.

Все это совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

Четыре миллиарда бесполезного долга, в том числе около половины на золото.

Огромные бюджетные назначения на уплату процентов.

Широко развитая за наш счет германская железная промышленность и машиностроение.

Огромный ввоз иностранных товаров в Россию.

Сеть железных дорог, обремененная неоплатным почти долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов.

Разорение помещного и земледельческого классов.

Биржевая игра русскими фондами.

Ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде, ради самосохранения.

Уничтожение труда, торжество всякой наживы, спекуляции и хищничества.

Понижение нравственного уровня. Отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей. Нигилизм. Анархисты...

Пусть не смущается читатель, что мы вводим сюда эти чисто нравственные величины. Зависимость труда от денежной системы мы, надеемся, доказали. Зависимость нравственной атмосферы страны от форм и положения труда в ней, мы полагаем, нечего и доказывать.

Вот что дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин. Теперь это минувший тяжелый сон. Но, несмотря на полное крушение доктрины, хвалиться нам нечем.

Доктрина исчезла, однако биржевой период государственного хозяйства не только не закончился, а принимает формы самые нежелательные...

XIII

Регуляторами денежного обращения в России были: Ассигнационный Банк, учреждение исключительно эмиссионное, Коммерческий и Заемный банки для кредита торгового и земельного, сохранные казны и приказы общественного призрения, служившие, с одной стороны, учреждениями земельного кредита, с другой агентствами, принимавшими на вклады свободные средства публики. Реформаторы, “молодые финансисты”, объединили управление денежным обращением в построенном на совершенно иных началах Государственном Банке и его отделениях.

Против самой идеи объединения всех народнохозяйственных денежных операций в одном учреждении и выделения отсюда хозяйства собственно

государственного (что осталось за Государственным Казначейством) возразить ничего нельзя. Это две области совершенно различные. Управление денежным обращением не должно и не может иметь ничего общего с правлением государственной росписью, с государственным хозяйством в тесном смысле слова, хотя кассоводство может и должно быть общее.

В прежних учреждениях при всех их практических отличных качествах не было строгой системы, не было надлежащего единства. Но этот недостаток с избытком вознаграждался простотой и целесообразностью их действий. Процентных бумаг и акций вовсе почти не было, а следовательно, не было ни фондовой игры, ни биржевой горячки со всем ее безобразием, ни уплаты государством пенсий огромному классу тунеядцев.

У вас были лишние или свободные деньги. Вы их несли на вклад в сохранную казну или приказ общественного призрения. По этому вкладу вам платили проценты, но в эти проценты не шло ни одной копейки из государственного бюджета, кроме тех случаев, когда заемщиком являлось само государство. Платили те, кто, при посредстве казны, нанимал ваш капитал, пользовался его услугами. Правительство одной рукой брало, другой выдавало. Брало наличные деньги на вклады, выдавало ссуды земледельцам (долгосрочные, под залог имений), промышленникам и купцам. Участие собственно государственного хозяйства в этих операциях заключаюсь в том, что государство в трудные для казначейства минуты делало позаимствования из свободной наличности, причем иногда стеснялся несколько частный кредит, лишь бы избежать новых выпусков денежных знаков; впрочем, это неудобство парализовалось постоянным избытком ввоза драгоценных металлов над их вывозом во все время правления графа Канкрин.

Превосходным регулятором, действовавшим автоматически, эти старые учреждения были потому, что по движению вкладов можно было всегда с большой точностью судить о состоянии промышленности и торговой деятельности в стране.

Число вкладов увеличивалось, и росли их суммы. Это показываю, что промышленность в застое, что деньги ищут помещения. Увеличивалось количество требований – это прямо указываю на оживление торговых дел, то есть на нужду страны в знаках. Центральному народнохозяйственному учреждению указывался сам собой путь и представлялась полная возможность разумно воздействовать на денежное обращение, то расширяя, то суживая обе свои двери. Вклады чрезмерно приливают. Промышленность в застое, чем ее оживить? Удешевить несколько наем капитала. Достаточно немного понизить платимый по вкладам процент и равномерно понизить же и процент по ссудам. Обратно: вклады уходят, чувствуется чрезмерное, может быть, даже нездоровое оживление промышленности. Чем его остудить? Удорожить несколько капитал, дать поощрение спокойствию в ущерб предприимчивости, поднять процент и по вкладам, и по ссудам. Но это оказывается не горячка, а здоровое развитие промышленности? Признаком будет подъем цены на услуги частных капиталов. Производство или торговля сулят такие выгоды, что при затрудненном казенном кредите стоит заплатить и больший процент частному владельцу капитала. Но у этого частного владельца капиталы в тех же вкладных билетах. Поощряемый премией от заемщика, он идет их менять, несмотря на то, что платимый ему процент повышен. Ясно, что потребность в деньгах возросла, а признак тому самый точный налицо: возвышение процента по вкладам (умеренное, конечно) не останавливает отлива вкладов, возвышение процента по ссудам не останавливает требования ссуд.

Тогда выпускаются бумажки и путем ссуд или возврата вкладов идут в народное обращение.

Не будем забывать, что при системе бессрочных вкладов вкладной билет на предъявителя, свободно переходящий из рук в руки, есть, в сущности, рентовый билет Цешковского, те же деньги, и потому потребность страны в новых знаках в канкриновское время выражалась почти исключительно более быстрым или медленным обращением вкладных билетов.

Обратно: понижение процента по вкладам, удешевление ссуд не останавливает вкладчиков и не поощряет берущих ссуды.

Бумажки накаплиются в кассах. Что с ними делать? Они лишние. Хотите – жгите, хотите – запрягите и поберегите, если они еще не очень истрепались и могут идти вновь в случае нужды. Хотите, наконец, усиливайте промышленность искусственно или начинайте государственные предприятия вроде Сибирской железной дороги.

Разумеется, мы далеки от того, чтобы идеализировать чрезмерную эту нашу старую денежную систему. В ней были крупные недостатки, поскольку именно она не была свободна от металлического предрассудка, положенного графом Канкрином в основу его реформы 1839 года, и поскольку существовавшее в полном расцвете своем крепостное право искусственно задерживало переход России из страны чисто земледельческой в страну земледельческо-мануфактурную.

Важно лишь то, что все задатки превосходной абсолютно – денежной системы у нас были самобытно выработаны историей; все старые нестройные и неловкие, может быть, государственно-кредитные учреждения не были придуманы в кабинетах ученых-теоретиков, а были выработаны здравомыслящими государственными практиками в ответ на требование жизни, а не по книжному рецепту. Если б среди водоворота новых идей мы оказались немного менее легкомысленными, если б в нас было чуть крепче уважение к своей истории и ее двигателям, мы, вместо того, чтобы злобно топтать в грязь все, что было связано с пережитой тяжелой эпохой, сохранили и развили бы то ценное, что в ней было, мы уже имели бы теперь настоящую, отвечающую и науке, и нашим нуждам денежную систему. Но пусть хоть тяжелый сорокалетний опыт послужит нам на пользу.

Вся задача денежной системы, основанной на ссудах и вкладах, движущихся автоматически, заключается в постоянном присутствии в обращении такого количества денежных знаков, которое точно соответствует нуждам рынка, то есть размеру совершающихся сделок. Система будет правильно действовать, очевидно, лишь тогда, когда ее автоматический регулятор будет держать покупательную силу, внутреннюю стоимость рубля на одном постоянном уровне.

Для достижения этого идеального качества денег, которым, очевидно, не обладает ни золото, ни серебро, представляющие товар, никакого другого пути нет, кроме приискания некоторой совершенно отвлеченной денежной единицы. В области ценовых измерений величина измерителя не может быть подогнана ни к каким постоянным вещественным величинам. Метр как длина одной сорокамиллионной окружности меридиана, ярд как длина секундного маятника в Гринвиче, звездные сутки как время прохождения Землею земной орбиты опираются на постоянные величины. В области цен таких постоянных реальных величин нет и быть не может. Все волнуется и колеблется вокруг некоторых идей, единица ценностей есть поэтому идейная единица и ее постоянство (в данном случае покупательная сила) соответствует не произвольно избранной реальной величине, а некоторой равнодействующей определенных экономических условий.

Единица меры ценностей не может опираться ни на какую другую измеряемую ею цену, ибо все цены колеблются и часто в полной независимости одна от другой. Открыли Америку – подешевело золото. Ввели в Индии и Австралии обширные посевы пшеницы – пали цены на хлеб. Изобретены новые способы добычи или выделки тех или других металлов или изделий – цены резко переместились. Меняются цены на землю, на труд, на все. Отыскать что-либо реальное, имеющее постоянную ценность, невысказано. Принять что-либо за эту постоянную ценность условно, вроде известного труда в форме рабочих часов или иной, как добивались утописты – бесполезно. В. Белинский в своей замечательной статье в “Русском Деле” о

переустройстве нашей денежной системы рекомендовал принять в основание денежной единицы сумму всего достояния Русского государства и ее известную долю назвал рублем. Но эта условность, не принося ни малейшей пользы, лишает бумажные деньги их главного качества – постоянной внутренней стоимости. В самом деле, если принять сумму достояния государства за величину постоянную, то и количество рублей должно быть постоянным, а мы видели уже, что таковым оно быть не может. При постоянном количестве знаков будет именно беспрерывно изменяться их внутренняя стоимость, ибо она обусловлена не абсолютным их количеством, а потребностью в них, их движением.

Мерилом, следовательно, постоянства денежной единицы может служить нечто иное, лежащее вне области собственно цен. Сделаем попытку принять за такое мерило отношение главного народного труда в стране к его вознаграждению и окружающей трудящихся обстановке. Я попытаюсь сейчас это доказать.

Возьмем наш главный народный труд – земледелие. Для государственной и народной жизни в России он первее и важнее всего. К нему должны прилаживаться и на него оглядываться все другие виды русского труда. Пусть цветут, как угодно, фабрики, пусть развиваются все виды внедеревенского труда, но раз земледелие зачахнет, благосостояние иных форм производительности будет подорвано. Итак, корень в земле и земледельце, в его труде, в его потреблении. Если этот труд хорошо вознаграждается, если, с одной стороны, от земли не бегут, а с другой – ею не спекулируют и за нее не грызутся, если земледelec живет сыгго и спокойно, то есть является потребителем, и притом нормальным, и фабричного, и всякого много, в том числе и умственного труда, то это прямо указывает, что в стране (земледельческой, понятно, в данном случае речь идет о России) денежная система хороша, а главный признак хорошей денежной системы – постоянство ее денежной единицы.

Мысль об этом соотношении между постоянством денежной единицы и обстановкой главного труда в стране

была впервые высказана Мальтусом, но в форме довольно туманной, ибо и этот экономист не был свободен от золотого предрассудка. Развить это положение и доказать его особенных трудностей не представляет.

Попробуем проследить за таким рассуждением.

Денежная единица должна иметь столь же отвлеченный и постоянный характер, как и другие единицы меры, то есть ее нужно приурочить к постоянной величине. Такой величины нет, но предположим, что мы ее отыскали, к ней нашу единицу приурочили и взяли некоторую отвлеченную ценность, ну, хоть тот же бумажный рубль. Его ценность, основанная на доверии к верховной власти и на соответствии количества знаков с нуждами народного обращения, изменяется непрерывно по отношению ко всем другим ценностям. На золото он сегодня 65, завтра 68 копеек, на хлеб, сахар, землю, рабочую плату и т. д. он также сегодня одно, завтра – другое. Является вопрос: чья, собственно, ценность меняется? Самого ли рубля или товаров, изделий, заработных плат вокруг него? Как этот вопрос разрешить? Изучая вздорожание и удешевление разных предметов, мы находим, что каждая из цен устанавливается независимо от денежной единицы, если она постоянна (а это, не будем забывать, у нас предположено) и независимо друг от друга (сахар может вздорожать, миткаль подешеветь, золото вздорожать, хлеб подешеветь и т. д.). Ясно, что в области реальных ценностей искать постоянного основания для денежной единицы бесполезно, и на поставленный вопрос: рубль ли меняется в своей цене или предметы вокруг него – ответа мы здесь не найдем. Но нам необходима постоянная единица меры ценностей. Нам нужно знать, убедиться, что предположенное постоянство рубля не предположение, а факт. Значит, нужно искать посторонних признаков постоянства. Является такой силлогизм.

1) Денежная система в стране может быть совершенной лишь тогда, когда ее денежная единица (отвлеченная или реальная) постоянна.

Золото этой постоянной единицей быть не может, ибо его собственная ценность непрерывно колеблется 1)

вследствие изменяющегося его количества в мире не пропорционально изменениям в промышленности, в торговых оборотах; 2) вследствие различных международно-торговых комбинаций. В одной стране, выгодно торгующей (Франция, Америка), золото может скапливаться и обесцениваться, в другой (Россия, Австрия) – дорожать. Во Франции может быть лаж на банковые билеты, в России – на золото.

2) Денежная система может быть тогда названа совершенной, когда совершаемые ею сделки учитываются и ликвидируются вполне правильно, то есть когда главный народный труд находится при данных законодательствах и иных условиях в самой лучшей обстановке, то есть а) когда за денежными средствами (знаками) нет и не может быть остановки; б) когда цены на труд и на продукты устанавливаются естественно, то есть внутренним условиям народного быта и труда, а не под давлением денежного рынка (например, я продал лен дешево только потому, что его большой урожай, а не потому, что был вынужден продать за недостатком кредита. Обратно: рабочий взял с меня 15 рублей в месяц потому, что ему выгодно служить у меня, а не потому, что я закабалил его предыдущей зимой). Говорим главный труд потому, что главный труд является и главным потребителем, то есть прямо обуславливает все остальные виды труда.

Следовательно, предположенное нами постоянство ценности рубля как денежной единицы станет фактом и, вместе с тем, теоретически покажется тогда, когда основанная на этом денежная система создаст наилучшую качественную обстановку для главного вида народного труда (в России – земледелие).

Просим непредубежденного читателя вникнуть поглубже в наш прием доказательства. А вот и проверка в обратном направлении.

Количество рублей будет изменяться, все цены – тоже. Но человек, имеющий 1000 рублей, будет знать, что он имеет нечто тождественное и сегодня, и завтра, и через год. Подешевеет квартира, вздорожает прислуга, подешевеют хлеб, газеты, фрукты, вздорожает мясо, подешевеют платье,

поездки, вздорожают уроки и т. д. Но средняя, равнодействующая, будет одна и та же; другими словами, труд, освобожденный от искусственного давления денежного рынка, будет учитываться свободнее, а следовательно, справедливее. Не будем забывать основной идеи денег: облегчить расчеты, отнять у денег их собственное, самостоятельное значение, устранить те замешательства, которые вносит в жизнь несовершенство денежной системы, помочь свободной установке цен, свободному взаимодействию труда, знания и капитала. Идеал денег – вполне облегченный учет работы этих трех элементов, свободный от всякого влияния самих знаков. Знаки должны быть нейтральны, безразличны и, следовательно, постоянны. Где же может быть проверка этого постоянства? В свободе и доброй обстановке главного труда. Практически это постоянство заключается именно в том, что государство путем вкладов и ссуд может держать в обращении как раз потребное число знаков. Практика и теория здесь вполне сходятся. Центральное государственное кредитное учреждение является сердцем, вклады и ссуды – кровообращением. Постоянство денежной единицы – равностью пульса.

Итак, вот где, по нашему мнению, ключ к чрезвычайно важному закону денежного обращения, определяющему постоянство абсолютной денежной единицы. Сформулировать этот закон можно так.

Постоянство денежной единицы, то есть неизменность ее внутренней ценности, или покупательной силы, зависит не от количества обращающихся знаков, а от соответствия этого количества с потребностями в каждую данную минуту народной производительности. Соответствие это определяется качеством обстановки, в коей находится при данных внешних условиях главный основной вид труда в стране.

Надеемся, что после сказанного не может быть никаких недоразумений для практического приложения этого закона.

Система вкладов и ссуд при добавке по мере надобности свежих количеств знаков – вот настоящий, почти

автоматический регулятор денежного обращения. Внимательная, добросовестная оценка условий сельской жизни и земледелия – вот его превосходный нравственный контроль. За все остальное бояться нечего. Давным-давно сказано: сыт мужик, сыт барин, сыт фабрикант, сыт чиновник, сыт ученый – богато и сильно государство, богат и славен монарх. И наоборот, *rauvre pavsan* – *rauvre roi*, а если бедность на обоих этих концах, то не может быть благоденствия и посредине.

XV

Обратимся теперь к рассмотрению роли и значения в нашей денежной системе процентных бумаг и к проверке этой роли с научной стороны.

Господа “молодые финансисты”, приступив к разрушению старой нашей системы финансовых учреждений, прежде всего постарались ввести вместо вкладов, не допускавших биржевой игры, процентные бумаги или бумагу-товар. Сделано ли это было по крайнему легкомыслию, в угоду европейской доктрине, или лежало в основании нечто совсем другое, называющееся совсем иначе, но в результате получилось вот что.

Государство добровольно само себе связало руки и фактически отреклось от управления денежным обращением.

Свободные капиталы были изъяты из народного обращения и скрыты в бумагу-товар.

Положено было прочное начало тунеядству на государственный счет и широкой биржевой игре.

Земледелие и промышленность были лишены орудия обращения – денег.

Все это находилось в тесной зависимости от введения системы внутренних и внешних займов, то есть выпуска государственных процентных бумаг.

Попытаемся же научным образом осветить значение в народном и государственном хозяйстве процентной бумаги

и постараемся ответить на вопрос: должно ли государство вообще делать займы и не дает ли система абсолютных денег возможности обходиться без них вовсе?

Из предыдущего изложения мы уже видели, что государственное хозяйство идет или должно идти совершенно независимо от денежного обращения, входящего в область хозяйства народного, коего государственное хозяйство составляет лишь некоторую часть. Среди общей суммы оборотов фабрики есть специально “расходы по управлению”. То же и в крупном земледельческом хозяйстве. В государстве бюджет, обнимающий собой множество отраслей, при всей его сложности, сводится опять же к управлению, внешней защите, просвещению, суду и т. д., то есть имеет дело с теми внешними формами, внутри которых идет самостоятельная народная жизнь с ее трудом, капиталами, землевладением, торговыми оборотами и прочим.

Государственный бюджет представляет всенародную складчину на содержание государственного аппарата, расходуемую государственными органами. Каждый из трудящихся членов, равно как и каждый капиталист, привлекается к этой складчине в доле своего имущества или дохода. Государственная рамка для страны необходима, а потому неизбежны и налоги на ее содержание. Чем более усиливает государственная организация народную производительность (или чем больше способствует нравственному подъему народа), тем выгоднее и приятнее участвовать в этой статье расхода гражданам. Бывают исторические минуты, когда находящаяся в опасности государственность так любезна и дорога, что граждане отдают на ее спасение свое имущество или поголовно вооружаются и идут ее выручать (нижегородское движение 1612 года). Но бывают, наоборот, такие условия, при которых государство, разошедшееся в лице правящего класса с действительной народной жизнью, эгоистически развивающееся вне народной жизни, независимо от нее и над нею, становится крайне тяжелым для граждан и требует от них совершенно непосильных жертв. Жизнь в этих искусственно утяжеленных рамках становится

невыносимой, а государственность ненавистной. Современному немцу или члену австрийского государства приходится огромную долю своего труда расходовать ради целей своей государственности, в поддержку таких стремлений правительств, которые не только не дают народной жизни и труду ничего в настоящем, но несут за собой ряд великих опасностей в будущем.

Но если государства австрийское и германское могут, по крайней мере, с одной стороны, похвалиться величайшими заботами об этой обремененной налогами и военными расходами народной жизни, а с другой стороны, могут хоть софизмами оправдать ту идею, которая вызывает столь огромные тягости (для Германии опасность от России и Франции, для Австрии чувство самосохранения от панславизма), то мы ничего не можем привести в объяснение нашего невыносимо тяжелого положения, кроме великого недоразумения, завещанного группой “молодых финансистов” и продолжающегося до сего дня.

В самом деле: наши военные расходы, падающие на каждого жителя, попросту ничтожны сравнительно с расходами других великих держав. Стоимость содержания нашего государственного аппарата, или наш расходный бюджет, также относительно невелик. А между тем ни австрийцу, ни германцу так не тяжело жить и платить государству, как нам. Зло, угнетающее нашу народную жизнь и парализующее наш народный труд, состоит в том, что введенная у нас тридцать лет назад финансовая политика систематически заменяла деньги – орудие обращения, деньги – прежний капитал производства государственными процентными бумагами, являющимися ничем иным, как свидетельствами на получение от государства некоторого постоянного содержания без всякого труда.

Вот простейшая схема того, что было придумано господином Ламанским “со товарищи”. При прежней системе дело обстояло так.

Я капиталист. Сейчас у меня нет своего предприятия, я сложил деньги на вклад и получаю процент. С кого я получаю? С того, кто при посредстве государства работает на мои деньги, кто взял их взаймы на промышленное дело,

земледелие или торговлю. Я желаю начать дело сам. Я иду с моим вкладным билетом в кассу и в любую минуту освобождаю мой капитал. При этом, если тот, у кого мои деньги, продолжает работать, государство дает мне новые деньги. Выпуск их в обращение совершенно понятен. Работал А, обращалось количество денег а. Пришел и начал работать, кроме того, Б, явилось новое количество знаков б. Работа увеличилась, стала $A + B$, денежное обращение тоже увеличилось и стало $a + б$.

По системе господ Ламанских.

Я капиталист. Деньги у меня свободны. Я отдаю их государству и получаю некоторую бумагу, у которой обеспечена не стоимость ее (эта стоимость устанавливается на бирже), а известный довольно большой доход (чтобы приохотить меня к держанию бумаги, которая колеблется от первого ветра и трепещет от мановения бровей господина Ротшильда). Куда девались мои деньги? Они сожжены государством в печи во дворе Государственного Банка. Зачем сожжены? Потому что господин Ламанский нашел, что знаков избыток. Но кто же мне будет платить проценты? Государство из своего бюджета. Но откуда же они возьмутся в бюджете? А правительство взыщет необходимую сумму в виде налогов.

Эта схема математически точна с действительностью. Продолжим ее благополучно до нынешних дней, и мы увидим, что чуть не половина нашего бюджета состоит вот из этих платежей по бесчисленным купонам и внутренним, и внешним. Огромное количество людей, у которых были прежние сбережения, ничего другого не делают, как в известные сроки стригут купоны и несут их менялам или в казначейство, а исправники и становые рыщут, выколачивая подати, чтобы казначейству дать средства платить по этим купонам.

На возражат: но ведь не для того же государство делало займы и выпускало процентные бумаги чтобы только жечь кредитные билеты. На эти бумаги оно совершило огромную крестьянскую выкупную операцию, ни них же выстроило сеть дорог пр., и пр.

На это ответ один: нет, именно и только для того выпускали господа доктринеры займы, чтобы жечь бумажки или не выпускать их в необходимом для страны количестве, то есть жечь их мысленно. Доказать это нетрудно. Просмотрим все три главные операции.

1) Выкупные свидетельства. До реформы, при обязательном труде, между владельцем и крепостными на барщине денежных знаков почти не нужно было. Читается манифест 19 февраля. Все стало делаться на деньги. Владелец на все нанимает и за все расплачивается. Крестьяне за все платят. Знаков против прежнего нужно, по крайней мере, втрое, ибо сразу все сделки переходят из натуральных на денежные. Если бы выкуп был совершен на вновь выпущенные для этой цели кредитные билеты, их бы едва-едва хватило для новых условий денежного обращения, ибо всем – и барину, и мужику, пришлось заводить совсем новое хозяйство. Вместо этого были выпущены процентные бумаги, а с другой стороны, “консолидировали излишние” знаки и жгли кредитки, обменивая их на особо выпускаемые банковые билеты. И вдобавок у помещика удержали весь капитальный долг, сделанный им в опекуновском совете, и выдали только разницу в виде выкупных свидетельств.

Бросился барин искать денег на свое новое хозяйство, бросился и мужик. Барин продал свое выкупное свидетельство за 65 копеек, за рубль, кулак, чтобы дешево купить мужицкий труд и продукт, продал полученную им банковую бумагу (вместо прежнего вклада) тоже за 65–70 копеек и начал эксплуатировать и барина, и мужика.

Спокойные капиталисты в это время купили 5-процентную ренту за 65 копеек, то есть начали на свой капитал получать почти 8 процентов от государства в виде пожизненной пенсии за то только, что направили свой капитал не непосредственно в дело, а в печь во дворе Государственного Банка.

Надеемся, можно смело сказать, что выкупные свидетельства заменили собой те бумажки, которые было необходимо выпустить ради удержания на надлежащей норме денежного обращения после 1861 года, вместо этого: осталась земля и на ней барин и мужик с голыми руками, с

обесцененным трудом, без оборотных средств, а кругом них, словно вампиры, денежные спекулянты, для которых 8 процентов в виде купонов было мало, ибо около изнемогавших в агонии землевладельцев и земледельцев можно было погреть руки, можно было заработать не 8, а сто на сто. И зарабатывали!

Этот мартиролог изложен в самых ярких чертах не газетными репортерами, а правительственной комиссией по исследованию упадка сельского хозяйства, работавшей еще в 1873 году!

2) Железные дороги. Мы уже видели, как действуют железные дороги на денежное обращение в стране. При постройке увеличивается народный труд и возрастает нужда в знаках. По окончании постройки и открытии эксплуатации эта нужда еще более возрастает. Железная дорога – новый кровеносный сосуд в организме. Прибавилось сосудов и стало быстрее кровообращение, ясно, что крови должно быть больше. Вместо этого кровь постепенно выпускали. Для постройки железных дорог употребляли не новые знаки, которые, оправданные жизнью, так бы и остались впоследствии в народном обращении; наоборот, привлекали готовые капиталы, а так как таковые не приливали изнутри, ибо и без того попрятались в процентные бумаги, так как этих процентных бумаг и без того было наводнение, то стали привлекать свободные капиталы иностранные. Этими же капиталами уплачивалось не за русский, а за иностранный труд.

Получилось: создание за границей огромного класса русских кредиторов; возрождение за границей народного труда. Внутри России: расширенная система кровеносных сосудов при выпущенной крови: пустая, а потому бездоходная сеть дорог среди нищего населения сел, сеть, обремененная нештатным долгом, проценты за который приходится изыскивать все с того же обнищавшего населения.

Ясно, что и здесь мысленно сожжены те же бумажки, которые нужно было выпустить для постройки и

эксплуатации (то есть увеличенных оборотов промышленности) русской сети дорог.

3) Займы, сделанные явно с целью прямо жечь деньги, например Восточный заем и другие, нечего и разбирать.

Мы обстоятельно рассмотрели значение процентных бумаг в истории наших финансов и нам хотелось бы показать теперь, что система денежного обращения в экономически самостоятельной стране, основанная на абсолютных знаках, вовсе не нуждается в процентных государственных бумагах и не требует ни одной копейки из государственного бюджета для оплаты процентов.

К доказательству этого положения мы и переходим.

XVI

Главное зло современных государств, процентные займы, внутренние или внешние, неизбежные при золоте как деньгах, могут быть совершенно устранены при абсолютно-денежном обращении и при правильной организации государственного и народного кредита.

Из цивилизованных стран нет в эту минуту ни одной, которая удовлетворялась бы одной формой денег – благородными металлами или одним золотом. Повсюду рядом со звонкой монетой циркулирует большее или меньшее количество ее суррогатов, разменных банковых билетов, настоящих кредитных денег. Основная черта этого денежного обращения – разменность банковых билетов каждую минуту на металл, Приостановка этого размена равносильна государственному банкротству. Это обман и насилие над подданными. Во избежание этого обмана и всяких искушений для парламентарного государства орган денежного обращения в стране отнимается у правительства и ставится особняком, ограждаясь от всяких на него воздействий серьезными и положительными статутами.

Совершенно тот же вопрос поднимался и у нас при основании Государственного Банка в 1860 году; до сих пор еще существуют серьезные люди, которые проповедуют

необходимость выделить наш центральный орган денежного обращения из системы государственных учреждений и сдать его особому акционерному обществу. Что эта идея имеет почву – доказательство статьи в “Новом Времени” господина Гурьева, “ученого секретаря Ученого Комитета” Министерства финансов (да-да, есть такой титул двойной учености), помещавшиеся там в начале 1893 года.

Читателю этого исследования названные статьи, наверно, показались необыкновенно смешными и наивными. Господин Гурьев доказывает без малейшей улыбки, что передавать Государственный Банк акционерной компании невозможно. Да кто же может в здравом уме и твердой памяти предложить противоположную комбинацию? Другими словами, кликнут клич по всему европейскому Израилю: “Милостивые государи! Не будет ли вам угодно получить в ваше заведование экономическое сердце России? Приходите к нам, составляйте акционерную компанию, получайте золотой фонд, печатайте бумажки и заведуйте нашим денежным обращением; то есть берите в полное владение с правом жизни и смерти: наше сельское хозяйство, фабричную и заводскую промышленности и нашу торговлю, словом, весь наш народный быт и труд во всех его видах. Государство от всего этого отрекается, ибо оно верит, что вы с этим лучше справитесь, чем оно само. Вы, конечно, на всем этом будете наживать, но ведь это дело торговое”.

В этих словах нет ни тени преувеличения. Читатель недоумевает и спрашивает, какой смысл в этом приглашении акционеров, в этом устранении правительства от самого центра государственного дела? Что дадут акционеры, управляющие Банком? Верно, есть же какая-нибудь идея в этом желании?

Идея, несомненно, есть. Вот она: акционерный банк поставит народное денежное обращение в полную независимость от правительства. Но зачем же это нужно? А затем, чтобы министру финансов в трудную для государства минуту не пришло искушение смешать источники собственно денежного обращения с

источниками бюджетными, другими словами, чтобы государственная власть не могла ограбить подданных.

По-видимому, даже предположить что-либо подобное уже есть своего рода безумие? Ничуть не бывало! Находятся на Руси органы и публицисты, которые хоть и не столь грубо открыто, но высказывают совершенно то же самое.

Дело вот в чем. Существует Государственный Банк и ведает народным денежным обращением. Существует Государственное Казначейство и ведает государственными приходами и расходами. И там, и здесь суммы разные, и смешивать их невозможно, ибо все экономические отправления тотчас же придут в расстройство. Поэтому и ведется, например, такой счет: наличность Государственного Банка (собственная) такая-то. Кроме нее, имеются в Банке суммы, принадлежащие Государственному Казначейству такие-то. Представим себе, что, вследствие неурожая или других условий подати задерживаются или государству предстоит экстренный расход. Собственных сумм Государственного Казначейства может не хватить. В это время собственная наличность Банка может быть очень велика и лежать непроизводительно. Граф Канкрин, да и все почти русские министры финансов, кроме упорных доктринеров, делали следующее: они заимствовали из банковской наличности и по мере поступления государственных доходов пополняли эту наличность. У графа Канкринна был в особенности неисправим один предрассудок: он как огня боялся займов и налогов, а потому предпочитал довольно грубо нарушать теорию и в бухгалтерском смысле допускал произвол, лишь бы не отягощать народ по купонам. Велось подобное хозяйство не год и не два, и Россия, только что разоренная Наполеоном и истощившая все силы на “спасение Европы”, быстро поправилась и разбогатела.

Нам говорят: этого нельзя! Если государственных доходов не хватило или понадобился экстренный расход, делайте заем, то есть выпускайте процентные бумаги и платите по купонам податями. Не смейте заимствовать в свободной банковской наличности, не усложняйте счетов, не отступайте от устава. А главное, не проявляйте ни государственной

власти, ни государственного творчества! А так как здравомыслящий министр финансов и хороший хозяин не может этих позаимствований не делать, то призвать евреев и сдать им Банк, другими словами, поставить их на страже против возможных злоупотреблений органа, которому Верховная Власть поручила распоряжение государственным и народным хозяйством.

Даже ученый секретарь Ученого Комитета догадался, что подобный порядок, безусловно необходимый при парламентском режиме, совсем не подходит к самодержавной монархии. Предполагая, что подобное заимствование может сделаться не иначе, как по специальному Высочайшему повелению, оказывается, что необходимо звать евреев собственно затем, чтобы ограничить верховную власть в возможности дать подобное повеление.

Вот по самому добросовестному толкованию идея акционерного Государственного Банка. Можно думать, что, несмотря на все подходы и сладкие слова представителей у нас европейского мировоззрения и аппетитов мечтать об осуществлении чего-либо подобного просто-напросто глупо. Уж на что было бесшабашное по этой части время – конец пятидесятых годов. Но и тогда господа молодые финансисты не могли провести свою идею насчет обращения Государственного Банка в акционерный, и это учреждение так и осталось на ведомстве Министерства финансов, хотя и разграниченное (на бумаге) по своим оборотам от оборотов Государственного Казначейства.

XVII

Ясно, что при не зависимом от государства положении центрального органа денежного обращения государственной власти, вынуждаемой к каким-либо экстренным расходам, приходится либо возвышать налоги, либо закладывать эти налоги, выпуская внутренний или иностранный заем. И в том, и в другом случае принцип остается тем же самым. Новый налог дает небольшие

сравнительно суммы ежегодно; заем, сделанный сразу, погашается теми же налогами в будущем в течение известного числа лет.

Никакого другого выхода нет, ибо парламентское государство ничему другому не верит, кроме золота, и потому решительно не хочет и не может предоставить дело экономического творчества государству. Говорим про существующие государства буржуазно-либерального склада, против которых так яростно протестует социализм разных видов и оттенков. Что за государство создаст сам социализм, как удастся ему оформить государственное творчество, этого мы еще не видали, да, вероятно, и не увидим, ибо социализм, еще не успев положить первого камня в смысле положительном, уже выродился, и совершенно логически, в анархизм, то есть в разрушение всего существующего с голой надеждой, что на развалинах вырастет само что-нибудь.

Современное парламентарно-буржуазное государство все экономическое творчество отдает бирже, то есть представительнице капитала. Самовластная биржа, обладая деньгами (не забудем, что деньги – концентрированный прежний труд и орудие труда будущего), естественным образом приобретает и полное господство над трудом во всех его видах.

Правительство обращается в простого городского, наблюдающего за порядком, а страна при биржевом режиме резко разделяется на два класса: правящие – представители капитала, или труда прежнего, в их руках сосредоточенного; правимые – представители труда настоящего или будущего, работающие только потому, что правящие, то есть капиталисты, дают свой капитал в производство.

И власть, и творчество, и действительное управление страной, и законодательство, и внешняя политика, и мировоззрение, и национальные идеалы – все это монополизуется одним правящим классом. Как Людовик XIV когда-то, так биржа теперь может сказать: “l’etat – c’est moi” и будет совершенно права, ибо, властвуя над трудом и заработком человека, нельзя вместе не властвовать и над его душой и над его bulletin de vote вплоть до тех пор, пока

озлобленный пролетарий, утративший Бога истинного и не могущий уверовать в бога Меркурия, не начнет швырять своих директоров фабрик в бассейны с расплавленным стеклом...

Но дело сейчас еще не в этом, а потому в эту область отвлекаться не будем. Нам хотелось показать, что коль скоро творчество отдано бирже, то и заработок от всего капитала идет целиком ей же, как исключительно представительнице творческого начала и как властительнице и капитала, и труда.

Поясним это на примере. Государство строит железную дорогу, как указано выше в статье “Русского Дела”, на вновь выпущенные знаки. Создается огромный заработок, ибо вызывается огромный труд. Капитал, оплодотворивший этот труд, не действительный, а мнимый, ибо бумажки представляют из себя пока простые квитки, расчетные знаки. Что изображает этот заработок? Как он распределился? Он распределился на началах политической экономии, по законам свободного спроса и предложения. Но при этом, кроме заработка всех и каждого из участвовавших в работе, явилось еще некоторое реальное имущество, приносящее доход, и это имущество (если дорогу строила казна) принадлежит ей, то есть составляет предпринимательную долю этого мнимого капитала, ставшего, однако, после постройки капиталом действительным.

Чей это капитал? Кто его собственник? Очевидно, государство, то есть весь народ.

На Западе, при власти биржи и золоте-деньгах, дело идет совсем иначе. Для постройки дороги биржа авансировала известный свой готовый капитал, выговорив себе определенный процент. Труд произведен, дорога создавалась, все заработали, но заработок распределился совсем иначе. Капиталист разменял трехпроцентную ренту, чтобы купить акцию новой железной дороги, и получает теперь, скажем, шесть процентов дивиденда, то есть стал вдвое богаче. Инженеры, строители, подрядчики, получив свой заработок, купили на него (ту же проданную капиталистом) ренту, чернорабочие прожили и прокормились (может

быть, даже лучше, чем жили и кормились раньше, может быть, даже сберегли что-нибудь и снесли в “caisse d'épargne”, но вообще остались в том же положении, а государство осталось совершенно в стороне. Оно выиграло, может быть, лишь в смысле налогов, имея возможность несколько обложить новую линию как новое чужое для него имущество.

Понятна или нет основная, глубочайшая разница в обстановке предприятия, двигавших им силах и в его результатах?

В первом случае заработки распределились совершенно равномерно между всеми трудящимися, а фактически обогатилось только государство, создав, то есть получив даром, недвижимый капитал, новую линию железной дороги, пусть приносящую на первое время и малый доход. Капиталисты остались здесь в стороне или участвовали косвенно и косвенно же получили свою долю дохода[\[13\]](#). Работал здесь в широком смысле труд, оплодотворенный мнимым капиталом, как бы уступившим свою долю вознаграждения государству, то есть предоставивший ему новый капитал реальный.

Во втором случае заработки тоже распределились, но между трудом и готовым старым капиталом. Государство осталось в стороне. Продукт творчества пошел не ему, а капиталу, то есть бирже, удвоив богатства биржевых царей, как увидим позднее.

Политическая экономия прекрасно разъясняет, как при возрастании капиталов сама собою уменьшается доля дохода капитала, как вследствие этого капитал становится живее, подвижнее и стремится все дальше и дальше продолжать творчество. Вообразим же себе, что эта работа капитала во имя саморазвития и дальнейшей власти и преуспевания совершается долго и продукты ее все усиливают самый капитал. Прибавим сюда, что при международном господстве золота известное племя, или страна, счастливее других работают в лице своих капиталистов. Страна может страшно разбогатеть, найти себе данников по всему лицу земли и поставить свой собственный труд в положение и обстановку весьма

сносные[\[14\]](#). Взглянем на Францию, какое колоссальное обилие накопленных капиталов! Пять миллиардов уплачены как пять рублей. Налицо четыре миллиона людей, живущих рентою, то есть пользующихся чужим трудом, кормящихся за счет итальянцев, и за счет египетских феллахов, и за счет своих собственных трудящихся и нищенствующих сограждан.

Государство тоже, по-видимому, богато, ибо бюджет его огромен. Но все-таки у государства ничего своего, оно только собирает и расходует налоги, оно непричастно никакому творчеству и, в случае потребности в экстренном государственном расходе или опасности, может только увеличивать налоги и делать займы, предварительно заручившись благоволением биржи.

Самодержавная государственная власть в экономически самодовлеющей стране, действуя при помощи бумажных денег, имеет источники своего собственного богатства, и это богатство сосредоточено не в руках одного из государственно-экономических классов (капиталисты, рантьееры), а является в полном смысле мирским, народным, или, вернее, всенародным, ибо государство есть внешнее выражение народа. Богатство это, выражающееся не в золоте, а в мирских, государственных имуществях, дающих определенный доход, или в известном количестве запаса труда (см. ниже), может безгранично приумножаться, совершенно так же, как приумножаются частные капиталы у правящих классов государства парламентарного. И это государство не будет носить ни малейшего западно-социалистического оттенка, вернее, ходячие социальные воззрения окажутся к нему вовсе не приложимыми. Социализм, ратующий против исключительных прав капитала, ради таких же исключительных прав труда, то есть желающий заменить деспотизм капитала деспотизмом труда, логически не может кончить ничем иным, кроме разрушения всего государственно-общественного строя, или невинными, но совершенно вздорными фантазиями, вроде Беллами, обратившего свободную Америку в колоссальные арестантские роты посредством неизбежной государственной регламентации труда в его мельчайших

подробностях (“всеобщая трудовая повинность” Беллами есть нечто столь принципиально чудовищное, что перед нею побледнеют и каторжные работы). Самодержавное государство, основанное на начале доверия к верховной власти, разумно пользуясь указанными выше мнимыми капиталами, возможными только при бумажных деньгах, способно явить идеала личной и экономической свободы. Услуги мнимого капитала представляют отнюдь не нарушение прав капиталов реальных, но устранение их несправедливой монополии, низложение их с того престола, который они себе создают на бирже, развенчание золотого тельца, в парламентарном государстве захватившего державу и скипетр совершенно открыто, у нас тайно посягающего на prerogatives самодержавной власти.

От капитала не отнимется ни возможность промышленного творчества, ни возможность нормального роста. Но ему отводится для этого область частной предприимчивости, все же государственное творчество и всю общественную власть, ныне захваченную капиталом, а в социальных теориях – трудом, государство оставляет за собой.

Вместе с государственным творчеством государство оставляет себе и создание государственных самостоятельных доходов, основанных не на одной лишь раскладке податей. Такое государство никогда не встретится с необходимостью делать займы и выпускать процентные бумаги, ибо несколько мирных лет позволят скопиться колоссальным запасным капиталам, с избытком, достаточным для любого черного дня.

Нам кажется, что этим совершенно доказан и шестой из поставленных в начале этого исследования тезисов, именно: при системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального государственного учреждения, ведающего денежным обращением, господство биржи в стране становится невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.

Просим прощения у читателя, которому кое-что может показаться неясным или недоговоренным. Все высказанное здесь выяснится ярче и рельефнее при рассмотрении

следующего тезиса – о замене хищных биржевых инстинктов здоровой государственной экономической политикой, к которому и переходим.

XVIII

Тезис этот таков.

Место хищных биржевых инстинктов заступает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.

Этот закон является последовательным логическим выводом из всего предыдущего. При золоте в качестве денег и его суррогатах – банковых билетах правительство совершенно устраняется от государственно-экономического творчества и становится простым органом правящего класса, то есть капиталистов, рантьееров, властвующих в стране. Центр, святилище этого класса – биржа, в руках которой само собою сосредоточивается творчество. Основой, фундаментом этого творчества являются капиталы, народные сбережения, сосредоточенные в руках правящего класса и отчасти классов трудящихся, стоящих посредине между настоящими рантьерами, вовсе не трудящимися, и настоящими пролетариями, вовсе не скопившими сбережений. Такими типами будут, например, какой-нибудь парижский извозчик, выезжающий ежедневно на работу, но уже имеющий капитал в 5–10 тыс. франков, или привратница, заведующая домом и ежедневно откладывающая известный доход на приобретение ренты или других ценных бумаг.

Как действует биржа с этими капиталами?

При изобилии сбережений в руках рантьеров и полурантьеров естественный нормальный доход капитала сам собой понижается. Вернейшее помещение денег – государственная рента, но маленькому капиталисту она приносит слишком мало. Самостоятельного дела он начать

не может (при большом риске и труде оно обещает иногда меньше, чем текущий заработок в чужом предприятии), но увеличить свой капитал или доход всегда рад. При малейшей возможности или доверии маленький рантье всегда готов часть своих сбережений вынуть из государственной ренты (она перейдет к новому образуемому рантье, менее капитальному), и поместить в различные “russes”, “egiptiens”, “hongrois” и другие иноземные государственные бумаги, дающие большой доход. Более подвижный и смелый или более сведущий и капитальный буржуа способен некоторую часть своего капитала доверить и какой –нибудь панамской компании, сулящей громадные дивиденды, особенно если во главе дела стоит такая известная личность, как Фердинанд Лессепс. Рантьеров и свободных, ищущих применения капиталов, – изобилие. Центр, куда все это стремится, где основывают все дела и устанавливается расценка всевозможных предприятий – биржа. На бирже сейчас же сама собою возникает биржевая игра, имеющая две основных стадии: во-первых, действительные перемещения капитала, действительные покупки и продажи. У меня была рента, я ее продал и купил акции Credit Mobilier или emprunt egyptien, во-вторых, игра в собственном смысле, когда я, ничего не продавая и не покупая, а лишь делая фиктивные сделки, держу, так сказать, пари, что такая-то бумага повысится или понизится, и в известные сроки получаю выигрыш или плачу проигрыш – разницу в курсе.

Эта биржевая игра, идущая, очевидно, внутри только правящего экономического класса рантьеров (и в малой степени полурантьеров), но непосредственно отражающаяся на сбережениях всей страны, имеет в основании одну идею: быстрое обогащение более сильных и ловких капиталистов на счет менее сильных и более наивных их собратий, а, главным образом, на счет трудящихся полурантьеров. Выигрывает в этой игре тот, кому удастся наверно предугадать или предугадать политическое обстоятельство, имеющее поднять или уронить данную бумагу. Если я случайно узнаю раньше других, что через две недели Россия объявит войну Турции

и что, следовательно, курс на русские бумаги сильно падет, я смело могу идти на биржу и все свое состояние поставить в продажу русских фондов, которых у меня вовсе и нет налицо.

Я продаю, то есть обязуюсь доставить через месяц такое-то количество русских бумаг по 98 за 100. Через месяц эти бумаги упадут до 68 и при ликвидации я получу чистого дохода 30 копеек на рубль; мне всегда возможно их доставить, ибо я тогда куплю их по этой цене и сдам. Но этого вовсе не требуется; сделка, как известно заранее, была чисто фиктивная и шла только на разницу.

Итак, я выиграл. Кто же проиграл? Проиграл тот, кто по незнанию того, что я знаю, купил мои "russes". Это мог быть и крупный биржевой игрок, но прежде всего это те мелкие рантьееры и полурантьееры, которые часть своих сбережений стараются поместить выгоднее, чем в сухую и малоодоходную ренту. Они, хотя и не играли, но упавшие бумаги лишили их части их капитала. Совершенно то же и Панама, только посложнее. Биржевые спекулянты, опять же более сильные и знающие (что компания должна лопнуть) сначала употребили все меры, чтобы поднять, раздуть курс акций, наградили в розницу этими акциями ("разместили") множество рантьееров и полурантьееров (на каждого понемногу, ибо это тоже народ осторожный и поместит сюда только часть своего капитала), затем сделали крах, сыграли на понижение и 600 миллионов франков положили себе в карман. Вся Франция закричала: "Nous sommes volés", но тот же извозчик, у которого была одна акция, вчера стоившая 600 франков, а сегодня упавшая до 150, тот же консьерж, потерявший 450 франков, не согласятся на радикальный переворот и на уничтожение биржи. Они будут через своего представителя в начале кричать: "A bas le ministre" и требовать суда над виновными, но в глубине души они уже помирились со своей потерей, потому что та же биржа, нагревшая их сегодня на 450 франков, раньше давала им хорошее увеличение их капиталов, будет давать и в будущем, ибо бумаг солидных и солидных дел все-таки больше, чем жульнических.

Вот почему буржуазный строй не повалит и не захочет никогда повалить биржу и отлично помирится и с подкупными газетами, и с подкупным парламентом, и с подкупными министрами, что Франция и доказала на осенних выборах 1893 года. Как христианин, плохой или хороший, все же органически, по душе своей, сын и член церкви, так буржуа, рантье (в государстве с золотой валютой) по душе своей сын и член биржи. И тот и другой могут возмущаться, бунтовать против своей матери, но порвать с ней совсем не могут. Христианин без церкви начинает протестантизмом, впадает в атеизм и логически кончает отчаянием нигилизма. Рантье, порвавший с биржей, или пролетарий, не сделавшийся рантьером, то есть биржей извергнутый, начинает умеренным социалистическим протестом, попытками организовать труд, стачками, рабочими союзами, а так как это не ведет ни к чему, ибо биржа и сильнее, и хитрее, то пролетарий логически кончает анархизмом и начинает в лице своих наиболее передовых и нетерпеливых действовать динамитом.

XIX

Итак, взглянем поглубже на биржевые процессы.

В классе рантьеров идет упорная междоусобная борьба.

В этой борьбе сильные и ловкие играют наверняка, обстригая постепенно среднюю публику, но редко ее разоряя, ибо эта публика привыкла к осторожности.

Среди этих сильных и ловких являются единицы, скопляющие чрезмерно большие капиталы. Они становятся настоящими царями биржи, а с ней и всей страны. Их капиталы вяжут такое огромное количество дел, предприятий, им так задолжены трудящиеся классы, и притом не в одной, а в разных странах, от них в такой тесной зависимости миллионы рантьеров и полурантьеров, что эти люди являются великой политической силой, настоящими, некоронованными лишь, самодержцами, и притом экстерриториальными, ибо власть их простирается всюду,

где работает их капитал. Они так связали свои личные интересы с интересами миллионов трудящихся и полуратньеров, что ни одна государственная власть не смеет выступить с ними на борьбу во избежание страшных внутренних потрясений, но должна служить им и поддерживать их. Уничтожив Ротшильда, ни одно правительство в мире не может (кроме русского, пока оно его не пустило вырасти^[15] в России), ибо это было бы теперь разорение для многих граждан. Уничтожить Ротшильда может лишь анархия, когда от всего современного строя Запада не останется камня на камне.

Прибавим сюда: в Панамском деле, во всем этом грабеже, Ротшильда, например, совсем не видно. Для него это дело и слишком мелко, и слишком несерьезно. Ему незачем прибегать ни к подкупу, ни к мелкому, сравнительно, грабежу. Его идеал миродержавство, вполне серьезное и путем серьезных же средств. К его услугам все честные элементы Французской республики. Его контора – Национальный французский банк, его уполномоченный, его личный секретарь – глава французского государства, его приказчики – министры, его серьезные операции на бирже приносят ему неизмеримо больше, спокойнее и вернее, чем панамская, чисто карманная, кража. Ротшильд и... Панама! Фи!

В этом-то и трагедия последнего слова биржевого царства. Крадет краюшку хлеба глупый чертенок, Вельзевул властвует, Вельзевул велик.

Итак, вот стадии финансового развития золотого Запада:

- 1) золото как деньги (первая власть евреев, как ростовщиков);
- 2) система банков и банковых билетов как заместителей золота (вторая власть евреев, как банкиров и финансистов, начало их обогащения);
- 3) процентные займы государств, царство биржи в стране (третья ступень власти евреев – ростовщичество государственное и затем полное миродержавство).

Общий дух всего движения: устранение мирского соборного начала, выражающегося в государстве, от экономического

творчества, устранение нравственного начала доверия, торжество хищного человеческого я, возведенного в догмат, полная потеря всякого нравственного критерия, борьба заведомо безнадежная, во имя нравственности условной. В конце неизбежная анархия, разрушение и одичание, ибо и с другой стороны, в том отвергнутом наполовину мире, откуда могло бы явиться западному (латино-германскому) человечеству спасение, царит тот же Ротшильд в тиаре, исповедующий все то же я и все то же миродержавство, ненавистное сердцу еще больше, ибо деспотизм духовный неизмеримо тяжелее даже деспотизма экономического.

Вот куда увлекло нас рассуждение об абсолютных деньгах и о процентных бумагах. Не жалею об этом. Читатель не осудит нас, что, войдя в подробный анализ биржевой игры, основанной, главным образом, на существовании процентных бумаг, то есть собственной нищете государства, мы поневоле должны были сделать некоторые выводы в нравственной области, без которых невозможен и обстоятельный разбор экономической творческой политики государства как полной противоположности власти и задачами биржи.

На основании сказанного прошу досужего и любознательного читателя, знакомого несколько с историей наших финансов, самостоятельно припомнить и оценить те явления в русской жизни, которые характеризуют пришествие к нам биржевика-еврея и те голоса в печати, которые славословят западную финансовую систему с ее золотом, процентными займами и самодержавием биржи. Подобное размышление будет не бесполезно, и мы будем очень счастливы, если читатель уяснит себе, откуда все это веет, во что верует и чему служит. Да, к несчастью и русская православная почва в сильной степени заражена миродержавными еврейскими идеалами. Очистить, скорее очистить надо эту почву (в нашем сознании, а затем и в жизни), и тогда только пышным цветом зацветут на ней русские идеалы.

Переходим к восьмому и девятому положениям, изложенным так.

8) При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных государственных запасных капиталов.

9) При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в биржево-золотых государствах власти.

Основная разница между биржево-парламентским режимом и самодержавным государством с абсолютными деньгами, как уже мы видели, заключается в том, что в первой стране вся экономическая политика состоит в эгоистическом самоуправлении капитала посредством биржи, сполна подчинившего себе государство и, в свою очередь, подчинившегося нескольким биржевым царям, капиталы коих, безгранично приумножаясь, сковывают золотыми цепями труд не только данного народа, но и всех имеющих нужду в готовых капиталах, заимствующих их у этих биржевых царей.

Во второй стадии экономическая государственная политика состоит (или должна состоять) в том, что весь народный мир, в лице своей государственной власти, вступает благожелательным посредником между трудом, знанием и капиталом, обеспечивает полную свободу каждому из них, но оставляет за собой власть удерживать эти экономические элементы в надлежащей гармонии, не давать несправедливого преобладания какому-либо из них. Одновременно с этим государственная экономическая политика имеет целью, помогая наилучшей постановке и производительности труда, сбережению и накоплению частных капиталов, увеличивать всеми мерами достояние собственно государственное, то есть всенародное, мирское, имеющее значение запасного капитала на случай чрезвычайных государственных расходов или народных бедствий.

Первая часть вопроса лежит, собственно, вне области денежного обращения, предмета нашего исследования.

Поэтому о ней скажем вкратце: исключив из общественной жизни, посредством изъятия из обращения процентных бумаг, биржу с ее игрой, государство тем самым раз навсегда лишает капитал экономического, политического и всякого иного преобладания, распускает армию рантьееров, развенчивает биржевых князей и царей и ставит свободный капитал лицом к лицу со свободным трудом, предоставляя им при посредстве государственных финансовых учреждений (или помимо их) вступать в любовные сделки и равноправно обмениваться услугами, добросовестно вознаграждая третий экономический элемент, – знание, служащее им оплодотворяющей силой. Капитализму, то есть господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе – социализму.

Другая сторона вопроса лежит непосредственно в области государственного творчества и тесно связана с денежным обращением. На ней поэтому придется остановиться с большим вниманием.

У западного парламентарно-биржевого государства, кроме случайно уцелевших, как наследство старины, государственных земель и лесов, собственно говоря, нет никакого мирского, всенародного имущества (морская и сухопутная оборона едва ли может считаться имуществом), а потому нет и никаких иных ресурсов, кроме некоторых регалий (например, монетная), монополий (например, почтовая, телеграфная, табачная) и налогов разнообразного вида и характера. При всяком поэтому чрезвычайном расходе приходится пользоваться или специальным, если есть таковой, военным фондом (в случае войны), или устанавливать новые налоги, или делать займы, то есть закладывать налоги будущие, внося в будущие бюджеты проценты и погашения по займам. Других ресурсов у этого государства нет никаких, потому что нет никакого творчества, потому не может быть и другого исхода, в случае крайности, как займы или новые налоги.

У государства самодержавного, уничтожившего биржу, усвоившего абсолютные деньги и работающего при помощи системы ссуд и вкладов, как посредник, и системы

государственных предприятий при помощи мнимых капиталов, как инициатор, – останется в качестве своей государственной или, что то же самое, всенародной, мирской собственности вся та доля прироста и образования капиталов, которую у парламентарного государства отнимает биржа для образования ротшильдовских богатств.

Поясним это примером.

Представим себе, что страховое дело монополизировано государством. Это и практически давно пора было сделать, тем более, что у нас есть блестящий пример государственного страхования в Царстве Польском. Получается огромное облегчение для страхователей вследствие удешевления администрации, устранения необходимости заграничных перестрахований, и у государства остается весь тот доход, который в настоящее время идет акционерам русским и заграничным (по перестрахованию). По самой малой оценке этот доход не ниже 10–15 миллионов (цифр под руками у нас, к сожалению, нет).

Далее. Вернемся к примеру железной дороги, выстроенной на мнимый капитал, то есть на выпущенные знаки. Знаки эти усилили в необходимой степени народное обращение, и жечь их не приходится. Дорога – собственность государства, и весь остаток дохода, за расходами эксплуатации – чистый доход государства. Кому шел раньше этот доход? Акционерам, давшим свои готовые капиталы. Кто стоял над акционерами, ощипывая избытки их доходов путем биржевой игры? Господа X, Y, Z, маленькие доморощенные Ротшильды, знавшие ходы в “сферы” и умевшие узнавать то, чего не знала в данный момент биржа. Подводя итог всей операции, мы увидим, что государство 1) устранило акционерное, всегда своекорыстное предприятие, побудив акционеров искать помещения своих денег, тихого и нерискованного, во вкладах; 2) лишило наживы спекулятивный элемент на бирже; 3) парализовало образование миллионов у какого-нибудь Полякова, переводя эти миллионы во всенародное, мирское достояние, в государственный запасный капитал.

Третий пример: где-нибудь на Мурманском берегу открыты серебряно-свинцовые месторождения. Трое солидных горных инженеров, составив товарищество, просят у правительства ссуду на эксплуатацию этих рудников. Дело совсем новое, оплодотворяется спавший доселе труд, следовательно, мнимый капитал вполне у места. Дается ссуда из вновь выпущенных кредитных билетов (или из вкладов, ибо вклады при оживлении дел и требовании на них пополняются всегда вновь выпущенными знаками). Устанавливается процент и погашение или предприниматели признаются государственными арендаторами. И в том, и в другом случае то, что в политической экономии называется “долею барышей капитала”, осталось государственным всенародным достоянием.

Никто не помешает тем же инженерам воспользоваться услугами не мнимого, а настоящего, реального частного капитала и войти с ним в добровольную сделку. Разница будет лишь в том, что частный капитал более склонен бояться риска, ибо у его владельца нет охоты лично ехать на Мурман и нет тех средств контроля, какими располагает государство. Кроме того, мнимый капитал удовольствуется гораздо меньшим, ибо ему важен не столько размер дохода, сколько пробуждение спавшего народного труда и дальнейшая всенародная польза от дела.

Таким образом, мнимые капиталы, пускаемые в оборот государством, и реальные, то есть частные, капиталы будут работать параллельно, не мешая друг другу, и в этом именно и будет заключаться здравая и справедливая экономическая политика. Они не будут мешать друг другу, ибо их цели совершенно различны. Государству важно оживить и улучшить народный труд и создать новое имущество, которое может давать доход хотя бы лишь в отдаленном будущем: государству есть время ждать. Частному капиталу важно заработать немедленно, то есть получить больше, чем ему платят на вкладе. Ясно, что первые капиталы экономическая политика направит хотя и на мало доходные, но государственно-полезные дела, вторые пойдут на дела, государству безразличные, но более

доходные. Элеваторы, порты, железные дороги, первые (в каком-либо деле) фабрики будут строиться на мнимые капиталы, то есть или прямо государством, или при поощрении со стороны государства; подгородные конки, подъездные пути, сельское хозяйство, фабрики, заводы, мастерские будут оборачивать капиталы реальные.

Если мы только представим себе мысленно, какое огромное количество народного труда в России может быть быстро вызвано вот этими мнимыми капиталами, мы легко поймем, как быстро, даже при крайнем бескорыстии государства, скопятся в его руках огромные запасные средства. Вспомним, что наш стомиллионный народ полгода сидит без дела, а остальные полгода, кое-как ковыряя землю, едва-едва вырабатывает себе годовое пропитание. Вспомним, как выколачивают из него ничтожные, сравнительно, налоги! Вспомним, как ничтожно его потребление и обмен по его совершенной нищете, и мы поймем, что, примись этот народ работать как следует (а он, как мы видели, не может, ибо нет инструмента – денег, ибо деньги спрятаны в процентные бумаги и акции), та доля, которая будет падать на мнимые капиталы, ссужаемые государством, быстро станет выражаться в сотнях миллионов рублей.

Чтобы выразить в одной формуле роль здесь экономической политики государства, скажем так.

Государство не отнимет у частного капиталиста, ищущего производительного помещения своих капиталов, ничего кроме власти, которую на Западе создает капитал и передает бирже. Оно ограничит затем у капитала всякую возможность хищной, спекулятивной наживы, не даст возможности возникнуть Ротшильду и на место его хищных капиталов, ищущих миродержавства, выставив в балансе свои собственные запасные средства, переведет в христианскую мирскую собственность всей православной Руси величины, соответственные тому или части того, что грабят у западного человечества евреи и на чем они же основывают свою над ним так непомерно растущую безнравственную и погибельную власть.

Вот тут-то, размотав этот несчастный клубок до конца, мы и увидим, что эти колоссальные собственные запасные средства государства не только позволят совсем обойтись без всяких займов и процентных бумаг, но по мере своего роста дадут возможность государству, несмотря на постоянное возрастание своего бюджета, приняться за постепенное облегчение существующей податной тягости.

Да, вот одна из великих задач, совершенно не разрешимых при золоте и господстве биржи, и наоборот, очень легко разрешимая при творческой государственности, усвоившей абсолютно-денежное обращение! Налоги, составляющие государственный бюджет, представляют всенародную складку для произведения необходимых государственных расходов. Образованием собственных, то есть безличных, всенародных источников дохода можно заменить известную часть этих прямых сборов, падающих лично на граждан или на их личные имущества. В научном отношении неважно, какая именно доля налогов будет замещена собственными доходными источниками государства, важно установление принципа, указание пути к этому возможному замещению. А принцип этот, думается нам, установлен довольно твердо и выражается в нашем десятом тезисе.

При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Относительно последней, о которой мы еще не упоминали в нашем исследовании, пока можно сказать, что она изменится в смысле ее подвижности, как органическая часть центрального денежного учреждения. Коль скоро государство возьмет в свои руки истинное управление денежным абсолютным обращением и создаст для этого соответствующие органы, в его руках очутится сама собой монопольная торговля драгоценными металлами, являющимися орудием расчета международного. Другими словами, этот центральный государственный орган будет устанавливать курс на золото.

Коль скоро это достигнуто, всякий таможенный тариф теряет значение. Объявлением курса можно ежедневно

регулировать привоз и вывоз товаров, и это установление курса в руках твердой национальной политики будет оружием неизмеримо более острым и гибким, чем тяжеловесный и малоподвижный таможенный тариф.

Подробно исследовать этот частный вопрос денежной системы здесь не место, и мы надеемся вернуться к нему со временем, когда придется подвергнуть анализу дальнейшие выводы и последствия, проистекающие из нашей истории.

XXI

Нам остается рассмотреть теперь последние вопросы, составляющие органическую часть исследуемой нами денежной системы.

Необходимо, во-первых, указать, в каком виде должны находиться те запасные средства государства, которые представляют мирское всенародное имущество, которые служат фондом на разные экстренные расходы, являющиеся в государственной жизни, и не только позволяют вовсе не прибегать к займам, но, наоборот, постепенно возрастая, дают возможность постепенно убавлять прямую податную тягость народа.

При золотой валюте такого рода запасные средства государства могут составлять, главным образом, вернее, единственно, в запасах золота в кладовых национального банка. Земли, леса и всякое другое имущество нетворческому государству совсем не нужны или бесполезны, ибо биржевой режим совершенно последовательно противится всякой государственной собственности. Государству, изображающему только внешний порядок, нечего делать с недвижимыми имуществами, которыми биржа распорядится гораздо лучше, которые она сумеет двадцать раз перебросить из рук в руки, сделав их предметом разнообразнейших спекуляций. Такое государство, даже получив недвижимость, должно стремиться поскорее от нее

избавиться как от чего-то, его роли явно не соответствующего.

Да и самый золотой фонд может быть нужен только для двух целей: для обеспечения денежного обращения, и в этом смысле он опять же принадлежит не государству, а выделенному из него национальному банку, и для военных целей. Только последний фонд, совершенно особый, и может в строгом смысле считаться запасным государственным капиталом.

Государство, работающее при системе абсолютных денег, очевидно, никакого запасного капитала в денежных знаках иметь не может. Оно выше денег, оно творит их само и, следовательно, оно не может ни считать бумажки капиталом, ни помещать в них что бы то ни было. Бумажки для такого государства в лице его государственного ли казначейства или центрального государственного банка суть мнимые величины, инструмент расчета, но никак не деньги. Бумажный рубль рождается в момент перехода из рук государства в руки подданного и умирает, войдя обратно в государственную кассу. Там, в этой кассе, это костяшки на счетах, это квитки, обернувшиеся в хозяйстве, марки в булочной Филиппова. Там важно иметь этим рублям строжайший учет, но полагать в них какую-то внутреннюю силу – нелепо.

Но если запасы государства не могут быть в деньгах, то считаться они все же не могут иначе, как на деньги.

Золото в качестве запасного фонда тоже может иметь лишь значение крайне ограниченное, и притом условное. Золото есть товар, без которого во внутренних сделках и торговле страна может почти вовсе обойтись (предметы роскоши в трудную минуту для народа теряют значение, остается только потребность в хлористом золоте для фотографии и, кажется, для медицины). Необходимость в золоте является только при необходимости покупать что-либо у иностранцев, и то только тогда, когда обмен с ними товаров дает баланс не в нашу пользу. Для страны, экономически самодовлеющей, то есть имеющей все продукты, ей нужные, внутри своих границ, такой надобности вовсе не представится при некоторой предусмотрительности. Для

России, в частности, потребуется очень немного. Подробный разбор этого любопытного вопроса читатель найдет в нашей книге “Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве” в главе “Война и кредитный рубль”, где в свое время мы обстоятельно разобрали, какие пустяки нужны нам из-за границы, и прямо отрицали необходимость золота для войны. Если, говорили мы, война победоносна и идет на неприятельской территории, мы посылаем свой хлеб, а все остальное берем путем реквизиций у побежденных. Если война менее счастлива и идет в наших границах, мы опять же кормим армию своим хлебом, а за остальное, ей нужное, платим кредитными знаками, учитываемыми впоследствии. Только современное наше неустройство ставит нас в зависимость от иностранцев, например, отчасти в оружии, в селитре, в свинце. Чтобы заготовить все это и иметь возможность дальше покупать во время войны, мы должны иметь некоторый запас золота, то есть международных денег. Золото же это может быть добыто как из собственных рудников, так и из-за границы, накапливаясь постепенно в руках казны как избыток платежей иностранцев нам против наших платежей им; или, наконец, если война застанет малый военный фонд, как заем у них, который, во всяком случае, из первых же свободных количеств золота или иных продуктов должен быть впоследствии погашен.

Чтобы определить характер запасных средств государства, необходимо рассмотреть, для чего эти запасные средства могут быть нужны. Про войну мы уже говорили. Остаются: внутренние народные бедствия, как неурожай, разного рода стихийные несчастья, эпидемии, эпизоотии и т. п.; государственные предприятия, имеющие не столько творческий (производительный), сколько оборонительный характер (например, лесонасаждение, борьба с обмелением рек и т. п.). Наконец, весьма важное значение запасных средств: расширение государственных расходов, то есть рост расходной росписи и постепенное уменьшение податной тяготы населения.

Из внутренних бедствий самое страшное – неурожай. Разумеется, дело идет здесь только о хлебе на

продовольствие и на семена. Ясно, что единственный фонд здесь государственные хлебные запасы. Неурожай и громадный подъем цен в 1891 году выяснили вполне этот вопрос. Мысль П. П. Зубова, васильского предводителя дворянства – вот прекрасная организация дела. Добавим сюда, что внутренняя торговля хлебом должна быть свободна, а весь вывоз должен составлять монополию правительства, которое может *en grand* торговать, совершенно не поддаваясь давлению любой европейской биржи, а наоборот, производя само могущественное давление на хлебных потребителей. В случае войны правительственные хлебные запасы окажутся поистине благодетельными и чрезвычайно упростят и удешевят продовольствие армии. В мирное время только при посредстве массовых покупок правительством хлеба в свои элеваторы и можно поддержать, где нужно, цены, ставящие сельского хозяина иногда в критическое положение. Более подробные объяснения в нашу программу пока не входят.

Борьба с эпидемиями и эпизоотиями по их преимущественно местному характеру является вопросом до некоторой степени спорным: государственное ли это в экономическом смысле дело? Не достаточно ли для государства иметь лишь распоряжение и руководство в этой борьбе, возлагая все расходы на органы местного самоуправления и их запасные средства? Но, если бы государству и пришлось уделить на это собственные свои средства, то самое рациональное заимствование их из кассовой наличности вкладов, не включая вовсе в роспись, а возвращая вновь на вклад из образующихся свободных средств, то есть их будущих сверхсметных доходов.

Совершенно то же и при всяком ином государственном чрезвычайном расходе, хотя и вызывающем некоторый народный труд, но не рождающем его, а только претворяющим труд готовый. Спасение реки от обмеления ничего не создаст вновь, а только поддержит существующее, и те же рабочие руки, может быть, с еще большей пользой были бы заняты на другом деле. Здесь народный труд не только не оплодотворяется, но, пожалуй, даже тратится непроизводительно, по нужде, расходуется

из запаса, а потому мнимые капиталы никакого приложения иметь не могут. Ясно, что этот запас только и может быть в том же виде, что и запас всякого иного рода частного труда (капитал – концентрированный труд), то есть во вкладах в центральном учреждении народного хозяйства. Труд, потребный в этом случае правительству, угнетает до известной степени частный труд на рынке, и это математически точно выражается в угнетении коммерческой операцией казны коммерческих операций частных лиц в учреждении, ведающем вкладами и ссудами.

Поэтому и эта часть государственного запасного капитала не может быть помещена ни в чем ином, как во вкладах. Соответственное учреждение окажется здесь истинным регулятором, с точностью указывающим взаимное соотношение капитала и труда государственного, мирского с капиталами и трудом частных лиц. В этом соотношении и будет лежать истинный государственный запас специального назначения.

Поясним это примером.

Десять лет подряд правительство, допустим, вносило на вклады, ставя в свою смету, скажем, по 3 миллиона рублей на улучшение рек. Образовался фонд в 30 миллионов рублей. В данном году эта сумма вынута и истрачена на реки. Никаких замешательств в денежном обращении не произошло, ибо выем этих денег отразился на денежном обращении как раз настолько, на сколько отвлечение на реки массы рук отразилось на промышленности и земледелии. Иначе и быть не может, ибо при системе ссуд и вкладов все денежное обращение является точнейшим отражением явлений жизни, то есть относительного положения в данную минуту труда и капитала.

Таким образом, и самая идея государственного запаса, или запасного капитала в остальной его части, то есть кроме золотого фонда и хлеба, сводится на запас труда, выражаемого в тех же денежных, то есть ценовых единицах, в которых выражается труд и запасы труда, то есть капиталы у всех граждан государства. Другими словами, пока государство оплодотворяет труд, оно выдает под него авансы, то есть печатает знаки, но имея дело с запасом труда

готового, оно становится в ряд со всеми отдельными гражданами и хозяйничает, как и они, меряя на ту же единицу и проходя сквозь тот же регулятор.

Как и они, государство, вооруженное лишь колоссальным творчеством, непрерывно богатеет, то есть располагает все большим количеством продукта и запасного труда. Как и частный капиталист, оно быстро переходит за ту черту, где даже роскошная жизнь не поглощает всех доходов. Капиталист продолжает богатеть или начинает дарить свои излишки согражданам [\[16\]](#) или, наконец, начинает давить своим капиталом, создавать свою власть и миродержавство, если есть для этого орудие – биржа (например, Ротшильды). Государство, изображающее всенародный мир, начинает равномерно облегчать податную тяжесть своих граждан, убавляя или вовсе отменяя некоторые налоги (Соединенные Штаты). По существу, это один и тот же процесс, регулируемый нравственный началом, коего применение чрезвычайно облегчается основанными на чисто нравственном же начале абсолютными деньгами.

XXII

Чтобы закончить настоящее исследование, нам остается выразить в кратких чертах ту экономическую политику, которая, будучи основана на абсолютно-денежном обращении, может создать наилучшие материальные условия для страны, установив истинно свободные и справедливые отношения между тремя основными экономическими элементами: трудом, капиталом и знанием и представив государству как всю подобающую ему (на Западе узурпированную капиталом) власть, так и подобающее ему творчество вместе с его результатом – собственными, то есть мирскими, всенародными средствами.

Прежде всего эта экономическая политика должна на основании изложенных начал установить сеть учреждений, соответствующих абсолютным деньгам. В основу этих учреждений должен быть положен принцип строгого

разделения хозяйства собственно государственного (расходы управления, просвещения, обороны, суда и пр., словом, расходы по росписи) от хозяйства народного, оживляют и денежное обращение, народный кредит или в широком смысле управление народными капиталами и трудом.

Сеть учреждений поэтому расположится так.

Наверху отдельно стоящее учреждение, ведающее государственной росписью, то есть расходами и приходами государства, а также его собственными капиталами и доходами, являющимися долей государства как результатом оплодотворенного народного труда. Это будет в строгом смысле Державная Казна, соответствующая в принятой у нас терминологии части Министерства финансов, Государственному Казначейству.

Рядом в совершенной независимости от первого учреждение, ведающее денежным обращением, народным кредитом и денежной частью всенародных государственных предприятий. Это будет Большая Казна, или по современной терминологии – Государственный Банк.

Внизу, в областях (губерниях) и уездах, должны быть Приказы Большой Казны (отделения Государственного Банка первого и второго разрядов, слитые вместе с уездными и губернскими казначействами). Сеть этих учреждений должна быть одна, несмотря на одновременные их операции с частыми и государственными суммами. Так как счет ведется на одинаковую единицу и движение денег одинаковое, то никакого затруднения в счетоводстве быть не может, а между тем при подобном единстве Большая Казна может в любую минуту с величайшей точностью иметь все данные как об общем денежном обращении, так и о специальном состоянии счетов Державной Казны.

Главная задача Большой Казны – управление денежным обращением посредством приема повсюду во всех своих приказах вкладов, выдачи повсюду же ссуд, установление повсюду земледельческого, торгового и промышленного

кредита, а также и посредством выпуска в обращение и уничтожения излишних денежных знаков.

При таких условиях всевозможные частные и общественные или акционерные банки становятся совершенной аномалией и не потому, между прочим, чтобы государство стало их преследовать или закрывать, а по невозможности конкурировать с совершенно бескорыстным государственным кредитом, довольствующимся самым небольшим чистым доходом в запасные средства государства. Для частного кредита останется лишь одна форма при известных условиях, может быть, еще более выгодная – это общества взаимного кредита.

Кредит государственный уже потому исключит кредит частный, понудит, так сказать, частный капитал пройти сквозь вклады, что в местных приказах примут живое и деятельное участие (оформленное весьма широко уставом) всевозможные самоуправляющиеся местные земские, городские, сословные, торговые и промышленные учреждения и частные союзы и общества. Даже самое установление ссудного и вкладного процентов будет принадлежать местным приказам с ведома и согласия, разумеется, центрального учреждения.

Такова схема организации денежного обращения, в тесной связи с которой будет и экономическая политика государства, уже обрисованная в общих чертах в предыдущих главах и здесь лишь кратко формулируемая.

Эта экономическая политика, во-первых, должна пробуждать народный труд и улучшать формы существующего. Достижимо это посредством как мнимых, так и реальных капиталов, создавая на тех и других льготный, простой и доступный всякому трудящемуся кредит. При всем разнообразии его форм, преобладающими типами будут: кредит земледельческий, ипотечный и мелиоративный, – долгосрочный, с неизменным на долгое время ссудным процентом. Соответственно этому кредиту имеются и капиталы, ищущие особенно долгого, иногда вечного и прочного помещения. Таковы капиталы различных учреждений, по своему нравственно верному и

неподвижному характеру как раз отвечающие прочному и взаимному ипотечному кредиту. Кредит земледельческий и промышленный оборотный, с более короткими сроками, чем ипотечный, но все еще с долгими сроками, дающий возможность выдерживать на складе запасы произведений и товаров. Ему соответствуют и менее долгосрочные вклады, представляющие капиталы частных лиц или запасные капиталы общественных учреждений, союзов, промышленных предприятий. Наконец, кредит торговый, учетный, с краткими сроками. Ему соответствуют и краткосрочные вклады, или текущие счета.

Включение уездов в сеть учреждений Большой Казны даст полную возможность развивать и сельский кредит, оживить множество небольших крестьянских и владельческих предприятий и создать столь необходимую зимнюю работу русскому народу. Пусть всякое крестьянское товарищество, всякий отдельный крестьянин или сельский мир имеют право кредитоваться и долгосрочно, и краткосрочно, при гарантии в смысле солидности начинания, хотя бы на самые малые суммы, и пусть не возражают, что этот вид кредита потребует чрезвычайно сложной бухгалтерии в уездном приказе и большого персонала. Если бы нынешние уездные казначейства с одним казначеем-бухгалтером и двумя-тремя писарями, ничего иного не знающими, как выдавать жалованье, оплачивать купоны и принимать налоги от старост и старшин, обратились в огромные палаты с многочисленными отделениями и множеством служащих, это означало бы только, что уезд делает огромные обороты, что он живет. Очень возможно, что практика вызовет вскоре и новые, еще более мелкие учреждения, подведомственные Большой Казне, – кредитные учреждения приходские, когда же станет, наконец, приход, а не бумажная волость низшей административно-земской единицей?! Но это уже частности.

Возвращаемся к экономической политике. В области денежного обращения ее вторая формула: увеличивать собственные средства государства, то есть капиталы и запасы всенародные. Центральным органом здесь является также Большая Казна, эти капиталы создающая и

управляющая их обращением, и займет Державная Казна, их расходующая, вместе с теми средствами, которые собираются с народа на расходы государственные.

Мы уже достаточно выяснили, кажется, способ и условия образования и помещения государственных запасных капиталов. Здесь может идти речь только о счетоводстве и об операциях с ними Большой Казны. Капиталы эти будут, очевидно, на вкладах наравне со всякими другими общественными и частными капиталами, но в банковской деятельности учреждения их значение ввиду несколько особого их характера будет иное. Запасы народного труда, в них выраженные, в общих оборотах казны будут тем же, чем балласт на корабле; при усиленной нагрузке излишний балласт снимается, но он же необходимо увеличивается при нагрузке малой, дабы придать судну надлежащую осадку и, следовательно, надлежащую устойчивость.

Переводя этот пример на формы государственного хозяйства, его можно выразить так: государственные запасные капиталы, выражающие концентрированный народный труд в распоряжении Державной Казны, представляют в операциях Большой Казны подвижный, сжимаемый и расширяемый по требованию минуты элемент. В тяжелую для государства минуту это прямо расходуемые запасные средства (от чего, разумеется, пострадают косвенно текущий труд и капиталы, но ведь тем же и отличается трудная минута); в спокойное время при оживлении народного труда капитал этот должен возрастать, то есть налоги быть больше, в обратном случае, то есть при застое, налоги должны уменьшаться. Вот формула, совершенно не известная западной финансовой теории, но представляющая прямой вывод из нашей теории абсолютных денег. Согласимся, что подобный регулятор представляет для государства огромную важность, ибо три рубля, взысканные с гражданина, выгодно работающего, легче для него иногда, чем рубль, взысканный с него же в минуту кризиса. А западная финансовая система дает как раз обратное. Именно в минуту, тяжелую для граждан, и должны увеличиваться их жертвы на свою государственность.

XXIII

Мы были бы несправедливы к представителям западной науки, если бы вздумали приписывать исключительно русской мысли возникновение и развитие вышесказанных здесь положений. Среди западных экономистов совершенно особняком стоит великий немецкий мыслитель (хотя и славянского происхождения) Родбуртус-Ягецов, который в одном из своих превосходных трудов с величайшей ясностью охарактеризовал денежную историю человечества и прямо высказал мысль о бумажных деньгах как о завершении его трудного и болезненного финансового развития. Это не глубокое и подробное научное исследование, это лишь беглая заметка в форме объяснительного примечания к другому труду, но это примечание стоит томов. Вот оно.

“Деньги, как ликвидационное средство разделения труда, развиваются по трем главным историческим моментам. Сначала они еще вполне товар, затем они служат уже только показателем цены и удерживают свое качество товара только для того, чтобы правильно показывать.

В-третьих, они не нуждаются уже более в товарном качестве, но не суть еще исключительно только квитанция и перевод. Эти три фазы денег вполне соответствуют трем хозяйственным фазам (то есть ойкос, или семейно-родовое хозяйство, полис, или хозяйство земледельческо-городское, и современное государство). Пока оборот имуществ покоится еще на тяжело обращающемся механизме денег, которые словом *rescunia* напоминают о своем происхождении и, следовательно, существуют ли они еще в быках или уже в золоте, сами еще обращаются вместе как товар, до тех пор все еще существует натурально-хозяйственное положение, хотя бы обращающиеся суммы составляли тысячи фунтов золота (или 683 вагона французского национального банка), как они обыкновенно также и циркулируют в действительных весовых фунтах... Если же затем деньги приобретают в большей мере значение показателя и удерживают свое товарное качество только еще как предполагаемое ручательство за

правильность показания, то есть это качество товара исполняет еще только субсидиарную задачу быть регулятором потребления, равномерного с производством, тогда натурально-хозяйственное положение вытесняется денежно-хозяйственным, но оно пока еще только именно денежно-хозяйственное, а не кредитно-хозяйственное. Таковое положение денег в нашем нынешнем состоянии: товарные обороты гораздо менее совершаются посредством денег, чем вычисляются на деньги, сравниваются с последними. Деньги же в качестве товара выступают только еще как конечный регулятор ценности (точнее, как единица измерения – *Авт.*). Между тем кредитно-финансовый характер обнаружится только тогда, когда деньги сделаются исключительно только квитанцией, переводом, когда они окончательно выбросят за борт свое товарное качество и в состоянии будут сделать это по той причине, что тогда будут уже существовать такие социальные учреждения, которые позволяют оказывать полное доверие даже такому нефундированному (необеспеченному) показателю цены. Насколько еще лежит в будущем осуществление этих условий, настолько еще мы удалены от наступления кредитно-хозяйственного периода”.

Вот блестящее изложение научно-экономическое и философское подтверждение изложенной нами в этих статьях денежной теории. Мы начали именно с того, на чем остановился великий экономист. Дело в том, что наши бумажки историческим путем уже стали абсолютными деньгами, разошлись с золотом и совершенно утратили свое значение денег-товара. На Западе еще во всей силе продолжается период товарно-денежного хозяйства, у нас уже совершился переход к абсолютно-денежному хозяйству. Те условия, о которых мечтал Родбертус, то есть необходимый элемент доверия и соответствующие учреждения, у нас наполовину имеются. Непокколебимое доверие к верховной власти налицо, на нем построен весь наш государственный быт.

Недостает надлежащих финансовых учреждений, но их не так трудно создать. Зачем же возвращать Россию к

пережитому ею и, по меткому выражению Родбертуса, выброшенному за борт денежному хозяйству? Зачем добиваться и искать того, чтобы золото, переставшее быть у нас деньгами и ставшее ценным товаром и деньгшш только международными, вновь овладело нашей финансовой системой? Не мешайте естественному прогрессу (в хорошем смысле), не мешайте России идти по тому пути, по которому Бог, видимо, ведет ее впереди других племен и народов, заставив, хотя и со страшной болью, выработать (или подойти к выработке) идеальную политическую форму государственности и теперь, принуждая вырабатывать новую и совершеннейшую, чем где-либо, денежную систему. Повторяем: будем глядеть вперед, а не назад.

К золоту мы не вернемся и вернуться не можем. Утешимся. Золото – отжившая рабская и языческая форма денег. Рабская потому, что приводит естественно к господству капитала над трудом, еврея над христианином, биржи над церковью.

Языческая потому, что золото-деньги исключают нравственную роль государства. России предстоит с болью, с жертвами, недоразумениями и ошибками, конечно, выработать систему христианских денег, то есть таких, при которых денежный знак является безусловно послушным орудием в руках христианского государства и не искажает форм труда и нравственных основ христианского общества, а мы, словно евреи вокруг золотого тельца, плачем и рыдаем, что история разрушает этого божка...

Вот почему мы повторяем с особенной настойчивостью: будем же, наконец, смотреть на деньги как на орудие учета народного труда, знаний и капитала. Только этот ясный и простой взгляд выведет нас из тех финансовых дебрей, в которых беспомощно бродят господа Гурьевы и К°, предлагая проекты, один другого страннее и нелепее. Поймем же, наконец, что нам нужно одно-единственное условие.

Найти денежную единицу, которая была бы постоянной сама по себе, а не по отношению к золоту.

Эта единица у нас есть. Ее дала нам история. Это бумажный рубль, выпускаемый верховной властью. Условия его постоянства определены нами подробно раньше. Постоянство это – его нейтральность, его безразличие, его невмешательство в те сделки, которые при помощи его совершаются. Чтобы это условие было достигнуто, рублей в каждой точке русской территории нужно налицо столько, сколько потребует жизнь. Если этих рублей меньше, недостаток их давит труд, знание и капитал в одну сторону. Если их больше – в другую. Спасение от зла – устройство правильных органов денежного хозяйства, где рубли рождаются, действуют и исчезают совершенно автоматически, то есть как перевод, как квитанция, а не как самостоятельный товар...

XXIV

Теперь, надеемся, оправдан и наш последний, одиннадцатый тезис.

Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных деньгах, изменит самый характер современного русского государственного строя, освободив его от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

В самом деле: бумажные деньги при стройности и полноте учреждений и надлежащей экономической политике являются удивительным организатором и счетчиком народного труда. При бумажных деньгах только и возможна идеальная свобода как государства, так и его отдельных граждан от всякого попользования с чьей-либо стороны узурпировать власть. Эта власть остается за тем, кому она исторически принадлежит, и остается в ее чистом, свободном виде.

Такая власть, отданная добровольно, являющаяся тяжким бременем, великим подвигом, а не торжеством, не целью, и будет истинно христианской, а освобождение трудящихся и сберегающих от биржевого насилия, хищной еврейской

власти золота и неминуемых социальных катастроф будет тем торжеством христианской цивилизации, которую утратил Запад и духовно, и научно, и экономически сбившись с дороги.

Да, читатель! Позвольте в заключение этих бесед высказать нашу главную, основную руководящую мысль. Христианская истина, неся человечеству свет истинной свободы, одна, только одна способна дать критерий и для христианской политики, и для христианской экономики. Отживающая и подошедшая к абсурду и самоубийству цивилизация Запада характеризуется тем, что во всех областях, мало-помалу, поставила основой грубый, бессмысленный и злой физический закон необходимости.

Этот закон материализма, двинув вперед науки точные и создав великие успехи техники, овладел затем и душой человека, убил ее свободу, отрекся и от самой души, низложил в гордыне своей Творца и Спасителя душ. Дальше идти некуда... Побежденные стихийные силы в природе воскресли в буйствующей душе человека и погубили ее. Для западной цивилизации уже начинается тьма, небытие. У динамита нет ни мысли, ни оправдания, ни философии. Его девиз один – гибель всему. И Запад гибнет в страшных конвульсиях. Припомните Сантандер и Барселону, прочтите письма маленького, ничтожного и бесцветного анархиста Лотье, вонзившего ни с того, ни с сего нож в сербского посланника Георгиевича, и вы увидите, что это наивное признание дикаря – последнее строго логическое слово западной цивилизации, эпитафия над ее могилой.

Да, эта цивилизация погибла. Ее когда-то гордые носители, ее изжившие и пережившие, с надеждой и детской радостью встречают в самом всемирном центре этой цивилизации грядущую другую, жадно ловят новый свет с Востока. И эта цивилизация идет совсем новая, совсем другая, с другим основным законом, законом свободы во Христе. Задача этой цивилизации – вернуть вновь в подчинение стихийные силы, сложить вновь к подножию веры слепой закон необходимости, вознести и очистить душу человеческую.

Экономия и финансы – суть великие орудия общежития человеческого. В руках у закона необходимости они

приспешили лишь смерть цивилизации Запада. Освещенные и согретые законом христианской свободы, они возродят наше общежитие и создадут и истинную государственность, и истинную христианскую цивилизацию. Падет биржа, ставшая Церковью, и воссияет истинная Христова Церковь.

РОССИЯ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

*Письма из поездки в составе экспедиции министра
земледелия осенью 1894 года*

І. Новороссийск и “Нахаловка”

Чтобы как следует ознакомиться самому и быть в состоянии представить беглую, но правдивую картину нашей важнейшей южной окраины, лучше всего было воспользоваться редким случаем – проездом по Черноморскому, Сухумскому и Батумскому округам министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова. Я получил возможность присоединиться к этой экспедиции и проехать с ней сухим путем от Новороссийска до Сухума, а затем через Батум и до Тифлиса.

Сопровождали министра следующие лица: уполномоченный министра на Кавказе, д.с.с. Я. С. Медведев, директор Ботанического сада в Петербурге, д.с.с. А. Ф. Баталин (ботаник), секретарь министра Л. П. Забелло, вице-директор Лесного департамента В. А. Тихонов, воронежский землевладелец С. Н. Гарденин, приват-доцент Московского университета Д. Н. Прянишков (агроном), С. Е. Симанович, Аф. М. Коншин (геологи). Кроме того, чины управления Черноморского округа по Министерству земледелия:

управляющий государственными имуществами Кубанской области Я. К. Васильев, ревизор округа А. Т. Николаев, лесничий К. Н. Красовский; представители местной администрации: начальник округа, полковник Г. И. Соколов и начальник новороссийского участка П. Д. Дубовик. К этой свите я присоединился в Новороссийске, и после дневки в этом городе и осмотра его примечательностей 2 сентября в экипажах экспедиция двинулась по шоссе по направлению к Сухуму.

Начинаю с Новороссийска.

Когда-то центр самостоятельной административной единицы, теперь окружной город Кубанской области, Новороссийск расположен вокруг замечательно живописной бухты, окруженной со всех сторон высокими возвышенностями; только с одной стороны, с северо-востока, открывается уходящая в глубь материка долина или, по образному кавказскому выражению, – щель, по которой от Екатеринодара спускается к бухте Тихорецкая ветвь Владикавказской дороги. Но и этой одной щели, благодаря ее особенному расположению, совершенно достаточно, чтобы на вечные времена испортить и бухту, и город, и сделать Новороссийск в иные дни совершенно невозможным ни для входа судов, ни для выхода из дома обывателей. Когда зимой бушует норд-ост, итальянский климат Новороссийска меняется сразу на сибирский. В бухту нельзя войти не только маленькой фелюге, но и большому пароходу, да и там можно потонуть или быть выброшенным на берег; извозчики прячутся, несчастные пешеходы держатся за телеграфные столбы, которые иногда тоже вырывает из земли. При этом зимой норд-ост сопровождает обыкновенно невиданная в других местах гололедица. На снастях среднего размера судна может намерзнуть от 6 до 8 тысяч пудов льда.

Летом при норд-осте поднимается отчаянная известковая пыль, разъедающая глаза и вызывающая всевозможные плевриты, бронхиты и даже воспаления легких.

Но зато при других ветрах, особенно при “моряке” или зюйд-весте, возвращается Италия, в декабре и январе ходят в одних сюртуках, а немного южнее города цветут розы.

Город делится болотом, примыкающим к морю и лежащим на дне “щели”, на две части: старый город, осужденный на медленное вымирание по собственной оплошности, и новый, вырастающий не по дням, а по часам. Но, кроме оплошности, и климатические условия нового города совсем другие, чем старого. Если смотреть из бухты, вся правая половина берега от болота и до цементного завода хоть сколько-нибудь прикрыта от норд-оста, гуляющего на полном просторе в левой половине.

Оплошность, обрекая старый город на гибель, очень характерна. Когда строилась Тихорецкая ветвь, управление дороги просило у города участок земли под вокзал близ города и обязывалась засыпать болото, производящее жестокие лихорадки. Городское управление в лице правителя и выборных депутатов отказалось от этого предложения, и вокзал построили за болотом, в трех верстах от города. Разумеется, вся местная жизнь и интересы начали сосредотачиваться у железной дороги, где и стал быстро вырастать новый город. Железная дорога выстроила, и в эту минуту доканчивает огромный элеватор, французская нефтяная компания “Стандарт” застроила целый квартал домами и службами и открыла лучшую в городе “Французскую гостиницу”. У самого элеватора и вокзала местные колонисты-чехи из дер. Мефодиевки стали сдавать в аренду под постройки частным лицам участки, и в самое короткое время вырос городок, получивший характерное прозвище “Нахаловка”, с жителями-нахаловцами.

По правде говоря, для этой части города трудно найти прозвище более меткое. В самом деле, сдача чехами под постройку городских участков была делом незаконным, так как мефодиевцы не были размежеваны с казной. Началось межевание, при котором по закону казна выделяла на каждый двор по 30 дес. земли. Остаток отрезался в казну. Таким образом оказалось, что нахаловская территория и ее обитатели стали незаконными поселенцами на казенной земле. И вот руководствуясь прежними примерами необыкновенно мягкого и гуманного отношения ведомства государственных имуществ к самовольным поселенцам,

появилось множество личностей, пожелавших воспользоваться неопределенным моментом перехода земель в казну. Захватывались участки и выстраивались дома буквально в одну ночь. Все это было сбито в кучу, строили где хотели, лишь бы скорее кончить и поставить перед казной своеобразный *fait accompli*. Что делать в самом деле с целым городом, выросшим из земли, как лопух?

Вопрос этот и сейчас еще не получил своего окончательного разрешения, но местный лесничий, наблюдающий за казенным участком, поступил очень остроумно: он предъявил иски к самовольным поселенцам и, конечно, выиграл все процессы числом около 70 и получил исполнительные листы. Теперь предположено, как мне передавали, распланировать этот участок под правильное городское поселение, и нахаловцам будет рекомендовано строиться по плану, уплачивая казне умеренную аренду. С исполнительным листом на выселение в руках, разумеется, переговоры пойдут гораздо успешнее.

Другая такая же “Нахаловка” образовывается на городских пустопорожних землях. Есть даже возникшие таким же путем “Нахаловские виноградники”.

Повсюду на южных склонах гор, окружающих Новороссийск, находятся превосходные места для виноградников. Морозы здесь не бывают более 10 градусов, а такую температуру виноград свободно выносит. Самое важное то, что ему не вредят ни засухи, ни здешние ветры, делающие фруктовое садоводство возможным только в совершенно защищенных щелях. Почва подо всеми виноградными местами пласты камня-трескуна, то есть глинистого мергеля, переслоенного серыми сланцами. Виноградники еще только закладываются, но вино этого района уже успело получить высокую оценку. В этой именно местности находится знаменитое удельное имение Абрау.

Но о виноградарстве, составляющем весь центр тяжести и все будущее здешнего хозяйства, мне придется говорить особо.

II. Наибольший в свете элеватор

До постройки новороссийского элеватора самым большим на свете считался элеватор Чикаго. Теперь новороссийский элеватор, построенный по проекту инженера Кербедзя обществом Владикавказской дороги, занял первое место[\[17\]](#). Так пояснил мне с гордостью управляющий и строитель элеватора инженер А. Н. Щенснович, самым любезным образом обведивший меня в течение трех часов по всем этажам и башням этого колоссального сооружения.

Устройство элеваторов описывалось неоднократно и очень обстоятельно. Хлеб, подвезенный на подводах или в вагонах, необходимо механически ссыпать, взвесить и очистить и затем или хранить до востребования, или механически же погрузить в вагоны или на отходящий пароход. Все элеваторы более или менее похожи один на другой, но новороссийский отличается тем, что при его постройке применены самые последние усовершенствования, из которых значительная часть не заимствована, а придумана, проектирована и исполнена на месте во славу русской техники. Вот на эти-то усовершенствования, делающие новороссийский элеватор последним словом инженерного искусства, я и обращаю преимущественно внимание читателя.

Элеватор в целом представляет очень сложную систему: центральный большой элеватор с девятиэтажной башней и связанные с ним четырнадцать меньших с восемью башнями. В этом лабиринте зданий, занимающих площадь более 15 десятин, легко заблудиться.

Главное отличие этого элеватора от других и вместе с тем гордость его строителей – это полное отсутствие всяких трансмиссий и ремней. Весь огромный и разбросанный по подвалам, башням и пристаням механизм приводится в движение электрической передачей. Все управление машинами сосредоточивается поэтому в одной комнате. Повернули рукоятку номер такой-то – послали электричество на башню такую-то и одновременно тронулась нория, поднимающая зерно вверх, двинулась соответственно бесконечная резиновая лента транспортера, передвигающая зерно в горизонтальном направлении, задвигались зерноочистительные машины.

Достаточно взглянуть на стены с рукоятками (коммутаторами) в машинном отделении, чтобы сразу охватить глазом всю работу на всем элеваторе и распорядиться ею по желанию.

Чтобы приводить в движение механизмы 9 башен и 11 звеньев транспортеров, было бы необходимо установить по крайней мере 20 паровых двигателей в 20 местах, причем работа их должна быть строгойше согласована между собой. Теперь все это заменено центральной паровой машиной, приводящей в движение динамо-генераторы, которые по проволоке рассылают электрические токи всем механизмам, где на электродвигателях электричество вновь преобразуется в движение и непосредственно ворочает механизмы.

Машинное отделение рассчитано на работу до 2000 действительных сил, которые будут давать 14 котлов. Сейчас еще не нужно столько силы, а потому установлена и работает лишь часть машин.

Динамо-генераторы и электродвигатели, конечно, самого последнего устройства (системы Брауна). Чтобы избежать поистине грабительских цен, запрашиваемых господами машино-заводчиками, управление Владикавказской дороги решило устроить собственную мастерскую электрических двигателей. Заказаны были в Москве у Гоппера только крупные чугунные отливки, отделка, сборка и обмотка были произведены дома, в Новороссийске. Получилась экономия против смет заводчиков на целых 300 тысяч рублей и, кроме того, полная уверенность, что обмотка и сборка сделаны хозяйственно, то есть не будет никаких остановок в работе. Электрическая мастерская работала так удачно, что ей же управление дороги поручило теперь устройство электрического освещения на главных станциях по линии.

– Но неужели же, – спрашиваю я, – такие фирмы, как Сименс и Гальске, пришлют плохие машины?

– Во всяком случае, хуже, чем сами сделаем. Посмотрите, как тщательно мы собираем, обматываем и изолируем. А заграничные заводы, я не скажу, чтобы были

недобросовестны, но попросту завалены работой и торопятся, почему и бывают большие промахи.

Подача хлеба из элеватора на пароходы до сих пор производилась целыми поездами особой железной дороги, насыпавшимися в элеваторе, проходившими по эстакаде в море и ссыпавшими зерно по трубам в трюм парохода. Теперь оканчивается длинная, саженей в 300, галерея, где зерно будет двигаться транспортером, то есть струей по бесконечной резиновой ленте со скоростью 9 тысяч пудов в час. Галерея почти готова.

Ввиду непривычки наших торговцев к обезличению хлеба при устройстве элеватора допущено большое отклонение от заграничных образцов. Склады поделены на сравнительно мелкие закрома от 450 до 900 четвертей емкости, сдаваемые в аренду частным лицам. Агенты экспортеров присутствуют также при механическом взвешивании хлеба.

Пока на элеваторе работы и хлеба немного. Пшеница в застое, отпускают один ячмень и немного кукурузы.

Мы поднялись на самый верх центральной башни, где помещаются головы главных норий, на 21,5 саженей над рельсами. Обширный чердак с асфальтовым полом и асфальтовым же потолком. На полу множество люков над отдельными закромами; над каждым люком можно установить воронку и быстро засыпать загром посредством транспортера. Люки закрыты решетками во избежание несчастий с людьми, что уже бывало: провалился раз человек и хоть не убился, но чуть не утонул в зерне, потому что растерялся и не догадался лечь.

Снаружи, с крыши, дивный вид на город, бухту и безбрежное море. В бухте много пароходов. На рейде белеет броненосная эскадра, заглянувшая на один день. У пристани дымится канонерская лодка “Черноморец”, сопровождающая нашу экспедицию.

– А что, – спрашиваю я у А. Н. Щенсновича, – может ваш элеватор принять зерно с парохода в загром?

– Нет, да зачем же это?

– Может потребоваться хлеб, например из Америки, когда распадут и опустошат Северный Кавказ.

Мой спутник улыбнулся.

– Это уже дело высшей политики. Во всяком случае, я не думаю, чтобы это скоро случилось.

– Про Самару тоже не думали...

Несмотря на все мое восхищение этим чудом русской техники, становилось невольно грустно, глядя на это роскошное сооружение, где свыше 2 миллионов рублей затрачено, чтобы облегчить вывоз хлеба и ускорить опустошение одной из лучших наших областей. В Кубанской области свирепствует теперь самая злая посевная спекуляция. Что, если бы хоть половина этой суммы была израсходована культурным способом, на поднятие и упрочение нашего хозяйства?

III. Немецкое дело на русской окраине

Второго сентября, часов около десяти утра, наш поезд из собранных, откуда было возможно, фаэтонов и линеек, в сопровождении местных милиционеров и лесных объездчиков тронулся из Новороссийска по Сухумскому шоссе, начатому генералом Анненковым на капитал общественных работ и теперь достраиваемому ведомством путей сообщения. Первый участок этого пути до Геленджика совсем закончен и находится в отличном виде, так что движемся мы удобно и быстро.

Первая остановка была сделана на 4-й версте от города, где находится очень известный цементный завод “Общества черноморского цементного производства”, который мы и осмотрели довольно подробно.

Любопытна постановка этого великолепного дела, пока здесь совершенно монопольного и, как водится, попавшего в немецкие руки.

Состав цемента известен: обожженная известь смешивается механическим путем с глиной и кремнеземом или кремниевой кислотой, и получается порошок, тесто из

которого, замешанное на воде, чистое или с добавкой песка, обладает свойствами твердеть на воздухе, связывать кирпич и камень и, наконец, каменеть само.

Обыкновенно как портландский (лучший), так и романский (худший) цементы вырабатываются путем обжигания и смешивания указанных веществ в требуемом количестве. Но на Маркотхском хребте, тянущемся почти непрерывно по всему побережью Черного моря от Новороссийска до Геленджика (исследованная часть), природа заложила в огромных количествах готовый цементный камень, состав которого одинаков с теоретическим и который достаточно лишь выломать, обжечь и размолоть, чтобы получить великолепную массу, значительно превосходящую своими качествами цементы искусственные.

Цементный камень встречается то отдельными пластами, выходя на поверхность земли, то так называемыми свитами пластов, перемежаясь с пластами камня-трескуна и сланцами. Такие свиты пластов встречаются довольно часто, и одна из самых богатых разрабатывается заводом. В ней насчитывается до 140 пластов от 3 и до 8 вершков толщины.

Давал объяснения директор завода господин Кольсгорн, русский язык которого оставлял желать очень многого. Несмотря однако на то, что большинство членов экспедиции знают немецкий язык, объясняться на нем директору показалось неудобно.

Он много говорил о сложности и трудности анализов камня и, как мне показалось, несколько преувеличивал. Дело гораздо проще, и цементный камень отличить от трескуна легко даже с помощью простого молотка.

Мы прошли пешком версты полторы к карьере, где добывается камень. Годный свозят вниз к заводу на волах по проложенной дороге, негодный бросают тут же в балку, постепенно ее засыпая. Геологи, господа Коншин и Симанович, высказали свои соображения о происхождении и распространении цементного камня; оказывается, он найден уже в 60-ти ущельях по берегу, и 20 могут быть сейчас же пущены в разработку. Количество камня на

версту берега может приблизительно быть оценено в 50 миллионов пудов. Наиболее благоприятные условия по меньшей мере для пяти заводов: трех в Новороссийске, одного в деревне Кабардинке и двух у Геленджика. В последнем пункте концессия уже дана генералу Адамовичу, которому отведено в аренду 700 десятин казенной земли, с платой по 3 рубля от куба камня и по 1 рублю с десятины в год. Таким образом, немецкая монополия будет прекращена.

Начали осматривать завод, находившийся на полном ходу. Камень грузится в обыкновенные шахтные и непрерывно действующие “дичевские” печи. Последних четыре, и выпускает каждая в день 600 пудов обожженного камня. Затем камень дробят и размалывают на огромных мельницах с жерновами из Лаферте. И машины, и вся установка, конечно, заграничные. Из-под жерновов помол элеватором подают на сита, имеющие, по уверению директора, 3000 отверстий на квадратный дюйм. Судя, однако, по тем ситам, которые работали, и по сравнительно грубо отсеянному цементу, цифра, указанная директором, является сильно преувеличенной.

Особое отделение завода работает бочонки вместимостью на 10 пудов цемента. На дворе огромными круглыми башнями сложена клепка, получаемая из Херсона и Сухума (буковая).

Бочонки работают на целом ряде машин, которые автоматически вырезают дно, формуют и застрагивают по шаблону клепки, нарезают обручи. На железном шаблоне рабочие быстро составляют из клепок бочонок, на сильном огне выжигают его внутренность (чтобы закрепить в изогнутом виде сырую распаренную клепку и затем нагоняют обручи. Бочонок изнутри обкладывается бумагой, при постоянном сотрясении на особой подставке насыпается 10 пудов цемента, затем бочонок заколачивается и поступает в продажу.

Цена десятипудового бочонка на месте 5 рублей. Завод берет рубль на рубль, так как расходы производства не превышают 25 копеек на пуд. Годовое производство – 300 тысяч бочонков, или 3 миллиона пудов. Регулируется цена

ввозной пошлиной на цемент 8 копеек золотом за пуд. Когда откроется второй завод Адамовича, разумеется, цена сразу понизится, и очень значительно.

Цемент этот в большой славе. На нем выстроен элеватор, сооружения Сурамского туннеля на Закавказской железной дороге и много частных зданий. Требование огромное, и завод едва успевает поставлять всем желающим.

На сделанный директору вопрос, сколько у него на заводе техников-иностранцев и сколько русских, он чистосердечно объяснил, что русских ни техников, ни мастеров нет вовсе и что до сих пор не было даже практикантов русских.

Да и с какой стати было немецкой администрации завода допускать в свою сферу русских людей, могших сделаться конкурентами? Ей, наоборот, было совершенно логично избегать их, а также распространять мнение о большой трудности определения пластов и сложности производства. А дело само по себе крайне простое.

В доме директора был приготовлен для членов экспедиции завтрак, на котором самое замечательное были вина покойного Осинского, одного из первых виноделов в здешнем крае, показавшего, какую цену и какую будущность имеет вино на маркотхских трескунах. О качестве этих вин можно судить по тому, что Осинский получал за ведро от 9 до 16 рублей на месте. Теперь Осинский умер, а его превосходный виноградник в аренде у французов. Но его вин в продаже уже нет, а французы ввели высокую резку винограда, и получают вино гораздо худшее. Но об этом ниже.

IV. Пенайские участки

В восьми верстах от Новороссийска мы посетили дачу покойного инженера Осинского, одного из первых пионеров здешнего виноделия. Остатки его вин продает теперь “по знакомству” его вдова, а виноградник сдан в аренду каким-то французам, по специальности, кажется, кондитерам,

которые уже таких тонких вин, какими славился Осинский, не производят.

Здесь, на склонах Маркотхского хребта, на довольно большом пространстве по черноморскому берегу, именно от Анапы (30 верст выше Новороссийска) и до Туапсе (180 верст ниже) находится совершенно своеобразная почва, способная давать самые букетные и благородные вина.

Почва эта – продукт разложения глинисто-известковой горной породы, известной под именем камня-трескуна, переслоенного синеватой землей-сланцем, совершенно мягким. Камень этот никуда не годен как камень: он крошится под молотком, почти как сахар, и чрезвычайно быстро разлагается в сыром воздухе, образуя почти белую почву. Нельзя сказать даже, чтобы он был хорош для других культур (кроме табака), но для винограда эти крутые южные склоны представляют почти идеальные условия.

В двух крайних пунктах этой длинной полосы виноделие уже ведется, и вино получается превосходное: на севере в Абрау (удельное имение) и у М. Ф. Пинчула на юге, близ Туапсе, в имении Сибирякова, арендуемом бароном Штейнгелем. Это винодельни большие. Маленьких или начинающих виноградников есть несколько: бывший Осинского, колонии Криница близ станицы Береговой, в самой Береговой у крестьянина Мартюка, маленький виноградник в имении принца Ольденбургского. Повсюду, несмотря на разнообразие сортов и выделки, замечается одно общее высокое достоинство вина. Есть нечто в этой почве, сообщающее вину поистине драгоценные качества.

И между тем во всей этой огромной полосе виноделия, можно сказать, почти не существует. Поселенцы разных национальностей, наделенные землей свыше чем по 30 десятин на семью, ценят только небольшие плоские места, удобные для пахоты, и бедствуют, потому что таких мест мало. Владельцы купленных по правилам 1872 года (по 10 рублей за десятину с рассрочкой на 10 лет!) или Высочайше пожалованных земель в огромном большинстве проживают в столицах, и не только виноградной, но и вообще никакой культуры не ведут, оставляя иногда огромные участки по несколько тысяч десятин в диком состоянии. Весь этот

благодатный берег, все эти известняки, которым, по их значению для виноделия, цены нет, являются чуть не сплошь дикой пустыней, поросшей корявым кустарником, годным только на дрова да на плохие пастбища.

На берегу у казны земель почти нет. Там, за хребтом, в глубине края, земель много под лесами, но туда нет дорог. По берегу все занято или частными владениями или поселенческими наделами – “юртами”, обыкновенно представляющими площади гораздо больше максимального по закону надела 30 десятин на семью. Теперь производится размежевание в этих юртах с казной, и на ее долю достаются небольшие излишки, которые могут быть обращены под новую культуру, а также под заселения.

К числу немногих казенных участков принадлежит и так называемая Пенайская дача – побережная полоса около версты шириной, тянущаяся от участка Осинского до деревни Кабардинки на пространстве 12 верст. Это ряд маленьких ущелий (около 18), каждое из которых совершенно защищено от норд-оста, имеет ключи великолепной мягкой воды (отсюда хотят вести водопровод к Новороссийской станции железной дороги) и может поместить виноградники на скате и две-три восхитительных дачки у моря. Независимо от шоссе, в каждой такой дачке можно в тихую погоду подойти вплотную на фелюге, так как море везде достаточно глубоко. Местность необыкновенно живописна, и те немногие дачки, которые уже выстроились около Осинского и Пенайского маяка, представляют чудные уголки.

Экспедиция подробно осматривала эту местность, так как ее предполагается разбить на участки от 3 до 5 десятин и раздать под виноградники желающим. Всего будет около 100 участков, и на каждый участок у местного управляющего государственными имуществами, Я. К. Васильева, поступило чуть не по три прошения. Хлопочут самые разнообразные конкуренты: доктора, чиновники, механики, местные жители, петербуржцы. Очень подробно обсуждались условия передачи участков, которые гарантировали бы исполнение главной цели – развитие

здесь виноделия. Делать эту раздачу на основании 46 статьи Устава о городском и сельском хозяйстве оказывается неудобным: статья эта стесняет поселенцев и не гарантирует казну. Было предложено брать по 5 рублей в год за десятину аренды и ограничить срок для начала культуры 5 годами, не стесняя количеством посадок шли размером сделанных плантажей, лишь бы поселенец мог доказать, что культура им серьезно начата.

Окончательное решение этого вопроса состоится в Петербурге.

Чтобы понять, какого рода хозяйство возможно на этих 3–5 десятинах, достаточно заметить, что плантаж одной десятины обходится, считая работу киркой на глубину аршина, за квадратную сажень по 40 копеек – 960 рублей, а с посадкой и кольями ровно 1000 рублей. Но зато эта десятина даст в среднем не менее 300 ведер вина, за которое, еще годовалое, дадут охотно 6–7 рублей, если, конечно, виноград будет посажен надлежащий. У Осинского были сорта: С.-Эмильон, Каберне, Рислинг, Лафит. Арендаторы-французы, чтобы увеличить количество винограда, ввели так называемую высокую резку, и действительно, в прошлом году добыли до 600 ведер с десятины. Но, лишив виноград солнца, они получили, разумеется, ягуду водянистее и кислее, а следовательно, и вино низшего достоинства. В этом году вследствие дождливого лета их виноград еще хуже.

Сажается виноград в виде чубука, то есть отрезанного годовалого побега с пятью – шестью глазками, прямо в кучу битого щебня, сделав колом ямку в четверть глубины и всыпав туда горсть мягкой земли. Трудно себе даже представить, чтобы растение таким образом принялось. Но оно тотчас же укореняется и дает побеги. На второй год побеги обрезают, куст привязывают к колу, и на третий год получают первые гроздья.

Но этих гроздьев мало, и виноград на вино не годится: он содержит меньше сахара, чем должно. Настоящее плодоношение начинается с 4-го и 5-го года. Затем остается лишь периодически, через год или два, перекапывать землю между рядами винограда и производить правильную резку.

Засаженная плантация плодоносит очень долго, по крайней мере лет 20.

Замечательно, что этот набитый киркой щебень трескуна в какие-нибудь год-два совершенно разлагается и дает вполне мягкую почву. Судя по составу этой почвы, крепости уже имеющих вин и сахаристости винограда, можно думать, что здесь отлично, еще лучше Каберне и Рислинга, пойдут испанские и португальские сорта винограда, и возможна будет выделка великолепных букетных крепких вин.

V. Кабардинка и Геленджик

Первое селение, которое довелось посетить нашей экспедиции, была Кабардинка, довольно большое село, домов в 200, на три четверти греческое и на четверть русское. Греки здесь старожила, русские – новопоселенцы, собранные из разных губерний, явившиеся в конце 80-х годов, когда местные власти охотно приписывали всех желающих к готовым уже сельским обществам, владевшим землей в большем размере, чем 30 десятин на двор.

Казалось бы, что при здешнем чудесном климате, плодородной почве и сравнительно значительном количестве плоских пахотных мест благосостояние кабардинцев должно быть очень высоко. Но увы! Даже по внешнему виду той толпы, которая в двух кучках собралась приветствовать министра, можно было сразу заключить, что живут здесь в большой бедности. Не говоря уже про наш север, Кабардинку и кабардинцев едва ли можно сравнить даже с плохоньким селом Тульской или Орловской губерний. Вместо домов – поистине карточные домики, едва прикрытые грубой дубовой щепой, насквозь в щелях, с подслеповатыми кривыми окнами. По несколько миниатюрных надворных построек из плохого плетня. Тощий мелкий скот, едва живые костюмы у русских и настоящие лохмотья у греков. Вместо того, чтобы разводить виноградники и сады и жить так, как не всякий помещик средней России может мечтать, эти люди сажают пшеницу и

кукурузу, не дающие никакого дохода, словно и не подозревая, какими несметными богатствами они окружены. Виноградников и садов почти нет. Кое-где греки разводят лишь табак, но и здесь предпочитают отдавать свои участки в аренду турецким армянам, лучше их понимающим культуру этого растения.

После первых же приветствий нас осадили жалобами. Русские новоселы жаловались на греков, которые, составляя большинство, сильно их обижают, отнимая даже расчищенные уже участки и не давая под расчистку новых. Затем и русские, и греки жаловались на лесные порядки. Пока их наделы не были размежеваны с казной, лесное управление позволяло крестьянам рубить лес только на свои нужды, за дрова же, которые поселенец вез на базар, требовало посаженной платы и, кроме того, выплаты билета. Теперь размежевание уже окончено, границы юрта указаны, а лес рубить и дрова возить все еще воспрещают без билета; жалобы эти найдены были совершенно основательными, и тут же сделано распоряжение о свободном вывозе дров и угля с юртовых земель.

Затем мы прошли в церковь – ветхое, убогое здание, похожее на сарайчик, с колокольной на четырех столбиках. Если бы не маленький крест, нельзя было бы и догадаться, что это церковь. Священник объяснил, что служба совершается по-гречески и по-русски.

Из церкви прошли в школу, не особенно чистую. Детей не было, но в довольно просторное помещение быстро набрались греки, и один из них начал что-то говорить с большой энергией. В переводе оказалась весьма кляузная жалоба на русских новопоселенцев, которые, пользуясь ими, греками, выстроенной школой, не хотят покупать каких-то парт и т. п.

В этой речи был поистине возмутителен ее нахальный тон. Греки, очевидно, считают себя хозяевами, злятся на учебное ведомство за то, что поставлен вместо грека учитель русский, и всячески жмёт русских. Им было объяснено в довольно твердой форме, что здесь Россия и русские подданные и потому называть себя греками и

противопоставлять себя русским по меньшей мере неприлично.

К вечеру мы добрались на ночлег до Геленджика. Этот чудный уголок заброшен и забыт. Представьте себе прелестную, совершенно круглую бухту, соединенную узкой горжей с морем и кругом обставленную высокими, сплошь покрытыми лесом, горами. Горы эти не оставляют плоского места на огромный город. Бухта отлично защищена и достаточно глубока, норд-ост не имеет и четверти той силы, как в Новороссийске. Климат чудесный. Здесь на открытом воздухе уже растут персики.

И что же? Геленджик не город, даже не посад, а убогая, несчастная, полурусская, полугреческая деревушка, где едва можно найти два порядочных дома. Остальные 142 хижины едва похожи на дома. Ветхая, убогая церковь, со старичком священником родом из Тверской губернии, домик пограничного офицера и таможенно-карантинной стражи; несколько жалких лавчонок – вот и весь Геленджик.

Между тем, когда начали разбирать бесконечные жалобы о земле и развернули план геленджикского юрта, оказалось, что это село владеет свыше чем по 50 десятин на дворе и в том числе не менее 40 десятин превосходной виноградной земли. И, однако, виноградников и садов почти никто не заводил, предпочитая кукурузу и пшеницу.

Около Геленджика много так называемых потомственных участков, то есть выделенных в частное землевладение на правах полной собственности отдельных клочков. Там, разумеется, земля обработана порядочно, и кое-где встречаются первые попытки садов. Недавно произведено размежевание, и местное управление государственными имуществами отрезало в виде излишка довольно большую площадь, ту самую, которая включает цементный камень и сдана в эксплуатацию генералу Адамовичу.

Крестьяне, разумеется, поняли сразу, что никакое хозяйство не даст такого дохода, как посаженная плата за камень от завода, и в этом смысле ходатайствовали перед министром, предлагая сдать в казну даже гораздо лучшие земли юрта, лишь бы удержать участок генерала Адамовича.

Но эта просьба была совершенно основательно оставлена без последствий, ибо давать пользоваться ни за что, ни про что арендной платой за камень – значит плодить тунеядство.

Зато другая просьба крестьян была удовлетворена, и сделано распоряжение, чтобы землемеры при установке границ юрта и казенной земли не стеснялись очертанием линии, а вымежевывали крестьянам горные ключи на пастбищах, хотя бы эти источники и вдавались глубокими языками в занадельную землю.

Чтобы дать понятие о правах местных жителей, достаточно привести следующий случай: поднят был вопрос об обращении Геленджика в посад, и у моря были нарезаны участки, которые предполагалось изъять из крестьянского владения. Дело это затормозилось, а пока участки эти крестьяне стали сдавать под дачи. Жена одного харьковского учителя сняла такой участок за плату по 1 копейке с сажени в год. Как только дача была выстроена, сельское общество сейчас же подняло аренду до 3 копеек за сажень. Очевидно, что при таких условиях охотников строиться в Геленджике будет немного, и этому чудному уголку долго еще суждено пустовать.

VI. Выставка в Береговой

За Геленджиком кончилась готовая часть знаменитого Анненского шоссе, построенного Управлением общественных работ, чтобы дать заработок голодающим. Дальше шоссе отделано лишь вчерне: сделано полотно, построены почти все искусственные сооружения, заготовлен и набит камень; но он еще не рассыпан, так что ехать приходится по грунтовой дороге. В сухую погоду она недурна, в грязь, конечно, плоха. Особенно плохо там, где на горных речках еще нет мостов. Построена дорога очень солидно, и со временем, когда будет совсем готова, принесет краю огромную пользу. Хотя главнейшие населенные пункты от Новороссийска до Сухума, как Геленджик, Береговая, Джубга, Сочи, Адлер, Туапсе лежат у моря и

правительство держит по всему берегу казенную гребную флотилию фелюг, поддерживающую сообщение берега с пароходами, но в дурную погоду на этих фелюгах пристать к пароходу нельзя, да и сами пароходы Русского Общества часто не останавливаются. Иногда зимой жители всего побережья бывают отрезаны от мира недели на две или на три, тогда по недостатку запасов в лавочках бывает, что чай пьют с карамелью, а за фунт керосину берут 30 копеек. Шоссе эту связь восстановит.

Опять пошли поселки русские, чешские, эстонские, греческие, молдавские, немецкие. Кого только ни пускали сюда селиться! Опять встречи, хлеб-соль на блюде и прошения без конца. Все и на всё жалуются. Греки на русских, молдаване на греков, и те, и другие на землемеров, на лесную администрацию. Просят о приписке, о размежевании, о выделении потомственных участков. Армяне, турецкие подданные, забравшиеся, как кажется, совсем нелегально, просят в простоте душевной, чтобы к ним не селили... русских!

Перебравшись через большой красоты Михайловский перевал, где шоссе вьется бесчисленными зигзагами, делая шесть верст, чтобы подвинуться на версту в прямом направлении, мы начали спускаться в бассейн рек Догуаба и Пшады и к вечеру добрались до станицы Береговой.

Станица эта – настоящий русский культурный утлок. Красивая, хоть и небольшая церковь, хор певчих из молодых казаков в красных кафтанах. Молодой, с энергичным красивым лицом казак-священник встретил нас в церкви в полном облачении и отслужил краткую литию с многолетием. Селение все расцвечено флагами, большое школьное здание неподалеку от церкви, кроме того, украшено по фасаду густыми гирляндами зелени.

Береговое подготовило нам неожиданный, но очень приятный сюрприз. Повсюду жители выкладывали на столиках образцы своих произведений: кукурузу, арбузы, фрукты. В Береговой для экспедиции была приготовлена настоящая сельскохозяйственная выставка с 40 человеками экспонентов и притом составленная мастерской рукой.

Были тщательно собраны и сгруппированы: образцы хлебов, овощей, фруктов, винограда, вин, варений, сушеных плодов, консервов, меда и принадлежностей пчеловодства; далее шли шелк, коконы, соломенное плетенье, коллекции сорных трав, образцы болезненных хлебов, земледельческие орудия, кожевенные изделия. Все это было размещено замечательно систематично, так что глаз охватывал сразу данный отдел. На дворе были собраны местные земледельческие орудия и повозки, а в сенях устроил свою выставку самоучка-кожевник, изучивший выделку кож по книжке Рыльского, изданной Сытиным.

В здании выставки нас встретил местный землевладелец и устроитель выставки В. В. Еропкин, которому формально принадлежит расположенная неподалеку “интеллигентная колония”, одна из немногих, по-видимому прочно пустивших корни. Господин Еропкин приветствовал министра прекрасной патриотической речью, охарактеризовал важное значение для края настоящей экспедиции и изложил надежды и ожидания населения. А. С. Ермолов выразил свое удовольствие найти в этом отдаленном углу такую высокую культуру и таких просвещенных деятелей, как Виктор Васильевич.

И вот – любезность за любезность. Министр признал за этой выставкой очень серьезное значение в культурном отношении и решил образовать из нас экспертную комиссию под председательством профессора Баталина, назначив от министерства награды: одну серебряную и три бронзовых медали и пять похвальных листов.

С раннего утра комиссия принялась за работу и в 11 часов уже мог состояться на площади очень торжественно обставленный акт объявления наград. Серебряную медаль по всей справедливости присудили еропкинской колонии “Криница”, доставившей лучшие экспонаты по всем отраслям и, между прочим, два изобретения самого Еропкина, выставленные в виде моделей: поливку с седла и печь для сушки плодов. Бронзовые медали присудили крестьянину Мартюку, выставившему отличное вино, кожевнику и еще другому виноградарю. Похвальные листы дали остальным.

Яркое солнечное сияние, воскресный день, надетые по этому торжественному случаю мундиры с шитьем, яркие костюмы поселян, составлявших нечто вроде каре кругом министра и его свиты, колокольный звон, крики “Ура!”, – все это складывалось в очаровательную картину на фоне могучей кавказской флоры и окружающих темно-зеленых гор.

По приглашению В. В. Еропкина после раздачи наград (медали обещано выслать из Петербурга) экспедиция решила сделать небольшой крюк версты в четыре, и съездить осмотреть его колонию. Мне пришлось ехать вместе со священником станицы Береговой, отцом Николаем Долинским, и я скажу два слова о нем.

Отец Николай довольно резко выделяется из привычного типа сельского батюшки. Он казак-дворянин, был раньше учителем и пошел в священники по внутреннему призванию. Любопытно, между прочим, что женат он на немке, разумеется, отлично говорящей по-русски и перешедшей в православие. “Матушка”, бесспорно, отличная хозяйка, и уютный домик отца Николая является настоящим культурным центром для населения. Он поддерживает дружеские отношения с Еропкиным и его колонией, а те помогли ему достроить церковь и пожертвовали отличный иконостас и утварь. И вот колония интеллигентов, с одной стороны, и церковь, с другой, идут рука об руку в деле несения культуры.

Посмотрим теперь, как живут сами господа интеллигенты, своими руками работающие землю.

VII. Интеллигентная колония

За Береговой дорога начинает довольно круто подниматься в гору на террасу, на которой над самым морем, в живописнейшей местности расположена еропкинская интеллигентная колония. Дорога, идущая в гору зигзагами, выстроена по всем правилам инженерного искусства руками самих колонистов и отлично шоссирована.

У начала земель колонии мы встретили красивую триумфальную арку, художественно оплетенную зелеными гирляндами, и около арки собранное в полном составе население колонии: мужчины в однообразных серых суконных сюртуках, высоких сапогах и войлочных шляпах, дамы – в ярких малороссийских костюмах с лентами. Тут же толпились человек 20 детей разных возрастов, одетых очень чисто, и поденные рабочие колонии. Группа представляла чрезвычайно живописный вид.

Наша экспедиция сошла с экипажей и в предшествии самого В. В. Еропкина, который один был в черном сюртуке и белом галстуке, отправилась осматривать хозяйство колонии.

Прежде всего мы поднялись на виноградник, расположенный на самом высоком южном склоне, с роскошным видом на море. Плантаж сделан десятинах на пяти камня – трескуна. Лозы имеют отличный здоровый вид и покрыты множеством почти спелых гроздей.

Сорта винограда преимущественно Рислинг, С.-Эмильон, Каберне, Лафит и бургундские из Крыма. Резка невысокая, так что света и воздуха достаточно, куст от куста сидит на $\frac{1}{2}$ аршина, между рядами свободный проход в 2 аршина. Приняты меры к устранению размыва почвы дождями. Виноградники разбиты на кварталы хорошо содержащимися дорогами.

У колонии есть уже свое вино, которое мы и пробовали на винодельне. Двухлетний сотерн превосходен. Погреб невелик, но теперь оканчивается новый: внизу подвал, наверху будет расположена винодельня.

Виноградником заведует молодой человек с огромной бородой, господин Калитаев, избранный распорядителем. Он, по-видимому, хорошо понимает дело, ибо давал очень толковые объяснения. Этот же Калитаев считается по слухам формальным наследником Еропкина, которому принадлежат все юридические права. И Еропкин, и остальные члены колонии, как говорят, доверяют Калитаеву безусловно.

Ниже виноградников, на более отлогом скате, расстилались хлебные и кукурузные поля. Колония сеет и клевер, но настоящего севооборота еще не выработалось.

По дороге от виноградника к усадьбе разбит фруктовый и шелковичный сад. Последний не совсем удачно, так как луговые деревца рассажены слишком редко и страдают от жары.

Усадьба представляет разбросанные чистенькие и красивые домики, где живут отдельные семьи. Кроме того, имеются общие помещения: столовая, нечто вроде гостиной и школа.

Наличный состав колонии в эту минуту следующий: женатых семь семей с девятью детьми. Холостых четыре человека.

Посторонних детей, сирот и прочих, взятых на воспитание, 20 человек. Состав наемных рабочих меняется. Колония пользуется ими или в страдное время, когда своих рук не хватает, или для особенно тяжелых работ.

В столовой нас ожидал чай и угощение медом, фруктами, виноградом. Милovidные молоденькие дамы держались скромно в стороне. Рядом в гостиной можно было заместить рояль и довольно много книг.

Наше пребывание в колонии продолжалось не больше двух часов, и потому, разумеется, можно говорить лишь о самом мимолетном, беглом впечатлении. Скажу откровенно: несмотря на то, что я отнюдь не поклонник подобных колоний, оно было недурное. Эти молодые лица так добродушны и симпатичны, эта культурная работа так велика и плодотворна. Трудно себе представить, как много здесь сделано, и как эта работа отразилась на окружающем населении. Замечу, что по общим отзывам колония пользуется большой любовью.

Я расспрашивал о здешнем быте и устройстве этого своеобразного общежития. Мне объяснили, что никакого писанного устава у колонии нет, и взаимной связью служит одно чистое доверие. Формальным хозяином дела и владельцем хутора считается В. В. Еропкин. Он дал свои деньги, предоставил купленный хутор обществу молодых

людей, вокруг него сгруппировавшемся, и скромно стал в ряды с другими, предоставив им самим выбрать распорядителя. Как кажется, сам Виктор Васильевич в работах не участвует, ибо, по его словам, “состоит в отхожем промысле”, директорствуя в какой-то акционерной компании, чтобы добывать деньги на расширение хозяйства колонии.

Имеет ли колония будущее? Пустила ли она прочно корни, нашла ли верный фундамент? Вот вопросы, которые не разрешить в двухчасовое посещение. Факт тот, что она существует уже около восьми лет. Бывали недоразумения, многие уходили, но кадры верующих в свое дело идеалистов остались и работают.

Нужно ли говорить, что ни о какой “политике” здесь нет и речи? Колония, правда, ввиду своего исключительного положения находится под бдительным надзором. Но этот надзор до сих пор не обнаружил ровно ничего. Заезжали сюда разные господа, которые потом компрометировали колонию своим знакомством и вызывали дознания. Но, во-первых, здешние жители не могут отвечать за мысли и воззрения приезжих гостей, а во-вторых, ввиду бывших неприятностей В. В. Еропкин и колонисты начали сами относиться внимательно и с разбором ко множеству посетителей, интересующихся их бытом и трудами.

Быть принятым в члены колонии теперь довольно трудно, и можно попасть лишь по знакомству и за поручительством кого-либо из ее членов.

Чистота нравов колонии по общим отзывам выше всяких похвал. Семьи исключительно законные, тишина и спокойствие образцовые, соблазна для окружающего населения ни малейшего, а культурное влияние большое. Отсюда в Криницы пошли разные ремесла и новые культуры, что сразу же бросалось в глаза в Береговой.

Их верования... но какое право имеем мы, читатель, заглядывать полицейским оком в глубину этих добрых душ? Кто говорит, толстовцы, кто говорит, пашковцы, а между тем по всему побережью нет ни одной такой благоустроенной сельской церкви и такого славного хора.

Отец Николай Долинский желанный гость в колонии, хотя это и вызывает косые взгляды со стороны его начальства.

Сумеют ли эти труженики найти надлежащие юридические формы для закрепления их огромной и полезной работы – покажет время, а пока колония цветет под флагом В. В. Еропкина, и ей следует пожелать всякого преуспеяния.

VIII. Архип-Осиповка

Из Еропкинской колонии экспедиция вернулась назад в Береговую, проехала село, не останавливаясь, и направилась дальше на юг долиной речки Пшады. Здесь на шоссе камень большей частью еще не рассыпан и мосты не все готовы, а потому мы продвигались медленно, часто сворачивая с полотна дороги и переезжая горную речку вброд. За небольшой деревушкой верстах в пяти от Береговой начинается чрезвычайно красивый Пшадский перевал, соединяющий долину Пшады с долиной реки Бжида. На той стороне перевала идет зигзагами сплошной ровный спуск верст 7 длиной. У конца спуска чешско-польское селение Тыкопс. В противоположность пшадцам, вышедшим навстречу экспедиции большими оборванцами (в публике говорили, будто бы это сделано нарочно, чтобы показать свою бедность), тыкопцы нарядились в лучшие праздничные костюмы, зажгли красивые копры, вывесили флаги и приготовили на двух столах образцы произведений своего хозяйства – виноград, пшеницу, арбузы, табак. Табак здесь родится превосходный. В предыдущем году скупщики платили за него огромную, по-здешнему, цену – 7 рублей за пуд. Между тем по вкусу этот табак соответствует хорошему 3-рублевому (за фунт, конечно). Если даже скинуть очень дорогую бандероль, все же легко себе представить заработок фабрики.

Жители оказались переселенцами: чехи из-под Ольмюца, поляки из “Краковской губернии”. И те, и другие сносно говорят по-русски.

Уже совершенно стемнело, когда наш поезд въехал в село Архип-Осиповку, иначе Буланку, иначе Боскало. Это

историческое место по трогательному и славному воспоминанию о подвиге простого солдата Архипа Осипова, в честь которого и названо сечение. Нас встретили с большой торжественностью человек 200 местных домохозяев-казаков, в праздничных костюмах, с хлебом-солью.

Уже с самого первого взгляда можно было догадаться, что здесь что-то не то, какой-то словно совсем другой воздух. Повсюду раньше та же хлеб-соль, но из-за каждого каравая торчат на блюде по два и по три прошения и сверх того еще по одному у каждого жителя за пазухой. Здесь – ни одного прошения. На вопрос: “Каково вам живется, всем ли вы довольны?” единодушный и громогласный ответ: “Всем довольны”. Эти люди ни с кем не ссорятся, ни к соседям, ни к казне никаких претензий не имеют и заявляют откровенно: “Живем, Бога благодарим”.

И только! Впрочем, есть и просьбы к начальству. Расширяется культура, идет путаница с разделом земли на подворные участки. Так вот, не доверяя собственной геометрии, просят прислать помочь им размежеваться казенного землемера...

Трудно себе представить, какое милое впечатление производит это мирное довольство после тех кляуз и неосновательных в большей части прошений, над которыми мучается по ночам Л. П. Забелло. Невольно спрашиваешь себя: откуда явился этот безмятежный оазис? И вот что оказывается.

Еще в самый ранний период заселения Черноморского побережья в Архип-Осиповку попали 200 казаков шапсутского батальона. Казаки эти переселились артелью, образовавшейся добровольно по вызову, артель была дружная, однородная, с крепкой традицией, так сказать, с историческим прошлым. И вот эта-то традиция и держится до сих пор. А тут же попались и счастливые экономические условия: плодородная почва, обилие пригодных для культуры мест, отсутствие соблазнов, неизбежных вблизи крупных центров.

Утром мы посетили церковь, настоящую церковь, называемую, однако, только молитвенным домом за ее убогую внешность. В самом деле, это крошечный четырехугольный дом, крытый соломой. Иконостас с образами в фольговых ризах. Немного странно для большого, зажиточного и чисто православного селения. Но архипосиповцы уже давно решили построить большой и хороший храм, отвели для него место на площади и понемногу собирают материал.

В 1,5 версте от селения на высоком морском берегу находится упраздненное крошечное укрепление Михайловское, прославленное подвигом Архипа Осипова, которому там и воздвигнут памятник. Экспедиция пожелала отслужить панихиду над могилой героя, и все население от мала до велика еще заранее направилось к славному месту. Когда мы подъехали, стояла уже густая пестрая толпа. Подъехал священник, облачился, и торжественная служба началась.

Никогда не забыть мне этого чудного и трогательного зрелища. На каменном фундаменте высокий чугунный узорчатый белый крест, далеко видный с моря. Яркое горячее солнце, спокойное безграничное голубое море с играющими полосами света. Блестящая после дождя зелень. Стройное пение местного хора любителей, к которому присоединились несколько членов экспедиции. Парадные мундиры, надетые ради торжественного случая, блестят на солнце, выделяясь на фоне синих поддевок и розовых сарафанов. Дым от кадила, тоненькой струйкой всползающий на памятник. Глубокая, особенная тишина сентябрьского утра...

После панихиды священник отец Алексей Светлов, еще с крестом в руках, сказал краткое слово, напомнив об обстановке подвига Архипа Осипова. 22 марта 1840 года на крепостцу напали огромные полчища горцев. Несмотря на геройскую защиту, ничтожная горсть в 60 человек русских была сломлена, и неприятель ворвался за бруствер. Тогда командовавший отрядом поручик Лико вызвал охотника взорвать пороховой погреб, близ которого шла последняя борьба. Вышел скромный солдат, взял фитиль, крикнул:

“Поминайте, братцы, Архипа Осипова” и поджег порох. Все взлетело на воздух. Из горсти русских остался в живых только один рядовой, выброшенный взрывом. Он и рассказал о подвиге своего товарища.

Отец Светлов закончил свою речь просьбой министру передать шефу Тенгинского полка (в списках коего на вечные времена оставлен Архип Осипов), великому князю Алексею Александровичу, усердную просьбу архипосиповцев помочь им соорудить свой храм.

Министр отвечал в нескольких теплых словах, поблагодарил архипосиповцев за их сердечный прием, похвалил их быт и старания, после чего наша экспедиция тронулась дальше, на Джубгу и Туапсе.

IX. Джубга

Между Архип-Осиповкой и следующим ночлегом экспедиции – большим селением Джубга – любопытного ничего нет. Только климат становится заметно теплее и флора роскошнее. Ботаники и лесничие отмечают появление новых деревьев, трав и кустов. Леса становятся выше, крупнее. Появляется на старых черкесских яблонях шарообразная омела. Назойливое чужеродное растение миматис, или ломонос, забирается все выше и разрастается буйнее, образуя огромные причудливые шапки на верхушках деревьев и толстые канаты между деревьями. Становится цепче и злее держи-дерево.

По дороге несколько поселков и хуторов, ничем не замечательных. Тейшепс, чешская колония в 14 дворов в противоположность общему мирному характеру чехов – очень буйная. Она даже бунтовала, силой приостановив межевые работы. У них лишних 236 десятин земли, и эту землю необходимо или отрезать в казну, или приселить соответственное количество новых колонистов. Ни того, ни другого чехи не хотят. После недолгих объяснений им было заявлено, что если здешние порядки им не нравятся, их никто не будет задерживать от возвращения на родину...

На 15-й версте от Архип-Осиповки чисто немецкий поселок Бжидский. Немцы из Пруссии поселились сначала на Волыни, затем перебрались сюда. Сеют пшеницу, ячмень, кукурузу, начинают заводить огороды и виноградники. Жалуются на большие обиды со стороны кабанов, которых здесь множество и которые без стеснения ночью хозяйничают в кукурузе у самых хат. Ружей нет ни у кого.

Среди просителей два любопытных субъекта: один молодой саксонец, оказывающийся ни русским, ни германским подданным. Его родитель, принимая с младшим сыном русское подданство, исключил старшего сына, хотя и несовершеннолетнего, чтобы тому не пришлось отбывать воинской повинности. Теперь отец и младший брат умерли, и он является наследником. Но он нелегальный, беспаспортный и принять в поселенцы быть не может, тем более что теперь немцам селиться больше не дают. Проживает он по снисхождению властей, и вот бедный малый со слезами на глазах просит допустить его к отцовскому наследству и “принять в русские”. Снисхождение ему, кажется, будет сделано.

Другой – старик русский, николаевский солдат, по фамилии Поцелуев. Он имеет четырех сыновей и лет двадцать уже дожидается отвода ему земли и приписки к какому-нибудь селению. Немцы согласны его принять, потому что старик хороший, но у него, по-видимому, не в порядке документы. “Снисхождение” было дано и здесь.

Поздним вечером экспедиция добралась до Джубги, большого селения с церковью, постами таможенным и пограничной стражи, базаром наподобие городского, пятью или шестью, правда примитивными, лавками и станцией англо – индийского телеграфа. Телеграф этот на основании особой конвенции проложен на средства английского правительства через весь Кавказский хребет до границ Персии, имеет собственную администрацию, станции и охрану. Русские ни казенные, ни частные депеши не принимаются. В виде особой любезности, которую желал оказать экспедиции заведующий Джубгской станцией, было предложено предоставить линию в ее распоряжение между 7 и 8 часами утра для передачи депеш на ближайшую

русскую правительственную станцию в Туапсе. Любезностью этой, однако, не воспользовались.

Укладываясь на ночлег, отведенный мне в доме “старого жителя”, некоего коллежского регистратора Манжелиевского, я почувствовал первые приступы лихорадки. Лихорадка на этом берегу особенно для свежего, приехавшего из внутренней России человека, – чрезвычайно неприятная вещь. Схватить ее легко при малейшей неосторожности, например, полежав на земле, или выпив стакан сырой воды, и затем она будет трепать и истощать человека целые месяцы. Выезд экспедиции был назначен ранним утром, я чувствовал себя плохо и испросил разрешение остаться в Джубге до парохода, на котором можно было, обогнав экспедицию, присоединиться к ней в Сочи.

Я не жалею об этом пропуске нескольких дневных перегонов, в течение коих наша экспедиция осмотрела Туапсе, Ольгинское, Аше – имение господина Сибиряком в аренде у барона Штейнгеля, замечательное своими винами, и Государево имение Дагомыс. За это время я имел возможность исследовать поглубже некоторые здешние отношения, услышать и увидеть то, чего не увидишь во время сравнительно коротких остановок экспедиции.

Мое первое знакомство было с начальником поста пограничной стражи господином Лейхтом и его женой, представляющими те драгоценные типы русских людей, встретить которые во всей чистоте можно только в глуши и на далекой окраине. Он – боевой офицер из той стрелковой части, которая спасла Шипку, на подводах подоспев к ней на выручку и которую турки называли кара-шайтанами, то есть черными дьяволами. Она – русская женщина, вышедшая замуж по любви за бедного офицера и сразу попавшая за пределы всякой культуры и комфорта в местечко Артвин на русско-турецкой границе, где сообщения самые лучшие верхом, где нет ни портних, ни повивальных бабок, ни прачек, ни кухарок и где за всех отвечает молодой, почти рекрут, денщик, поначалу не умеющий делать ровного ничего.

А. А. Лейхт провел меня в дом, отрекомендовал своей жене и собравшимся (в этой единственной интеллигентной семье приют всем и каждому), и тотчас же, забрав револьвер, шашку и непромокаемый плащ, уехал на фелюге в Туапсе по служебному делу.

Казалось бы, что же тут особенного? Да дело-то в том, что Черное море, вчера еще спокойное и гладкое, в эту ночь заревело и взволновалось так, что два больших парохода с севера и юга не могли пристать в очередной рейс.

Между тем вся фелюга представляет небольшую лодку на четырех гребцов. Утонуть на ней в такую погоду ничего не стоит, и тонут чуть не каждый раз фелюги и целые кочермы. И вот, попрощавшись с мужем, М. С. Лейхт до самого его возвращения не будет знать, жив он или нет, а случись что-нибудь, и уведомить некому, разве выбросит казенную лодку на берег.

– Вы извините, господа, что я при вас буду работать. Подсаживайтесь вон к тому столику.

И энергичная барыня, разостлав сукно на обеденном столе, принялась гладить принесенную денщиком кучу своего и мужнего белья.

– Я вымою, вот он выполоскает, а потом я выглажу – и дело идет. Он у меня и повар. Какие обеды варит, разумеется, когда есть провизия!

– Какая у вас маленькая (две комнаты), но уютная квартирка, – говорю.

– Ничего другого в деревне нет. Не хвалите. В жару здесь можно испечься, а зимой, когда задует норд-ост, как ни топи печь, выше пяти градусов “жары” не будет. Посмотрите эти стены, ведь, это щепки на глине. Негде поставить лампу – задует. Утром вода мерзнет в графине; ни двойных рам, ни черных полов. Муж пропадет на целую неделю в море, под окном воют “чекалки” (шакалы), ляжешь, окутаешься, и зуб на зуб не попадаешь. А розы цветут – это верно. Помилуйте, юг!

– Скажите, по крайней мере, служба вашего мужа хорошо оплачивается?

– Едва можно существовать. Здесь дороговизна баснословная. Пуд муки в Новороссийске 60–70 копеек, здесь рубль с четвертью. Печеный хлеб 1 рубль 60 копеек (темный пшеничный), мяса почти невозможно достать. Пароход не пришел, кончился в лавочке сахар – пьем чай с леденцами. Слава Богу, что хоть в нравственном отношении с “реформы” лучше стало. Теперь мой муж все-таки офицер, подчинен военному начальству, а раньше – Господи!

Эта реформа – выделение пограничной стражи в отдельный корпус, с изъятием ее из ведения и подчинения таможенным властям, – была одновременно спасением военной части от штатских “начальников дивизий” и границы от организованной контрабанды.

Наша небольшая компания (я, господин Ашкинази, представитель двух табачных фабрик, скупающий табак, и управляющий-ревизор одного имения, отставший от парохода) просидела у милой хозяйки, слушая ее живые рассказы о самых необыкновенных приключениях, целый вечер. Ложась спать, я от всей души погордился за русскую женщину, так высоко умеющую держать свое знамя.

Х. Табаководство и ростовщичество

Петербургская табачная фабрика товарищества Богданова и фабрика Шерешевского в Гродне имеют в лице И. Г. Ашкинази в Новороссийске постоянного агента по закупке табака. Здешние мергельные пласты трескуна, обращаясь в почву, дают табак такой же благородный, как и виноград. По уверению господина. Ашкинази, ни в Крыму, ни на всем Кавказе нет более благоприятной почвы для табака, как Черноморское побережье в пределах Новороссийского округа. И действительно, табаководство здесь сильно развито, как по самому побережью, так, в особенности, в горных долинах, где множество участков занимается или арендуется греками и армянами, преимущественно турецкими подданными. К сожалению, эта культура ведется самым хищническим образом, до полного истощения участка, благо земля не своя. Затем все табаководство

находится в страшных ростовщических тисках преимущественно армян, снабжающих плантаторов необходимым оборотным капиталом и фактически обращающих их в своих крепостных рабов.

Спросил господина Ашкинази, как тонкого знатока дела, пройти со мной на ближайшую плантацию и посвятить меня в подробности культуры табака. Мы отправились на пристань Джубги, верстах в трех от села. Там, кроме ближайшей плантации, можно было посмотреть еще на рыбные ловли местных матросов казенной гребной флотилии и побывать на посту 32–33 флотского экипажа, заведующего морскими сигналами.

Плантация начинается почти у самого сарая гребной флотилии и занимает не более двух десятин. В шалаше живет сторож.

Почва – чернозем, испещренный известковыми белыми частицами, а кое-где и совсем белая. Обработан участок довольно тщательно узенькими грядками, или бороздками, и засажен табачными растениями фута на 1,5 расстояния одно от другого. Растения совершенно созревшие и уже подвергшиеся первому сбору, не велики, и листья не крупны. Я не видал листа более 5 вершков в длину при 3 ширины. Сорт – Самсон.

Вот как ведется эта культура.

Семена высевают в рассадник и затем по приготовлении гряд пересаживают на места, поливая один раз при самой посадке и редко чаще, потому что в атмосферных осадках недостатка нет и климат влажный.

Когда растения выкинут цвет, их начинают пасынковать, то есть обламывать верхушки, и эта операция ведется весь конец лета, ибо растение стремится расцвести во что бы то ни стало.

В конце августа начинается первый сбор, то есть обламывают нижние листья. Признак спелости листа – его клейкость и мягкость. Скомканный – он не ломается, но мнется. Обломанные листья складывают на сутки или двое в кучи, где они провяливаются и меняют зеленый цвет на золотисто-желтый. Затем их нанизывают на пруты, или

нитки, прокалывая сквозь черешок каждого листа и сортируя по величине. Нанизывают листья всегда в одну сторону, затем связка вешается в сарае, доступном ветру, но защищенном от солнца и дождя.

Хорошо проявленный в куче (заморенный) лист сохнет очень равномерно, и когда совершенно засохла средняя жилка, снимается с ниток и вяжется в папуши. Женщины, занимающиеся этим, предварительно разглаживают листья на голом колене и еще раз их сортируют. Связанные папуши подвергаются брожению. Их складывают круглыми кучами, острием листьев внутрь, и надавливают какой-нибудь тяжестью, наблюдая, чтобы в середине не стало жарко и табак не почернел. Через некоторое время кучу перекладывают наружными папушами внутрь и обратно и повторяют брожение. Наконец увязывают папуши в тюки и здесь подвергают последнему брожению, складывая тюки в кучи или разбрасывая их. В этом виде табак поступает в продажу.

В начале сентября производится второй сбор, дающий всего более по количеству и лучшего по качеству табака. Затем собирают в третий и последний раз самый плохой и дешевый сорт, полужрелые верхние листья.

Ашкинази сообщил мне, что при правильной культуре на этой почве можно получать табак, за который фабрика охотно заплатит до 10 и 12 рублей за пуд, а между тем здешние плантаторы работают настолько небрежно, что 6-7 рублей является очень высокой ценой. Нигде нет крытых сараев, и табак сушится на открытом воздухе, подвергаясь влиянию солнца, росы, дождя. Затем его сортировка крайне плоха, а семена местные, уже переродившиеся.

При этих условиях табаководство для бедняков является чистой кабалой. Они забирают у ростовщиков деньги для расплаты за все работы под ужасный процент и переводят плантации на их имя. Когда табак готов на продажу, он весь принадлежит ростовщику, и по продаже за погашением долга владельцу обыкновенно не достается ничего. Работает же он потому, что взятые у ростовщика деньги хотя частью могут быть обращены на свои домашние нужды, летом во время полного безденежья. Стоимость

полной обработки десятины табака колеблется от 125 до 150 рублей, причем сбор может быть до 70 пудов по цене от 2 и до 6 рублей. В последние годы, впрочем, цены сильно упали и будут падать еще, как уверял Ашкинази.

Ростовщичество не ограничивается одним табаком, а свирепствует во всех отраслях здешнего хозяйства. Особенно печальна земельная спекуляция. Из разговоров с господином Манжелиевским я случайно узнал, что этот старик – типичный земельный ростовщик. Он имеет свой участок на превосходном месте с берегом моря, лесом и водой, десятин в 100, на котором “за бедностью и старостью” никакого хозяйства не ведет, и сверх того множество мелких, так называемых “наследственных” участков, скупленных им по таким ценам, как, например: 7 десятин на 35 рублей, 16 десятин – 80 рублей и т. д. На все эти участки имеются домашние продажные акты, засвидетельствованные старостой, здесь имеющие силу крепостных документов. Показывал он мне эти документы как члену экспедиции, интересуясь подтвердить их действительность.

Я предложил ему продать один из участков. Господин Манжелиевский отвечал очень наивно:

– Что же бы я теперь взял с вас? Ведь по 100 рублей за десятину не дадите? А ведь лет через пять эти земли, батюшка мой, по 300 рублей с руками будут рвать. Мы уж и теперь это видали. Ведь земли-то виноградные, да и земель-то таких нигде нет...

Ну разве же это не чистейшее ростовщичество? Добавлю, что девять десятых Черноморского побережья принадлежат людям, рассуждающим точь-в-точь как господин Манжелиевский.

Я пробыл в Джубге три дня и в последний присутствовал при очень оригинальной ловле рыбы кефали. Замечательно вежливая и предупредительная рыба! Она сама в буквальном смысле слова прыгает к рыбакам из воды. Ловят ее так: вяжут из тростника широкие и длинные маты, плавающие на воде. Маты эти расстилаются на воду, соблюдая один от другого промежутки в $\frac{3}{4}$ аршина; таких

матов сбрасывают рядом штук десять. Кефаль, стадом проходя под ними, пугается темноты и выбрасывается в оставленные прогалины, попадая прямо на маты. Когда рыбы напрыгает довольно, ее собирают прямо руками.

XI. Сочи

Погода несколько утихла, и мне можно было выехать на фелюге к очередному пароходу “Русского Общества Пароходства и Торговли”. Летом во все порты черноморского берега заходят пять пароходов в неделю, зимой два. Пароходы эти в круговом рейсе между Одессой и Батумом являются пока единственным средством сообщения между прибрежными поселениями. С окончанием шоссе между Новороссийском и Сухумом на небольшие расстояния в 40–60 верст пассажиры, даже палубные, предпочитают, разумеется, путь на повозке или даже пешком путешествию на пароходе, до того высоки дифференциальные цены билетов и до того мало удобств предоставляется монопольным обществом.

О самих пароходах нечего и говорить. Относительно порядочны еще большие пароходы так называемого прямого ускоренного рейса из Одессы в Батум, заходящие один в Ялту, другой, кроме того, в Новороссийск. Маленькие и старенькие скорлупки круговых рейсов, вроде “В. К. Михаила”, на который я попал, совсем плохи. Их не только нельзя сравнить с нашими волжскими дворцами, но даже со средней руки заграничными пароходами. Хуже их только турецкие “Махсуссе” да греческие “Курджис и К°”, плавающие по Мраморному и Эгейскому морям. А между тем цены за проезд на пароходах “Русского Общества” поистине возмутительные. От Джубги до Сочи, например, на расстоянии едва ли большем 100 верст берут в I классе 9 рублей, во II – 6 рублей и в III – 2 рубля, то есть почти вдвое против железных дорог. Правда, в этой цене считается в I и II классах продовольствие. Но из него на этом расстоянии пассажир успевает воспользоваться одним чаем. Звонок к

обеду пробил как раз тогда, когда отвалила последняя фелюга, сдававшая в Сочи пассажиров.

Как я уже говорил выше, на всех пристанях имеются эти фелюги, величаемые “Черноморской гребной флотилией” и содержимые казной, которая расходует на этот предмет в год 28 тысяч рублей. Установлена довольно высокая такса за провоз пассажиров и товаров с парохода на берег и обратно. Беда лишь в том, что в большинстве пристаней нет никаких заграждений, ни естественных, ни искусственных, и достаточно малейшей непогоды, чтобы пароход вместо назначенной по расписанию остановки добросовестно прошел мимо. А так как Черное море вообще чрезвычайно капризно, то бывает очень часто, что пассажиры и товары недели по две не могут попасть куда им нужно, а ездят себе мимо взад и вперед. Особенно часто бывает это в Сочи, Туапсе и Гудаутах, где берега совершенно прямые и никаких прикрытий не существует, а фелюги прямо вытаскиваются на песчаный берег. Не ради ли этого и берут на пароходах такие высокие цены?

Это обстоятельство до крайности задерживает развитие многих прелестных уголков Черноморья, как Туапсе, Сочи и другие. Самые наибольшие защитные стенки, самая крошечная гавань, но лишь бы пароход мог подойти и выгрузиться наверно, и в каких-нибудь пять лет это будут огромные дачные города. Сочи и сейчас развивается с большой быстротой. Распланировывается город, строится множество дач. Местоположение и климат самые счастливые. Главное, ни в Сочи, ни в Туапсе нет лихорадок.

Представьте себе красивый высокий берег с отлогим в одном месте спуском и широкой площадкой у самого моря. По спуску проложено в гору отличное шоссе. Внизу домики жителей победнее, преимущественно туземцев, наверху, на обширной площади десятин в 400 – красивая каменная церковь, первая настоящая церковь после Новороссийска и вокруг нее быстро, по-американски растущий город. Это – Сочи. Около церкви недурная гостиница, арендуемая неким Франштейном, бывшим членом Еропкинской колонии. Гостиница чистенькая, хотя с аптекарскими счетами и крайне деспотическими порядками. В посаде есть аптека,

крошечная больничка, повивальная бабка, доктор. Полицию изображает “базарный пристав” имеретин, о собственной безопасности заботятся преимущественно сами жители. Правда, ни о каких худых делах не слышно.

Природа здесь чрезвычайно роскошна. Сочи закрыто от холодных ветров, норд-ост сюда уже не достигает, южный палящий ветер тоже теряет силу, дождей как раз достаточно для всяких культур, почва роскошная, глинистая, зимы почти нет. Здесь уже начинается субтропическая растительность, хотя она и не так роскошна, как южнее, в Сухуме. Здесь имеет все шансы на успех самое высокое садоводство.

Но главная специальность Сочи – все же дачи для зимы. Лето здесь хотя и не так душно, как южнее, но все же жарковато, зато зима великолепна. Мороз в 2-3° редкость, ясный, теплый, сухой воздух при температуре днем от 12 до 14-15°, множество видов вечнозеленых растений, южное солнце, греющее двадцать дней из тридцати, – таковы здесь декабрь, январь и февраль. Март несколько хуже, но с апреля начинается уже настоящее лето. Всего же лучше сентябрь, октябрь и ноябрь. В эти месяцы и море большей частью спокойно. Если и расходится непогода, то ненадолго. Продолжительные и особенно свирепые бури бывают главным образом между зимним солнцестоянием и мартовским равноденствием. Но и здесь самый большой срок сплошной непогоды – неделя. Небо скоро проясняется, и вновь появляется солнце, тишина и теплота; только море долго не унимается и, расколыхавшись в бурю, продолжает еще несколько дней шуметь и волноваться на солнце, делая невозможной высадку на берег.

Я попал в Сочи очень удачно и мог отдохнуть в течение целого дня и привести в порядок мои работы, пока наша экспедиция подвигалась сухим путем. В это время ею были осмотрены селения Полковничье, Дефоновка, Шапсуги, Михайловское, Ольгинское, Небугское, Карповка, посад Туапсе, Вельяминовское, имение барона Штейнгеля Туишхо, Сибирякова Аше, селение Лазаревское, имение Зубова на реке Псезуапе, имение великого князя Михаила Николаевича – Вардане, покойного великого князя

Константина Николаевича – Учдере и бывшее Государево имение, ныне удельного ведомства – Дагомыс. Интерес могли представить в этом районе только разве армяне в Шапсугах, табаководы очень богатые, устроившие себе нечто вроде армянского царства и водворившие между прочим многих беспаспортных соплеменников из Турции. С наивностью, достойной лучшего применения, эти господа просили, чтобы им не приселяли русских. Затем виноделие барона Штейнгеля у себя в Туишхо и в арендованном у Сибирякова имении Аше. Вино здесь получается замечательно высокого достоинства и продается в Киеве, Одессе, Варшаве и Петербурге. Бутылки заказываются в Финляндии. Вина выдерживаются лет 6–7. Экспедиция привезла с собой небольшой запас, сделанный на дорогу. Рислинг и Сотерн Аше едва ли не лучшие из всех вин, пробованных нами в эту поездку (после старых вин Осинского). Имена Вардане и Дагомыс любопытны разве в отрицательном смысле, как показывающие, как не следует вести на Кавказе хозяйство. В Вардане истратили огромные деньги на разведение садов и виноградников и решительно безуспешно. На болотистой почве деревья сажали чуть не прямо в воду. Разумеется, все погибало. В Дагомысе делалось то же самое, пока не было решено уничтожить всякую культуру. Нынешний представитель удельного ведомства господин Клинген стоит за простое хлебопашество в этой местности, другие рекомендуют клещевину, суходольный рис и т. д. Пока, по рассказам очевидцев, имение находится в самом жалком виде.

11 сентября экспедиция прибыла в Сочи, не без труда проехав по шоссе между Джубгой и Сочи, находящемуся в слишком “черновом” виде. Мостов почти нигде нет, земляные работы не доделаны, а местами и не начинались, заготовленный камень не рассыпан. Заведует работами представитель ведомства путей сообщения военный инженер Гофман, который тщательно воздерживается от гласного осуждения своих предшественников и только покачивает головой...

ХII. У В. А. Хлудова в Раздолье

Сочи предстоит несомненно и очень скоро стать крупным культурным центром Черноморского побережья. Уже и сейчас вокруг посада и в самом посаде есть несколько замечательных садов и множество засаживается лицами, успевшими приобрести земли под дачи и плантации. Первое место в ряду культурных начинаний и притом не только в Сочи, но, пожалуй, и на всем побережье принадлежит саду и винограднику имения Раздолье, принадлежащего В. А. Хлудову и расположенного в 4 верстах от посада.

Трудно себе представить что-либо более широкое и грандиозное и по замыслу, и по исполнению. Довольно привести несколько цифр.

Общая поверхность имения – 1900 десятин. Сад фруктовый разведен на пространстве 120 десятин. Виноградник занимает 90 десятин. Деревьев в саду 35 тысяч штук. Вина получено в первый год плодоношения (1893) 4500 ведер, ожидается в 189 ч – 6,5 тысяч. Затрачено с 1882 года, когда имение куплено, свыше 1 млн. 600 тысяч рублей. Устроен на всем винограднике дренаж, а в саду искусственное орошение с 90 верст канав. Все 90 десятин винограда опрыскиваются медным купоросом по системе железных трубок.

Можно себе представить, что это за хозяйство!

Осматривал я Раздолье не вместе с нашей экспедицией, а снова один, в сопровождении управляющего, технолога Н. В. Шихаева, и, пробыв у Хлудова около 3 часов, мог ознакомиться с этим колоссальным делом, конечно, лишь самым беглым образом.

Мы проехали посад, перебрались по крупным камням вброд через реку Сочу и вскоре въехали в первый виноградник, расположенный на ровном мергельно-глинистом участке десятин в 15. Мой спутник, техник по образованию, садовод и винодел по необходимости, давал очень обстоятельные объяснения.

– Посадка у нас принята по способу Гюйо, то есть “резка в дугу”. Виноград рассаживается рядами в 1,5–2 аршина

расстояния между рядами и столько же между кустами. Обрезанная дуга весной подвязывается к колышку, побеги развязываются по проволоке, укрепленной на железных стойках, имеющих в разрезе форму Т. Каждую осень почва перекапывается сплошь на глубину 5–6 вершков. Платаж сделан на глубину 6 четвертей. Весенние работы заключаются в выщипывании неплодных почек над плодными (пасынкование), в полке и цопковании, то есть поверхностной перекопке, которая производится 2–3 раза в лето. Подвязывают тоже раза два.

Сорта винограда: Лафит, Рислинг, Пинагри, Саперави, Сотерн и Мускаты: белый, розовый и черный. Есть немного столовых сортов.

Дренаж, очень основательный и дорогой, проложен подо всеми виноградниками даже на крутых склонах. Подпочва представляет гальку, прослоенную глиной, почти непроницаемой для воды, которая поэтому может застаиваться и губить лозы. Поливки виноград не требует, да здесь и дождей довольно. Наоборот, поливка устроена в саду частью затоплением всех площадей, частью канавами к отдельным деревьям. Но о ней ниже.

Виноградники в Сочи сильно страдают болезнями *oidium* и *mildiu*. Это паразитные грибки, заражающие листья и ягоду в момент перехода ее к созреванию. От оидиума приходится спасаться посыпанием серой с известью, для чего тут же на одном из каналов устроена серная мельница; с милдиу борются сплошным опрыскиванием всей плантации “синей водой”, то есть раствором медного купороса по способу Виала. Наверху устроены бассейны, где готовится раствор, затем жидкость спускается по тоненьким трубочкам между рядами, и от этих трубок идут рукава со шприцами, рассчитанные так, чтобы целый ряд кустов мог быть быстро опрыскан. Разумеется, что стоимость этого приспособления – громадная, но в результате все-таки виноград сохраняется и плодоносит.

Сбор винограда начинается с половины сентября и продолжается до половины октября. В это время важно постоянно определять процент сахара в созревающем

винограде, чтобы получить надлежащего качества вино. Нормальным содержанием сахара и кислот считается:

Для Пинагри	сахара	29%	кислот	0,7 %;
- “- Лафета	- „-	24–26	- “-	0,8%
- “- Рислинга	- “-	22	- “-	0,8%
- “- Муската	- “-	30	- “-	0,6%

Собранный виноград тотчас же подвергается сначала обработке на гриппуаре, машине, отделяющей ягоды от веток, затем поступает под пресс. Пресс этот огромной силы, вмещающий до 250 пудов винограда. Отжатый сок стекает по трубам в подвал винодельни, где подвергается брожению. Красные вина бродят вместе с выжимками для извлечение красящего пигмента, белые – в виде чистого сока.

Винодельня и подвалы представляют огромное каменное двухэтажное здание, расположенное на полугоре.

Неподалеку бондарная мастерская, готовящая огромных размеров бочки. Ни экспедиции, ни мне не пришлось видеть винодельни и подвалов, ни тем более попробовать вина. В одном случае было неизвестно, куда затерян ключ, в другом ушел неведомо куда смотритель здания.

В сущности это была невинная хитрость Хлудова. Он попросту не хотел показывать ни своих подвалов, ни своего вина. Дело в том, что устроенный им очень *en grand* опыт с искусственным брожением не дал никаких определенных результатов, и почтеннейший Василий Алексеевич вплоть до сей минуты не знает в точности, получит ли он некоторый драгоценный нектар или будет вынужден 2–3 тысячи ведер вина выпустить в реку Сочу. Поэтому он, как истый москвич, и держится такой логики: “если, мол, вино выйдет хорошее, то и будем им хвастаться, а если придется выбросить, то сделаем это тихо – по крайней мере, не будут смеяться”. Вот почему, когда нужно, теряются ключи и проваливаются сквозь землю артельщики.

Опыт В. А. Хлудова не только интересен, но, пожалуй, делает ему большую честь даже при возможной неудаче. Удивительно лишь, зачем выбрал он Сочи для своего огромного виноделия, а не основался где-нибудь севернее, на благородных мергелях Маркотхского хребта? Вот что мне удалось узнать.

Василий Алексеевич очень увлекается виноделием и, по – видимому, чрезвычайно основательно усвоил себе теоретическую сторону происходящих при брожении вина химических процессов. Узнал он о бактериологических работах во Франции над сахаромицентами и поехал учиться. Новейшие работы французских химиков состояли в том, чтобы заставить при брожении вина работать не все сорта естественно имеющихся в сусле бродильных грибков – сахаромицен, а только нужные грибки, отвечающие известному букету. Это и есть так называемое искусственное брожение посредством “чистых культур”. Чтобы получить эти чистые культуры, бактерии разводят на желатиновой пластинке, где они располагаются ясными группами, выбирают под микроскопом нужную группу и размножают ее в виноградном сусле, предварительно

стерилизованном, то есть нагретом до температуры 60°. Сусло это вливают в массу тоже стерилизованного сока, который и бродит под влиянием одного определенного рода сахаромицел.

Вещь совершенно новая, хотя и давшая результаты довольно положительные. Но господа заграничные виноделы народ достаточно консервативный, и если делают опыты, то осторожно, над ведром – двумя. Василий же Алексеевич, изучив насколько было можно эти чистые культуры, явился на свой виноградник и сделал искусственное брожение чуть не над всем суслом урожая 1893 года.

Результат хранится в глубоком секрете, но от зубоскальства и сплетен не обережешься. Все страшно заинтересованы “тайной”, рассказывают всякие небылицы, даже держат пари, а Хлудов таинственно улыбается и самым искренним образом соболезнует:

– Да, подвалы очень интересны. Да вот горе – затерялся ключ, не можем никак найти...

Впрочем, управляющий божится по секрету, что вино выйдет отличное, но только поспеет значительно медленнее.

Мы проехали огромный, чудный парк из вековых величественных деревьев, между которыми на широких расчищенных полянах зимуют на открытом воздухе самые нежные экземпляры субтропической флоры, и въехали в огромный сад, занятый покуртинно то сортами яблок Кандиль-Синап и Сары-Синап, то французскими грушами, то обширными плантациями слив и персиков. Растет здесь все с поразительной быстротой. Есть обширные плантации маслины, привезенной в виде кольев из Трапезунда, есть гранаты, мушмала, айва, фундуки, грецкие орехи, и все это целыми аллеями.

Посреди сада питомники. Все в образцовом порядке. Превосходны также школы декоративных растений. Здесь, на открытом воздухе, правда, в местах защищенных, довольно свободно зимуют латании, пальмы, хамеропсы, кактусы и пр.

Питомники тропических, декоративных и хвойных растений со временем будут иметь большое торговое значение. Сейчас культура эта ведется только для нужд своего парка, но когда все здесь разовьется и размножится, раздолье будет в состоянии отпускать в Центральную Россию множество самых редких оранжерейных растений. В. А. Хлудов, не жалея денег, выписывает интересные растения со всех концов земного шара и обладает многими, единственными в своем роде, коллекциями, например коллекцией узорчатых японских кленов до 30 видов, один одного причудливее и эффектнее, австралийских "казуаринум" и т. д. В ботаническом отношении здесь собраны большие богатства.

В Сочи экспедицию министра встретили чиновники по поземельному устройству из партии Сухумского округа господ Марков и Каменецкий. Партия эта производит в некотором роде работу Христофора Колумба, лазая по неприступным почти горам и разыскивая удобные для поселений участки. Оказывается, что внутренние части гор за ближайшим к берегу хребтом почти вовсе не исследованы. Партия нашла до 6000 десятин превосходных земель, огромное количество девственных лесов, минеральные источники, один из которых, по составу близкий к нарзану, дает 300 тысяч ведер в сутки, и т. д. В эту партию было предположено пригласить бывшего местного участкового начальника и землевладельца Краевского и агронома Старка (из Учдере) и организовать настоящее исследование нагорной полосы.

С легкой руки Хлудова земли около Сочи страшно вздорожали, и на те клочки, которые еще имеются у казны, претендует множество желающих. Но главная масса превосходных земель, как Высочайше пожалованных, так и приобретенных у казны на льготных условиях, до сих пор пребывает в невозделанном виде.

По вопросу о культуре и колонизации здесь было устроено совещание и предложены различные меры, из которых главнейшие следующие.

При избытке земель в юрте, если при размежевании будут подлежать отрезке культурные участки, содействовать

переселению на них отдельными дворами или грушами дворов, смотря по местным условиям.

Нагорные свободные земли обращать под поселенческие участки от 5 до 30 десятин, смотря по местности и возможности культуры.

Земли поселянам передавать в собственность с правом отчуждения, но не иначе, как лицам русского происхождения и при том наблюдая, чтобы земля не скупалась в одни руки, для чего все подобные акты должны совершаться под контролем администрации.

Поддерживать расселение и подворное землевладение, так как общинное здесь едва ли возможно.

И наконец, чтобы побудить владельцев крупных пожалованных площадей или приобретенных на льготных основаниях участков, переходить к культуре, а не просто ждать повышения цен на землю – вести и постепенно повышать налог на некультурные земли.

Последняя мера, если она будет проведена, произведет действительно переворот в желательном смысле. Владельцы будут вынуждены что-нибудь делать со своими землями: самим ли начинать хозяйство или раздавать участки поселенцам. Несправедливого в этом экономическом понуждении ничего не будет, ибо весь смысл льготных продаж и пожалований только в том и заключался, чтобы скорее обратить в культурное состояние и заселить важное в стратегическом отношении побережье. А вместо этого господа владельцы только тормозят переселения и не делают ничего.

Все эти вопросы будут окончательно решены по возвращении экспедиции в Петербург.

XIII. Адлер

Первая остановка на пути от Сочи к Адлеру была сделана в двух верстах, на участке будущей опытной правительственной станции, которая обстраивается, планируется и насаждается теперь под руководством и

личным наблюдением члена Государственного Совета Н. С. Абазы, много поработавшего над культурными вопросами Черноморья. Министерству земледелия удалось выхлопотать назначение 35 тысяч рублей на две образцовых станции в Сочи и Сухуме, и устройством их занялся Н. С. Абаза, разумеется, без всякого вознаграждения. Трудно себе представить более удобное и красивое место не только для станции, но даже для самой изысканной и прихотливой виллы. Вековой буковый, грабовый и дубовый лес, на отлогой покатости спускающийся к шоссе и морю. В этом лесу сделана расчистка в виде прямоугольной поляны и распланировано уступами место для построек. Наверху жилой дом, вчерне уже готовый. Пониже разнообразные постройки, окруженные куртинами цветов и будущих опытных культур. Повсюду разбросаны оставленные наиболее красивые экземпляры деревьев, а справа и слева сплошными стенами возвышается девственный лес.

Почва, несмотря на покатость, сыровата, а внизу у моря болотиста, но канавы ее осушат. Всей земли отведено под станцию 142 десятины.

За станцией впервые встречается в лесу знаменитая кавказская пальма – самшит, дело об истреблении которой наделало когда-то столько газетного шума. Это дерево ботанически к пальмовому роду совсем не принадлежит. Оно идет на многие технические поделки: на веретена и лодочки прядильных машин, на клише для полиטיפажей. Дерево по своей толщине распределяется на три сорта. Толще 11 дюймов в диаметре уже плохо, это перестой, часто гнилой. Средний размер толщины это 5 и 10 дюймов. Чтобы дойти до этих размеров, дереву нужно 212 и 334 года. Поэтому оборот рубки самшита огромный. Дальше за Адлером казне принадлежит по реке Бзыби огромная и устроенная лесная дача в 72 тысячи десятин, из которых под чистой пальмой 7300 десятин. Несмотря на такое сравнительно значительное количество, в оборотную рубку предположено пускать только 34 десятины в год, что может дать около 25 тысяч пудов дерева в среднем по 50 копеек пуд, или на сумму 12,5 тысячи рублей. Сумма эта так незначительна, что не вызовет серьезных

предпринимателей, которым необходимо будет, кроме того, истратить большие деньги на прокладку дорог.

Необходимо поэтому вместо маленьких участков пускать в продажу сразу большие партии, другими словами, принять выборочную систему. Но тут является другое возражение: пальма боится осветления вследствие вырубki. Впрочем, эти вопросы совсем не изучены, а между тем и ценность пальмового дерева в торговле грозит сильно измениться вследствие новых изобретений, заменяющих ее искусственными композициями.

Переезжаем замечательной красоты ущелье с речкой, вода коей белая. В воздухе ясный запах сероводорода. Оказывается, что это речка Агур образуется из превосходных серных ключей верстах в трех или четырех от шоссе. Температура их выше 20° при выходе здесь, на шоссе, понижается до 16°.

Между пунктами Холсте и Гобебсте строитель шоссе капитан Гофман проводит экспедицию с большими осторожностями. Шоссе здесь ухитрились проложить по сползающим и очень крутым скатам, и четыре версты поглотили уже на ремонт свыше 20 тысяч рублей. Как ни бьются, какие грандиозные насыпи ни насыпают, какими хитрыми подпорками ни подпирают обвалы, шоссе все равно придется отсюда перенести, ибо эти ползучие темно-серые сланцы никакой точки опоры не дают.

Не доезжая восьми верст до Адлера, мы встретили обширную лесную разработку в имении покойного великого князя Константина Николаевича. Лесопромышленник заплатил всего по 50 рублей за десятину. Правда, срезать и расколоть на дрова вековые деревья огромного размера и крепчайшей древесины очень трудно, но цена все-таки кажется крайне низкой. Дрова тут же складываются на берегу моря и фелюгами отправляются в Севастополь. Тут же сплошь срезывается и мелкая пальма по 30 копеек за пуд.

Флора все меняется и меняется. Начинаются дикие маслины, лавр, составляющий небольшую статью дохода в виде продажи листа (20 копеек пуд). А. Ф. Баталин усиленно

гербаризует, собирая интересные разновидности, а главное, семена, в большинстве уже выспевшие. Встречаем обширные заросли особенной травы *phytolacca decandra*, покрытой множеством кистей ягод, дающих превосходный по цвету, безвкусный и совершенно безвредный темно-фиолетовый сок. Сок этот не меняет своего цвета на свету и мог бы быть отличной кондитерской краской вместо вредного фуксина. Пока он идет только на подкрашивание вина, а молодые стебли дают очень вкусный (для грузин) салат.

За пять или шесть верст до Адлера шоссе спускается в болотистую ложину у самого моря, густо поросшую вековым лесом. Вечерний воздух насыщен парами и похож на оранжерейный. Скоро лес раздвигается, и шоссе идет прямо, как стрела, между плантациями кукурузы исполинского роста.

В Адлер въезжаем уже сумерками. Это большое село, расположенное на огромной, совершенно плоской низине у самого моря. Церковь, или как здесь называют, молитвенный дом, маленькая и невзрачная. Жители русские, уже успевшие акклиматизироваться и не боящиеся лихорадок, свирепствующих здесь сильнее, чем где-либо на побережье. Лавки и вся торговля в руках имеретин. Экспедиция встретила на площади своеобразное каре из представителей всяких национальностей и претензий. Множество блюд с хлебом-солью или с лепешками и солью. Бесчисленное количество прошений. Пока успели только собрать и уложить эти прошения, наступила темная южная ночь. Никогда еще село не видало ни такого оживления, ни такого количества начальства. Здесь мы прощались с представителями нашего министерства и администрации по Черноморскому округу и знакомились с сухумскими властями, выехавшими сюда на встречу министра. Уходил и наш новороссийской поезд, состоявший из очень удобных рессорных крытых фаэтонов. Местная власть подготовила новый поезд, достав Бог весть откуда какие-то допотопные пролетки.

На берегу поджидает нас также офицерство с военной лодки “Черноморец”, которая с огромного марсового фонаря

бросает могучие снопы электрического света на Адлер и окрестности. Жители толпами расхаживают по улицам, заглядывая в окна. Чуть не в каждом доме отведены квартиры на ночлег почетным гостям. В доме священника наш походный повар устраивает прощальный обед Черноморскому округу. Министр и мы все тепло благодарим начальника округа полковника Соколова, управляющего государственными имуществами Васильева и начальника участка Дубовика, без усиленных забот и распорядительности которых экспедиция не имела бы и десятой доли окружавших ее все время удобств. Эти лица возвращаются назад с ночным пароходом, утомленные, разбитые, а Я. К. Васильев даже телесно поврежденный. Его в лесу укусила предательная муха це-це, крошечное насекомое, страшно редкое, от ужаления которого распухает сначала рука, затем плечо и более или менее сильно воспаляется целая половина тела. В это же время человека “ломает” как в самой сильной лихорадке. Лесной ревизор Николаев передавал, что то же самое было с ним двадцать лет назад. С тех пор он все время в лесах и ни разу не видал этой мухи. Это может служить хорошим успокоением для нервных путешественников.

Жителями Адлера было подано, как я уже говорил выше, множество разнообразных прошений, в том числе прямо противоположных. Имеретины-торговцы ходатайствуют об обращении города в посад и об устройстве посадского управления, русское население ходатайствует об оставлении села на общинном праве и лишь об открытии в нем ярмарки. Исполнение первой просьбы имело бы последствием официальное в Адлере преобладание имеретин и других инородцев, да кроме того, единственная цель обращения в посад – устройство дачных мест, – является недостижимой. Слишком нездорова эта местность.

За Адлером начинается довольно пустынный берег, по которому до Ново-Афонского монастыря встречается лишь несколько азиатских селений, упраздненная и совсем пустая крепость Гагры и незначительный Пицундский монастырь. Я решил снова отделиться от экспедиции и ехать вперед, чтобы хорошенько ознакомиться с Сухумом.

Ко мне присоединился А. Ф. Баталин, и в ту же ночь мы вышли на “Черноморце”, держа курс на Сухум, а остальные члены экспедиции тронулись к югу сухим путем.

XIV. Сухум

Небольшое сравнительно расстояние от Адлера до Сухума мы едва сделали на “Черноморце” в течение целого дня, ибо этот красавец-пароход не из ходких и, идя на всех парах, делает не больше 14 узлов в час, а обыкновенным ходом не уйдет и 8 узлов. Уже начинало темнеть, когда мы бросили якорь на огромном сухумском рейде в полуверсте от берега.

Сухум производит впечатление большого и очень красивого города. В нем несколько относительно порядочных гостиниц с ресторанами обычного кавказского типа, то есть с армянско-грузинским хозяином, меню и прислужгой. Гостиницы обыкновенно стоят пустые, но на этот раз мы с А. Ф. Баталиным едва-едва могли найти скверненький номерок с двумя постелями. Шла сессия наехавшего кутаисского окружного суда и вследствие того весь Сухум наполнился самой разнообразной азиатчиной, занявшей не только номера, но и коридоры. По одному только делу фигурировало до 70, не знаю уж, свидетелей или подсудимых; да их чрезвычайно трудно и разобрать, до того лица и костюмы у всех на один образец и до того подозрительно блестят у всех глаза.

Любопытная сторонка! Садимся мы с А. Ф. Баталиным в общей зале ресторана. К нам подсаживается другой ученый ботаник, уже с месяц работающий здесь от Географического общества и Сухум знающий. Входит многочисленная компания азиатов с красивым седым, коротко остриженным стариком во главе. Они усаживаются у свободного стола, половина остается стоять. Идет оживленный разговор по-мингрельски.

– Кто это? – спрашиваем у нашего спутника.

– А это князь Д***, известный конокрад.

На наше понятное недоумение ботаник совершенно спокойно объяснил, что за конокрадство, пристанедержательство и организованную торговлю ворованными лошадьми сей владетельный князь был неоднократно высылаем отсюда административным порядком. Но тогда пускались в ход все местные и петербургские связи, и сиятельный хищник не без торжества возвращался в свои поместья. Зачем он теперь приехал сюда, да еще с целой ордой, его ли судили или только вызывали в качестве свидетеля – узнать не пришлось.

Сухум замечательно красив и с моря, и внутри города. Длинный бульвар тянется у самого берега, оканчиваясь прекрасной железной пристанью. Поперек от него идет длинная, широкая и красивая улица, на которой стоит небольшой, но красивый городской православный собор. Тут же архиерейский дом, где живет преосвященный Петр, епископ сухумский, молодой и, как говорят, очень энергичный пастырь. Далее расположен ботанический сад, одна из крупных достопримечательностей города, заложенный еще князем Воронцовым и полный редких экземпляров растений. Тут же горская школа ведомства министерства народного просвещения.

Город полон очень живописных развалин, составляющих чуть не половину из существующих домов. Все это следы отчасти майской бомбардировки 1877 года, отчасти пожаров, произведенных возмущившимися и предавшимися туркам абхазцами. Незначительный русский отряд, занимавший Сухум, был выведен еще раньше в Цебельдинское укрепление, и город, не имевший никаких шансов к защите, был покинут вместе с той частью населения, которая видела в турках своих избавителей от русского владычества.

И действительно, абхазцы, даже считавшиеся христианами, передались Турции, как только появился первый броненосец, сняли с шеи кресты и почти сплошь присягнули на подданство султану. Разумеется, с неблагоприятным для Турции поворотом военных действий, этим новым

верноподданным не оставалось ничего другого, как идти на оставшуюся у их повелителя территорию.

А город так и остался разоренным. Дома в большей части застрахованы не были, вознаграждение пострадавших казной потребовало очень длинной процедуры, особенно при отсутствии у многих владельцев документов, наконец часть владельцев исчезла вовсе. И вот город представляет множество развалин и, к сожалению, это лучшие и красивейшие дома на лучших местах.

Климат Сухума превосходен. Его сравнивают с климатом благословеннейших уголков Италии. Здесь уже разворачивается во всем блеске субтропическая природа. Апельсины, лимоны, мандарины, эвкалипты, маслины растут на чистом воздухе, угрожаемые холодами лишь в очень редкие зимы.

Вот какие здесь средние температуры времен года:

весны	+9°,30	по Реомюру;
лета	+11,66	- “-;
осени	+8,66	- “-;

и зимы	+7,00	- “-.
--------	-------	-------

Средняя годовая температура +10,30°.

Сухум лежит по широте на одной параллели с Ниццей, но защищен от резких перемен погоды, пожалуй, еще лучше. Сухумская бухта, огромная и глубокая, почти не знает бурь, а место, занятое городом и его ближайшими окрестностями, защищено совершенно от все ветров, кроме сравнительно редкого юго-восточного, составляющего в летние месяцы истинное бедствие южного берега Крыма и невыносимого для больных Ялты.

И вместе с тем застоя воздуха в Сухуме никогда не бывает. Всегда тянет легкий ветерок то с моря, то с гор, почти правильно чередуясь в разное время дня. Это не ветер, а настоящая великолепно приспособленная вентиляция, непрерывно обновляющая воздух и уносящая все миазмы. Поэтому в Сухуме нет и не бывает никаких эпидемических болезней. Только лихорадки, уменьшившиеся до крайности с разработкой береговой полосы, еще появляются от времени до времени у неосторожных приезжих из-за низкой местности, на которой расположен городской выгон между старой турецкой крепостью и маяком. Но и это последнее гнездо эпидемий уничтожить легко и притом с громадной выгодой для города. Достаточно на этой низине выкопать хотя бы неглубокий и коротенький морской канал для разгрузки каботажных мелких судов и фелюг, и вопрос решен. Сухум станет одной из самых лучших климатических станций не только в России, но, пожалуй, и в Европе, ибо нигде температура не бывает так ровна и воздух так чист и легкий.

Трудно представить себе в самом деле такое идеальное сочетание условий. Превосходная морская вода, очень соленая, ибо не разбавляется в бухте никакими реками (ручьи вроде Сухумки нечего считать) и не засоряется

отбросами, которые уносятся течением в море. Чудесное песчаное морское дно, допускающее купание без обуви. Почти полное отсутствие грязи и пыли, так как почва – гравий с глинистой, быстро сохнущей подпочвой. Если ночью прошел дождь, как почти все время было в наше пребывание, то к полудню все уже высохло. Несмотря на обильную естественную поливку и близость моря, в Сухуме сырости не замечается; влажности как раз довольно лишь настолько, чтобы умерять летнюю жару. Морозы зимой большая редкость. Понижение термометра до -3 ночью случается раз – два в январе, да и то не каждую зиму, и только две зимы, одна в 70-х годах, другая в 1892 году, отмечены настоящим морозом в -7° по Реомюру. В эту зиму в городе вымерзли наиболее нежные сорта эвкалиптов, украшавших улицы.

Дожди в Сухуме чрезвычайно часты и обильны. К югу от Сочи все побережье до самой турецкой границы за Батумом представляет сплошную полосу наиболее орошаемых атмосферически земель. Это обусловливается особым характером рельефа главного Кавказского хребта, идущего с севера до Сухума почти параллельно берегу и постепенно повышающегося. Против Сухума находится высшая точка Кавказских гор, Эльбрус, затем хребет поворачивает к востоку, очерчивая собой значительное гидрофильное пространство с совершенно особым мягким климатом и необыкновенно роскошной растительностью.

На севере, до Сочи, хребет этот еще недостаточно высок, чтобы защищать побережье от холодного норд-оста, но от Сочи высота его уже значительна, и эта защита сразу изменяет все условия; холодный ветер задержан, морская влага спокойно поднимается и тут же осаждается, преимущественно по ночам, с естественным понижением температуры воздуха, к вечеру насыщенного влагой. Между тем, утром поднимается сухой и прохладный ветерок с гор и умеряет оранжерейную влажность атмосферы, сообщая воздуху чрезвычайную легкость и необыкновенную прозрачность. Ясными утрами отсюда свободно видны горы анатолийского побережья, отстоящие по прямой линии на 350 верст.

Закончу о климате этой части Черноморья табличкой осадков, заимствуемой мной из доклада П. Е. Татаринова в общем собрании Императорского Российского Общества садоводства.

	Осадков в миллиметрах	
	за год	за лето
Сочи	1,885	320
Сухум	1,218	324
Поти	1,572	415

Батум	2,485	535.
-------	-------	------

По этой таблице, между прочим, можно убедиться, что из всей гидрофильной полосы побережья Сухум самое сухое место. С точки зрения требований климатической станции, это не только не недостаток, но серьезное достоинство, ибо как чрезмерная сухость воздуха, так и его чрезмерная сырость, как, например, в Батуме, одинаково вредны для больных.

Вот для каких болезней, по доктору Ковальскому, бывшему здешнему окружному врачу, особенно целителен Сухум: катары бронх, бронхиальные астмы, страдания легочной ткани вследствие хронических пневмоний и плевритов, грудная жаба, ипохондрия, болезни сердца, а купанья, кроме того, полезны для страдающих болезнями наружных покровов, ломотами, ревматизмами, золотухой и т. д.

Но для того, чтобы Сухуму стать климатической станцией одной из лучших в мире, необходимо, наконец, о нем позаботиться. Сейчас он почти совершенно отрезан от кавказского материка, и сообщения совершаются лишь пароходами, заходящими зимой всего раз в неделю в каждом направлении. Шоссе, когда даже будет закончено, не очень-то приблизит Сухум к конечной станции железных дорог России, и по нему пассажиры до Сухума ездить не будут; Сухум необходимо соединить железной дорогой с одной стороны с Владикавказской линией, с другой – с Закавказской. Согласно исчислениям инженера Андреевского, обе эти линии хотя и представляют более длинный путь в обход Главного Кавказского хребта, обойдутся дешевле и будут более провозоспособны, чем проектируемая линия Владикавказ – Тифлис, обслуживающая лишь Тифлисскую губернию.

Да и кроме того, если даже эта последняя железная дорога и будет проведена, соединять Сухум хотя бы со станцией

Ново-Сенаки Закавказской дороги все же придется, ибо нельзя же забросить в таком отрезанном от центра положении лучший из Черноморских портов.

XV. Новый Афон

Я буду придерживаться в описании хронологического порядка, а потому, несмотря на то, что мы с А. Ф. Баталиным посвятили почти три дня предварительному осмотру сухумских культур и садов, расскажу об этом при втором осмотре в составе всей экспедиции, а теперь перехожу к нашей поездке в Новый Афон, куда мы отправились на встречу министра и где нам предстояло ознакомиться с культурной деятельностью русских монахов.

В Сухуме прекрасные извозчики в фэтонах, запряженных парой бойких кавказских лошадок. Мы наняли одного из них за 4 рубля туда и обратно, то есть на целый день, хотя могли бы воспользоваться и срочными дилижансами, берущими до Нового Афона всего по 50 копеек с человека.

Расстояние около 20 верст. Местность – очаровательный нагорный берег, по которому шоссе то приближается к самым кручам, то огибает невысокие холмы, то наконец спускается вниз на плоский берег. Культуры почти никакой, если не считать ничтожных поселков.

Кому принадлежат эти благодатные земли, казне или разобраны частными лицами – нам узнать не удалось. Но большая часть их в совершенно диком состоянии. И это там, где скромная семья могла бы безбедно существовать и кормиться на $\frac{1}{2}$ десятины. И вот вместо цветущего и людного берега с высокой культурой расстилаются живописные пустыри, плещет безграничное море, на котором не видно в соответствии безлюдному берегу ни одного дымка парохода, ни одного паруса да вырезаются на горизонте дикие вершины альпийских или итальянских сосен.

Самый резкий контраст с этой дичью и глушью, с этими бесконечными чередованиями плантаций гигантских

папоротников, держи-дерева и шапок ломоноса на изуродованных деревьях, представляет монастырская территория. Сразу из томительной пустыни путник попадает в царство кипучего, огромного труда, не оставляющего ни одного клочка земли без внимательной обработки. Раскрывается картина широкого и разнообразного хозяйства, в котором сразу чувствуется превосходно соображенный и неумолимо-последовательно проводимый план.

Как побывавший на старом Афоне, я сразу узнал и это хозяйство, и это неуловимое “нечто”, которое им движет и которое здешний монастырь, питомец старого Руссика, принес с собой как традицию, как культурный завет. Это “нечто” – просветительная и культурная работа “Бога для” с полным отречением от своего “я”, с полным пожертвованием своего личного труда и своей земной жизни ради высших целей, вверенных строгой, можно сказать, железной руке настоятеля.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь – обитель сравнительно очень молодая. Первая мысль об основании на Черноморском берегу отделения русского Пантелеймоновского монастыря возникла всего в 1874 году, то есть не больше 20 лет назад. В это время в старом Руссике шла упорная национальная борьба между греками, захватившими русскую обитель, и ее хозяевами. Изнемогающая горсть русских, лишенная всяких прав, доходила до такого отчаяния, что уже подумывала о выселении со святой Горы. Предчувствовались также и неблагоприятные политические обстоятельства. Воздух Востока был пропитан собиравшейся грозой. Нужно было приискать место, где бы русская братия Афона могла найти верное прибежище, не разрывая вместе с тем связи с Афоном. Руссик начал искать такой утлок в пределах России, на Кавказе.

Эта мысль русского Пантелеймоновского монастыря совершенно совпадала с видами нашего правительства. Тогдашний наш посланник в Константинополе граф Н. П. Игнатьев указал Сухум в качестве места для новой обители как ввиду его стратегического положения, так и ввиду

культурного значения монастыря среди полудикой Абхазии, и, заручившись благосклонным содействием наместника кавказского великого князя Михаила Николаевича, горячо ходатайствовал перед покойным Государем Александром II о даровании Руссику земельного надела близ Сухума, на месте, выбранном в 1875 году уполномоченными монастыря с иеромонахом Арсением во главе.

Земля в количестве 527 десятин с необходимым лесом была отведена осенью 1875 года, а с весны 1876 уже начались работы под управлением строителя, прибывшего с Афона иеромонаха Иерона, нынешнего настоятеля монастыря. Работы подвигались с такой быстротой, что 17 октября того же года освятили главный монастырский храм во имя Пресвятой Богородицы (Покровский). Одновременно братия выстроила помещения для жилья, необходимые службы и хозяйственные постройки, и приступила к заготовлению материала для возобновления древнего полуразрушенного храма, выстроенного в VI веке над могилой скончавшегося здесь по преданию апостола Симона Кананита.

Тотчас же вслед за освящением храма была открыта школа для абхазских детей. Но ей на этот раз почти не пришлось работать. Через месяц по открытии, в ноябре 1876 года, было предложено местным начальством школу закрыть и учеников распустить по домам, а затем, ввиду опасностей войны, было предложено и братии удалиться из монастыря в более безопасное место.

Все движимое имущество и церковная утварь монастыря были вывезены, братия перешла в грузинский Гелатский монастырь, а на Новом Афоне остались иеромонах Иерон с монахом и двумя послушниками. Они стерегли монастырь и служили обедни до 8 апреля 1877 года. Затем война была объявлена, русский отряд, занимавший Сухум, было решено вывести в Цебельдинское укрепление, город и монастырь оставались совершенно беззащитными. 28 апреля подошли два турецких броненосца и сделали высадку. 1 мая последовала бомбардировка Сухума и разграбление его

турками и абхазцами. Тогда же до основания был разграблен и сожжен и Ново-Афонский монастырь.

Во время войны братия, подготовившись заблаговременно, почти вся служила санитарями в военных госпиталях, а по заключении мира немедленно принялась за возобновление обители. 1 октября 1878 года приступили к работам, 3 февраля 1879 года уже освящали отстроенный главный престол Покровского храма.

С этих пор начинается мирное процветание обители и широкая культурная и просветительная деятельность. Прежде всего были выстроены при помощи пожертвований и отчасти субсидий со старого Афона: корпус для братии, большой дом для училища, трапезная, просфорная, странноприимный дом. Восстановлен древний храм во имя апостола Симона-Кананита, возле него в глубоком скалистом ущелье поставлена каменная плотина и мельница. Устроен пчельник, скотный двор, проложены дороги, расчищены леса и дикие заросли, и повсюду основаны сады и плантации. Работа представляла невероятные трудности; особенно тяжело было выкорчевывать буковые, дубовые и грабовые деревья. Затем упорную борьбу приходилось вести с цепкими и колючими кустарниками и гигантскими папоротниками, в несколько дней разрастающимися здесь на свежевзрыхленной земле до огромной величины. Прежде чем начать вскопку земли, необходимо вырубить особыми топорами на длинных рукоятках и сжечь весь этот сор. Затем, обработав землю неглубоко папками, вроде ручной мотыги, можно сеять кукурузу, которая дает здесь на девственных землях баснословные урожаи, и, вместе с тем, притеняя почву и заглушая сорные травы, подготавливает землю к дальнейшей культуре.

Сейчас же по возобновлении обители была возобновлена и школа, рассчитанная на 20 человек абхазских детей, преимущественно сирот. Цель школы – подготовить местных мальчиков к учительскому или священническому званию. Обыкновенно дети поступают, даже не зная ни слова по-русски. Курс школы соответствует в первых двух классах сельской начальной школе, затем двухклассной

министерской. Выйдя оттуда, мальчик является уже достаточно подготовленным для учительской или духовной семинарии.

Во всю дорогу мы обгоняли толпы богомольцев, преимущественно женщин. Трудно даже понять, откуда набирается столько их при редкости здешнего русского населения. Правда, что в толпе можно было заметить и мужчин из коренных местных жителей. В монастыре мы нашли их еще больше. Как говорили, движение населения в монастырь постоянное и непрерывное. Кроме духовных целей, местные жители привыкли ходить в Новый Афон на заработки. Монастырь, по-видимому, поставил за правило никому в работе не отказывать, и если готовой работы нет, то постоянно придумывать новую. Иногда по зимам в монастыре кормятся и получают небольшую поденщину до 2000 человек ежедневно. Легко себе представить, что сделано при помощи стольких дешевых рук и какое культурное воспитание дают населению не только самые работы на плантациях, но даже один их осмотр. Я уже не говорю о специально нравственном воздействии обители. Богомольцы живут здесь по неделям, присутствуют при долгих и благочинных по старому афонскому уставу богослужениях, говеют, слышат сердечные и доступные поучения, получают различные духовно-нравственные издания для чтения. И таков характер русского народа: самая хозяйственная культура, являющаяся не целью, но служебным элементом другим высшим целям духа, производит на простолюдина гораздо более могущественное действие, чем та же культура, так сказать, лаицизованная.

Мы уже видели в этих очерках разные типы культурных деятелей: крупного владельца-предпринимателя, интеллигента-колониста, монаха. Без всякого колебания пальму первенства нужно отдать последнему. Русский монастырь на дикой и непросвещенной окраине является могущественнейшей культурной силой, начиная с Печенги за Полярным кругом, Валаама и Соловков и кончая полутропическим Сухумом. В этом отношении ничего бы лучше не могло придумать правительство, как основывать

как можно более новых монастырей на далеких окраинах России, тем более, что охотников всегда довольно и для казны это почти ничего не стоит. Один такой пункт уже избран недавно для Восточной Сибири, и можно смело предсказать, что каждая подобная обитель явится настоящим культурным центром огромного радиуса.

XVI. Монастырские культуры

Веселый трезвон колоколов, пестрые толпы богомольцев, бегающие за разными распоряжениями послушники, необычное оживление в монастыре указывали, что экспедиция, следовавшая по шоссе, уже прибыла. Мы прошли в главный храм, где находились почетные гости и где уже заканчивался молебен.

Нас тотчас же провели в “архондарик”, то есть приемную для почетных гостей, имеющуюся в каждом афонском и вообще восточном монастыре. Был приготовлен чай с разными печеньями. Собрались несколько старших старцев-иеромонахов с настоятелем монастыря, архимандритом Иероном во главе, и, кроме того, несколько видных богомольцев из местных жителей.

Я представился отцу Иерону, который знал о моем пребывании на Афоне в 1889 году и читал мои письма оттуда, а потому отнесся ко мне с лаской и любезностью.

– Вам будет у нас особенно любопытно. Мы стараемся в точности хранить устав святой Горы и ее порядки. Сравните и увидите сами. Конечно, у нас не может быть ни той уединенности, ни той внешней строгости, потому что мы не так отрезаны от мира, как Афон, и к нам легче добраться. Мы здесь на перепутьи. Но во внутренней нашей жизни мы стараемся сколько можем приближаться к Пантелеймону. Постепенно усиливаем службы...

– Бдения у вас, как и на Старом Афоне?

– К сожалению, число их значительно меньше. Там бдения совершаются до 80 дней в году, мы столько не можем. Но зато у нас гораздо больше строительных и хозяйственных

работ. Когда обитель будет окончательно устроена, тогда и по бдениям Господь поможет сравняться. Отец Иерон взялся сам быть проводником, и действительно, вряд ли кто в монастыре знает все подробности дела так хорошо, как этот старец, сам лично вникающий во все отрасли огромного дела, всем лично руководящий и сверх того не упускающий ни одной службы и держащий все административные нити исключительно в своих руках. Трудно поверить, сколько душевной силы и железной энергии, соединенной со строгостью и приправленной сердечной лаской, заключается в этом маленьком, худеньком человеке, усвоившем себе даже привычку быстро ходить и говорить почти скороговоркой. Он должен все знать и все помнить, поспевать всюду и всем показывать.

Осмотр хозяйства начался с расположенного тотчас же за главным братским корпусом цветочного и фруктового сала. Здесь помещается довольно значительная плантация лимонов, апельсинов и мандаринов, вывезенных с Афона. Рассажены деревца довольно густо, отчасти шпалерой и обильно покрыты плодами, созревающими зимой. Деревья имеются уже 12-летние и постоянно подсаживаются новые; плодоносят с 6–7 лет. На зиму слегка прикрываются, но это скорее предосторожность, чем действительная необходимость. На этой части побережья апельсины и лимоны вымерзнуть могут лишь в 20 лет раз. Самое большое, что может сделать утренник, – повредить плоды и обжечь кончики ветвей, но и это крайняя редкость.

Тут же в саду показали нам очень хороший экземпляр финиковой пальмы, тоже плодоносящей, и так называемое дынное дерево, пересаженное три года назад из Сухума.

До какой степени могущественна здесь растительность, можно убедиться на гигантском розовом кусте, фотографию коего я взял на память. Это, собственно, не куст, а целое огромное раскидистое дерево, покрытое несколькими тысячами великолепных махровых роз.

Из сада мы в экипажах поднялись на широкую площадку, господствующую над нижним монастырем, где теперь достраивается настоящая обширная каменная обитель в

строго афонском стиле. Стены уже готовы и несколько келий. В кафоликоне, или главном соборном храме, занимающем середину громадного прямоугольника, заканчивается каменная кладка, но несколько приделов, или по-афонски параклисов, расположенных в разных местах здания, уже отделано и освящено. Над лестницей в один из таких параклисов надпись, воспрещающая вход посторонним. Как объяснил отец Иерон, это сделано “немощи ради” братии, которую невольно развлекают богомольцы. Необходим хотя бы один придел, где бы пришельцы не “смущали” молящихся иноков.

Постройка производится из собственного кирпича, для чего основан кирпичный завод. Глину месят волами, употребляя огромные колеса от арб. Обжигают, как и известь, в усовершенствованных печах и доставляют на постройку по особой переносной железной дороге на лошадях. Эту железную дорогу длиной в 4 версты вместе с подвижным составом отец Иерон приобрел случайно, довольно дешево, и проложил ее от завода к постройке, затем на мельницу и к пекарне.

Монастырь изготавливает не только кирпич для своих строений, но и свою собственную черепицу и глиняные трубы для водопроводов. Вода с гор проведена во все здания.

Любопытно, как устраивалось воздушное отопление в главном новом корпусе обители. Очень сложный калорифер был заложен в одном из коротких фасадов. Архитектор дал лишь самые общие указания и затем уехал. Сначала отцу Иерону было очень трудно понять устройство печи и топки, но затем он догадался.

– Пресвятая Богородица помогла! Мало ли было у нас затруднений и вопросов; мы люди не ученые. Помолишься Ей, Владычице, глядь, Она и подскажет, что нужно. Вот и тут: какой я архитектор! А вот же дошли до всего и справились... Явное Ее к нам милосердие.

Выйдя из массивных святых ворот, мы вновь сели в экипажи и поехали по прекрасной дороге среди холмов, засаженных оливковыми деревьями. Можно только удивляться, до чего

отстала кавказская культура, и как мало для нее делалось до сих пор. Маслина растет здесь превосходно. Втыкается кол, как у нас на севере ива или ветла, он пускает листья и ветви, и на третий-четвертый год уже начинается плодоношение. На Новом Афоне посажено уже до 8000 деревьев на значительном пространстве. Коля привезены из Артвина на турецкой границе; хотя афонские и греческие маслины считаются лучшими, но доставить оттуда было невозможно вследствие запрета ввоза живых растений из-за филлоксеры. Сейчас масличные сады монастыря дают уже очень порядочный урожай от 10 фунтов до 3 пудов оливок с дерева. Масло у братии уже свое и на еду, и на лампы. Свое и вино, очень легкое и вкусное, из виноградника, занимающего теперь до 10 десятин. Маслина в гидрофильной полосе идет особенно быстро и может быть разводима без всяких приспособлений на самых крутых склонах гор.

В местностях более сухих, как, например, на Старом Афоне и в Малой Азии, при посадке масличных деревьев на крутизнах более 30° необходимо против каждого дерева устраивать: ниже его каменную стенку, выше – ложбинку для задержания воды, как я видел это в Карее, главном городе монашеской республики. Здесь ничего подобного не нужно. Корни будут иметь всегда достаточное количество влаги.

Сбыт оливок и в зеленом, и в черном виде совершенно обеспечен, равно как и масла, ныне сплошь привозимого из-за границы. И между тем, масличных садов на Кавказе почти нет, как нет ни виноградников, ни настоящего садоводства.

XVII. Монахи-инженеры

Верстах в полтора от монастыря расположен древний храм во имя апостола Симона-Кананита, долгое время стоявший разрушенным, теперь восстановленный отцом Иероном. Около храма монастырская мельница, горное озеро, огороды и знаменитые пруды с вододействием, в своем роде шедевр инженерного искусства.

Осмотрев храм, несколько мрачный, как и все подобные же храмы на Кавказе, и остановившись над “усыпальницей костей”, где была по преданию могила апостола и где, согласно афонскому обычаю, хоронят кости умерших монахов после того, как тело истлеет во временной могиле[\[18\]](#), мы вышли в необыкновенно живописное ущелье реки Псыртсхи, на одном краю которого, почти прислонившись к отвесной скале, стоит храм Симона-Кананита.

Ущелье невелико и окружено огромными отвесными скалами. На одной из них, на довольно большой высоте, изображен масляными красками Страшный Суд, произведение хотя в художественном отношении и не высокое, но весьма замечательное по техническим трудностям. Отец Иерон объяснил, что писал эту картину монах Савин, желавший показать свое искусство раньше, чем был допущен расписывать храм.

Отвесные скалы почти запирают течение горной речки, которая поэтому имела здесь чрезвычайно быстрое течение и кипела, как в котле. Вырвавшись на простор, она разливалась по низменности и образовывала у самого моря довольно большое болото с постоянно менявшимся уровнем в зависимости от дождей в горах. Это болото производило, как и всегда на Кавказе, жестокие лихорадки. Уже только ради этого его было необходимо уничтожить.

Но отцу Иерону этого было мало. Ему были нужны пруды для рыбы, а речка должна была, кроме поливки огородов, приводить в движение еще и мельницу.

И вот что он придумал. Во-первых, перегородить ущелье в узком месте каменной прочной плотиной, чтобы сзади образовалось озеро, во всяком случае, более стойкое при горных дождях, чем речка. Во-вторых, отделить от успокоенной речки два рукава на мельницу и на орошение, и в-третьих, остальной водой наполнить соответственной величины пруды, на место никуда не годного и вредного болота.

Отец Иерон, человек простой, самородок-костромич, ни с какой гидротехникой не знакомый, но многое выдавший на

Афоне, а главное неистощимо изобретательный. Поставленную задачу он разрешил так, что нам всем пришлось изумляться. Ни один инженер не сделал бы более верного и обстоятельного расчета и не решил бы вопроса так дешево и просто.

Мы поднялись по деревянным мосткам на плотину вышиной сажени 4 и длиной сажень 12. Она выложена на цементе. Через нее красивой завесой шумит водопад, высверливший внизу в камне глубокую и хорошо укрепленную промоину. За плотиной прибита мраморная доска с надписью о посещении этого места Царской Семьей в 1888 году. По отвесным пестрым скалам вьется плющ и лепятся самые причудливые растения. Холодная, почти ледяная пыль от воды стоит столбом.

За озером узенькая дорожка под скалой, где можно любоваться одним из самых очаровательных видов. Не видно ни плотины, ни речки выше озера. Скалы, обвитые зеленью, уходят в самое небо и кольцом окружают озеро – холодное, спокойное и прозрачное, на большую глубину. Земли как будто нет вовсе, кроме узенькой дорожки между водой и скалой. Сажень пятьдесят – и эта дорожка кончается, упираясь в вертикальную стену. Вода имеет чудный бирюзовый оттенок, свойственный альпийским озерам. Рыбы здесь нет вовсе.

Уголок этот до того восхитительно прекрасен при ярком блеске солнца и темных, почти черных, тенях скал, что невозможно оторваться. А между тем надо уходить. Наш художник – инженер, отец Иерон, со счастливой улыбкой сам любит на свое детище и нетерпеливо ждет осмотра главных результатов своего искусства.

В нескольких шагах от плотины широкий рукав воды отведен под огромные колеса мельницы, перемалывающей собственную монастырскую пшеницу и кукурузу. Тут же пекарня, где хлеб месится машиной. Ржи здесь нет, хлеб пекут из необработанной, натуральной пшеницы, так же заквашивая, как ржаной. Вид его совершенно тот же, что и черного монастырского хлеба, но вкус несколько другой.

Около мельницы и храма Симона-Кананита хорошенький садик, замечательный по силе растительности и красоте. К немалому нашему удивлению, отец Иерон показал нам до 50 экземпляров роскошно развившихся наших северных берез.

– Вот говорят, не пойдет наша береза! Чудесно идет. Ну, мы, как русские люди, не могли... Выписали и посадили. Все-таки север, родину напоминает.

Здоровая и порядочно толстая береза росла у самой дороги рядом с большими олеандрами, нисколько не смущаясь этим странным соседством.

Рядом с мельницей начинается каменная голова большого арыка, орошающего монастырские огороды.

Остальная, свободная вода из водопада заключена в широкое и высокое русло с каменными стенками и направлена по старому, углубленному и расчищенному ложу. На высоте приблизительно двух сажен над болотом сделана новая каменная голова арыка, очень широкая, с деревянными шлюзовыми затворами. В сухое время, при низком уровне воды, она почти вся уходит в этот арык и питает пруды, образованные из прежнего болота; во время дождей шлюзы запираются, и вся масса горной воды низвергается прямо в море, не вредя ничему и не затопляя ничего.

Самые пруды образованы снятием очень небольшого слоя земли и насыпкой длинного ряда валов, на плане являющихся почти кольцеобразной сетью, напоминающей паутину. Вал шириной от 5 и до 20 аршин обсажен тополями, разросшимися очень густо, и имеет дорожку, убитую щебнем. Пруды, отграничиваемые этими валами, занимают общую поверхность не меньше 10 десятин и состоят из ряда водоемов, лежащих один выше другого приблизительно на $\frac{1}{2}$ аршина. Вода из арыка входит в самый верхний пруд и наполняет его. Избыток выливается в нижележащий, оттуда в следующий и т. д. Сеть прудов идет кольцом, и на каждом шагу встречаются на валах мостки, под которыми бежит из пруда в пруд вода. Сначала очень трудно понять систему вододействия, так как вода делает сравнительно длинные и крутые зигзаги. Но затем

вы начинаете понимать и изумляться тонкости и точности гидротехнического расчета. Дело в том, что объемы отдельных прудов приблизительно равны, превышение одного над другим то же, равна повсюду и скорость истечения воды, которая рассчитана так, чтобы нигде вода не могла застояться. Поэтому же при всей видимой неподвижности пруды чрезвычайно чисты и прозрачны, свободные от всяких зарослей и тростников. И все это сделано на глаз, без всякой нивелировки.

– Кто это вам устраивал, отец архимандрит? – спрашиваем.

– Был у нас приглашен один персиянин, мастер по водяной части. Только вижу я, что у него ничего не выходит. Ходим, бывало, с ним да спорим. Наконец я помолился Богу и начал сам показывать. Он говорит: ничего не выйдет. Я отвечаю: у меня может быть не выйдет, а у Пресвятой Богородицы выйдет, уж ты, брат, не спорь. И действительно, все вышло в точности, переделывать ничего не приходилось. Да разве же Владычица обманет?..

Было сделано весьма справедливое замечание, что эта великолепная утилизация горной речки в связи с осушением болота представляет наилучший образец для остальных горных речек Кавказа, и что нашим инженерам следовало бы многому поучиться у отца Иерона.

На прудах плавают великолепные экземпляры лебедей.

– А рыба разведена? – спрашиваем.

– Как же, как же, – отвечает отец архимандрит, – Есть карпы, караси, есть форель. Но вот уж настоящая милость к нам Пресвятой Богородицы. Слыхал ли кто-нибудь, чтобы кефаль жила в пресной воде? Никогда! А у нас вот уж два года, как живет и множится. Как раз помню: служу я обедню преждеосвященную в первую среду поста, шепчут мне: кефаль к нам пришла. Ну и слава Господу, отвечаю, и велел ее тотчас же задержать. Пудов на пятьсот примерно оказалось. Так она и осталась жить.

С прудов отец Иерон провел экспедицию на знаменитые монастырские огороды, любопытные тем, что заключают в себе почти все как среднерусские, так и здешние овощи и работают непрерывно круглый год. Гряды почти не

пустуют. Зимы нет, и как только кончается один овощ, тотчас же на его место засаживается другой.

Огород занимает десятины три почти ровного места, внизу лощины с мягкой суглинистой почвой. Он разбит на кварталы с хорошими дорогами между ними и орошается по мере надобности арыками, проведенными из главного арыка, от водопада. Мы долго любовались роскошным ростом здешних овощей и мастерским за ними уходом, слушая подробные объяснения отца Иерона о заготовке их впрок. Овощи в монастырском столе занимают самое важное место, и потому запасы из них – вещь первостепенной важности и старого традиционного искусства.

И здесь невольно напрашивается вопрос: отчего никто на Кавказе не разводит торговых огородов? Отчего на этом побережье нет консервных фабрик и сушилен, которые могли бы работать не только на всю Россию, но и посылать избытки за границу? Капуста дает здесь два урожая в году, огурцы, высаженные в августе, плодоносят весь октябрь и ноябрь, и доставка их в центр России вполне возможна. Что мог бы заработать здесь сметливый и предприимчивый огородник! Но предприимчивых людей нет, кредита нет, знаний нет... нет и культуры.

XVIII. В горах на монастырской пасеке

У выхода из огорода нас ждала огромная пестрая кавалькада всадников-мингрельцев, абхазцев и имеретин в живописных форменных костюмах, между которыми были и офицерские. Десятка полтора рослых монастырских лошадей были оседланы. Тут же гарцевали отец эконома с громадной бородой, в клобуке и рясе, полковник Бракер, начальник Сухумского округа, и низшее начальство. Нашей экспедиции предстояла прогулка на монастырскую пасеку и пастбища, в горы, по прекрасной, устроенной монахами дороге, которую, впрочем, нельзя назвать вполне колесной, так как ее крутые уклоны допускают только движение арб.

Там ожидал нас обед, хотя предупредительный отец архимандрит, предполагая, что некоторые члены экспедиции от этой поездки откажутся, распорядился второй обед заготовить внизу.

Первыми сели на коней министр и отец Иерон, которые и открыли шествие. За ними попарно мы, остальные члены экспедиции, несколько монахов; кругом, толкаясь довольно невежливо, тронулись наши джигиты, составлявшие на этот раз не только излишний, но, пожалуй, даже и вредный элемент. Эти господа здесь до крайности распущены и, обскакивая экспедицию по узенькой дороге, ежеминутно могли кого-нибудь низвергнуть в пропасть. Наконец на них прикрикнул начальник округа, они стянулись впереди и сзади нашей кавалькады и уже более не доставляли себе неприятных для нас развлечений. В числе почетных гостей был также командир “Черноморца”, Писаревский, с маленьким сыном Сережей, всеобщим любимцем на лодке, великолепно сидевшим на лошади, которого отец не без гордости рекомендовал настоящим “морским волчонком”, ибо десятилетний хлопец, проделав все плавание, знал довольно основательно морскую службу.

Дорога построена прекрасно, вся шоссирована, с отводными канавами и опорными стенками, частью высечена в скале. Как я уже сказал, подъемы довольно круты, но для арб достаточны. Любопытнее всего ее стоимость. В то время, как шоссе из Новороссийска в Сухум только по первоначальному исчислению было расценено в 12 тысяч рублей верста, или в 24 рубля сажень, а в действительности обошлось без малого вдвое, здесь, правда, при несколько уменьшенном и упрощенном профиле подрядчик-персиянин запросил с отца Иерона по 5 рублей с сажени. Цена эта показалась слишком высокой, и архимандрит начал строить дорогу хозяйственным способом. В конце концов шесть верст дороги со всеми каменными и водоотводными сооружениями обошлись в среднем от 1 рубля 25 копеек до 1 рубля 50 копеек погонная сажень.

Очень скоро, сделав несколько крутых поворотов по сплошному скалистому подъему, мы достигли значительной высоты, поднявшись почти до уровня

прибрежных гор, на одной из которых расположена старая генуэзская крепость и выстроена небольшая монастырская церковка. Назад открывался поразительный по красоте и грандиозности вид. Безбрежное море без единой волны, освещенное ярким солнцем и все подернутое причудливыми полосами, зеленые горы со всех сторон в самом живописном нагромождении, а внизу, почти в плане, – огороды, плантации и пруды обители.

Полубовавшись этим чудным видом, мы вступили на широкое, волнистое нагорное плато, составляющее монастырское пастбище, и скоро добрались до хутора и пасеки. Тут же под огромным раскидистым дубом, одиноко стоящим на веселой лужайке, был приготовлен длинный обеденный стол.

Пока мы осматривали пасеку и постройки на хуторе и умывались с дороги, министр вместе с архимандритом направился осмотреть отчасти пустопорожний, отчасти лесной свободный участок, прилегающий к монастырскому юрту. Отец Иерон ходатайствовал перед А. С. Ермоловым, чтобы этот некультурный и бесхозяйственный участок был передан в собственность обители, которая нуждается и в лесе, и в расширении пастбищ. Хотя размер участка довольно значительный, около 2600 десятин, но ввиду чрезвычайно важной для края хозяйственной и просветительной деятельности Нового Афона, кажется, было решено исполнить просьбу настоятеля, тем более, что доступ на эту землю возможен только через монастырскую землю и по монастырскому шоссе.

Обед прошел очень оживленно. Кроме недурного вина собственных виноградников, отец Иерон угощал нас особенным медовым квасом, сделанным здесь, на пасеке, имеющей до 750 пчелиных семей. Пробовали мы также прекрасный свежий мед в сотах. Здесь на хуторе живут постоянно несколько монахов, для нужд которых предполагается устроить свой параклис и тут же отправлять службы.

Здесь же узнал я об отношениях, какие существуют между Старым Руссиком и его Кавказским отделением. Согласно Высочайше утвержденному 8 декабря 1879 года уставу,

Ново-Афонская обитель признана общежительной с правилами афонских монастырей и имеет права, одинаковые с инородными православными монастырями в Москве, Киеве и Бессарабии. Она находится под наблюдением местного епархиального начальства и святого Синода, а в хозяйственном отношении подчинена Руссику. Первый настоятель избирается на Афоне, как и был избран отец Иерон, следующих будет уже избирать сама братия и утверждать святой Синод. На первый раз положено иметь 50 человек братии, которая может увеличиваться без особых разрешений. Братия, отправляемая со старого Афона, может быть только русская и получает паспорта из нашего константинопольского посольства. Все земли и имущества Нового Афона, приобретаемые не на средства Старого Руссика, составляют неотъемлемую собственность новой обители. В случае смут на Востоке и необходимости для старо-пантелеймоновской братии искать убежища, таковое имеет она на Новом Афоне, причем, с приездом оттуда настоятеля Руссика, к нему тотчас же переходит управление обителью. Наконец, новая обитель обязана по уставу не производить в Империи никаких сборов, подаваний по книгам и не испрашивать у казны никаких пособий.

В настоящую минуту всей братии с послушниками находится налицо около 600 человек при среднем количестве ежедневных богомольцев до 250 человек, из которых многие живут по неделям на полном содержании монастыря.

Спустившись с гор, на обратном пути мы застали следующую неожиданную картину: около дороги толпа поселенцев с хлебом-солью человек 200. Все на коленях, а кругом довольно густая толпа пешей и конной азиатчины. По первому взгляду в этих коленопреклоненных людях было легко угадать... русских.

Министр тотчас же подошел и просил их встать и объяснить, в чем дело. Оказалось, что это были крестьяне русской деревни Баклановки, пришедшие встретить министра и просить его защиты от абхазцев, которые не дают им возможности вести хозяйство, систематически

воруют скот и лошадей. Правда, что ввиду конокрадства, обратившегося здесь в правильно организованный промысел, местная власть издала распоряжение, что за всякую пропавшую у русских поселенцев лошадь абхазцы без всякого суда и следствия платят 50 рублей, но это распоряжение остается мертвой буквой. Абхазцы по-прежнему воруют, и взыскать с них обыкновенно ничего нельзя.

Сцена производила крайне тяжелое впечатление. После объяснений местного начальства, доказывавшего, что жалобы поселенцев сильно преувеличены и что злоупотребления абхазцев вовсе не так велики, А. С. Ермолов громко выразил сожаление, что русские в этом крае не находят покровительства и защиты от инородцев.

Затем от поселенцев были приняты их письменные прошения, и они были отпущены радостные и обнадеженные.

Вопрос об абхазцах становился в самом деле неотложным. Дело в том, что ушедшие после войны мятежные абхазцы, благодаря нескольким семьям, оставшимся “верными” России, начали понемногу возвращаться и занимать пустопорожние или свои старые места. Около Баклановки образовалось целое селение Аце, центр всяких разбоев и грабежей, справиться с которыми военно-народное управление Сухума будто бы не в силах. Благодаря этому “бессилию” абхазский элемент все увеличивает и набирается дерзости. Ненависть его к русским теперь гораздо больше, чем до войны. Единственное средство справиться с ними, по мнению полковника Бракера, – раскассировать буйную деревню Аце и выслать мятежных абхазцев из России. Если это скоро сделано не будет, то, несмотря на усиленную защиту со стороны монастыря, русские поселенцы непременно уйдут, тем более, что местная стража набирается исключительно из инородцев и преимущественно абхазцев, причем ее деятельность легко предугадать.

XIX. Сухумский ботанический сад и станция

В Сухум экспедиция прибыла к вечеру 16 сентября после более чем двухнедельного утомительного путешествия на лошадях. Следующий день был посвящен приему многочисленных deputаций и осмотру городских учреждений, имеющих связь с Министерством земледелия.

Прежде всего была посещена так называемая Горская школа, единственное учебное заведение Министерства народного просвещения в Сухуме. Школа эта создана при генерале Геймане преимущественно, если не исключительно, для инородцев. Она дает общее образование в пределах курса 2-классной министерской школы, кажется, даже несколько пониженного. Стоило это учебное заведение со всей обстановкой около 100 тысяч рублей.

Нас встретил директор школы Д. Г. Аджанов. Согласно его рапортичке, всех учеников 127, распределяющихся так: мингрельцев 93, абхазцев 27 и русских 7. Вакации еще не кончились, и потому учеников собрали только городских, всего человек двадцать.

Школа обладает недурным помещением, но, по-видимому, заражена большой мертвенностью и в настоящем своем виде является совершенно бесполезной. Недаром депутация от города Сухума просила министра обратить ее в сельскохозяйственную 1-го разряда, о чем город ходатайствует уже года три.

Из школы экспедиция направилась в ботанический сад, одну из редких достопримечательностей Черноморского побережья. Сад этот лучший на всем Кавказе, хотя отпускалось на него до сих пор очень немного, и его управление вплоть до прошлого года было неважное.

Заложенный еще князем Воронцовым, сухумский ботанический сад, полный очень редких и дорогих экземпляров деревьев, был почти сплошь под корень вырублен турками и абхазцами в 1877 году. Но сила растительности здесь так велика, что почти все деревья дали побеги от корней и за 17 лет разрослись еще буйнее и красивее прежнего.

Между многими достопримечательностями сада стоит упомянуть о небольшой плантации маслин, там более ценных, что это уже в большей части старые, обжившиеся деревья. Затем нам показали очень старый и большой чайный куст, посаженный еще при князе Воронцове и случайно уцелевший от турецкого погрома. Чай этот вывезен из Китая и представляет живое доказательство возможности чайной культуры в Сухуме. Покойный академик Бутлеров собрал с него как-то около 2 фунтов листьев, приготовил по китайскому способу чай и демонстрировал его в Петербурге. Опыт оказался очень удачным, но до самых последних лет чайная культура на Черноморье не привилась. Теперь, как я буду иметь случай рассказать ниже, дело это поставлено довольно основательно, и его будущность можно считать обеспеченной.

Много разбросанных там и сям яблонь и груш преимущественно высоких культурных сортов. Деревья эти страдают от кровяной тли, бороться с которой нет средств. Большие деревья лавровишни, инжира, или винной ягоды, орехов, камфарного и благородного лавров; миндальное дерево, кипарисы, много разнообразных сортов эвкалиптов, шелковицы, магнолий, опунций, агав и многое множество других представителей подтропической флоры.

С тех пор, как в распоряжение Министерства земледелия ассигнованы средства на постройку сельскохозяйственных и садовых станций в Сочи и Сухуме, садом, слитым со здешней станцией, занялся местный очень известный садовод и землевладелец П. Е. Татаринов, который весьма скоро привел его в хороший вид. Речка Сухумка, перерезавшая сад и образовавшая болото, была запружена и регулирована, болото осушено, заложены разнообразные и ценные опытные плантации, к ботаническому саду присоединен вымеченный у города смежный участок земли и кроме того, верстах в 3–4, сорок десятин полевой земли. На присоединенном участке проложены дороги и строятся помещения для станции. В небольшой оранжерее культивируются редкие экземпляры экзотических хвойников. Тут же небольшая плантация апельсинов.

Виноградник тоже есть, но он почти заброшен и находится в самом жалком виде. Кусты наполовину посохли без ухода и заросли травой. Мы напрасно искали грозди – не было ни одной, так что даже сорт винограда было трудно определить. Очевидно, виноградарство считается здесь делом второстепенным. Но зато опытные плантации, расположенные в нижней части сада, содержатся прекрасно, весьма полны и поучительны.

Особенное внимание обращено на хлопок, идущий здесь очень успешно. Отдельными кварталами посеяны сорта Upland: закавказский, египетский “Гордон-паша”, неаполитанский и луизианский. Семена выписаны от Дамана в Неаполе и Вильморена. Несколько кварталов занято рицинусом, имеющим здесь большую будущность. Далее идет сахарное сарго, джута, суходольный рис (не нуждающийся в искусственном заболачивании почвы), итальянский овес “де-Казерта”, различные сорта кукурузы и, наконец, индиго. Последнего выписано от Вильморена один килограмм и весь пущен на семена, которых надеются получить до 2 пудов. Это тоже одна из важных культур будущего. Индиго растет и созревает здесь прекрасно.

Последняя плантация около ручья была занята разными сортами бамбука. Это очень выгодное быстрорастущее растение, идущее на множество поделок. Бамбук растет на низменных местах, как самый обыкновенный тростник, и, раз посаженный, не требует почти никакого ухода, давая массу материала.

Мы поднялись наверх по отлого распланированной дороге. На площадке расположен дом садовника, и заготавливается материал для будущей станции. Выстроены уже конюшня и сарай с отделением для хранения семян. Пока там помещаются лишь початки разных сортов кукурузы и несколько закромок с рицинусом.

Сухумской опытной станции, очевидно, предстоит в будущем играть весьма важную роль. Нужно лишь привести в полное соответствие программу ее работ с задачами той климатической полосы, которой культуру она должна двигать. Затем станция должна вести не только научное, не только показательное хозяйство, но на своих 40 десятинах

непрерывно и коммерческое. Если желать сделать ее двигателем и центром местной культуры, – а тому благоприятствуют все условия, – необходимо, чтобы станция была тем пунктом края, через посредство коего правительство может оказывать не только просветительное, но и прямое творческое воздействие на местную культуру. Пояснить это нетрудно.

Станция должна иметь не только свои сады и плантации, но и питомники, и склады всевозможных семян, необходимых орудий, популярных и специальных руководств. Интеллигентный рабочий персонал станции должен быть всегда к услугам хозяев; за самую недорогую цену любой из специалистов или молодых практикантов должен быть командирован, в пределах своего округа, в распоряжение частных лиц для работ над организацией новых или улучшением старых культур.

Но и этого мало. Станция должна быть культурным органом Министерства земледелия. Главная форма воздействия, которое это ведомство может оказывать, есть мелиоративный кредит. Если его финансовая, банковская сторона была бы трудна для станции, то она должна оставить за собой хотя бы его культурную сторону, а там решительно все равно, какая касса будет выдавать и принимать деньги и вести счета заемщиков.

Дело это следовало бы поставить так, чтобы лицо, обращающееся к станции, могло не только при ее посредстве выработать план мелиорации, но и осуществить его, то есть чтобы утвержденный станцией план и финансовый расчет был уже окончательным, по которому касса выдавала бы деньги, не входя ни в какие проверки и расценки.

Наконец, станция должна иметь в виду и еще одну важную сторону местного хозяйства. Разбросанные одиночные хозяева, вводящие новые культуры, могут не найти сбыта своим произведениям или, вырабатывая товар в небольших количествах, рискуют продать его за бесценок. Станция должна служить по крайней мере для новых культур коммерческим агентством, складом, должна, если нужно, выдавать авансы под сложенные у нее произведения,

словом, должна оказывать всестороннюю живую помощь хозяевам.

Дело именно в этой всесторонности. Новая культура пойдет хорошо только тогда, если будут устранены всякие для нее препятствия. Не следует забывать, что на Черноморском берегу хозяйничают не одни миллионеры Хлудовы и Поповы, которые, в сущности, в станции не нуждаются вовсе и сделают все, что нужно, сами. Деятельность этих людей также полезна и плодотворна в культурном смысле, но разница будет в том, что эти господа сделают на 90 процентов для себя и только, может быть, на 10 процентов для населения, тогда как правительственная станция будет работать только для последнего.

Все будет зависеть, конечно, прежде всего от личности, которая станет во главе дела.

XX. У П. Е. Татаринова

За самым Сухумом начинаются так называемые санитарные участки – неширокая прибрежная полоса, разделенная на отдельные владения пространством от трех до двадцати десятин, задней своей стороной взбирающиеся на холмы, а передней упирающиеся в море. Здесь помещаются сады П. Е. Татаринова, господ Никитиных, знаменитое садоводство Ф. Ф. Ноева, великолепный сад “Синоп”, бывший Введенского и недавно купленный великим князем Александром Михайловичем, и другие сады и дачи, а затем начинается майоратное имение нынешнего тифлисского губернатора князя Шервашидзе. Все эти владения пререзает прекрасная мощеная дорога, служащая продолжением большому побережному Новороссийско-Сухумскому шоссе.

Все здешние выдающиеся сады были последовательно и очень подробно осмотрены нашей экспедицией, посвятившей этому два дня.

Наиболее внимания было уделено одному из самых замечательных садов не только на всем побережье, но, пожалуй, на всем Кавказе, – саду П. Е. Татаринова. Сад этот

заклучает в себе огромное количество акклиматизованных растений жаркого пояса, воспитанных артистом-любителем и чрезвычайно ценных как в чисто научном, так и в прикладном, культурном отношении.

На шоссе к самому морю выходят красивые резные ворота, и от них, постепенно повышаясь, идет дорожка к дому владельца, построенному на небольшой, но высокой площадке.

На первый взгляд кажется, что усадьба эта очень старая. Огромные эвкалипты серебристыми стенами окружают двухэтажный домик, почти сплетаясь над ним своими ветвями. Однако этим деревьям, имеющим внизу ствола до одиннадцати вершков диаметра, идет лишь восьмой год. Такова сила здешней растительности. Между тем дерево эвкалипта, несмотря на столь быстрое развитие, обладает сравнительно большой прочностью и особенно ценно там, где приходится иметь дело с морской водой. Еще недавно по всем улицам Сухума тянулись аллеи эвкалиптов, насаженные одним из просвещенных градоначальников. Но, к сожалению, выбор сорта был сделан неудачно, и эти деревья вымерзли все до одного с суровую зиму 1892 года.

П. Е. Татаринов остановился на самом прочном сорте, "миндальном" (*eucalyptus amygdalina*), и эти деревья, как он надеется, выдержат самый большой и самый редкий из здешних морозов $-6,7^{\circ}$.

П. Е. Татаринов посвятил целых восемь лет практическому изучению тропических культур, возможных в Сухумском округе, и его сад является живым доказательным и образцовым учреждением. Начиная от дома и до самого моря, в одиночку и группами расположены представители тропических растений из самых отдаленных стран, добытые часто с большим трудом и жертвованиями. Перечислить все значило бы повторять ботанический список южных видов. Назову лишь некоторые.

Вот, например, китайским хамеропс, дающий отличный материал для веревок, канатов, шляп и простых тканей. Вот чудный по красоте экземпляр австралийской сосны, полуаршинная хвоя которой висит, как гигантские мотки

зеленого шелка. Вот два вида лавра, листья коих доставляют один камфору, другой – ладан. Вот оригинальная игра противоположностей: хвойное дерево, покрытое настоящими широкими листьями вместо игл, и другое лиственное, с листьями в форме острых игл (боюсь перепутать название). Благородный лавр, лавровишня, гранат, разнородные магнолии, акации, нереидское железное дерево, японская и китайская хурма, множество пальм, маслин, роз, вечнозеленая мушмула, редкая разновидность нашей березы с лиловыми, почти черными листьями, множество разновидностей кипариса, между которыми особенно любопытен так называемый американский болотный кипарис, рассаживаемый специально для осушения болот; японские клены, бамбуки черные и белые, и многое множество других представителей жаркого пояса, разрастающихся здесь на вечно влажной почве и под горячим южным солнцем с необыкновенной быстротой.

На веранде, обращенной к морю, мы нашли хозяина, бодрого старика лет шестидесяти, беседующего с другим двигателем культуры в здешнем краю, членом Государственного Совета, Н. С. Абазой. Как я упоминал уже выше, по мысли и под непосредственным наблюдением последнего устраиваются здесь и в Сочи образцовые правительственные, садовые и хозяйственные станции. Заведывание здешней станцией вместе с присоединенным к ней ботаническим садом, принял на себя П. Е. Татаринov.

Лучшего руководителя для подобного дела, разумеется, трудно и пожелать. За восемь лет неустанной и широкой практики в собственном саду господин Татаринov успел выработать обширную программу культурных работ в этой части Кавказа. Он уже твердо на практике определил, какие растения и с какой целью выгодно здесь разводить. Деление его настолько любопытно и важно, что я повторю его в главных чертах, пользуясь богатейшим материалом, помещенным в прошлогоднем докладе П. Е. Татаринova Императорскому обществу садоводства.

Хлебные растения: пшеница, ячмень, кукуруза, гоми, особенно в местах, возвышенных над уровнем моря.

Волокнистые растения: хлопчатник, кендырь, или турка, джут, новозеландский лен, *aralia* и *broussoneria papyriferae*, рами, или китайская крапива, *urtica tenacissima*, алжирская альфа, хамеропс.

Лекарственные растения: камфарный лавр, японская корица, эвкалипты, звездчатый анис, благородный лавр, ментальный лавр, лавровишня, гранат, клещевина, или рицинус, розмарин, рута, лавандула, опийный мак и множество других.

Парфюмерные растения: акация, *citrus biggaradia*, *choisia*, дафне, гардения, глицина, гиацинты, жасмины, много видов магнолии олеа фрагранс (для душения чая), питтоспора, ринхосперма, розы, вибурны, карилопсы, флорентийский ирис, люфа и много других. Эта огромная группа растений при организованном сбыте могла бы давать крупный доход.

Растения строительные и столярно-поделочные: бамбуки, самшит (кавказская пальма), эвкалипты, железное дерево, бук, тисс (красное дерево) и множество других пород.

Растения, дающие пищевые продукты: виноград, чай, сахарное сорго, маслина, апельсины, мандарины и лимоны, инжир (винная ягода), мушмула, персики, анона, каштан, грецкий орех, фундуки, лавр, гранат, японская и китайская хурма, гуаява, гомбо, кунжут, парагвайский чай (матэ), шафран, соя (масличный горох), перец, спаржа, новозеландский шпинат, зимняя капуста (выпевающая зимой и могущая получаться в столицах в феврале и марте) и т. д.

Другие промышленные растения: табак, пробковый дуб, австралийская сосна (для смолы, обладающей драгоценными свойствами), ворсильные шишки, лаковое дерево (дающее японский лак), восковое дерево, чернильный дуб, ладонник, стиракс и многое множество других растений, дающих очень дорогие продукты, ныне ввозимые из разных стран.

Последняя самая многочисленная группа, которую я перечислять не буду, – декоративные, или садовые растения. Как увидим ниже, эта культура уже начата в обширных размерах Ф. Ф. Ноевым. Здесь можно выращивать

на открытом воздухе большую часть самых прихотливых и редких из наших комнатных растений, которые на севере с большими хлопотами выводятся лишь в оранжереях.

Тут же на веранде у П. Е. Татаринова образовалось нечто вроде совещания о местных культурах и севооборотах. Несмотря на то, что и А. С. Ермолов и П. Е. Татаринов оба выдающиеся агрономы, здесь, на Кавказе, ничего не известно, ничего не выработано. Возможны лишь предположения, ибо все приходится создавать вновь, сообразуясь с совершенно исключительными условиями.

Принимая во внимание, что возделанная земля здесь в самое короткое время зарастает всякой дрянью, преимущественно папоротниками, борьба с которыми очень трудна, А. С. Ермоловым был предложен следующий севооборот для собственного полевого хозяйства:

1-й год – кукуруза, 2-й год – пшеница с подсевом клевера, люцерны или различных горошков *vicia*, которые могли бы коситься в том же году, затем через несколько лет сорго по пласту, снова кукуруза и т. д. Севооборот этот, в научном отношении совершенно правильный, могла бы испытать сухумская станция.

Затем много говорилось о возможности здесь примерного и консервного огородничества. Артишоки, спаржа, цветная и обыкновенная капуста могли бы поспевать здесь в такое время, когда в столицах имеются только тепличные или парниковые овощи, и отправляться отсюда в огромном количестве или перерабатываться в консервы, также пошли бы хорошо и зимние туркестанские дыни.

Все эти вопросы должна практически порешить садовая и хозяйственная станция под руководством П. Е. Татаринова, с которым мы расстались самым дружеским образом, пожелав ему всякого успеха.

XXI. Русские гиацинты Ф. Ф. Ноева

Русский человек обладает удивительным свойством: обленится, опустит руки, и получается такое безобразие

или хищничество, какого не найдешь нигде на свете. А одушевится, начнет какое-нибудь дело, вложит в него всю свою душу и доведет его поистине до совершенства.

Я уверен, что как по постановке дела, так по ширине предприятия и по его замыслу едва ли во всей Европе найдется десяток садовых заведений, могущих поспорить с плантациями Ф. Ф. Ноева.

Вы только представьте себе: десяток десятин, занятых сплошными посадками гиацинтов; огромные площади под культурой камелий, роз, благородного лавра и разнообразнейших пальм; целые рощи лимонных, апельсиновых и мандариновых деревцов и множество разнообразнейших цветов, возделываемых для луковиц или для семян.

Нас встретил у ворот своей дачи сам хозяин, красивый брюнет лет 45, и тотчас же повел осматривать свои плантации.

Участок Ф. Ф. Ноева расположен не особенно счастливо и потребовал от владельца огромных, совершенно непроизводительных расходов. Дело в том, что между низким и плоским морским берегом, отграничивающим плантации с одной стороны, и небольшой возвышенностью, на которой построены дача и службы, почва над уровнем моря почти не поднимается и потому осушена быть не может. Бился Ноев, бился, навозил огромное количество сухой земли, чтобы засыпать это болото, и все-таки был вынужден временно перенести свои гиацинтовые плантации на другую землю, заарендованную неподалеку в майоратном имении нынешнего тифлисского губернатора князя Шервашидзе. На первом же участке луковичных цветов оставлено немного, а обращен он главным образом под питомники декоративных растений, не боящихся сырости.

Записываю почто дословно любопытный рассказ Ф. Ф-ча о начале его сухумских плантаций.

– Я уже давно веду большую торговлю гиацинтами. Выписывать их приходилось почти единственно из Голландии, где это дело поставлено на широкую ногу и

откуда гиацинты по всему свету. Был я в Голландии несколько раз и сам. Приходилось пускаться на большие хитрости, чтобы высмотреть дело у главных садоводов, но, однако, все удалось увидеть. Стал я опыты производить у себя в Москве; бился года три, с 86 по 89 год – результаты плохие. Слишком коротко московское лето, и вообще климат слишком неподходящ. Вот я и задумал перенести некоторые культуры сюда. Лучшего места трудно и придумать. Сухум значительно теплее Голландии и, главное, обладает удивительно ровным климатом и большой влажностью. Стал я делать опыты здесь, и что же? Сразу получил луковичы гораздо роскошнее голландских, и вдобавок цветущие по крайней мере месяцем раньше. Два года подряд результаты были отличные. Так это меня обнадежило, что я решил здесь окончательно устроиться и не только с гиацинтами, а вообще с садоводством. Возьмите, например, пальмы. У нас их приходится выводить в парниках и оранжереях, и растут они очень туго, здесь любо глядеть, как все идет.

Ф. Ф. Ноев провел нас на свои пальмовые питомники и показал целые кварталы, наполненные великолепными экземплярами хамеропсов, гумилис и эксцельза, фиников, латаний, камелий, лавров и роз.

– Взгляните, как это все растет! Разве может с этим сравниться оранжерейная культура? Возьмите вы хоть эти вот циккадеи. В Москве их выращивают годы. Понятно, что они страшно дороги. Их листья требуются на похоронные венки. Здесь вы сажаете маленькую луковичку, которую выпишите из – за границы за 10 копеек, и через четыре года получаете вот что.

Ноев показал ряд красавиц циккадей, имевших больше чем по 20 листьев на мохнатом стволе в виде кубышки. Листья напоминали громадные фантастические перья. За эти перья, размером аршина полтора в длину, платят по 5 рублей и дороже за лист.

Апельсинные и лимонные трехлетки, в большом количестве выведенные из черенков, имели высоту в сажень и отличные кроны и штамбы. Ф. Ф. Ноев рассчитывал на их продажу в большом количестве для посадок близ Сухума и

южнее в теплых и защищенных горных ущельях. Культура эта уже начинается с легкой руки монахов Нового Афона.

Вот какого рода цены назначены Ноевым за растения на месте: четырехлетний громадный хамеропс – 1 рубль и 1 рубль 50 копеек. Финики канариензис – 3 рубля, латания борбоника – 2 рубля. Японская камелия от 1 рубля 25 копеек, лавр от 3 рублей. Все это четырехлетки до 2,5–3 аршин вышины. Розы черенковые двух лет – по 30 копеек, циккадеи 4 лет от 3 рублей и 4-летние же апельсиновые, лимонные и мандаринные деревца – по 3 рубля.

Цены эти ввиду сложности и трудности ухода и дороговизны рабочих рук (Ноеву, очевидно, нужны только хорошие садовники) нельзя отнюдь назвать высокими. К сожалению, провоз до Москвы так дорог, так рискован и неаккуратен, что в Москве цены определяются совсем иначе.

На железнодорожные порядки Ноев горько жаловался.

– Объявлено, – говорит, – что древесные высадки везут по пониженному тарифу – между тем от меня не принимают: лавры, лимоны, апельсины, какие же это, говорят, деревья?

Еще хуже с цветами. Из Ниццы, отстоящей вдвое дальше, срезанные цветы приходят в Москву и Петербург совершенно свежими. Из Новороссийска или Севастополя послать их невозможно. Железнодорожные сроки рассчитаны так, что можно везти только грубый и непортящийся товар. А цветы, кроме того, на полпути надо перепаковать и пересмотреть. В заграничном сообщении все это устроено отлично, во внутреннем не заботится никто, и только благодаря этому мы переплачиваем за ниццкие цветы свыше миллиона рублей в год.

А. С. Ермолов обещал свое содействие для урегулирования железнодорожных перевозок.

После небольшого lunча на широкой и тенистой веранде дачи наша экспедиция двинулась на гиацинтовые плантации, расположенные на земле князя Шервашидзе.

Воспитываются гиацинты следующим образом: старая луковица, уже отцветшая, делится на детки, то есть

разламывается на отдельные зубчики, способные к самостоятельной жизни. Детки эти сажаются в грунт на подготовленную и разрыхленную гряду, как обыкновенный лук. Они дают зелень и иногда цветут в первый же год. Зелень эту и цветы срезают, а потолстевшую немного луковицу вынимают из земли, просушивают и складывают в сарай. На следующий год в то же самое время луковица сажается вновь и дает уже настоящий махровый цветок, однако еще небольшой. На третий год повторяется то же самое, и после третьего цветения луковица, развившаяся до величины куриного яйца, а часто и больше, поступает в продажу.

По наблюдениям Ноева, сухумские гиацинты могут быть выпускаемы в продажу даже перед третьим цветением, так как никакой ощутительной разницы между третьим и четвертым цветком не замечается.

Быстрейшему созреванию гиацинтов способствует, очевидно, более теплый климат Сухума сравнительно с Голландией. Луковицы из этой последней иначе как по четвертому году в продажу не пускаются, да и цветы выходят значительно позднее и гораздо менее яркие, и вообще беднее сухумских.

В первый раз русские гиацинты, выведенные Ноевым на Черноморском берегу, были представлены им на заседании Императорского Российского общества садоводства в 1893 году, которое и наградило Ноева Большой золотой медалью.

Луковицы, уже выкопанные в 1894 году, обещали дать еще более роскошные экземпляры. И действительно, посланная Ноевым по просьбе А. Ф. Баталина небольшая партия гиацинтов возбуждала в эту зиму всеобщий восторг среди посетителей ботанического сада, не привыкших видеть цветущие в ноябре гиацинты.

Сажаются луковицы в Сухуме в грунт в конце октября, вынимаются в мае и тотчас же отправляются в Москву. Цены стоят такие: за сухую луковицу – 20 копеек, за ноябрьскую в цвету – 40 копеек, за более поздние – 30 копеек за штуку.

С плантации мы вновь вернулись на дачу и осмотрели специальный сарай, предназначенный для хранения гиацинтов, туберозовых, гладиолусных и других луковиц.

В этом помещении самое важное сухость и хорошая вентиляция. Поэтому сарай устроен весь сквозной, с отделениями для хранения луковиц, которые насыпаются, вернее, рассыпаются по стеллажам из досок тонким слоем, соблюдая отличия по сортам и по возрасту.

Мы любопытствовали узнать количество наличных гиацинтов урожая этого года. Ф. Ф. Ноев определил его в ½ миллиона штук.

Кроме торгового садоводства Ф. Ф. Ноев занимается различными любительскими культурами. Он угощал нас, между прочим, великолепными персиками Madeleine (jaune), выведенными им из косточек без прививки. Здесь, в Сухуме, дерево плодоносит уже на 4-й год. Персики эти были великолепны по вкусу и нежности. Так же хороши были груши Beurre Alexandre и Bon Chretien Williams.

С урегулированием железнодорожной, ныне поистине безобразной, перевозки садоводству Ноева предстоит блестящая будущность. Сухум, в сущности, готовая и притом роскошная оранжерея под открытым небом и могучим южным солнцем. Воспитывая здесь оранжерейные и комнатные растения, можно отлично торговать ими в столицах и сделать доступными даже для небогатых людей редкие комнатные растения; посылая отсюда цветы, можно совершенно устранить Ниццу, а на гиацинтах сберечь для России ежегодно около 2 миллионов рублей.

XXII. По сухумским садам

После заведения Ф. Ф. Ноева экспедиция осматривала сады и хозяйства других владельцев на санитарных участках, так и на противоположном пригороде Сухума, где уже начинается гористая местность. Здесь осмотрели сады полковника Никитина и знаменитый “Синоп”, ранее принадлежавший господину Введенскому, теперь

приобретенный великим князем Александром Михайловичем; на той стороне, в горах, сады господ Толстого, Малани и Арцыбушева.

У полковника Никитина довольно обширное виноделие. Почва здесь для винограда очень удобная, и плантажи совсем не дороги, но, с одной стороны, к Сухуму пододвигается филлоксера и рано или поздно его заразит, с другой стороны, особенно тонких и благородных вин здесь не будет. Про сравнение с Маркотхскими трескунами не может быть и речи. Самое большее, если можно здесь получить вино, по качествам равное хорошему кахетинскому.

У полковника Никитина разведено несколько сортов, никакими особыми достоинствами не отличающихся, но самое любопытное – это его виноделие из натуральной, не привитой Изабеллы. Это едва ли не первая попытка давить вино из этого сорта винограда.

Как известно, среди всех сортов винограда единственный, не боящийся филлоксеры, – это Изабелла. И по своей зелени, и по форме куста, и по гроздьям это совсем особый вид винограда. Ягода очень ароматная, но грубого и для многих противного аромата, а в середине, когда раскусишь, имеет неприятную кислоту мякоти, окружающей зерна.

Во всех странах, где прошла филлоксера, виноградники возобновляются прививкой к Изабелле благородных старых сортов. Никитин начал выделять вино прямо из Изабеллы.

Прошли мы на его виноградник. Я уже рассказывал про резку, изображающую очень сложную и трудную операцию, производящуюся по нескольким системам, у Хлудова в Сочи, например, по Гюйо. Изабеллу Никитин не режет вовсе, а пускает ее по проволоке, стоящей вертикально и укрепленной на толстых горизонтальных проволоках, соединяющих ряды столбов с перекладинами в виде буквы П. Получается закрытый коридор, весь обросший виноградом. Обильные и большие гроздья висят по стенам и на потолке этого коридора.

На веранде дома полковник выставил образцы своих вин. Обыкновенные недурны, хотя ничего особенного не представляют, вино из чистой Изабеллы (красное) кто-то назвал а parte “настояем из сапогов”, термин очень меткий и тотчас же закрепленный за наукой соответственным латинским переводом: *infusum sandaliorum*. Над этим у нас много смеялись.

Однако, по словам полковника Никитина, этот *infusum sandaliorum* продается по 30 копеек за бутылку, а шабли и пинагри доходят до 1,5 рубля. Прошли мы на погреб, каменный, сводчатый и нашли несколько десятков бочек “воспитывающегося” вина, в том числе много чистой Изабеллы. Стало быть есть же потребители и на этот весьма странный напиток? Всего в погребе до 3000 ведер.

У полковника Никитина экспедиция задерживалась недолго. Кроме виноделия, у него плантации фундуков, яблок и грецких орехов, не представляющие ничего особенного.

Сад великого князя Александра Михайловича, “Синоп”, купленный им недавно у господина Введенского и занимающий поверхность в 14 десятин, любопытен в одном лишь отношении: декоративном. У Татаринова сад тоже расположен очень красиво, но там каждое деревце посажено не с декоративной, а с научной целью и как бы стремится рассказать свою биографию. Здесь все отвечает лишь требованиям красоты, и надо признаться, что вкус основателя сада господина Введенского был замечательный.

На каждом шагу попадаются группы и отдельные экземпляры деревьев одно красивее другого. В распоряжении садовника была вся причудливая и роскошная субтропическая флора, и он мастерски ею распоряжался. Трудно встретить более неожиданные и красивые эффекты зелени.

Самое лучшее в саду – это аллея, окружающая сад и состоящая из высоких, темных и стройных, как свечи, кипарисов снаружи, и огромных криптомерий внутри, дающих прелестный контраст. Затем чудные группы

редкостных хвойников, роскошно развившихся. Любопытно, что здесь, на Кавказе, хвойники дают побеги от корня и в большей части видов могут быть разводимы черенками. Очень много прекрасной испанской ели *Pinus pinsapo*, отличные экземпляры причудливой хвои с листьями *Pinus biloba*, пальмы *Araucaria braziliensis* и *Chamaecyparis* в виде настоящих больших деревьев, огромные экземпляры камелий, здесь дающих плоды и семена.

Издали уже, по запаху, льющемуся нежной волной, можно безошибочно определить кусты *Olea fragrans*, растения замечательного тем, что его цветок имеет сильнейший аромат дорогого чая и действительно служит для ароматизирования этого продукта. Цветение *Olea fragrans* совпадает как раз со временем весеннего и осеннего сбора чая, и потому на всех плантациях вместе с кустами чая разводят и это растение. Впрочем, о роли *Olea fragrans* в чайном деле существуют большие противоречия.

В саду великого князя мы встретили первую на Кавказе группу настоящих пробковых дубов. Это толстые и довольно невзрачные деревья, на которых на вышину человеческого роста как будто надета толстая фуфайка.

Пробка, как известно, представляет ежегодно нарастающую кору на особом виде дуба, которую в известные периоды времени можно срезать, не подвергая дерево никакой опасности. Деревьев этих здесь немного, и это скорее просто любительская посадка, чем попытка культуры. Однако пробку уже срезали; качества она получилась неважного, вероятно, по недостатку правильного ухода.

Теперешний немец-садовник, заведующий садом, не мог дать никаких объяснений по культуре пробкового дуба, и мы вынесли только одно твердое убеждение, что эта культура на Кавказе возможна.

В саду на пригорке расположен скромный, но красиво отделанный домик, выстроенный господином Введенским, в котором при необходимости можно остановиться великому князю. Есть чудное место для настоящей виллы, но будут ли ее строить – неизвестно.

Нам предложили книгу для посетителей, заведенную еще прежним владельцем, и мы внесли свои имена. Посетителей бывает здесь немного. Увы! Сухум, этот безусловно лучший по климату уголок Кавказа, еще “не открыт”, еще под спудом, отрезанный от остальной России дикими горами и монопольным Русским обществом пароходства и торговли. С санитарных участков мы переехали на другой конец города, в горы, и бегло осмотрели сады: Толстого, Малани и Арцыбушева.

Сад Толстого ничего особенного не представляет. Владелец живет сам в хорошем каменном доме и сам работает в саду, прокладывая дорожки и делая насаждения, но над всем делом лежит какая-то печать мертвенности.

У Малани виноградник в 4 десятины, дача, сад и правильно идущее виноделие. Небольшое помещение снабжено гриппуарной машинкой, прессом и разными усовершенствованиями. Сорта винограда: Сотерн, Саперави, Бургундские лозы Гаме, Крымские лозы Альбурля, Рислинг, Шасля, Мускат и другие. Наверху около дома растет, между прочим, люфа, род тыквы или огурца, дающий прекрасную мочальную сетку, нечто вроде растительной губки, очень удобную для мытья в бане.

На участке Арцыбушева тоже идет виноделие, а также огневая усовершенствованная сушка плодов. Сорта винограда те же, что у Малани, и вино недурное. Как побочное небольшое производство, господин Герман, управляющий Арцыбушева, показывал вино из персиков, превосходный напиток, угадать происхождение которого по одному вкусу даже знатоку вин очень трудно. Представьте себе настоящее крепкое вино вроде хереса, портвейна или мадеры градусов на 16 естественного спирта и с букетом необыкновенно приятным, но совершенно своеобразным. Вы долго будете ломать голову и прищелкивать языком и все-таки не определите, что это такое.

Надо заметить, что персики здесь баснословно дешевы, и это чудесное вино может обходиться на месте копеек 20 за

бутылку, не дороже, а в столице за него дадут охотно по рублю.

XXIII. Как заселялся Сухумский округ

Следующий день нашего пребывания в Сухуме был посвящен различного рода совещаниям, приему deputаций и разного рода просителей и местных нотаблей, а вечером полковник Бракер давал обед, на котором мы могли познакомиться со всем здешним обществом, состоящим из множества местных сиятельств, весьма кичащихся своими титулами и вольностями, в большей части уже знакомых с употреблением носового платка, вилок и ножей, но, вообще говоря, еще достаточно диких. Живется им недурно, несмотря на все сельскохозяйственные и иные кризисы; во-первых, они почти ничего никому не платят, во-вторых, имея все свое, довольствуются очень немногим и ведут жизнь самую примитивную и, в-третьих, почти все имеют значительные доходы от конокрадства.

В приемной Бракера в ожидании выхода министра толпится самый разнообразным люд: фраки, совершенно слежавшиеся, с неизлечимыми складками, старинные дворянские и военные мундиры, азиатские костюмы самых замысловатых покровов. Deputация от города и разных учреждений. Несколько русских землевладельцев, захвативших огромные пространства земель и не знающих, что с ними делать, и т. д.

Огромная фигура начальника участка Свистуна, одетого в белый бешмет, обращает на себя общее внимание. Около него группируются члены нашей экспедиции и идет неудержимый хохот, ибо Свистун рассказывает мастерски о своих административных похождениях среди здешней дикой азиатчины.

– Вот, господа, – говорит он, – везде вас встречали с разными подношениями и образцами местных культур: фрукты, виноград, табак, хлеба... Я себе ломаю голову: а мой участок что вам будет подносить? Какая у нас промышленность? Вот я и придумал: вобью кол и привяжу к нему с одной стороны

лошадь, с другой корову. Ей-Богу же, у нас кроме воровства ничем не занимаются...

Все, конечно, с прошениями и ходатайствами. Город ходатайствует о введении городского положения, необходимого для правильного городского хозяйства. Ходатайствуют об этом уже давно и без всякого результата, а между тем в Поти управление введено. Просят также о разрешении взимать в пользу города $\frac{1}{2}$ -копеечный сбор с выгружаемых товаров. В обоих этих ходатайствах министр земледелия помочь может разве лишь косвенно. Виноделы, перепуганные проектированным акцизом на виноградное вино, в слезном прошении доказывают, и весьма основательно, что введение акциза равносильно гибели кавказского виноделия, которое и без того в агонии из – за филлоксеры, уже опустошившей долину Риона и перебирающейся отдельными очагами через хребет. Абхазцы и мингрельцы ходатайствуют о наделении их земель. Первые потеряли ее, ушедшие после войны в Турцию, вторые при уничтожении крепостного права выпущены без земли. Русские поселенцы ходатайствуют о спасении их от конокрадства. Корреспондент газеты “Кавказ” Рыпинский ходатайствует об утверждении устава Сухумского сельскохозяйственного общества; словом, ходатайств самых разнообразных – без конца.

Все просители принимаются, обстоятельно выслушиваются, прошения складываются, нумеруются, записываются.

Из расспросов и разговоров оказывается, что край не только отовсюду отрезан, но и совершенно не устроен. Поземельные отношения представляют невообразимую путаницу, военно-народное управление является совершенно фиктивным и не в силах ничего сделать с донельзя распущенным, диким и самовольным сбродом, составляющим здешнее население. Судебные власти и места завалены процессами о земле и о конокрадстве, решать которые приходится заведомо неправильно ввиду систематического лжесвидетельства азиатов.

Считаю нелишним привести здесь официальную справку о составе населения Сухумского округа и о способах

колонизации. Читатель сразу увидит, откуда получался весь нынешний сброд, с которым приходится иметь дело.

“С начавшимся 25 лет тому назад выселением в Турцию коренного населения, оставившего значительное количество своих угодий в довольно культивированном виде, – говорится в одной очень важной записке, имеющейся у меня под руками, – на этих угодьях предположено было водворить русских крестьян, и с этой целью отведены были в отдельных частях округа наделы на 201 семью; за неявкой русских, на этих наделах пришлось, однако, водворить греков из Малой Азии и болгар из Херсонской губернии, причем каждому семейству было предоставлено в наделе по 30 десятин земли и выдано было денежное пособие с освобождением сверх того от всяких податей и повинностей на 15 лет. На этих условиях с 1868 и по 1870 год водворилось лишь 111 семей. В 1872 году начальник округа предложил на оставшихся свободными за неявкой 90 семей землях поселить служащих лиц (?) с отводом им в одинаковом размере с поселянами участков, которые должны были затем перейти им в полную собственность под условием выполнения некоторых требований, а именно: лица эти обязаны были в течение первых двух лет возвести постройки и в течение следующих трех лет обработать $\frac{1}{3}$ отведенного участка. На этих условиях роздано было всего 57 участков. По окончании Турецкой войны вопрос о водворении русского населения возник снова, и для этого предназначено было 21 033 десятины, и в 1879 году выработаны следующие правила: надел был определен в 15 десятин на семью и отводился в подворное наследственное владение; сверх того отводился лес до 3 десятин на семью. Лес должен был отпускаться бесплатно из казенных дач, и в течение 10 лет поселенцы освобождались от всяких податей и сборов”.

“Правила эти, однако, не были утверждены, но во время их разработки водворено было в разных местах: 70 семейств русских и молдаван, 80 семейств мингрельцев, 350 семейств греков и около 100 семейств армян; в числе поселенцев были и немцы из Вюртемберга”.

“С 1883 года начали сюда переселяться и мингрельцы, относительно которых последовало распоряжение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе о подчинении их тем же правилам, которые будут установлены для поселян, но с отводом юртового надела от 3 до 5 десятин на семью”.

“Таким образом заселение округа постепенно совершалось на основании разновременно издававшихся распоряжений, которые в законодательном порядке не были утверждены, на условиях различных для отдельных поселенцев; наделы отводились в различных размерах и притом не в натуре сообразно хозяйственным нуждам поселенцев, а просто огульно, на известное количество дворов. В настоящее время поэтому в округе проживает самое разнообразное население, фактически имеющее различные права землепользования, но все эти поселенцы не обмежеваны и не имеют прав собственности на землю”.

Этот сдержанный и спокойный язык официальной записки, при всей яркости даваемой им юридической картины весьма слабо рисует действительность. Представьте, в самом деле, полную неопределенность границ и прав, когда никто не знает, чем и как он владеет, и прибавьте сюда: беспощадное конокрадство азиатов с одной стороны, не позволяющее оставить без надзора лошадь ни на минуту, собственную культурную неподготовленность и бедноту у поселян с другой.

Сухумский округ дает яркую картину печальной неспособности нашей бюрократии сделать какое-нибудь живое дело. Край достается России. Как уже мы видели, это поистине маленький рай и по климату, и по почве, и по естественным богатствам. Правительство принимает совершенно верное решение – заселить округ русским элементом. Пишутся правила, вызываются желающие. Бумага за номером таким-то очищена.

А на деле выходит нечто совсем нежелательное. Является поселенец, русский человек, теснимый обыкновенно малоземельем, откуда-нибудь из Курской, Воронежской, Орловской или Полтавской губернии. Средств у него, конечно, никаких. Культурной подготовки – тоже. Садов он

не разводил, апельсинов и лимонов не видал, об оливках даже и не слыхал. Он знает одно: распахивать сохой или сабаном как можно больше и как можно скорее и сеять рожь, пшеницу, овес, то есть именно то, что под Сухумом не нужно, да подо что и места нет: поселенцу нужна степь, а ему дают ущелья и крутые горные склоны, приспособленные природой для апельсинов и винограда и совсем негодные под рожь.

Да и ущелья эти заросли тропическим хворостом и колючками, сквозь которые не проберешься и которые не знаешь, каким инструментом уничтожать. Вы их рубите, они растут вдвое...

Как ни талантлив русский человек, какой ни обладает он чудесной сметкой и находчивостью, но один, в этих дебрях, с голыми руками, без помощи, без указания, не мог он создать новой культуры – это выше человеческих сил!

А внизу, в каждой лощине, у каждого ручья и ключа сторожит злейшая лихорадка. Чуть не остерегся, полежал на земле или выпил сырой воды (а где ее взять кипяченой в поле или лесу, на работе?), лихорадка уже его захватила и треплет целые месяцы до совершенного изнурения. И сколько перемерло здесь русских людей только из-за того, что некому было прокопать грошовую канаву для осушки маленького, в какую-нибудь десятину, болота, достаточного, однако, как склад малярий, для нескольких верст побережья!

И вот русский элемент сам собой исчезает и заменяется инородцами и иностранцами. Разумеется, малоазийские греки, армяне и даже молдаване справятся лучше со здешними условиями и скорее найдут возможность и укрепиться, и прокормиться. Грек и армянин – табаководы и виноградари, молдаванин – садовод. Вюртембергский немец грамотный и капитальный человек. Русский поселенец силой вещей очищает им место.

Кончается столетие с присоединения нами Кавказа, и вот результаты нашего там хозяйства: старая местная культура почти исчезла, уступив место искусственно заведенному крупному местному землевладению, сплошь почти

враждебному всему русскому. Новой русской культуры не заведено. Азиаты высоко поднимают голову и громко кричат: “Кавказ для кавказцев”, русские скромно сидят на углах, вынося бесчисленное множество всяких неприятностей и ведя борьбу при постоянном ощущении нетвердости почвы под ногами и враждебного отношения со стороны туземцев и даже кое-где своих властей с именами, оканчивающимися на дзе и янц.

Возвращусь к обеду у полковника Бракера.

На этот обед собралась, разумеется, вся сухумская власть и довольно много местных нотаблей из азиатов. Господа эти уселись за особым столом поодаль, а наша экспедиция и вообще служилый элемент занял длинный главный стол.

Меню я касаться не буду. Упомяну лишь, что господин Бракер заказал изловить в одной из речек около Сухума осетра и, действительно, изловили некоторое “чудо природы”, которое не одолели бы и три Собакевича. 35 или 40 человек, бывших за обедом, не могли съесть и половины рыбы. Затем было мороженое, в Сухуме представляющее то, что у нас малина в январе. Лед для этого мороженого выписан пароходом из Керчи.

Но это все между прочим. Самое любопытное – были разговоры за обедом и речи. В ответ на обычные приветствия и комплименты со стороны представителей города А. С. Ермолов произнес приблизительно следующее:

“Мы сделали, господа, длинный путь по этому благословенному краю, восхищались его природой, с удовольствием отмечали зачатки развивающейся здесь культуры и сокрушались над той картиной бедности и запустения, которая – увы! – пока еще сильно заслоняет собой едва начинающуюся русскую культуру. Дела много, Кавказ ждет просвещенных работников, а этих работников так ничтожно мало. Тем более должны мы ценить труд тех, которые при таких печальных условиях не испугались одиночества и возможных неудач и посвятили свои силы изучению здешних богатейших хозяйственных условий, являясь первыми пионерами, внося знания и опыт и подавая собой добрый пример. Сухум может смело

гордиться одним из таких культурных работников, сделавших для края очень много и, как я надеюсь, имеющим сделать еще больше. Вы догадаетесь, господа, о ком я говорю, он находится среди нас, и в честь его я от всей души поднимаю бокал”.

Растроганный до глубины души П. Е. Татаринов благодарил министра. Это было чуть ли не первое публичное признание культурных заслуг частного человека, посвятившего себя науке и технике местного хозяйства.

Говорили несколько азиатов, вкладывая в сладкие речи некоторые неприятные русскому уху колючки. Издали звучала здешняя тема: “Кавказ для кавказцев”. Я решил ответить и, попросив слова, сказал следующее:

“Во всю свою долгую историческую страду русский народ приносил жертвы, стремясь на юг, к теплему небу, к теплему морю. И вот, наконец, есть у него и это небо, и это море. Здесь, на кавказском берегу, утвердилось Россия прочно и навсегда. Здесь развевается русское знамя, парит русский орел...

Но отчего же не по себе чувствуется здесь русскому человеку, отчего ему тесно, неприятно здесь? Отчего чужой он здесь, на этом теплом берегу, под этим ярким солнцем?

От того, думается мне, что, благодаря русскому добродушию здесь, на эту землю, завоеванную русской кровью, забралась всякая инородчина, расселась по лучшим местам и не только теснит русского человека, но и глумится, издевается над ним.

Но это ненадолго. Наши государственные задачи требуют, чтобы этот край не по имени только, но в действительности стал скорее русским краем, чтобы был здесь поддержан, усилен и обнадежен русский человек.

Пожелаем же, господа, чтобы это случилось скорее, чтобы скорее переварилась в могучем русском желудке вся здешняя разноплеменная и разноязычная смесь и чтобы это небо и это море стали воистину русскими”.

Тост этот был принят различно и, насколько поджег и захватил своих, настолько же неприятен был чужим,

особенно на официальном обеде, где мы всегда выступаем так скромно и робко. Пусть по крайней мере господа, вообразившие себя здесь хозяевами, услышат настоящее твердое, без обиняков, русское слово.

XXIV. План заселения Черноморья

Мы распростились с Сухумом, и в ночь на 18 сентября наша экспедиция в полном составе на “Черноморце” вышла в Батум. За Сухумом колесного сообщения по берегу почти не существует. Потти пришлось оставить в стороне, а в Кутаис предполагалась особая экскурсия по железной дороге.

В кают-компании нам предстояло провести целый вечер, а так как мы уже привыкли к самой горячей работе, то и здесь вместо отдыха А. С. Ермолов просил наших геологов Симоновича и Коншина сделать сообщения: первого по геологии Кавказа, второго – по его горным богатствам и постановке горного дела. Оба сообщения живейшим образом заинтересовали не только членов экспедиции, но и офицерство “Черноморца”, которое почти все, кроме вахтенных, сошло в кают – компанию слушать геологов. Я в первый раз слышал блестящую фантазию ученого о происхождении Кавказа. Господин Симонович рассказывал так, как будто сам присутствовал при мироздании и уже тогда заведовал геологической частью. При нем поднимались горы и хребты, сначала вот этот, затем тот и т. д. Импровизация увлекла нас всех и, если бы не постепенно усиливавшаяся зыбь, несколько мешавшая ученому, сообщение было бы еще более эффектно.

Очень сожалею, что даже в главных чертах не записал превосходной лекции господина Коншина. Он перебрал все отдельные горные производства Кавказа и по каждому дал маленькую историческую монографию и обрисовал его современное положение. Главное внимание было, конечно, обращено на металлы.

Повторяю, я не помню всего, но общий тон был следующий: Кавказ неизмеримо богат всякими ископаемыми и рудами. Начато было разработкой почти все, но в одном случае нет

дорог, в другом мешают неопределенные условия землевладения, в третьем наступил кризис, в четвертом нет рук и т. д., так что разрабатывается едва ли не один марганец, а все остальное или заброшено, или ждет дорог и людей. Картина крайне неутешительная.

Оба сообщения затянулись до 12 часов ночи. Совершенно утомленные, мы разошлись по приготовленным помещениям и заснули мертвым сном, укачиваемые мерными размахами парохода. Завтра утром Батум.

Я обещал посвятить отдельное письмо постановке переселенческого дела и хочу это сделать теперь, закончив обзор той полосы, на которой должно идти переселение.

Повсюду видим мы совершенно одинаковое явление. Правительство, верно понимая государственные задачи, заботится о заселении таких-то и таких мест русским элементом. Нарезаются участки, пишутся правила; являются поселенцы. И что же? Русский человек умница, сметливый, великолепный, исторически прославившийся колонизатор уступает свое место расам, неизмеримо его низшим в культурном отношении. Чем это объяснить?

Припоминая мою поездку в 1892 году и другие путешествия, где я имел дело исключительно с культурными и хозяйственными вопросами, я понял, кажется, в чем тут дело, и у меня составилась некоторый свой план решения переселенческого вопроса – план совершенно противоположный всяким действующим правилам.

Припоминаю Ростов Великий^[19], откуда из окрестных огороднических сел, Угодичей, Поречья и Воржи, идет настоящая, на всю Россию, колонизация, какой она быть должна, и вот что первое бросается в глаза.

Ростовец – тип умнейшего и талантливейшего русского промышленника. Он довел свои огороды до совершенства, размножился, дома ему тесно, он готов на всякое дело и может в минуту овладеть всяким делом, ибо у него есть школа, есть рассадник практических занятий. Зимой собираются на свои старые гнезда погостить со всех мест России разбросанные ростовцы, здесь обдумываются всякие дела, здесь рассортировывается местная подросшая

молодежь, пристраиваясь к живущим на стороне родным, кто в Ташкент, кто в Одессу, кто в Кронштадт. Люди делают тысячи разнообразнейших дел – и все неуклонно богатеют, потому что ведут дело смело, широко и культурно. Любому ростовцу ничего не стоит изучить совершенно новую местность и в ней укрепиться: он с детства огородник и хозяин, он умеет расспросить, выслушать, сообразить.

Главное, самое в нем дорогое – это его постоянная живая связь с его центром – Ростовом и земляками. Нужно что-нибудь – остановки нет ни за чем. Свистнуть, и десяток нужных людей приедут с первым поездом или пароходом.

Это совсем не то, что забитый нуждой орловский, курский или воронежский поселенец, не знающий ничего, кроме экстензивного земледелия, и все свои таланты сосредоточивающей в “хребте”. Все хребтом да хребтом... На Кавказе этого мало, с одним хребтом ничего не поделаешь.

Но одними ростовцами Кавказа не заселишь. Основной переселенческий элемент будет все-таки орловский, курский и полтавский; не будем забывать одного лишь: и этот элемент все тот же умный и сметливый русский человек, но если ростовец проберегся повсюду сам и сам все сделает, – куряне и орловцы пойдут с ним и за ним. Ростовец инициатор и вожак, остальные быстро усвоят все, чему он их научит, и вопрос решен.

Позвольте привести частный пример, и весь мой план станет сразу понятен. Припомним Пенайские участки. Министерству земледелия угодно распространить виноделие на Маркотхских трескунах и притом не крупное, хлудовское виноделие, а мелкое крестьянское. Что оно делает для этого?

Оно разбивает Пенай на участки в 3 и до 5 десятин и приглашает желающих на основании правила, которые вырабатываются и будут объявлены. Уже и сейчас лежит множество заявлений. Захватить кусочек этой драгоценной земли желает всякий, и министерству нет основания отказывать учителю Петрову, адвокату Иванову, коллежскому асессору или штабс-ротмистру Михайлову. Участки розданы, укреплены. Проходит условный срок –

виноделия нет. Отбирайте участки назад и раздавайте вновь, или при неудачных правилах любуйтесь, как господа владельцы десятков тысяч купленных за грош или пожалованных десятин сидят, словно собака не сене, и держат драгоценные земли в запустении!

Очевидно, этот способ никуда не годен, и не может быть написано таких правил, которые водворили бы виноделие при посредстве разных анонимов, средств не имеющих и виноградарства не знающих. Не будет более счастливо и чиновничье творчество. Отвыкли мы от способов и приемов Петра Великого, бумагу “правила” перед собой видим, а не живое дело.

Для правительства довольно казенной опытной станции, порученной какому-нибудь выдающемуся деятелю вроде Татаринова. Эта станция создаст необходимые культурные основания, но сама в тесное общение с переселенцами вступить не может и воздействовать на них не будет. А в этом посредничестве именно вся суть.

Представьте себе следующее: доверенное лицо от Министерства земледелия едет в Ростов и просит хоть бы Угодичское общество рекомендовать молодого сметливого огородника, или двух, на службу в казну. Этим двум молодым людям объясняется, что цель их службы – развести мелкое крестьянское виноделие на Черноморском берегу, и в виде награды по осуществлении задачи обещаются разные существенные вещи: деньги, медали, участок земли в собственность и т. п. Разумеется, нанимаются эти люди на хорошее содержание, “чтобы было весело работать”.

Прежде всего ростовцы командируются на правительственную станцию, где под руководством заведующего быстро изучают необходимые культуры, в данном случае виноградарство. Затем они командируются для осмотра годных под поселение земель на побережье и, возвратясь, дают обстоятельный отчет станции вместе со всеми своими замечаниями и предложениями.

И вот на основании этого отчета им же и никому другому поручается поехать внутрь России и пригласить русских

поселенцев из местностей по их усмотрению. Они выберут людей, действительно желающих и способных, сообразят их средства и нужды, обстоятельно расскажут им все, точно определят средства, которые необходимо иметь в запасе, и встретят их на месте.

Пусть одновременно с устройством назначенных под поселение ста пенайских участков начнут свое хозяйство на отведенных им участках тут же и сами ростовцы. Это будут готовые инструкторы и инструкторы, непосредственно заинтересованные в успехе дела. Через каких-нибудь три-четыре года они во имя обещанной награды сдадут казне цветущее поселение с серьезно начатым виноделием. Задача будет исполнена.

Посмотрим, что это может стоить.

Двое ростовцев поступят охотно на жалованье по 600 рублей в год при 600 рублях разъездных, то есть обоим в год 2400 рублей. В награду им может быть дано по 3000 рублей. Срок службы четыре года, или вся сумма будет $9600 + 6000$ рублей = 15 600 рублей. Участки я не считаю ни во что, так как казна все равно раздает их почти даром.

Возместить эти истраченные 16 тысяч рублей очень легко, установив налог на новых поселенцев по истечении льготных четырех или пяти лет. Налог этот может быть весьма серьезным, так как доходность виноградников на этом берегу громадна. Казна будет иметь вечный источник дохода при небольшой сравнительно единовременной затрате, а на берегу будет сытое, бодрое и богатое чисто русское население, столь необходимое и в политическом, и в стратегическом отношении для края.

Совершенно таким же образом могут быть введены всякие иные культуры на других местах Кавказа и заселены все свободные земли. Само собой разумеется, что одновременно с началом заселения должен быть разрешен вопрос о мелком кредите, и прибывающие поселенцы, несмотря на то, что явятся не с голыми руками, должны иметь к своим услугам поблизости рационально поставленные кредитные учреждения.

Я не пишу проекта, но осуществить подобный план вполне возможно, его главные основания, надеюсь, совершенно ясны. Эти основания: поручение живого дела не бумажному, а живому человеку, лично заинтересованному в успехе дел, избрание в виде инициаторов и работников людей, заведомо пригодных и подготовленных к поручаемой им деятельности, а таковы именно ростовцы. При этих условиях то, что чиновники и канцелярия не могли сделать в течение ста лет, будет легко достигнуто в два-три года.

Взгляните на все большие частные предприятия. Кто главный деятель у русских крупных капиталистов? Наверно, не чиновник и в огромном большинстве не техники и не инженеры, а самый серый и скромный человек, в длиннополом сюртуке, картузе и сапогах бутылками; и эти сапоги бутылками овладевают в совершенстве техникой всякого дела, сажают виноград, маслины и гиацинты, возводят постройки, прокладывают дороги, и у них все удачно. Вспомним хотя того же отца Иерона на Новом Афоне.

Важнее всего, вернее все – это живое отношение к делу. Именно от этого отвыкла наша бюрократия и ее чадо – современное земство. Поэтому и для государственного строительства волей неволей приходится обращаться от виц-мундиров к сапогам бутылками. Дайте идею, и они ее проведут.

XXV. На чайных плантациях А. А. Соловцова

Батум замечательно красив и, главное, своеобразно красив. Это чисто восточный пейзаж, но, если можно так выразиться, в другой рамке. Десяток белых минаретов вырисовываются своими иглами не на унылых, серых или желтых горах, а на темных, почти черных холмах, причудливой панорамой окружающих город. Того, к чему глаз так привык на Руси и без чего любое населенное место лишается своего национального у нас характера – золотых маковок церквей и крестов колоколен, – совсем не видно. Церковь, правда, есть, и довольно просторная, но она

помещается в обыкновенном четырехугольном доме, ее нужно искать, и не она, а вот эти джамии с минаретами дают и тон, и обличие городу. Да, это чистый, беспримесный еще так недавно мусульманский Восток теперь сильно обармянившийся и офранцузившийся, но очень мало обрусевший.

“Черноморец” ошвартовывается плотно у самого берега. Бухта здесь глубока, и самые большие океанские пароходы толпятся, как простые лодки. На пристани разнообразное местное начальство с кутаисским губернатором во главе. В десяти шагах приготовленный экстренный поезд, на котором экспедиция отправится в Чакву и далее по Закавказской дороге.

Я захворал и остался в Батуме на несколько дней, чтобы оправиться и отдохнуть, тем более, что марганцовые разработки и уголь, которые будет осматривать экспедиция, меня интересовали менее, чем хозяйство, а чайные плантации Попова и Соловцова я надеялся осмотреть один, подробнее и лучше, чем в составе экспедиции.

В Батуме несколько настоящих европейских гостиниц с настоящими французами из армян в качестве содержателей, поваров и прислуги. Белье безукоризненной чистоты, провизия безукоризненной свежести.

Конец сентября, а в комнате 21 градус Реомюра. На дворе еще жарче, и, если бы не чудный ветерок с моря да не дожди, идущие аккуратно каждую ночь, можно бы жаловаться на жару. Этот дождь, падающий в год 300 с чем-то раз преимущественно по ночам и к утру не оставляющий никакого следа на крупном гравии, которым усыпан город, – истинное благодеяние для Батума. Легко себе представить такую роскошь, как полное отсутствие пыли и вечная влажность воздуха, делающая его необычайно мягким и легким для дыхания. Это не сырость, мучающая человека в более северных углах Черноморского побережья. Лихорадок здесь мало. Это именно чудная морская влажность гидрофильного края Кавказа, выгоняющая гигантскую растительность.

И действительно, зелени в Батуме, а в особенности вокруг него, необычайно много. Ею сплошь покрыты и окружающие город холмы, и морской берег. Оползший или отвалившийся кусок здешней почвы, совершенно особенной и по своему физическому строению, и по химическому составу, через каких –нибудь две недели уже покрыт гигантскими папоротниками и насквозь пронизан корнями.

Эта благодатная почва и в полном смысле слова “благорастворенный” воздух дают всевозможные растительные произведения; в особенности же место здесь одному из самых драгоценных для человека растений – чаю.

Кто первый определил это – трудно сказать, но уже при Воронцове знали, что здесь, на юго-западном углу Кавказа, чайная культура возможна. При этом же начальнике края и истинном носителе культуры были выписаны первые чайные кусты и заложена маленькая плантация в Сухумском ботаническом саду. Разработали же и поставили это дело на коммерческие основания в Батуме сначала полковник А. А. Соловцов, затем известная московская фирма “К. и С. Поповы”.

Еще на пароходе нам рассказывали о странных порядках на плантациях у К. С. Попова. Незадолго до приезда экспедиции хотел осмотреть чайные плантации этой фирмы директор департамента земледелия профессор П. А. Костычев. Управляющий Попова Лычагов наотрез отказал в этом, ссылаясь на запрет хозяина пускать кого бы то ни было. Нашу экспедицию, однако, встретил на пристани тот же Лычагов и на ироническое замечание министра: “Может быть, вы и нас не пустите?” – отвечал:

– Помилуйте! Это было недоразумение.

К. Ф. Лычагов – личность в высокой степени интересная. Еще молодым человеком попал он в Китай, работал на чайных плантациях, где отлично изучил и чайное дело, и китайский язык. Затем, чувствуя недостаточность своего образования, нашел случай вернуться в Москву и поступить в университет. Теперь он на службе у К. С. Попова как устроитель и распорядитель чайных плантаций.

Невысокого роста молодой человек в английском шлеме из пробки под кисейной чалмой, с глазами, блестящими умом и энергией, К. Ф. Лычагов производит отличное впечатление. А поговорите с ним, и вы убедитесь, что это не чиновник, сонно и лениво отделивающий “доклад”, – это человек дела, способный и распорядиться, и найтись в трудном случае, и поставить любое дело на ноги.

Он тоже, познакомившись со мной, заявил:

– Вы меня ставите в самое затруднительное положение. Как гостя, я могу вас принять у себя; но Константин Семенович решительно не хочет, чтобы осматривали и тем более описывали его плантации. Подождите несколько дней – он сам едет сюда и вам наверно разрешит.

Совсем иначе отнесся полковник Соловцов. С трех слов мы уже чувствовали себя как старые знакомые. Плантации тоже оказались открытыми и доступными для всех.

Рано поутру с пассажирским поездом Закавказской дороги выехал я в Чакву, первую станцию от Батума. Здесь находятся несколько замечательных садов и между прочим чайные плантации Соловцова и К. С. Попова.

С маленького вокзальчика пришлось с версту идти по линии, проходящей почти по самому морскому берегу. Тихое море блещет и переливается полосами, сливаясь с горизонтом. На громадных деревьях блестят следы ночного дождя. Влево далеко Батум с черным облаком дыма над ним от керосиновых заводов и белым маяком, далеко выдвинутым вперед. Справа чуть синеют далекие горы. За линией железной дороги берег круто поднимается, и наверху видны домики, беседки, сады. Одна из усадеб принадлежит А. А. Соловцову.

Мы нашли хозяина внизу у переезда через линию, показывавшего что-то плотникам, занятым перестройкой сторожки. Он любезно нас встретил и повел к себе.

Александр Александрович Соловцов уже старик лет 60, вдовец. Живет он вдвоем с дочерью. Военный инженер в отставке, он много работал на Кавказе как строитель, а под старость увлекся чайным делом, которому и посвящает весь свой досуг. У него здесь имение около 250 десятин

драгоценной “чайной” земли, и он гордится тем, что первый, при самых тяжелых и неблагоприятных условиях, прокладывает дороги новой культуре.

После скромного завтрака в хорошеньком и уютном сельском домике мы вышли осматривать сад и плантацию.

Чайное дело начато А. А. Соловцовым недавно: первые 16 кустов, полученные из Китая через посредство адмирала Чихачева, были посажены в 1885 году. Сознвая важность этого дела и его огромную будущность, Соловцов старался заинтересовать в нем местное управление государственными имуществами и Кавказское общество сельского хозяйства. Но последнее отнеслось к делу довольно равнодушно, а первое пустило его обычным канцелярским порядком, и в результате оказалось, что инициатору пришлось действовать на свой риск и страх, без всякой поддержки.

К 1889 году у Соловцова, постоянно производившего посевы и высадку чайных саженцев, уже образовалась порядочная плантация. Добытые им первоначально маточные кусты были четырех различных сортов, но под влиянием новой почвы и климата чай несколько переродился и образовалась новая разновидность, указывавшая, очевидно, на то, что для кавказской культуры чая место происхождения последнего и его порода довольно безразличны.

Затем Соловцов начал делать опыты с приготовлением сухого чая. Не имея никаких руководств, кроме единственной имеющейся в литературе маленькой брошюры Земмлера, Соловцов осужден был, разумеется, действовать наугад, делать бесчисленные опыты и терять время. Однако как русский человек, твердо убежденный, что своего добьется, А. А. Соловцов не унывал и в первый раз в 1890 году получил настоящий чай, ни в чем не уступавший китайскому, разве только менее ароматный.

Исследуя подробно причины неудачи и обстановку своих опытов, Соловцов все свое внимание направил на надлежащее провяливание и отжимку чая и в прошлом году получил, наконец, превосходный продукт с настоящей

крепостью чая, сильным и благородным ароматом, – словом, настоящий высокий чай, который уже было можно предложить на публичную экспертизу.

Мы спустились вниз с холма, на котором построен дом, и, миновав молодой фруктовый сад и питомники Александра Александровича, прошли на ближайшую плантацию, расположенную в котловине и занимающую около двух десятин.

Чайные кусты, которых теперь уже до 8000 на плантации и более 18 тысяч в питомнике, посажены правильными рядами. Вышина их невелика, чайное дерево растет, как известно, очень медленно и туго, но они обильно покрыты листом и кончают уже цветение. В нижних частях, где кусты отцвели раньше, образовались коробочки с семенами, которые тщательно собираются.

Чайное семя имеет вид и строение ореха. Орешки эти растут по одному и тогда круглы, по паре, по три и по четыре штуки в одной общей коробочке, в зависимости от чего меняется и форма орешка. Его скорлупка бурого цвета, очень тонка, а зерно белое и чрезвычайно горькое.

Сеются орешки в приготовленные гряды весной или осенью, довольно долго прорастают, год сидят на гряде и затем высаживаются на постоянные свои места на плантацию.

Уход состоит, главным образом, в многократной прополке в течение круглого года и в окучивании. Прополка особенно донимает, так как сорные травы растут здесь с необычайной силой и быстротой.

С третьего или четвертого года, смотря по росту и силе чайного деревца, начинается сбор листьев. В обработку идут лишь молоденькие, едва распустившиеся листки; их отщипывают без черенков и очень умеренно, чтобы не оголить и не ослабить растения.

Собранный лист вялят некоторое время, постоянно подбрасывая, чтобы листки не слежались и не загнили. Затем отжимают сок и подвергают брожению в больших чанах. После того скручивают на руках и поджаривают на железных сковородах на умеренном жару (гораздо менее

жарко, чем жарят кофе). Во время этого процесса чай окончательно свертывается и высыхает.

Вся операция от сбора чая утром продолжается не более суток. Затем чай сортируют, упаковывают, и он готов для продажи.

А. А. Соловцов очень жалел, что не может угостить меня своим чаем. Сбор 93-го года также был сделан только для опыта, и чая получилось всего несколько фунтов. Все это было разослано для испытания, так что к приезду экспедиции едва – едва могло найтись полфунта чая для министра и полфунта для А. Ф. Баталина, который и демонстрировал этот чай в заседании Вольного экономического общества прошлой зимой.

Как и всякий русский человек, трудящийся над новым делом, важным и полезным для родины, А. А. Соловцов не только лишен какой бы то ни было поддержки, но не мог добиться даже того, что имеет любой предприниматель, работающий единственно ради собственных выгод. Владея превосходным участком земли, по самой умеренной оценке стоящим тысяч 40–50 рублей, Соловцов не может воспользоваться ни ипотечным, ни промышленным кредитом и выдан головой на жертву всякого рода ростовщикам. Оказывается, что и здесь в землевладении и земельных отношениях существует самая невозможная путаница, распутывают которую различные комиссии и никак распутать не могут.

Этим любопытным отношениям и посвящу следующую главу, а здесь пока скажу, что Соловцов все-таки добился некоторого успеха, который, авось, его поддержит и даст возможность работать дальше. Во-первых, с ним сошелся один из харьковских чайных торговцев, приобретший у него по выгодной для производителя цене весь урожай чая 1895 года, во-вторых, удельное ведомство, заинтересованное работами Соловцова и Попова и решившее устроить большие плантации чая в Батумском округе, заказало Соловцову чайных саженцев, если не ошибаюсь, на 40 десятин, которые он обязан засадить сам и сдать управлению уделов.

К сожалению, не успело чайное дело начаться и сделать самые первые шаги, как ему уже грозит опасность. На плантации Соловцова я заметил кустики чая с бледными листками, страдающими, очевидно, какой-то болезнью вроде хлороза. Александр Александрович объяснил мне, что эта болезнь, к счастью, пока еще очень слабая, зависит от своеобразного подсыхания корня, обусловливаемого, может быть, какими-нибудь микроорганизмами вроде филлоксеры. Эта болезнь уже наблюдалась в Китае, и средств против нее никаких не придумано, да и самая болезнь вовсе не изучена.

Осмотрев обширные питомники и превосходные подтропические цветники А. А. Соловцова, мы распростились с радушным хозяином и возвратились в Батум поздно вечером, пробыв на плантации почти целый день. Можно было вернуться и раньше “на керосинке”, то есть на товарном поезде с нефтью или керосином, усевшись в узенькую будочку около цистерны, но этот способ передвижения довольно неудобен, и пользоваться им можно лишь в не терпящих отлагательства случаях.

XXVI. Условия землевладения в Батумском округе

В предыдущем очерке я привел небольшую официальную справку о землевладении и колонизации Сухумского округа. Мы видели, какова печальная картина тамошних земельных отношений. В Батумском округе еще хуже. Если в Сухуме хоть некоторые владельцы и поселяне могут быть твердо уверены в своем правовом положении на земле, им законно отведенной, то здесь не выяснено даже самое понятие о праве. Отношения здесь настолько своеобразны, что я попытаюсь сделать маленький исторический очерк, пользуясь имеющимися под руками официальными материалами.

Присоединение к России восточной части Закавказья началось в 1804 году покорением Ганжинского ханства (нынешняя Елизаветпольская губерния). В 1828 году были присоединены ханства Эриванское и Нахичеванское. Через

год, по Адрианопольскому договору, Россия получила от Турции Ахалцихский и Ахалкалакский пашалыки. Во всех этих областях не было ни писанных законов, регулирующих землевладение, ни частного землевладения. Господствовал взгляд, вытекавший из мусульманских религиозных воззрений и заключающийся в том, что земля может принадлежать лишь Богу и падишаху, частные же лица могут иметь лишь право пользования. Поэтому леса составляли общее достояние всех жителей, на пастбищах же размещалось по произволу кочевое население. Земли культурные, обработанные, состояли в постоянном пользовании сельских общин, плативших натуральные повинности своим бекам, то есть лицам местной администрации, назначаемым ханами.

Этот порядок продолжался и при русском владычестве. Бекства мало-помалу стали наследственными, то есть переходили от отца к сыну. Параллельно с ними у христианского населения существовали такие же правители, как беки, с такой же юрисдикцией и той же наследственностью – агалары у грузин и медики у армян.

В 1841 году был поднят вопрос о регулировании прав беков, меликов и агаларов относительно земли и населения, и разрешен в 1846 году весьма странным образом. Подобие существовавшего на Кавказе крепостного права было уничтожено, земли закреплены в собственность за беками, агаларами и медиками, а население на этих землях стало юридически государственными крестьянами, фактически же арендаторами бекских и агаларских имений; словом, получилось то же, что в Прибалтийском крае: бароны и батраки.

Основная ошибка, сделанная государственным актом 6 декабря 1846 года, росла и развивалась совершенно логически, как растение из зерна. Укрепленные за новыми владельцами земли было необходимо отмежевать и отвести в натуре. Но на это не было средств, а потому волей-неволей пришлось вместо судебного межевания ограничиться журналами и протоколами административной комиссии, которая создавала новое частное землевладение таким образом: выдавала свидетельства на принадлежность

таких-то земель, без определения границ и пространств, такому-то роду и удостоверяла, что к этим землям казна претензий не имеет и оставляет за собой лишь право регулировать границы при будущем судебном межевании.

Не следует забывать, что комиссия, раздававшая таким образом акты укрепления, находилась всецело в руках местного элемента, а это обстоятельство может вполне объяснить начавшийся сразу чудовищный захват земель. Вот что говорится по этому поводу в одной официальной записке:

“Захват государственных земель вновь созданными собственниками, снабженными указанными выше документами, сделался повсеместным обычным явлением, и площадь захваченных земель исчисляется без преувеличения миллионами десятин. Неизбежным последствием захвата земель был захват оросительных вод, без которых в жарких низменных местах Закавказья, местах высшей культуры, почва не представляет почти никакой ценности. Громадный процент обмежеванной по Положению 1861 года земли составляют спорные. При разрешении поземельных споров представители казны являются в суд лишь с сознанием прав государства на захваченные земли. Беки опираются на выданные им свидетельства, значение которых ввиду отсутствия точно определенных границ может быть произвольно расширено благодаря влиянию беков на население и способности их не останавливаться ни перед какими средствами, включая угрозы, насилие, подкуп и лжеприсягу”.

“Беки и агалары, – говорится далее в записке, – приобретая захватами все большее и большее количество земли, неминуемо упрочивают свое влияние на местное сельское население, что не может входить в виды правительства, если принять во внимание, что эти землевладельцы Закавказья в большинстве грубы, невежественны и враждебны правительству”.

В таких условиях находился поземельный вопрос в Закавказье, когда победоносная война присоединила к нашей территории Батумскую и Карскую области.

Вот в каком положении находились земельные отношения там в эпоху турецкого владычества.

Существовали следующие виды землевладения и землепользования: во-первых, мюлюк, или полное право собственности, утверждаемое каждый раз особым фирманом султана. Этого вида имущество оказалось в обеих областях всего одно, именно небольшой участок земли в Карской области. Во-вторых, особый вид землевладения вакуфы, оказавшиеся тоже сравнительно в небольшом количестве и точно зарегистрированные. Наконец, самый большой и распространенный вид землепользования – эрази-мирие. Эта почти всеобщая форма состояла в том, что государство, оставляя за собой право собственности на землю, отдавало ее частным лицам в наследственное пользование за определенную повинность так называемый тиар, то есть 1/10 всего урожая натурой. При этом выдавались особые документы – “тану”, в которых обозначался приблизительный размер поверхности участка в донумах [\[20\]](#) и его границы. Последние не имели никакого значения за отсутствием всякой съемки и планов и определялись главным образом по свидетельским показаниям.

В обеспечение исправной уплаты повинностей турецкое правительство при выдаче документов взыскивало полную стоимость участка по оценке, и если по истечении трех лет на участке не было сделано никакой разработки, отбирало его в казну, не возвращая уплаченных денег, или передавало другому лицу. Если же отчуждение совершалось для надобностей государства, деньги возвращались.

В дальнейшем распоряжение землей правительство не вмешивалось и предоставляло наследовать, дарить и отчуждать это право пользования, не переводя его в право собственности. Оно устанавливало лишь контроль над этим переходом и возвращало в казну выморочные участки. Давностное владение по турецкому праву также существовало, и для него принимался такой же десятилетний срок, как у нас, но вся разница с новым укреплением участка заключалась лишь в том, что казна

взыскивала не всю сумму “тапу”, а 5 процентов от нее за акт укрепления.

С присоединением к России было введено военно – народное управление и удержано все прежнее гражданское и аграрное законодательство. Наряду с местными судами из туземцев, руководствовавшимися обычаем и турецким правом, начали свою деятельность русские суды с применением нашего свода законов и наших гражданских постановлений. В то же время началось выселение не желавших оставаться в русском подданстве мусульман-земледельцев, культурные земли которых явилась необходимость выкупать. С другой стороны, явилось много желающих приобрести земли и уж, конечно, не по праву эрази-мирие, а в полную собственность. Началась горячка с приобретением и продажей земель посредством разных крючкотворных уловок.

Окончательно затемнили дело и запутали все отношения русские окружные суды округа Тифлисской судебной палаты и нотариальные учреждения. Эта судебная палата признала, что положение 26 октября 1884 года не ограничивает приобретения прав собственности по давностному владению и этим своим постановлением открыла возможность устанавливать частную земельную собственность там, где ее никогда не существовало. Путем разных натяжек и крючков множество лиц, купивших земли у туземцев, оформили их за собой судебными решениями, получили исполнительные листы и ввелись во владение, а между тем казенное управление и местная администрация продолжают считать все эти акты незаконными и самое владение простым самовольным захватом.

Таким образом и земли Соловцова, и земли, скупленные К. С. Поповым и другими владельцами, являются спорными и будут таковыми до тех пор, пока не разрешится принципиально вопрос о землевладении. Нечего и говорить, до какой степени такой порядок мешает культуре. Соловцов не может добиться кредита на свое дело на том основании, что его земля не принимается в обеспечение. Попову, приготовившему плантации под посадку чая, администрация вдруг запретила было эти посадки. Словом,

никто не считает своего положения прочным, никто не чувствует почвы под ногами, вооруженный даже такими документами, как данные окружного суда и вводный лист.

Еще в конце 1894 года заседавшее особое совещание “по вопросам о способах и порядке укрепления прав казны и частных лиц на земли в Карской и бывшей Батумской областях” пришло к следующим заключениям:

1. Приобретение недвижимых имуществ по давностному владению в Карской и бывшей Батумской областях не могло иметь места по отношению как к туземному, так и к пришлому населению.

2. Все состоявшиеся решения судебных учреждений по этому предмету подлежат пересмотру в ревизионном порядке особой административной комиссии, об учреждении которой и о предоставлении ей широких для этой цели полномочий надлежит войти с ходатайством в установленном порядке.

3. Все внегородские земли в этих областях, кроме вакуфных и мюлькадарных, если таковые окажутся, должны быть признаны собственностью государства при условии сохранения за населением права пользования государственными землями на прежних основаниях.

Таким образом, согласно решению совещания, предлагается уничтожить более 200 судебных актов, на основании которых укреплены земли за разными лицами, уже сделавшими известные затраты на их обработку, и решения судебных учреждений, окончательные и вошедшие в законную силу, отменять путем административной ревизии.

Если подобное, признаемся откровенно, весьма странное решение вопроса осуществится, достоинство русского суда будет несомненно скомпрометировано. Да и для чего все это делать? Допустив даже, что в число этих 200 новых владельцев пробрались элементы нежелательные, не лучше ли, признав вместе с совещанием, ряд сделанных ранее ошибок и устранив на будущее время возможность этих ошибок, не переделывать уже сделанного?

А главное, следует обратить особенное внимание на то, чтобы принципиальные вопросы землевладения, разрешаемые крайне медленно, не тормозили развития культуры в присоединенных областях. Собственность так собственность, аренда так аренда, но важно, чтобы собственники или арендаторы знали, наконец, свое положение и могли спокойно работать, а не бегать по судам.

XXVII. В Салибауре у К. С. Попова

Наконец я сподобился увидеть и московского коммерсанта Константина Семеновича Попова и получить от него разрешение осмотреть его чайные плантации. Разговор наш был весьма характерен. Я имел двойную причину возбуждать недоверие и даже злобу господина Попова: с одной стороны, как публицист, с другой – как чиновник Министерства земледелия.

Очевидно, господину Попову приходилось до сих пор иметь дело только с московскими публицистами новой формации, наводящими панику на почтенных людей на страницах “Московского Листка”, “Новостей Дня”, “Русского Листка” и тому подобных изданий. Должно быть солоно приходились ему эти господа, так же, как и местные агенты бывшего Министерства государственных имуществ здесь, в Батуме.

Вы только представьте себе: затратил человек огромные деньги, купил три имения, расчистил и приготовил плантации – их не позволяют засаживать, земля оказывается спорная! Показывает господин Попов данную окружного суда, вводный лист, документы, считающиеся бесспорными и законными. Увы! Местная администрация их не желает знать и объявляет с улыбкой, что земли все-таки казенные и что эти документы выданы по недоразумению и должны быть уничтожены.

Такие речи могут самого смирного человека довести до бешенства, и вот почему, между прочим, господин Попов смотрит волком на каждый зеленый околыш, видя под ним личного врага себе и своему делу.

– Это, господа, стыд и срам, – говорил мне К. С. Попов. – Человек затеял первый в России одно из важнейших предприятий, имеющих огромную будущность для края, а его вместо того чтобы помогать, травят.

Я старался уверить обиженного коммерсанта, что это недоразумение, что самая цель поездки нашей экспедиции – разрешение в справедливом и национальном смысле именно важнейших здешних вопросов; что министерство на здешние дела смотрит совсем иными глазами, чем здешняя администрация, что главнейший из ее представителей в этом углу Кавказа, особенно теснивший русский элемент, – уже принципиально “убран”, господин Попов долго не мог победить своего справедливого недоверия к русским чиновникам и русской печати.

– Да и что у меня описывать? Любопытного, право, ничего нет. Чая мы делать еще не начинали, а только производим посадки и постройки, китайцев вы, я думаю, видали; ей-Богу, смотреть у меня нечего.

– Мне очень неловко настаивать, – продолжал я, – Но, ведя мой путевой журнал по возможности полно и подробно, я должен буду чем-нибудь объяснить, почему я не рассказал о самой важной из всех здешних культур – о вашем чае. Ведь я же не выхвачу никаких ваших секретов, а запишу только то, что мне скажут.

Этот аргумент подействовал, и К. С. Попов поручил своему уполномоченному К. Ф. Лычагову показать мне чайные плантации и дать объяснения, какие тот сочтет возможными.

Не откладывая дела в долгий ящик, господин Лычагов предложил мне осмотреть главные плантации теперь же, благо погода стояла чудесная, а Попов, занятый совещаниями с тремя привезенными им не помню уж, техниками, или другими представителями либеральных профессий, в Лычагове не нуждался.

Мы взяли одного из прекрасных батумских извозчиков парой в фаэтоне (надо заметить, что на юге и на Кавказе везде извозчики русские на отличных парных фаэтонах и с превосходными лошадьми) и поехали за город на дачу

Салибаур, представляющую главную чайную плантацию и резиденцию К. Ф. Лычагова. Экспедиция наша здесь не была, а осматривала плантации К. С. Попова на Чакве.

– Объясните мне, пожалуйста, странное поведение вашего хозяина, – просил я.

– Очень уж зол он на здешние порядки. Судите сами. Купили мы здесь три имения по очень дорогой цене. Послал Попов экспедицию в Китай – достать и привезти чайных саженцев и семян и нанять китайцев, знающих обработку чая и устройство плантаций. Мы должны были покупать саженцы внутри страны, высаживать их в особые стеклянные ящики и грузить на барки, чтобы вывезти по реке к морю. Началось с того, что об этой покупке узнали китайские власти и начали нас преследовать. Доходило до формальных сражений, причем нам утопили барку и погубили множество кустов. Наконец, с грехом пополам погрузили мы и чай, и китайцев на пароход. Здесь, в Батуме, плантации были уже приготовлены. Платили за смешную работу баснословные деньги. Приходит пароход сюда. Выгрузили. Вдруг с одной стороны делает препятствие таможня и под предлогом филлоксеры не выпускает наших ящиков, с другой Гамрекелов (местный управляющий государственными имуществами) не дает садить, потому что земля, по его мнению, казенная, и документы, нами выправленные, недействительны. Начинаются споры и переговоры. Заметьте, что чай – растение крайне нежное, и откладывать нельзя ни минуты. Предлагают ящики дезинфицировать известью, после чего, разумеется, не уцелело бы ни одного кустика. Шлем мы повсюду телеграммы, жалуемся, вопием и кое-как спасаем жалкие остатки от привезенных саженцев.

Затем начинается другая история. Чуть не весь город бежит к нам на Салибаур смотреть, что мы делаем. Все только и говорят о чае. Готовы тихонько ночью выкрасть у нас кусты. Вот почему Константин Семенович и распорядился не пускать на плантацию никого. Посудите сами: сделаны громадные затраты. По нашему образцу теперь ничего не стоит развести дело. Кому же охота тратиться на других?

Салибаур – чрезвычайно живописное место. Небольшой домик управляющего расположен на высоком холме, командующим над окружающей его почти кольцеобразной котловиной, за которой возвышаются в беспорядке другие холмы, покрытые густым лесом. Дорога от города направляется к старой, еще турками построенной крепости, которую наше военное управление тщательно отделяет, вооружает и поддерживает; затем шоссе кончается, и через несколько сот сажень начинается собственная дорога К. С. Попова, проложенная до самой плантации отчасти по чужой, а затем по своей земле. Дорога эта отлично шоссирована и представляет непрерывный подъем зигзагами, отчасти высеченный в камне.

Почва здесь, по словам К. Ф. Лычагова, очень похожая на китайские чайные почвы, весьма своеобразна. Под неглубоким сравнительно слоем дернины начинается крепкий красноватый камень, который нужно рубить киркой. Но довольно этой породе побыть немного времени на воздухе, чтобы она совершенно размягчилась и начала обращаться в глину. Лучше всего это заметно на откосах дороги.

Поднимаясь все выше и выше, мы достигли сначала большого скотного двора, построенного на полугоре. Затем начались чайные плантации, разбросанные по скатам. Еще несколько поворотов – скотный двор уже очутился под нашими ногами, – и мы остановились у крыльца.

Вид, открывающийся отсюда, поистине великолепен. Безбрежное море, глубоко внизу под нами Батум, вечно окутанный черным дымом, с огромным лесом мачт у пристани и непрерывно снующими огромными пароходами; вокруг, насколько хватает глаз, заставшее темно-зеленое море холмов один другого причудливее по очертаниям. На этих холмах пока не видно ничего, кроме почти девственных лесов. А между тем, все эти великолепные чайные, оливковые, лимонные и апельсиновые земли. Разрешите наше правительство своевременно здешний земельный вопрос да помощи переселению сюда русского культурного элемента – эта огромная область вскоре по присоединении успела бы уже

обратиться в настоящий земной рай. А теперь это пустыня, и долго еще обречено быть ей пустыней, вплоть до тех пор, пока вместо нынешних комиссий, не выходящих из области вопросов “принципиальных”, то есть, в сущности, чисто бумажной отписки, возьмутся за дело живые люди, способные разрешить живым путем живые вопросы...

Любопытная особенность здешнего климата заключается в том, что внизу, на уровне моря или на небольшой над ним высоте, растительность беднее и хуже, чем на окружающих холмах, хотя, казалось бы, нужно ожидать обратного. Вот почему и для чайных плантаций выбраны преимущественно возвышенные места.

На площадке, где стоит домик, идет спешная земляная работа. Срывают другой небольшой холмик, примыкающий к первому, и получаемой землей засыпают седловину между холмами. Когда эта работа будет кончена и площадка вырублена, начнут строить дом и службы.

Вся котловина обращена уже под плантацию и засажена или засаживается чаем, скаты еще сохранили немного леса, и этот лес теперь расчищается.

Трудно даже представить себе, что это за работа. Стоит огромное буковое или дубовое дерево диаметром внизу сажени полторы. У него обрублены уже ветви и подрублены широко разошедшиеся корни. Но как уничтожить самое дерево? Топор его не берет, потому что оно старо и твердо, как камень. Динамит его только колет, но не опрокидывает. Пилы, чтобы его распилить, невозможно найти. Наконец, даже повалив это дерево, не знаешь, что с ним сделать? Сжечь – не горит, сыро. Оттащить – нужны целые механические приспособления. Расколоть – нельзя, никакой инструмент не берет. И вот эти обугленные и изуродованные гиганты, считающие, быть может, по 400–500 лет, валяются около дороги или загромаждают овраги, и десятилетия пройдут, пока они сгниют или источатся червями.

На плантациях, отделанных на славу, мы нашли несколько китайцев, в синих кофтах, белых, высоких башмаках и с длинными жесткими косами, высывающимися из-под

шапочек. Иные окончательно заделывали гряды, другие сеяли чайные семена и закрывали их граблями.

Молодых насаждений еще немного. Плантация не имеет еще и двух лет, а потому саженцы своего посева имеются только годовалые. Только маточные кусты окончательно размещены, и за ними ухаживают с величайшей заботливостью. Около каждого кустика вбит колик с белой крашеной табличкой и номером. Каждый кустик занесен в журнал под своим номером, где и пишется вся его биография. Дело в том, что сортов чая добыто Поповым из различных мест Китая и Индии до 20, и необходимы особенные наблюдения над каждым. Очень много кустов засохло в дороге, но высадили их в грунт все в надежде, что многие еще оживут. Так и вышло, и на здешней благодатной почве казавшиеся даже совсем уже погибшими кусты дали побеги.

Я поинтересовался привезенными Поповым китайцами, и Константин Федорович проводил меня к их двум главарям. Это совершенно еще молодые люди, из хороших семей, получившие, как говорил мой спутник, высшее по-китайски образование и захватившие с собой своих молоденьких жен. У одной из них только что перед моим приездом, родилась девочка, и мать была еще в постели. Счастливый отец по этому случаю настоял, чтобы мы в честь новорожденной выпили у него по бокалу шампанского.

Старший из двух, которого зовут Лао-Джин-Джо, говорит уже несколько слов по-русски, но другого языка, кроме китайского, не знает. Если бы не К. Ф. Лычагов, разговаривать с ним было бы невозможно. Любопытнее всего, что мужья и жены говорят на разных наречиях. Лычагов свободно разговаривает с мужьями на "литературном" кантонском наречии и гораздо хуже понимают его дамы, говорящие на простонародном пекинском.

Показала нам госпожа Лао-Джин-Джо свою ножку, очень мило при этом краснея и улыбаясь. Ножка эта так изящна, вернее, так безобразна, что ходить на ней нельзя, а можно только слегка прыгать. Это собственно не ножка, а недоразвившийся большой палец и атрофированная пятка.

Вообще, китаянка существо совершенно бесполезное, и кроме удивительно тонких женских работ, вроде плетения кружев или вышивания шелком, ровно ничего делать не может. Она не может даже никуда выйти. Ей нужно за что-нибудь держаться, чтобы сделать несколько шагов.

Угостили нас настоящим китайским чаем, очень дорогим, привезенным специально для китайцев К. С. Поповым. Черный они готовят для нас, но сами его не пьют.

Лао-Джин-Джо и его товарищ занимают небольшой домик, состоящий из двух отдельных квартир. Ходит за их женами старушка-русская, Бог ее знает, как ухитряющаяся с ними разговаривать. Впечатление все виденные нами трое производят очень милое. У Лао-Джин-Джо открытая физиономия, большой лоб, красивые глаза, выражающие ум и энергию, и отличные белые зубы. Говорит он отрывисто, с характерными жестами, и вся его фигура оживляется. Товарищ его, более молчаливый и спокойный, слушает и улыбается. Молодая дама, по-нашему, существо довольно безобразное, на китайский взгляд очень красива. Она напоминает какую-то птичку, запертую в клетку, и на ее лице виден отпечаток грусти. Это тоска по родине, у мужчин почти незаметная.

Китайский язык очень звучный и красивый, но бедный, так что приходится сильно помогать жестами и пространно толковать довольно простые понятия.

Старшие получают 80 и 60 долларов в месяц и живут очень скромно, копя деньги для возвращения на родину.

Обыкновенные работники получают 20 и 30 долларов и живут в особом отделении общей казармы.

Мы провели у К. Ф. Лычагова на плантации около двух часов. Больше осматривать было нечего. Чайную фабрику только еще начинают строить. На том же извозчике я отправился домой и на следующий день выехал по железной дороге в Тифлис, чтобы присоединиться к экспедиции.

Осмотр Черноморского побережья в его главных культурных проявлениях был на этом закончен.

ПРИМЕЧАНИЯ

Подготовка текстов к изданию осуществлено АНО “Институт русской цивилизации”. В библиографической работе участвовал А. Я. Алексеенок.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ СЛАВЯНОФИЛОВ

Публикуется по тексту сочинения Сергея Шарапова. Т. VIII. Через полвека. Фантастический политико-социальный роман. Часть I. Москва, 1902. С. 17–28 с незначительными сокращениями.

КАК ОДОЛЕТЬ СМУТУ И УКРЕПИТЬ РОССИЮ

Публикуется по кн. Лев Семенов. Диктатор. Политическая фантазия. Изд. 2-е. М., 1907; Лев Семенов – один из псевдонимов С. Ф. Шарапова;

Лев Семенов. Иванов 16-й и Соколов 18-й (Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”), М... 1907;

Лев Семенов. У очага хищений (Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”). М., 1907;

Лев Семенов. Кабинет диктатора (Завершение “Диктатора”). М”1907.

СОЦИАЛИЗМ И ЕВРЕИ

Публикуется по: Социализм как религия ненависти. М., 1907. Еврейский вопрос. “Русский труд”, № 20, 15 мая 1899. С. 1–3.

СЛАВЯНОФИЛЫ В ЭКОНОМИКЕ

Публикуется по кн. Талицына (Сергея Шарапова). Бумажный рубль. Его теория и практика. СПб., 1895. С. 71–101 (с сокращениями).

РОССИЯ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Публикуется по: По Черноморскому побережью. М., 1896.

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Проект Олега ПЛАТОНОВА

Серия самых выдающихся книг, рассказывающих о борьбе русского народа с силами мирового зла, сионизма и масонства, выходит в издательстве “Алгоритм”

Аксаков И. С. Русские и евреи

Башилов Б. Русская правда

Бутми Г. В. Кабала или свобода

Глазунов И. С. Христос ходил по снегу

Жевахов Н. Д. Еврейская революция

Иванов В. Ф. Русский мир и масонство

Ильин И. А. Национальная Россия

Кунаев С. Ю. Моя борьба

Марков Н. Е. Лики Израиля. Войны темных сил

Меньшиков М. О. О врагах России

Нилус С. А. Царство антихриста. “Близ есть, при дверех...”

Осипов В. Н. Записки славянофила

Тихомиров Л. А. Битва за Россию

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов

Шафаревич И. Р. Русофобия

Шевцов И. М. Бородинское поле

Шмаков А. С. Еврейские речи

1 Шарапов С. Ф. Сочинения. М., 1900. Т. 1. Ч. 1. С. 32.

2 Шарапов С. Ф. Указ. соч. С. 36.

3 Шарапов С. Ф. Указ. соч. С. 8.

4 Шарапов С. Ф. Указ. соч. С. 16–17.

5 Русское дело, 1889, № 6.

6 Шарапов С. Ф. Самодержавие или Конституция. М., 1908. С. 96.

7 Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. Т. 3. С. 708.

8 Там же. С. 765.

9 Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. Т. 3. С. 738–739.

10 1 рубль кредитный был приравнен к 66,6 коп. золотом.

11 А быть может, даже и перед принудительным половым общением. В социальной литературе на это есть намеки.

12 Знаменитое его изречение: “Государь не нуждается в кредите, он его создает...” – *Авт.*

13 Основав, например, новые предприятия, обусловленные новой линией.

14 К несчастью, и этого нет. Биржа так жадна, капитал так бессердечен, что наряду с непомерными богатствами Ротшильдов и других, пролетариат во Франции, Англии, Германии и повсюду страшно беден и фактически голодает.

15 Начало этого роста уже есть. Любопытный факт: в 1890–1992 годах выселяли из Москвы множество мелких, в большинстве безвредных, евреев-ремесленников, а о Лазаре Полякове никто и не заикнулся. А еще недавно Самуил Поляков домогался баронства Российской Империи.

16 Любопытный вывод этот осуществляется иногда раньше, чем для него вполне настало время. Возьмем, например, наших Третьяковых, давших России прекрасную национальную галерею. Возьмем американцев: Лика, давшего средства на постройку великолепной обсерватории, или Станфорда-старшего, основавшего богатейший в мире университет на Пало Альто в Калифорнии. Не много нужно просвещения и патриотизма, чтобы делать даже огромные пожертвования на пользу своей родины, если богачу некуда иначе девать свои деньги и если не строить обсерваторий и картинных галерей, то кроме битья дорогих зеркал и посуды ровно ничего не придумашь.

Когда посредством системы абсолютных денег у капитала будет отнята всякая политическая власть, миллионеру в самом деле ничего иного не останется, как то или другое

меценатство, и здесь он будет вне конкуренции с государством; тогда быстрое обогащение единиц станет для страны поистине благодеянием, а для самих богачей высшей нравственной наградой за их предыдущий труд в виде возможности делать высшее добро, не всегда доступное монархам.

17 Он может вместить единовременно 3 миллиона пудов зерна. По объему сеть чикагских элеваторов вмещает больше, но тамошние элеваторы принадлежат разным компаниям и каждый в отдельности меньше новороссийского, почему последний и нужно считать в эту минуту наибольшим на свете. – *Авт.*

18 См. мои письма “Десять дней на Афоне”. Сочинения, т. II.

19 Подробности смотри в моей книге “По русским хозяйствам”. М., 1893.

201/12 десятины.